

**«Русские книги» из Галле
в дискурсе формирования
русского литературного языка нового типа**

(на примере перевода Симеона Тодорского «Писанію свѣтлоꙋ согласꙋющеꙋ
НАСТАВЛЕНІЄ къ истинноꙋ ПѢЗНАНІЮ и дꙋшеꙋспасителноꙋ оꙋпотреꙋленію
страдания и смерти господа и спасителя нашеꙋ **ИСОУСА ХРИСТА**
САЩЖЕННОꙋ Анастасіємꙋ проповѣдникомꙋ божіа слова», Галле 1735 / Johann
Anastasius Freylinghausen „Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkänntniß und heilsamen
Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi“, Halle 1715)

Dissertation

zur Erlangung des
Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.)

vorgelegt

der Philosophischen Fakultät II
Institut für Slavistik und Sprechwissenschaft
der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg,

von Frau Tatjana Chelbaeva
geb. am 30.08.1972 in Karpinsk, Russland

Erster Gutachter: Prof. Dr. phil. habil. Swetlana Mengel
Zweiter Gutachter: Prof. Dr. phil. habil. Gabriela Lehmann-Carli

Tag der Verteidigung: 29. Januar 2015

Содержание

Предисловие.....	5
Введение.....	6
1. «Литературный», «письменный» или «стандартный» язык. – Модели описания феномена и определение терминологии.....	11
1.1 Standard language – стандартный язык как основная форма существования общенародного этнического (национального) языка.....	12
1.1.1 Основные признаки и модели описания стандартного языка.....	15
1.1.2 Трехступенчатая модель описания языка-стандарта.....	18
1.1.2.1 Первая ступень: социолингвистический уровень.....	19
1.1.2.2. Вторая ступень: социокультурный уровень.....	20
1.1.2.3. Третья ступень: государственно-политический уровень.....	23
1.2 Синонимия и неупорядоченность терминологии при описании истории стандартного языка.....	25
1.2.1 Особенности употребления терминов «литературный», «письменный», «книжный», «стандартный» язык, «высокий язык» и «язык культуры» в истории языкознания.....	25
1.2.2 Различные теории развития русского «литературного» языка и их терминология.....	28
1.3 Комплексная модель описания развития «русского литературного языка нового типа» как стандартного языка.....	37
2. «Русский литературный язык нового типа». – Предпосылки его возникновения и условия формирования в России в первой половине XVIII-го века.....	40
2.1 Особенности развития русского письменного языка в XI-XVII веках.....	40
2.1.1 Корпус текстов русского письменного языка XI-XVII вв.....	40
2.1.1.1 Церковнославянский язык – язык культуры. Корпус текстов.....	40
2.1.1.2 Язык деловой письменности и ее тексты.....	42
2.1.1.3 Летописи. «Смещение» двух вариантов письменного языка.....	42
2.1.1.4 Языковая ситуация в Великом Новгороде как частный случай.....	44
2.1.2 Особенности нормы русского письменного языка XI-XVII веков.....	45
2.1.2.1 Норма церковнославянского языка и ее вариативность.....	47
2.1.2.2 Нормативность текстов деловой письменности.....	53
2.1.2.3 Обобщающие выводы о практике нормирования.....	56
2.2 Культурно-языковая ситуация в России к началу XVIII-го века.....	57
2.2.1 Политические условия для формирования русского «литературного языка нового типа», необходимость его появления. – Государственные реформы Петра I.....	59
2.2.1.1 Манифест Петра I о приглашении в Россию иностранцев.....	61
2.2.1.2 Указ о создании светских школ.....	63

2.2.1.3 Указ о переводах научно-учебной литературы.....	67
2.2.1.4 Издание светской периодики.....	70
2.2.2 Социолингвистические и социокультурные предпосылки для возникновения русского литературного языка нового типа.....	71
2.2.2.1 «Гибридные» тексты или церковнославянские тексты со «сниженной» нормой в сфере языка культуры.....	71
2.2.2.1.1 Переход генетических различий между церковнославянским и русским языками в различия функциональные и их отражение в норме текстов на «простом» языке.....	77
2.2.3 Наличие предпосылок для возникновения языка-стандарта в России в первой трети XVIII века.....	79
3. Распространение «истинного христианства» на «простом» народном языке – один из основных постулатов пиетизма из Галле.....	81
3.1 Переводческие проекты А.Г. Франке и его единомышленников.....	83
3.1.1 Теоретическое обоснование необходимости перевода Библии на «понятный» простому верующему язык. Трактат «Начало христианского учения».....	86
3.1.2 Практические меры по осуществлению проектов. Взгляд на Восток.....	89
3.1.2.1 Collegium orientale theologicum.....	89
3.1.2.2 Typographia orientalis et exotica.....	91
3.1.2.3 Переводы на славянские языки.....	93
3.2 „Die russische Mission.“ – Поле деятельности А.Г. Франке и его единомышленников в России.....	94
3.2.1 Разветвленная сеть деловых, религиозных и личных связей. – Подготовленный медиум для распространения текстов «истинного христианства».....	94
3.2.2 Изготовление «русских» переводов и их издание в Галле.....	100
3.2.2.1 Религиозно-лингвистическая дилемма при изготовлении «русских» переводов.....	106
3.2.2.2 Лингвистические воззрения единомышленников А.Г. Франке относительно «простого» русского народного языка.....	107
3.2.2.2.1 « <i>Grammatica Russica</i> » Г.В. Лудольфа. Деятельность Лудольфа как инициатора немецко-русских связей.....	111
3.2.2.2.2 « <i>Grammatik der russischen Sprache</i> » Й.Э. Глюка и «Славяно-русская грамматика» И.В. Пауса.....	118
3.3 Переводчик Симеон Тодорский.....	124
4. Анализ перевода Симеона Тодорского « Писанію свѣтомъ согласѹющеся НАСТАВЛЕНІЕ кз истинномъ ПОВЗНАНІЮ и дѹшеспасителномъ употребленію страдания и смерти господа и спасителя нашего ИСХУСА ХРИСТА БЛАЖЕННЦЕ Анастасіемз проповѣдникомз божия слова ».....	138

4.1 Критерии, задачи и методы анализа.....	141
4.2 Оригинал и его переводы в сравнении.....	145
4.2.1 Йоханн Анастасий Фрайлингхаузен (1670-1739) как автор оригинала.....	146
4.2.2 Сравнение текста оригинала и латинского перевода Гришова как вспомогательный элемент для анализа «русского» перевода Тодорского.....	148
4.2.3 Сравнение формального построения текста оригинала и «русского» перевода Тодорского.....	155
4.2.4 Сравнение немецкого оригинала и его «русского» перевода с точки зрения техники перевода: выборочный анализ.....	160
4.2.5 Выводы.....	167
4.3 Лингвистический анализ «русского» перевода Тодорского.....	168
4.3.1 Лингвотекстологический анализ текста.....	170
4.3.2 Системно-лингвистический анализ текста.....	173
4.3.2.1 Графика текста: фонетико-графический уровень.....	173
4.3.2.2 Грамматика текста: морфологический уровень.....	185
4.3.2.2.1 Анализ употребления форм прошедшего времени.....	186
4.3.2.2.2 Анализ употребления форм двойственного числа.....	230
4.3.2.2.3 Рассмотрение употребления форм инфинитива и форм глагола 2-го лица единственного числа настоящего времени.....	232
4.3.2.3 Грамматика текста: синтаксический уровень.....	233
4.3.3 Выводы.....	242
5. Заключение и перспективы дальнейшего исследования переводов Тодорского.....	243
6. Список литературы.....	251
7. Источники и архивные материалы.....	269
8. Список таблиц, диаграмм и рисунков.....	270
9. Приложения	
<i>Приложение 1. Список книг, найденных Д.И. Чижевским.....</i>	<i>272</i>
<i>Приложение 2. Копия страницы из сборника Лупения 1682 г.....</i>	<i>275</i>
<i>Приложение 3. Копии из экземпляра перевода Тодорского, хранящегося в Москве.....</i>	<i>276</i>
<i>Приложение 4. Из латинского перевода Гришова.....</i>	<i>277</i>
<i>Приложение 5. Текст перевода Тодорского.....</i>	<i>284</i>

Предисловие

В предисловии я хотела бы поблагодарить всех, кто оказывал мне поддержку и помощь в написании данной исследовательской работы.

Особую и искреннюю благодарность выражаю своему научному руководителю и наставнику, проф. Светлане Анатольевне Менгель, которая курировала работу на протяжении всех лет и оказывала незаменимую поддержку и помощь полезными советами, ценными идеями, направляла меня, а также заряжала неутомимой энергией и мотивацией при написании диссертационного исследования.

Хотела бы выразить благодарность проф. Габриеле Леман-Карли, которая, как второй оппонент, своевременно была готова помочь.

Искренне благодарна всем коллегам семинара славистики университета им. Мартина Лютера Галле-Виттенберга за поддержку и понимание при написании работы. Д-р Хильмар Пройс всегда оказывал быструю и плодотворную помощь при корректуре немецких текстов.

Особую признательность выражаю проф. Кристе Флекенштайн за ценные консультации и направляющие положения по тематике работы.

Выражаю признательность также библиотеке Архива Франке при университете им. Мартина Лютера за поддержку и своевременную помощь при поисках и изготовлении копий документов.

Сердечно благодарю своих родных и близких за помощь и поддержку во время создания работы.

Галле, февраль 2016 г.

Введение

Как «русские книги» («russische Drucke») из Галле международному славистическому сообществу известны сегодня переводы немецкой душевспасительной литературы (около 2000 страниц, ср. Mengel 2000, 170; Mengel 2010, 21 сл.), выполненные студентом университета в Галле Симеоном Тодорским (1701-1753) в период с 1729 по 1735 гг. и напечатанные тогда же в Галле в типографии Сиротского Дома, основанного Августом Германом Франке (August Hermann Francke, 1663-1727). Под этим названием («russische Drucke») основной корпус переводов Тодорского ввел в научный обиход Дмитрий Иванович Чижевский (1894-1977) в конце 30-х годов XX века (Šyževskýj 1938; 1939/40). Позднее тот же корпус он называет «украинские книги» («українські друки», Чижевський 1943).

Будучи сотрудником кафедры славистики в университете в Галле с 1932 по 1945 годы, Чижевский интенсивно занимался изучением архива А.Г. Франке, в частности, сохранившимися изданиями на славянских языках, среди которых и обнаружил «анонимные» переводы. Хотя авторство Тодорского как переводчика некоторых из найденных в Галле «русских книг» было уже установлено и известно в научной литературе (ср. Пекарский 1862; Щукин 1899), безусловной заслугой Чижевского является выявление Тодорского как автора переводов, ранее не указанных в библиографиях по литературе XVIII века, путем кропотливой работы с дневниками, письмами, счетами, заметками на полях книг и другими документами того времени (ср. новые сведения в Вукова 1966; Менгел/Челбаева 2003; Mengel 2005). Роль Чижевского как выдающегося ученого, вновь открывшего в Галле, по его словам (с которыми безусловно следует согласиться), «забытую главу славянской филологии», невозможно переоценить.

Языковой стороне обнаруженных переводов, выполненных в своё время по заказу пиетистов из Галле в рамках их «русской миссии», предполагающей распространение «русских книг» в России (см. 3.2), Чижевский не придавал первостепенного значения и не занимался их специальным лингвистическим или текстологическим анализом. Не будучи лингвистом, после общего ознакомления с текстами он указал на наличие в них, по его мнению, фонетических «украинизмов» и, обратившись далее исключительно к лексике – которая в данных видах текстов безусловно принадлежит сакральной сфере, т.е. является церковнославянской, – пришел к выводу, что переводы сделаны на «церковнославянский язык украинской редакции» (Šyževskýj 1938; 1939/40). Анализ морфологических особенностей и синтаксических структур не производился. Тот факт, что Тодорский (как и сам Чижевский, что, кажется, тоже повлияло на его заключение) был родом с Украины, позволил ученому не только утверждать, что язык переводов однозначно является «церковнославянским украинской редакции», но и называть «русские книги» из Галле параллельно «украинскими книгами» (см. выше). Не отрицая заслуги Чижевского в плане выявления значения переводов Тодорского в широком контексте истории украинской литературы и философии (Чижевский 1941), следует, однако, признать, что его выводы в языковедческом плане с точки зрения достижений современной лингвистической науки в изучении истории русского языка представляются, как минимум, поверхностными (хотя, очевидно, и допустимыми в соответствии с развитием научной мысли в его время).

Тем не менее публикации Чижевского и его неоспоримый авторитет как ученого способствовали созданию на долгие годы устоявшегося мнения, что язык переводов Тодорского – «церковнославянский украинской редакции». Без опоры на какие-либо самостоятельные лингвистические изыскания это мнение в течение более чем полувека и по сей день «по традиции» поддерживается практически всеми исследователями,

обращающимися к «русским книгам» из Галле. Оно представлено в работах известного историка Эдуарда Винтера, посвященных развитию отношений между Германией и Россией в XVIII веке, в том числе и в его фундаментальном энциклопедическом труде о Галле как исходном пункте возникновения этих отношений (Winter 1953; 1956; 1958), в статье менее известного языковеда Петера Кирхнера (Kirchner 1956) и в настоящее время в книге теолога Штефана Райхельта (Reichelt 2011).

Сложившаяся ситуация привела к тому, что переводы Тодорского до настоящего времени остаются практически неизученными в лингвистическом плане (ср. Freybank 1993), а устоявшееся мнение Чижевского по поводу их языка базируется не на детальном научном анализе текстов, а более на предположении или «первом впечатлении». В этой связи назрела острая необходимость всестороннего научного исследования переводов Тодорского с применением современных методов анализа и учетом достижений научной мысли последних лет.

В этом заключается актуальность предлагаемой научной работы.¹ Ее результаты предполагают по-новому представить лингвистическую и переводческую деятельность Тодорского и тем самым определить его возможный вклад в развитие русского литературного языка нового типа, сложившегося, как известно, во второй половине XVIII века. Выборочный анализ небольших по объему переводов Тодорского (ср. Mengel 2003; 2004 и др.) позволяет ожидать в этом плане положительных результатов.

Ограниченные рамки диссертационного исследования не дают возможности произвести детальный анализ всех переводов Тодорского, выполненных в Галле (около 2000 печатных страниц, см. выше). Этому могут и должны быть посвящены дальнейшие работы с использованием применяемой в предлагаемой диссертации методологии. Для экспликации анализа в рамках данной работы был выбран один из переводов Тодорского, второй по величине объема текста (231 печатная страница, формат 8°) и еще не привлекавшийся к исследованию – «**Писанію свѣтлѣмъ согласующеюся ПІСТАВЛЕНІЮ кз истинноу ПІЗНАНІЮ и дѣшеспасителнѣмъ оупотребленію страданіа и смерти господа и спасителя нашегѡ ІІСОУСА ХРИСТА СЛѢЖЕННОУ** Янастасіемъ проповѣдникомъ божіа лова », Галле 1735 / Johann Anastasius Freylinghausen «Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkäntniß und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi», Halle 1715 (214 печатных страниц, формат 8°). Кроме того, выбору именно этого текста как образца для лингвистического и текстологического анализа переводов Тодорского способствовали еще следующие специфические условия дискурса возникновения и распространения перевода, а также особенности его текстологического строения:

1) Немецкий оригинал И.А. Фрайлингхаузена был написан примерно за 20 лет (1714 г. – год выхода в свет первого издания) до создания его перевода Симеоном Тодорским (1735 г. – год публикации перевода). Автор «Schriftmäßige Einleitung» Фрайлингхаузен, зять А.Г. Франке, был непосредственным продолжателем дела своего тестя и учителя – вторым (после А.Г. Франке) директором Сиротского Дома и, соответственно, пламенным носителем идей пиетистов из Галле, в том числе и их представлений о «простом» языке религиозных произведений «истинного христианства», который должен быть понятным всем верующим (в том числе и

¹ Косвенным, но важным фактором для данного исследования является и факт, что хранящиеся в архивах книги, письма и др. документы подвержены порче – это касается не только бумаги, которая постепенно превращается в пыль, но и сырости, пожаров и исчезновения книг по разным причинам. Так как наши исследования большей частью базируются на архивных источниках, можно потерять их значительную часть, что станет негативным фактором. Многое, указанное, например, у Чижевского (точные указания с сигнатурой хранения в архивах университета), сегодня бесследно исчезло или под этой сигнатурой находятся другие произведения.

далеком от [академического] образования). Таким образом, Тодорский переводил современное произведение, написанное на «актуальной» версии немецкого языка и в соответствии с «лингвистическими» представлениями пиетистов.

2) Тираж издания перевода Тодорского нам не известен. Но известно, что книга была ввезена в Россию и получила там распространение, т.к. в центральных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга сохранились ее экземпляры (несмотря на запрет всех печатных книг из Галле в 1743 году указом императрицы Елизаветы). Заметки, сделанные в этих экземплярах, а также печати и экслибрисы библиотек, в которых они хранились ранее, позволяют сделать вывод, что книга получила распространение в России еще при жизни Тодорского (см. 4.2).

3) Строение текста перевода имеет важное значение для анализа его языка, т.к. позволяет выделить внутри текста, относящегося к душеспасительной литературе, три различных в языковом отношении вида или же подсорта текста. В соответствии с текстом оригинала перевод содержит (1) прямые цитаты из Священного Писания и (2) свободные библейские цитаты. Кроме того, он включает значительные по объёму части текста, содержащие (3) слова автора, дающие переводчику «свободу творчества». В соответствии с культурно-языковой ситуацией в России, сложившейся в первой трети XVIII века, и в рамках дискурса формирования русского литературного языка нового типа от переводчика Тодорского, который должен был (предположительно) придерживаться «лингвистических» устремлений пиетистов (см. выше), следует ожидать различных лингвистических стратегий в пределах трех выше названных подсортов текста.

4) Наличие латинского перевода „IO. ANASTASII FREYLINGHVSII, PASTORIS VLRICIANI ET GYMNASII SCHOLARCHAE, COMMENTATIO PASSIONIS AC MORTIS DOMINI ET SERVATORIS NOSTRI IESV CHRISTI. E GERMANICO IN LATINVM CONVERTIT ET INDICES ADIECIT IO. HENRICVS GRISCHOVIVS. HALBERSTADIENSIS. HALIS MAGDEBVRGICIS, IMPENSIS ORPHANOTROPHEI“ текста Фрайлингдауэна, выполненного Й.Г. Гришовым,² позволяет использовать перевод Гришова как вспомогательный компаративный элемент для лингвистического и текстологического анализа перевода Тодорского и с целью прояснения переводческих решений и лингвистических стратегий последнего.

Итак, основной целью предлагаемого исследования является лингвистический и текстологический анализ текста «**Писаниюъ свѣтоумъ согласующоесѧ Пѣствленіеъ къ истинномъъ Пѣзнаніюъ и дѣшеспасителномъъ оупотребленію страданія и смерти господа и спасителя нашегѡ Исоуса Христа Спасенноесѧ ѡнастасіемъ проповѣдникомъъ божіа слова**» для определения лингвистических стратегий переводчика Тодорского в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа.

Время создания анализируемого перевода связано не только с «мировой» – выходящей далеко за пределы Германии – религиозной и миссионерской деятельностью пиетистов из Галле, включавшей в себя «лингвистическую программу» распространения «истинного христианства» на «простом», понятном всем верующим языке, призванную охватить тексты как на немецком, так и на языках переводов, изготовлявшихся с миссионерскими целями. Это – время угасания в России функции церковнославянского языка как языка культуры и попыток создания в этой области текстов на «простом» русском языке, т.е. время поисков русского литературного языка нового типа и процесса его формирования. Представления о «простом» языке в обоих дискурсах далеко не идентичны, а с точки зрения функций церковнославянского языка

² Издано в сборнике 1735 г., см. Grischow 1735.

в религиозной сфере даже контраверсны (см. 3.2.2.1). Тем больший лингвистический интерес представляют собой переводческие решения и лингвистические стратегии Тодорского, а также значение его переводов немецкой душеспасительной литературы как возможного вклада в формирование русского литературного языка нового типа. В предлагаемом исследовании предстоит определить, на какой язык был сделан анализируемый перевод «*Schriftmäßige Einleitung*» Фрайлингхаузена. Был ли это «церковнославянский язык украинской редакции» (как считал Чижевский, см. выше), «классический» церковнославянский «строгой» или «сниженной» нормы (Ремнева 2003), т.е. так называемый «гибридный церковнославянский» (Живов 1988; 1996), близкий «простому» языку? Удалось ли Тодорскому в анализируемом переводе найти язык, понятный «простому» (русскому православному?) верующему в соответствии с представлениями пиетистов? Исследования относительно лингвистических воззрений Тодорского, появившиеся в последние годы (см. Mengel/Schorch 2011), помогают установить, что именно Тодорский мог считать «простым» языком и как его установки в отношении церковнославянского языка могли совпадать со стараниями пиетистов по созданию религиозных текстов на «простом» языке.

Диссертация состоит из четырех глав, посвященных последовательному решению ряда задач, необходимому для достижения цели исследования.

Глава 1 «*Литературный, «письменный» или «стандартный» язык. – Модели описания феномена и определение терминологии* посвящена определению феномена «литературный язык», под которым в современной лингвистике понимается основной вариант существования языка. В западноевропейской и американской лингвистической традиции для его обозначения используется термин *standard language, Standardsprache*. В русистике, в частности, российской, терминология для данного феномена, сформировавшегося как «русский литературный язык нового типа», неоднозначна и допускает использование нескольких терминов. В главе делается попытка упорядочения существующей терминологии в соответствии с различными теориями описания русского «литературного» языка. Особое внимание уделяется трехступенчатой модели описания стандартных языков (см. 1.1), предложенной Петером Редером (Rehder 1995) на основе описания современных стандартных языков, сформировавшихся (и формирующихся) на территории лингвистического и географического пространства бывшей Югославии. Обосновывается возможность применения этой (неизвестной русскоязычному читателю) модели для описания формирования русского литературного языка нового типа в первой половине XVIII века (см. 1.3).

В главе 2 *Русский литературный язык нового типа. – Предпосылки его возникновения и условия формирования в первой половине XVIII века* впервые делается попытка применения названной выше трехступенчатой модели описания для изучения истории русского литературного языка. В дискурсе культурно-языковой ситуации в России в начале XVIII века рассматривается наличие политических (см. 2.2.1), социолингвистических и социокультурных (см. 2.2.2) предпосылок для формирования стандартного языка, т.е. русского литературного языка нового типа. На основе корпуса текстов русского письменного языка XI-XVII веков (2.1.1) и имеющихся в этой связи научных исследований, выявляются признаки грамматической нормы (2.1.2) текстов церковнославянского языка и языка русской деловой письменности, рассматривается их взаимодействие в текстах летописей и их трансформация в «гибридных» текстах первой половины XVIII века (см. 2.2.2.1) – так называемых текстах на «простом» языке. Делается выборка основных морфологических и синтаксических нормативных признаков церковнославянского и русского языка, релевантных для лингвистического

анализа перевода Тодорского в его различных текстологических частях, определяемых тремя подсортами текста.

В главе 3 *Распространение «истинного христианства» на «простом» народном языке – один из постулатов пиетизма из Галле* рассматривается понимание «простого» языка в «лингвистической» концепции пиетистов и в дискурсе их миссионерской деятельности (см. 3.1). Принимается во внимание возможная синергетика неадекватного или лишь частично совпадающего определения этого понятия в обоих дискурсах – пиетистском дискурсе распространения «истинного христианства» на понятном каждому верующему народном языке и дискурсе формирования русского литературного языка нового типа. В этой связи особое внимание уделяется «русской миссии» пиетистов из Галле (см. 3.2) и, в частности, проблеме изготовления переводов религиозной литературы для российского читателя (см. 3.2.2). Специальный раздел посвящается переводчику Тодорскому (3.3).

Глава 4 *Анализ перевода Симеона Тодорского «Писанию святому согласующееся НАСТАВЛЕНИЕ к истинному ПОВЗНАНЮ и душеспасительному употреблению страдания и смерти господина и спасителя нашего ИСХУСА ХРИСТА БОЖИИ СЫНА Божия»* представляет собой проводимое впервые подробное исследование выбранного перевода Тодорского современными методами и приемами (ср. 4.1), применяемыми лингвистической наукой. Дигитализированный с помощью компьютерной программы текст перевода подвергается выборочному переводоведческому (см. 4.2) и опирающемуся на него лингвотекстологическому анализу (см. 4.3.1), позволяющему выделить в сорте текста «душеспасительная литература» отрезки, выявляющие три различных по содержанию и языковым признакам подсортов текста (см. выше). Последние маркируются тремя различными цветами на протяжении всего объема перевода (231 печатная страница). Полный текст перевода, соответственно маркированный цветами, представлен в *Приложении 5*. Переводоведческий и текстологический анализ проводятся с привлечением немецкого текста оригинала и текста латинского перевода Гришова. Специальный раздел посвящается Фрайлингхаузену и его произведениям (см. 4.2.1). Каждый из подсортов текста перевода Тодорского полностью подвергается системно-лингвистическому и компьютерно-лингвистическому анализу (см. 4.3.2) на морфологическом и синтаксическом уровне с целью обнаружения релевантных признаков грамматической нормы церковнославянского и/или «простого» русского языка в соответствии с выборкой релевантных нормативных признаков, сделанной в главе 2. Полученные результаты обрабатываются методом статистического анализа и наглядно представляются в таблицах и графиках, позволяющих на основе наличия и числа фиксаций соответствующих признаков грамматической нормы сделать выводы о языке определенного подсортов текста. С помощью компьютерно-лингвистического и статистического анализа проверяется наличие «украинизмов» на фонетическом уровне, на которые указывал Чижевский (ср. 4.3.2.1), а также на морфологическом уровне; оценивается их лингвистическая и функциональная релевантность. На примере анализа избранных отрывков текста перевода в их сопоставлении с текстом оригинала эксплицируются лингвистические стратегии и переводческие решения Тодорского в определенных подсортах текста (ср. 4.2).

В *Заключении* делаются выводы о языке исследованного перевода Тодорского в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа и вкладе переводов Тодорского в формирование этого феномена в первой половине XVIII века; намечаются перспективы дальнейших исследований, обосновывается их необходимость.

1. «Литературный», «письменный» или «стандартный» язык. – Модели описания феномена и определение терминологии

Язык – это многоуровневая система знаков, в которой отдельные части органически связаны между собой и в которой отдельные элементы при взаимодействии образуют новые качества. Функционирование этих элементов подчинено определенным законам и служит для коммуникации в обществе. Именно общество является внешним и, пожалуй, самым важным мотивирующим фактором, благодаря которому развивается язык. Как только люди начали объединяться в группы, возникла необходимость в общении, в осмысленной человеческой речи.

«Язык есть чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов. [...] Дар речи и упорядоченного языка характеризует все известные человеческие общности. Нигде и никогда не было обнаружено ни одного племени, которое не знало бы языка, и все утверждения противного – не более как сказки.» (Сепир 1993, 31).

Любой язык образуется сначала в устном виде, письменная форма появляется позже, на определенном этапе развития общества, как правило, после распада первобытнообщинного строя, с образованием государственных форм правления и с установлением территориальных границ. По мере образования государств возникают письменные наддиалектные формы, иногда отличающиеся от разговорных форм. Письменный язык всегда консервативен и старается следовать определенным образцам и нормам. Противоположностью ему является разговорная речь, постоянно меняющаяся, легко вбирающая в себя все новое. Часто бывает так, что письменность на родном языке возникает не сразу, и эту функцию определенное время выполняет письменный язык чужого народа и чужой культуры. Например, как известно, в средние века в Западной Европе письменным языком церкви, культуры и делопроизводства служила латынь, в славянских православных странах в качестве языка церкви и литературы выступал церковнославянский язык, у японцев и корейцев довольно продолжительное время в средние века в качестве письменного языка употреблялся классический китайский язык, а у тюркских и иранских народов – классический арабский. В наше время во многих странах Африки официальными письменными языками до сих пор являются языки бывших метрополий, а не местные языки. Например, в Сенегале и Нигере официальным письменным языком служит французский, в Гамбии – английский, в Анголе и Мозамбике – португальский язык. Это является, скорее, вынужденной мерой, т.к. местные африканские языки еще не выработали настолько совершенной письменной формы, которая могла бы использоваться в делопроизводстве, законодательстве и литературе. За невозможность появления местных литературных форм говорит еще и многообразие африканских диалектов, часто сильно отличающихся друг от друга.

Если говорить о развитых языках, то, когда говорят «русский язык», «английский язык» или «французский язык», то безоговорочно подразумевают, как правило, литературную форму данного языка. Литературный язык всегда обладает письменно кодифицированными закрепленными нормами, обслуживает все культурные и общественные сферы, является достоянием его носителей (определенного языкового коллектива) и в его основе, как правило, лежит обработанная форма общенародного языка. Не следует отождествлять с определением литературного языка другое понятие – язык художественной литературы. Последний, хоть и должен придерживаться литературных норм, но может и отклоняться от них в зависимости от индивидуальных

и оригинальных замыслов писателей, что может выражаться в произведениях художественной литературы отклонением от общепринятых норм.

1.1 Standard language – стандартный язык как основная форма существования общенародного этнического (национального) языка

Термин „standard language” англоязычный и в англо-американской терминологии употребляется чаще других конкурирующих терминов:

„The standard language is different from a local dialect inasmuch as it is always an inorganic speech variety: the standard language always involves some form of 'language treatment'. It is never identical with a particular regional dialect even if it happens to be based on one. It is 'polyvalent', that is, it is required to serve the needs of a wider speech community at all levels. Especially it is required to serve the needs of science, industry and politics on the national level and it is used for communication with other nations. It is no coincidence that standard languages are intimately connected with the emergence of nations and are sometimes referred to as 'the national language'.” (Hill 1988, 27).

В современной российской русистике термин «стандартный язык» не распространен. В течение последних десятилетий уже были попытки ввести в русское языкознание данный термин вместо традиционно принятого «русский литературный язык». Впервые в русской лингвистике употребил его в своих работах Е.Д. Поливанов, выдающийся русский филолог и лингвист, работы которого мало известны или утеряны.³ Многие идеи, высказанные Поливановым в его статьях, кажутся нам сегодня очевидными и общепризнанными, но тогда, в 1920-1930-ые гг., ему было трудно отстаивать свои взгляды и идти против традиционно принятых концепций и теорий.⁴ Например, в своей статье «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка» (Поливанов 1968,⁵ 206-224), автор описывает русский литературный язык до- и послереволюционной эпохи, определяя его как «стандартный русский язык» или «языковой стандарт наших дней», а в скобках он дает равнозначные данному термину другие, более привычные – «литературный

³ Е.Д. Поливанов (1891-1938), ученый, знавший лингвистически около 35 языков, написал грамматики японского, китайского, бухарско-еврейского, мордовского, туркменского, казахского, таджикского и дунганского языков. Кроме букварей и учебников оставил после себя работы в различных областях языкознания – фонологии, морфологии, синтаксисе, лексике, фразеологии, диалектологии и этимологии. Многие из созданного Поливановым не получили последующего распространения, возможно потому, что в 1938 г. он был осужден и расстрелян (реабилитирован в 1963 г.). Лишь статья В.В. Иванова «Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова» в «Вопросах языкознания» в 1957 г. «вернула» в ряды русских лингвистов этого выдающегося ученого, а также и его работы, полный список которых, сохранившихся на 1957 г., Иванов опубликовал в конце своей статьи (Иванов 1957, 73-76). Начиная с 1957 г. в журнале «Вопросы языкознания» периодически публиковались работы Е.Д. Поливанова, а в 1968 г. вышло отдельное издание: Е.Д. Поливанов: «Статьи по общему языкознанию», включившее в себя основные статьи разных лет.

⁴ Особенно полемизировали с Поливановым сторонники яфетидологии, материалистического направления в советской лингвистике, господствовавшего, начиная с 1920-ых гг., около 30 лет. Основатель этого учения – Н.Я. Марр, а также его последователи, категорически отрицали генетическое родство языков, а вместе с тем и сравнительно-историческое языкознание, как науку. Возникновение языков у различных народов, согласно данному учению, проходило изолированно и независимо друг от друга, но поскольку культура одина и в своем развитии проходит похожие этапы, то и все процессы в ней проходят аналогично. Этот процесс касается и развития языков. Даже такие очевидные вещи, как заимствования слов, Марр объяснял только как глоттогонический (языкотворческий) процесс.

⁵ Впервые статья была напечатана в 1931 г., в сборнике популярных лингвистических статей «За марксистское языкознание» в Москве.

язык» и «общий язык» (Поливанов 1968, 208). При этом автор рассматривает стандартный язык с социологической точки зрения, характеризуя его как «внетерриториальный язык русской интеллигенции» для периода конца XIX – начала XX века, и как язык «революционного актива, «красной интеллигенции» и «культурных верхов рабочего класса» для послереволюционного периода, т.е. после 1917 г. (Поливанов 1968, 213). Кроме того, с точки зрения функциональной, Поливанов характеризует стандартный русский язык (послереволюционной эпохи) как «язык советской культуры», ставший особенно важным для «нацменьшинств Союза» и пришедший на смену «языку русской государственности» дореволюционной эпохи (Поливанов 1968, 213-214). Сам язык, как явление, Е.Д. Поливанов определял гораздо шире, не только как явление социальное или культурное:

«Язык есть явление физическое, психическое и социальное; точнее, в составе языковой деятельности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда и лингвистика, с одной стороны, является наукой естественноисторической (соприкасаясь здесь с акустикой и физиологией), с другой стороны – одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, в-третьих, наукой социологической» (Поливанов 1968, 182).

Правда, при этом Поливанов указывает, что второй и третий факторы представляют собой пока еще более теорию (или желаемое), чем действительность, т.к. мало затронуты в лингвистике, особенно это касается языка как социального явления. Язык, согласно Поливанову, существует только лишь для коммуникации определенного языкового общества, т.е. наличие коллектива – необходимое условие для существования языка:

«Язык есть тождество систем произносительно-слуховых символов, существующих у того числа индивидуумов, объединенных кооперативными потребностями в перекрестной коммуникации. Эта коммуникация, разумеется, только и возможна при том условии, что ассоциации между произносительно-слуховыми представлениями (в частности, представлениями звукового состава слов) и смысловым их содержанием (значениями слов) будут одинаковыми у членов языкового общения.» (Поливанов 1968, 178).

Описание языка как такового никогда не было для Поливанова самоцелью. Целью лингвистики, как он считал, должно было стать объяснение причин языковых явлений, которые могут быть раскрыты только при изучении истории языка (Иванов 1957, 65). К таким причинам, влияющим на развитие языка, Поливанов относил и социальные факторы, или же внелингвистические, которые считаются важной частью языковых процессов в наше время.

В 1960-ые гг. Д. Брозович в своей статье «Славянские стандартные языки и сравнительный метод» (Брозович 1967) также предлагает отказаться от традиционного термина «литературный язык», широко принятого в славянских языках, и принять термин «стандартный язык» как интернациональный, который он определяет как

«автономный вид языка, всегда нормированный, возникающий в условиях, когда некоторая этническая или национальная общность, включаясь в интернациональную культуру, начинает пользоваться своим идиомом, который прежде служил только потребностям данной этнической культуры» (Брозович 1967, 6-7).

Предложенная концепция стандартного языка опирается на принципы Пражской школы, а также на работы Б. Гавранка (Брозович 1967, 8).

В лингвистических словарях и работах последних лет стандартный язык, как правило, характеризуется как такая обобщенная языковая форма, которая используется в определенном языковом обществе в качестве официального государственного⁶ языка учреждений и повсеместного общения (особенно это касается юридической области, средств массовой информации, сферы образования, военной области и т.д.) в письменной, а также устной форме (Rehder 1995). Редер в своем определении особенно подчеркивает обязательность устного варианта стандартного языка, что принимается пока не всеми исследователями.

В двуязычном лингвистическом словаре (Баранов, Добровольский 1993) термин «стандартный язык» определяется такими синонимами, как «литературный язык, нормированный язык, языковой стандарт, Hochsprache, Literatursprache, Schriftsprache, standard language, literary language» (Баранов, Добровольский 1993, 236). Подобная синонимия по отношению к термину «стандартный язык» широко распространена в различных языках. В английском языке понятию «стандартный язык» соответствует термин *standard language*, иногда „*literary language*“, во французском „*langue littéraire*“, в словенском *knjižni jezik*, в чешском *spisovný jazyk*, в македонском *literaturni jazyk*, в болгарском *knjižoven ezik*, в хорватском и сербском *književni jezik*, в немецком языке „*Literatursprache*“, „*Schriftsprache*“, „*Standardsprache*“, в русском языке – «литературный язык».

Стандартный язык выполняет функцию средства общественной коммуникации, поэтому имеет нормы, обязательные для всех членов языкового коллектива и распространенные, в первую очередь, в средствах массовой информации, в системе образования и в различных организациях, т.е. для стандартного языка характерны такие критерии, как нормированность, обязательность, кодифицированность и распространенность.

По отношению к современным языкам термин «стандартный язык» представляется наиболее удачным, тогда как другие термины не полностью соответствуют актуальному состоянию современных языков.

Термин «литературный язык», традиционно употребляющийся в русском языкознании (как синоним «стандартного языка»), подчеркивает своим названием доминирующую роль литературы. Это не совсем корректно, включать в термин, означающий стандартный язык, слово «литература» – ведь в литературе используется не только стандартный язык. С другой стороны, стандартный язык применяется не только в литературе, но и в других сферах общества – в этом случае опять определение «литературный» соответствует не полностью, хотя литература и является одним из самых существенных компонентов стандартного языка. По этим же причинам не совсем корректно употребление подобных терминов и в других языках, например, *knjižni jezik* в словенском и *knjižoven ezik* в болгарском языке. О несоответствии названия термина («литературный язык») его значению писал еще Д. Брозович в упомянутой выше статье (Брозович 1967, 7).

Остальные вышеприведенные термины (кроме английского „*standard language*“) употребляются меньше, соответственно, и распространенность их ограничена. Термин *spisovný jazyk*, принятый в чешской лингвистике, применяется и в Германии („*Schriftsprache*“), но тоже имеет свои недостатки – термином «письменный язык» иногда необходимо обозначать языки, имеющие письменность и литературу, но не являющиеся стандартными языками, например, провансальский (Брозович 1967, 7). Кроме того, при противопоставлении письменной формы стандартного языка по

⁶ Это значит, что этот язык должен быть указан в конституционном праве данного государства как государственный язык.

отношению к устной также иногда применяется термин «письменный язык», но в данном случае он применяется только к письменной части стандартного языка.

В Германии и Франции иногда употребляется термин «общий язык» („Gemeinsprache“, „langue commun“), семантическое значение которого может вызвать ассоциации с «вульгарным языком»⁷, или с понятием «праязык», например, „slave commun“ (Брозович 1967, 7).

В некоторых национальных терминологиях используется термин «культурный язык» по отношению к стандартному языку, очень часто в польском языке „język kulturalny“. Этот термин по отношению к современным языкам имеет одностороннее семантическое значение, также он некорректен в отношении определения современных стандартных языков (Брозович 1967, 8).

В прилагательном «стандартный» кроме значения «типовой, соответствующий стандарту, имеющий единую форму», заложено и второе значение, употребляющееся в переносном смысле – стандартный, как «лишенный оригинальности, своеобразия; шаблонный, трафаретный» (Ефремова 2000, 694). Однако основное значение этого прилагательного – язык стандартов, язык норм и образцов, приведенный в единую форму. В отношении термина «стандартный язык» первое значение прилагательного соответствует смыслу, заложенному в термине «стандартный язык» – это надрегиональный, кодифицированный вариант национального языка. Его нормы четко зафиксированы, являются обязательными для членов языкового сообщества и относительно стабильны. Это определение стандартного языка и предлагает принять Брозович в своей статье, опубликованной в 1967 г., а немного позднее выходит отдельной книгой труд Брозовича „Standardni jeziik“ (Zagreb 1970), в котором автор более глубоко разрабатывает теорию классификации стандартных языков на примере славянских языков.

1.1.1 Основные признаки и модели описания стандартного языка

Термин «стандартный язык» получает в наше время все большее распространение в языкознании,⁸ но теоретические вопросы описания стандартных языков еще недостаточно разработаны или недостаточно описаны. При классификации стандартных языков иногда возникают спорные вопросы, как, например, это происходит с сербским и хорватским языками, которые с лингвистической стороны рассматриваются как варианты одного языка, а с социолингвистической точки зрения – как два самостоятельных языка (Вингендер 2006). Какие критерии необходимы для описания стандартного языка, чтобы в конечном итоге можно было определить, является ли данный язык стандартизованным? Для достижения этой цели необходимо разработать концепцию определения стандартного языка, а также определить необходимые для этого критерии. Чтобы установить, относится ли языковая разновидность к стандартному языку, описания только языковых признаков этой разновидности недостаточно. Например, на границе Германии и Нидерландов языковыми коллективами используются практически одинаковые диалекты – языковые разновидности, образовавшиеся на определенной территории, а именно – в приграничных районах соседства двух официальных стандартных языков – немецкого

⁷ В отношении положения французского языка во Франции XVI в. это соответствует полностью – тогда французский язык, служивший средством общения в повседневной жизни, считался «вульгарным, низким», тогда как латынь господствовала в «высших сферах» общества – в области религии, культуры, политики, науки (Будагов 1956, 12).

⁸ Понятие «стандартный язык» применяется не только в филологии, но и в других областях, например, в компьютерном языке или в математике.

и нидерландского. Диалект, носители которого своим официальным языком считают немецкий стандартный язык, считается немецким диалектом, тогда как диалект, носители которого в официальной ситуации переходят на нидерландский стандартный язык, соответственно, считается нидерландским диалектом, хотя эти диалекты практически и одинаковы, потому как при их образовании играли приблизительно одинаковую роль два языка – немецкий и нидерландский. Принадлежность к тому или иному государству имеет политический характер, однако одновременно оказывает влияние на феномены в языковой сфере.

Изолированное рассмотрение языка как отдельной языковой системы без взаимосвязей с историческими, политическими или культурными факторами, было характерно для языкознания первой половины XX века. Ф. Де Соссюр заканчивал свой «Курс общей лингвистики» такими словами: „Die Sprache an und für sich selbst betrachtet ist der einzige wirkliche Gegenstand der Sprachwissenschaft“ (Saussure 1967, 279). Поэтому большая часть языковых исследований, согласно этому заключению, не шла дальше выявления связей между языковыми единицами, фонемами, морфемами и т.д., а полученные выводы также не связывались с явлениями, выходящими за пределы языковой системы.

В последние десятилетия для описания стандартного языка были разработаны и предложены различные модели, например, основанная на социолингвистической концепции модель немецкого слависта Моника Вингендер (Вингендер 2006), которая предлагает определять стандартный язык путем сравнения языковых разновидностей (=идиомов), претендующих на звание «стандартного языка». При этом необходимо рассматривать такой идиом с точки зрения создателей языка, т.е. тех, кто устанавливает определенные языковые нормы в обществе, и с точки зрения носителей языка, т.е. тех, кто пользуется этим языком. Кроме рассмотрения идиома с различных точек зрения, для определения стандартного языка необходимым является выполнение следующих условий: во-первых, рассматриваемый идиом должен быть утвержден (в виде норм и правил) и установлен (т.е. закрепен законодательно) для использования его в языковом обществе, и во-вторых, необходимо рассматривать, как эти установки (нормы и законы) реализуются языковым сообществом на практике:

«Стандартный язык есть языковая разновидность, установленная или утвержденная различными созидательными инстанциями с целью возможности функционирования в целом языковом обществе. Созидательные инстанции – это кодификаторы, т.е. учителя, лингвисты, авторы или дикторы модельных текстов (в газетах, на радио и так далее). «Установленная» значит «нормированная словарями». «Утвержденная» значит регулируемая законом.» (Вингендер 2006, 197).

Из этого положения следует, что основную роль при определении стандартного языка играют создатели языка, созидательные инстанции, а реализация их деятельности проявляется в использовании языковой разновидности (установленной и утвержденной) носителями языка.

Для определения стандартного языка автор модели предлагает выявить сравнительные критерии и на их основе составить каталоги признаков, причем для каждого отдельного признака должен быть указан используемый для определения этого признака метод. Распределять идиомы по отношению к каждому из признаков необходимо в иерархическом порядке. На основании выше изложенного, а также руководствуясь данными, представленными в работах Брозовича (1967), Гаармана (Haarmann 1976), Клосса (Kloss 1978) и Толстого (1998), автор предлагает четырехуровневую модель описания стандартного языка, включающую непосредственно языковой уровень, составляющий языковую базу или основу для

последующих уровней – функционального (функционирование языка в обществе), социального (носитель языка – языковое сообщество) и ситуативного (язык всегда проявляется в определенных коммуникативных ситуациях), которые связаны с использованием языкового идиома в обществе (Вингендер 2006, 197).

Выводы Хайнца Клосса (Kloss 1978) при определении стандартного языка, базируются на противопоставлении «язык – диалект». Для Клосса важны не такие определившиеся языковые разновидности, как, например, немецкий, английский или испанский языки (что он однозначно определяет как «стандартные языки»), или баварский диалект, что он безоговорочно определяет как диалект. Термин «стандартный язык» Клосс использует как синоним для таких определений, как «высокий язык» (Hochsprache) и «язык культуры» (Kultursprache). При этом в понятие культуры Клосс вкладывает наличие в языковом сообществе письменности, высокоразвитой религии, государственной формы правления, или ей подобной, а также наличие технического прогресса (Kloss 1978, 12). Термины «стандартный язык», «высокий язык» и «язык культуры» автор использует в своей работе довольно часто, но практически избегает определения «письменный язык» (Schriftsprache), т.к. для него это слишком общее понятие и требует пояснений (там же). Цель исследований Клосса – найти необходимые критерии для рассмотрения широкого спектра языковых вариантов, находящихся между двумя конечными понятиями – язык (с одной стороны) и диалект (с другой), и на основании полученных выводов причислить языковые варианты или к группе стандартных языков или к группе диалектов. Важная задача, которую пытается решить автор, заключается в возможности (или невозможности) установления границ между языком и диалектом, т.е. в каком случае мы определяем идиом как «язык», а в каком как «диалект» (Kloss 1978, 34 и далее). Для описания языковых вариантов (или разновидностей) Клосс использовал два основных термина, которые впоследствии были взяты на вооружение также и другими лингвистами (Ср. Bossong 2008). Это, в первую очередь, „Abstand“, или же «дистанция», «расстояние» от одной языковой разновидности до другой, которую автор определяет на основании различий морфологических, фонетических и синтаксических признаков, а также словарного состава. Все указанные признаки относятся к внутренним языковым свойствам и по своей сути являются качественными признаками, характеризующими ту или иную языковую разновидность. Вторым важным термином является понятие „Ausbau“, что означает «полноценность» или «способность к расширению», относится к внешнему, определяющему языковую разновидность, признаку и обладает количественными свойствами. Для второго термина Клосс дает следующие определяющие критерии: обязательное существование у языковой разновидности письменной формы, нормированность грамматики, использование исследуемой разновидности как официального и / или национального языка в языковом обществе, а также при создании текстов в различных сферах общественной жизни, в первую очередь, в науке и культуре, наличие самостоятельных литературных произведений (Kloss 1978, 37).

Исходя из этого, Клосс выводит следующие понятия:

1. „Abstandsprache“ – языковая разновидность (или вариант), сохраняющая дистанцию по отношению к другим разновидностям, независимо от степени развития данной разновидности. В данном определении учитываются внутренние свойства языка, точнее, их отличия при сравнении одной языковой разновидности с другой. При этом автор подчеркивает, что сравнивать необходимо действительно разные по грамматическим и лексическим свойствам разновидности, а не подгруппы одной и той же разновидности.

2. „Ausbausprache“ – языковая разновидность, обладающая высокой степенью полноценности, но при этом не учитывающая дистанцию к другим разновидностям. В данном пункте на первое место выходят внешние свойства, описанные при определении термина „Ausbau“.

3. „Sprache“ – отдельным языком Клосс называет такую разновидность, которая выполняет условия первого (Abstandsprache) и второго (Ausbausprache) пунктов, на основании чего такую разновидность и можно считать отдельным языком (Kloss 1978, 31).

1.1.2 Трехступенчатая модель языка-стандарта

Наиболее приемлемой представляется модель определения стандартного языка Петера Редера (Rehder 1995), которая представлена в данной работе более подробно. При определении стандартного языка эта модель учитывает социально-лингвистическую, социально-культурную, а также государственно-политическую сферы языкового сообщества.

Под стандартным языком Редер понимает литературный язык в том его определении, как это принято в современном российском языкознании. Проблема заключается в том, что понятие «литературный язык», как это указывалось выше, в разных языках определяется неодинаково. Чтобы исключить недоразумения при определении термина «литературный язык», Редер предлагает для описания современных языков ввести другой термин – определение «стандартный язык» (Standardsprache).

Стандартный язык, по определению Редера, это не письменный или высокий язык (Schriftsprache / Hochsprache), а такая языковая форма, которая в современном обществе используется в качестве официального языка учреждений и повсеместного общения как в письменном, так и в устном виде:

„Standardsprache meint im allgemeinsten Sinne jene Sprachform, die in einer (modernen) Gesellschaft als offizielle Amts- und Verkehrssprache (insbesondere Legislative, Exekutive, Jurisdiktion, Medien, Bildungsbereich, auch Militär usw.) schriftlich und (meist auch) mündlich verwendet wird“ (Rehder 1995, 353).

Автор подчеркивает необходимость устной формы стандартного языка, что принимается пока не всеми исследователями.

Свое определение Редер базирует на определении стандартного языка средства общественной коммуникации, имеющего кодифицированные нормы и распространенного, в первую очередь, в средствах массовой информации, в системе образования и в различных организациях:

„Standardsprache (auch: Hochsprache, Nationalsprache). Seit den 70er Jahren in Deutschland übliche deskriptive Bezeichnung für die historisch legitimierte, überregionale, mündliche und schriftliche Sprachform der sozialen Mittel- bzw. Oberschicht; in diesem Sinn synonyme Verwendung mit der (wertenden) Bezeichnung „Hochsprache“. Entsprechend ihrer Funktion als öffentliches Verständigungsmittel unterliegt sie (besonders in den Bereichen Grammatik, Aussprache und Rechtschreibung) weitgehender Normierung, die über öffentliche Medien und Institutionen, vor allem aber durch das Bildungssystem kontrolliert und vermittelt werden. Die Beherrschung der S. gilt als Ziel aller sprachdidaktischen Bemühungen“ (Bußmann 1990, 733).

Для описания своей модели, кроме термина стандартного языка, Редер вводит также понятие субстандартного языка (=Substandardsprache), которое включает в себя

диалекты, социолекты и разговорный язык, при этом разговорный язык, как бы ни было трудно отделить и описать его, не является ни стандартным устным языком, ни социолектом или диалектом. Все эти формы не относятся к стандартному языку, они противопоставлены ему. Подгруппы стандартного и субстандартного языков находятся в состоянии постоянного обмена языковой информацией, благодаря чему происходят изменения в обоих языках.

Пожалуй, нельзя дать общее определение для всей совокупности языковых ситуаций относительно стандартного и субстандартного языков в каком-либо языковом сообществе. Редер характеризует эту совокупность как «этнический» или «национальный язык» (Rehder 1995, 354), но это определение не совсем точно, потому что несколько наций могут иметь один общий стандартный язык, и одна нация может иметь несколько стандартных языков. Важно помнить, что для определения этноса, т.е. народа, важным критерием должен быть именно язык, а не наоборот. То, что подразумевает Редер, становится более понятным, если при рассмотрении какого-либо языка, например, немецкого, называть его «общенемецким»⁹ (в случае с русским – «общерусским») как вспомогательным обобщающим термином. Этнический язык является обобщающей формой языка и включает в себя и стандартный язык (устную и письменную формы), и субстандартный, состоящий из просторечия, диалектов и социолектов:

1.1.2.1 Первая ступень: социолингвистический уровень

Представленная со времен структуралистов формулировка, развитая затем Исаченко (1976), Филиным (1981) и др. учеными, определяет стандартный язык посредством четырех составляющих: нормированность, обязательность, дифференцированность и поливалентность. Термин «нормированность» представляет собой урегулированную и кодифицированную норму. Под дифференцированностью понимается наличие основных функциональных стилей. Термины нормированность и дифференцированность относятся к языковой сфере (лингвистической) при определении стандартного языка. Термины обязательность (как неограниченная и общая обязательность для всех носителей в сфере действия стандартного языка) и поливалентность (т.е. обслуживание языком всех сфер современного общества) относятся к общественной (социальной) сфере. Таким образом, Редер распределяет четыре основных признака стандартного языка по разным сферам и, исходя из этого, задает следующую социолингвистическую структурную модель (см. *Таблицу 1*, Rehder 1995, 356):

⁹ Х. Клосс для подобного обобщающего определения ввел новое понятие „Dachsprache“ (=язык-крыша) (Kloss, 1978). Клосс вообще попытался заменить традиционные в лингвистике термины новыми (Ausbau- oder Abstandsprache), чтобы избежать недоразумений, когда различными терминами описывается одно и то же явление или процесс, или когда один термин применяется по отношению к различным явлениям.

Таблица 1. Социолингвистический уровень

Лингвистическая сторона	Социальная сторона	
Нормированность (Н)	Обязательность (О)	Стабильность
Дифференцированность (Д)	Поливалентность (П)	Гибкость

Четыре составляющие расположены изолированно, каждая в отдельной ячейке, но тем не менее, эти определения взаимосвязаны, и эти взаимоотношения являются определяющими и основополагающими.

Указанные взаимосвязанные отношения структурированы следующим образом. Во-первых, по горизонтали: языковой нормированности соответствует обязательность и это типично для стандартного языка. Точно так же языковая дифференцированность не имеет смысла и цели без наличия различных общественных сфер, в которых она действует. И наоборот, поливалентность является предпосылкой для языковой дифференцированности и обязательность требует соответствующей языковой нормированности. К этому двойному горизонтальному лингвосоциальному отношению **Н – О / Д – П** добавляется, во-вторых, двойное вертикальное стабильное и одновременно гибкое соотношение: нормированность (стабильная языковая сфера) находит в дифференцированности (гибкая языковая сфера) свое необходимое дополнение и точно так же, общественная обязательность (стабильная сфера) находит свое дополнение в общественной поливалентности (гибкая сфера). Итак, **Н – Д / О – П** – и это соотношение также является для стандартного языка типичным и обязательным. Далее, **Н+Д** подразумевают то, что называется «сознательной обработанностью», а по аналогии можно определить **О+П** как «сознательное употребление», что является нововведением Редера (Rehder 1995, 357).

Соотношение обоих горизонтальных уровней (**Н+О / Д+П**) Редер определяет как гибкую, подверженную изменениям, стабильность (там же).

Структурная модель, определяющая первую, социолингвистическую ступень, показывает, что данные четыре признака, характеризующие стандартный язык в первую очередь как социолингвистический феномен, находятся как по вертикали, так и по горизонтали в переменных взаимоотношениях, которые в последующем необходимо дифференцировать. Совокупность этих четырех признаков составляет определяющую систему, релевантную для интеграции последующих признаков. Вместе они представляют первую ступень – социолингвистическое определение феномена стандартного языка:

„Diese vier Grundbegriffe und dieses Gefüge bilden ein exaktes, idealtypisches Definitionssystem, das weitere begriffliche Vorstellungen der bisherigen Diskussion integriert; sie stellen zusammen als erste Ebene die soziolinguistische Definition des Phänomens der Standardsprache im engeren Sinne dar.“(Rehder 1995, 357).

1.1.2.2. Вторая ступень: социокультурный уровень

Объем значения стандартного языка в обществе нельзя описать только при помощи представленного социолингвистического уровня, потому что стандартный язык представляет собой также и необходимый элемент культуры, социокультурной системы, составной частью которой он является. Между обществом и его стандартным языком существует взаимосвязь. В обоих направлениях она может иметь одинаковое действие (идеальный случай), но, как правило, перевешивает обычно что-то одно. Образованные из распавшегося Советского Союза новые республики показывают эти

отношения очень точно, причем большинство населения идентифицируют и определяют себя как «этнос», а точнее, как нацию, благодаря наличию «своего» стандартного языка. Таким образом, стандартный язык дает возможность самоидентификации (Rehder 1995, 358). Это утверждение Редера, однако, не безоговорочно соответствует действительности. Не всегда можно полагаться на мнение носителей языка о том, на каком языке они говорят. Особенно это касается приграничных территорий, на пересечении двух и более государств. Например, жители литовско-белорусско-польского пограничья говорят сразу на нескольких языках и считают себя то литовцами, то белорусами, а очень часто (именно из-за употребления более чем одного языка) просто «местными», не идентифицируя себя с какой-нибудь определенной национальностью. Кроме того, определение этноса не должно служить параметром для определения языка, наоборот – одним из параметров определения народа должен быть языковой фактор. Часто наблюдается несоответствие народов и языков, например, ирландцы говорят по-английски и по-ирландски, аварцы являются носителями аварского, арчинского и андийского языков, а языки итальянцев принадлежат к трем подгруппам романских языков.

Какие же признаки можно выделить для определения стандартного языка в системе социокультурных ценностей какого-либо общества? В этом случае Редер использует терминологию Фишмана (Fishman 1975), называя четыре «основных типа установок и поведений по отношению к языку» (Rehder 1995, 358). На их основе Редер описывает отличия стандартного языка от других языковых вариантов (или разновидностей). Эти типы установок четко обозначены, явно не взаимосвязаны, пересекаются лишь частично и в различных языковых обществах имеют разное значение. К ним относятся – стандартизованность (С), языковая гибкость (Г), автономность (А) и историчность (И). Они расположены на второй ступени – на социокультурном уровне стандартного языка в форме эллипса, который охватывает по внешнему краю первую ступень – социолингвистический уровень.

Для современных, достаточно дифференцированных языковых обществ, на которые рассчитана эта модель, характерна и само собой разумеется многогранная, сложная и объемная стандартизация. Такие стандартизации касаются всех сторон общественной жизни: социальной сферы, политики, профессиональной сферы, техники, бюджета, транспорта, поведения, морали, спорта, коммуникации и т.д. К области коммуникации – частично это касается сферы средств массовой информации, образования и др. – принадлежит и язык, в плане стандартизации (С) прежде всего стандартного языка, причем только на второй ступени интегрируется стабильность (Н+О) первой ступени. При этом стандартизацию можно понимать как «кодификацию и согласование формального перечня норм внутри определенного языкового общества» (Rehder 1995, 359). Таким образом, стандартизация является социокультурным аспектом стандартного языка, который распространяется также и на другие сферы общества, и через язык осуществляется связь между различными областями.

Происходящие в обществе языковые изменения стандартного языка относятся к социокультурному уровню. Это значит, что языковая гибкость (Д+П) социолингвистического уровня присутствует и во втором уровне, представляя собой необходимый и общий социокультурный аспект готовности обозначать языковые нововведения всех видов. Стандартный язык выступает в этом плане как поливалентное средство коммуникации: при отсутствии гибкости он не может выполнять соответствующие общественные функции. Гибкость может означать действие стандартного языка в различных сферах общества, но может и выходить за границы одного языкового общества. Для активного воздействия стандартного языка на другие стандартные языки, важно не только число его носителей, но и общий

экономический и культурный уровень развития общества. Таким образом, престижность стандартного языка выражается в его способности к изменениям. Языковая гибкость проявляется в славянских стандартных языках современности, с одной стороны, в приеме чужой лексики и, с другой стороны, в обращении к языковым областям, в прошлом недоступным.

Под автономностью (А) стандартного языка понимается его самостоятельность и независимость от других стандартных языков и их языковых обществ. Стремление к автономности ощущается наиболее сильно у «идиомов» близких по происхождению или территориально, но различающихся в плане их общественных амбиций. Параллельно тому, как на первой ступени языковому уровню (Н+Д) противостоит общественный (О+П), на второй ступени противостоят друг другу стандартизация и автономность, но при этом оба понятия в социокультурном плане встроены в личностные представления и систему ценностей соответствующего общества. Решающее значение автономности на второй ступени проявляется в таких языковых ситуациях, как например, в хорватском и белорусском языках. В то время как современный хорватский язык подчеркнуто заявляет о своей неограниченной и полноправной автономности как стандартный язык (особенно в противопоставление сербскому или же прежнему стандартному хорватосербскому / сербохорватскому языку) путем самостоятельной и обязательной идентификации, в белорусском языке выявляются значительные проблемы и ограниченность автономности особенно по отношению к русскому, как детально показывают социолингвистические исследования Редера (Rehder 1995, 360). С проблемой автономности сталкиваются и другие славянские «идиомы», несмотря на обширную стандартизацию.

Следующий, исторический фактор, играет важную роль для обоснования и укоренения стандартного языка. При вычленении нового стандартного языка из прежних стандартно-языковых структур или из языковых идиомов, считавшихся до сих пор общими, этот аспект приобретает особое, исходящее из длительной и значимой традиции значение, так как представление об историчности (И) обычно связывается с национальным престижем, а собственный стандартный язык оценивается в этой связи как равноправный с другими, традиционными стандартными языками. Историчность не всегда соответствует научным фактам. Она выполняет свою задачу даже в том случае, если ее принимают в данном обществе, также может использоваться и для создания национальных мифов. Этот феномен наблюдается и в стандартных языках, существование которых находится в полной безопасности, например, в русском, и в так называемых малых стандартных языках, находящихся под угрозой (для которых фактор историчности имеет более важное значение), например, в македонском.

Вторая ступень модели Редера включает в себя структуру первой ступени и при помощи четырех понятий, названных выше, представляет социокультурный уровень стандартного языка в языковом обществе. Важно при этом, что составляющие вторую ступень определения (стандартизованность, языковая гибкость, автономность и историчность), расположенные по эллипсу, влияют на определения первой ступени (нормированность, дифференцированность, обязательность и поливалентность):

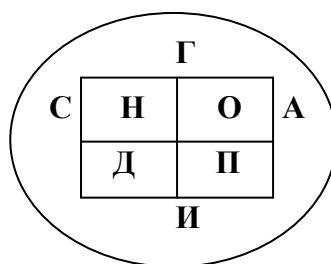

Рис. 1. Социокультурный уровень.

Зарождению стандартного языка обычно предшествует значительная активность на второй ступени, которая является сферой, выражающей определенные культурные идеи и представления – но также и языковые конфликты – по отношению к стандартному языку. Это проявляется в таких понятиях, как престиж, красота, чистота стандартного языка и т.д.

1.1.2.3. Третья ступень: государственно-политический уровень

Все решения, принимающиеся на государственно-политическом уровне, распространяются на всех членов общества. Определение стандартного языка на третьей ступени представляет собой правовое государственно-официальное урегулирование, обеспечивающее и закрепляющее суверенность стандартного языка. Устанавливаемые при этом правила могут быть связаны с границами государства (например, польский язык в Польше, болгарский в Болгарии, словенский в Словении), или выходить за их рамки (например, немецкий язык в Германии, Австрии, Швейцарии; английский в Великобритании, США, Австралии и т.д.). Они действуют во всех сферах общества: в законодательстве, управлении, юрисдикции, образовании, военном деле, средствах массовой информации, культуре. Третью ступень модели Редера – государственно-политический уровень при определении стандартного языка можно представить в виде круга, который охватывает и первую ступень, и вторую.

Участие политических решений в развитии языка стало особенно актуальным в последние десятилетия.¹⁰ Именно на третьей ступени решается вопрос, является ли определенный «идиом» самостоятельным стандартным языком или должен ли он стать таковым. Если это решение в государственном или политическом смысле принять невозможно, тогда согласно описанной модели, нельзя говорить и о стандартном языке.

Таким образом, актуальная политическая ситуация играет важную роль в определении языковых разновидностей. Она определяет, будут ли идиомы, имеющие схожие функциональные характеристики, считаться диалектами одного языка, или разными самостоятельными языками, а также делает модель стандартного языка полноценной:

„Nach diesem dreistufigen Modell kann von Standardsprache also erst gesprochen werden, wenn auch die dritte Ebene berücksichtigt wird“ (Rehder 1995, 363).

Если варианты английского языка (кроме британского, это еще и австралийский, американский, а также официально используемые варианты английского в бывших колониях) прекрасно уживаются друг с другом и считаются одним языком – английским, то это происходит только потому, что государства, где они употребляются,

¹⁰ Однако, об этом писал уже Е.Д. Поливанов в 1931 г. (Поливанов 1968, 86, 226 и сл.).

находятся либо в дружественных равноправных отношениях, либо в вынужденной зависимости (например, бывшие колонии), в любом случае – не в состоянии политического конфликта. Другие языки – сегодня считающиеся стандартными – такие, как сербский, хорватский и боснийский, именно по политическим причинам описываются сегодня как отдельные языки, хотя раньше, в рамках одного государства, и считались одним языком. Более того, конфликтная языковая ситуация продолжает развиваться и дальше – чем дальше отделяется Черногория от Сербии, тем настойчивее звучат голоса о провозглашении самостоятельного черногорского языка. Другим примером является ситуация с русинским языком, который признается самостоятельным языком в Румынии, а в Украине считается только диалектом украинского языка.

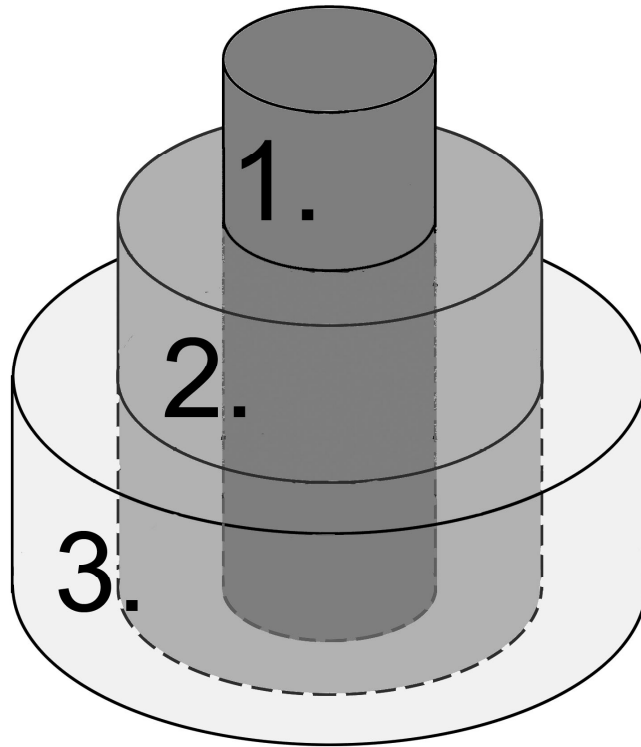
Описанная модель Редера позволяет определить количество (славянских) стандартных языков современности. В этом случае, с одной стороны, оба сербо-лужицких письменных языка не считаются стандартными. С другой стороны, украинский и белорусский языки, в соответствии с третьей ступенью, хоть и являются стандартными языками, но на первой и второй ступени ограничены русским языком. В Беларуси (и в некоторых регионах Украины) присутствует белорусско-русское (украинско-русское) двуязычие из-за некоторых политических решений, принятых в этом направлении.

Н.Б. Мечковская также признает наличие в Беларуси «белорусско-русского коммуникативно и демографически несбалансированного двуязычия» (Мечковская 2000б, 125), которое имеет не этнический, а социально-культурный характер – причины использования двух языков на территории современной Беларуси обусловлены социально-культурными и, что очень важно, политическими факторами, охватывающими в своем развитии длительный исторический период.

На основании описанной выше модели Редер определяет десять славянских современных языков, которые можно охарактеризовать, как стандартные (Rehder 1998). К ним относятся: русский, украинский, польский, чешский, словацкий, словенский, хорватский, сербский, болгарский и македонский языки.

Приведенная модель Редера удачно демонстрирует, что анализ и понимание языковых процессов необходимо проводить не только «изнутри», рассматривая лишь языковые явления, без их связи с «внешним» развитием культуры и общества. С другой стороны, нельзя объяснить или предсказать (для будущей эпохи) конкретные языковые процессы, исходя только из внеязыковых (экономических, политических и т.д.) факторов.

Рис. 2.

*Трехступенчатая модель описания языка-стандарта Редера.¹¹
Социолингвистический уровень (1.), социокультурный уровень (2.),
государственно-политический уровень (3.).*

1.2 Синонимия и неупорядоченность терминологии при описании истории стандартного языка

1.2.1 Особенности употребления терминов «литературный», «письменный», «книжный», «стандартный» язык, «высокий язык» и «язык культуры» в истории языкознания

Термины «литературный язык», «письменный язык», а позднее и «стандартный язык» применяются со времен структуралистов для обозначения объекта исследования – систем письменных языков современности – в новейшем языкознании как синонимы и связаны, так или иначе, с понятием языковой нормы.

Разнообразие терминов «письменный язык», «литературный язык», «общий язык», Hochsprache, Gemeinsprache, język pis'mienny, język literacki, spisovný jazyk, obecný jazyk, standard language, la langue commune и т.д. приводят к разногласиям в сферах применения данных понятий, устоявшегося терминологического аппарата не создано, что и является существенной проблемой в современном языкознании (Mengel 1998b). Подробный обзор по истории применения этих терминов дают Günther (1963) и Gutschmidt (1993).

¹¹ Данный график разработан самостоятельно на основе трехступенчатой модели Редера.

В данной главе мы рассмотрим применение этих терминов по отношению к истории развития русского «литературного»¹² языка, так как дальнейшее исследование будет оперировать определениями, значение которых с самого начала необходимо разъяснить.

Подобное разнообразие терминов в изучении истории русского языка было порождено необычной языковой ситуацией, возникшей в Древней Руси с момента прихода на Русь (X век) письменности из Болгарии, от южных славян. Разнообразие терминов еще вызвано и тем, что каждое понятие стремится выделить ту или иную основную культурно-языковую функцию, которую исполняет язык, а в разные исторические периоды эти функции могут быть различными, что и приводит к разнообразию в терминологии.

Исследование «истории русского языка» (или «исторической грамматики русского языка»), т.е. изучение изменений, происходящих в живом русском языке и изучение «истории литературного языка», что означает изучение развития норм и кодификации языка, породили, в первую очередь, многообразие терминов, а также сложности в разграничении этих двух дисциплин. В основе исторической грамматики лежит внутренняя история языка, его развитие, как следствие существующей языковой системы. В основе истории «литературного» языка лежит история общественного использования языка, функционирование языка в определенном языковом коллективе, проявляющееся непосредственно в создании текстов. В развитии истории «литературного» языка важную роль играют носители языка, те, кто им владеет и создает тексты (пишет, читает, говорит). Для существования «литературного» языка необходим определенный объем текстов, и когда они появляются, возникает и история «литературного» языка. Каково значение термина «литературный язык» и сколько значений имеет это понятие?

В наше время принятый в российском языкознании термин «литературный язык» можно сравнить по значению с понятием «стандартный язык», т.к. он включает в себя следующие основные функции: 1) поливалентность, т.е. обслуживание всех сфер жизнедеятельности определенного языкового общества; 2) функциональную и стилистическую дифференцированность средств выражения, 3) кодифицированную норму, закрепленную в правописании и произношении, а также в грамматике и лексике, 4) функцию обязательного употребления для всех членов общества (Исаченко 1976). Понятие «литературный язык» подразумевает сегодня обязательное наличие и функционирование четырех приведенных критериев, и это касается как письменной, так и устной формы языка.

Сам термин «литературный язык» появился впервые в филологических работах начала 19 в.¹³ и с тех пор прочно закрепился в традиционном языкознании. К. Гюнтер (Günther 1963) при описании термина «литературный язык» проводит параллели с французским понятием „la langue littéraire“. Возможно, вначале этот термин и понимался только как «язык литературы», но со временем данное понятие приобрело различные значения и стало трактоваться языковедами неоднозначно. Словосочетание «литературный язык» часто уже не связано с понятием непосредственно литературы, к которой в русском языке относится понятие «язык художественной литературы». Необходимо заметить, что последний не всегда соответствует нормам стандартного

¹² Для современного состояния языка больше подходит термин «стандартный», что и будет доказано далее, но, учитывая общепринятость и распространенность термина «литературный», он тоже будет встречаться в данной работе, только в кавычках.

¹³ К первым исследователям, занимавшимся изучением происхождения русского литературного языка относятся М.А. Максимович, К.С. Аксаков, А.Х. Востоков, П.А. Катенин.

литературного языка, а приобретает по воле писателей своеобразный авторский колорит, что и допустимо.

Для Е.Ф. Будде и А.А. Шахматова (Будде 1908/2005; Шахматов 1915/2002) русским «литературным языком» был церковнославянский язык, который они считали также языком писателей, языком литературы. Е.Ф. Будде считал историю русского «литературного» языка результатом слияния двух «стихий» – южнославянской (т.е. церковнославянского языка, пришедшего к восточным славянам изначально от южных славян), развивающейся на протяжении всего рассматриваемого периода, т.е. с XI по XX век, и иностранной (изменения, в первую очередь, в лексическом составе языка), появившейся в развитии «литературного» языка позже, начиная с XVI-XVII вв., но особенно с начала XVIII века, в эпоху Петра I (Будде 1908/2005, 5-6).

А.А. Шахматов (1915) описывал происхождение русского «литературного» языка таким образом:

«Получивъ изъ Болгаріи христіанство, Кіевъ одновременно заимствовалъ оттуда книжный языкъ. [...] Книжный языкъ XI вѣка – это непосредственный родоначальникъ нашего современнаго великорусскаго книжнаго языка; до сихъ поръ обнаруживается инославянская основа послѣдняго; онъ содержитъ в себѣ еще и теперь на половину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной рѣчи» (Шахматов 1915 / 2002, XXXIX).

Шахматов возводил современный русский «литературный» язык, а также и древнерусский, т.е. язык Киевской и Московской Руси, к церковнославянскому, как к непосредственному источнику. Сравнивая историю развития русского «литературного» языка с историей западноевропейских языков, А.А. Шахматов пришел к выводу, что в отличие от Запада, где латинский язык, выполнявший роль языка религии, культуры и делопроизводства, не ассимилировался с местными народными языками, церковнославянский язык почти с самого начала стал ассимилироваться с древнерусским языком. Исходя из этого, А.А. Шахматов признавал смешанный состав современного русского «литературного» языка, считая при этом, что церковнославянские языковые элементы составляли основу, из которой постепенно образовался русский «литературный» язык, а народные древнерусские элементы были внесены в церковнославянский в ходе постепенной ассимиляции.

Точка зрения А.А. Шахматова о происхождении русского «литературного» языка была в начале 20 века традиционной, не новой, еще в середине 19 века ее представил И.И. Срезневский, считавший, что на основании языковой близости церковнославянского к русскому языку, первый закрепился на Руси в качестве «литературного» языка:

«Всего было легче утверждение старославянского наречия в русской письменности, потому что русский язык к старославянскому наречию был гораздо ближе всех других наречий славянских и по составу и по строю» (Срезневский 1959, 76).

Н.Н. Дурново «литературным языком» древней Руси называл церковнославянский язык русской редакции, включивший в себя с самого начала (с XI в.) элементы живого русского языка, а позже элементы московского говора (с XIV в.), Южной и Западной Руси (Дурново 1969).

А.И. Соболевский в своих работах уточнял значение этого термина для русского языка, следуя определению В. Третьяковского, он связывал значение «литературного» языка с художественной литературой. Для периода Древней Руси Соболевский приравнивал значение «литературного языка» к «письменному языку» (Алексеев 1980).

В 1888 году им была предпринята первая попытка систематизации истории русского литературного языка (Соболевский 1888).

Необходимо заметить, что уже само обилие значений такого распространенного в языкознании термина, как «литературный язык», позволяет отдать предпочтение термину «стандартный язык» для обозначения идиома, определяемого в российском языкознании термином «современный русский литературный язык».

Как считает К. Гутшмидт, письменный язык нельзя наделить определенными признаками, наличие которых в тексте говорит нам о том, что этот язык является письменным. Гораздо важнее, что критерием принадлежности языка к письменной (или неписьменной) форме является его отнесенность к определенной коммуникативной сфере или к определенному виду текста (Gutschmidt 1993).

При употреблении терминов «письменный язык», «język pis'mienny», «spisovný jazyk», «Schriftsprache» подчеркивается именно значение письменности, заложенное в самом названии термина (Gutschmidt 1993, 10).

В этом смысле, следуя А.И. Соболевскому и С. Менгель (Mengel 1998a), целесообразно применять по отношению к языку Киевской (XI-XIV вв.) и Московской (XV-XVII вв.) Руси термин «письменный язык», подчеркивая, во-первых, письменную форму языка как главную функциональную особенность. Во-вторых, еще и потому, что русский письменный язык донациональной эпохи, т.е. до XVIII века, не соответствовал четырем вышеприведенным признакам (поливалентность, нормированность, обязательность, дифференцированность) в полной мере, поэтому нельзя характеризовать язык донациональной эпохи, как «литературный» или как стандартный язык. Это значит, что по отношению к донациональной эпохе развития языка лучше всего подходит определение «письменный язык» (Mengel 1998a, 133). Он был тоже в определенной степени нормирован (узуальная норма) и его норма содержалась в самом процессе образования и зависела от различных факторов. И еще, термин «письменный язык» более обобщенный и нейтральный, он включает в себя тексты, созданные и на церковнославянском, и на «деловом» русском языке, а также, например, тексты летописей, которые объединили в себе и церковнославянский и русский языки.

„Versteht man unter einer Schriftsprache die Gesamtheit verschiedener Textsorten aus einer bestimmten Entwicklungsepoche einer Sprache, weist die Schriftsprache der Kiever und der Moskauer Rus' im 11.-17. Jh. eigentümliche Merkmale auf, die mit einer besonderen sprachlich-kulturellen Situation verbunden sind und innerhalb der Slavia einmalig erscheinen“ (Mengel 1998b, 117).

Особенная ситуация для периода XI-XVII вв. повлияла на образование различных научных взглядов относительно развития русского «литературного» языка.

1.2.2 Различные теории развития русского «литературного» языка и их терминология

Наличие различных видов текстов периода Киевской и Московской Руси способствовало возникновению двух противоположных взглядов на историю русского «литературного» (письменного) языка. В то время как А.А. Шахматов занимался исследованием библейских текстов и пришел к заключению, что в основе русского литературного языка лежит церковнославянский язык (Шахматов 1915), С.П. Обнорский изучал летописи и пришел к выводу «о русской основе нашего литературного языка, а соответственно – о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов» (Обнорский 1946, 6). Концепция Шахматова получила

наибольшее распространение среди славистов-филологов в первой трети XX века и к ней присоединились многие ученые, уже упоминавшиеся в этой главе выше: Будде, Дурново, Соболевский и др. Заключение Обнорского, высказанное сначала в статье 1934 г., и окончательно сформулированное в 1946 г., коренным образом изменило направление в изучении русского «литературного» языка (Обнорский 1934; 1946). Выводы Обнорского подчеркивали самобытность русского «литературного» языка, произошедшего не от церковнославянского русской редакции, а от языка восточных славян или же, начиная с XIV в., от русского народного языка. Культурные традиции русского «литературного» языка формировались, согласно Обнорскому, еще с дописьменных времен восточных славян. В качестве обоснования для своей точки зрения Обнорский приводил результаты исследования синодального списка «Русской правды», а также других древнейших памятников светского содержания, например, сочинений Владимира Мономаха или «Моления Даниила Заточника». Значительным недостатком в исследованиях Обнорского была его неразборчивость при выборе письменного памятника – он не учитывал жанра, в котором было написано произведение, а также его функций, для чего оно было написано. Кроме того, список исследуемых произведений был небольшим, что также не охватывало основные жанры письменных памятников Древней Руси.

На статью С.П. Обнорского 1934 г. откликнулся А.М. Селищев, раскритиковавший положения Обнорского по вопросу происхождения древнерусского «литературного» языка в ответной статье «О языке 'Русской правды' в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (Селищев 1957).¹⁴ Свое мнение по данной проблеме А.М. Селищев высказывает уже в первом предложении статьи: «В основу языка древнерусской письменности был положен язык старославянских (древнеболгарских) рукописей.» (Селищев 1957, 57). Далее автор подтверждает высказанное утверждение конкретными примерами и опровергает доводы Обнорского, высказанные последним в статье 1934 г.

По А.М. Селищеву, «язык древнерусской письменности» (но не «древнерусский литературный язык», как у Обнорского) имеет старославянскую основу, но не тождественен со старославянским языком, а содержит элементы древнерусского языка, наличие которых от текста к тексту отличалось и зависело от нескольких факторов – от степени грамотности и начитанности писца, от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она являлась оригинальным произведением древнерусской письменности, а также от содержания произведения – было ли оно религиозным, духовным или стояло ближе к событиям обычной жизни (Селищев 1957, 57).

За самобытную основу современного русского «литературного» языка и за существование древнерусского «литературного» языка в XI-XIV вв. высказывался и Л.П. Якубинский (Якубинский 1953), работавший независимо от Обнорского и закончивший свой труд «История древнерусского языка» в 1941 г. Опираясь на лингвистический анализ аналогичных произведений, что и С.П. Обнорский, Л.П. Якубинский пришел к выводу, что в письменных памятниках Древней Руси сосуществовали как церковнославянские, так и собственно древнерусские языковые элементы. И если в начале развития Киевской Руси, в X в., «литературным» и официальным государственным языком был церковнославянский, то, начиная со второй половины XI в. в связи с историческими событиями (например, восстания под предводительством волхвов, волнения городских низов), происходит усиление

¹⁴ Статья была написана Селищевым в 1941 г., но впервые опубликована уже после его кончины, в 1957 году.

древнерусского письменного языка, который и становится государственным языком Киевской Руси (к началу XII в.), а также «литературным» языком:

«С изменением общественно-политической обстановки в XI в., с развитием самобытной древнерусской культуры, уходящей своими корнями в народ и питающейся его соками, лучшие люди древней Руси стали выражать свои мысли и чувства в письменной форме не на иноземном, а на родном древнерусском языке, пользуясь буквами церковнославянского письма. [...] Основой древнерусского литературного языка является вовсе не церковнославянский язык, а прежде всего живой разговорный язык древнерусских писателей.¹⁵ В иных случаях древнерусские писатели продолжают традиции устного народного литературного языка, существовавшего задолго до появления церковнославянской письменности в произведениях народных певцов («Слово о полку Игореве»). В иных случаях источником древнерусского литературного языка оказывается язык устного обычного права, уходящий в своем генезисе в глубочайшую древность («Русская правда»)» (Якубинский 1953, 299-300).

Концепция Якубинского подверглась критике со стороны В.В. Виноградова и не получила дальнейшего развития.

Компромиссное решение было предложено В.В. Виноградовым в 1957 г.¹⁶ в его концепции о двух типах русского литературного языка, что в какой-то степени объединило две различные версии о происхождении русского «литературного» языка. Согласно теории Виноградова, во времена Киевской и Московской Руси существовало два типа древнерусского «литературного» языка – книжно-славянский и народно-литературный, активно взаимодействовавших друг с другом на протяжении всего языкового развития. При этом памятники делового содержания В.В. Виноградов исключал из корпуса текстов древнерусского литературного языка, т.к. считал, что памятники делового содержания не были нормированы и литературно обработаны. На концепции Виноградова базируется большая часть новейших исследований по истории русского литературного языка.

Противопоставить концепции Виноградова можно мнение А.В. Исаченко, утверждавшего, что современный литературный язык возник в течение XVIII-XIX вв., и не вытекает логически из церковнославянского или разговорного русского языка:

„Weder das Kirchenslawische noch die Umgangs- oder Kanzleisprache der Moskowiter sollte im weiteren Verlauf der Geschichte zur modernen russischen Nationalsprache erhoben werden. [...] Zu den zahllosen Mythen, die das ernste Studium der russischen Sprachgeschichte so erschweren, gehört auch der Mythos von einer ununterbrochenen, nahtlosen Evolution einer Sprache (der „russischen“), die vom 11. Jahrhundert an bis auf den heutigen Tag das mit sich selbst identische Subjekt der geschichtlichen Entwicklung bleibt.“ (Исаченко 1975, 298).

Версии В.В. Виноградова в какой-то степени также противостояли Б. Унбегаун и Г. Хютль-Фольтер, склоняясь к заключению, что современный русский «литературный» язык в основе своей – церковнославянский, «поглотивший» разговорный русский язык. Унбегаун допускал смешение церковнославянского и русского языков (например, в летописях) только до XIV в., до прихода «второго южнославянского влияния», с XV по XVII вв. он высказывался за развитие только церковнославянского литературного

¹⁵ Конкретно «древнерусских писателей» Якубинский не называет, но приводит произведения, написанные ими: «Русская правда», «Поучение Луки», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», отдельные части летописей, «Слово о погибели земли русской», «Моление Даниила Заточника. Называя последнее произведение, он говорит о необходимости подробного исследования текста, еще не сделанного (Якубинский 1953, 299 и далее).

¹⁶ В списке литературы указано более позднее издание 1978 года.

языка, русифицировавшего свою фонетику, а затем и морфологию, от которого и произошел в XVII-XVIII вв. современный русский литературный язык (Унбегаун 1971, 331-333).¹⁷

Г. Хютль-Фольтер высказывалась за старославянскую основу современного русского «литературного» языка, исходя из исследования морфологических славянизмов на примере русских летописей (Хютль-Фольтер 1973; Hüttl-Folter 1980).

В конце 1950-ых гг. В.В. Виноградовым была разработана и опубликована в журнале «Вопросы языкознания» анкета, состоящая из 24 вопросов по теме истории русского языка, при этом большинство вопросов касалось процесса развития русского «литературного языка» (Виноградов 1959/1960), что говорит о постоянном интересе к этой проблеме, решение которой окончательно не найдено и в наше время.

В последующих номерах журнала были опубликованы ответы различных авторов к двенадцати вопросам, причем наибольшей популярностью пользовались:¹⁸

- Вопрос № 2: Что унаследовал русский литературный язык XIII-XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северо-восточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения?

- Вопрос № 8: В чем заключается специфическое своеобразие соотношения и взаимодействия народнорусских и церковнославянских элементов в русском литературном языке XVI-XVII вв. сравнительно с белорусским и украинским литературными языками того же времени?

- Вопрос № 11: Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?

- Вопрос № 21: В какой мере исторически оправдано предположение, что средний стиль русского литературного языка XVIII в. лег в основу русской национально-языковой нормы литературного выражения?

На вопросы отвечали С.П. Обнорский (вопросы 2, 4, 6, 8, 11, 17)¹⁹, Н.И. Толстой (10), В.В. Виноградов (11), Д.С. Лихачев (5), Л.А. Булаховский (2), Н.А. Мещерский (2), П.С. Кузнецов (2), А.И. Горшков (21), Ф.П. Филин (2) и др.

Примечательно, что П.С. Кузнецов при ответе на вопрос № 2 применяет термин «стандарт» по отношению к церковнославянскому языку (русской редакции) для периода XII-XIV вв. «Стандарт церковнославянского литературного языка» выражен, согласно мнению автора, не только в письменных текстах, но и в устной форме, в церковном чтении и пении. Как синоним «стандарту церковнославянского» Кузнецов употребляет также «стандарт литературно-письменного языка»,²⁰ правда, не объясняя точно значение выбранной терминологии и какими свойствами должен обладать «стандартный церковнославянский язык» или «стандарт литературно-письменного языка».

В другом свете представляет историю русского литературного языка XI-XVII вв. Б.А. Успенский (Успенский 1983; 1987; 2002), также использующий определение «литературный язык» по отношению к Древней Руси. Автор базирует свои рассуждения на реконструкции языковой ситуации в истории развития Древней Руси XI-XVII вв.. При этом как основные факторы, способствовавшие образованию особой культурно-языковой ситуации в Киевской Руси названы христианизация и одновременный приход на Русь церковнославянской (древнеболгарской)

¹⁷ Более подробно свою концепцию Б.Унбегаун описал в статье „Le russe litteraire, est-il d'origine russe?“ В: *Revue des etudes Slaves*, v. 24, 1960.

¹⁸ «Популярные» – это значит, что на эти вопросы ответили три и более человек.

¹⁹ В скобках указаны номера вопросов.

²⁰ См. «Вопросы языкознания» 1960, № 5, 40 и далее.

письменности. По содержанию Успенский разделяет определение русского «литературного» языка для XI-XVII вв. и определение для современного русского «литературного» языка на два различных типа «литературного языка» (Успенский 1987, 2, 10; 2002, 23-24). Для XI-XVII вв. «литературным языком» является язык письменной культуры, который идентифицируется с «книжным языком» и обладает определенной книжной нормой (Успенский 2002, 77). Для Б.А. Успенского русским «литературным» языком средневековья является церковнославянский язык, который почти с самого начала, т.е. со времени прихода на Русь письменности, воспринимался восточными славянами не как иностранный, а как кодифицированная разновидность разговорного языка:

«Мы имеем все основания рассматривать церковнославянский язык как русский литературный язык эпохи средневековья. Действительно, этот язык, будучи заимствован извне, никогда тем не менее не изучался как иностранный. Поэтому он с самого начала вступает в тесные отношения с разговорным языком восточных славян и достаточно скоро начинает восприниматься как кодифицированная разновидность этого языка.» (Успенский 2002, 23).

При определении диглоссии автор использует различные термины в качестве синонимов: «литературный» – книжный язык – язык культа и культуры – противопоставляются живому языку – некнижному – языку быта (Успенский 2002, 24 и далее). Разделение сфер употребления двух языков происходит по принципу функционального противопоставления «сакральный : светский» / «культурный : повседневный» / «чужой : свой» / «книжный : некнижный» (Успенский 1987, 16, 18, 64, 68 и далее). При этом церковнославянский язык обслуживает сакрально-культурную сферу, тогда как древнерусский язык применяется в повседневном обиходе.

Образовавшуюся языковую ситуацию средневековой Руси Б.А. Успенский характеризует как диглоссию. При ее описании он ссылается на определение диглоссии, сделанное в середине XX века Фергюсоном:

„Diglossia is a relatively stable language situation in which, in addition to the primary dialects of the language (which may include a standard or regional standards), there is a very divergent, highly codified (often grammatically more complex) superposed variety, the vehicle of a large and respected body of written literature, either of an earlier period or in another speech community, which is learned largely by formal education and is used for most written and formal spoken purposes but is not used by any sector of the community for ordinary conversation“ (Ferguson 1959, 245).²¹

«Диглоссия – это относительно устойчивая языковая ситуация, при которой кроме диалектов того или иного языка (а у него могут быть стандартизованные формы, распространенные повсеместно или в отдельных областях) существует также сильно отличающаяся строго кодифицированная (часто более сложная в грамматическом отношении) и занимающая более высокое положение форма. Она является носителем большого и авторитетного корпуса письменных текстов, сложившихся или в более ранний период, или в пределах другого языкового коллектива. Изучается эта форма обычно в ходе формального обучения и используется в большинстве письменных и

²¹ Фергюсон, описывая ситуацию диглоссии, подразумевал не славянские языки, а развитие языковой ситуации в арабских странах, т.к. был ориенталистом. При этом он рассматривал четыре языковых коллектива – арабский, современный греческий, швейцарский немецкий и креольский язык Гаити, стараясь подчеркнуть распространенность явления диглоссии на примере различных языков (Хютль-Фольтер 1978, 109).

официальных устных коммуникативных ситуаций, но не используется никакой частью этого общества для бытовых разговоров».²²

Сущность диглоссийной ситуации состоит в том, что два самостоятельных языка (или две подсистемы одного языка) функционируют в определенном языковом обществе в соотношении взаимного дополнения, обслуживают различные сферы употребления и при этом в сознании носителей языка воспринимаются как один язык. В случае с двумя самостоятельными языками, как и с вариантами одного и того же языка, происходит такое распределение, при котором один язык (или один из вариантов языка) исполняет роль «высокого» или «литературного» варианта (*high variety* у Фергюсона), а другой, противопоставленный ему, является «низким» или «народным» вариантом (*low variety*). При этом первый вариант – *high variety* – обладает высоким статусом престижа, имеет определенные стандарты – нормирован и кодифицирован, относительно стабилен, обязательно имеет письменную форму, обладает сложной языковой структурой, имеет литературное наследие и, на что следует обратить внимание, этот языковой вариант можно изучить только специально, например, в школе. Второй вариант – *low variety* – высокого статуса не имеет, наличие письменной формы для него не обязательно, этот вариант не кодифицирован и в грамматическом плане не сложен, изучение этого варианта происходит еще до школьного обучения, например, в семье. По сравнению с двуязычием (Исаченко 1958; Issatschenko 1980) ситуация диглоссии обладает большей стабильностью. Функциональное распределение языков может происходить следующим образом: в официальных ситуациях – в законодательстве и делопроизводстве, в переписке государственных учреждений и т.д. – используется официальный или же государственный язык (=high variety), в том случае, если рассматриваемое языковое общество многоязычно, или литературная форма национального языка (если общество одноязычно), а в бытовых ситуациях, в повседневной жизни – используется другой язык/языки (=low variety), не имеющий статуса государственного, или, в другом случае – диалект, просторечие, являющиеся языковыми подсистемами. Диглоссийная ситуация характеризует языки именно по принципу функциональности, их престижности, «высокого» или «низкого» положения в обществе с точки зрения наличия литературной нормы, стандартизованности, лексики. Это подчеркивает в своем определении диглоссии Фишман:

„[...] diglossia exists not only in multilingual societies which officially recognize several 'languages', and not only in societies that utilize highly divergent and even genetically different vernacular and classical varieties but, also, in societies which employ separate dialects, registers, or functionally differentiated language varieties of whatever kind” (Fishman 1972, 136).

Автор применяет определение диглоссии по отношению к такой языковой ситуации, когда при использовании двух различных языковых форм происходит функциональная дифференциация, что и отличает ситуацию диглоссии от двуязычия.

Следует различать официальный язык, не всегда являющийся государственным, но признанный на государственном уровне и допустимый в использовании, например, в школах, больницах, на предприятиях и т.д., и государственный язык, всегда являющийся официальным, закрепленный законодательно, на котором ведутся государственные, законодательные, политические и общественные дела. Примером языкового общества с несколькими официальными языками может служить республика Саха (Якутия), в которой функционируют два государственных языка – русский и

²² Перевод определения Фергюсона (Алексеев 1986, 3).

якутский, и пять официальных языков – эвенкский, эвенкийский, юкагирский, чукотский и долганский, из-за чего в школах дети изучают порой до четырех-шести языков. В сложившейся языковой ситуации русский язык играет роль языка межнационального общения, т.к. в республике Саха живут представители более ста наций и народностей, которых объединяет русский язык – по данным переписи населения 1989 г. русским языком свободно владели 77,8 % нерусского населения республики (Самсонов 2003, 112-113). В Узбекистане государственным языком является узбекский, а русский язык как официальный, но не государственный, играет важную роль в сфере культуры, науки, образования, дипломатии, массовой коммуникации, а также литературы (Бушуй 2003, 123 и далее).

Если общество обслуживается двумя языками, то возникает либо ситуация диглоссии, либо двуязычие. Третий вариант – это одноязычная ситуация, когда в языковом обществе используется «литературный» язык и диалект, т.е. два типа одного языка. Суть отличий указанных языковых ситуаций состоит во взаимодействии двух языков (или двух типов одного языка), обслуживающих общество. Б.А. Успенский проводит разграничение между двуязычием, с одной стороны, и «литературным» языком и диалектом, с другой стороны, по отношению к ситуации диглоссии, и приводит отличительные признаки, характерные как для диглоссии, так и для двуязычия, и для понятия «литературного» языка и диалекта (Успенский 2002, 26-27).

По сравнению с двуязычием, когда два языка обладают определенными общими функциями и могут обслуживать одни и те же сферы, при диглоссионной ситуации происходит²³ такое распределение двух языков (книжного и некнижного, или «литературного» и живого), при котором они обслуживают различные сферы, при этом практически не пересекаясь. Они функционируют в разных сферах, дополняя друг друга и, может быть, составляя тождество, но не противопоставляясь друг другу. При двуязычии оба языка допустимы при бытовом общении, тогда как при диглоссии книжный язык исключен из повседневного общения. При диглоссии один из языков (книжный или литературный) обладает статусом престижа, служит языковой нормой, кодифицирован и усваивается в процессе формального обучения, например, в школе, а второй язык (некнижный или живой), как правило, не нормирован на всех языковых уровнях, или в нем отсутствуют некоторые грамматические категории, присущие книжному языку.²⁴ Первые грамматики, касающиеся некнижных языков, появляются довольно поздно.²⁵ Некнижный язык, что подчеркивает Успенский, при противопоставлении «книжный – некнижный» воспринимается как отклонение от нормы, как нарушение языкового поведения. Но если оба языка, обслуживающих общество, усваиваются в процессе формального обучения, то это уже не диглоссия, а двуязычие (Успенский 2002, 27-28). С положением, что некнижный (разговорный) язык может восприниматься носителями языка отрицательно, из-за отклонения от книжной нормы, не совсем согласна Хютль-Фольтер, указывая, что применение книжного или некнижного языка зависит в первую очередь от речевой ситуации, и что употребление

²³ Или должно происходить, модель диглоссии относительна, ее можно рассматривать как попытку описать языковую ситуацию на примере какого-либо языкового общества.

²⁴ При характеристике ситуации диглоссии по отношению к Древней Руси Успенский (Успенский 2002) приводит те же признаки, что и Фергюсон (Ferguson 1959), противопоставляя высокий (церковнославянский) и низкий (русский) языки, книжный и некнижный, профанный и сакральный, престижный и не престижный и т.д., используя все эти определения, как синонимы, не выделяя первичные и вторичные (т.е. менее важные) характеристики.

²⁵ Фергюсон по этому поводу правильно замечает, что первые грамматики для разговорных, живых языков были составлены, как правило, учеными, не являющимися носителями данного языка, как родного, и были написаны не на языке этого языкового коллектива (Ferguson 1959, 329).

книжного языка в быту вызывает также отрицательную реакцию в силу своей неуместности (Хютль-Фольтер 1978, 112).

Еще одним отличительным признаком является невозможность (при ситуации диглоссии) перевода с одного языка на другой, существование параллельных текстов с одним и тем же содержанием исключается, в первую очередь потому, что обслуживая разные сферы общества, языки имеют различную лексику. Один язык оперирует терминами, которые не встречаются в другом, и наоборот. Таким образом, при диглоссийной ситуации лексика является показателем, определяющим принадлежность текста (устного или письменного) к той или иной разновидности языка / к тому или иному языку.

По сравнению с одноязычной языковой ситуацией, когда в обществе используется «литературный» язык и диалект, при ситуации диглоссии книжный язык не используется в качестве языка общения. Это релевантно по отношению ко всем социальным группам общества. Но при одноязычной ситуации допустимо, что одна или несколько социальных групп в качестве средства повседневного общения может использовать не диалект, а литературный язык. Из этого следует, что при ситуации диглоссии затрудняется дифференцирование общества по социальным группам, потому что использование некнижного и книжного языка для всего общества является обязательным и зависит от речевой ситуации, а не от социального слоя, как при одноязычной языковой ситуации, когда употребление «литературного» языка связывается с социальными верхами, а просторечия – с социальными низами (Успенский 2002, 28-29).

Хотя концепция Б.А. Успенского и столкнулась со значительной критикой, ее положение о том, что когда два близкородственных языка – церковнославянский и древнерусский – в Древней Руси могли сосуществовать в условиях диглоссии, представляется довольно убедительным. За это говорит и то обстоятельство, что диглоссия была возможна только там, где образование книжной культуры было связано с религиозным обучением, а также отсутствие параллельных текстов одинакового содержания на церковнославянском и древнерусском языках. Церковнославянский и древнерусский языки времен Киевской и Московской Руси представлены каждый своим корпусом текстов (Успенский 1987).

В отношении противопоставления «книжный : некнижный», Б.А. Успенский пишет, что церковнославянский язык в Киевской и Московской Руси выполнял функции «литературного» языка, и что древнерусский язык подобных функций не выполнял. В основе «литературного языка» лежит корпус сакральных текстов, который был дополнен переводами из греческого текстов мирского содержания, а также текстами оригинального восточнославянского происхождения (например, «История о великом князе Московском» Курбского) (Успенский 1987, 65). К «литературному языку» относятся также и летописи, так как в области грамматики они содержат церковнославянские нормы (Успенский 1987, 114, 171 и далее; Ремнева 1988). Относительно таких литературных памятников, как летописи, Г. Хютль-Фольтер подчеркивает, что основной признак диглоссии – функциональное взаимодополнение двух языков – на них не распространяется. В летописях оба языка используются в различных пропорциях, в зависимости от темы повествования (Хютль-Фольтер 1978, 117). Основной причиной использования двух языков в смешанных пропорциях при создании летописей, как считает Хютль-Фольтер, послужила нехватка ресурсов церковнославянского языка для отображения происходящих событий, хотя летописи, как литературное произведение необходимо было писать на чистом церковнославянском языке (Хютль-Фольтер 1978, 117 и далее). Стремление отображать действительность в полной мере (и невозможность отобразить это при помощи одного

только церковнославянского языка) вызвало появление таких смешанных текстов, как летописи.

Если рассматривать противопоставление «книжного» и «некнижного» как «нормативное» и «ненормативное», то в область ненормативного попадает и деловой язык Древней Руси, что не совсем соответствует состоянию текстов деловой письменности – язык в них нормирован, но не литературной нормой, а ориентированной на живую восточнославянскую речь. Язык этот содержит определенные языковые конструкции, применяемые по отношению к деловой письменности, а также ряд черт книжного языка, что делает его отличным от непосредственно живой восточнославянской речи (Ремнева 2003, 36).

Сложные функциональные взаимоотношения между церковнославянским и русским языком делают невозможным полное применение концепции диглоссии Фергюсона к языковой ситуации средневековой Руси, или только частично соответствуют ей (Keipert 1984; Worth 1975). В то время, как Фергюсон диглоссию противопоставляет двуязычию, по отношению к языковой ситуации Киевской Руси границы между диглоссией и двуязычием размыты (Алексеев 1986).

Кроме того, ситуация диглоссии применима для общества, владеющего обоими языками (высоким и низким вариантом) относительно полноценно, чего нельзя сказать о населении Древней Руси. Церковнославянский язык воспринимался, в первую очередь, как язык культа, церкви, как священный – и в этом смысле «свой» (а не «чужой», по концепции Успенского). Но, вероятно, церковнославянский язык как языковое средство для передачи информации не воспринимался на Руси членами языкового коллектива как единый с русским языком, это были два разных языка. В отношении языковой грамотности Кайперт приводит данные переписи населения за первую половину XIX в. (1844 г.) – 96% неграмотных от общего числа (учитывалось только мужское население), а также конца XIX в. (1897 г.) – 79% (Keipert 1984, 475). Во времена Древней Руси русским языком, низким или «некнижным» вариантом, владели все, это не требует дополнительных доказательств. А церковнославянской грамотой – только ограниченный круг лиц и в разной мере, при этом следует различать активное и пассивное владение церковнославянским (Freydank 1984; Алексеев 1986). Для рассмотрения диглоссии как модели (теоретически) необходимо сначала определить, кто входит в состав языкового коллектива – носители некнижного варианта языка (русского) или только носители активного и пассивного книжного варианта (автоматически и некнижного тоже), но в последнем случае это не будет распространяться на всю территорию Руси.

Существенным недостатком при описании ситуации диглоссии на Руси в XI-XVII вв. (как и вообще при описании моделей, связанных с историческим прошлым) является ограниченность информации и малый объем сохранившегося. Мало что известно о состоянии устной речи того времени, неизвестно, как сами члены языкового общества (в данном случае на Руси) воспринимали диглоссийную ситуацию, а также объем сохранившихся текстов того времени невелик, особенно это касается текстов светского содержания (Хюттль-Фольтер 1978, 116).

Кроме того, критических замечаний в отношении употребляемой Б.А. Успенским терминологии заслуживают также следующие факты:

- 1) неполное соответствие противопоставлений «книжный (=церковнославянский) : некнижный (=древнерусский)» и «письменный : устный»;
- 2) наличие грамот с церковнославянской орфографией;
- 3) утверждение автора, что не представлены тексты на древнерусском языке, совершенно не тронутые влиянием церковнославянской традиции.

Из этого можно заключить, что определение «письменный язык» Киевской и Московской Руси включает в себя больше, чем определение Б.А. Успенского «литературный язык» (=церковнославянский язык) (Mengel 1998b, 120).

Этот «письменный язык» отражает с самого начала ситуацию диглоссии, вернее, он учитывает ее, как и наличие письменных текстов на церковнославянском и русском языках. Кроме вышеназванных фактов интересен еще и довод, что применение того или иного языка в тексте обусловлено отношением пишущего к содержанию текста (Успенский 1987, 63 и далее). Это отношение выражается в необходимости объективно представить какое-либо событие (например, описание церковного праздника), что фиксируется на церковнославянском языке, либо субъективно передать что-либо (например, описание какого-либо преступления), выраженную на древнерусском. Отношение пишущего при этом хорошо передается сменой церковнославянского и русского: в первом случае (праздник) благоговейное, возвышенное, которое можно описать только по-церковнославянски; во втором (преступление) – негативное, низкое, к описанию которого хорошо подходит русский язык. Соответствующую смену языкового кода хорошо можно наблюдать в летописях, где использовался как русский, так и церковнославянский язык.

Таким образом, особенность культурно-языковой ситуации Древней Руси XI-XVII вв. отражается в письменном языке, а точнее – взаимодополняющее применение церковнославянского и древнерусского языков, вообще развитие письменного языка Киевской и Московской Руси XI-XVII вв., отражает ситуацию диглоссии. При этом церковнославянский как язык культуры без сомнения играет ведущую роль (Mengel 1998b, 121).

1.3 Комплексная модель описания развития «русского литературного языка нового типа» как стандартного языка

Применение термина «литературный язык», как уже было сказано, не совсем корректно по отношению к церковнославянскому языку, в первую очередь из-за его многозначности – «литературный язык» = письменный язык (по Соболевскому), «литературный язык» = стандартный язык (по терминологии новейшего русского языкознания, Keipert 1984), «литературный язык» = письменный язык = стандартный язык (Gutschmidt 1993, 1). Церковнославянский язык Древней Руси XI-XVII вв. не выполнял функций, заложенных в выше указанных терминах и не полностью соответствовал определениям «литературного» или стандартного языка.

Для церковнославянского языка XI-XVII вв. на Руси целесообразно использовать термин «язык культуры», потому что культурная функция этого языка очевидна. Церковнославянский язык образовался как искусственный язык переводов греческих религиозных текстов на общеславянский и функционировал надрегionalmente. Нельзя отрицать его формирующее влияние на образование письменного языка Древней Руси XI-XVII вв. вплоть до развития современного русского стандартного языка. Указанные выше утверждения Б.А. Успенского показали, что церковнославянский язык при ситуации диглоссии обслуживал область культуры. А.А. Шахматов (Шахматов 1915/2002) также приписывал ему роль культурного койне. Поэтому самым точным определением функции церковнославянского языка в рамках письменного языка Киевской и Московской Руси является «язык культуры» (Mengel 1998b, 122).

Древнерусский язык традиционно называют «деловым языком», что соответствует его функции в рамках письменного языка. Этот «деловой язык» был принят во всех государственных учреждениях и господствовал не только в делопроизводительной и юридической сфере до XVIII века, на нем велась преимущественно вся деловая и

бытовая переписка того времени. Для определения русского как «делового языка» хорошо подходит немецкий термин „Kanzleisprache“ (Issatschenko 1980).

«Русский литературный язык нового типа» начал свое формирование в начале XVIII века, когда возникла необходимость преодолеть устоявшуюся культурно-языковую ситуацию диглоссии. Если рассматривать социолингвистическое определение стандартного языка, включающее четыре основных компонента – нормированность, обязательность, дифференцированность и поливалентность (Rehder 1995), то в XVIII веке языковые реформы Петра I и кодификация в грамматике М.В. Ломоносова (1755) создали необходимую базу для реализации языковых норм в создаваемых текстах. Реформы Петра стали необходимым политическим фактором (Rehder 1995), а грамматическая модель укрепилась и получила дальнейшее развитие в истории «русского литературного языка нового типа».

Выше уже было сказано, что в российском языкознании термин «литературный язык» широко распространен, но разные ученые применяют этот термин по отношению к различным языковым феноменам, формам существования или вариантам этнического, т.е. национального языка:

- 1) «литературный язык» = standard language – по отношению к «современному русскому литературному языку», когда язык соответствует основным критериям стандартного языка – кодифицированности, поливалентности, стилистической дифференцированности и обязательности в языковом обществе.
- 2) «литературный язык» = письменный язык.
- 3) «литературный язык» = язык культуры.

Последние два термина «литературный язык» используются по отношению к истории русского «литературного» языка периода XI-XVII вв..

Определение «литературный язык» применяют соответственно как минимум для трех существующих или существовавших форм языка, что ведет к нежелательной многозначности термина. Применение одного и того же термина по отношению к нескольким различным языковым феноменам некорректно и требует упорядочения терминологии. С. Менгель (Mengel 1998b) предлагает следующую терминологическую модель описания истории русского «литературного» языка:

„Es lässt sich zusammenfassen, dass der terminologische Apparat für die Beschreibung der Schriftsprache in der Kiever und der Moskauer Rus' wie folgt dargestellt werden kann: Schriftsprache repräsentiert durch Kultursprache (Kirchenslawisch) und Kanzleisprache (Altrussisch).

Die gesamte Entwicklungsgeschichte der russischen „Literatursprache“ kann schematisch wie folgt dargestellt werden:

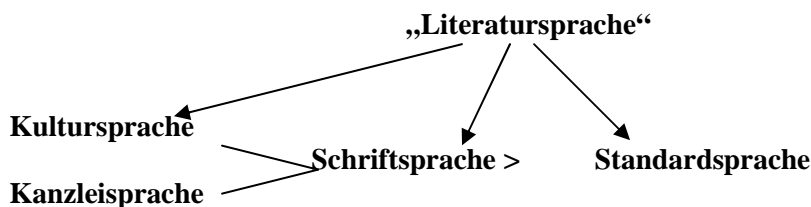

Рис. 3. Схема развития литературного языка.

Im Terminus **Standardsprache** wird die allgemeine Gültigkeit dieser Varietät für alle Träger einer Nationalsprache hervorgehoben (standard), u.a. ihre obligatorische kodifizierte Norm. Der Terminus **Schriftsprache** bezeichnet die Entwicklungsepoche einer Sprache, wo zuerst die Schriftlichkeit als solche von Bedeutung ist. Die Norm ist in ihrer Entwicklung begriffen. In der

Geschichte der russischen Sprache sind dabei die zwei Geltungsbereiche Kultursprache und Kanzleisprache zu unterscheiden, wobei die Kultursprache den Prestige-Status besitzt und die „wertende“ Funktion bei der Herausbildung der Norm übernimmt“ (Mengel 1998b, 123-124).

Предложенная модель описания содержит термины для обозначения как «современного русского "литературного" языка», так и для обозначения исторического развития русского «литературного» языка в XI-XVII вв.:

- «русский литературный язык нового типа», который развивается в «современный русский литературный язык» – это standard language или стандартный язык. Этот термин предлагается ввести вместо принятого в российском языкознании «современный русский литературный язык»;
- стандартный язык опирается на оба варианта письменного языка – на язык культуры (церковнославянский) и на деловой язык (древнерусский), которые являются двумя вариантами письменного языка. Термин «письменный язык» предлагается применять по отношению к истории русского языка XI-XVII вв., ко времени Киевской и Московской Руси (Mengel 1998b, 124);

Принятая терминология представляется логично выстроенной, она поможет устранить путаницу в некорректном употреблении термина «литературный язык» по отношению к различным формам существования русского языка, и будет постоянно использоваться в данной работе в последующих теоретических и практических описаниях, в том числе и при лингвистическом анализе текста «**Писанію сватомꙋ согласꙋющеꙋ Наставленіе къ истинноꙋ ꙗзычанію и дꙋшеꙋ спасителноꙋ оꙋпотреꙋенію страданіа и смерти господа и спасителя нашеꙋ Иисꙋса Христа Спасителя ꙗнастасіемꙋ проповѣдникомꙋ божіа слова**».

Выбранная терминология имеет важное значение и по отношению к цели исследования – поискам языковых норм на начальном этапе формирования «русского литературного языка нового типа», развившегося со временем в стандартный русский язык.

Обычно XVIII век рассматривают и описывают как начало новой русской литературы и литературные произведения того времени достаточно изучены. Но в том же XVIII веке продолжал развиваться и церковнославянский язык, оказавший такое большое влияние на формирование «русского литературного языка нового типа». Перспективы исследования русского церковнославянского языка XVIII века на основе конкретных произведений открывают новые возможности для получения информации о формировании русского стандартного языка, потому что церковнославянские тексты XVIII века создавались в очень противоречивую эпоху перехода от письменного языка (XI-XVII вв.) к «русскому литературному языку нового типа» (т.е. стандартному языку), и это должно было отразиться в создаваемых текстах. Эти произведения, в том числе и переводы С. Тодорского, нельзя проигнорировать и оставить неизученными.²⁶

²⁶ Н.И. Толстой приводит в качестве примера таких неизученных памятников рукописную книгу «Тропник», переведенную в 1799 г. с польского языка на «чистейший церковнославянский язык своего времени» (Толстой 1998, 25).

2. «Русский литературный язык нового типа». – Предпосылки его возникновения и условия формирования в России в первой половине XVIII-го века

2.1 Особенности развития русского письменного языка в XI-XVII веках

Для языковой ситуации Древней Руси XI-XVII вв. существенным представляется наличие двух вариантов письменного языка, обслуживающих различные сферы общественной жизни – деловой язык, действующий в сфере торговой, бытовой и законодательной (базирующийся, в основном, на древнерусском языке) и язык культуры (=церковнославянский), функционирующий как язык религии, церкви и культуры.

Церковнославянский и древнерусский языки являлись двумя вариантами письменного языка и, обслуживая различные сферы общества, были представлены различными группами (сортами) текстов. Более подробное описание указанных вариантов письменного языка, с определением норм, их характеризующих, а также с определением конкретных сортов текста, в которых они представлены, будет дано в последующих главах.

2.1.1 Корпус текстов русского письменного языка XI-XVII вв.

2.1.1.1 Церковнославянский язык – язык культуры. Корпус текстов

Как язык религии православных славян, церковнославянский был распространен на довольно обширной территории,²⁷ где использовались и переписывались общие тексты. Хотя церковнославянские тексты и испытывали влияние местного живого языка, что сильнее всего обычно отражалось на орфографии, строй церковнославянского от этого менялся мало. Церковнославянский был языком консервативным – ведь тексты, на нем написанные, были сакральными, поэтому отличались многовековой традицией, авторитетностью и неизменностью формы и содержания на протяжении длительного времени. В результате влияния местных славянских языков возникали варианты или изводы церковнославянского (чешский, моравский, болгарско-македонский, русский). О церковнославянском языке можно говорить, начиная с конца X века – времени, когда прекратил свое существование старославянский язык.²⁸

Главной особенностью старославянского языка было то, что с самого начала он задумывался как общий для всех славян язык религии и богослужения, но не как язык разговорного общения. Его первичная и инвариантная функция заключалась именно в этом. В этом функциональном плане старославянский очень походил на латинский и греческий языки, которые тоже были языками сакральными, но с существенным отличием – и греческий и латинский язык до момента становления языками религии уже имели многовековую историю развития, как языки культуры античного периода. Старославянский подобной историей развития не обладал, и потому при его создании солунские братья Кирилл и Мефодий в IX в. опирались на языковую систему греческого языка, в основном в области синтаксиса и лексики. Таким образом, во-

²⁷ Славяне, занимающие части Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, т. наз. *Slavia Orthodoxa*.

²⁸ Традиционно считается, что старославянский язык – это переводы Кирилла и Мефодия и их учеников, сделанные в IX в., которые не сохранились. С X в. можно говорить только о вариантах (редакциях, изводах) старославянского, который называют церковнославянским чешской, русской, сербской и т. д. редакций, которые представлены в сохранившихся рукописях. Условно можно было бы называть старославянский древнецерковнославянским, а церковнославянский – новочерковнославянским, что наглядно показывает происхождение церковнославянского языка от старославянского.

первых, старославянский язык имеет иное историческое развитие – от языка религии и церкви – к языку культуры и литературы. И во-вторых – старославянский язык стал основой для создания славянского этноса, т.к. он объединил значительную часть славянских народов, многие из которых в IX в. еще не были христианскими (Толстой 1998, 32-33).

Кроме того, церковнославянский²⁹ язык явился тем решающим фактором в жизни славян, который разделил мир славян на православных (*Slavia Orthodoxa*) и католических или неправославных (*Slavia Latina*). Так как церковнославянский язык был не только языком религии (хотя в начале, в 1054 г., после раскола церкви, происходило разделение только в религии: западные славяне вместе с католичеством получили в наследство латинский язык, а у южных и восточных славян остался церковнославянский), но также языком культуры и литературы, то сложившуюся языковую ситуацию, в которой у южных и восточных славян церковнославянский язык занимал более высокое положение, чем местные славянские языки (т.е. происходило иерархическое соподчинение) можно определить как гомогенное двуязычие (Толстой 1998, 38). Гомогенное двуязычие нашло отражение в религиозном, и культурном единстве, что переросло затем в единство литературное и языковое. У западных славян ситуация двуязычия была гетерогенной, когда латинский и местные славянские языки занимали относительно равное положение, что вылилось в единство культурное и религиозное (Толстой 1998, 36 и сл.).

Так как церковнославянский язык с самого начала был языком письменным, то можно считать его языком текстов. Тексты являлись основной формой существования церковнославянского языка, они определяли факт существования самого языка, а также устанавливали определенные нормы.

До нашего времени дошло незначительное количество памятников церковнославянского языка древнего периода (всего около двадцати), ни один из них по времени создания не относится к IX в., т.е. ко времени деятельности Кирилла и Мефодия. Древнейшие из текстов восходят к XI в. и содержат языковые отличия, обусловленные влиянием местных славянских языков. Наиболее древними из различных изводов считаются паннонские памятники, написанные как глаголицей (Киевские листки X в., Зографское Евангелие и Мариинское Евангелие конца X – начала XI в., Евангелие Ассемани XI в., Синайская псалтырь XI в., сборник Клоца XI в., несколько небольших по объему отрывков – Охридское Евангелие, Македонский листок), так и кириллицей (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Евангелие Ундольского, Слуцкая псалтырь (один листок) – все относятся к XI в.). Язык этих памятников наиболее свободен от влияния живых славянских языков того времени и условно считается старославянским – т.е. языком, на который переводили первоучители в IX в..

К древнейшим памятникам русского извода церковнославянского языка принадлежат тексты XI-XII вв., написанные кириллицей, например, Остромирово Евангелие 1056-1057 гг., Изборники Святослава 1073 г. и 1076 г., Архангельское Евангелие 1092 г., Новгородские минеи 1096-1097 гг., Мстиславское Евангелие 1125-1132 гг., Добролюво Евангелие 1164 г., Юрьевское Евангелие XII в..

Церковнославянские тексты можно условно разделить на три основные группы: 1. Переведенные религиозные тексты-образцы; 2. Оригинальные религиозные тексты, созданные, а не переведенные; 3. Церковнославянские переводы текстов светского

²⁹ В данной работе термин «старославянский» будет использоваться только в связи с первыми произведениями, созданными солунскими братьями, а также по времени до конца X в.. Для более позднего периода используется термин «церковнославянский».

содержания. Причем, для каждой из групп использовалась своя техника создания текстов.

2.1.1.2 Язык деловой письменности и ее тексты

Кроме языка религии, а впоследствии литературы и культуры – церковнославянского, на Руси существовал еще и другой язык – разговорный язык восточных славян, берущий свое начало в VI-VIII вв., когда на территории, заселенной восточными славянами существовало большое разнообразие диалектов. К X в., ко времени расцвета Киевской Руси, сформировался особый лингвистический тип – койне – древнерусский³⁰ язык, который использовался как общий язык восточных славян при общении и обслуживал при этом многие коммуникативные сферы, различные по содержанию. Древнерусский язык был для восточных славян родным языком, а церковнославянский был языком «не чужим», своим в культурно-историческом отношении, потому что тоже был славянского происхождения (Аванесов 1978, 90).

На основе разговорного древнерусского языка сформировался второй вариант письменного языка Древней Руси – язык деловой письменности. Исполняя другие функции (в противопоставление церковнославянскому языку), этот язык обслуживал сферы государственных дипломатических отношений, экономических связей и правовых взаимоотношений. Благодаря тому, что в основе языка деловой письменности лежал разговорный (древне)русский язык, техника создания таких текстов была не такой, как у церковнославянских текстов – создатель текстов деловой письменности постоянно обращался к своему разговорному языковому запасу. Так как язык деловой письменности не был сильно ограничен текстами-образцами или строгими языковыми нормами, при создании деловых текстов их автор был более свободен в выборе языковых средств.

Абсолютной границы между письменными церковнославянским и языком делопроизводства (имеющим русскую основу) не существовало, эти языки находились в постоянном взаимодействии. Только было оно неодинаковым – элементы церковнославянского легче проникали в тексты деловой письменности. Обратный процесс был затруднен искусственной изоляцией церковнославянского как языка культа и религии. Элементы церковного языка в грамотах встречаются в основном в традиционных зачинах и концовках, которые на протяжении долгого времени традиционно оставались неизменными.

Памятники деловой письменности, особенно для более позднего времени, начиная с XVI в., сохранились в большом количестве. Это юридические кодексы («Русская правда», «Судебники» XV-XVI вв., «Соборное уложение» 1649 г.), а также административные, судебные, торговые документы.

2.1.1.3 Летописи. «Смешение» двух вариантов письменного языка

Два варианта письменного языка – церковнославянский и деловой язык своим названием говорят о функциях, которые они выполняли. Но сохранившиеся тексты трудно четко разграничить в языковом отношении, т.к. четких границ между вариантами письменного языка не существовало. Язык летописей – распространенных в Киевской Руси хронологических записях событий, случившихся в государстве, представляет интерес в отношении своей неоднородности, т.к. нельзя однозначно отнести его ни к церковнославянскому, ни к деловому языку.

³⁰ Этот термин наиболее распространен в литературе по истории языка.

Таким образом, древнерусские летописи являются «слабым звеном» по отношению к модели диглоссии – они написаны не на «высоком» или «низком» варианте (церковнославянский / древнерусский), а на «смешанном» варианте письменного языка, когда высокий и низкий варианты чередуются, в зависимости от выбранной темы повествования. Но, с другой стороны, именно благодаря существующим двум вариантам письменного языка, один из которых отвечал за духовное, высшее и религиозное, а другой – за бытовое, повседневное, и появились летописи – в которых по тематике присутствовали сферы влияния обоих языков. По языку написания летописи можно отнести в «пограничную зону» влияния церковнославянского и древнерусского. Образованию этой зоны способствовали такие факторы, как близкое языковое родство, сосуществование на одной и той же территории на протяжении многих веков, а также сами древнерусские авторы – переводчики и писцы, в относительно равной мере знакомые с обоими языками (Хютль-Фольтер 1973, 30). Созданные тексты – летописи – это результат контакта церковнославянского и древнерусского языков. В связи с тем, что одна летопись иногда писалась на протяжении длительного времени, от нескольких десятков лет и более, она представляла собой развитие обоих языков и процесс их контакта:

«Древнерусские летописи представляют собой исключение и в литературном и в языковом смысле. Они не являются одним целым, как современные произведения, созданные одним автором в определенный период, а представляют собой труд нескольких авторов (писцов), который много раз – часто в течение нескольких столетий – был переработан, скомпилирован и продолжен. Значит, композиция и язык летописей были подвержены многочисленным изменениям и являются тем, что можно условно назвать «системой в развитии»; композиция одного текста также не однородна от начала до конца, а напротив – постоянно изменяется. Однако она находится в тесной связи с трактуемой темой: сообщения об исторических событиях, рассказы, фольклорные предания или религиозные легенды.» (Хютль-Фольтер 1973, 30-31).

Развитие можно было наблюдать потому, что было постоянное соотнесение с темой повествования. А вот каким образом писцы справлялись с этой темой, что в разные времена было написано, это и является развитием взаимодействия церковнославянского и древнерусского языка, и подлежит тщательному исследованию.

Изучение летописей сложно, во-первых потому, что они сохранились только в копиях, ни одного первоначального оригинала до наших дней не дошло. Копии летописей – списки XIV-XVIII вв.. В зависимости от описываемых событий и от места составления, списки делятся на разряды (например, Киевская, Новгородские или Псковские летописи), причем списки одного разряда могут различаться между собой, как в историческом плане (выбор описываемых событий), так и в языковом. Поэтому списки делятся на различные редакции, или изводы. Самыми древними являются Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, в основе которых лежит первая Киевская летопись, известная как «Повесть временных лет». Летописи велись во многих городах Древней Руси – известны Новгородские, Псковские и Московские летописи. Начиная примерно с XV в. летописи обращаются в разрядные книги, а также частично в «Сказания» и частные записи отдельных лиц. Кроме того, смешение двух языков в летописях усложняет языковой анализ. Г. Хютль-Фольтер предлагает разбивать летописи по темам, на тематические единства. Целью такой классификации является разделение летописи по языковой композиции, т.е. когда языковая композиция определенной части текста тесно связана с обрабатываемой темой (Хютль-Фольтер 1973, 33 и далее). Это позволяет объединить близкие в языковом отношении сегменты и противопоставить их другим сегментам, лингвистически отличающимся.

2.1.1.4 Языковая ситуация в Великом Новгороде как частный случай по отношению к развитию древнерусского и церковнославянского языков

Языковая ситуация, сложившаяся в течение веков в Великом Новгороде настолько интересна и своеобразна, что хотелось бы ее разобрать подробнее. А.А. Зализняк, на протяжении десятилетий занимающийся раскопками в окрестностях Новгорода и исправно публикующий все вновь найденные берестяные грамоты, в своих работах анализирует язык берестяных грамот (Зализняк 1984; 1987). Его исследования относятся к периоду XI-XIII вв., но также и к более позднему времени, ко времени создания Московской Руси, правда эти различия выражены в позднее время уже не так ярко и однозначно, как в более ранние века. Выводы, к которым пришел Зализняк, приводятся в данной работе по причине частого использования языковой ситуации, сложившейся в Новгороде в средние века, как образца распространения грамотности среди простых людей, что таковым не являлось по причине изолированного и своеобразного развития как Новгорода, так и его языковой ситуации.

Язык, зафиксированный в новгородских грамотах, Зализняк называет «древненовгородским диалектом» и отличает его как от церковнославянского языка, так и от древнерусского, сложившегося в Киевской Руси (Зализняк 1987, 117). Таким образом, Зализняк выводит третью норму письменного языка, или же диалект, как он сам его называет, отличную от двух указанных (там же). К отличительным чертам этого диалекта, по сравнению с древнерусским языком, принадлежал ряд особенностей, всего Зализняк приводит 17. К ним относятся, например: отсутствие второй палатализации – **кѣле на ногѣ**, вместо стандартных **цѣлаз на нозѣ**; отсутствие перехода **кв, зв** в **цв, зв** в случаях типа **квѣте гвѣзда** вместо стандартных **цвѣтъ звѣзда**; совпадение фонем **ц** и **ч**; флексия **-е** в им. ед. у существительных мужского рода твердого о-склонения – **смьрде морозе кѣле**; замена **ѣ** на **е, ь** и т.д. Зализняк приходит к выводу, что:

«Итак, приведенный материал достаточно ясно показывает, что в древнем Новгороде церковнославянскому языку противопоставлялась не одна, а две разновидности собственно древнерусского языка – диалектная и стандартная.» (Зализняк 1987, 128).

Из этого следует, что язык, существовавший в Новгороде, значительно отличался от древнерусского, позднее русского языка. Несмотря на то, что эти выводы были сделаны на основании только анализа найденных берестяных грамот, частота употребления этих отличий в грамотах закономерна, что позволяет сделать общие выводы о том, каким был язык древнего Новгорода.

«Независимо от противопоставления разных форм древнерусского языка, в Новгороде, как и в остальной Руси, разумеется, существовало противопоставление древнерусского языка в целом, как бытового, делового и юридического, церковнославянскому, как языку церковному и литературному. Можно думать, однако, что в специфических условиях Новгорода, в отличие от других областей, в сознании грамотных людей церковнославянский язык до некоторой степени сближался со стандартным древнерусским.» (Зализняк 1987, 131).

В силу определенных венингвистических причин – добровольной изолированности от «центра» (Киева, позже Москвы), активного лексического обмена благодаря насыщенной торговой жизни, в том числе с другими странами, относительно свободного отношения к иным вероисповеданиям, в Новгороде складывается иная языковая ситуация – древненовгородскому диалекту, который в письменном виде

используется для повседневной переписки, заключения торговых сделок и договоров, противопоставляются два языка – церковнославянский и древнерусский, которые грамотными людьми воспринимаются как очень близкие языки, более возвышенные и необходимые в особенных случаях. Это соотношение можно представить в виде весов, на одной чаше которых находится древненовгородский диалект – живая речь, необходимая для языковой коммуникации в повседневной жизни, а на другой чаше расположены древнерусский язык, отличающийся от древненовгородского диалекта рядом морфологических особенностей и некоторыми особенностями в фонемном составе словоформ, служащий для более ответственных социальных целей, например, для издания законов, и вместе с ним церковнославянский, отвечающий за духовную и литературную жизнь человека. Противопоставление получается иное, нежели в ситуации с Московской Русью. Древнерусский язык соотнесен с церковнославянским как противопоставление живому новгородскому диалекту. И если для полноценного участия в деловой и официальной жизни новгородцу достаточно было освоить ряд морфологических и словообразовательных особенностей, при этом практически не меняя своей лексики и синтаксиса – тем самым он овладевал древнерусским языком, то в случае с церковнославянским языком ему необходимо было освоить большой фонд особой лексики, которая практически не имела эквивалентов в родной живой речи и научиться понимать новые синтаксические конструкции, тоже чуждые новгородскому диалекту.

Языковую ситуацию, сложившуюся в Новгороде, необходимо рассматривать, как частный случай, но не как закономерность – в развитии грамотности среди населения. Сохранившиеся до наших дней грамоты позволили составить представление о языке древнего Новгорода, который, как и любой другой язык, обладал определенными нормами, закономерностями, повторяющимися в текстах и характеризующими именно этот язык. Распространение грамотности среди населения было вызвано, как уже было упомянуто, в первую очередь внелингвистическими факторами – торговые отношения, из которых большей частью состояла жизнь новгородцев, требовали знания письма. Это было необходимым условием для заключения торговых сделок, подписания договоров и т.д.

2.1.2 Особенности нормы русского письменного языка XI-XVII веков

Большой энциклопедический словарь характеризует сегодня норму, как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» (БЭС Языкознание 1998, 337). При этом понятие нормы трактуется по отношению к литературному языку национального периода, как совокупность устоявшихся языковых средств и их функционирование в обществе. Норма является не только устоявшимся и системно зафиксированным компонентом, так как напрямую связана со структурой языка, по отношению к ней допускается также и дифференцированные изменения, возможность наличия ряда вариантов и синонимов (там же). Формирование языковой нормы – это всегда процесс отбора, в данном случае из языковых элементов, имеющих в наличии и используемых для выражения одного и того же явления, отбирается самое оптимальное, распространенное, традиционное. Вариативность языковых средств способствует развитию различных функциональных стилей в литературных языках.

Процесс отбора языковой нормы, происходящий за какой-либо промежуток времени, иногда довольно продолжительный, всегда связан с историческими событиями того народа и той страны, где это происходит, т.е. языковая норма всегда

имеет исторический контекст и ее необходимо рассматривать с этой точки зрения. Объяснить какие-либо языковые процессы, происходящие внутри языка (это касается и формирования языковой нормы) можно, ответив на вопрос «как это происходит?». Но «почему это происходит?», можно ответить, лишь рассмотрев и внешние факторы, влияющие на формирование языковой нормы, которые и являются основными в этом процессе.

Наличие нормы распространяется как на письменную, так и на устную формы языка, в разграничении которых есть свои сложности. В первую очередь, это относится к нормам устной речи, когда в ней используются различные формы существования языка – например, литературная, разговорная или диалектная формы языка. Несоответствие норм письменного языка по отношению к нормам устной речи может возникнуть и тогда, когда письменный язык является архаичным и традиционным, «застывшим» в своем развитии на определенном этапе, тогда как устная речь находится в постоянном движении развития. Как правило, нормы письменной речи в процессе языкового развития складываются раньше, чем нормы устной или же – уже сложившиеся нормы письменного языка влияют на формирование норм устной речи.

Нормы современных письменных языков, в том числе и русского литературного языка нового типа (т.е. языка-стандарта), сложились благодаря взаимодействию контролируемых (или сознательных) и неконтролируемых (стихийных) процессов. При этом признанию нормой какого-либо языкового явления способствуют по меньшей мере три следующих фактора: 1) данное языковое явление должно соответствовать структуре языка; 2) данное языковое явление должно регулярно использоваться в процессе языкового общения; 3) данное языковое явление должно быть принято в обществе, как норма, должно считаться нормой по общему согласию (БЭС Языкознание 1998, 338). Третий фактор является, вероятно, решающим, потому что неприятие в обществе какого-либо языкового явления в процессе перехода от устаревших языковых норм к новым может повлиять на стабилизацию нормы, ее закрепление. Языковые варианты при переходе от устаревших норм к новым выполняют роль переходных ступеней, они необходимы для конечного результата процесса формирования языковой нормы – выбранного языкового варианта, который будет закреплён и кодифицирован в грамматиках и словарях.

Значение языкового варианта описывается в БЭС следующим образом:

«Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов.» (БЭС языкознание 1998, 80-81).

Языковые варианты являются неотъемлемой частью нормы и предлагают выбор в отношении языковых единиц:

«Под вариантностью нормы понимается существование вариантных средств в синхронно рассматриваемой литературной норме» (Ремнева 2003, 28-29).

Рассмотрим подробнее нормы двух вариантов письменного языка – церковнославянского и делового, чтобы выявить критерии, по которым их можно будет определить.

2.1.2.1 Норма церковнославянского языка и ее вариативность

В последние десятилетия появилось достаточно много работ по теме определения языковой нормы Древней Руси (см. Issatschenko 1980; Михайловская 1980; Алексеев 1987; Успенский 1987; Ремнева 1988; Mengel 1993; 1995; Верещагин 1997; Живов 2006), в которых устанавливались различные виды языковых норм, о некоторых из них здесь будет сказано подробнее.

По отношению к церковнославянскому языку, в письменной форме которого существовали языковые варианты, формирование нормы тоже исходило из наличия языковых вариантов и именно наличие этих вариантов создало условия для формирования языковой нормы. Языковые варианты всегда сопровождают эволюцию языка (только в этом случае она и возможна) и появляются в результате языковых контактов, соприкосновений официального стандартного языка с диалектами, с профессиональным жаргоном, с другими языками. Что же считалось языковой нормой письменного языка по отношению к периоду Киевской и Московской Руси, если из трех указанных факторов (1. соответствие языкового явления структуре языка; 2. регулярное использование языкового явления в процессе языкового общения; 3. принятие языкового явления в обществе, его нормированность по общему согласию), выполнялся только первый, а второй и третий, если и реализовывались, то только локально? В современных стандартных языках использование языковых вариантов сведено к минимуму – поэтому они и называются стандартизованными, а в церковнославянских текстах почти для каждой формы имеются, например, два и более графических варианта, что создает трудности для упорядочения и для анализа текстов. О том, что представление о норме существовало и в средние века, говорит наличие множественных исправлений в церковнославянских текстах, т.е. неправильное (по мнению правщика) заменялось на нужную форму. По этому поводу В.М. Живов отмечает:

«Лингвистические исправления являются постоянным элементом книжного дела в Древней Руси, во многих случаях они осуществляются вполне последовательно, так что нормализация – это обычный, а не исключительный феномен языковой установки восточнославянских книжников.» (Живов 2006, 10).

Определение нормы и наличие вариантов делают маловероятным их сосуществование: норма как нечто закрепившееся, отобранное из общего потока и константное, а также как нечто абстрактное (или теоретическое) и вариант, который демонстрирует разные проявления (в фонетическом, грамматическом или лексическом плане) одного и того же явления. По отношению к церковнославянскому письменному языку можно сделать вывод, что норма проявлялась именно в наличии множества вариантов. В церковнославянских текстах были исправления, но при этом разные, которые могли варьироваться. Живов по этому поводу высказывает предположение, что могла существовать общая норма, обязательная для практически всех книжников – надрегиональные установки, обязательные для всех, и локальные отклонения, индивидуальные для каждого отдельно взятого текста:

«[...] некоторые моменты регламентации были общими для многих, если не для всех книжников определенного периода, так что обнаруживается наиндивидуальный характер регламентации книжного языка» (Живов 2006, 24).

Церковнославянский письменный язык русской редакции В.М. Живов характеризует как язык книжный, противопоставленный разговорному русскому языку,

или некнижному (Живов 2001, 13). Причем противопоставления книжного и некнижного письменного языка автор считает основополагающим. Так как речь идет о письме, то автор характеризует тексты, написанные на этих двух видах письма, следующим образом:

«Книжным письмом пишутся книжные (церковные) тексты и тексты, обладающие определенным официальным статусом. Некнижным письмом пишутся некнижные тексты частного и сиюминутного характера, официальным статусом не обладающие (так называемые бытовые берестяные грамоты³¹). Это распределение не выдерживается с абсолютной последовательностью, однако оно значимо для подавляющего большинства сохранившихся текстов.» (Живов 2006, 39).

Учитывая множество языковых вариантов в текстах, а также присутствие различных правописных практик, В.М. Живов признает наличие ограниченных нормативных элементов в правописании восточных славян по отношению к XI-XIII вв., при этом учитывая индивидуальные установки писцов, а также тип создаваемого текста – от последнего зависел и факт «строгости соблюдения нормы» (Живов 2006, 65-66). По отношению к периоду XIV-XVII вв. разнообразие правописных практик, зависящее в основном от индивидуальных установок писца, не уменьшается, несмотря на изменение письменной традиции (II южнославянское влияние), когда обязательным было строгое копирование оригинала при переписывании и исключение внесения правок (Живов 2006, 69).

С положением, описанным в труде Живова, перекликаются установки Б.А. Успенского, считающего, что вариативность нормы зависела от таких факторов, как графическая традиция (пишущего), источник по отношению к создаваемому тексту (=протограф), книжное произношение и окказиональные вкрапления живой речи (Успенский 2002, 114-115). Из перечисленных факторов наибольшее значение имеет проявление в текстах книжного произношения или же церковнославянской орфоэпии (Успенский 2002, 118), в некоторых случаях приближенной к живому произношению, но, в основном, ему противопоставленной.

Зависимость письменной нормы от образца, а также индивидуальные способности пишущего подчеркивает также А.А. Алексеев (Алексеев 1987). Церковнославянский язык автор определяет как «письменный литературный язык донациональной эпохи», и характеризует норму как «объективные закономерности употребления языковых элементов» (Алексеев 1987, 36-37). Автор исходит из того, что источниками нормы были образцовые тексты, получившие всеобщее признание и распространение – это в первую очередь Евангелие и Псалтырь, а также другие библейские тексты, по образцу которых создавались новые произведения, при этом нередко части образцовых текстов включались в новый текст (Алексеев 1987, 34-35). Таким образом, создание новых оригинальных произведений зависело от образцовых текстов, происходила ориентация на образец. Но отсутствие кодифицированной нормы, как это принято сегодня, порождало различные языковые варианты, которые принимались авторами за норму. Это были варианты, образовавшиеся чисто механически, при переписывании текста, т.к. способ переписывания был единственным путем размножения литературы в то время, а также варианты, образовавшиеся из-за различной степени подготовки переписчиков и различной степени языковых знаний (Алексеев 1987, 36). Расшатыванию церковнославянской нормы также способствовали неоднократные

³¹ А.А. Зализняк, описывая берестяные грамоты, характеризовал их, как «особые графические системы», принадлежащие к бытовой графической традиции, отличной от книжной и наделенной специфическими диалектными чертами (Зализняк 1984, 39).

редакционные переработки текста. Два фактора способствовали поддержке стабильного состояния письменного церковнославянского языка, а также его унификации: периодическое проведение всеобщей правки текстов, когда повсеместно вводились те или иные лингвистические принципы (например, II южнославянское влияние) и искусственная изоляция церковнославянского от разговорного русского языка, потому как созданный образец не должен подвергаться изменению и влиянию со стороны другого языка (русского), а новые тексты необходимо было создавать по образцу уже существующих. Стабилизация нормы, зависящая от образцовых текстов, существовала в Древней Руси на протяжении шести веков, и только с введением книгопечатания, когда уменьшилось влияние образцовых текстов на вновь создаваемые, с развитием публицистических жанров, с появлением переводов с западноевропейских языков происходит отказ от ориентации на образцы (Алексеев 1987, 37), что приводит к коренным изменениям в языковой ситуации Древней Руси.

Е.М. Верещагин, характеризуя церковнославянский язык периода XI-XVII вв., называет его «книжно-письменным (=литературным)», и считает внешний и внутренний аспект ответственными за стабилизацию орфографической, лексической, синтаксической и поэтической нормы (Верещагин 1997, 298). Внешний аспект по отношению к образованию нормы – это влияние со стороны разговорного русского языка, что привело к появлению региональных изменений, в конечном итоге – к образованию изводов церковнославянского – русского (а также болгарского, сербского), что привело и к появлению славяно-русизмов, славяно-сербизмов, славяно-болгаризмов (Верещагин 1997, 307-308). Внутренним аспектом формирования нормы являются непосредственно языковые, или внутренние изменения – они стихийны, когда при существовании определенного числа синонимов, например, спонтанно, с течением времени, выбирается только одно понятие и используется дальше, при этом внешнее воздействие разговорного русского языка не учитывается, процесс выбора происходит внутри церковнославянского языка (Верещагин 1997, 308-309). Наличие различных вариантов, или же отказ от инвариантов, что было характерно еще для первых переводов Кирилла и Мефодия и их учеников, положило начало формированию языковых норм по отношению к внутреннему аспекту, т.е. непосредственно к внутреннему состоянию языка. При отказе от инвариантности происходит переход от техники перевода (в основном пословной времен первых переводов) к переводческому искусству (Верещагин 1997, 34).

Непрерывности развития словообразовательных норм посвящены работы С. Менгель (Mengel 1993; 1995). Под нормой понимается возможность выбора из находящихся в языковой системе вариантов, а также закрепление одного из них, как общепринятого:

„Die Aufgabe der Norm besteht in der Auswahl unter den im System gegebenen Möglichkeiten und der Festigung der bevorzugten Variante(n) für die Wiedergabe der jeweiligen bestimmten Bedeutung. Treten mehrere Varianten als gleichberechtigte Dubletten auf, zeugt dies von einer Instabilität bezüglich der Norm.“ (Mengel 1995, 10).

Автор описывает проблематику вопроса более подробно, исходя из трех следующих установок:

1. Die Norm der ersten Übersetzungen ist stark von den Normen des griechischen Originals abhängig (Issatschenko 1980).
2. Die Variabilität der sprachlichen Ausdrucksmittel ist das Hauptprinzip der Übertetzungstechnik Kyrills und Methods und demzufolge die wichtigste Besonderheit der aksl. Norm (Верещагин 1972).

3. Die Norm der ersten slawischen Schriftsprache ist durch Mustertexte – textgebundene Norm – geprägt (Alekseev 1987).“ (Mengel 1993, 334),

и допускает их одновременное существование, а также углубляет понятие нормы, ориентирующейся на текст, связанной с текстом („textgebundene Norm“), выводя несколько вариантов для этого вида нормы по отношению к словообразовательному языковому уровню: 1. нормы, ориентирующиеся на контекст („kontextgebundene Norm“); 2. на тип текста („texttypgebundene Norm“); 3. на образцовые тексты („mustertextgebundene Norm“); 4. нормы, ориентирующиеся на определенные памятники старославянской письменности („schriftdenkmalgebundene Norm“) (Mengel 1993, 342). Эти варианты релевантны по отношению к церковнославянскому (письменному) языку (=«язык культуры»=„Kultursprache“ Mengel 1993, 338). Причем, среди названных видов письма преобладает по распространенности «норма, ориентирующаяся на образцовые тексты», т.к. тексты Священного Писания были для письменного языка культуры Древней Руси образцами, «шаблонами», по которым необходимо было создавать новые тексты.

Возникновению вариантов при первых переводах³² богослужебной литературы, сделанных солунскими братьями, способствовали такие факторы, как наличие различных редакций греческого текста-оригинала, параллельные места в четырех канонических Евангелиях, влияние местных славянских диалектов, а также особая техника перевода (в последнем случае техника способствовала возникновению языковых вариантов), учитывающая не только лексический уровень языка, но и значение текста в целом, на всех языковых уровнях (Mengel 1998с, 166-167). Первые три фактора, влияющие на технику перевода, можно отнести к внешним, не связанным напрямую с развитием языка и подверженных влиянию различных субъективных и объективных явлений. Последний фактор – специфика перевода, является внутренним фактором, состояние которого зависит от самого языка и в соответствии с развитием последнего тоже может меняться.

Техника перевода обычно разделяется на два направления – на перевод, при котором языковые элементы языка-оригинала, базирующиеся на культурных понятиях (=реалиях) исходного языка, заменяются на соответствующие им культурные реалии языка перевода, при переводе происходит адаптация исходного текста по отношению к переводному; и второе, когда при переводе культурно-специфические реалии языка оригинала передаются посредством принимающего языка (Mengel 1998с, 165). Соответственно, первый вид перевода подходит для ситуации, когда существует возможность подбора эквивалентов и понятий принимающего языка по отношению к языку исходному (т.е. когда языковое и культурное развитие находится примерно на одинаковом уровне). Второй способ перевода соответствует ситуации, когда различия в понятиях настолько велики, что в переводном тексте возникает необходимость объяснения, порождающая различные языковые варианты, иногда новые для языка перевода. Чем сложнее культурная реалия исходного языка, требующая пояснения, тем больше может возникать и вариантов при переводе. Этот процесс может привести в конечном итоге к изменению языковых и стилистических норм языка перевода (Mengel 1998с, 165-166). Цель перевода (как первого, так и второго способа) – установить (по возможности идеальное) отношение эквивалентности между исходным и переводным текстом, чтобы оба текста (оригинал и перевод) заключали в себе одно и то же сообщение. Поиск соответствующих культурных элементов относится наряду с такими трудностями, как текстовые проблемы (например, неразборчивый почерк,

³² Здесь и далее имеется ввиду письменный перевод текстов.

многочисленные орфографические ошибки) и языковые (например, диалектные слова, неологизмы, неизвестный переводчику жаргон), к наиболее сложным проблемам при переводе. Первый способ перевода будет наиболее точен только при условии, о котором уже было сказано выше – когда исходный и принимающий язык и культура одинаково развиты, но само определение этого условия является относительным. Если это условие не выполняется, то используется второй вид перевода – культурные реалии исходного языка переводятся, а не замещаются культурными реалиями языка перевода. Перевод религиозной литературы предполагает максимальное соответствие тексту-оригиналу. В случае переводов богослужебной литературы с греческого языка на старославянский, первый вид перевода был невозможен из-за языковой и культурной «бедности» старославянского языка и культуры, не имеющих такой истории развития, как древний греческий язык. Первые тексты, созданные в IX в. на старославянском, были переводными, а не оригинальными старославянскими – ведь этот язык и создавался изначально в процессе перевода религиозной литературы. Византийская культура пришла со временем и к славянским народам, но это был длительный по времени процесс, занявший десятилетия, а у первых переводчиков этого времени не было, поэтому объяснить смысл текста исходного языка они могли только при помощи пояснений и создания различных вариантов – для лучшего донесения смысла текста в принимающем языке. Принципы, положенные в основу первых переводов на старославянский – в том числе и вариантность языковых норм, закрепились в языковых традициях славян в качестве нормы, в частности, у восточных славян старославянский, перенявший некоторые языковые особенности восточных славян (церковнославянский русской редакции), существовал в качестве письменного языка до XVII в. (Mengel 1998с, 166). Необходимо учитывать и такой фактор, что когда речь идет о вариантности, учитывается не только лексический уровень, но все языковые уровни по отношению к тексту в целом – ведь перевод с одного языка на другой – это декодирование (исходный язык) и кодирование (принимающий язык) целого текста, а не отдельных слов или предложений.

Наличие или отсутствие вариантов было также определяющим фактором при становлении языковой нормы по мнению М.Л. Ремневой (Ремнева 1988; 2003). При этом норма определяется как

«[...] традиционно реализуемое, совокупность соответствующим образом реализованных средств, принятых в данном языковом обществе как обязательные. У грамматической нормы литературного языка Руси XI-XVII вв. ориентация на прошлое состояние языка была задана самим своеобразием кодификации (функцию кодификации выполняли образцовые литературные произведения), а также характером обучения» (Ремнева 1988, 10-11).

Источником изменений языковой нормы, ее эволюции, Ремнева считает разговорный (русский) язык, благодаря которому норма церковнославянского языка получила динамичное развитие и логически пришла к первым грамматикам – была зафиксирована у Л. Зизания и М. Смотрицкого (Ремнева 1988, 10-11).

«Литературный язык Руси XI-XVII вв.» по определению автора – это «книжно-славянский язык» (Ремнева 1988, 3) или же «церковнославянский язык восточнославянской редакции XI-XVII вв.» (Ремнева 2003, 17), функционировавший на Руси в качестве языка литературного и противопоставленный по своим грамматическим нормам языку деловой письменности. Два данных определения указывают на одно и то же явление, описанное автором при помощи различных терминов.

Характерной чертой грамматической нормы письменного языка считается вариативность. Например, использование вариантов, которые являются синонимами и не зависят от функционального использования. Варианты также имеют различные источники происхождения – это и локальные варианты, используемые не повсеместно, они могут меняться в зависимости от жанра текста, от возникших новых направлений в литературных традициях, а также могут зависеть от уровня подготовки, от грамотности пишущего (Ремнева 1988, 7).

Исходя из вариативности грамматической нормы, Ремнева определяет два типа языковой нормы для церковнославянского языка. Это строгая норма, практически отражающая грамматическую систему церковнославянского языка, не имеющая вариантных средств для выражения грамматических значений. Это консервативный тип нормы, не меняющийся веками благодаря искусственной изоляции от внешних языковых воздействий, а также благодаря жанровой направленности религиозных текстов. Ко второму типу относится норма сниженного типа, более открытая для нововведений, имеющая «подвижные» границы, выходящие за пределы языковой системы церковнославянского языка. Ее характерной чертой является наличие вариантных средств для определенных грамматических отношений. Языковые варианты при этом происходят из другой языковой системы – из языка древнерусской народности (Ремнева 2003, 30-31). Решающим фактором для нормы сниженного типа является сама возможность применения восточнославянских элементов наравне с церковнославянскими. Таким образом, маркированными являются не языковые варианты, а сама возможность использовать восточнославянские языковые элементы в церковнославянских текстах – что и формирует норму сниженного типа (Ремнева 2003, 31).

Для каждого типа языковой нормы Ремнева определяет жанры литературных произведений. Церковнославянский язык строгой нормы использовался в богослужебной литературе, в переводах текстов деловой письменности с греческого языка, в житиях и произведениях ораторской прозы. Сниженная норма реализовалась в летописях, словах, повестях.

Указанные в *Таблице 2* признаки, определяющие нормы церковнославянского языка используются в практической части работы для лингвистического анализа текста.

Таблица 2. Отличительные признаки различных норм церковнославянского языка (Ремнева 2003, 32).

Признаки церковнославянского языка (строгая норма)	Признаки церковнославянского языка (сниженная норма)
<ul style="list-style-type: none"> - отсутствие грамматических вариантов; - сложная система прошедших времен; - формы двойственного числа; - конструкции с союзом егда и дательным самостоятельным для передачи временных отношений; - формы супина и инфинитива, конструкция «да+презентная форма глагола» для передачи целевых отношений - формы повелительного наклонения, «да + презентная форма глагола» для передачи императивных отношений; - формы сослагательного наклонения, конструкция «аще... презентная форма глагола / да + презентная форма глагола» для передачи условных отношений; 	<ul style="list-style-type: none"> - грамматические варианты, так называемые «дубликеты» или «факультативные варианты»; - простая форма прошедших времен; - причастия прош. вр. на -л; - использование союзов когда, коли, аже, оже, даже, аче, али, она, ци, естли для передачи целевых, временных, условных, императивных отношений; - бессоюзные конструкции

2.1.2.2 Нормативность текстов деловой письменности

Как было описано выше, в Древней Руси в качестве языка делопроизводства в правовых документах использовался особый деловой язык, имеющий в своей основе восточнославянский (древнерусский) язык. Использование церковнославянского в качестве языка делопроизводства (как, например, латинского языка в Западной Европе) было проблематичным по многим причинам – язык церкви и религии, язык культа и духовной культуры, церковнославянский, не имел в своем составе лексики, необходимой для создания правовых документов. В деловой письменности встречаются документы, отражающие преимущественно церковнославянские лингвистические традиции, но это переводные тексты с греческого языка, например, торговые договоры Олега 907 и 912 гг., Игоря 944-945 гг. и Святослава 971 г., сохранившиеся в Повести Временных Лет (ПВЛ). Все иноязычные тексты, юридические в том числе, переводились в Древней Руси только на церковнославянский, тогда как оригинальные восточнославянские деловые документы составлялись на языке деловой письменности (Хабургаев 1994, 135).

Переводные юридические памятники, по мнению Б.А. Успенского, воспринимались тоже как образцы в своей сфере, как часть византийской культуры, исполняли

культурную функцию, но практического применения не имели (Успенский 2002, 103-104). Подобная ситуация была следствием того, что законодательная система Византии не перешла к восточным славянам вместе с крещением, поэтому и языком законодательства на Руси церковнославянский, созданный по образцу греческого языка, стать не смог. У восточных славян существовал свой, сначала устный свод законов («Закон русский», упоминающийся в договорах с греками 912/944 гг.), затем оформленный в «Русскую правду» – первый письменный законодательный свод восточных славян, который к XII в. в числе других юридических текстов представлял вполне оформленную юридическую систему Киевской Руси – судоустройство, области действия законодательной власти, юридические нормы. И язык, на котором создавались эти документы, был языком делопроизводства, иначе – деловой язык.

К памятникам деловой письменности относятся различные по тематике тексты: дипломатические (грамоты, договоры), судебные (следственные дела, тяжбы, челобитные), административные (приказные документы, писцовые книги), хозяйственные (описи, приходные/расходные книги).

Тексты деловой письменности тоже были по-своему (т.е. не так, как это традиционно понимается сегодня) нормированы, при этом ориентированы не на нормы церковнославянского языка, а на нормы разговорного русского языка:

«Значительной степенью стабильности, не только языка, но и композиции текстов характеризовался и язык русской деловой письменности. Очевидны его ориентация на живую восточнославянскую речь; нормированность, позволявшая на протяжении веков сохранять основные характеристики языка, несомненная языковая и композиционная однотипность текстов определенных жанров» (Ремнева 2003, 35-36).

Закрепленные в деловой письменности нормы нашли отражение в азбуках, получивших распространение к XVII в., где в качестве образцов приведены оба варианта письменного языка: церковнославянский и русский. При этом сферы употребления этих двух языков в азбуках функционально разграничены, наглядно показаны стилистические различия между церковнославянским и русским (Мечковская 1992, 24). Азбуки, в отличие от букваря, были не печатными, а рукописными и обучали, в первую очередь, чтению скорописи и ее записи. Речь при этом шла не о каллиграфическом умении писать, а об умении составить челобитную, «кабалу» (=долговое обязательство) или частное письмо. По сравнению с букварями, азбуки являлись более специальными пособиями, обучающими не только чтению и письму, но и деловому общению XVII века.

Степень проникновения церковнославянских элементов в деловую письменность была более значительной по сравнению с обратным процессом, т.е. проникновением восточнославянизмов (или русизмов) в церковнославянский язык. В первом случае церковнославянизмы, как элементы языка религии и культуры, стоящего на более высокой ступени (если представить языковую ситуацию Древней Руси иерархически), принимались в языке деловой письменности как нормированные элементы, как часть языка-«эталона», каким считался церковнославянский язык. Во втором случае восточнославянизмы при их проникновении в церковнославянский оценивались как ненормированные элементы, как составляющие живой восточнославянской речи (Успенский 1983, 40-41). Этим различным восприятием можно объяснить и частоту закрепления языковых элементов в «чужеродных» для них языках – тогда как церковнославянизмы в деловой письменности приживались относительно безболезненно, будучи элементами нормы, пусть и церковнославянской, восточнославянизмы укреплялись в церковнославянском языке с трудом, их искореняли, как ненормированные элементы речи.

По языковым критериям сохранившихся текстов деловой письменности Древней Руси Ремнева условно разделяет развитие норм делового языка на два периода – XI-XIII вв. и XIV-XVII вв. (Ремнева 2003, 38).

К начальному периоду развития нормы делового языка (XI-XIII вв.) относятся такие языковые явления, как использование причастий прош. вр. на -л только как единственно возможной формы по отношению к действию, произошедшему в прошлом, использование восточнославянских союзов для оформления условных конструкций. Для передачи значения цели использовались конструкции «**дабы**+форма на -л», «**ать/оть**+ презентная форма», такие формы, как супин и инфинитив для передачи цели действия практически не употреблялись. При передаче временных отношений использовались восточнославянские союзы **како** и **коли**. Категория двойственного числа в текстах деловой письменности не была распространена (Ремнева 2003, 38-39).

Для позднего времени, XIV-XVII вв., в отношении форм прошедшего времени употребление причастий на -л закрепляется, особенно хорошо это заметно в зачинах грамот, восточнославянские союзы **оже**, **аче**, **аже** постепенно заменяются на форму «**а который**», кроме того, получает широкое распространение условная форма «**а бѹдет**». Для обозначения цели используется союзы **чтобы**, **для того чтобы**, а также допускается использование супина с инфинитивом. Для передачи временного значения используются союзы **коли**, **как**. Формы двойственного числа отсутствуют (Ремнева 2003, 39).

Г.А. Хабургаев, также выделявший период развития деловой письменности XVI-XVII вв., обобщает по этому вопросу следующее:

«Можно сказать, что общерусские нормы XVI-XVII вв. оформились как нормы орфографические, а их относительная устойчивость обуславливалась не теми «грамматиками» и «азбуковниками» конца XVI – начала XVII в., которые касались прежде всего языка книжного (церковнославянского), но не делового, а определялась устойчивостью форм приказной документации» (Хабургаев 1969, 119).

Изучение материала деловой письменности из разных районов Московской Руси помогает составить представление об этих сложившихся нормах. Московское аканье встречается практически повсеместно, так же как и смешение **ѣ** с **ѣ** в текстах. На всей территории Московской Руси в род. пад. местоимений и прилагательных можно встретить варианты окончаний **-ого** и **-ово**, инфинитив может оканчиваться как на **-тъ** так и на **-ти**.

За устойчивость сложившихся норм говорят и общерусские особенности скорописи – в них тоже прослеживаются общие черты, распространенные на всей территории (или большей ее части) Московской Руси. Например, неразличение **ѣ** и **ѣ**, стабильное употребление надстрочных букв (Хабургаев 1969, 119-121).

В XVIII в. в языке деловой письменности продолжают традиции века предыдущего. На примере текстов деловой письменности XVIII в., опубликованных А.И. Сумкиной (Памятники 1981), можно сделать выводы о таких грамматических особенностях текста, как наличие вариативности падежных форм имен существительных, практическое отсутствие вариантов глагольных форм и деепричастий. Синтаксическое строение текстов говорит о разнообразии конструкций с подчинительными союзами. Синтаксический строй в текстах деловой письменности представлен чертами как книжно-письменного, так и народно-разговорного языка и зависит от содержания памятника (Памятники 1981, 9).

Все перечисленные признаки текстов деловой письменности представлены в *Таблице 3*.

Таблица 3. Признаки текстов деловой письменности к концу XVII века.

Признаки делового языка
- причастия прош. вр. на -л как единственная форма для обозначения действия в прошлом;
- союзы как (как основной) и коли для передачи временных отношений;
- конструкции « а котгорый... », « а б҃удет... », союзы естьли, ежели, б҃уде для передачи условных отношений;
- конструкции с союзами чтобы, для того чтобы и редкое использование инфинитива и супина для передачи целевых отношений;
- распространение конструкций с союзами да, а, и .
- варианты окончаний -ого и -ово в род. п. местоимений и прилагательных.
- форма инфинитива как на -ть так и на -ти ;
- отсутствие форм двойственного числа;
- наличие вариативности падежных форм имен существительных;
- отсутствие вариантов глагольных форм и деепричастий;
- разнообразие конструкций с подчинительными союзами;
- неразличение ѣ и ѥ .
- смешение є с ѣ в текстах.
- стабильное употребление надстрочных букв.

2.1.2.3 Обобщающие выводы о практике нормирования

Исходя из приведенных аргументов, можно заключить следующее:

Церковнославянские и деловые письменные тексты Древней Руси были наделены нормативными элементами, при этом понятие «норма» соответствовало следующим критериям:

- Создатели церковнославянских текстов ориентировались на тексты-образцы, на эталоны, основными из которых были Евангелие и Псалтырь (Алексеев 1987; Живов 2006);
- При ориентировании на текст, как на источник нормы, необходимо различать следующие виды нормы: 1. нормы, ориентирующиеся на контекст, 2. нормы, ориентирующиеся на тип текста, 3. на образцовые тексты, 4. нормы, ориентирующиеся на определенные памятники старославянской письменности (Mengel 1993);
- Наличие различных языковых вариантов в церковнославянских текстах являлось важной составляющей, что прослеживается еще со времен первых переводов.

Собственно, техника первых переводов была направлена на развитие языковых вариантов в создаваемом тексте. Именно наличие языковых вариантов создало благоприятные условия для создания и стабилизации языковой нормы, для выбора и закрепления одного из вариантов (Верещагин 1997; Mengel 1998с; Живов 2006);

- Необходимо также учитывать индивидуальные особенности пишущего, потому что у каждого писца были определенные лингвистические установки, которые проявлялись при создании текста (Алексеев 1987; Живов 2006). Это частично способствовало развитию вариативности в текстах;

- При создании текстов деловой письменности существовала установка на живую восточнославянскую речь, тексты были нормированы в соответствии с ней (Ремнева 2003);

- Наличие вариантов в языке деловой письменности хоть и не было таким разнообразным, но состав их постоянно менялся, поэтому норма была подвижной, что способствовало выявлению и укреплению лучшего языкового варианта (Ремнева 2003);

- Проникновение церковнославянизмов в язык деловой письменности укрепляло и «легитимировало» его, делало отличным от живой восточнославянской речи, ставило его на более высокую ступень развития, повышало его престиж (Успенский 1987).

2.2 Культурно-языковая ситуация в России к началу XVIII-го века

Для создания русского «литературного языка нового типа» (т.е. языка-стандарта) решающим стал XVIII век, время правления Петра I и языковые реформы, благодаря которым началось активное формирование русского литературного языка нового типа, охватившее все уровни и функции языка.

Языковая ситуация, существовавшая к началу XVIII в. в России, осложнялась следующими факторами.

К началу XVIII в. письменный язык на Руси был представлен по меньшей мере двумя вариантами – церковнославянским (=язык культуры) и русским (=деловой язык). Подобная ситуация, развивавшаяся в течении нескольких веков, привела к тому, что искусственно поддерживаемая со стороны церковнославянского языка дистанция вылилась в двуязычие, когда русский язык, постоянно развивающийся, отделился от церковнославянского настолько, что языковое единство было утрачено и пришло время проведения языковых реформ, необходимых для устранения ситуации двуязычия.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что культурно-языковая ситуация Московской Руси в результате «третьего южнославянского влияния», выразившегося в языковых реформах патриарха Никона, находилась к началу XVIII в. под влиянием Руси Литовской:

«Москва жадно впитывала в себя все, чем была богата Украина, но влияние Запада проникало в Москву и через север (через Новгород и Псков). Если еще Иоанн IV думал об основании школ с латинским и немецким языком, если еще в 1560-ом году русский монах Иван Александров в Тюбингенском университете составил "Словарь латинского и российского языков", то после Смутного времени прямое влияние Запада на Москву и ее образованность возрастает с чрезвычайной быстротой - особенно при царе Алексее Михайловиче. Многочисленные переводы с иностранных языков производились выходцами из Украины и Белоруссии, - и то подозрительное отношение к Киеву, которое еще было в начале XVII-го века в Москве, во второй половине XVII-го века сменяется, наоборот, стремлением привлечь в Москву побольше южнорусских ученых. Правда,

Москва еще очень усердно ищет греческих ученых (братья Лихуды и другие), но "мода на все малороссийское" одолевает.» (Зеньковский 1989, 59-60).

В Москве результаты южнославянского влияния сказывались не только на церковной сфере, но и вне ее. Благодаря этому влиянию культура Руси начинает меняться и становиться мирской. И изменения в языковой ситуации, начавшиеся в XVII в. также были следствием южнославянского влияния. Благоприятную ситуацию для проведения языковых реформ в середине XVII в. создали политические нововведения, реализованные правящим тогда царем Алексеем Михайловичем (Романовым), считавшим себя (вслед за Иваном Грозным) наследником византийских императоров. Поэтому никоновские реформы проходили при непосредственном участии византийской церкви и заключались в «улучшении» церковных книг в соответствии с греческими образцами. В реальном же исполнении были использованы традиции церковнославянского языка украинской (=южной) редакции, т.к. Киев, находясь в непосредственном подчинении византийской церкви, играл роль посредника между Византией и Москвой. В соответствии с украинским влиянием и были проведены языковые реформы церковнославянского русской редакции (Mengel 2000).

«Проста (руска) мова» Юго-Западной Руси (или деловой язык) не совпадал с живой диалектной речью, а был, например, в синтаксическом плане, искусственным образованием, что говорит о книжном характере этого языка, а также противопоставляет его живой речи. Понятие «проста» не имеет буквального значения «простой», а происходит от латинского „lingua rustica“. Деловой язык Юго-Западной Руси противопоставлен в своем строении не только живой разговорной речи, но и церковнославянскому языку. В отличие от последнего, деловой язык содержит в себе много элементов разговорного языка, и этот факт – связь с живой речью – позволил деловому языку развиваться, чего не было в случае с церковнославянским языком. Употребление делового языка в Юго-Западной Руси со временем вышло за пределы судопроизводства и законодательства, он стал использоваться шире, как литературный язык в общем смысле слова:

«В основе «простой мовы» лежит актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в Польско-Литовском государстве как язык судопроизводства. Этот язык, постепенно теряя функции делового языка, становится литературным языком в широком смысле, т.е. употребляется и вне деловых текстов. Став языком литературы (в том числе и конфессиональной литературы), этот язык подвергся нормированию (главным образом на уровне орфографии и морфологии). Таким образом, «проста мова» представляет собой книжный (литературный) язык, возникший на основе делового государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси.» (Успенский 2002, 391).

По аналогу употребления делового письменного языка в Литовской Руси как самостоятельного «литературного» языка, в Московской Руси также предпринимались попытки перевода религиозной литературы на деловой (русский) язык. Это привело к разрушению ситуации диглоссии и к образованию параллельных текстов на русском и церковнославянском языках. При этом важную роль играл и тот факт, что сам церковнославянский язык, благодаря расширению сферы влияния после реформ Никона, был изменен, «упрощен» и усовершенствован.³³ Расширение функций церковнославянского языка включало в себя не только письменную традицию, но и

³³ Прежний, неизменный вариант церковнославянского, сохранился у старообрядцев, выступавших не за упрощение, а за очередную архаизацию языка, подобно второму южнославянскому влиянию. Таким образом, раскол религиозный (начиная с 1653 г.), а также и культурный, сопровождался расколом языковым, границы которых совпали.

активное употребление церковнославянского в живой разговорной речи, при диспутах и беседах, в частной переписке и дневниковых записях, что относится к повседневной жизни. Изменения в языковой ситуации Московской Руси проявили себя во второй половине XVII в., но кризис языковой системы был спровоцирован радикальными реформами Петра.

Итак, благодаря воздействию языковой ситуации Юго-Западной Руси, происходит не только разрушение диглосийной ситуации в Московской Руси, но русский разговорный язык меняет свое назначение и начинает противопоставляться церковнославянскому, соперничая с ним в употреблении. Именно на современном ему церковнославянском (а не русском) языке Петр I намеревался организовать издание двуязычной Библии, на голландском и «российском» языках (1717-1721 гг.). Называя новое издание Библии³⁴ «российским», Петр I подразумевал при этом использование кодифицированного церковнославянского, подкрепленного греческими оригиналами. Определение «российская» могло быть неправильно истолковано, как в России, так и за рубежом, возможно и пиетистами в Галле, которые решили, что Петр хочет издать Библию на русском народном языке, что совпадало с их целями и в свете сложившейся политической обстановки позволяло реализовать эти цели.

Политическая обстановка в отношении связи России с Европой в начале XVIII в. сложилась благоприятная, в первую очередь, благодаря государственным реформам Петра I.

2.2.1 Политические условия для формирования русского «литературного языка нового типа», необходимость его появления. – Государственные реформы Петра I

Реформы Петра I, мощно развернувшиеся в русском обществе, коснулись не только политической или экономической, но также и культурной жизни России. В отношении последней, целью стало развитие светской национальной культуры, светского просвещения. Реформы Петра I заложили основу для формирования этого понятия – «просвещение», что получило свое развитие уже позднее, во второй половине XVIII века – начале XIX-го (Lehman-Carli 1994, 359 и далее).

Стали создаваться светские школы, а для обучения в них потребовалось создание новых учебников. Именно для печатания светской учебной, научной, политической литературы в 1708 г. создается гражданский алфавит, который должен был заменить кирилловский полуустав. Редактором нового алфавита стал сам Петр. Благоприятным фактором явилось и развитие книгопечатания, уже получившее распространение ко времени создания нового алфавита. В Москве и Петербурге образуются типографии для печатания светской литературы и законодательных актов.³⁵

³⁴ Изданная до этого в 1581 г. Острожская Библия считалась сложной для понимания в языковом отношении и распространение получила лишь в силу безальтернативного варианта, как единственно существующая. Она была переиздана в Москве в 1663 г. с небольшими текстологическими изменениями, и с языковыми изменениями, соответствующими московским книжным правилам того времени – в основном это касалось архаичных форм, преобладающих в издании 1581 г.. Основанием для переиздания, по мнению издателей, послужил тот факт, что к середине XVII в. уже осталось мало экземпляров, и как стояло в предисловии «вмале же и едва где уже печатным Острожским обрестися, им же от многа времени оскудети» (Немировский 1974, 136 и далее).

³⁵ В 1705 г. посадский чиновник В.А. Куприянов открыл первую частную типографию в Москве, в 1711 г. открылась первая типография в Петербурге. Куприянов известен как составитель некоторых учебных пособий, например, как соавтор «Арифметики» Л.Ф. Магницкого.

Необходимо заметить, что гражданские книги печатались еще до создания нового гражданского шрифта,³⁶ приблизительно с 1699 года, в Амстердаме. Светская литература, печатавшаяся сначала за границей, в Амстердаме, а затем и в России, состояла из учебников, грамматик, технических пособий – это были книги, необходимые прежде всего для обучения различным специальностям, для получения образования. Сначала, за отсутствием русских оригинальных, печатались переводные издания.

Преобразования Петра – в сфере политической, военной, экономической – это прежде всего западноевропейские заимствования, известные самому царю и его приближенным, внедренные в российскую жизнь, иногда не совсем удачно, но в общем подтолкнувшие Россию к стремительному развитию во многих сферах общественной жизни. «Стремительному», потому что нововведения были привиты искусственно, они не развивались естественным закономерным путем, а именно насаждались – насильно, иногда в совершенно непригодных для этого условиях. И деспотические проявления власти при насаждении европейской культуры и техники в правлении Петра присутствовали (Lehmann-Carli 1994, 364). При Петре I впервые появляются печатные периодические издания, музеи, ассамблеи, специальные учебные заведения, начинает развиваться живопись (художники-портретисты) и театральное искусство. Петр I не был первым правителем, который ввел некоторые из этих новшеств, но был первым, кто внедрил их в массы, сделал их неотъемлемой частью общественной жизни России. Подобный культурный подъем требовал от населения также соответствующего уровня общего культурного образования, это касалось прежде всего господствующих классов. Необходимы были прекрасно обученные военному и морскому делу офицеры, грамотные чиновники, владеющие техническими навыками строители крепостей и кораблей. Благодаря этому изменилась и расширилась система обучения, а в школах вместо заучивания Псалтыри и Евангелия на первое место вышли такие науки как математика, инженерное дело, астрономия и другие. Поколение людей,³⁷ сформировавшееся при преобразованиях Петра I, имело возможность усвоить не только русскую культуру, церковнославянский язык, но и культуру западноевропейскую, иностранные языки, благодаря многолетнему пребыванию за границей. И подобное «дуплетное» развитие, одна сторона которого представляет собой усвоение местных, русских культурных ценностей, а другая сторона которого представлена культурой западноевропейской, отразилось на образовательном уровне поколения петровских реформ:

«Мы приписываем этому поколению решающую роль при создании нового языка, потому что они перекинули мост между многовековой традицией и новыми влияниями с Запада. Они владели всеми разновидностями церковнославянского и русского языков, бытовавших в петровское время. Таким образом было совершенно естественно, что они могли перенести все нужное и жизнеспособное из церковнославянского в новый русский литературный язык» (Хютль-Фольтер 1987, 8).

³⁶ Гражданский алфавит Петра I был отлит в Амстердаме в 1705 году и с того времени гражданские книги приказано было печатать этим шрифтом – более округлым (по сравнению с церковнославянским), близким по форме к латинскому шрифту антиква, принятым тогда в западной Европе. Гражданский шрифт отличался от церковнославянского не только формой, но и отсутствием греческих букв, знаков ударения и титл. Цифрового значения буквы нового алфавита также не имели, для этой цели были введены арабские цифры.

³⁷ Речь идет о людях, для которых получение разностороннего образования было доступным.

Общее представление о культурных реформах Петра I дают «Наброски сведений о первых культурных реформах Петра I», сделанные им самим для составляемой в Кабинете Е.В. «Истории его царствования» (без даты):

- «1. Того же [1699] году исправлена друкарня в чистоте печати, и начали многия книги переводит и печатат (в воинских делах), инженерския, (фортификации), алтиллриские, механические и протчих художествъ, такъже и исторические и календари.
2. Тогда же почелас школа навигаторская, такж и протчих наук школы начало свое восприимат помалу стали; також и разные художества.
3. Того же времени далъ позволение всем своим подданным ездить во иностранные европския государства, для обучения, которае прежде было запрещено под казнью, и не точию позволиль на сие, но еще к тому ихъ понуждал.
4. Тогда ж, по примеру других христианских государей учинил росиской орден святого апостола Андрея Первозванного. Учинен того ради, понеже народ росийский первое начало христианские веры от него воспринял.
5. В том же году началъ все грамоты, отправляемыя к другимъ христианским государем и ратификации, или подтверженные грамоты, подписыват своею собственною рукою, чего прежния росиския государи не чинили, а употребляли толко печат (какъ и ныне чинитца с азиатцкими дворами.)
6. Определено торжество Нового году генваря съ 1 числа, прежнее сентебря с первого числа отъставълено. И оное действительно начало свое восприяло съ 1700 году.
7. (В томъ же 1699 году.) Тогда же (Е.Ц.В.) за благо разсудиль старинное плате росиское, [которое было наподобие полского платя], отменит, а повелел всем своим подданным носит по обычаю европских христианских государствъ.
8. Такожде вращение власов на бароде отставлено, и повелено бароды брить» (Законодательные акты 1945, 115-116).

Преобразования Петра I отразились в ряде указов, которые были выпущены для осуществления реформ в России и для закрепления культурных новшеств в обществе. О петровских реформах написано много и мнения по этому поводу высказываются самые разнообразные. Изучение первоисточников – указов, с которых начинались преобразования Петра, дает представление о намерениях, о том, для чего вводились новые распоряжения, последовательно отвечающие потребностям того времени. Указы, касающиеся образовательной, научной и просветительской деятельности, представляют для данной работы особый интерес.

2.2.1.1 Манифест Петра I о приглашении в Россию иностранцев

Манифест Петра I «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»³⁸ (16.04.1702) практически «открыл» границы для людей, способных принести пользу России, обещая им свободу вероисповедания и поселения, различные права и привилегии. Манифест был издан для того,

«[...] дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научаться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех торговых делах. Чего ради Мы, все, наипаче к споспешествованию³⁹ торговли с иноземцами необходимые приказания, распоряжения и учреждения Всемилоостивейше учинили и впредь чинить намерены; поелику же мы опасаемся, что дела сии не совсем еще в таком положении находятся, как бы мы того желали, и что Наши подданные не могут еще в совершенном спокойствии насладиться плодами трудов наших, того ради помышляли мы и о других

³⁸ Текст манифеста взят с сайта: «Фонд Александра Н. Яковлева» (см. интернет-ресурсы).

³⁹ Орфография документа сохранена.

еще способах, как бы обезопасить пределы Наши от нападения неприятельского и сохранить право и преимущество Нашего Государства и всеобщее спокойствие в Христианстве, как то Христианскому Монарху следует. Для достижения сих благих целей, Мы наипаче старались о наилучшем учреждении Военного штата, яко опоры Нашего Государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине; но дабы сие тем более усовершенствовать и побудить иноземцев, которые к сей цели содействовать и к таковому улучшению способствовать могут, купно с прочими Государству полезными художниками к Нам приезжать, и как в Нашей службе, так и в нашей земле оставаться, указали бы сей Манифест с нижеписанными пунктами повсюду объявить, и напечатав, по всей Европе обнародовать».⁴⁰

После выхода в свет, этот манифест был разослан в страны Западной Европы, чтобы русские посланники там имели надежный аргумент при вербовке иностранных специалистов для России (Ковригина 1998, 52).

Этим Манифестом Петр I учредил и орган, отвечающий за «все и всякие дела, касающиеся иностранного военного штата, какого бы рода и качества они ни были»⁴¹ – Тайную Коллегию военного совета, которая также состояла из иностранных граждан. Кроме того, спорные дела между иностранцами и русским населением часто разбирали в Посольском приказе. Как правило, независимо от вероисповедания и национальности, наказание иноземцев было более мягким, а о применении высшей меры наказания – смертной казни, принимал решение только Петр I (Ковригина 1998, 57). Сделано это было ради возможности обеспечить иностранцам свободный въезд и проживание в России, без опасения какой-либо несправедливости со стороны русской власти. И этот указ возымел действие. Многие иностранные специалисты – военные, торговые люди, врачи, ювелиры, оружейники, столяры и др. – приехали в Россию, сначала в Москву или Петербург, затем в другие города, только благодаря этому указу. Несмотря на то, что иностранных мастеров было немного, им удалось создать сеть постоянных клиентов из разных слоев населения. Это помогло распространению западноевропейского знания, помогло внедрить новые ремесленные отрасли, помогло также и появлению и закреплению европейских культурных явлений (Schmücker-Breloer 2001, 19).

Идея с приглашением иностранных мастеров была не новой. При правлении Алексея Михайловича (Романова), отца Петра I, начинает развиваться Немецкая слобода – поселение иностранцев, в основном немецких купцов, военных, врачей и ремесленников на окраине Москвы.⁴² Дома и дворовые постройки иностранцев, селившихся до этого по всей Москве, были перенесены в Немецкую слободу. Там было отведено место также и для трех церквей – двух лютеранских и одной реформаторской (голландской), которые, будучи деревянными, в конце XVII века (1686-1694) были заменены на каменные (Ковригина 1998, 27-28). В 1665 г. численность слободы составляла 290 человек,⁴³ а к 1720 г. эта цифра выросла до 2,5 тыс. человек (Ковригина, 36-37).

⁴⁰ Текст манифеста, см. также ПСЗРИ (=Полное собрание законов Российской империи), собр. 1, т. IV, 192.

⁴¹ Текст манифеста.

⁴² Указ Алексея Михайловича от 04.10.1652 о выселении всех выходцев из Западной Европы за пределы Москвы туда, где раньше находилась Иноземная слобода, сгоревшая в начале XVII в. (за рекой Яузой), теперь получившая имя Немецкой слободы (Ковригина 1998, 26).

⁴³ Подсчитаны были только владельцы дворов, но не учтены члены их семей и дети. Если в среднем считать, что каждая семья состояла из 5 человек (двое взрослых и трое детей), то получится, что 1120 человек составляло население Немецкой слободы в 1665 г. (Ковригина 1998, 36).

Количество иностранных специалистов, приезжающих в Россию в XVII в., редко превышало 20 человек. Все изменилось в петровские времена. Рекордный набор был сделан во время Великого посольства (1697-1698 гг.), когда Петр I имел возможность сам нанимать специалистов по рекомендациям влиятельных людей тех стран, в которых побывало Великое посольство. Главным образом это были медики, моряки и военные, корабельные, резные и каменные мастера, инженеры, аптекари и врачи, брадобреи и парикмахеры, часовые мастера, граверы, живописцы и другие специалисты – в общей сложности около 1060 человек, в основном из Голландии и Англии (Ковригина 1998, 44).

Манифест Петра о приезде в Россию иностранцев на официальном уровне урегулировал права иностранцев в России, создав для них благоприятные условия для въезда и проживания в чужой стране. А для русских людей представилась тем самым возможность приобрести необходимые знания в торговых, военных, медицинских и других важных отраслях. Петр подошел к одной из главных проблем – отсутствию знаний, специального образования, очень практически, создав все условия для переезда иностранцев в Россию – в них он видел первоначальный источник для передачи опыта и знаний. Существовавшая в то время единственная на всю Россию Греко-латинская академия в Спасске, кроме обучения религиозного, давала некоторый объем светского образования, позволяющего служить, например, переводчиком или делопроизводителем. Первое высшее учебное заведение, выпускающее специалистов различных направлений, появилось в России только к середине XVIII века, а пока, в начале века, Петр придумал быстрое и практичное решение проблемы – пригласить иностранных специалистов, которые смогли бы устраивать в России обучающие школы для местного населения. И пастору Й.Э. Глюку, попавшему в начале XVIII века в Россию, было поручено организовать в Москве гимназию, что отчасти было следствием изданного Манифеста. Кроме того, создание систематизированной сети образования, куда входили гимназии, стало еще одним важным реформационным шагом, значительно изменившим дальнейшее развитие страны.

2.2.1.2 Указ о создании светских школ

Развитие общего и специального образования, с преобладанием среди школьных предметов точных наук, становится при Петре I частью государственной политики. Недостаточно было только отсылать молодых людей на обучение за границу, необходимо было создать и в России сеть светских школ, что позволило бы на практике осуществить военные, научные и хозяйственные преобразования.

В 1701 г. в Москве открылась первая светская школа – математических и навигационных наук (Навигацкая школа). За короткий срок было открыто еще несколько – Артиллерийская (1701), Медицинская (1707) и Инженерная (1712). Обучение в этих школах включало в себя общеобразовательную подготовку, а также и специализацию по предмету обучения. Подобные школы были в основном закрытыми учебными заведениями, доступными только для детей дворянского сословия. Кроме того, к первой четверти XVIII в. относится и создание общеобразовательных школ (или цифирных), ряд которых был открыт в различных городах в 1714 г. Обучение в них было обязательным для детей подьячих и дворян, и только после их окончания им разрешалось жениться.

Проект открывшейся в 1704 г. школы Глюка⁴⁴ был обширным – в гимназии⁴⁵ Глюк хотел обучать русских юношей «аки мягкую и всякому изображению угодную глину» (Соловьев 1993, 271) различным наукам: политике, географии, латинской риторике, философии и языкам – греческому, еврейскому, французскому, немецкому, латинскому и халдейскому, танцевальному искусству и рыцарской конной езде. Глюк хотел создать в России школу по образу Академической гимназии – учебных заведений, распространенных в первой половине XVIII века в Германии. Дети из высокопоставленных семей смогли бы обучаться в этой школе – названной *Gymnasium Petrinum* или *Gymnasium illustre* – без платы за обучение (Schmücker-Breloer 2001, 24). Каталог «Учителя и науки» („Lehrer und Wissenschaften“), составленный Глюком для своей школы, содержал большое количество предметов: географию, философию, этику, историю, латинскую риторiku, картезианскую философию, греческий, еврейский, халдейский, французский, латинский, немецкий и арифметику. Кроме того, ежедневно перед занятиями обязательным было чтение Библии и лютеранского катехизиса. Для этой цели Глюк подготовил на русском языке Катехизис Лютера, немецкую грамматику, молитвенник, словарь (языки русский, немецкий, латинский, французский) и Введение в языки Комениуса (Пекарский 1862, 128). В проекте было преподавание таких предметов, как фехтование, верховая езда и танцы. Планировалось также, что преподавать в школе Глюка будут пять профессоров и пять учителей, выпускников университета в Галле, о чем Глюк просил Франке. Но при открытии школы эти планы еще не были реализованы и преподавали у Глюка иностранцы, жившие в то время в Немецкой слободе: И.Г. Вурм, И.В. Паузе, Х. Бухнер, И. Хаген, Х.Б. Глюк (сын), И. Райхмут (Schmücker-Breloer 2001, 24-25).

Официальный указ об открытии школы пастора Глюка, подписанный Петром I, вышел 25.02.1705:

«[...] для общия всенародная пользы учинить в Москве школу на дворе В.Ф. Нарышкина, на покровке, а в той школе бояр и окольных и думных и ближних и всякого служилаго и купецкаго чина, детей их, которые своею охотою приходят и в тою школу записываться станут, учить греческаго, латынскаго, итальянскаго, французскаго, немецкаго и иных разных языков и философской мудрости; а зато учение с тех учеников денежнаго и какого и в его государеву службу неволею взятъ не будет, и о том по грацким воротам прибить указы» (С.-Петербургская губерния, канцелярия Комисарскихъ дель. Цитируется из: Glück / Polanska 2005, 99, 132).

⁴⁴ Пастор Иоганн Эрнст Глюк (Johann Ernst Glück, 1652-1705) был близок по духу кругу Франке и поддерживал с ним связь. В чем взгляды Глюка и пиетистов расходились, так это в воспитании и обучении детей – школа Глюка не соответствовала взглядам пиетистов об организации обучающего процесса (Salomies 1936). В Россию Эрнст Глюк попал во время русско-шведской войны, в качестве военнопленного. Переводчик Библии на латышский и русский языки (русскоязычный перевод погиб при взятии Глюка в плен в Мариенбурге в 1702 г.) (Менгель 2010, 49 и далее). Русский язык выучил, вероятно, еще в Мариенбурге, с помощью одного монаха. Там же, в Мариенбурге, занимался организацией школ – с 1683 г. принимал участие в организации школ для детей крестьян (Bauernschule). Об этом, кроме писем Глюка, свидетельствуют счета и квитанции о раздаче учебников и о полученных Глюком дотаций на финансирование школ с 1683 по 1687 гг. (Glück/Polanska 2005, 38-39). В Российском государственном Архиве Древних Актов (РГАДА) в папке «Дела о выездах в Россию иностранцев (1600-1719)» в записи № 1 за 1703 г. указано: «Приездъ въ Россію, взятаго въ полонь въ Мариенбургъ швединаго пастора Эрнеста Глика съ дѣтьми – вѣдѣніе его въ посольскомъ приняты – и учрежденіе имъ публичнаго в Москвѣ училища» (Дела 1600-1719). В Москву пастор Глюк прибыл 06.01 1703 г..

⁴⁵ Собственно, в своем проекте сам Глюк называл учебное заведение гимназией. Глюк и Поланска называют школу Глюка «школой иностранных языков», потому что запланированные пастором Глюком фехтование, танцы и верховая езда так и не преподавались в ней, а количество часов математики, философии и истории было очень незначительным, поэтому сложно говорить о всесторонне обучающей гимназии (Glück/Polanska 2005, 108).

Школа Глюка началась с шести русских учеников, которые прежде занимались у Николая Швиммера в лютеранской школе⁴⁶ и с троих учеников Юстуса Шаршмидта,⁴⁷ изучавших латинский язык. Школа Глюка стала одним из первых светских учебных заведений, финансируемых государством, не связанных с церковными школами Немецкой слободы, обучение в котором было не специальным, а общеобразовательным, с широкой учебной программой.

Если бы проект Глюка получил дальнейшее развитие, то обучение в такой школе можно было бы считать прекрасной подготовкой для дальнейшего обучения в университетах Европы. Это и происходило еще в начале XVIII века. Например, братья Александр и Иван Головкины, сыновья первого русского канцлера Г.И. Головкина, в 1704 г. начали обучение в Лейпцигском университете, в 1706 г. Лаврентий Блюментрост-младший (Laurentius Blumentrost) поступил на медицинский факультет университета в Галле. Головкины были еще воспитанниками Глюка, а Блюментрост-младший закончил „Gymnasium Petrinum“, когда ею руководил И.В. Паус, занявший должность директора гимназии после кончины пастора Глюка. В 1720-ые гг. Блюментрост активно участвовал в разработке проекта по созданию Петербургской Академии наук. Благодаря связям ученого с немецкими университетами им был осуществлен первый набор немецких преподавателей для Академии наук. Создание Московского университета также происходило еще при Блюментросте, он даже был избран одним из первых кураторов университета за два месяца до своей кончины (Андреев 2005, 121).

Неудачу, постигшую школу Глюка, В.А. Ковригина объясняет следующими положениями:

«В конечном итоге ни идеи Э. Глюка, ни И.-В. Пауса, не нашли последовательного воплощения в деятельности московской гимназии по ряду причин. Одна из них была та, что перенесение на русскую почву учебного заведения немецкого образца по типу «академической гимназии» без учета конкретных для России этого периода условий оказалось несостоятельным. Трансформация же самой гимназии Глюка в «немецкие школы» облегчалась тем, что, возникнув по инициативе лютеранского пастора-пиетиста, предложившего свою учебную программу и учителей, она являлась «государевым» учебным заведением, т.е. казенным. Это значило, что гимназия не имела той автономии, которой обладали приходские школы Немецкой слободы и находилась в непосредственном подчинении у приказов или канцелярий. Приказная администрация вмешивалась в дела гимназии, вносила изменения в программу и преподавательский

⁴⁶ Лютеранские школы, находящиеся на территории Немецкой слободы, были распространены еще в XVII веке. Только занимались в них, как правило, дети иностранцев, живших в Немецкой слободе. Шесть русских учеников были детьми дьяков, которых необходимо было обучить языкам – латинскому, голландскому, немецкому – для дальнейшей работы переводчиками в Посольском приказе. Школа иностранных языков Швиммера была открыта указом царя в июле 1701 г. и являлась государственным учреждением, т.к. ее ученики получали ежедневное жалованье в 10 коп. После двухлетнего обучения у Швиммера и после его отбытия в качестве переводчика за границу, этих учеников отдал пастору Эрнсту Глюку (Glück/Polanska 2005, 91).

⁴⁷ Юстус Шаршмидт – Justus Samuel Schar Schmidt (1664-1724), ученик и друг Августа Германа Франке, был первым, кого пиетисты прислали из Галле в Москву (сентябрь 1696 г.) для установления связей и миссионерской работы в России (Шульдес называет его и остальных посланников Франке «эmissарями» (Schuldes 2003, 28), т.е. посланниками, приехавшими с секретными поручениями в другую страну). И хотя не все было в миссии Шаршмидта гладко, т.к. лютеранская церковная община в Москве с самого начала была настроена против пиетиста из Галле и отказывалась принимать его на службу, обеспечивать жильем и т.д., посланнику Франке удалось проработать в России почти два десятилетия, узнать не только Москву, но и другие города, например, Астрахань, где он периодически проживал. Вернувшись в 1717 г. в Галле, Шаршмидт был назначен консультантом Франке по русским делам, что подтверждает его большой опыт, приобретенный в России (Salomies 1936, 28 и далее; Winter 1953, 76-79).

штат, распоряжалась приемом, отчислением и переводом учебников, делая это исходя из своих интересов. А эти интересы, в конечном итоге, сводились к тому, чтобы ученики получили здесь основные знания иностранных языков, а затем направлялись для дальнейшей учебы в другие учебные заведения или определялись в государственную службу» (Ковригина 1998, 330 и далее).

Неудача со школой Глюка – это еще один пример, когда западноевропейское слепо насаждалось в России. При перенятии внешних атрибутов, упускались внутренние факторы, которые тоже играли немаловажное значение – от русского характера до географических или погодных условий России.

Интересна была также открывшаяся в 1710 г. в Петербурге «Петершуле» (St. Petrischule), немецкая школа при Лютеранской церкви Св. Петра,⁴⁸ основанная сподвижником Петра I, голландцем Корнелием Крюйсом.⁴⁹ Она считается одной из первых школ Петербурга. Позже школа была преобразована в немецкое училище, при этом часть учащихся в нем была православной.

Итак, кроме открытия общеобразовательных и специализированных школ, существовала и была реализована вторая возможность обучения собственных специалистов – отсылка молодых людей за границу. В основном, как это было видно из приведенных примеров, это были обеспеченные люди, так как обучение производилось за собственный счет⁵⁰ и не всем это было по силе. Но и собственная инициатива, желание учиться за границей, также поощрялись. В общей сложности при Петре I на обучение в другие страны было отправлено около тысячи человек для изучения кораблестроения, архитектуры, медицины, живописи (Андреев 2005). Первые распоряжения по этому поводу Петр I отдавал еще в конце XVII в., в самом начале своего правления:

⁴⁸ Об этой церкви пастор Симон Дитрих Геркенс сообщал следующее: «Первым пастором в этой церкви был немец из Геттингема, уроженец курфюршества Ганновер, он скончался осенью 1710 г. Его звали Вильгельм Толле (Wilhelm Tolle) [...] Вместо него следующей зимой были назначены двое других, они прибыли из немецкого города Галле морем через Гамбург и Архангельск. Один должен был отправиться с господином вице-адмиралом (т.е. с Корнелием Крюйсом) и иными флотскими в Азов, а другой остаться в Санкт-Петербурге» (Точное известие о крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях..., см. интернет-ресурсы).

⁴⁹ Корнелий Крюйс (Cornelius Cruys, 1657-1727), с 1698 года служил в России. Собирал сначала у себя дома протестантов, а с 1704 г., по прибытии в Петербург пастора Толле, организовывал для них службы. В протестантские общины, состоящие в основном из купцов и служащих, вскоре переселились многие иностранцы из Москвы. Поводом послужило также и объявление Петербурга новой столицей империи (с 1712 г.). В основном это были немецкие протестанты. Доля других – голландских, французских, английских и скандинавских – была невелика (Schuldes 2003, 24).

⁵⁰ Начиная с 1716 г., когда Петром I был издан указ о посылке в Кенигсберг молодых людей для обучения немецкому языку («Указ Петра I Сенату о посылке в Кенигсберг молодых подьячих для изучения немецкого языка и надзирателя для наблюдения за ними, от 25 января 1716 года»):

«Послать в Королевец человек тритцат или сорок, выбравъ из молодых подьячих для научения немецкого языка, дабы удобнее в Калегиум были. И послат за ними надзирателя, чтоб они не гуляли. Петръ». (Законодательные акты 1945, 215),

с последующей возможностью работать переводчиками в петровских коллегиях, обучение за границей финансировалось из государственной казны. Положительно, что этот факт дал возможность обучаться в европейских университетах молодым людям недворянского происхождения – отбор на учебу происходил по личному желанию и отбирали способных и талантливых людей практически любых сословий. Однако, подобная практика обучения за казенный счет оказалась не совсем удачной. Первоначально выданные деньги быстро заканчивались, из русской казны, «благодаря» бюрократическим задержкам, деньги долго не поступали, студенты успевали наделать много долгов, не могли посещать занятия и не имели средств на проживание. Через определенное время казна оплачивала все долги, а затем все денежные переводы шли в обход студентов непосредственно немецкой стороне, что негативно сказывалось на обучении русских студентов, выражавших недовольство подобной политикой проведения учебы. И сценарий этот повторялся из года в год (Андреев 2005, 129 и далее).

«Доношение Петра I, собственноручное, князю Ф.Ю. Ромодановскому об исполнении указа князя о распределении посланных за границу учиться по разным специальностям, согласно их склонностям и желанию, от 31 августа 1697 года.

Min Her Kenih. Письмо твое гасударской отдано, за которую, а паче въ ден светых апостол незаплатную учиненою милость многократна челом бью і рат, скол могу услужит. Которые посланы по вашему указу учитья, въсе розданы по мѣстом: [...]»⁵¹ Все вышеписанные розданы по охоте по тѣм дѣлам. Aldach Knech Piter. Из Амстрадама, августа въ 31 д. [...] Отдать князь Федору Юрьевичю Рамодановскому.» (Законодательные акты 1945, 180-181).

2.2.1.3 Указ о переводах научно-учебной литературы

Положение в области светской литературы к началу XVIII века в России описывает В.Я. Адарюков⁵² в обзоре книг гражданской печати XVIII в.:

«До Петра Великого все средства к просвещению у нас сосредоточены были в руках духовенства, отличавшегося непримиримой ненавистью ко всему иностранному и усвоившего взгляд на знание, как на еретичество, как на нечто несовместимое с православием. Наша церковь, дорожившая больше обрядовой стороною, чем духом и сущностью религии, целым рядом безусловных запрещений стесняла всякое проявление свободного творчества, причем на произведения светской литературы – былины, сказки и песни – прочно установила взгляд, как на бесовскую потеху, осуждаемую наравне со срамословием, пьянством и клятвопреступлением. При таких условиях, естественно, что допетровская книга была исключительно духовной; книг светского содержания, изданных до Петра Великого, было весьма ограниченное количество» (Адарюков 1924, 127).

Как уже упоминалось выше, и как видно из этой цитаты, развитие культуры на Руси было обусловлено позицией духовенства. Но ситуация изменилась во время правления Петра I. Оказавшись противником преобразований, православная церковь определила тем самым отношение к ней со стороны Петра I. После ликвидации патриаршества и создания Синода⁵³ влияние церкви на культурную жизнь общества значительно сокращается и ограничивается только религиозной сферой. После утраты русской церковью самостоятельности меняется и значение религиозного мировоззрения – оно уже не сравнивается в русском обществе с проявлением культурного или духовного творчества. Благодаря этому быстрее начинает развиваться рационализм, формируется новый взгляд на человеческую личность как на самостоятельное явление в развивающейся культуре.

В области светской (или гражданской) литературы к началу XVIII в. получает распространение переводная литература. При Посольском приказе переводами занимались осевшие в России иностранцы, в основном немцы и поляки, кроме того,

⁵¹ Автор (Воскресенский, Законодательные акты 1945) полностью не приводит текст данного указа.

⁵² Владимир Яковлевич Адарюков (1863-1932), искусствовед, библиограф и музейный деятель. Наиболее известны его работы о русских типографских шрифтах и гравюрах, а также обзорные произведения, например, по книгам гражданской печати.

⁵³ Святейший Правительствующий Синод был создан по указу Петра I (25.01.1721) и оставался (до 1917 г.) высшим государственным органом церковно-административной власти Российской Империи в области общецерковных функций, а также относительно внешних контактов русской церкви. Уставом Синода стал Духовный Регламент, составленный Феофаном Прокоповичем. Законодательной функции в церковной сфере Синод не имел, все указы исходили от правящего монарха, Петра I в данном случае, которые Синод мог принять или попытаться отклонить.

духовные лица, учившиеся в Киевской и Московской академиях. Последние, правда, не владели современными иностранными языками, но в совершенстве знали латынь, что давало возможность переводить многие труды из области науки, искусства и промышленности, т.к. на латинском языке, главном ученом языке Европы того времени, издавалось большое количество трудов. Отбором книг для перевода, а также последующим процессом перевода занимался сам Петр I. Известно, что Петр собственноручно руководил созданием гражданских книг, подтверждением чему являются сохранившиеся указы на эту тему:

«Указ Петра I Зотову об избегании в будущем ошибок, допущенных им при переводе книги по фортификации, с указанием приемов перевода технических книг, от 25 февраля 1709 года.

Господинъ Зотовъ. Книгу о фортификации⁵⁴ манеры Блондеилево, которую вы переводили, мы прочли, и разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учит оной фортификацию делат, также въ табелеф мера не именовано, руты ль или тузы, то зело темно и непоятно переведено, которой листь, перепъравя, вклеили в книгу, а старай, вырезаф, при том же посылаем, где сами увидите погрешение или невъятность.

И того ради надлежит вам и въ той книжке, которую ныне переводите, остеретца въ томъ, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которыя учат, как делат; и не надлежит речъ от речи хранить в переводе, но точию, сенс выразишь, на своем языке уже так писат, как внятнее может быть.» (Законодательные акты 1945, 35).

«Указ Петра I Конону Зотову об отбытии ему во Францию, об изучении там морского дела и изложении полученных сведений в определенной системе, от 24 января 1715 года. Конону зотову. Сей указ отданъ въ 24 де. Генваря 1715 году і записанъ в книгу.

1. Ѳхать ему во Францію в порты морские, а напаче гдѣ главной флот их. І там, буде возможно і волно жит і присматриват волентиром, то быт волентиром; буде же невозможно, то принят какую службу.

2. Все, что ко флоту надлежит на морѣ і въ портах, сыскат книги, также чего нѣт в книгах, но от обычая чинят, то пополнит, і въсе перевесть на словенской языкъ нашим штилем, толко храня то, чтоб дѣла не проронит, а за штилем их не гнатца.

3. То описание лутче учинит на двое, одно о адмиралтействѣ, другое о флотѣ. О адмиралтействѣ, о служителях во арсеналѣ, о их должности, о матриалах всяких, о артилеріи і препорціи, какъ артилеріи, такъ и такалажу по рангам, всего; и вес анштальтъ о флот, когда выдет, о чинах, командах, рангах, должности, экзерциі, правах в судѣ і штрофах – і въсе, что к обоім сим надлежит, какова звания дѣла ни есть, все описат.» (Законодательные акты 1945, 43).

«Указ Петра I Свят. Синоду о приемах перевода научных книг на русский язык, от 16 сентября 1724 года.

Указ труждающимся в переводѣ экономических книг.

Понеже нѣмцы обыкли многими расказами негодными книги свои наполнят, толко для того, чтоб велики казались, чего, кромѣ самого дѣла і краткого пред всякою вешию разговора, переводит не надлежит; но і вышереченной разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления і наставления о том чтущему былъ, чего ради о хлѣбопашствѣ трактат выправил, [вычерня негодное,] і для примѣру посылаю, дабы по сему книги перевозены были без лишних разказоф, которые время толко тратят і у чтущих охоту отемлют. Петръ.» (Законодательные акты 1945, 148).

Позже, в 1724 г., Петр издал указ о переводе книг:

⁵⁴ Орфография текста сохранена.

«Для перевода книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных (научных), понеже никакой переводчик, не имея того художества, о котором переводит, перевести то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые художества, а языку не умеют, их послать учиться языком, и чтоб (были) все из русских или иноземцев, кои или здесь родились, или зело малы приехали и наш язык, как природный знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой. Художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектурное, анатомическое, ботаническое, милитарис и прочие тому подобные.» (Адарюков 1924, 135).

Как видно из приведенных цитат, автор их имел представление о переводчике, как о всесторонне развитой личности, обязанной знать не только языки, но также литературу и культуру переводного языка, и переводить не слово в слово, а больше по смыслу, чтобы было понятно для читателя. При создании русскоязычного текста также необходимо учитывать, простым языком писать (разговоры) или техническим, в последнем не хватало терминологии, что со временем, в течение десятилетий, восполнилось. Особенно подчеркивается, что переводчик с иностранного на русский должен быть или русским или иностранцем, долгое время (практически с рождения) прожившим в России. При переводе книг также предписывалось писать более простым слогом и переводить более на русский язык чем на славянский. Важен был также «практический подход» к решению проблемы – т.е. получать знания непосредственно во Франции, ознакомившись на месте с практической стороной дела и с литературой на эту тему, и при написании книги использовать как теоретические, так и полученные практические навыки. Указ же 1724 г. можно характеризовать, как теоретические правила, исходящие из многолетнего практического опыта, когда Петр I самолично следил за переводом иностранной литературы, просматривал и правил переводы перед печатью.

Тексты, которые печатались после корректуры Петра I, представляют непосредственный интерес и подлежат тщательному анализу, т.к. в них выражались языковые установки Петра, его представления о языке издания. То новое, что отличает эти тексты от: 1) текстов, написанных в то же время «на русском языке» (или «не на церковнославянском»), как считали их создатели, 2) текстов, написанных «на русском языке», по мнению авторов, но более позднего времени – эти отличия и являются языковыми инновациями, нововведениями. При сравнении с более поздними текстами становится ясно, что из нового сохранилось, а что стало единичным явлением, быстропроходящим (Живов 1996, 90-91).

В начале переводные книги печатались в Голландии, в Амстердаме, Яном Тессингом, получившим официальное разрешение на печатание гражданских русскоязычных книг. Ян Тессинг был купцом, и с Россией его связывали торговые дела. Когда Петр I был в Голландии во время своего заграничного путешествия 1697-98 гг., Тессинг лично познакомился с ним и смог добиться разрешения на монополию печатания русскоязычных книг за пределами территории России. Типографское дело к началу XVIII века в Голландии было очень развитым, там печатались книги не только голландские, но и иностранные. Тессинг, вероятно, прельстился, в первую очередь, коммерческой выгодой, т.к. в развитии русского языка он не был заинтересован, по причине его незнания. Поэтому он и стал искать компаньона, сведущего в русском языке, и вскоре нашел, это был Илья Копиевич. Последний был активным реализатором всех печатных изданий в Амстердаме начала XVIII века. Тессинг же только оплачивал расходы по изданию книг и владел, что важно, правом, закрепленным письменно, издавать русскоязычные книги за рубежом в течение 15 лет, начиная с 1700

по 1715 г. Последний факт, вероятно, и послужил причиной разрыва между Тессингом и Копиевичем, на что намекал в «Книге, учащей морского плаванья» Илья Копиевич в 1701 г.:

«[...] а тотъ человекъ, который упросилъ указъ и жалованную грамоту вѣликаго государя и самъ сѣя книги нехотяще печатать, и хотящымъ запрещаль». (Быкова/Гуревич 1958, 325).

Начиная с 1701 г. у Копиевича была своя типография в Амстердаме, где он продолжал печатать русскоязычные светские книги (Ян Тессинг скончался в 1701 г.), а в 1708 г. Копиевич отправился в Россию, где принял участие в создании нового гражданского шрифта (Адарюков 1924), который лег в основу всех светских книг.⁵⁵ Вероятно, по наброскам самого Петра, в 1707 г. чертежник Куленбах изготовил рисунки тридцати двух строчных букв русского алфавита. Полный комплект русского гражданского шрифта был заказан и у Ильи Копиевича в Амстердаме, и в Москве на Печатном дворе. В марте 1708 г. новым шрифтом была издана первая книга – учебник геометрии «Геометрия славенски землемерие». По графике новый шрифт был близок к западноевропейскому и предназначался только для печатания светских изданий – научной, технической, военной, учебной и художественной литературы, а также для публикаций периодической печати.

Деятельность Петра I положила конец средневековью, это касается и распространения науки и культуры через книгопечатание, которые приобретают светский характер. Книжный человек – это уже не только церковник, как это воспринималось раньше. В книгах содержатся реальные знания о науке, политических делах, истории. И все это было написано (по крайней мере, была сделана попытка) на ином языке, отличном от церковнославянского, на языке, ставшим предшественником русского «литературного» языка нового типа.

2.2.1.4 Издание светской периодики

Кроме издания книг гражданской тематики, приглашения иностранных специалистов и отсылки молодежи для обучения за границей необходимо отметить еще один фактор, способствовавший культурному развитию России начала XVIII века – это регулярный выпуск газет.⁵⁶ Сообщения о событиях в России и за рубежом регулярно начинают печатать в Москве с 1703 г. (02.01.1703) под заглавием «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» (Соловьев 1993, 274). До этого времени все сообщения политической, экономической и культурной жизни России и других стран готовились только для царя лично и для небольшого числа приближенных к нему, т.е. сообщения эти не покидали стен дворца, оставляя в неведении все остальное население.

⁵⁵ Вообще, Адарюков в своем труде утверждает, что гражданский шрифт появился и применялся гораздо раньше, но не в виде печати, а как гравюра. К 1701 г. относится карта реки Двины, гравированная Адрианом Шонебеком, где в левом верхнем углу имеется надпись, выгравированная гражданским шрифтом. Надпись указывает географическое место, а также год издания и автора. Шрифт, по мнению Адарюкова, соответствует утвержденному и опубликованному в феврале 1710 г. гражданскому шрифту (Адарюков 1924). Адриан Шонебек (Adrian Schonebeck, 1661-1705), голландский гравёр, один из первых подобных специалистов, приглашенный в Россию (1698) Петром I. Известен как автор художественных гравюр и географических карт.

⁵⁶ Появление первых рукописных газет на Руси относится ко времени правления первого Романова – Михаила Федоровича, начиная с 1613 г. Их еще называли «вестовыми письмами» или «столбцами», т.к. писались они в столбик и их длина могла составлять до нескольких метров.

С 1703 г. грамотное население России получает возможность знакомиться с положением дел в своей стране, а также за рубежом. Причем иностранные известия о событиях в России, которые тоже печатались в «Ведомостях», публиковались целиком, без всяких примечаний. Петр I сам проводил отбор заметок, в основном из голландских газет, которые необходимо было перевести для русского экземпляра газеты, а также проводил корректуру готовых статей. Первые газеты печатались еще церковнославянским шрифтом,⁵⁷ сначала в Москве, а с 1711 г. в Петербурге. Объем тиража составлял около 1000 экземпляров⁵⁸, газеты продавались по цене две копейки за номер (Соловьев 1993, 281 и далее).

Газета в России первой трети XVIII в. была единственной разновидностью периодической печати. Печатавшаяся поначалу церковнославянской кириллицей, после введения гражданского шрифта она стала значительно популярней у читателей. Язык газет имел в основе своей русский разговорный язык, а не церковнославянский. Поэтому развитие информационных газетных жанров начала XVIII в. – репортажа, отчета, комментария – в языковом плане может также представлять интерес в свете становления русского литературного языка. Особенно ценна периодичность издания на протяжении длительного времени в связи с возможностью проводить сравнительные анализы газетных заметок в хронологическом порядке.

2.2.2 Социолингвистические и социокультурные предпосылки для возникновения русского литературного языка нового типа

Описанные изменения в области издания книг, развития нового гражданского шрифта, создания светских учебных заведений и выпуска периодических изданий, как и другие нововведения в области культуры, объединяет и фактор, без которого невозможен ни один процесс в указанных областях культуры – это язык, прежде всего письменный. Язык культуры – церковнославянский, Петр I отверг, посчитав (и справедливо) его непригодным для светской жизни. Но альтернативного варианта, светского языка культуры не было. Необходимо было писать «не на церковнославянском языке», т.е. нормой было отрицание церковнославянских норм, взамен которых нужно было выработать новые, гражданские языковые нормы, что и происходило несколько десятилетий подряд. Образцами для таких текстов могли стать тексты, написанные на «гибридном» или смешанном церковнославянском языке.

2.2.2.1 «Гибридные» тексты или церковнославянские тексты со «сниженной» нормой в сфере языка культуры

Концепция В.М. Живова (Живов 1996) по отношению к языковой ситуации Древней Руси базируется на утверждении, что историю письменного языка Древней Руси необходимо рассматривать не с точки зрения генетического происхождения, а с точки зрения функционирования языка в обществе, его функциональных свойств, которые складывались в процессе отбора из множества языковых элементов (Живов 1996, 19-20). Если языковую ситуацию Древней Руси представлять как противопоставление текстов, написанных на церковнославянском языке (=«книжные тексты») текстам, написанным на русском языке (=«некнижные тексты»), то в этот анализ не попадает значительная часть оригинального наследия литературы Древней

⁵⁷ До 1710 г. «Ведомости» издавались только на церковнославянской кириллице, после 1710 г. большей частью гражданским шрифтом и, начиная с 1717 г. – исключительно гражданским шрифтом.

⁵⁸ Все зависело от важности выпуска – например, номер с сообщением о Полтавской битве печатался тиражом в 2500 экземпляров.

Руси, в первую очередь, летописи, которые создавались хоть и на книжном языке, но не на стандартном церковнославянском. Термин «язык», синонимом которому (по Живову) является такое понятие, как «регистр» или «фрагмент», автор использует условно, подчеркивая, что понятие «язык» в отношении письменных языков Древней Руси не связано с современным понятием о литературном языке (Живов 1996, 15).

Отличительными признаками книжных текстов от некнижных являлись такие факторы, как логически организованный синтаксис, использование различных признаков книжности, таких например, как формы имперфекта, двойственного числа или согласованных кратких причастий. Но нельзя определять отношение книжных текстов к некнижным только их противопоставлением, т.к. разнообразие обоих видов текстов включало в себя разнообразные по жанру тексты, имеющие различные функциональные свойства. Разнообразие книжных и некнижных текстов в отношении их языковых признаков приводит также к противоречию, возникающему при попытке представить языковую ситуацию Древней Руси только как диглоссийную, т.к. противопоставление книжных и некнижных текстов представляется трудным в силу неоднозначности этих текстов (Живов 1996, 31).

Н.И. Толстой (Толстой 1998) также представлял языковую ситуацию Древней Руси XI-XVII вв. не на основе лингвистического анализа существовавших письменных языков, а на основе литературных жанров, которые, расположенные иерархически (в виде пирамиды), взаимодействовали друг с другом, т.е. Толстой выделял функционирование письменных языков в соответствии с различными литературными жанрами, которые обладали неодинаковыми языковыми свойствами, в том числе различной степенью соблюдения нормы, приближенности или отдаленности от образцовых текстов. Разделение по содержанию на жанры происходило от конкретного, светского и осязаемого (бытовая, деловая письменность, светско-юридическая литература) к абстрактному, духовному и конфессиональному (агиографическая, конфессионально-гимнографическая и конфессионально-литургическая литература) (Толстой 1998, 96-97).

Несмотря на то, что регистры письменного языка Древней Руси не были в современном смысле кодифицированы или полифункциональны, они обладали определенной нормой, которая варьировалась в зависимости от выполняемой функции. Отличия регистров письменного языка заключались в различном наборе церковнославянских и восточнославянских языковых элементов, причем решающим было то, как тот или иной языковой элемент определяется в сознании носителя языка, к какой языковой сфере (в соответствии с функцией) он его соотносит (Живов 1996, 19). Таким образом, важную роль играли показатели (=индикаторы), характерные для определенного регистра языка, только церковнославянские или только восточнославянские, но не нейтральные, общие для всех регистров. И эти индикаторы определяли языковую норму – происходило это для носителя языка на подсознательном уровне, при условии конечно, что человек обладал знанием и опытом чтения церковнославянских текстов.

Усвоение новых текстов могло происходить только на основе уже прочитанных, на основе накопленного материала – это было связано, в первую очередь, с системой обучения грамоте, которая просуществовала на Руси до XVIII в. и по которой обучался письму и Петр I. В основу обучения грамоте было положено чтение по складам. Так как грамоте обучали в основном духовные лица, то и процедура обучения начиналась и заканчивалась молитвой, т.е. была ориентирована на религиозную тему. Ошибки при чтении приравнивались к еретическому заблуждению и строго карались учителями. После обучения по складам приходила очередь заучивания наизусть основных текстов – самых распространенных молитв и Псалтыри (Живов 1996, 21-22). Из этого состоял

«фундамент» обучения письму, каждый последующий прочитанный текст добавлял знаний и опыта читателю, а создание новых текстов зависело от объема прочитанного. На основании этого на Руси и сложилась такая языковая ситуация до XVIII в., когда регистры языка функционально разграничивались благодаря индикаторам, это было возможно только благодаря описанному обучению грамоте. Если бы с самого начала церковнославянскому языку обучали по грамматикам, то это дало бы большую свободу при создании новых текстов, не надо бы было мыслить готовыми фразами, «трафаретами» и тексты были бы более разнообразными.

В рамках книжного языка Живов приводит два регистра, отличающиеся степенью строгости по отношению к церковнославянским образцам и способами создания текстов. Это стандартный регистр, установки которого реализованы в текстах Священного писания, которые заучивались наизусть еще в процессе обучения. В основном это были тексты переводные, иноязычные. В отношении орфографии и морфологии переводные тексты были адаптированы на восточнославянской почве, но синтаксис и грамматическая структура оставались относительно нетронутыми при переводе (Живов 1996, 31). Вторым видом был гибридный регистр (=гибридный церковнославянский язык), реализованный в первую очередь в оригинальных восточнославянских произведениях. При создании гибридного текста решающим было его условное сходство (по смыслу) с текстами Св. Писания, а принадлежность гибридного текста к книжному языку выражалась рядом показателей, соблюдаемых формально, количество которых не было установлено и могло быть минимальным, но присутствие их было обязательным, поэтому книжные элементы иногда вставлялись в гибридный текст непоследовательно и окказионально (Живов 1996, 32).

Четких границ между стандартным и гибридным регистром книжного языка не существовало. Особенно это было заметно в ранний период. Со временем на развитие гибридного регистра повлияло развитие некнижного языка – русского разговорного. В этом случае существовала прямая зависимость – чем дальше удалялся в своем развитии разговорный русский язык от церковнославянского, тем яснее и многообразнее были лингвистические отличия текстов гибридного регистра от стандартного, потому что гибридная норма была подвижной и менялась в зависимости от влияния разговорного русского языка.

Необходимо заметить, что при дифференциации языковых элементов в отношении их функциональности важную роль играло их генетическое происхождение. Развитие и усвоение различных языковых элементов зависело от способа их «закрепления» в церковнославянском языке. Во-первых, инославянский языковой элемент мог закрепляться в норме церковнославянского в своем изначальном виде, становясь при этом признаком книжности (=оригинал). Во-вторых, инославянский элемент мог быть вытеснен родным восточнославянским – в этом случае, когда в норме церковнославянского закреплялся восточнославянский языковой элемент, происходила адаптация (=адаптация). И в-третьих, допустима была ситуация, когда в норме закреплялись оба варианта – и инославянский и восточнославянский, которые использовались попеременно (=вариативность) (Живов 1996, 26-27).

Использование различных вариантов закрепления генетически разнородных элементов привело к тому, что:

«Книжный язык воспринимается не как чужое наречие, существующее вне зависимости от родного языка (в отличие, скажем, от латыни в славяноязычных странах), но как культивируемая разновидность родного языка. Владение книжным языком накладывается на естественные речевые навыки, соединяется с ними, образуя сложный конгломерат речевых навыков письменного языка, конкретный состав которых зависит как от социально-культурного статуса пишущего, так и от типа письменных текстов,

которые он обычно производит (понятно, что это взаимосвязанные явления).» (Живов 1996, 30).⁵⁹

Техника создания текстов для двух указанных регистров тоже была различной: 1) механизм ориентации на тексты, 2) механизм признаков книжности или механизм пересчета. Первый механизм – ориентация на образцовые тексты – заключался в применении готовых частей текста, языковых форм, известных пишущему из текстов, которые он заучивал наизусть, обучаясь церковнославянскому языку. Так как приходилось заучивать значительные по объему тексты (например, Псалтырь), то и количество готовых конструкций у пишущего имело значительный объем. При создании текста при помощи механизма ориентации на образцовые тексты необходимым было выполнение двух условий – тема создаваемого текста должна была походить на темы, встречающиеся в заученных текстах, и в сознании пишущего должна была быть установка на создание книжного текста, создающий текст должен был думать «по книжному» (Живов 1996, 24). В основе второго механизма также лежала установка на создание книжного текста, но отличие от первого вида заключалось в том, что создатель текста соотносил языковые элементы книжного языка с одинаковыми по значению элементами живого языка, некнижного. Это касалось не всех языковых элементов, а только наиболее распространенных, многократно повторяющихся. Механизм пересчета помогал заменять при создании текста некнижные формы на книжные, например, формы причастий прош. вр. на -л на формы простых претеритов (Живов 1996, 23). Этот механизм хорошо функционировал при создании оригинальных восточнославянских произведений, когда нужно было написать что-то новое, что создавалось впервые.

Интересно, что первый механизм был результатом системы обучения книжному языку – церковнославянскому. В отличие от изучения латинского языка, который осваивался по грамматикам, подобных руководств для церковнославянского не существовало, и поэтому обучение происходило на основе родного языка (восточнославянского или русского), которое заключалось, как уже было сказано, в освоении азбуки, в обучении чтению по слогам и письму, а затем в заучивании наизусть значительных по объему церковнославянских канонических текстов. Подобная система обучения была освоена, вероятно, еще в самом начале распространения церковнославянской письменности и оставалась неизменной на протяжении многих веков.

Второй вид техники создания текстов – механизм пересчета – был следствием хорошо усвоенного первого вида техники. Если пишущий владел механизмом ориентации на образцы, то он способен был применять и механизм пересчета, чем выше была степень владения первым механизмом, тем выше, соответственно, по качеству, степень владения вторым механизмом. При использовании в большинстве случаев механизма ориентации на образцы полученный текст был стандартным церковнославянским, относился к стандартному регистру книжного языка. Если при создании текста преобладал механизм пересчета, то результатом становился гибридный

⁵⁹ Из этой цитаты, правда, следует, что церковнославянский язык воспринимался как «свой» только грамотной частью населения, каковых было немного. Самым грамотным среди населения было духовенство – практически поголовно. Читать умели все. Писать не всегда. В случае, если вместо духовного лица подписывался другой, то указывалось рядом «он поп сам писать не умеет» – факт, о котором никогда не сообщалось в подписи за мирян. Неумение писать было для духовных лиц скорее исключением, явлением неординарным (Хабургаев 1969, 115). Остальное население, около 90% крестьянское, в основном было неграмотным.

церковнославянский текст, тоже относящийся к книжному языку, но по ряду лингвистических признаков отличающийся от текстов стандартного регистра.

Концепция В.М. Живова о языковой ситуации, сложившейся в Древней Руси, помогает понять причину языковых и стилистических изменений, которые возникали по ходу переписывания и редактирования текстов, в первую очередь летописей. При помощи механизма ориентации на образцы удавалось сохранять книжный язык в его относительно первозданной форме, язык не получал нового развития, перманентно находился в неизменяемой форме, или близко к такому состоянию. А механизм пересчета, благодаря которому создавались гибридные тексты, был «двигательной силой» в книжном языке, способствующей его прогрессу и развитию. Преобладанию этого механизма при создании текстов способствовала, как правило, ситуация наличия нехарактерного для стандартных текстов содержания – летописи и являются показательным примером для подобной ситуации.

Концепция Живова сопоставима с концепцией описания норм церковнославянского языка Ремневой (см. гл. 2.1.2.1).

М.Л. Ремнева (Ремнева 1988; 2003) придерживается мнения, что в качестве письменного языка Древней Руси использовался церковнославянский язык различной степени нормированности, которая выражалась соответственно в двух формах – строгой и сниженной. Строгая норма церковнославянского языка была в своем проявлении тождественна его грамматической системе и в течение продолжительного времени оставалась относительно стабильной и неизменной. Она представляла собой закрытую систему, которая не была подвержена влиянию извне. Строгая норма характеризовалась определенными отличительными лингвистическими признаками: использование сложной системы прошедших времен, употребление форм двойственного числа, использование дательного самостоятельного, употребление формы супина и инфинитива для описания целевых отношений, передача форм повелительного и условного наклонения соответственно при помощи союзов «**да / аще** + презентная форма глагола» (Ремнева 2003, 32, см. *Таблицу* 2). На дательный самостоятельный, как языковой элемент церковнославянского, но не русского (разговорного) языка XVIII века, указывает также в своей работе Е.Ф. Будде (Будде 1908/2005) наряду с такими синтаксическими и лексическими элементами, как оборот дательного с неопределенным наречием (*Воздух мнится непокоен быть*), употребление предлога «от» в сочетании с названием предмета или лица (*Утеснен был от шведа*), использование вспомогательного глагола «**быть**» в сочетании со сказуемым в тв. п. (*Мне жизнь есть бременем*) (Будде 1908/2005, 105 и далее).⁶⁰

⁶⁰ «Дательный самостоятельный» (=ДС) – синтаксический церковнославянизм, характерный только для церковнославянских текстов, преимущественно XI-XVII вв, в XVIII-XIX вв. эта форма встречается в произведениях высокого жанра, например, у М.В. Ломоносова, М.М. Хераскова, А.Н. Радищева, В.А. Жуковского, А.Х. Востокова. Эта форма являлась элементом высокого стиля изложения и не была свойственна восточнославянскому разговорному языку, хотя иногда, очень редко, встречалась и там (например, следы ДС обнаружены в некоторых русских говорах), что объясняется влиянием церковнославянского языка как языка-образца, стандарта того времени, на восточнославянскую речь (Сабенина 1985, 73-74). В отношении происхождения ДС нет единого мнения. Вероятно, эта конструкция была представлена еще в первых переводах, сделанных Кириллом и Мефодием. Существует предположение, что в древнеболгарском говоре города Солуня, который лег в основу старославянского языка, изначально отсутствовала форма для передачи греческой конструкции «родительный самостоятельный», поэтому переводчики создали свою независимую славянскую форму – дательный самостоятельный (Сабенина 1985, 79). ДС не относится к самостоятельному типу предложения, скорее выражает функции определенного типа предложений, которые реализуют в церковнославянских текстах такие значения, построенные по схеме «дат. имени + дат. причастия», как: 1. отношение между субъектом и его предикативным признаком – процессуальным состоянием (*Князю спящъ* = «Князь спит»); 2. отношение между субъектом и его предметно представленным предикативным признаком

В норме сниженного типа не было единой системы для выбора языковых элементов, а существовал набор языковых вариантов, базирующийся не только на системе церковнославянского, но и русского разговорного языка (см. *Таблицу 3*). К системе последнего относились, например, форма причастия прош. вр. на -л как единственная для обозначения прошедшего времени, использование восточнославянских союзов **когда, коли, аже, оже, даже, аче, али, она** для передачи целевых, временных, условных, императивных отношений, наличие бессоюзных конструкций. Все эти элементы могли присутствовать в текстах со сниженной нормой наряду с основными грамматическими формами церковнославянской строгой нормы – сложной системой прошедших времен, вышеназванные синтаксические конструкции для передачи условных, императивных и целевых отношений (Ремнева 2003, 30, 32). В сниженной норме присутствовали т.о. грамматические варианты, так называемые «дублиеты» или «факультативные варианты» (Ремнева 2003, 31), она представляла собой открытую систему и была подвержена влиянию русского разговорного языка. Важным является то, что основным отличительным признаком двух грамматических норм церковнославянского языка было допущение восточнославянских языковых элементов в тексты со сниженной нормой и запрет на их употребление в текстах с нормой строгой. При этом употребляемые восточнославянские элементы не были маркированы. Обозначена была сама возможность использования восточнославянских вариантов при сниженной норме (Ремнева 2003, 31), что давало большую свободу в отношении используемых языковых вариантов, а также создавало возможности для отбора языковых единиц при последующем закреплении нормы. Норму с обозначенной возможностью использования восточнославянских элементов автор определяет как «грамматическую норму сниженного типа» (Ремнева 2003, 32-33), что перекликается по значению с термином «гибридный тип церковнославянского языка» В.М. Живова (Живов 1996, 27). В дальнейшем указанные термины будут использоваться как синонимы.

Функциональность текста, его принадлежность к тому или иному жанру, также является одним из основных факторов, определяющих применение строгой или сниженной нормы. Стабильное и осознанное применение нормы (строгой или сниженной) диктовалось целью создания текста, его совместимостью с тем или иным жанром. В письменности Древней Руси каждый вид нормы представлен памятниками определенных жанров:

- памятники со строгой церковнославянской нормой – богослужебная литература, жития, ораторская проза, переводы деловой письменности с греческого языка;
- памятники со сниженной церковнославянской нормой – летописи, повести, слова (Ремнева 2003, 32).

В целом можно обобщить, что М.Л. Ремнева и В.М. Живов считают, что основополагающую роль при возникновении «литературного языка нового типа» сыграл церковнославянский язык, который в процессе своего развития в Древней Руси реализовывался в двух различных направлениях, в двух видах литературы –

(**Ѧмжъ сѣцѣжъ игѣменѣ** = «Он игумен»); 3. отношение между субъектом и его предикативным признаком – свойством или качеством (**Мразѣ лютеѣ сѣцѣжъ** = «Мраз люте») (Сабенина 1985, 74). Во всех случаях ДС выполняет функцию самостоятельного сообщения, что является его основной характеристикой, он представляет собой особую форму предложения, как простого, так и сложного. Также его характеризуют, как синтаксический церковнославянизм (Сабенина 1985, 73), из-за его соотнесенности с высоким стилем изложения, когда ДС использовался для описания важнейших событий, в основном из религиозной жизни, реже из исторической или политической. Как и в случае с другими церковнославянизмами, применение ДС не было четко регламентировано, достаточно было его появления в цсл тексте.

канонической, являвшейся литературой богослужения (стандартные церковнославянские тексты) и релятивной (гибридные церковнославянские тексты). Существенным в обоих направлениях является сам факт жанровой ориентации на тексты-образцы, наличие двух видов норм, противопоставленных содержательно по набору языковых признаков.

2.2.2.1.1 Переход генетических различий между церковнославянским и русским языками в различия функциональные и их отражение в норме текстов на «простом» языке

Существование разрыва между церковнославянским и русским языком создало предпосылки для появления религиозной литературы на гибридном церковнославянском языке. Для объяснения его появления необходимо подчеркнуть, что в данном разделе будет использоваться также термин «книжный язык» в понимании Живова, под которым он понимал церковнославянский письменный язык русской редакции (см. гл. 2.1.2.1) и противопоставлял его русскому разговорному языку или языку «некнижному» (Живов 2001, 13).

Появление текстов не на классическом церковнославянском, а на варианте церковнославянского с элементами разговорного русского языка, возникало по мере «отдаления» языка церкви от живого русского языка. Первые тексты на «простом» церковнославянском возникают в XVI веке. Эта концепция «простоты» языка, которая требовала в первую очередь понятности и общедоступности текстов, была актуальна не только для Руси, но и для стран Западной Европы. Ее можно было реализовывать в отношении вновь создаваемых текстов, но сложно было переписать заново уже существующие религиозные произведения. Традиционная литература, начиная с XI века, автоматически была бы обречена на отмирание, если бы начали создавать тексты на некоем новом, понятном для масс языке, т.к. это новое разительно отличалось бы от старого (Живов 1988). Это был отрицательный «итог» искусственной задержки развития церковнославянского языка, изоляции его от внешнего языкового воздействия, правка всех книг по греческим или южнославянским образцам. Необходим был компромисс, соединяющий в себе традиционность и понятность, т.е. создание такого смешанного языка, который бы отвечал и традиционным критериям церковнославянских текстов, и содержал бы в себе новые элементы. К попыткам создания текстов на «простом» языке в XVII в. относятся произведения протопопа Аввакума (1621-1682), который из двух полюсов традиционности и понятности выбрал последний. Консерватор в религиозных убеждениях и противник патриарха Никона в идеологических спорах, Аввакум одновременно стал новатором в литературе. Целью его текстов было стремление в понятной форме объяснить суть религиозных дискуссий между старообрядцами и правящим духовенством. Аввакумом было написано около ста произведений, наиболее выдающееся из них – «Житие Протопопа Аввакума» (1672-1675), было написано им в ссылке. В произведениях Аввакума на переднем плане стоит выражение личности, видение проблемы через призму собственного «я». Аввакум использует в своих текстах традиционные элементы, но при этом огрубляет их насмешкой, соединяет с просторечными выражениями, тем самым придавая им другой смысл. Поэтому произведения Аввакума обладают непосредственностью и искренностью. Сидя в земляной тюрьме и ожидая смерти, он как бы освобождался от земной суеты, от заботы о внешней форме своих произведений, от различных литературных «приличий». Для него полностью отсутствует литературная традиционность, игравшая важную роль в средневековой литературе, наоборот, он отходит от нее, в этом заключается его литературное новаторство (Лихачев 1975).

Менее понятными, но более традиционными, все же с заявкой на «простой» церковнославянский язык, были тексты Симеона Полоцкого (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович 1629-1680),⁶¹ например, его «Обед душевный»:⁶²

«Особенно показательна языковая практика Полоцкого. Будучи хорошо знаком с «простой мовой», он в условиях Московской Руси избирает в качестве ее эквивалента лишенный риторических украшений церковнославянский, явно предпочитая традиционность понятности и вместе с тем рассчитывая, как можно полагать, на относительно высокий уровень церковнославянской образованности, поддерживаемый в Москве.» (Живов 1988, 77).

Характерной особенностью проповедей Полоцкого является наличие в них примеров, заимствованных из различных областей знания. Их так много и подобраны они с такой эрудицией, что проповеди Полоцкого скорее напоминают по своему содержанию энциклопедические справочники. Эти образные примеры взяты из гуманитарных наук, например, из истории или философии, из античной мифологии.

Полоцкий, белорус по происхождению, выпускник Киево-Могилянской Академии, ставший, благодаря своим обширным знаниям, придворным поэтом и наставником будущего наследника престола,⁶³ является ярким представителем западного латинского течения. Прекрасно знавший латинский и польский, перевел значительное количество произведений, и в оригинальных проповедях своих тоже пытался вставлять научные понятия, которые хорошо умел описывать, от этого слог его был малопонятен, хоть и отличался от стандартного (церковнославянского) языка, характерного для написания проповедей. Интересно, что С. Соловьев говорит о Полоцком, что он «ловкий собиратель отовсюду чужих мнений, старающийся представить их занятно» (Соловьев 1993, 257).

Часто занимаясь переводами, Полоцкий сформулировал теоретические размышления по поводу этого процесса в своем труде «Жезл правления» (1667):

«Образ той прототипу своему или первообразному благо уподобляется, иже во всех частех праведне ему отвечает. Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесо же оставляя. Греческая Святая Писания суть нам славянам прототипом, иже есть первообразное, от их же вся книги наша переводим, ничесо же прилагающе или отъемлюще, да совершенно им уподобимся. Тем же аще что в древних преводех или непризрением, или недомыслием, или нерадением оставися, добре ныне исправляется приложением» (цит. по: Нелюбин/Хухуни 2006, 203).

Считая необходимым переводить все без остатка, Полоцкий призывает ориентироваться в переводном языке на греческую Библию, а что не подходит к ее содержанию, давать как приложение, но тоже обязательно переводить.

⁶¹ В библиотеке Франке сохранилась «История о Варлааме и Иоасафе» Симеона Полоцкого, изданная в Москве в 1681 г., вероятно, попавшая в Галле в начале XVIII в., когда А.Г. Франке планомерно начинает собирать книги для создания при университете славянской библиотеки по совету Лудольфа. Первой книгой был, вероятно, подаренный Шаршмидтом и присланный им из Москвы в 1699 г. Новый Завет, напечатанный в 1692 г. (Šyževskij 1939, 27).

⁶² «Обед душевный» был первым сборником проповедей Полоцкого, вышедшим в 1681 г, второй – «Вечеря душевная», вышел в свет в 1683 г.

⁶³ В 1667 г. Полоцкий был назначен воспитателем детей Алексея Михайловича (Романова), в том числе и Федора Алексеевича, который, благодаря занятиям у Полоцкого, знал польский язык, латынь, впоследствии писал стихи.

Произведения протопопа Аввакума и Симеона Полоцкого являются ярким примером текстов второй половины XVII в., созданных на церковнославянском языке, но с «отступлениями». У Полоцкого присутствует в проповедях рационализм, научное обоснование, он многое объясняет при помощи примеров из разных научных областей. Протопоп Аввакум писал свои произведения на традиционном церковнославянском, но с эмоциональными отступлениями, которые подчеркивали в его произведениях тему личности автора, проявление личных переживаний, описание событий через призму собственных переживаний.

В отношении текстов, написанных на церковнославянском языке, можно обобщить, что к XVII в. присутствие генетических признаков восточнославянских языковых элементов в церковнославянских текстах закрепляется и становится своеобразной нормой.⁶⁴ В определенных жанрах используются тексты со строгой (богослужебная литература, жития, ораторская проза, переводы деловой письменности с греческого языка) и сниженной (летописи, повести, слова) церковнославянской нормой.

Адаптация восточнославянских элементов происходила в основном в морфологии и орфографии. Отсутствие печати в средние века и способствовало тому, что переписчики из разных областей Московской Руси вносили в текст «свои» изменения, видимо из боязни, что незнакомые элементы отпугнут читателя. Закрепление инославянских элементов происходило на уровне лексики и синтаксиса – это были те области, которые были общими для всех вариантов или же изводов книжного языка, и которые больше всего отличались от языка некнижного, например, церковнославянская лексика, которой трудно было найти соответствия в разговорном узусе (Живов 1996, 27).

Механизм пересчета (т.е. замена некнижных форм на книжные) также повлиял на преобразование генетических различий в функциональные: противопоставление инославянских и восточнославянских элементов перешло в соотношение книжных и некнижных элементов, при этом элементы книжные уже не воспринимались как чужие (Живов 1996, там же). Именно тексты, созданные на основе механизма пересчета, а не на основе ориентации на образцы, необходимо рассматривать, как произведения, наиболее отличающиеся от текстов основного корпуса, это касается в первую очередь грамматики.

Таким образом, изначально генетические различия в текстах книжного языка переходили в отличия функциональные, когда отличия уже не воспринимаются как «свое» и «чужое» (=восточнославянское и инославянское) и когда с их помощью создается языковое многообразие и формируются различные письменные традиции (Живов 1996, 29).

«Переосмысление генетически разнородных элементов в функциональных категориях сказывается на характере языкового сознания. Книжный язык воспринимается не как чужое наречие, существующее вне зависимости от родного языка [...], но как культивированная разновидность родного языка.» (Живов 1996, 30).

2.2.3 Наличие предпосылок для возникновения языка-стандарта в России в первой трети XVIII века

События в России первой трети XVIII века, когда в стране во многих сферах общественной жизни происходили обновления, связанные с преобразованиями Петра I, способствовали решающим изменениям.

⁶⁴ «Своеобразной», потому что не было четких нормативов, норма в гибридных текстах варьировалась, ее трудно было систематизировать.

По социолингвистическому определению трехступенчатой модели описания языка-стандарта по Редеру, образовавшийся язык-стандарт должен соответствовать четырем критериям – нормированности, поливалентности, обязательности и дифференцированности. На первой социолингвистической ступени в этих терминах происходит слияние языковых (нормированность и дифференцированность) и общественных (обязательность и поливалентность) определений, которые взаимосвязаны и поэтому оказывают взаимное влияние. Как церковнославянский, так и русский язык в одиночку не выполняли всех указанных критериев, поэтому стали преобладать тексты, написанные на «гибридном» языке, обладающие гибкостью и стабильностью четырех указанных критериев, потому как в основе своей имели как русские, так и церковнославянские составляющие. Таким образом, на социолингвистическом уровне происходит выработка новых норм путем смешения двух типов письменного языка – церковнославянского и делового. При этом важную роль играют «гибридные» тексты, написанные на третьем, «смешанном» варианте письменного языка. Четыре признака, характеризующие стандартный язык, в первую очередь, как социолингвистический феномен, находятся в переменных взаимоотношениях, которые в последующем необходимо дифференцировать. Эти четыре признака, их совокупность, составляют определяющую систему, которая интегрирует последующие признаки. Вместе они представляют первую ступень – социолингвистическое определение феномена стандартного языка в узком смысле этого слова.

Уровень социокультурного включения (вторая ступень у Редера) формировался в единстве и противопоставлении церковнославянской и русской культурной традиции. В идеальном случае, когда все языковые процессы при образовании нового языка-стандарта происходят последовательно, подчиняясь, в основном, своим внутренним языковым законам, вторую ступень можно рассматривать как основополагающую ступень при образовании стандартного языка, так как на ней задействованы общественные представления и силы, которые, с одной стороны, пытаются сформулировать социолингвистическое определение стандартного языка в узком смысле этого слова, без участия государственно-политического решения, с другой стороны, данное социолингвистическое определение служит основанием социокультурного включения. Таким образом, вторая, социокультурная, ступень является по важности центральной для определения стандартного языка (Rehder 1995, 362). Но этого не произошло в ситуации с Россией в начале XVIII века. Дальнейшее развитие русского языка-стандарта определила актуальная политическая ситуация. «Соперничество» церковнославянского и русского языков за дальнейшее привилегированное положение в стране было решено не в пользу языка культуры, церковнославянского. С самого начала, со времени создания гражданского алфавита (1708), книги гражданского содержания предлагалось писать не на церковнославянском, а на другом (еще точно неизвестно, каком) языке, где было бы «побольше русского». Петр I на государственном уровне определил изначально отказ от церковнославянского языка, как языка гражданских книг, а поиски, выработка нового языка, заняли почти полвека. Таким образом, политические реформы Петра I явились решающим событием, изменившим развитие двух вариантов существовавшего письменного языка, как русского, так и церковнославянского. Реформы не создали непосредственно новый стандартный язык, но явились решающей предпосылкой для его появления, они легитимировали создание стандартного языка на государственном уровне (третья ступень «государственно-политическое значение» по Редеру, Rehder 1995, 363 и далее).

На основании изложенных фактов, очевидно преобладание уровня политического решения в эпоху правления Петра I в отношении образования русского литературного языка нового типа (=языка-стандарта). Политические реформы стали отправной точкой для возникновения языка-стандарта, а не наоборот, когда факт наличия языка нового типа заставляет принимать решения на политическом уровне, узаконивая новый тип языка.

3. Распространение «истинного христианства» на «простом» народном языке – один из основных постулатов пиетизма из Галле

Движение пиетизма охватывает, в основном, XVII и XVIII века. Как религиозное течение, оно подчеркивало искреннюю религиозную деятельность, этическую и внутреннюю чистоту, благотворительность. Пиетизм стал движением обновления в протестантских кругах. Догматизму богословов и рационализму философов он противопоставил живую веру, лежащую в основе христианства. Пиетисты считали себя людьми, живущими по божьим законам. Свои стандарты они ориентировали на Священное Писание и считали основными своими целями заботу о жизни христианина, помощь нуждающимся и распространение Св. Писания. Пиетисты выступали также против холодности и закостенелости государственной церкви и против способов распространения религии духовенством.

Август Герман Франке (August Hermann Francke, 1663-1727) – яркий представитель пиетистского движения в Германии, был последователем Филиппа Якова Шпенера (Philipp Jakob Spener, 1635-1705), одного из первых распространителей идей пиетизма. Если Шпенер был патриархом, мечтательным основателем пиетизма, то Франке можно назвать как теоретиком, так и главным реализатором идей пиетизма на практике. Он был воодушевлен идеями Шпенера и просто горел желанием воплотить их в жизнь. Первоначально стремления Франке в этом направлении в Лейпциге (1685) и позднее в Эрфурте (1689) не встретили понимания, а противники пиетизма добились не только судебного следствия над Франке и его учениками, но и запрещения деятельности Франке в указанных университетах. Возможность реализовать идеи Шпенера представилась Франке в 1692 году, когда он получил должность профессора восточных языков в университете в Галле, а также место священника в предместье Галле Глаухау (Glauchau). Занимая оба поста, Франке стал вскоре интеллектуальным и официальным лидером быстро развивающегося пиетистского движения. Благодаря кипучей деятельности Франке, Галле с конца XVII века становится центром пиетизма.⁶⁵ При университете, когда Франке занимал должность профессора восточных языков, был создана Коллегия Восточных языков (Collegia Orientale), в которой был организован перевод Библии на многие европейские, в том числе славянские, языки. С самого начала А.Г. Франке задумывал обширный проект, который должен был охватить не только Германию, но и части Европы. В заголовке плана „Entwurf zu einem seminarium universale“ 1701 г. указано следующее:

„Projekt zu einem Seminarium universali oder Anlegung eines Pflanzgartens, in welchem man eine reale verbesserung in allen Ständen in- und außerhalb Deutschlands, ja Europas und alle Teile der Welt zu erwarten“ (Winter 1953, 30).

Университет в Галле (alma mater halensis), в то время еще новый, стал первым университетом в Германии, где преподавание велось на немецком языке, что было революционным шагом для того времени, когда в мире науки господствовала латынь.

⁶⁵ С 1680 г. Галле принадлежал Бранденбургу, с 1701 г. – Пруссии.

Деятельность Франке в Галле стала первым примером того, как выглядят идеи пиетизма, если их из теории перенести на практику и ввести в реальную жизнь.

В Глаухау, где Франке служил пастором в местной церкви, вскоре вырос целый городок, состоящий из боготворительных учреждений: это и школа для бедных, больница, сиротский дом, типография, где печаталась Библия, песенники и другая пиетистская литература. Довольно быстро учреждения Франке заняли целый район в Галле, стали известными, все больше прихожан жертвовало на развитие этого городка. Особое внимание Франке уделял воспитанию детей, так как хотел этим исправить испорченное общество. Теоретическая и практическая педагогическая деятельность Франке стали, пожалуй, основной его целью, на которую он потратил много сил и где добился значительных успехов. Религиозное и умственное воспитание детей было продумано Франке до мелочей. Важным пунктом при этом был тот факт, что воспитатели находились с детьми буквально день и ночь, неотрывно наблюдая за своими воспитанниками, не давая им сделать неправильных шагов.

Франке удалось создать в Галле образцовое учебное заведение, и он надеялся, что его пример вдохновит и другие города. По мере развития его планов и представлений стало ясно, что его цель выходит за рамки церковной реформы. Он был полон решимости работать над религиозным и этическим улучшением всего общества.

Университет в Галле, открытый благодаря поддержке Бранденбургского двора, привлек к себе много ученых, которые стремились войти в окружение Франке, стать его сторонниками. Очень важно, что преподавателей (а также и студентов) в университет отбирали сознательно, руководствуясь при этом принципом веротерпимости. При отборе в университет важным критерием считалась готовность понять и принять иные религиозные убеждения, может быть и отличные от своих собственных. Кроме ученых, Франке приглашал на обучение студентов, особенно желающих изучать богословие. Они проходили пятилетний курс. Первые два года были посвящены изучению гуманитарных предметов, а последние три сочетали изучение богословия с преподаванием. Наряду с учебными и педагогическими успехами, эти студенты-учителя занимались упражнениями, способствовавшими их духовному и нравственному развитию. Под началом Франке была открыта Учительская гимназия (Pädagogium), которую в начале XVIII века посещали также многие студенты из России и Прибалтики перед поступлением в университет. Кроме религиозных идей и воспитания личности, Франке особенно поощрял изучение языков, что было необходимым не только при переводе религиозной литературы, но и для миссионерской деятельности в других странах (Андреев 2005).

Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III (Курфюрст 1688-1701, король 1701-1713) покровительствовал деятельности Франке, т.к. последний, благодаря своему умению располагать к себе людей, «заражать» их своими идеями, добился не только королевской благосклонности и заинтересованности, но и финансовой поддержки⁶⁶ в развитии пиетистского центра в Галле. Это дало возможность распространения идей пиетизма за пределами Пруссии, благодаря миссионерам, которых Франке разослал во многие страны Европы и Азии. Интерес прусских правителей к пиетизму был, в первую очередь, политическим – они хотели использовать религию, как объединяющую силу для укрепления страны. Чтобы свести к минимуму возможные религиозные конфликты,⁶⁷ правительство способствовало подъему пиетизма, более открытого для

⁶⁶ Университет в Галле финансировался из государственной казны и в управлении университета находился назначенный от правительства чиновник. (Андреев 2005, 72).

⁶⁷ Религиозные конфликты, разгоревшиеся в Германии после реформы церкви, предпринятой Мартином Лютером в XVI веке, вылились в Тридцатилетнюю войну между Святой Лигой и Евангелическим союзом (1618-1648), результатом чего стал распад Германии на 350 мелких государств. В начале XVIII в.

межконфессиональных отношений. Установившиеся связи с другими странами, благодаря деятельности пиетистов, Франке в первую очередь, позволяли поддерживать контакты с влиятельными людьми, в случае с Россией известно, что Петр I лично интересовался школой, сиротским домом Франке, что тоже было выгодно прусским правителям (Fleckenstein/Schmidt 1997, 6).

По отношению к России Франке, вероятно, вынашивал идею распространения там «истинного христианства» и привлечения к этому течению как можно большего числа православных русских:

„Ein wichtiger Ausgangspunkt war für Francke bei seinem Interesse für Russland sicherlich der Gedanke, den Russen zu einem, wie es hieß, „reinerem Christentum“ Anregungen zu geben. Nach den Berichten Ludolfs an Francke, als er von seiner russischen Reise zurückgekehrt war, erschien dieser Gedanke nicht abwegig. Während es früher unter Todesstrafe verboten gewesen sei, schreibt Ludolf, mit Ausländern über kirchliche Angelegenheiten in Rußland auch nur zu sprechen, tue es nun der junge Zar bei jeder Gelegenheit selbst. Durch Gespräche mit einflußreichen Rußen, die Ludolf auch nach seiner Rückkehr in Holland und England hatte, wurden er und durch ihn Francke in ihrer Auffassung bestärkt, daß der Pietismus eine Mission in Rußland habe“ (Winter 1953, 49).

Д.И. Чижевский был по этому поводу более категоричен, хотя тоже определял пиетизм как понятие, стоящее выше какого-либо вероисповедания, более относящееся к мировому понятию христианства:

„Die Pietisten wollten allerdings die ganze Welt umschlingen, nur um allen Völkern die evangelische Wahrheit verkünden zu können. Die Rolle des Pietismus in der Geschichte der protestantischen Heidenmission ist bekannt. Auch unter den Slaven haben die Pietisten für die evangelische Wahrheit gewirkt. Die notwendige Voraussetzung dafür war die Kenntnis der Sprache. – Unter den Anhängern der orientalischen Kirche wollten aber die Pietisten keinesfalls eine evangelische Mission treiben, sondern sie hätten sich ganz gerne auch auf die gegenseitige Annäherung der christlichen Konfessionen beschränkt, – eine leichte überkonfessionelle Färbung hatte der Pietismus doch.“ (Čyževskij 1939, 18).

Этой цели, обращению в «истинное христианство» жителей других стран, в том числе и России, были посвящены и переводческие проекты Франке – издание просветительской литературы на соответствующих языках.

3.1 Переводческие проекты А.Г. Франке и его единомышленников

Переводы пиетистской литературы на другие языки довольно значительные по объему, печатались и распространялись из Галле. Благодаря тому, что «русскоязычные» переводы пиетистской литературы сохранились в небольшом количестве и до наших дней, имеется возможность исследовать язык переводов для определения, какой это был язык – отвечающий нормам церковнославянского или русского языка, или частично и тем и другим. Какими ориентирами пользовался переводчик – грамматическими пособиями, пиетистскими переводами на другие славянские языки или подобными переводами, известными в то время в России. Какими принципами перевода руководствовался переводчик. Выяснить это помогают

стала набирать силу Пруссия, правительство которой стремилось занять главенствующее положение среди германских государств. Развитие пиетизма, как религиозного течения, принадлежало к одной из мер по укреплению положения Пруссии среди остальных германских государств (Hinrichs 1971).

сами тексты при их анализе, а также некоторые документы, еще доступные⁶⁸ и сохранившиеся в архиве Франке.

В отношении перевода, как процесса, у пиетистов существовали свои определенные убеждения, которые отразились и сохранились в некоторых документах. Заметки, похожие на инструкцию, хранятся в архиве А.Г. Франке и были написаны, вероятно, им самим или кем-то из его окружения, о том, как нужно переводить Библию на немецкий язык: „Gedanken über die deutsche Bibelübersetzung der Bibel des seeligen Lutheri“ (AFSt/H A 183).

Текст состоит из 26 параграфов, каждый из которых посвящен определенным языковым знаниям и свойствам, необходимым при переводе. Например, в §1 перевод Библии на немецкий язык считается одним из самых важных явлений реформации, что принесло пользу, в первую очередь, простым людям. Далее, в §§3-4 автор говорит об изменениях, произошедших в языке, ведь со времени перевода Библии Лютером прошло уже почти 200 лет, поэтому текст Библии люди понимают не так хорошо, как это было прежде. В связи с этим необходимо каждые 50 лет обновлять перевод Св. Писания. Так как документ не датирован, указание на время, прошедшее после перевода Библии Лютером, помогает примерно установить время написания документа – это должна быть первая треть XVIII столетия, т.е. еще время активной работы самого А.Г. Франке. В последующих параграфах говорится о необходимости хорошо знать оба языка – как язык оригинала, так и перевода, а также грамматику (§ 22) и лексику (§ 23), обладать хорошими литературными способностями. Многие параграфы начинаются фразой, характеризующей перевод: „Die beste Übersetzung ist diejenige welche mehr den Verstand als die Worte sucht“ (§ 16); „Eine gute Übersetzung der Schrift ist mit denen 5. Gersten zu vergleichen, damit Christus 5000 Man speisete“ (§ 11); „Eine Übersetzung soll die Gedanken ausdrücken, die der Schreiber in der grundsprache geführt“ (§ 18). Другие подчеркивают качества самого переводчика: „Ein guter Übersetzer muß gleichmäßig in beiden Sprachen geübt seyn, sowohl in derjenigen, aus welcher, als in derjenigen in welche er etwas übersetzt“ (§ 19). Эти наставления можно охарактеризовать и как правила, которыми необходимо было руководствоваться при переводе Св. Писания. Автор инструкции подразумевает не только немецкий язык: правила, представленные в 26 параграфах применимы для всех языков. Сохранившийся документ подтверждает серьезный подход пиетистов к переводу Библии и духовной литературы. Исходя из этого документа можно сделать вывод, что пиетистами разрабатывались определенные правила, была выработана стратегия поведения в вопросе переводов пиетистской литературы на народные языки. Далее представлены выборочно параграфы, наиболее удачно характеризующие процесс перевода, а также необходимость перевода Библии на простой язык, понятный большинству:⁶⁹

⁶⁸ В отношении писем и других рукописных записей в архиве Франке и вообще, в университетской библиотеке, в последние годы проводится дигитализация источников, после чего сами письма на руки уже не выдаются. Это можно понять, потому что бумага, как материал, недолговечна, и документы, написанные триста лет назад и более, находятся в очень ветхом состоянии. Но дигитализация рукописных источников делает часто невозможным прочтение документа, т.к. текст, написанный с обратной стороны листа нередко проступает с лицевой стороны. И если, держа документ в руках, еще можно что-то разобрать, то на экране монитора при прочтении такого документа образуется замысловатое переплетение слов с лицевой и обратной сторон листа, что значительно усложняет прочтение.

⁶⁹ Публикация данного текста осуществляется впервые.

Gedanken über die deutsche Bibelübersetzung der Bibel des seeligen Lutheri

§ 1: Die Übersetzung der Bibel, so wie nun dem seel. Luthero bekommen haben, ist eine der größten und wichtigsten Stiftungen, die wir diesem euren werkzeuge der Reformativio zu dancken haben. Es würde nicht schwer gewesen seyn, die Leute wieder ins Papstthum zu ziehen, wen nicht dem gemeinen Man dieser Schild wäre in die Hände gelindert worden, dadurch sie sich wieder dessen anfälle verwahret.

§ 3: Bey dem itzigen Zustande, da die Grundsprachen der Schrift unter die ausgestorbenen zu rechnen sind, können wir derer Übersetzungen überhaupt ohnmöglich entbehren, sondern es müssen dieselbe nohtwendig, zum dienst der ungelehrten und des öfntzlichen Gottesdienstes, erhalten werden. Weil nun aber die Sprachen an sich selbst sich oft verändern, so müssen nohtwendig die Übersetzungen der Schrift sich nach diesem Rumor derer Sprachen richten, vom sie nicht zuletzt sollen undeutlich, verächtlich und unbrauchbar werden.

§ 4: da nun, überhaupt davon zu reden, diese veränderung derer Sprachen etwa alle 50. Jahr unwillich wird, so folget, dass die übersetzungen der Schrift eben so oft nach dem üblichen gebrauch im reden und schreiben geändert werden müsste.

Weil aber nun, seitdem Lutherus seine Übersetzung verfertiget, bereits beinahe 200 Jahre verfliehen so folget allein aus diesem grunde unwiedertreiblich, dass selbige einer verbeßerung höchst nöhtig habe.

§ 11: Eine gute Übersetzung der Schrift ist mit denen 5. Gersten zu vergleichen, damit Christus 5000 Man speisete.

§ 16: Die beste Übersetzung ist diejenige welche mehr den Verstand als die Wort suchet. Denn sie soll diejenigen gedancken in einer üblichen Sprache ausdrucken, die der biblische Schreiber in einer unbekanten und aus gestorbenen hinterlassen hat.

§ 18: Eine Übersetzung soll die Gedanken ausdrucken, die der Schreiber in der grundsprache geführt. Hieraus ist leicht zu sehen, wie wenige geschickt seyn, gute Übersetzung abzugeben. Sind sie alle gereinigtes Herzens, dass die reinen gedancken der Apostel und Propheten bey ihren gleichen freien eingang haben Können sie alle mit solchen ernst beten, dass sie die Gabe gewinnen, der Schriftl. Gedancken von denen ihrigen wohl zu unterscheiden.

§ 19: Ein guter Übersetzer muß gleichmäßig in beiden Sprachen geübt seyn, sowohl in derjenigen, aus welcher, als in derjenigen in welche er etwas übersetzt. Es solten sich vielleicht mehrere finden, die da gut Griechisch und Hebräisch, als die gut Deutsch verstehen, in dem Grad, da sie es verstehen solten. Zu jenen ist der weg nicht allein schon gebrochen, sondern auch schon gebähnet. Zu diesen ist der weg nicht allein noch nicht gebähnet, sondern auch fast noch nicht recht gebrochen.

§ 24: Meines Erachtens wäre es genug, wen ein solches Lexicon in sich fastete: 1) alle teutsche Wörter, welche üblich seyn. 2) wen es den natürl. und eigentl. Gebrauch eines jeden Worts anzeigete. 3) die verschiedenen bedeutungen, die ofters ein einiges Wort hat. 4) die besondere redensarten, die mit einigen wörtern formiret werden. 5) die alten wörter die vor etwa 100. oder 200. jahren üblich gewesen, und deren theils sehr undeutlich seyn, denn mit selbige nicht alle ohne Unterschied vergaßen würden. 6) diejenigen redensarten, so zwar üblich, aber dabey unrichtig seyn.

3.1.1 Теоретическое обоснование необходимости перевода Библии на «понятный» простому верующему язык. Трактат «Начало христианского учения»

Одним из первых переводов пиетистской литературы на «русский» язык стал трактат А.Г. Франке „Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die ganz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen“ (Francke 1696/1704) – «Начало христiанскагѡ учениа во употребленiе и въ ползѣ всакогѡ правовѣрнѡ хрiтiанинѡ наипаче невѣдающимъ, и много извѣстнѡ учитися не могущимъ составленно ѿ Августа Германа Франка» или «Малый катехизис». ⁷⁰ Этот небольшой по объему трактат, кратко и понятно излагающий догмы Священного писания, неоднократно переиздавался, а также был переведен на многие языки. Именно небольшие произведения могли оказать наибольшее воздействие на читателя – читателя простого, владеющего грамотой в среднем слабо и неспособного или ленящегося знакомиться с многотомными произведениями. Это хорошо понимал Франке:

„Endlich ist auch noch ein Vorschlag, nemlich, viele kleine Kern=Schriften zu ediren, wenn das Vermögen sich dazu finden sollte, als welche bey dem gemeinen Volck den allergrößten effect thun, wenn sie in recht großer Menge ausgestreuet werden, weil sie nicht viel kosten, und weil sie geschwinde können durchgelesen, auch leichter von dem, ders gelesen in andere Hände gegeben werden.“ (Grosser Aufsatz 1704/1962, 153). ⁷¹

Трактат Франке „Anfang der christlichen Lehre...“ и стал первым «русскоязычным» переводом, напечатанным в типографии Франке и вообще в Германии. (Mengel 2003; Менгел/Челбаева 2003; Менгель 2010). «Малый катехизис», не только удачное произведение А.Г. Франке, представляющее собой коротко и ясно изложенные основы Св. Писания, но и удачный перевод, дошел не только до России, но и до Петра I. Известно, что в России в 1720-ые гг. обсуждался перевод иноязычной религиозной литературы – только в 1723 г. Петр I издал два указа, касающиеся этой темы: «Указ Петра I Свят. Синоду о собирании катехизисов Римской, Лютеранской и Кальвинской церквей и других церковных книг и о переводе их на русский язык для напечатания» от 16.01.1723, а также «Указ Петра I Свят. Синоду о переводе на славянский язык протестантских книг: пространного Катехизиса и Чиновника, взяв их у рижского суперинтенданта» от 08.09.1723, в которых речь шла не только о переводе, но и об издании этих книг:

«[...] собрать римской, лютерской и калвинской катехизмы и прочiе церковныхъ дѣйствъ книги и, переведши на славянской диалектъ, для знанiя и вѣдения напечатать» (16.01.1723, Законодательные акты 1945, 122).

«[...] всепресвѣтлѣйшiй, державнѣйшiй государь Петр Великiй, императоръ и самодержецъ всероссiйскiй, будучи в Троицкомъ соборѣ, указал из Риги от тамошняго суперинтендента протестанскiе книги, Катехизисъ пространнiй, а не таковъ, как для обученiя юношѣ вкратцѣ сочиненъ, и Чиновникъ, взявъ в Синодъ, перевести на славенскiй диалектъ. Феофиль, архимандритъ чудовскiй.» (18.09.1723, Законодательные акты 1945, 127).

⁷⁰ Подробнее о нем см. также гл. 3.2.2.

⁷¹ „Schrift über eine Reform des Erziehungs- und Bildungswesens als Ausgangspunkt einer geistlichen und sozialen Neuordnung der evangelischen Kirche des 18. Jahrhunderts: Der grosse Aufsatz“ был опубликован Франке в 1704 году и стал своеобразной программой по воспитанию и улучшению общества. Центральное место в ней Франке отвел образованию и религиозному воспитанию, которое и осуществлялось частично благодаря распространению душеспасительной литературы.

Из этих указов становится ясно, что происходило собирание информации – собирались различные катехизисы, краткие и пространные для того, чтобы после их перевода выбрать оптимальный или составить лучший на «славянском диалекте». Кроме того, указ от 16.01.1723 связан с фактом, известным из писем того времени: именно в 1723 г., когда происходило собирание катехизисов различной веры, Петру I был представлен первый печатный «русскоязычный» перевод «Малого катехизиса» А.Г. Франке полковником Кампенхаузенем (Winter 1953; Mengel 2003). Вероятно, именно этот вариант катехизиса Петру пришелся по вкусу, т.к. спустя два года царь заказал печать «Малого катехизиса» (уже в качестве русского катехизиса) тиражом в 1000 экземпляров.⁷² Но этого не произошло, вероятно, по причине смерти Петра – многие начинания его тогда были забыты:

„Von itzt gemeldeten Tractätgen⁷³ muß nur noch dieses melden. Kurtz vor des Kaysers Tode hatten derselbe mit den vornehmsten Geistlichen dieses Reiches eine conferenz gehalten, wie man doch der Unwissenheit des Volcks abhelfen und die Erkänntniß der Wahrheit ihnen ganz einfältig und kürtzlich beybringen könnte. Darauf hätten Ihre Majest. Gesagt: der russische Catechismus wäre noch zu weitlauftig, es müste noch kürtzer seyn, dabey hatte Sie das obgemeldete Tractätgen vorgeschlagen, dass die Geistlichen dasselbe reuidiren und etliche 1000mal herausgeben möchten, [...] es scheynet aber, dass es mit seinem Tode auch gestorben, indem es nun ganz stille darin ist“ (С.М. Rodde an J.H. Callenberg, Нарва 29.06.1725, Winter 1953, 365).

Как один из более ранних примеров перевода на русский язык катехизиса М. Лютера приведем издание Стокгольмского Катехизиса 1628 года. История возникновения этого перевода связана со следующими историческими событиями. После заключения Столбовского мира (в деревне Столбово) между российским и шведским правительством в 1617 году, к Швеции отошли Ингерманландия и Карелия. Вместе с новыми землями к шведскому государству присоединилась значительная группа населения, говорящая на русском языке. Хотя Швеция и была в то время терпимой по отношению к языкам – вместе со шведским в ней был распространен также финский, лапландский, немецкий и эстонский языки, в отношении русского языка возникла иная проблема – религиозная. Православное русскоязычное население Швеции вносило разлад в религиозное единство страны (лютеранское). Поэтому правительство было заинтересовано в обращении православных в лютеранскую веру. Для этой цели была необходима соответствующая религиозная и духовная литература на русском языке. Специально для перевода на русский язык в Стокгольме была создана переводческая канцелярия (Baumann 1958, 87), а также создана типография для печатания книг на русском языке:

«14 Апреля 1625 года король Густав II Адольф (Gustav II Adolf) издает следующий указ: „Мы Густав Адольф и т.д., доводим до сведения, что поелику Всемогущий Бог милостию своею пожаловал нас русскими подданными и желаем мы постараться, дабы они правильного знания христианской веры постигли, то повелели мы недавно изготовить несколько русских шрифтов, дабы печатать книги на русском языке.“» (Sjöberg 1975, 10).

⁷² Очень значительный по объему тираж. Приблизительно таким же был и тираж Острожской Библии 1581 г. – по разным данным, от 1000 до 1200 (Немировский 1974, 134).

⁷³ «Малый катехизис» Франке.

Немного позже, вероятно когда уже были готовы кириллические литеры,⁷⁴ в записи от 10-го июня 1625 года Густав Адольф пишет следующее:

«И еще Ганс Флерих.⁷⁵ Мы наняли печатника, который должен печатать русские книги. Дабы печатник этот имел работу, ты по милостивой воле нашей должен перевести Малый катехизис на русский язык, да так, чтобы все изложено было на правильном русском языке, то же, что из Библии цитировано, не изменять, а оставлять по-славянски, так как оно в их Библии стоит.» (Sjöberg 1975, 14).

Данный указ содержит непосредственные указания, касающиеся способа перевода: текст автора – на русский язык, а цитаты из Библии – оставить как есть, на церковнославянском. Распространено мнение, что перевод катехизиса (кроме библейских цитат) был не самым удачным и складным (Sjöberg 1975, 14).⁷⁶ Но ведь он, возможно, отражает живой русский язык XVII века. У шведских славистов даже есть предположение, что текст шведского катехизиса изначально, до печати, был еще более «русским», и что даже цитаты Флерих перевел сначала на русский язык (Sjöberg 1975, 17). Окончательный вариант русского перевода катехизиса правил, вероятно, священник Торцаков, пытаясь придать языку перевода более церковнославянскую окраску (Sjöberg 1975, 17). Торцаков был православным священником из Ямгорода под Нарвой.⁷⁷ Как он попал в Стокгольм, неизвестно, возможно, что его вызвали именно для помощи при издании русского перевода. В отношении этого священника сохранилось следующее послание Короля Густава от 7-го апреля 1628 года:

«Русскому дьяку. Мы, Густав Адольф, доводим до сведения, что имеем письмо, в котором русский дьяк Исак Торцаков обещал с прилежанием переписать начисто и в печати проверить русский катехизис, который здесь должен печататься, мы милостью нашей и снисхождением с этим согласились... Сим даем ему такой ответ и предписание, чтобы преданно и прилежно выполнил он указанную работу.» (Sjöberg 1975, 12).

Непосредственно язык катехизиса 1628 года не является предметом исследования в данной работе, но вот цели, которые были поставлены перед переводчиком – создать два вида текста, при этом библейские цитаты оставить на церковнославянском языке, в

⁷⁴ Они были отлиты, вероятно, несколько раньше, т.к. в 1618 году в Стокгольм был приглашен голландский мастер Петер ван Селов (Peter van Selow), который был известным словолитчиком (Sjöberg 1975, 10).

⁷⁵ Ганс Флерих (Hans Flörich, 1577-1632), немец по происхождению, некоторое время служил переводчиком у Бориса Годунова. Во время русско-шведских столкновений случайно попал к шведам и остался у них в качестве переводчика на русский язык. Согласно исследованиям шведских славистов, именно он перевел катехизис Лютера 1628 года (см., например, работы К. Tarkiainen, I. Maier).

⁷⁶ Флерих тогда еще не знал шведского языка, и переводил катехизис с немецкого. Может, это и создало определенные трудности при переводе. Sjöberg приводит высказывание Спарвенфельдта:

«Когда дело касалось передачи цитат из Библии, он хорошо справлялся со своей задачей, когда же он должен был самостоятельно переводить или по-новому истолковывать слова Лютера, которых нет в Библии, переводить молитвы, ранее на русский язык не переведенные, то запутывался и допускал ошибки – как в грамматике, так и в остальном» (Sjöberg 1975, 15, о переводчике Катехизиса 1628 г.).

⁷⁷ В Нарве еще в XVII в. была открыта школа для переводчиков русского языка («русская школа», Janson 1975, 92-93), что было необходимо шведскому правительству – иметь обученных переводчиков в принадлежащих Швеции землях. Janson называет Нарву и Стокгольм, как места, где наиболее организованно обстояло дело с обучением русскому языку, причем Нарва являлась центром, влияющим на преподавание русского языка в Стокгольме в силу своих связей с русскими традициями (русскоязычное население). В 1630-ые гг. XVII в. шведских студентов посылали в Нарву для обучения, а в 1642 г. в Нарве открылось начальное подготовительное училище, где русский язык официально являлся учебным предметом (Janson 1975, там же). Связь с Нарвой была довольно тесной и у пиетистов из Галле, что произошло, вероятно, не случайно, учитывая развитие обучения русскому языку в Нарве в XVII в..

соответствии с Библией, а текст автора писать на русском, понятном для всех, языке – эти цели перекликаются с намерениями пиетистов. Потому что в обоих случаях преследовалась одна и та же цель – создать такой вариант письменного языка (для Катехизиса), который был бы понятен большинству населения, но при этом оставался и языком религиозного произведения. В отличие от Стокгольмского катехизиса, создание которого было для шведского правительства скорее вынужденной мерой, решением проблемы вероисповедания внутри страны, в случае с учением пиетизма создание иноязычной религиозной и духовной литературы способствовало его распространению за пределами Германии, в других странах.

Для осуществления проектов в Галле необходима также была организация заведений, несущих в себе направляющие и исполнительные функции. Такими стали теологическая коллегия и типография, специально организованные А.Г. Франке в начале XVIII в..

3.1.2 Практические меры по осуществлению проектов. Взгляд на Восток

3.1.2.1 Collegium orientale theologicum

Collegium Orientale Theologicum – коллегия, созданная по инициативе Франке в 1702 г., в которой преподавали восточные языки – арабский, сирийский, халдейский, эфиопский, древнееврейский, а также церковнославянский, русский и польский. Эта коллегия была образована по подсказке сына и отца Лудольфов – Н.W. Ludolf, J. Ludolf. Целью ее являлась не только связь с ближним Востоком, но и со странами юго-восточной и восточной Европы, прежде всего это касалось отношений с греческо-католической церковью (Winter 1953, 32). Для достижения этого первоочередной задачей была подготовка квалифицированных переводчиков, чем непосредственно и занималась теологическая коллегия (Менгель 2010, 45).

Вообще, число студентов-иностранцев в Галле⁷⁸ значительно возросло во время деятельности А.Г. Франке и его сподвижников, и в этом, вероятно, заключалась одна из целей пиетистов: обучение специалистов, прекрасно подготовленных теологически и лингвистически с целью привлечения их в проект перевода и подготовки к печати Библии на национальных языках.

Подтверждением этому является пример Симеона Тодорского. Во времена своего студенчества в Галле он практически с самого начала входил в состав теологической коллегии,⁷⁹ состоявшей из двенадцати членов⁸⁰ и возглавляемой профессором Иоанном Генрихом Михаелисом (Johann Heinrich Michaelis) (Щукин 1899, 18). Профессор Михаелис принимал участие в издании Библии на немецком языке 1720 года. Ее издание стало результатом работы теологической коллегии. В одном из экземпляров 1720 г. Тодорский записал свое стихотворение на латинском языке (Щукин 1899, 20)⁸¹. Библия 1720 года стала одним из первых критических изданий, включивших в себя варианты девятнадцати предыдущих печатных изданий, а также варианты пяти эрфуртских рукописей. И во времена учебы Тодорского профессор Михаелис, будучи инспектором коллегии, привлекал студентов коллегии к отбору и обработке

⁷⁸ До 1730 года в Галле училось 226 человек только из России и Прибалтики (Winter 1953, 101-106). Чижевский дает более неопределенную цифру – около 200 человек за весь XVIII в. (Čiževskýj 1939, 21).

⁷⁹ Только закончившие эту коллeгию студенты считались прекрасными специалистами восточных языков.

⁸⁰ Все члены теологической коллегии получали стипендию, как лучшие среди студентов-теологов (Winter 1953, 36).

⁸¹ Щукин, приводя этот факт, правда не указывает, какое точно это было стихотворение.

библейских текстов, что было хорошей школой для членов коллегии. Уже позже, в России, два ученика Симеона Тодорского – Варлаам Лящевский и Иаков Блоницкий – примут участие в подготовке к печати Елизаветинской Библии 1751 года, возглавив шестую и последнюю комиссию по исправлению Библии (Щукин 1899, 72). Еще одно подтверждение факту подготовки студентов для последующего перевода библейских текстов можно найти в статье Бенца, который сообщает об Анастасии, состоявшем в переписке с А.Г. Франке:

„[...] Anastasius Nausius aus Mazedonien, der mit seinem Landsmann Papa Seraphim 1703-1705 in Halle weilte und mit ihm nach Russland weiterging. Seraphim hatte in London den Druck des neugriechischen Neuen Testaments bei der SPCK⁸² überwacht. Nach kurzem Aufenthalt wurde er durch den russischen Gesandten in Holland für Russland gewonnen und machte sich von Halle dorthin auf. Seinen Landsmann Anastasius wollte er gleich mitnehmen. Anastasius spielte später in Russland eine Rolle als Mitglied der Bibelkommission, die mit der Herausgabe einer russischen Bibel beauftragt war. Peter der Große hatte dem Patriarchatsverweser bereits 1713 befohlen, mit der Herausgabe einer russischen Bibel zu beginnen. Zu der Kommission von Fachleuten, zu der die Brüder Lichudis, Polikarpov und Lopatinskij gehörten, wurde auch Michael Anastasius Macedo⁸³ gewählt, der im Jahr 1715 nach Abschluß seiner philologisch-kritischen Schulung am Collegium Orientale in Halle nach Moskau gekommen war, offenbar auf Grund einer Berufung durch D. Kantemir, in dessen Haus er verkehrte. Anastasius nahm gleich nach seiner Ankunft die Verbindung mit dem Vertrauensmann der Hallenser in Moskau, P. Müller, auf, der den Ankömmling sofort besuchte.“ (Benz 1936, 152).

Связь Анастасия с А.Г. Франке осуществлялась вначале через П. Мюллера,⁸⁴ который сообщал Франке в 1717 г. о том, что Анастасий входит в комиссию по созданию Библии и хотел бы переписываться лично с Франке (Wotschke 1930a, 88; Benz 1954, 93).

Обобщая, нужно сказать, что к целям создания коллегии относилось, в первую очередь, развитие восточных и славянских языков, с целью перевода библейских текстов и во-вторых, налаживание связи с греческо-католической церковью, что для А.Г. Франке было необходимым составляющим проекта миссии на Восток:

„Durch das Collegium orientale in Halle sollte vor allem eine engere persönliche Verbindung mit der griechischen Kirche gewonnen werden, um auf sie Einfluß zu nehmen. [...] H.W. Ludolf hatte bereits auf seiner großen Reise nach Rußland 1693/94 die Bedeutung der griechisch-katholischen Kirche im Vorderen orient erkannt und deswegen 1698/99 die Reise dorthin angetreten. Die russische Kirche und die Patriarchatskirche im Vorderen Orient waren

⁸² SPCK = “Society for Promoting Christian Knowledge” = «Общество распространения христианского знания». SPCK было основано в 1698 г. в Лондоне и является одним из самых ранних миссионерских обществ в Европе. Его созданию способствовали политико-торговые связи Англии с Османской Империей, ближним Востоком и Северной Африкой, получившие развитие в течение XVI в. Мирным отношениям в торговых делах с греческими купцами, а также с Москвой (правление Ивана IV) могло способствовать примирение религиозное, когда англикане и православные не относились друг к другу враждебно по причине разных вероисповеданий. Для пиетистов данное общество имело важное значение, т.к. в качестве центрального пункта (в Лондоне) связывало миссии в Северной Америке, Индии и России, являясь местом отправки товаров, литературы и людей в эти страны, а также приемным пунктом для груза, пришедшего из указанных стран, потому что морской путь в то время считался самым быстрым и надежным из всех вариантов путешествий.

⁸³ Полное имя. Macedo = т.е. из Македонии.

⁸⁴ Дом фабриканта немецкого происхождения Петра Мюллера (Peter Müller) был в первой четверти XVIII в. «основным пунктом связи» между Москвой и Галле – связи почтовой, финансовой, а также временным местом остановки иностранцев в Москве (Amburger 1961, 42 и далее).

auf das engste miteinander verbunden. Deshalb wünschte H.W. Ludolf im Collegium orientale in Halle mit Recht neben der pflege der Sprachen des Vorderen Orients auch die des Altslavischen und Russischen.“ (Winter 1953, 37).

При переводе пиетистской литературы на другие языки конечным результатом должно было стать печатание и распространение переводов, что также было организовано в Галле.

3.1.2.2 *Typographia orientatica et exotica*

Типография, организованная А.Г. Франке для печатания книг на различных языках, для чего требовался не только латинский, но и другие шрифты, была для своего времени очень прогрессивной, особенно в отношении наличия в ней славянского шрифта (Winter 1953, 211). Необходимость типографии с различными шрифтами при таком широкомасштабном проекте, как у Франке, была первоочередной. Такая типография давала независимость, можно было печатать переводы в необходимом объеме и тогда, когда это было нужно. Типография, содержащая греческий, арабский, еврейский, кириллический шрифты, предназначалась для того, чтобы «милостью Божией дать доступ к религиозным печатным изданиям не только жителям Германии, но прежде всего христианам других стран», как писал сам Франке (Менгель 2010, 44).

На необходимость печатать русскоязычные книги указывает еще первый посланник Франке в Москве, Ю.С. Шаршмидт, когда в своем письме от 02.09.1698⁸⁵ он сообщает об организации перевода трактата Франке «Начало христианского учения...» на церковнославянский язык, („ins Altslavisch-Russische“ как описывает это Винтер) и выражает надежду, что вскоре в Галле появится возможность печатать эти переводы с целью их распространения, в первую очередь, в России (Winter 1953, 212). В письме от 04.02.1699 Шаршмидт пишет о необходимости издания Библии на русском языке,⁸⁶ и не только – он предлагает печатать Новый Завет параллельно на четырех языках – на одной странице на греческом и церковнославянском, на другой, напротив – на немецком и латинском. Кроме того, Шаршмидт предлагает издать греко-латино-церковнославянский словарь, где:

„[...] allezeit ein locus Scriptorum Sanctorum zitiert, das slavonische auch wohl das russische Wort beigelegt werde, mit etwa solchen Zeichen : s slavonisch, r russisch, weil viele slavonische Wörter im Russischen behalten worden, viele aber ganz anders in Russisch klingen.“ (Winter 1953, 212).

Кириллический шрифт, что опять подтверждает сохранившаяся переписка Франке и его окружения, был куплен в 1704 г. (Mengel 2003). Об оснащении типографии в Галле этим шрифтом позаботился Г.В. Лудольф,⁸⁷ который вел переписку с Франке и

⁸⁵ Указанные здесь два письма Шаршмидта за 1698 и 1699 гг. представляют несомненный интерес и частично их цитирует Э. Винтер (Winter 1953). В библиотеке Фонда Франке они сохранились только как микрофильмы (AFSt/ C 296).

⁸⁶ Одной из первых книг, присланных Шаршмидом в 1696 г. из Москвы А.Г. Франке была Библия (Kirchenslawisches Neues Testament und Psalter, 5. 66 B8, HBFSt). На титульном листе стоит короткое посвящение Франке от Шаршмида. Кроме того, еще перед титульным листом на чистой странице на немецкий язык переведено название книги с небольшими отступлениями. Книга подарочного издания (предназначалась для русскоязычной библиотеки в Галле) и до сих пор в очень хорошем состоянии. Библия издана в Киево-Печерской Лавре (т.е. вероятно, это украинский извод церковнославянского языка). Например, одного из святых на титульном листе зовут Марко, а не Марк.

⁸⁷ Подробнее о деятельности Лудольфа см. в главе 3.2.2.2.1.

всячески способствовал развитию связей между Галле и Россией.⁸⁸ Илья Копиевич, находящийся в то время в Копенгагене, испытывал финансовые трудности и предложил Франке, с которым был знаком после встречи в Берлине в 1702 г., купить кириллические литеры. В письме к Франке от 15.02.1704 Копиевич пишет следующее:

„Itaque, si Reverendissimae Dominationi Vestrae, Typographiam Moscoviticam Halae placuerit habere, inaque me ipsum cum meis manuscriptis, ad continuandum hoc magnum opus, ego ad obsequia Reverendissimae Dominationis Vestrae paratus ero.
Modo digneris Reverendissime Domine, submisso oro, ad invenire cum mediis Modum et Methodum ad eliberandam Typographiam, et viaticum mihi qualecumque procurare.“ (Winter 1953, 396).

«Итак, если вам, почтеннейшему повелителю, будет благоугодно иметь в Галле московскую типографию заодно со мной и моими рукописями для продолжения сего великого дела, то я буду готов к вашим услугам. Всепокорнейше молю, почтеннейший господин, соблагволи измыслить пути, способы и средства для высвобождения типографии⁸⁹ и снабдить меня хоть какими-нибудь средствами на путешествие.» (Перевод из: Быкова, Гуревич 1958, 332-333).

За два года до этого Копиевич уже пытался открыть свою типографию в Берлине, для чего вел переговоры с Прусским королевским научным обществом (Königlich Preußische Sozietät der Wissenschaften), выторговывая себе финансовые и типографские привилегии. Но переговоры потерпели неудачу, так как Научное общество потеряло к предложению Копиевича интерес, как только там узнали, что согласно привилегии, выданной в феврале 1700 г. Яну Тессингу, компаньону Копиевича, монополия печатания русскоязычных книг за рубежом распространялась только на книги гражданские, произведения религиозного содержания в эту привилегию не входили:

«Жалованная грамота Ивану Тессингу от 10 февраля 1700 г.

[...] повелели ему (Тессингу) в том городе Амстердаме печатать европейския, азиатския и америцкия земныя и морския картины и чертежи, и всякие печатные листы и персоны, и о земныхъ и морскихъ ратныхъ людехъ, математическия, архитектурския, и городостроительныя и иныя художественныя книги на славянскомъ и на голанскомъ языке вместе, также славянскимъ и голанскимъ языкомъ порознь по особну, с подлиннымъ розмеромъ и с прямымъ известованиемъ, кроме церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ, потому что книги церковныя славянския греческия, со исправлениемъ всего православнаго устава восточныя церкви, печатаются в нашемъ царствующемъ граде Москве [...] А буде кто изъ которой земли безъ нашего царскаго величества указу и безъ позволения его, Ивана Тесинга, и безъ клейма его и подписи, такія чертежи и книги изъ котораго нибудь окрестнаго государства въ наше царскаго величества Российское царствие на продажу къ Архангельскому городу, или куда въ иныя места привезуть, и изъ техъ людей те все чертежи и книги имать на насъ, великаго государя, безденежно и безповоротно» (Грамота Ивану Тесингу о праве печатать в

⁸⁸ Очевидно, что впервые о Копиевиче А.Г. Франке узнал от Лудольфа – в письме последнего из Гааги от 07.09.1700:

„Ich höre es habe einer [Kopiewicz] zu Amsterdam eine rußische Druckerey angelegt, auch bereits unter andern *Puffendorfi* introductionem in Historiam Universalem /: so auf mein Anrathen in das Rußische übersetzt worden : damit gedrucket. Bey meiner Anwesenheit zu Amsterdam will ich mich deswegen genauere erkundigen und sehen, ob etwa zwischen sothanen Verleger und Halle eine Correspondenz zu stifften, zu Beförderung des Guten.“ (Tetzner 1955, 122).

⁸⁹ Типографию необходимо было выкупить в Копенгагене за 100 империалов, которые Копиевич задолжал за судебные издержки при разбирательстве со своим бывшим компаньоном по типографскому делу – купцом Яном Тессингом (Быкова, Гуревич 1958, 332).

Голландии и с последующей продажей в России гражданских русскоязычных книг. (Письма и бумаги 1887, 328-331).

Но Научное общество было заинтересовано именно в издании религиозной литературы на русском языке. Вероятно, что существовали миссионерские планы в отношении России.

Пиетисты были заинтересованы только в покупке русского шрифта, без получения соответствующих привилегий на издание книг на русском языке. С этой целью Лудольф и встретился с Копиевичем в 1704 г. в Копенгагене, о чем подробно написал Франке в письмах за январь-февраль 1704 г.:

„Elias Kopievitz, so viele Sachen ins Russische übersezet und theils zu Amsterdam drucken lassen, auch den Bruder zu Berlin gesprochen, ist mit seinen slavonischen Typis anherkommen, in Hoffnung russischer Interprete zu werden, weil es ihm aber fehlgeschlagen, stecket er in großen Angustiis und wird seine Typos wohl loßschlagen müssen, wollte, dass sie sie zu Halle hetten, vielleicht bescherete ihnen Gott Gelegenheit etwas ad promovendum interesse Ecclesiae Universalis in Moscovia damit drucken zu lassen, wiewohl solches mit Vorsichtigkeit nach Moskau geschicket werden müste, weil der Tzar bey Ertheilung des Privilegii for die russische Druckerey zu Amsterdam expresse ausgenommen, dass nichts, so in die Religion laufft, sollte gedrucket werden.“ (Tetzner 1955, 138).⁹⁰

Переговоры с Копиевичем (через Лудольфа) закончились покупкой центнера кириллических литер, которые дополнили типографию Франке и были впоследствии использованы для издания «русскоязычных» переводов в Галле. Сам Копиевич, как и его работы, Франке не интересовали, у него были свои планы в отношении приобретенных литер.

Покупка кириллического шрифта проводилась без излишней огласки, через «третье лицо» (Лудольф), поэтому сложно было установить дату их приобретения и вместе с тем начало печатания «русскоязычных» переводов в Галле. Э. Винтер был первым, кто подробно описал это событие, опираясь, в основном, на сохранившуюся переписку (Winter 1953). Излишняя огласка отсутствовала потому, что печатать «русскоязычные» книги религиозного и духовного содержания было запрещено, ведь и Илья Копиевич получил разрешение только на книги гражданские:

„Über die Verbreitung des „Kleinen Katechismus“ von Francke schwebt deswegen ein solches Geheimnis, weil der Druck streng geheim gehalten wurde, um nicht für die sonstige Tätigkeit die schwersten Hindernisse zu haben und eventuell selbst in Lebensgefahr zu geraten, trotz aller Bemühungen Peters um die Durchsetzung der Toleranz in Rußland. Francke war sich stets bewußt, wie entschieden ablehnend und empfindlich Rußland sich allen kirchlichen Missionsbestrebungen gegenüber verhielt, woher immer sie kamen.“ (Winter 1953, 222).

3.1.2.3 Переводы на славянские языки

До организации «русских» переводов в 1730-ые гг. были уже реализованы переводы на другие славянские языки – польский и чешский. Переводы Библии на эти языки также были необходимы – для распространения Библии на доступном для большинства языке, в качестве поддержки чешских, словацких и польских протестантов и распространения среди них идей пиетизма. Благодаря типографии, организованной Франке в 1702 г. и покупке необходимых шрифтов, была реализована печать на чешском – это Новый Завет (1709 г.), «Богемская» Библия (1722 г.) – и

⁹⁰ Орфография письма сохранена.

польском – Библия (1726 г.) – языках. Над чешскими переводами работала группа переводчиков и «Богемская» Библия, изданная в 1722 г. тиражом в 5000 экземпляров, и в течение XVIII в. неоднократно переиздавалась. Издание польской Библии 1726 г. было не новым переводом, а подправленным вариантом Библии 1692 г. (Fleckenstein/Schmidt 1997; Mengel 2000).

Практически во всех славянских изданиях принимал участие Генрих Мильде (Heinrich Milde), сотрудник Франке, который с 1718 по 1739 годы был организатором связей со славянскими странами, опекал студентов, был ответственным и за издание славянских переводов. Сам Мильде владел несколькими славянскими языками, чешским, польским, сербским, также русским. Благодаря общению со студентами, выходцами из славянских стран, также благодаря своим путешествиям, Мильде совершенствовал свои познания в славянских языках (Fleckenstein/Schmidt 1997, 10).

Возможность печатать и «русские» переводы появилась у Франке после создания типографии и покупки кириллического шрифта. Большую поддержку при этом оказал Франке Генрих Вильгельм Лудольф, автор первой русской грамматики для иностранцев. Необходимо также подчеркнуть, что именно Лудольф первым обратил внимание Франке «на Восток», т.е. на Россию, как на поле деятельности пиетистов, о чем писал еще Д. Чижевский (Čuževskýj 1939, 23).

Большой помощью для реализации переводов и печати на русском языке стала организованная Франке сеть сотрудников-миссионеров, состоящая в основном из пасторов, в разных городах России и Прибалтики, которые поддерживали в течение десятилетий связь друг с другом, а также с Франке, как основным руководителем этой сети. Почти все они, за редким исключением, когда-то были студентами университета Галле, где ознакомились с учением пиетизма и примкнули к кругу Франке (Schuldes 2003, 33).

3.2 „Die russische Mission.“ – Поле деятельности Августа Германа Франке и его единомышленников в России

3.2.1 Разветвленная сеть деловых, религиозных и личных связей. – Подготовленный медиум для распространения текстов «истинного христианства»

Перевод, издание и последующее распространение пиетистской литературы, было для пиетистов важным звеном в их отношениях с Россией. И это проходило успешно, по крайней мере, со стороны пиетистов. О том, как издания из Галле принимали в России (власть, Св. Синод и т.д.), речь сейчас не идет. По высказыванию Чижевского, печатные издания распространялись так успешно, что от некоторых из них в Галле не осталось ни одного экземпляра (Čuževskýj 1939, 21). Связи с Россией и другими славянскими странами выражались не только в распространении литературы и в миссионерской переписке, но также и в обучении молодых людей, приезжавших в Галле из этих стран. Так как не всегда приезжавшие в Галле молодые люди имели большие средства, им была организована поддержка, состоящая в бесплатном питании и проживании. За это они обязаны были преподавать в школе в качестве информатора, а позже, в течение нескольких лет, и в качестве учителя (Čuževskýj 1939, 22). За несколько лет, проведенных в Галле, иностранные студенты становились «своими» в семье пиетистов, связи, их объединявшие, продолжались и после их отъезда на родину – студент, когда-то обучавшийся в Галле и впитавший в себя „veritable Hallische Saltz“, мог рассчитывать на поддержку пиетистов и годы спустя после отъезда из Галле (Čuževskýj 1939, 21).

Чем же привлекала Россия Франке? Была ли миссия в России общехристианской или только лютеранской? Для кого она задумывалась в России – только для лютеран или непосредственно для русских тоже? Было ли целью этой миссии только религиозное просвещение, или же и культурное тоже? Какую роль при этом играли политические и экономические вопросы, была ли заинтересованность? Начиная свой проект на Востоке, Франке имел определенные намерения и поняв их, можно будет ответить и на эти вопросы.

При приеме Франке в Берлинскую Академию наук в 1701 г. в его характеристике стояло следующее:

„Wegen seiner sonderbaren Gabe, Verstand und Gelehrsamkeit vornehmlich in den morgenländischen Sprachen, sowohl des ihm beiwohnenden Eifer zur Fortpflanzung des Evangeliums auch an solchen Orten, dahin die predigten desselben noch nicht gelangt“ (Winter 1953, 47).

Относительно целей Франке однозначной представляется пиетистская миссия среди русского православного населения, но она имела не только религиозный мотив – распространение «истинного христианства». Гораздо шире – распространение культуры, культурная миссия, проводимая Франке, а также его ближайшим сподвижником и идейным вдохновителем, Г.В. Лудольфом. По отчетам последнего о путешествии в Россию, присланным им из Лондона в Галле в 1695/96 гг., можно составить программу развития пиетистской миссии в России, которая включает следующие пункты (Čyževskýj 1939, 23-25):

- В России отсутствует связь между протестантскими священниками и местным православным населением. Эта связь необходима, но невозможна, пока немецкие священники не выучат русский язык.
- Необходимо послать в Россию пиетистов-священников, которые смогли бы работать с местным (русскоязычным) населением. Потому что священники из немецких общин в России руководствуются устаревшими понятиями и совершенно не принимают пиетизм, считая его ересью.
- Для осуществления этого плана необходимы «связные» – образованные люди из местного населения, согласные содействовать присланным из Германии пиетистам.

Лудольф посылает Франке адреса таких людей, среди которых:

„Dr. Peter Posnikof,⁹¹ hat medicinam in Italia studiret, redet latine, Ital. Gall. – specialis amicus, Alexei Petrowitsch Ismailov, versteht latein, Fedeor Stepanovitsch Solticov, versteht deutsch, Fedeor Alexeovitsch Golovin, so der andere von der Gesandschaft war, der russische Pfaffe Paborski, so mit in Holland gewesen bey der Gesandschaft [...] Sava Alexeevič Lutochin und Boris Kurakin, Chrysanty Archimandrita Hyerosolimitans, kann latein, Adam Adamowitsch Weyde (allerdings ein Lutheraner) usw.“ (Čyževskýj 1939, 25).

Как видно из списка Лудольфа, все указанные им связные либо получали образование за границей, либо входили в посольства и владели иностранными языками, в том числе и немецким. А отправка пиетистов из Германии в Россию предполагает и знание русского языка (в этом поможет грамматика Лудольфа) и наличие русскоязычных пиетистских переводов, которые основательно бы помогли в России при работе с русскоязычным населением.

⁹¹ Орфография сохранена согласно цитируемому источнику.

Г.А. Франке по поводу переводов pietistischer Literatur на русский язык сообщал, что:

„Die Veranlassung, dass Johann Arnds Wahres Christentum wie auch des Past. Freylinghausens Einleitung zur Erkänntniß Jesu Christi des Geceutzigten und meines Vaters Anfang christlichen Lebens in die russische Sprache übersetzt und alhier gedruckt worden, ist folgende gewesen, dass verschiedene evangelische Prediger, die in Russland und Liefland in öffentlichen Aemtern stehen und ehemals alhier studiret haben, gemeldet, wie sich in denen russischen Landen hin und wieder eine ziemliche Anzahl Evangelische befänden, welche zum Theil nebst ihren Kindern von der teutschen Sprache abgekommen wären,⁹² daher denn, weil die Bibel in rußischer Sprache gar theuer zu stehen komme und noch dazu schwerlich zu haben sey, zu wünschen wäre, dass ein erbauliches Buch in russischer Sprache gedrucket würde, so dieselben zu ihrer Erbauung gebrauchen könnten“ (G.A. Francke an König Friedrich Wilhelm von Preußen, Halle, 12.X.1735, Avertisment 1734).

Д. Чижевский высказывался по этому поводу несколько иначе:

„Wie stand es nun mit der Verbreitung der Hallenser Drucke in Russland? Hallenser haben behauptet, sie hätten diese Drucke veranstaltet, um den Deutschen in Russland zu helfen. (C.F. Weise schrieb am 15. Juli 1739 an den Sohn Francke aus Astrachan', dass man in der Vorrede vergessen habe zu sagen, „man habe es sonderlich den Deutschen zu gefallen, die lange in Russland wohnen und die nachher guten Teile wenig deutsch verstehen, in die russische Sprache übersetzen und drucken lassen“. Ganz offensichtlich wünschte Weise eine gute Ausrede der russischen kirchlichen Obrigkeit gegenüber zu haben.) In Wirklichkeit handelt es sich hier um eine Tarnung der wirklichen Absichten: diese aber gingen darauf hinaus, den orientalischen Christen die Stimme des „Verkünders des ewigen Evangeliums“ wahrnehmbar zu machen.“ (Čyževskýj 1938, 62).

Слова Чижевского документально подтверждает также и письмо пастора Фирорта (А.А. Vierorth) из папки (Avertisment 1734), отправленное 30.05.1734 из Таллина (тогда Reval) и адресованное инспектору Гришову в Галле.⁹³

„Die [besagt] ma t e r i e⁹⁴ dieses Briefes betrifft den Druck des Arndt in Rußischer Sprache. Wir haben endlich aus Pe t e r s b u r g die längst erwartete und gewünschte Antwort erhalten, man möge in Gottes Nahmen nur den Druck anfangen. Es hat der H. Past. Nazzius deshalb ausführl. mit den H. Erzbischoff von Novogorod⁹⁵ gesprochen, der sich erbothn, wenn jemand künftig dargegen modus [erwägen] wolle, Ihro Majest den [...] c o n c e p t von dem Buche beyzubringen. Sein Rath⁹⁶ ging auch dahin, man möchte auf das Titel:Blat setzen: in usum officialium alionimque Protestantium Christi anorum in Russia. NB. Diese Worte müssten Rusisch gesetzt werden. Herr Past. Rodde wolte deshalb auch schreiben, ich habe auch bereits 2 Posttage auf seinen Brief, aber vergeblich gewartet, drum laße dieses voran gehen, damit Sie sich nun darnach zu richten wißen. Dieses momentum war in meinem Gemüthe das schwehreste. Gott sey gelobet der hierüber geholfen. Er wird nun auch über die Verlags:Unkosten helfen. Ob es pe r modum praenume rat i onis gehen solle, müßen wir abwarten. Mit der heutigen Post schreibe ich nach Mosco und erinnere die dortigen Freunde um

⁹² Даже используя русский язык, как повседневный, в разговорном общении, многие немцы, проживающий в Немецкой слободе, фиксировали русский текст при помощи латиницы, т.к. учились русской грамоте неохотно (Ковригина 1998, 353).

⁹³ Письмо приводится здесь полностью, т.к. его содержание имеет важное значение для данной работы и позднее мы будем на него ссылаться.

⁹⁴ Скобки с многоточиями указывают на места в тексте, которые не смогли прочитать. Разрядка текста дана в соответствии с оригиналом 1734 года.

⁹⁵ Феофан Прокопович.

⁹⁶ Т.е. совет Прокоповича.

verzögerl. ihre Gelder entweder in *med i a t e* oder *me di a t e* durch mich zu über machen. Meines theils werde kein moment um versäumen. Wenn wir nur 2000 Exemplaria auflegen laßen könnten! denn was sollen 1000⁹⁷ in dem so großen Rußland verschlagen. Daß der liebe Gott Sie, theurester Freund erwecket in dieser Sache so willig und geschäftig zu sagen, ist mir so erquickl. als erbaul. Sie werden auch die Frucht dieser Arbeit genießen vor dem Angesichte des Herrn. Auch sagen Sie doch H. Todorsky nebst meiner hertlichen Grüßer thun seinen lieben Vater Danke hier unter mehr dienste, als [...] ein Bischoff in demselben wär. Ermahnen sie ihn auch zur Gelassenheit in Ansehung seiner Abreise von Halle. Ich erwarte denen [...] bald möglich einige Nachricht, und was von heraus vorfällt werde [...] berichten. Ob diese Sache ist gewißl. ein großes Wunder bey allen denen die die *Si tua t ion* dieser Zeiten in diesem Reiche wissen, und es läßt sich an daß erstens weil leicht noch mehr *f a vor a bl e r* zu diesen Wercke aus brechen werden. Vor [...] hierbey nicht ruhen: aber was wieder ausrichten, wenn Gott es selbstn fördert.“ (Avertisment 1734. Цитируется по: Schuldes 2003, 180).

На этом письме необходимо остановиться подробнее. Автор пишет, как это видно из первого предложения, об издании русского Арндта и сообщает, что ожидаемый и желанный⁹⁸ ответ из Петербурга наконец-то получен. Вероятнее всего, положительный ответ дал Феофан Прокопович. Далее в письме речь идет именно о нем и его совете, на титульном листе книги (Арндта) указать, что это за книга, а также о намерении Прокоповича представить ее при дворе. Эти строки подтверждают непосредственное участие Прокоповича в распространении пиетистской литературы в России – по крайней мере, он поддерживал это и тем самым способствовал пиетистам.

Феофан Прокопович (1681-1736), Епископ Православной Российской Церкви, с 1725 г. архиепископ Новгородский, проповедник и политический деятель, в действительности с большим интересом следил за деятельностью Франке и его окружения, практически с самого начала своей духовной карьеры:

„Dieser Erzbischof Theophanus, sonst auch Procopowitz genannt, läßt die theologische Fakultät ersuchen um eine Abschrift von allen Ordnungen, Statuten, Gesetzen und Privilegien der Universität zu Halle. Ingleichen wünscht er zu haben die Ordnungen, Statuten, Gesetze und Privilegien wie auch *methodum docendi, disciplinam adhibendi et inspectione fugendi* nebst der Einteilung der Klassen, Stunden und Lektionen in jeglicher Klasse sowohl in der deutschen als in der lateinischen Schule und dieses beides im *Paedagogio regio* und im Waisenhouse und zwar alles in lateinischer Sprache aufgesetzt. Gleichermaßen hätte er gern Bücher und Traktätchen, die von Erziehung der Kinder, Einrichtung der Schulen und anderen dergleichen Materien handelten und auch zwar womöglich in lateinischer Sprache, wo aber das nicht in französischer oder deutscher. [...] Aus Begierde zum allgemeinen Besten bitte ich Sie, dem Erzbischofe doch auf meine Unkosten zu willfahren. Wie man denn in diesem Lande große Bewegungen und ein nicht geringes Verlangen erblicket, Schulen anzulegen und die Jugend *ad pietatem et artes liberales* zu führen und also da in dem allen nun erfüllet wird, was in der Offenbarung 3,8 befindlich ist, daß vielleicht nun die Zeit da ist, da auch dieses Land soll gnädig heimgesucht und einer hellen Fackel des lauterer Evangelii soll gewürdigt werden. Gott der Herr erwecke nur viele Herzen, die sich des Schadens Joseph treulich nehmen!“ (Peter Müller aus Petersburg an A.G. Francke vom 29.01.1720, Wotschke⁹⁹ 1930a, 86-87).

В 1720 году из под пера Феофана Прокоповича выходит букварь-катехизис «Первое учение отроком в нем же буквы и слоги, также: краткое толкование законнаго

⁹⁷ Такой же тираж – 1000 экземпляров – был предложен и для Малого Катехизиса А.Г. Франке (см. гл. 3.1.1).

⁹⁸ Т.е. тот, который и хотели услышать пиетисты.

⁹⁹ Theodor Wotschke, 1871-1939 – немецкий историк протестантизма, философ, теолог, педагог. Учился в университетах Галле и Берлина. Изучал в том числе и пиетистское движение XVIII в. в Германии и за рубежом. В самом начале 30-х гг. издал ряд работ по этой теме.

десятословия, Молитвы Господни, Символа Веры и девяти блаженств». Можно предположить, что до этого Прокопович ознакомился с информацией, присланной из Галле – именно издание его книги, так не похожей в то время на подобные публикации, подтверждает это.¹⁰⁰ Использование только латинского языка указывает на то, что Прокопович не хотел прибегать к помощи переводчиков. Дальнейшая связь Прокоповича с пиетистами также могла продолжаться благодаря и этой помощи, оказанной Франке Прокоповичу.

Таким образом, возвращаясь к письму пастора Фирорта, пиетисты действовали по согласованию с церковной властью в России, пусть и представленной в одном лице. Финансирование печати также поддерживалось из России – из Москвы, как об этом сообщается в письме. Упоминается также и тираж – 1000 экземпляров, хотя автор письма мечтает об удвоенном тираже, ведь Россия – большая и поэтому необходимо большее количество книг. Этот факт также подтверждает высказывание Чижевского о миссии пиетистов в России. В конце письма автор искренне удивляется и радуется, что такое серьезное дело, как издание Арндта на русском языке, удастся распространить в России, и называет это большим чудом. Одно только это письмо представляет ясную картину намерений пиетистов по отношению к России. Но не только религиозные, но и политические связи между двумя странами играли немаловажную роль.

Связь Пруссии и России, т.к. последняя набирала в то время силу, была важна не столько для самого Франке, сколько для прусского двора, поэтому пиетисты могли ожидать поддержку на государственном уровне. Кроме того, торговля с Россией имела успех и Франке стремился развивать и финансовую сторону предприятия (Lammel 1956). Личные контакты А.Г. Франке в различных сферах, например, в торговой (право на поставку медикаментов царскому двору), религиозной (связь с Немецкой слободой и отправка пасторов в лютеранскую общину в Москве), позволили создать сеть контактов в России, благодаря которой осуществлялось и распространение пиетистской литературы в русских городах. Развитию этой сети в немалой степени способствовала сложившаяся в России к тому времени политическая обстановка, когда благодаря манифесту Петра I от 16.04.1702 («О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания») иностранцы обрели относительную свободу, причем свобода эта проявлялась во всех видах деятельности.¹⁰¹

Важным фактом при создании многолетних контактов, центром которых оставался Галле, является тесная связь пастора Родде¹⁰² из Нарвы, который переводил пиетистскую литературу на русский язык (перевод «Малого катехизиса» 1718 г.), как с Галле, так и с христианским обществом (СПСК) в Лондоне. Обучавшийся в Галле в 1716-1719 гг. Родде тоже активно привлекался к переводу душевспасительной

¹⁰⁰ Критиков было много. Например, значительный труд (более 100 листов) Дмитрия Кантемира „*Losa obscura in Kathechisi, quae ad anonime autore Slaveno ediomat edita et «Первое учение отроком» intitulata est, dilicitate autore principe Demetrio Cantemirio*“ (1720) – «Темные места в Катехизисе, который безыменно на словенском языке издан и «Первое учение отроком» именован бысть, объясненные князем Дмитрием Кантемиром» (Хранится в Российской Государственной библиотеке, Ф 173, № 277).

¹⁰¹ Петр I практически позволил создать иностранцам «государство в государстве» – кроме свободного передвижения и выбора места проживания и вида деятельности, иностранцы подчинялись «своим» юридическим органам управления, что изначально ставило их на другую ступень по сравнению с местным населением России.

¹⁰² Каспар Маттиас Родде (Caspar Matthias Rodde, 1689-1743) родился в Нарве, в семье немецкого купца. После посещения школы (1694-1704) еще четыре года продолжал частным образом свое обучение у пастора местной церкви. Во время Северной войны Родде со своей семьей был сослан в Вологду (1708 г.), а в 1711 г. он по рекомендации своего родственника был приглашен учителем в семью фабриканта Петра Мюллера (Peter Müller) в Москву. Родде изучал теологию в университете Галле (1716-1719), тогда и познакомился лично с А.Г. Франке и его окружением. До конца своей жизни Родде поддерживал эту связь и был важным связующим звеном между Галле и Россией (Fundaminski 2001).

литературы на русский язык, о чем сам писал много лет спустя (Менгель 2010, 61). Относительно связи с SPCK – “Society for Promoting Christian Knowledge” в Лондоне, первоначальным инициатором был, скорее всего, Лудольф. Во всяком случае в том, что касается связи с Востоком и печатания русскоязычных книг в Лондоне:

„Bescheret mir der Herr zu solchem Ende eine Societät in England, wird meine nechste Angelegenheit seyn, daß sie mit Ihnen zu Halle vertraulich correspondiere. Möchte wüntschen, daß es Gott so dirigiren wollte, daß man sich der in Oxford befindlichen typorum von allerhand orientalische Sprachen zu solchem Ende und zu Anlockung derer aus Orient bedienen könte.“ (Amsterdam, 02.09.1700, Tetzner 1955, 118).

О связи с Лондоном через пастора Родде касательно доставки пиетистской литературы в Россию по морскому пути свидетельствует Е. Бенц в своей статье:

„Der wichtigste Verbindungsmann des SPCK mit den russischen Außenstellen scheint Pastor Rodde aus Narva gewesen zu sein, auf den bereits in früheren Untersuchungen über die Beziehungen zwischen Halle und Russland regelmäßig hingewiesen wurde, der aber in den bisherigen Forschungen als Agent der SPCK noch nicht in Erscheinung trat. In einem Brief Henry Newmans, des Sekretärs der SPCK, an Pastor Ziegenhangen vom 7. November 1728 erscheint nämlich Pastor Rodde in Narwa als der Empfänger eines Paketes mit arabischen Neuen Testamenten.

Der Zweck dieser Zusendungen wird aus späteren Schriften deutlich. Rodde leitete nämlich die arabischen Neuen Testamente weiter an deutsche und schwedische Offiziere lutherischen Glaubens und an lutherische Pastoren in arabische sprechende mohammedanischen Bewohnern des russischen Reiches bestand.“ (Benz 1954, 81-82).

И далее Бенц еще раз упоминает пастора Родде в связи с печатными изданиями из Галле:

„Das Londoner Büro der SPCK war überhaupt die Versandzentrale für sämtliche Halleschen Drucke, die von dort aus auf Grund der günstigen Schifffahrtsverbindungen in die ganze Welt sowohl nach Nord- und Südamerika wie in das Mittelmeer und nach Südindien versandt wurden. Pastor Rodde aus Narwa hat diese Rolle eines Vermittlers slawischer Drucke pietistischer Schriften wie auch der russischen und arabischen Bibelübersetzung nach Rußland jahrzehntelang mit unverdrossener Mühe ausgeübt.“ (Benz 1954, 83).

В доказательство своих утверждений Бенц цитирует письмо секретаря Лондонского общества пастору Родде (Miscellaneous Letters CN 2/8 p. 80), в котором Родде представлен как посредник между Лондоном и Сибирью, поставляющий важные документы.

Бенц открыто называет Родде агентом¹⁰³ пиетистов, который в течение десятилетий проводил миссионерскую религиозную деятельность в России, причем не только коренного русскоязычного населения, но и мусульманского, являясь поставщиком арабскоязычной Библии.

В своей статье Бенц, цитируя отрывок из книги Холмса (Holmes: „Bibliographie of Cotton Mather“¹⁰⁴), касающийся переписки Франке и Матера, заключает, что:

¹⁰³ «Агентами» (= „pietistische Agenten“) называл также миссионеров из Галле, посланных в Москву, а позже в Петербург, и Э. Винтер (Winter 1953, 49).

¹⁰⁴ Cotton Mather – был главой пуританской церкви в Бостоне во времена Франке, вел переписку с последним.

„[...] slavonische Übersetzung sowohl des Neuen Testaments als auch Johann Arnds „Wahrem Christentum“ [...] seien hauptsächlich für die Böhmisches Brüder in Ungarn gedacht. Offenbar hielt es Francke für ratsam, seine Pläne einer direkten Einwirkung auf die russische Kirche nicht offen bekannt zu machen.“ (Benz 1954, 95).

Статья Э. Бенца (Benz 1954), подробно описывающая деятельность Лондонского Общества (SPCK), вероятно, одна из немногих на эту тему, хотя связь пиетистов с Востоком через Лондон была существенной, о чем свидетельствует сохранившийся там архив:

„Anlässlich eines Studienaufenthaltes in England im Sommer 1950 hatte ich Gelegenheit, Aktenstudien in dem Archiv dieser Society zu machen, die bis zum heutigen Tage eine der aktivsten christlichen Verlagsanstalten Englands darstellt. Auf Grund dieser Archivstudien [...] bin ich auf zahlreiches Material gestoßen, aus dem hervorgeht, in welcher maßgeblicher Weise die Londoner Zentrale der SPCK beim Druck und der Verbreitung der russischen Bibel und der russischen Übersetzungen pietistischer Drucke in Rußland beteiligt war. Aus den neuen Materialien wird ersichtlich, daß die Verbreitung biblischer und pietistischer Schriften in Rußland nur ein Teilprogramm eines sehr viel universaleren Planes darstellte, der darauf abzielte, in breiter Weise eine Verbindung mit den Kirchen des Ostens aufzunehmen und evangelisatorisch unter ihnen zu wirken.“ (Benz 1954, 77).

Архив SPCK, представляющий несомненный интерес в отношении связей с Россией, требует подробного изучения, и может быть, что результаты его исследования заставят пересмотреть некоторые уже известные события и факты, касающиеся и печати и распространения «русскоязычных» переводов в Галле.

3.2.2 Изготовление «русских» переводов и их издание в Галле

«Русскоязычные» переводы пиетистской литературы издавались в Галле в первой половине XVIII века. Проблемным является установление точных дат издания переводов, хотя уже примерное время – начало XVIII в. говорит о том, что в Галле были напечатаны одни из первых русских переводов в Западной Европе. О факте издания «русскоязычных книг» в Галле до 1735 г. можно узнать только из сохранившихся писем, дневниковых записок, на основании счетов, а также некоторых записей на полях изданий тех лет.¹⁰⁵

Основная часть «русскоязычных» переводов была опубликована в 1730-ые гг., это достоверно подтверждается сохранившимися документами, а также непосредственно

¹⁰⁵ Особую «похвалу» в этом отношении заслуживает Генрих Мильде (см. гл. 3.1.2.3), близкий сотрудник А.Г. Франке и ответственный за издание переводов на славянские языки при типографии (Typographia orientalis et exotica). Он редко оставлял чистыми поля книг, имеющих в его библиотеке. Если в электронном каталоге Архива Франке задать поисковое слово „Milde“, то появится более 800 наименований литературы – это не книги, автором которых был Мильде, а издания из его личной библиотеки, в которых он оставил свой «след», сделав пометки на полях. Свою личную библиотеку Мильде завещал библиотеке Франке еще в 1721 г. Сохранилось заявление Мильде от 03.11.1722, в котором он сокрушается, что книги, подаренные им библиотеке, продолжительное время („über Jahr und Tag“) хранятся в беспорядочном состоянии, не каталогизированы и что это необходимо сделать срочно (Des Candidati H. Heinrich Mildes Bücher Schenkung für d. W. H. De Anno 1721, XI/122). Это было сделано только после его скоростижной смерти в 1739 г. (см. Acta 1739). Этот список, хранящийся сегодня в экономическом архиве библиотеки Франке, содержит также и русские книги, например №17. *Moscovia* 1696. Russisch. Nebst der auf Befehl Petri des I sten edirte ersten Unterweisung der Jugend. Russisch und Teutsch; №59. Arnds J. Xstenthum nebst dessen Informatorica Bibl. In russischer Sprache; №132. Ein russischer Tractat; №135. Ein russischer Tractat; №136. Russisches MSF von des Seel. H.P. Franckens Anfang der Xstl. Lehre nebst gedruckte Tractatl. von H. Mildens ediret (!). №139. Der russische Psalter.

экземплярами изданий 1730-х гг., которые сохранились не только в Галле, но и в России. Период до 1730 г. сложен для исследования, потому что сохранилось гораздо меньше свидетельств, а печатных «русскоязычных» переводов пока не было обнаружено. Исследования XX – начала XXI века периодически поднимали эту тему, каждый раз обнаруживая новые факты, направляющие исследование (Čuževskýj 1938; Čuževskýj 1939; Winter 1953; Fleckenstein 2000; Mengel 2000; 2003; Менгел/Челбаева 2003; Mengel 2004; 2009).

Основным документом, хранящим в себе информацию по изданию «русскоязычных» переводов в Галле, является папка из экономического архива Франке – „Wegen Druck der Arndischen Bücher vom Wahren Christentum in Russischer Sprache“. В отношении издания самых первых переводов Г.А. Франке в 1734 году писал в ней следующее:

„[...] Die göttliche Providenz hatte wegen der Schriften [...] schon gesorget, indem etwa ein Centner derselben [...] dem Waysenhouse hieselbst geschendet war, welche bis dahin in 30 Jahr gleichsam brack gelegen, ohne dass ein klein Büchlein meines sel. Vaters Fünf Fragen von Ordnung des Heyls, so mehr erwehnter Prediger übersetzt, zweymal damit gedruckt worden.“ (Avertisement 1734).

„Mehr erwehnter Prediger“ – это, вероятно, пастор Родде,¹⁰⁶ т.к. в этом же письме выше упоминается „ein frommer Prediger aus Liefland, der hier ehedessen studieret“, который прислал инспектору Гришову¹⁰⁷ несколько переведенных глав из Арндта с просьбой, их проверить и напечатать в Галле. Как показали проведенные исследования, первым произведением, изданным на «русском» языке в Галле был трактат А.Г. Франке «Начало христианскаго учения во употребленіе и въ познъ всакомъ правобѣрноу хрїтіанинѣу наипаче невѣдающимъ, и мноо извѣстнѣу читиса не могущимъ составленно ѿ Явгуста Ермана Франка» (А.Н. Francke „Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen“ Halle 1696 / 1704), а не „Fünf Fragen von Ordnung des Heyls“, как указывает в приведенной цитате Г.А. Франке. Трактат Франке, известный еще как «Малый катехизис», объясняющий коротко и просто основы Священного писания, стал «программным произведением галльского пиетизма и был переведен на целый ряд европейских и неевропейских языков» (Менгель 2010, 45). «Малый катехизис» издавался в Галле три раза – в 1704 г. (переводчик Йохим), в 1718 г. (переводчик Каспар Маттиас Родде) и в 1735 г. (корректор Симеон Тодорский) (Mengel 2000; 2003; 2007).

¹⁰⁶ На пастора Родде, как переводчика Франке и Арндта, ссылается и Э. Бенц, в качестве доказательства приводя запись из еще практически неизученного архива СПСК:

„Tusday 26. Oct. 1731. 11.414 Caspar Mattias Rodde Narva 21 June 1731. That he has translated in the Russian Language the first Principles of Xtianity contained in 22 Questions write by Mr. Frank of B.M. Profess. Of Divinity at Hall (т.е. «Начало христианскаго учения...» / „Anfang der christlichen Lehre“), together with Sentences out of the Bible, and some Chapt.ls of the Book of true Christianism by Mr. Johann. Arnde of B.M. which book was printed in London 1712 and 1720. he doubts not but that if the Society were able out of their fund, that they would contribute towards their undertaking he desires the Books that has been lately printed by the Society which may be forwarded by Mr. Ziegenhagens Order.“ (Benz 1954, 82).

¹⁰⁷ Иоганн Генрих Гришов – Johann Heinrich Grischow (1678-1754), 09.05.1699 был зачислен в студенты Университета Галле, на факультет теологии. С 1712 был инспектором Библейского общества, основанного в 1710 г. бароном Канштайном (Cansteinische Bibelanstalt) для издания и распространения дешевых по стоимости изданий Библии (Datenbank zu den Einzelhandschriften in den historischen Archivabteilungen / <http://192.124.243.55/>). В каталоге электронной Немецкой Национальной библиотеки Гришов указывается не только как инспектор Библейского общества, но и как переводчик и библиограф (Deutsche Nationalbibliothek, см. интернет-ресурсы).

Документальным подтверждением перевода трактата Франке на «русский» язык является также и письмо Лудольфа.¹⁰⁸

Важным доказательством того, что до 1735 г. в Галле печатались книги на «русском» языке является сохранившийся рукописный перевод «Малого катехизиса» Франке в одном из сборников Мильде,¹⁰⁹ авторство которого приписывается пастору Родде,¹¹⁰ а также рукописная правка перевода этого же катехизиса, сохранившаяся в библиотеке (Šuževskýj 1939; Mengel 2007; 2009). Правка небольшая, состоит из девяти страниц в восьмую часть листа и содержится в папке с другими русскоязычными рукописными документами.¹¹¹ Текст правки немецкий, с примерами-исправлениями по-русски. Дата и имя автора отсутствуют. Была найдена Чижевским, который не придавал ей особого значения и даже название правки дал некорректно: „Anmerkungen über die russische Frag-Bücher“ (Šuževskýj 1939, 30). В работах последних лет С. Менгель (Mengel 2000; 2003; 2009; 2010) на основании архивных изысканий, а также текстологического и лингвистического анализа отдельных «русскоязычных» переводов из Галле (например, «Малого катехизиса» Франке) и документов, имеющих к ним непосредственное отношение (рукописная правка «Малого катехизиса», до этого не исследованная и др. документы), удалось подтвердить не только факт издания «русскоязычных книг» в Галле до 1734-35 гг., но и авторство первого «русскоязычного» перевода – упомянутого катехизиса А.Г. Франке. Если причастность Йохима и Каспара Матиаса Родде соответственно к переводам 1704 и 1718 гг. однозначна, то печатное издание 1735 г. «Малого катехизиса» Франке не является переводом С. Тодорского. Он использовал перевод К.М. Родде и произвел лишь его минимальную корректуру. Автором же рукописной правки является Й.Э. Глюк, что было установлено на основании лингвистического анализа текста правки, а также путем сравнения систем кодификации русского языка грамматики Глюка и Й.В. Пауса (о них подробнее см. в гл. 3.2.2.2.2) (Mengel 2003; 2008a; 2009; 2010).

Кроме того, известно, что другой «русскоязычный» перевод – «Четыре книги об истинном христианстве» Арндта пытались сделать магистр Паузе¹¹² и Салтыков, еще в

¹⁰⁸ Письмо Лудольфа от 19.05.1699, адресованное Франке:

«[...] Das von H. Scharschmidten empfangene sclavonische Dictionar kann Ihnen vielleicht einstens zustatten kommen und sehe ich nicht ungerne, daß Ihnen H. Scharschmidt zusendete, was von meines wehrtesten Freundes Tractätlein in Russisch übersetzt worden. Vielleicht bescheret Gott Mittel, daß sie zu frommer Herzen Erbauung können gedrucket werden [...]» (Tetzner 1955, 113; см. также Менгел/Челбаева 2003; Mengel 2008a).

¹⁰⁹ AFSt/ 155 M 96.

¹¹⁰ Что также позволяют заключить и записи Мильде, сделанные там же.

¹¹¹ AFSt/W/J 25^b.

¹¹² Магистер Иоганн Вернер Паус или Паузе (Johann Werner Paus /как вариант еще Pause/, 1670-1735) также входил в окружение Франке, занимался русским языком и долгое время прожил в России – с начала XVIII века (1701) до своей кончины в 1735 году. Свое путешествие в Россию (осень 1701 г.) Паузе подробно описал в „Beschreibung der Reise von Sachsen nach Moskau“ (хранится в С.-Петербурге, в архиве РАН). Некоторое время служил в школе пастора Глюка, занимался разработкой грамматики русского языка, переводами, а также слыл знатоком русской истории. Впоследствии, переехав в Петербург, служил секретарем у высокопоставленных лиц, затем библиотекарем. После основания в 1724 г. Академии наук был приглашен туда Лаврентием Блюментростом (1692-1755, первый директор Академии и бывший ученик Паузе) в качестве переводчика. Итоги творчества Паузе не были удачными – при жизни труды его практически не публиковались, а после смерти его архивом, оставленным в Петербурге, воспользовались другие (см. Винтер 1959; Михальчи 1963; Моисеева 1976).

По поводу перевода Арндта магистром Паузе Петер Мюллер (Peter Müller) в 1735 г. писал следующее:

„Vor etwa zwanzig Jahre und darüber habe ich die vier Bücher Arndts vom „Wahren Christentum“ durch einen Magister Pausen [...] übersetzen lassen. Weil der Herr Magister Paus es etwas hoch nach der slavonischen Sprache vieles gegeben und also schwer zu verstehen, so ein Anfang gemacht, es deutlicher, leichter und der Nation etwas verständiger nach der hiesigen Landessprache zu geben und zu übersetzen“ (Winter 1953, 231).

Кроме того, более важное подтверждение этому:

начале XVIII века, но безуспешно (Winter 1953; Mengel 2000; Менгел/Челбаева 2003; Mengel 2008a; 2009). Именно Арндт был важен для пиетистов, это был автор, произведения которого они стремились перевести на другие языки, и славянские тоже. О переводах Арндта Франке-младший писал в 1734 г. следующее:

„Des sel. Herrn Joh. Arnds Bücher vom Wahren Christentum sind bekantermassen aus der teutschen in unterschiedene andere Sprachen, z.e. in die lateinische, englische französische, böhmische und (wo mir recht ist) polnische, übersetzt und darin gedruckt worden.“ (Avertisement 1734).

Идея перевести книги Арндта возникла еще в 1698 г., когда Франке посетил Ф.С. Салтыков (вероятно, по поручению Петра I). Франке преподнес Салтыкову экземпляр Арндта, на что последний пообещал заняться его переводом. Дарственная надпись в книге, сделанная Франке, гласит:

„Zur Bezeugung meiner Liebe schenke ich Fedor Stepanovič Soltykov dieses Buch, das ich für eine Perle des deutschen Volkes halte.“ (Čyževskýj 1939/40).

О пасторе Родде, как переводчике, упоминает и Альфред Митцшке (Mietzschke 1941).¹¹³ Митцшке полагал, что во время учебы в Галле в 1716-1719 гг. Родде обработал и издал катехизисы Лютера и Франке, после чего передал рукописи катехизисов Мильде:

„Rodde schenkte ihm (*Milde*) einen Psalter¹¹⁴ und, nachdem er Luthers und Franckes Katechismus bearbeitet und in Halle 1719 gedruckt hatte, überließ er das Manuskript Milde.“ (Mietzschke 1941, 31).

Грамматика Лудольфа, как сообщает далее Митцшке, активно использовалась в Галле для изучения русского языка:

„Als Hilfsmittel bei der Erlernung des Russischen bediente man sich der Grammatik Ludolfs aus dem Jahre 1698. In dieser Zeit (1718-1719) schrieb Milde eine kurze Abhandlung über die čechische, russische und kirchenslavische Sprache. Das Russische steht seiner Ansicht nach dem „Slavonischen“ am nächsten. Wie Ludolf fällt ihm auf, dass man in Russland zwar russisch spricht, aber „slavonisch“ schreibt.“ (Mietzschke 1941, 31-32).¹¹⁵

„Haben seine (Pause) in die 20 Jahre mit Fleiß zusammengetragenen russischen Kollektaneen, seine vollständige Grammatik, sein ausführliches Vokabularium, seine Sententien und Poesien Patrone gefunden, daß sie können veröffentlicht werden? Die dortigen Druckereien haben sich russische Typen zugelegt und weitere könnten auf sein Angeben gegossen werden. Als guter Freund und Patriot habe ich ihm beraten, sie Ihnen anzubieten, die Korrektur beim Druck aber selbst zu übernehmen. Die Exemplare würden mit großem Nutzen des Verlegers hier und in Livland, Kurland, Prußen verlangt werden. Es hat auch der Herr Mr. Paus Joh. Arnds Wahres Christentum, dem Liefelandischen Catechismus, viele geistl. Lieder nach unsern Melodeyen übersetzt und in russischen Reymen gebracht, die mit der Zeit auch wohl in Deutschland könnten gedruckt und hierher gezogen werden, zumal die Erlaubnis dergleichen geistliche Sachen zu veröffentlichen, schwerlich von dem aus lauter russischen Geistlichen bestehenden Oberkonsistorio, Synodo ganennt, zu erhalten sein dürfte. [...]“ (Heysson an A.G. Francke, Petersburg am 23.04.1721, Wotschke 1930a, 79-80).

¹¹³ Митцшке был учеником Дм. Чижевского и указанная книга является аторефератом его докторской диссертации. Экземпляр книги, выпущенной малым тиражом в Лейпциге в 1941 г., сохранился в Галле (AFStVL 580). Диссертация Митцшке играет важную роль, потому что написана была она еще до второй Мировой войны и он мог работать с документами, которые во время и после войны были утеряны.

¹¹⁴ Хранится в библиотеке Франке по сигнатурой AFSt/48 G 26.

¹¹⁵ Свои утверждения Митцшке подкрепляет ссылками на заметки Мильде в двух книгах: AFSt/78 G 27 и 48 G 27.

Возвращаясь к указанной папке (J 25^b), необходимо заметить, что кроме рукописной правки в ней хранится и хронологическая таблица, составленная Иоганном Вернером Паузе для занятий молодого царевича Алексея и, вероятно, пришедшая вместе с правкой, если не в одном конверте, то в одно и то же время. „Tabula chronologica“ упоминается впервые Д.И. Чижевским в его статьях (Šuževskýj 1939) как «хронологическая таблица» („chronologische Tafel“, 29) и как «апокалипсическая таблица» („die Apokalyptische Tafel“, 154).

И.В. Паузе был вторым директором гимназии Глюка – после кончины последнего в 1705 г., до этого времени он в школе практически не преподавал. И Глюк и Паузе были приглашены ко двору для обучения царевича Алексея. В 1703 г. Глюк переводил для царевича книги для обучения, что несколько позже делал и Паузе:

«По совету Гюйссена к обучению царевича привлекался И.-В. Паус. Он перевел на русский язык географию И. Гюбнера, экземпляр которой преподнес царевичу с собственноручным посвящением, а также составил хронологическую таблицу христианской истории, т.е. выполнял ту работу, которую до него, в 1703 г. делал Э. Глюк, переводя иные книги» (Ковригина 1998, 358).

Кроме того, в архиве Франке сохранились учетные годовые бухгалтерские записи типографии об издании книг, начиная с 1695 года (Buchladen und Buchdruckerei Rechnungen 1695-1741). В этих отчетах не были обнаружены записи об издании и продаже «русскоязычных» переводов в период с 1710 по 1722 гг. (см. также Schuldes 2003, 9).¹¹⁶

В этой связи возникает предположение, что финансирование «русскоязычных» изданий осуществлялось особым образом (т.к. вообще связь между Галле и Россией публично не освещалась) и поэтому не указывалось в общих учетных записях, а фиксировалось в отдельных тетрадах. Частично, как это известно из статьи Бенца, издание «русскоязычных» переводов осуществлялось на пожертвования, собранные людьми Франке в России. В подтверждение этого автор статьи цитирует письмо секретаря Лондонского общества (SCPК) Генри Ньюмана (Henry Newman) от 19 мая 1712 года, адресованное пастору Боему (Boehm) (Benz 1954, 79). В этом письме говорится о том, что в Лондон поступили пожертвования суммой 20 шиллингов от хороших людей из России („good people in Russia“) (Benz 1954, 80). Указываются и фамилии людей, собравших эти деньги в России – „Mr. Gründler and Mr. Newbaver“ (там же). Это были тоже выходцы из Галле, сотрудники Франке, которые находились в России. Кроме того, известно, что один из них – Грюндлер, был удачным торговцем и отвечал за сбыт медикаментов в другие страны, в Россию в том числе. Бенц в своей статье сообщает, что Грюндлеру в 1710-1712 гг. удалось наладить поставки медикаментов из Галле русскому царскому двору и систематизировать вообще поставку медикаментов в Россию, наладить доставку и сбыт, которые работали безотказно.¹¹⁷ Второй из названных был педагогом – Георг Нойбауер (Georg Neubauer / Newbaver), находившийся при Франке с самого начала создания сиротских домов в Галле и якобы сопровождавший Грюндлера в поездке по России. Бенц в своей статье предполагает, что:

¹¹⁶ Просмотрено было двенадцать тетрадей, с № 2 (1696 г.) по № 13 (1725 г.). Тетрадь № 1 не выдают для просмотра, мотивируя это запретом библиотеки в связи с ветхим состоянием документа.

¹¹⁷ Фамилия Грюндлера также активно упоминается в торговых счетах архива Франке, при поставках в Россию мелкого товара (пуговиц, застежек и т.д.) (Lammel 1956, 163).

„Diese Spende stand offenbar im Zusammenhang mit bereits im Gang befindlichen Unternehmungen der SPCK, die russische Übersetzung des Neuen Testaments und die Herstellung russischer Übersetzungen von pietistischen Erbauungs- und Erweckungsschriften betreffend“. (Benz 1954, 80).

Представляет интерес также и деятельность Й.Ф. Брочгаузена (J.F. Brochhausen), двоюродного брата Лудольфа, еще мало изученная исследователями. Брочгаузен в течение нескольких лет¹¹⁸ состоял в переписке с А.Г. Франке и из его писем известно, что предложив Петру I (через посредника, которым был фон Арнштадт / von Arnstadt) свой проект о размещении мануфактур в Москве, получил на это разрешение и в 1703 г. был принят на русскую службу с жалованьем в 100 руб. (Winter 1953, 60). В том же году Брочгаузен сообщил Франке об указе Петра I 1702 г. о привилегиях для иностранцев (письмо от 15.06.1703 из Берлина). Брочгаузен пишет о привилегиях для иностранцев, приезжающих в Москву, Астрахань, Архангельск и др. города, подробно при этом перечисляя следующее: терпимость к иному вероисповеданию, действие немецких юридических прав по отношению к немцам в России, а также возможность заниматься различной трудовой деятельностью.¹¹⁹

Следующим проектом, который Брочгаузен собирался предложить русскому монарху, была организация при университете Галле и при теологической коллегии (Collegium orientale) двух пансионатов, каждый на 12 человек, с проживанием и питанием, в которых могли бы жить те, кто приезжал из России на учебу по специальным рекомендациям. Поэтому в письме из Москвы, адресованному А.Г. Франке, он просит прислать подробный подсчет, сколько подобный пансион мог бы стоить:

„[...] da ich sehe, daß die Rußische Nation begierig wird, ein Studia zu treiben, und fremde länder zu sehen, bin ich gekommen, Ihro. Zar. Mayestät vorzutragen, daß Sie in Halle 2. Freytische indem auf 12 Personen, nebst Stüben und Betten, und zwar den einen in Msr.-Professoris Seminario, den anderen bey der Universität Halle stiften mögten, woran alle dieser eigen, so von hier mit Special recommendation kähmen, unterhalten werden sollten. Es braucht aber, daß man vorhero acurat weiße die Kosten, die zu solchen unterhalt erfordert werden, wie die Stiftung einzurichten, und weil die Gelder zumahlen into [...] zu übermachen, ob man es durch Züchten oder Peltzwahre über Hamburg thun könne, und ob ein Kaufmann in Leipzig zu finden, der iedes mahl gegen eine determinirte quantitetwahren, (welche aber alle Jahre gleich seyn müßte, weil die Rußen nicht gerne changiren) die verordnete Gelder nach Halle zahlete auch was sonsten bei diesem allen zu observiren, darüber erwarte ich meines Hoch. Herrn Professoris wohlmeinende Gedanken, mit nachsten.“ (Брочгаузен – А.Г. Франке от 29.07.1705. AfrSt/H C 255, 3a).

Но Франке, который еще с 1699 г. стремился создать русскоязычный семинар, не отважился на это предприятие, по крайней мере, ничего не известно о создании подобного пансионата (Winter 1953, 61).

Вообще, интерес Франке к России был и прагматическим, речь шла о сбыте различного товара, поставляемого в Россию, особенно в Москву. Это также было источником для развития заведений Франке в Галле, не только в отношении «русскоязычных» переводов. Как свидетельствуют „Muskovitische Handelsrechnungen“ за 1709-1712 и 1712-1717 гг., сохранившиеся в экономическом архиве Франке (Wirtschafts- und Verwaltungsarchiv der Franckeschen Stiftungen zu Halle/Saale), торговля

¹¹⁸ В Архиве Франке сохранилась папка с его письмами к Франке периода с 1698 по 1705 гг.: AfrSt/ C 255.

¹¹⁹ AfrSt/ C 255, 5a.

товаром была распределена на три категории – на сбыт русского (1) и немецкого (2) товара, и на сбыт медикаментов (3). Доходы были весьма значительны: в 1710 г. прибыль составила 1000 рейнталеров, в 1712 г. – 1237,21 рейнталеров. Особенно прибыльной оказалась торговля медикаментами, а позже и книгами (Winter 1953; Lammel 1956). Книги, реализуемые в России, приходили не только из типографии Франке, это были издания со всей Европы и сторонники Франке в России – учителя, проповедники, врачи – занимаясь их распространением, играли роль «книжных гидов», они советовали только определенные книги, отобранные по желанию А.Г. Франке (Winter 1953, 49). Учет отправленных в Россию книг велся отдельно от других товаров, медикаментов и т.д. Кроме того, счета по реализации религиозной литературы не сохранились вообще. Можно заключить только из сохранившихся писем того времени, что пасторы из России (Родде, Еберхард и др.) активно заказывали книги в Галле (Lammel 1956; Schuldes 2003).

3.2.2.1 Религиозно-лингвистическая дилемма при изготовлении «русских» переводов

Согласно основам немецкого протестантизма, вероучение должно быть доступно всем христианам, в том числе благодаря и распространению религиозных текстов на родном национальном языке. Целью Франке и его окружения было распространение «истинного христианства» (Wahres Christentum) не только на своем родном языке, но и на других, в том числе и на русском. Пиетисты из Галле намеревались перевести и напечатать Библию и душеспасительную пиетистскую литературу на различные национальные языки (Менгель 2010, 44). По мнению Франке и его окружения, протестантский пиетизм как форма вероисповедания был более близок русскому православию, чем католицизму, поэтому произведения пиетистов могли встретить понимание в России, несмотря на то, что православная церковь конечно сочла бы подобную литературу ересью:

„Im russisch-orthodoxen Glauben sah A.H. Francke speziell eine Art anders gestalteter Frömmigkeit, die dem Pietismus näher stand als der Katholizismus. Jedoch gerade seine „russische Mission“ dürfte ihm die größten Probleme nicht nur religiöser Natur bereitet haben. Abgesehen davon, dass die russische Geistlichkeit seine theologischen Ansichten nicht teilte und das Luthertum für eine Häresie hielt, war die Übersetzertätigkeit vor ein doppeltes religiös-linguistisches Dilemma gestellt. Einerseits war das Hauptziel halescher Pietisten, das „wahre Christentum“ durch Bibelübersetzungen in die „einfache“ Sprache – eine jedem Christen verständliche Volkssprache – zu verbreiten; [...] Andererseits war am Ende des 17. Jh. und zu Beginn des 18. Jh. die Sprache der russisch-orthodoxen Kirche (wie auch weitgehend Russlands Kultursprache im allgemeinen) das Kirchenslavische.“ (Mengel 2008b, 247).

Эта цитата очень точно описывает ситуацию, вставшую перед пиетистами при намерении напечатать религиозную и душеспасительную литературу на русском языке.

Распространению пиетистской литературы препятствовало отсутствие такого варианта русского языка, который был бы понятен и доступен большинству, и малограмотным в том числе, а также при этом являлся репрезентативным письменным языком для религиозных и душеспасительных произведений. Решение существовавшей дилеммы заключалось в поиске такого письменного варианта языка, который удовлетворял бы обе стороны – простота языка + его легитимность для создания и печати подобного рода текстов. Для создания подобных текстов необходимо было на лингвистическом уровне осознавать различия между русским и церковнославянским языком – т.е. необходим был специалист, имеющий высокий филологический и

религиозный уровень образования. Ведь если посмотреть переписку окружения Франке конца XVII – начала XVIII вв., то язык перевода в них обозначается по-разному. Например, в обсуждении перевода «Малого катехизиса» Франке в письмах, язык перевода называется иногда церковнославянским, иногда русским (Winter 1953, 212). Может показаться, что путаница с обозначением языка происходит из-за незнания культурно-языковой ситуации, существующей в то время в России (Менгель 2010, 45). Но, последующие главы покажут, что пиетисты имели представление о состоянии языковой ситуации в России, это подкреплялось также и грамматическими исследованиями.

3.2.2.2 Лингвистические воззрения единомышленников А.Г. Франке относительно «простого» русского народного языка

Существование в России нескольких вариантов письменного языка, а также отличия церковнославянского от русского и проблемы, возникающие при создании душевспасительной и религиозной литературы (доступность и понятность для всех) были очевидны для русских авторов, а также для людей, ответственных на государственном уровне за решение этой задачи – для Петра I в первую очередь. Это подтверждает и его указ от 19.04.1724:

«Указ Петра I Свят. Синоду о немедленном сочинении, для поучения людям, книг о непрременном законе божием, о преданиях отеческих и вещах средних, с указанием способа исполнения его повеления, от 19 апреля 1724 года.

Святеѣйшии Синод. Понеже разговорами давѣно побуждал, а нынѣ писменно, дабы краткие поученіи людемъ здѣлат, [понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣем]; также бѣ здѣлат книгу, гдѣ бѣ изяснит, что непремѣнный законъ божей, і что совѣты, і что предания отеческая, і что вещи средняя, і что толко для чину і обряду здѣлано, і что непремѣнное і что по вѣремени і случаю прменялас, дабы знати могли, что в каковой силѣ имѣет.

О первых, кажетца мнѣ, чтобъ просто написати так, чтобъ і поселенинъ зналъ, іли на двое: поселянномъ – простяя, а в городахъ – покрасивее, для сладости слышашихъ, какъ вамъ удобнее покажетца, в которыхъ бы наставления, что есть прямой путъ спасения, істолкованъ былъ, а особливо вѣру, надежду і любоф, [ібо о первой і послѣдней зѣло мало знают, і не прамо, что і знают, а о средней і не слышали, понеже всю надежду кладут на пѣніи церковное, постъ і поклоны і прочее, тому подобное, в нихъ же строение церквей, свѣчи і ладон]; о страданіи Христовомъ толкуетъ толко за одинъ первородный грѣхъ, а спасение дѣлами своими получают, какъ выше писано.

О вѣторомъ же, чтобъ книгу сочинити, мнѣ кажетца не лутче ли оную катихисисомъ начати і к тому і прочіе вещи послѣдательнѣ, что в Церквѣ обрѣтаетца, внести с пространнымъ толкомъ, такожъ приложити, когда і отъ кого і чего ради в Церквѣ что внесено.

Въ 19 де. Апрѣля 1724 г. Записано.» (Законодательные акты 1945, 143-144).

Кроме замечания о двух языковых вариантах, для городских и для сельских жителей, Петр предлагает создать универсальную книгу, на различные темы. Она должна была включать и катехизис с толкованиями («о законе божием»), и информацию по истории страны («предания отеческие») и какие-то распространенные бытовые вещи («о вещах средних»), все изложено коротко и ясно, без лишних «пустых» добавлений. По сути, энциклопедия для того времени, обязательно начинающаяся с катехизиса, цель которой – минимальный, но необходимый уровень знаний, ликвидация пробелов в этом. Данный указ Феофан Прокопович передал сразу дальше:

«Указ Петра I Свят. Синоду, переданный арх. Феофаном Прокоповичем, о немедленном сочинении, для поучения людям, книг о непреходящем законе божием, о преданиях отеческих и о вещах средних, от 19 апреля 1724 года.

1724 г. апрѣля въ 20 день в Свят. Правит. Синодѣ синодальной вице-президентъ преосвященный Феофанъ, архіепископъ псковскій и нарвскій, объявилъ писменное от Е. Им. В. к лицу Синода о сочиненіи краткихъ людямъ поученій повелѣніе, безъ подписанія Е.В. ему, вице-президенту данное.

И при томъ сказалъ имянной Е. Им. В. указъ, что сего апрѣля 19 числа Е.В., всепресвѣтлейшій, державнѣйшій государь, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, будучи в Преображенскѣ, отдавъ ему оное письмо, указалъ о непремѣнномъ законѣ божіи, и о преданіяхъ отеческихъ, и о вещахъ среднихъ и о прочемъ, что в томъ писмѣ воспоминается, сделать книги немедленно. Феофанъ, архіепископъ псковскій.» (Законодательные акты 1945, 144).

Кстати, подготовка к созданию книги, содержащей в себе начальные знания по религии, истории и повседневной жизни проводилась Петром, о чем свидетельствует следующий указ:

«Указ Петра I Сенату об издании указа и определения о посылке во все монастыри Российского государства сведущих людей для просмотра и извлечения древних рукописей и книг исторических, от 16 октября 1720 года.

Вѣденіе из Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Высокоправительствующему Сенату. Сего 1720 г., октября 16 дня, Е. Ц. В., в бытность высокою особою своею в апартаментахъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ при подписаніи жалованной грамоты в Кіево-Печерской монастырь на ставропигию, соизволивъ повѣлеть по имянному своему Ц. В. указу, чтобъ в приходящую зиму сего году послать нарочныхъ во всѣ монастыри, обрѣтающіяся в Російскомъ государствѣ, для осмотра и забранія древнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ куриозныхъ писемъ оригинальныхъ, такожъ книгъ историческихъ, рукописныхъ и печатныхъ, какіе гдѣ потребны ко извѣстію найдутца. О чемъ Высокоправит. Сенату симъ сообщается для того, дабы по вышеписанному Е. Ц. В. имянному указу о посылке во всѣ монастыри кого пристойно для осмотра и забранія помянутыхъ древнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ куриозныхъ писемъ и книгъ историческихъ Е.В. государя указъ и определение учинить в Высокоправит. Сенате.

Канслѣръ графъ Головкинъ. Подканцлеръ баронъ Петръ Шафировъ. Иванъ Юрьевъ. Регистраторъ Степанъ Никитинъ.

В Санктъ Питербурхѣ ноября 16 дня 1720» (Законодательные акты 1945, 86-87).

Сложности с различными вариантами письменного языка понимали и пиетисты – после пребывания первых галльских миссионеров в России, после написанной Г.В. Лудольфом грамматики (о ней см. гл. 3.2.2.2.1), активно используемой впоследствии в Галле и для обучения и для переводов (Менгель 2010, 45-46). В этой грамматике автор объяснял, почему в России говорят на одном языке, а пишут на другом. Целью пиетистов был перевод Библии и душевспасительной литературы не на церковнославянский, а на русский язык, понятный простым верующим, что опять же перекликается с указом Петра от 19.04.1724.

Переписка сотрудников Франке, особенно находящихся в России, говорит о том, что концепция перевода на русский язык была заложена с самого начала. Например, на это указывает письмо Бютнера (J.Ch. Bütner) из Москвы, адресованное А.Г. Франке от 20.11.1710:

„Ich habe zum Besten einige Stücke aus dem Neuen Testamente ausgelegt und sie in die gemeine rußische Sprache übersetzen laßen.¹²⁰ Sintemal die slavonische, welche in gedruckten Büchern stetz gebraucht wird, von dem gemeinen Volk nicht kann verstanden werden in ihrer völligen Cohaerenz. Zu wünschen wäre es, daß dergleichen Scripta, welcherley ich alhier verfertigen müßen, möchten in Vollständigkeit und mit deutlichem lateinischen Stilo in Druck kommen, sodaß sie insonderheit den falschen Gottesdienst der Rußen und Armenianer zeigten und angriffen, den wahren Dienst Gottes hingegen klärlich fürstellen.“ (Winter 1953, 387).

В отношении России главной целью для пиетистов стал не столько перевод душеспасительной литературы, сколько самой Библии – на русский язык, не на церковнославянский, о чем они старательно хлопотали:

„Der Herr Oberst hat es Ihre Kais. Maj. vorgelegt. Sie hat auch den Vortrag sich gnädigst gefallen lassen und gesagt, sie wolle es dem Synodo vortragen, weil sie in ecclesiasticis ohne diesen wie in civilibus nichts ohne des Senats Approbation vorzunahmen willens ist. So viel meint auch der H. Obriste Nachricht zu haben, daß der Synodus in einen Bibeldruck willigen werde, aber nicht anders, als daß er allhier am Orte von Russen geschehe, weil sie sich einer Korruption besorgten, auch außer dem Lande die Korrektur nicht besorgt werden könnte und über dieses auch die altrussischen Lettern in theologischen Büchern müßten beibehalten werden. Worauf ich dem H. Obristen erwiderte, was die Lettern anlangte, so wäre es einerlei, ob man die alte oder neue Art derselben gießen ließe, welches doch aus Mangel derselben geschehen müßte. Die Schwierigkeit wegen der Korrektur oder befürchteten Korruption könnte leicht abgeholfen werden, wenn ein paar Hieromonachi von der russischen Kirche nach Halle geschickt würden, weil der Zweck, durch einen hiesigen Druck die Bibel um einen mäßigen Preis dem gemeinen Volke in die Hand zu bringen, nicht möglich. Das Neue Testament mit gespaltenen Kolumnen, davon die holländische Übersetzung in Amsterdam, [...] ¹²¹ die slavonische aber (denn in russischer Sprache ist noch keine vorhanden, wird auch zu machen nicht erlaubt) wurde bei meiner neulichen Nachfrage in hiesiger Druckerei für 10 Rubel geboten. [...] Wäre der vorige Erzbischof von Nowgorod wegen vieler Verbrechen nicht in Ungnade gefallen, daß er anfänglich ins Exil und kürzlich wegen noch mehr übler Unternehmungen eingemauert worden, so hätte die Sache vielleicht eher können ins Werk

¹²⁰ Из многочисленных писем, приведенных в этой работе, видно, что многие сотрудники А.Г. Франке, находившиеся в России и владеющие русским языком, присылали ему свои манускрипты – трактаты, переводы из Библии, словари, труды по грамматике, с целью издания этого в Галле. Ведь было известно, что у Франке имеются кириллические буквы, а наряду с ними и других алфавитов, поэтому издание, например, словаря, можно было организовать без труда. Но ничего из этих работ не было издано в Галле, по крайней мере, нам не известно о других изданиях, кроме указанных в гл. 3.2.2. Все это, вероятно, архивировалось и «ждало своего часа». Архивироваться могло по тематике – например, словари из разных стран, от разных миссионеров складывались в одну папку, или по стране нахождения – работы разных людей, но из одной страны, также складывались вместе. Последний вариант можно наблюдать на папке J 25^b (см. гл. 3.2.2), которая содержала:

„NB. Russische Frag=stücke sind in diesem involuoro nicht, sondern Nr. 1 ist eine chronologische Tabelle von Erschaffung der Welt an [...]; Nr. 2 sind 6 blätter Russischer Zeitungen [...]; Nr. 3 Das ist langer Gedenckgebet ist in alter russischer Sprache [...]; Nr. 4 Die Anmerckungen über Russischen Frag=Stücken gehören also hierher gar nicht, sind in dt. geschrieben [...]; Nr. 5 die 2 & 4 blätter von den griechischen Particula sond wol nur [...] hier beygelegt worden“ (Mengel 2003, 306).

Перечень документов папки показывает, что она была создана только для русскоязычных документов. В противном случае написано, что документ не подходит для этой папки.

Что касается русских переводов, то пиетисты искали грамотного человека – по теологии и по языку, это должен был быть обязательно русский, т.е. рожденный в России человек, получивший качественное теологическое образование, тоже в России. Он смог бы приехать в Галле, для обучения, а также заняться переводом или редактированием уже накопившегося русскоязычного материала. И такой человек был впоследствии найден.

¹²¹ Здесь пропущено автором статьи (Wotschke 1930b).

gerichtet werden,¹²² weil er sonst sehr beförderlich gewesen in Kultivierung der Nation.¹²³ [...]“ (G. Pietschmann¹²⁴ an A.G. Francke aus Petersburg am 15.01.1726, Wotschke 1930b, 115-116).

Позднее, во времена Тодорского, представления о языке перевода не изменились, об этом также говорят и письма тех лет – немногие свидетельства, сохранившиеся до наших дней. Здесь приведены отрывки из двух писем, авторы которых – немцы, проживающие в России, а в отрывках показано их отношение к переводу Арндта.

В первом письме свое отношение к переводу высказывает Г.Ф. Вайзе (Georg Friedrich Weise), пиетист из Галле, служивший пастором в Астрахани, позже ставший главным школьным инспектором Сиротского Дома:

„Letzthin ist mir Arndts Wahres Christentum ins Russische übersetzt und in Halle gedruckt von Petersburg nebst anderen Büchern mit zugesendet worden. Ob ich nun gleich nicht viel russisch verstehe, so dünkt mich doch, es sei in der Vorrede vergessen worden, man habe es sonderli den Deutschen zu Gefallen, die lange in Russland wohnen und die daher guten Theils wenig deutsch verstehen, in die russische Sprache übersetzen und drucken lassen“ (G.F. Weise aus Astrachan' an G.A. Francke am 15.07.1739, Wotschke 1930a, 86).

В отношении языка перевода показательным письмом Б.А. Селлиуса (Burchardt Adam Sellius), пиетиста из Галле, прожившего в России много лет и знавшего как русский, так и церковнославянский язык. Он прекрасно понимал проблемы, связанные с переводом на русский язык и четко различал оба языка:

„[...] ich übte mich ziemlich in der gemeinen rußischen Sprache, dabey aber für die slavonische einen halben Abscheu, wenigstens im Reden und Schreiben bekam [...]“ (Winter 1953, 413).

Его мнение представляется важным еще и потому, что он жил в монастыре, т.е. в той среде, где церковнославянский использовался в наибольшей степени. Именно благодаря общению в этой среде, Селлиус считает, что было бы лучше, в России распространять книги Арндта без имени автора оригинала и без указания места печати (Галле), т.к. это вызывает подозрение у православных монахов, а также сглаживать религиозные противоречия, в переводе Арндта бросающиеся в глаза. В письме 1737 г. из Москвы, адресованном Г.А. Франке, Б.А. Селлиус пишет по поводу перевода книг Арндта Тодорским следующее:

„Verwichen Jahr hatte ich die Ehre, bey einem Ausländer ein aus Halle übersandtes, wiewol annoch unvollkommenes rußisches Exemplar von Arnds Wahres Christentum durchzulesen, da wir freylich eines und das andere gefunden, welches der rußischen Religion garzu contraire, da man doch solche Plätze wohl ein wenig hätte mindern oder verändern können. Dazu kam annoch, daß man des Urhebers Namen und locum impressionis vergeblich hinzugesetzt, da man beßer gethan, wen man solche weggelassen, welche Umstände den glücklichen Fortgang des Buchs hauptsächlich gehemmet.“ (Winter 1953, 413).

¹²² Впавший после кончины Петра I в немилость Прокопович, ставший жертвой «церковных интриг», затормозил по времени планы пиетистов о печатании русскоязычной литературы. Только с вошествием Анны (с 1730г.) ему удалось вновь обрести силу, чем и попытались воспользоваться пиетисты.

¹²³ Миссия пиетистов как культурная революция.

¹²⁴ Gottfried Pietschmann – один из учеников А.Г. Франке, был послан в Петербург в 1725 году. До этого уже проработал 17 лет воспитателем, всегда оставаясь в тесном контакте со своим учителем. В Петербурге Пичманн поступил к вице-адмиралу Крюйсу домашним священником и приобрел большие связи среди влиятельных людей Петербурга, т.к. у Крюйса бывали многие (Wotschke 1930b, 113).

И далее, в том же письме, уже о языке перевода, Селлиус пишет:

„Wann dem aber so seyn soll, warum bedienet man sich dann der denen heutigen Russen und insbesondere dem gemeinen Manne so schweren schlavonischen und nicht vielmehr der weit leichtern schlechten und gemeinen rußischen Schreib-Arth. Ich kenne sehr viele gemeine Russen, die sich beklagen, daß die Übersetzung zu hoch herauskommen, sie könnens nicht verstehen; ihre schlavonische Sachen verstehen sie wohl, weil sie allezeit einerley haben, allein dieses ist ihnen etwas Neues, Fremdes und unbekannt, die vorgetragene Materien, Wörter und Redens-Arten sind ihnen fremd, dabey so bedienet man sich fast einer dialectischen Übersetzung o.g. Arnds Wahres Christenthum ist ucrainisch-schlavonisch; beßer wenn es rußisch-schlavonisch, am besten wenn es rein rußisch wäre, wie die Uloschenie [...] allein so dienen solche biß anhero herausgegebene Bücher allein nur für die geübtern, der gemeine Mann kanns nicht verstehen. Deswegen zu wünschen, daß die inskünfftige zu edirende Bücher in der gemeinen rußischen Sprache möchten verfasset werden, so würden sie viel angenehmer seyn und mehr Früchte bringen.“ (Winter 1953, 414).

В этом отрывке объясняется, для чего нужен именно русский, а не церковнославянский язык, прежде всего в подобных книгах: новые понятия, распространенные в пиетистской литературе, но чуждые православному читателю, трудно объяснить на церковнославянском, для этого необходим свой, родной язык, на котором говорят с рождения.

Свои лингвистические воззрения Селиус собирался изложить в грамматике русского языка:

„Meine Absicht gehet anjetzo dahin, daß ich eine reine rußische Grammatic verfertige, eine rußische Kirchenhistorie sammle, Harmoniam und Discrimen der rußischen und evangelischen Kirche untersuche.“ (Winter 1953, 414).

Если рукопись этой грамматики существует, то она неизвестна научной общественности и может представлять интерес. Селлиус, подстригшийся в монахи под именем Никодим в конце 30-х гг. XVIII в. в монастыре Александра Невского в Петербурге, оставил после себя библиотеку. Винтер высказывал предположение, что в наследии Селлиуса мог быть и манускрипт его грамматики (Winter 1953, 236). Но Селлиус был не единственным иностранцем, имеющим отношение к Франке и его окружению, который пытался описать русский язык на научной основе при помощи составления грамматики.

3.2.2.2.1 «*Grammatica Russica*» Г.В. Лудольфа. Деятельность Лудольфа как инициатора немецко-русских связей

Грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, являющаяся первой грамматикой русского языка, была напечатана в Оксфорде¹²⁵ в 1696 году. Незадолго до этого Лудольф около двух лет провел в России,¹²⁶ где изучал русский язык,¹²⁷ а также

¹²⁵ Вероятно, при содействии лондонского СПСК, т.к. Г.В. Лудольф был членом этого общества (Simmons 1950, 117).

¹²⁶ Лудольф находился в Москве весь 1693 г., но, возможно, что и часть 1692 и 1694 гг.. Во время своего пребывания в России Лудольф вел дневник, который еще находился в архиве Франке в 30-ые годы XX века, во время изысканий Чижевского в Галле: „[...] ein Tagebuch seiner (Ludolfs) Reise ist in Halle vorhanden, leider recht knapp und defekt“ (Čuževskýj 1939, 23). Чижевский даже приводит сигнатуру дневниковых записей Лудольфа – А 112b. Но, к сожалению, дневник был утерян, вероятно, во время Второй мировой войны. Тетцнер указывает на отсутствие дневника и писем Лудольфа непосредственно

получил представление о церковнославянском. Он различал эти два языка и понимал необходимость создания не только славянской,¹²⁸ но и русской грамматики, о чем и написал в предисловии к своему труду:

«В России есть не одно издание Славянской грамматики, но для иностранцев она мало пригодна. Она написана главным образом для Русских, изучающих Славянский язык, поэтому грамматические правила там не приводятся ни на каком иностранном языке, и самая грамматическая терминология скорее затемнена там, чем разъяснена славянскими наименованиями [...] Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи... Но точно также как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам не пользуясь Славянским языком, так и наоборот, – в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым изучаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски. И большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так как они должны писаться по правилам Славянской грамматики, напр, пишут сегодня (*segodnia*), а произносят севодни (*sevodni*). Тем не менее я решил в этой моей грамматике и в диалогах передавать слова такими буквами, которые обозначают именно те звуки, которые слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, *кто хочет научиться разговорному русскому языку.*» (Ларин 1937, 112).¹²⁹

Этими словами Лудольф как иностранец и сторонний наблюдатель очень точно охарактеризовал языковую ситуацию, сложившуюся к началу XVIII века в России. Русский язык знали все, а церковнославянским владели только образованные люди и в зависимости от степени этой образованности (большей или меньшей) могли применять церковнославянский язык на практике, в письме или устной речи. Очень хорошо подметив указанные языковые различия, Лудольф призывал в своем вступлении к развитию именно разговорного языка. К развитию письменному, к изданию на нем литературных произведений. Кроме того, Лудольф, еще до реформы гражданского алфавита и введения Петром I нового шрифта для издания книг гражданской тематики, рекомендует использовать для печатных изданий шрифт, который использовался для издания его грамматики, близкий к графической форме латиницы:

из России (Tetzner 1955, 26, сноска 2). Поэтому пребывание Лудольфа в России восстановлено по поздним его письмам, записям в русских архивах, по свидетельствам других участников событий.

¹²⁷ По утверждению Винтера, Лудольф начал изучать русский язык в Литве, в 1692 г., еще до прибытия в Россию (Winter 1953, 200). Но Бауманн в своей статье сообщает, что перед поездкой в Россию Лудольф-младший длительное время находился у своего дяди, Х. Лудольфа (хорошо владевшего русским языком), во Франкфурте на Майне, что и объясняет некоторое знание Лудольфом-младшим русского языка (Baumann 1958, 92).

¹²⁸ т.е. грамматики церковнославянского языка (русского извода).

¹²⁹ Цитируется по изданию Б.А. Ларина 1937 года (Ларин 1937; см. также Ларин 2002), который выполнил прекрасный перевод с латинского грамматики Лудольфа, а также посвятил труду Лудольфа свою работу «Русская грамматика Лудольфа 1696 года», в которой не только подробно рассказал об авторе грамматики, но и оценил ее с точки зрения языка.

«Итак, вероятно моя работа принесет некоторую пользу тому или другому из тех многочисленных иностранцев, которые имеют нужду приезжать в Россию не только по торговым и политическим делам, но и по делам иностранных церквей, существующих по милостивому царскому разрешению и в порте Архангела и в Вологде и в самой Москве. К тому же, может быть, этот пример убедит Русских что можно печатать некоторые вещи и на народном наречии. Ведь только к пользе и славе Русской Науки может послужить это, если они, по примеру других народов, начнут культивировать собственный язык и издавать на нем хорошие книги. Можно надеяться, что Патриарх окажет этому содействие, так как он проникнут похвальным желанием поощрять развитие литературы. Он, в этих целях, заказал в Голландии греческий шрифт тому же мастеру, который изготовил славянский шрифт этой книги для Оксфордской Академии». (Ларин 1937, 114-115).

Необходимость создания грамматики русского языка была продиктована также и нежеланием или невозможностью (именно по причине отсутствия грамматики русского языка) освоить язык в полной мере иностранцами (преимущественно немцами), проживающими в Москве, в Немецкой Слободе. Выходцы из Германии, родившиеся в Москве, уже второе или третье поколение, хотя и вступали в православную веру, но русский язык учили неохотно. Владая им в устной форме, записи производили по-русски, но латинскими буквами:

«Многие из них, и прежде всего те, кто представлял собой второе и третье поколение «московских иноземцев», родившихся и выросших в России, умели говорить по-русски, писали на ломаном русском языке латинскими буквами, а некоторые достаточно хорошо владели русской грамотой, как П.А. Койет, И.П. Тамес, Д.Н. Рыц, Т.Т. Левкин, Е.Р. Мейер, Я.В. Брюс и др.» (Ковригина 1998, 353).

Это замечание о том, что записывали русский текст иностранцы, проживающие в Москве, все-таки латинскими буквами, косвенно подтверждает высказывание Д. Чижевского об общехристианской миссии пиетистов в России, рассчитанной не только для «своих», евангельского вероисповедания, соотечественников, но и для православных русскоязычных христиан (Čuževskýj 1939, 18, см. гл. 3).

О заинтересованности Лудольфа в издании религиозной литературы именно на русском языке можно узнать из его писем. Например, в письме к А.Г. Франке от 07.09.1700 из Гааги он сообщает:

„Ich bin auf die Gedancken gerathen, es könnte großen Nutzen schaffen, wenn man einen ganz kurzen Catechismus scriptualem, nur von ein paar Bogen in allerhand Sprachen, so in der orientalischen Kirche gebräuchlich, drucken ließe; darin die Kernsprüche göttliches Worts zur Antwort auf die Frage angeführet würden, oder aber auch dergleichen dicta, sowohl in lingua literali als vulgari in 2 Columnen gedruckt. Were nun dergleichen Wercklein aufgesetzt, könnte man sehen, ob es zu Amsterdam auf Russisch und zu Oxford auf Griechisch gedruckt werden mögte.“ (Tetzner 1955, 122-123).

Блестящая идея Лудольфа – печатать духовную литературу одновременно на двух языках, в два столбца, чтобы можно было сравнивать оба текста, что дало бы возможность малограмотным русским пытаться прочесть и по-церковнославянски, а наличие русского текста облегчило бы понимание.

До грамматики Лудольфа 1696 г. уже были напечатаны грамматики славянского (т.е. церковнославянского) языка, но грамматики именно русского языка (правда, Лудольф написал свою для иностранцев, а не для русских) еще не было. В библиографическом сборнике, изданном в 1682 году: M. Martini Lipenii. Bibliotheca

Realis Philosophica omnium materiarum, rerum & titulorum. Frankfurt a. M. – на с. 964 под заголовком „Moscovitica lingua“ упоминается „Elementa Linguæ Russicæ.“¹³⁰ Но никаких подробностей об авторе, годе или месте издания не дается. Ларин считал эту грамматику потерянной:

«Однако, пока эта русская грамматика (Elementa Linguæ Russicæ) не найдена, работа Лудольфа остается первым учебником русского языка для европейцев. Указание М. Липения остается загадочным, а книгу Лудольфа мы по-прежнему можем называть первой научной грамматикой русского языка, если это кому-нибудь нужно, чтобы серьезнее и толковее отнестись к ней.» (Ларин 1937, 7).

В своей грамматике, состоящей из двух частей – непосредственно грамматики русского языка и прилагаемого к ней разговорника, Лудольфу удалось схематично описать разговорный язык Московской Руси. Он предпринял попытку систематизировать русский язык, найти в нем закономерности и привести их в стройную систему. Ведь в России до середины XVIII века, т.е. более пятидесяти лет после написания грамматики Лудольфа, не было грамотного и четкого описания языка. В своей грамматике Лудольф противопоставляет русский язык церковнославянскому и указывает границы различий между двумя языками. Граматику Ильи Копиевича „Manductio in grammaticam in Sclavonico-Rosseanam“, изданную в Амстердаме в 1706 г., Ларин характеризует как «очень слабое подражание книге Лудольфа» (Ларин 1937, 24).¹³¹ И только грамматику Федора Максимова, изданную в Великом Новгороде в 1723 г., Ларин, знакомый с указанными сочинениями, сравнивает по значению с грамматикой Лудольфа и выделяет из всех других грамматик доломоновского периода.

Свою грамматику Лудольф посвятил князю Борису Алексеевичу Голицину, родственнику Петра I. Сам Лудольф объясняет свое посвящение так:

«Светлейший и Высочайший Князь, Так как я сам был очевидцем Твоей особой милости и просвещенной благосклонности к иностранцам, то решился посвятить Твоему Высочеству этот учебник русского языка.» (Ларин 1937, 109).

Кроме основного, существует также и особое, так называемое «подносное» издание, в котором грамматика отсутствует, а есть только вторая часть – разговорник с диалогами, словарем и добавленными некоторыми военными терминами. Это особое издание посвящено не князю Голицину, а Петру I. Биографы Лудольфа сообщают о личном знакомстве Лудольфа с царем. В экземпляре грамматики, присланной в Москву в 1696 году и хранящейся в «Петровской галерее» Библиотеки Академии Наук, имеется запись, сделанная, вероятно, Петром I: «Книга вакабулы руския з голанскими.¹³² Поднесена от Андрея Вилгелма Лудолфа в 1696 году» (Ларин 1937, 9-10). Лудольф сам себя в подносном издании для Петра I именует как «**Смирѣннѣиши рабъ Яндрѣшка Виллѣмка Лѣдольфъ**»¹³³ (Unbegaun 1959, 99).

¹³⁰ Копию указанной страницы см. в *Приложении 2*.

¹³¹ Такого же мнения придерживается и Ф. Состон (Состон 1966, 116).

¹³² «3 голанскими» – вероятнее всего, имелось ввиду происхождение литер для печати, они были отлиты в Голландии.

¹³³ Подписываться уменьшительными именами в прошениях и обращениях к царю как, например, Ивашка, Петрушка и т.д., Петр I запретил специальным указом от 03.01.1702, известным как «Указ Петра I о воспрещении всяких чинов людям, в том числе людям боярским и крестьянам, в своих челобитях царю и всяких письмах писаться полуименами, с повелением подписываться полным именем и

Удивительно, что за такой короткий срок пребывания в России Лудольф не только освоил русский язык, но был в состоянии определить различия между русским и церковнославянским языком, что относится уже к языковым тонкостям. Лудольф был человеком гуманитарной направленности, способным к языкам, потому как русский был не единственным иностранным языком, который он изучил.

«Лудольф был полиглот, совершенно исключительный для своего времени. Кроме родного немецкого – он с высоким совершенством владел еще английским языком, на котором написал большую часть своих сочинений. «Русскую грамматику» он написал по латыни. Его латынь совершенно безукоризненна, больше того, он мастер латинского стиля. [...] Кроме того, он слышет знатоком древне- и ново-греческого, древне-еврейского, арабского и турецкого.» (Ларин 1937, 28).

На языковую деятельность Лудольфа, как на теоретическую (различия между церковнославянским и русским), так и на практическую (знание русского языка), большое влияние оказал его дядя, Хиоб Лудольф (Hiob Ludolf 1624-1704), специалист по восточным языкам, но также и знаток славянских языков. Вообще, Х. Лудольф к концу жизни мог писать и говорить на 25 языках (Baumann 1958, 86). Относительно его знаний славянских языков Х. Бауманн сообщал следующее:

„Hiob Ludolf hat in seinem Leben außer dem Kirchenslawischen, dem Polnischen und dem Russischen weitere slawische Sprachen betrieben. Aus seinem Testament im Stadtarchiv zu Frankfurt am Main und aus den Akten der Stadt- und Universitätsbibliothek von Frankfurt, die ein wertvolles Büchergeschenk von ihm erhielt, geht hervor, dass Hiob Ludolf Bücher in sieben slawischen Sprachen besessen hat: Kirchenslawisch, Russisch, Polnisch, Tschechisch, Serbisch, Kroatisch, Slowenisch. Das ist ein überzeugender Beweis für den oft gebrauchten Satz, dass die Orientalistik die Mutter der Slawistik war.“ (Baumann 1958, 93).

Что касается Лудольфа-младшего, то цель написания его грамматики представляется неоднозначной. Ларин в своем исследовании высказывает предположение, что Лудольф был послан английским двором с определенной целью, политического или хозяйственного характера (Ларин 1937, 10). Быкова и Гуревич (Быкова/Гуревич 1958, 313) утверждали, что в печатании русской грамматики был заинтересован бургомистр Амстердама Николай Витзен, в доказательство чего цитировалось письмо Лудольфа от 25 ноября 1694 года:

«[...] я имел удовольствие почти обещать ему (Витзену) приготовить для печати краткую русскую грамматику со словарем и с наиболее употребительными идиомами, если только она будет напечатана на средства кого-нибудь другого. Ветстейн¹³⁴ как будто не возражает против этого, если я смогу помочь ему славянским шрифтом.» (Быкова/Гуревич 1958, 313).

После московской поездки Лудольф активно путешествовал – был в Турции, Палестине, Италии, несколько раз в Амстердаме. Но и позже продолжал интересоваться контактами с Россией:

«Позднейшие письма Г. Лудольфа, найденные проф. Е. Шмурло в Ватикане, в бумагах Ив. Пастрича, лектора в „Collegio de Propaganda“, показывают, что он продолжает еще в

фамилией», который предписывал «писатца цѣлыми именами с прозваниями своими, а полуименями никому не писатца» (Законодательные акты 1945, 162).

¹³⁴ Издатель и типограф в Амстердаме.

1703 и в 1705 г.г. живо интересоваться русскими делами. [...] Его личные интересы были особенно живо сосредоточены на вопросе об объединении всех вероисповеданий, об организации на началах широкой терпимости единой мировой церкви. [...] Характерно, что в одном из писем к Пастричу он прерывает свои богословские рассуждения такими отступлениями: "Славянский словарь Спарвенфельда не был напечатан в Амстердаме, как предполагалось; некий Илья Копиевич, белорус, напечатал в Амстердаме, по царской привилегии различные русские книги и, между прочим, русско-латинскую грамматику, предназначенную для обучения латинскому языку русских.¹³⁵ Доктор Бургиус, генеральный суперинтендант Ливонии в Риге ведет переговоры с упомянутым Копиевичем о переезде его со своей типографией в Швецию для печатания словаря Спарвенфельда за счет короля. Д-р Бергиус, будучи еще раньше суперинтендантом в Нарве, овладел русским языком и написал небольшую книгу на латинском языке о русской церкви, где содержится много подробностей о раскольниках или схизматиках русской церкви, многие из которых идут на сожжение из-за различия в сложении пальцев для крестного знамения. Один знатный москвич говорил мне, что в Москве печатается Славяно-латино-греческий словарь, составленный Спафарием, царским толмачем, которого царь Алексей Михайлович посылал в Китай."» (Ларин 1937, 11).¹³⁶

С А.Г. Франке Лудольф связался год спустя после своей поездки в Россию¹³⁷ и очевидно, уже после создания грамматики. Лудольф был наслышан о Франке и созданной им школьной системе, а также лично встречался в 1682 г. со Шпенером, духовным вдохновителем и учителем Франке. В своем первом письме к Франке из Лондона (14.10.1695) Лудольф представил Франке свою программу для России. Он считал, что благодаря реформаторской политике русского царя, а также его благосклонности по отношению к иностранцам в России сложились благоприятные предпосылки для создания Универсальной церкви (Universalkirche – universa ecclesia), основой которой могут послужить сначала образованные в России лютеранские общины и школы. Для этого, как полагал Лудольф, необходимо прислать из Германии священника, о чем уже просил и царский лекарь Блюментрост. Лудольф сообщает дальше в указанном письме, что он уже заручился поддержкой Шпенера, которого обрадовало предложение Лудольфа (Tetzner 1955, 64-65). Идея с Универсальной церковью исходила, вероятно, опять же от Хиоба Лудольфа, который еще во второй половине XVII в. мечтал о распространении евангелическо-лютеранской культурной миссии в России и даже предпринимал попытки ее реализации.¹³⁸ Лудольф-младший также попытался реализовать идеи своего дяди, о чем и информировал Франке в указанном письме.

Для поездки в Россию Франке выбрал Юстуса Шаршмидта (Justus Samuel Scharschmid). В феврале 1696 года Лудольф посылает Шаршмидту список своих друзей, проживающих в Литве и России, а также рекомендательные письма (Tetzner 1955, 65). Это должно было облегчить начало пребывания посланника Франке в России. В своем первом письме к Франке Лудольф также высказывает просьбу о личном общении с тем человеком, которого Франке выберет для поездки в Россию. Вероятно, Лудольф хотел дать ему несколько уроков русского языка. Но этого не

¹³⁵ Ларин в своей работе сообщает, что литеры по голландскому образцу, рекомендованные Лудольфом, были отлиты в 1696 году, а в 1698 году Петр I лично посетил Оксфорд во время своей поездки в Англию и, вероятно, ознакомился с работой типографии. После этого, в 1699-1700 гг. по приказу Петра Копиевич организовал в Голландии типографию и занялся изданием русских книг, словарей и учебников (Ларин 1937, 12).

¹³⁶ Ларин относил это письмо к 1705 г.

¹³⁷ Э. Винтер считает первым письмом Лудольфа к Франке письмо от 14.10.1695 (Winter 1953, 39).

¹³⁸ Подробно об этом см. Вауманн 1958.

случилось, и поэтому Лудольф смог послать Шаршмидту только свою грамматику (Salomies 1936, 117; Tetzner 1955, 65).

Кроме того, Лудольф впервые в Европе прочитал университетский курс русского языка в зимнем семестре 1698/99 гг. в университете в Галле. В связи с пребыванием Лудольфа в Галле Франке так писал своему первому посланнику в Россию, Шаршмадту, находившемуся тогда в Нарве:

„Dies ist ein Mittel,¹³⁹ wodurch man der ganzen Nation nachdrückliche Dienste leisten kann. H. Ludolf ist jetzo hier und wird noch etliche Monate hier bleiben. Er unterrichtet einige in der russischen Sprache methodo facillima. Sollten also Russen zu uns kommen, so werden sie schon solche finden, die Ihre Sprache verstehen“ (Wotschke 1930a, 55).

Перед своим длительным путешествием на Восток он провел здесь несколько месяцев и занимался в это время русским языком не только лично с желающими обучиться языку,¹⁴⁰ но и усиленно писал письма немецким пиетистам в Россию частично на русском языке, частично с параллельным переводом:

„Aus Halle schreibt dann Ludolf an seine Freunde in Rußland eine Reihe von Briefen, teils nur in russischer Sprache für Fortgeschrittene, teils mit Übersetzungen, teils mit hinzugefügten Erklärungen von schwierigen Stellen. So wird von Halle 1698 sogar ein Fernunterricht in russischer Sprache für die in Rußland weilenden Freunde und Mitarbeiter begonnen. Es werden besonders Gosen und Peter Coyet als Adressaten erwähnt. Der Apotheker Gosen antwortete wieder in russischer Sprache aus Moskau“ (Winter 1953, 201).

Итак, Лудольф является одним из инициаторов начала работы пиетистов в России в конце XVII – начале XVIII вв., разработчиком программы действий в России, важным посредником между Франке в Галле и СПСК в Лондоне, первым преподавателем русского языка в Галле, инициатором создания в Галле славянской библиотеки и Collegium Orientale.¹⁴¹ Русская грамматика, а также письма Лудольфа к Франке и другим, с его программой для реализации ее в России, письма, в которых он беспокоится о развитии событий (посылка миссионеров в Москву и т.д.), дает советы, пишет рекомендации для лучшего устройства посланников Франке, агитирует русских, и не только в России, ехать на учебу в Галле¹⁴² раскрывают Лудольфа как человека, глубоко заинтересованного в реализации идей пиетистов в России, как идейного вдохновителя миссионерских планов, реализатором которых и стал А.Г. Франке. Инициатором связи пиетистов с Россией считал Лудольфа также и Чижевский:

„Der Mann, der Francke auf die russische Kirche und russische Sprache aufmerksam gemacht hat, war der uns schon bekannte W.H. Ludolf.“ (Čyževskýj 1939, 23).

Благодаря деятельности Лудольфа, в первую очередь это касается написанной им грамматики русского языка, был сделан первый шаг для улучшения знания русского

¹³⁹ В письме речь идет о русских студентах, которых необходимо присылать на обучение в Галле (Wotschke 1930a, 55).

¹⁴⁰ А.Г. Франке тоже посещал занятия Лудольфа, также сохранилась и их последующая переписка, где Лудольф часть писем дописывал по-русски.

¹⁴¹ Последние два факта подчеркивает Бенц в своей статье (Benz 1954, 79). Брентъес также утверждает, что Лудольф первый посоветовал Франке работать в России (Brentjes 1983, 9).

¹⁴² „Eine nicht geringe Werbekraft für Halle hat vor allem H.W. Ludolf bereits am Ende des 17. Jahrhunderts ausgeübt. Alle die Russen, die er in ihrer Heimat oder auch in Holland, England oder Dänemark kennenlernte, verwies er stets nachdrücklich nach Halle. So kamen in den Jahren 1698, 1699 und 1700, also bald nach Ludolfs russischer Reise, sehr angesehene Russen nach Halle“ (Winter 1953, 100).

языка в средней и западной Европе иностранцами. Грамматикой Лудольфа пользовались впоследствии, на протяжении первой трети XVIII в. при подготовке людей для России, при изучении русского языка и для перевода пиетистской литературы на русский язык (Менгель 2010, 46).

3.2.2.2.2 «*Grammatik der russischen Sprache*» Й.Э. Глюка и «Славяно-русская грамматика» И.В. Пауса

Кроме грамматики Лудольфа в этой работе будут приведены еще два труда – также немецких авторов, имеющих отношение к окружению А.Г. Франке – это работы Й.Э. Глюка и И.В. Пауса.

Грамматика пастора Глюка, написанная им по-немецки, вероятно, в период с 1703 по 1705 г., хранится в библиотеке Российской Академии наук и называется:

„Delineamenta D[omi]ni Praepositi Glukii, quae de Rutenica Grammatica duxit magno hinc inde hiatu. De Etymologia prima Grammatices parte vide alibi hic t[ame]n de Conjugatione et Syntaxi quaedam consignata videbis“ (Keipert, Uspenskij, Živov 1994; Glück/Polanska 2005, 109).

В.М. Живов нашел еще один экземпляр этой грамматики, написанный другим почерком, в Московском историческом музее и на основании водяных знаков стало возможным установить примерную дату написания рукописи – между 1695 и 1705 гг..

Благодаря изысканиям Б.А. Успенского были определены авторы рукописей: хранящаяся в библиотеке РАН принадлежит руке Пауса, а хранящаяся в Историческом музее написана пастором Глюком.

На время создания грамматики Глюка указывает и его письмо от 08.03.1704, адресованное Франке:

„Eine recht umständliche rußische Grammatica habe ich auf Verlangen eines vornehmen Ministri d’Etat unter Händen und bis über die Helfte fertig, damit soll durch Gottes Gnade denen Ausländern zu Erlernung dieser Sprache wol gedienet seyn“ (Winter 1953, 374).

Грамматика Глюка, незаконченная по причине его скоропостижной смерти в 1705 г., была издана впервые только в 1994 г. (Keipert, Uspenskij, Živov 1994). Причем для издания была использована рукопись из Исторического музея, написанная самим Глюком, рукопись Пауса в издании 1994 г. не учитывается (Đurovič 1997, 79). Грамматика Глюка, написанная через 10 лет после труда Лудольфа и за 50 лет до грамматики М.В. Ломоносова, является важным свидетельством языковой ситуации, сложившейся в России к началу XVIII века. Грамматика Ломоносова, изданная в середине XVIII века, стала результатом формирования норм русского языка, фактическое же формирование этих норм происходило в течение десятилетий до этого и грамматика Глюка отражает языковую норму («не то московскую, не то норму того слоя русской интеллигенции, где Глюк выучил русский» Đurovič 1997, 82) и содержит терминологию, не использованную тогда в других грамматиках (по причине более позднего появления других работ, например, „Anfangs-Gründe der russischen Sprache“ 1731 г.). Грамматика Глюка могла бы восполнить отсутствие полноценных грамматик русского языка в начале XVIII в. и создать основу для дальнейшего появления и развития грамматик русского языка. Грамматика Лудольфа, написанная несколько ранее грамматики Глюка, менее подходит для этого, как опирающаяся на грамматику Смотрицкого и на греческие языковые традиции, заложенные в ней. Лудольф использовал для описания русского языка структуру грамматики Смотрицкого, заменив

церковнославянскую терминологию на латинскую. Таким образом, грамматику Лудольфа можно характеризовать, как мост между церковнославянским и русским языками, хотя сам автор считал ее практическим учебником по русскому языку (Ђurović 1997, 86).

Труд Глюка состоит из двух частей – морфологии (основная часть, 64 листа) и синтаксиса (8 листов).

Кодификацию русского языка грамматики Глюка характеризуют три особенности, отличающие ее от других подобных произведений тех лет. Во-первых, это своеобразная подача склонения существительных – их разделение на основании последней буквы, без различения рода (что включает в одну группу существительные разных родов, например, князь-грязь), во-вторых – объединение предложного и творительного падежей в аблативе и третья – кодифицированная форма инфинитива на -ти. Последняя особенность – кодификация формы инфинитива, подчеркивает диалектную основу варианта живого русского языка, положенного в основу кодификации в грамматике Глюка (Менгель 2010, 53). Кроме того, Глюк в своей грамматике понимает различия между устной и письменной нормой и описывает состояние современного ему русского, не церковнославянского языка (Ђurović 1997, 81-82).

Другой сотрудник А.Г. Франке и выпускник университета в Галле, а также и приемник Глюка, занявший место директора гимназии после его кончины в 1705 г., И.В. Паузе, написал на немецком языке лингвистическое описание церковнославянского и русского языков „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache, Zum Nutzen, sonderlich der Teutschen Nation, aufgesetzt“ (1705-1729). Уже в самом названии „Slavonisch-Rußischen“ заложено два языка, которые Паузе, как и Глюк, различал и в своей грамматике проводил сравнения между двумя языками. В «Отчете 1732 года»¹⁴³ Паузе, описывая содержание грамматики, особенно подчеркивает свое новаторство в этом:¹⁴⁴

„Denn aus der Vermischung der Sprache entstehet wiederum eine Ordnung und Ähnlichkeit, analogia, welche man auch heutzutag in unterschiedlichen verwirrten Sprachen, die nicht kultivieret, findet. Und so habe auch ich in hoc passu die doctrin de mutatione literarum russicarum erfunden als einen guten Grund wieder die Anomalie, welches ad exemplum Ebraeorum in keiner slavonischen und russischen Grammatik jemals geschehen.“ (Winter 1958, 755).

„Daß beide dialecti, slavonisch und russische, deren jene in geistlichen und Kirchensachen von alters her, diese aber bei unsern Zeiten in Staats- und Regimentssachen nach der Zivilität und gemeinen Wesen schaltet und waltet, so dass dießelben nun in diesem kleinen Buch als Bruder und Schwester (Russ. Zwei Brüder : языка) beieinander in Frieden leben (welches noch in keinem Buch geschrieben stehet als hier in diesem).“ (Winter 1958, 759).

Во времена Паузе эта грамматика не была напечатана – Академия наук отказалась от ее издания. Данная работа, как и многие другие работы Паузе, не была принята и

¹⁴³ Отчет Паузе хранится в С.-Петербурге, в архиве РАН. Составленный во второй половине 1732 г. на немецком языке, он называется: „Observationes, inventiones et experimenta circa Literaturam et Historiam Russicam in camera obscura et optica ad Academiā Scientiarum instituta“ и адресован президенту Академии наук Лауренцу Блюментросту. До публикации в 1958 г. (см. Winter 1958) отчет этот не был известен. Таким образом, до наших дней сохранился документ, написанный автором грамматики (Паузе), где он многое поясняет относительно своей работы, а также описывает обстоятельства, в силу которых получилось так, что работы его в большинстве своем не были изданы, по крайней мере, под его именем.

¹⁴⁴ В цитируемом отчете Паузе упоминает существующие грамматики Смотрицкого и Лудольфа, но ни слова не говорит о грамматике Глюка, хотя второй экземпляр грамматики Глюка, хранящийся в библиотеке РАН, был переписан рукой Паузе.

длительное время пролежала в архиве. Только в 1960-ые гг. Д.Е. Михальчи в рамках своей докторской диссертации издал текст этой грамматики.¹⁴⁵ Ее запутанный текст, усложняющий прочтение, а также не совсем удачная машинописная транскрипция и перевод на русский язык, сделанные Михальчи, требуют новой редакции грамматики Паузе, безусловно насыщенной по своему содержанию и незаслуженно обойденной вниманием (Keipert 2003).

Удивительно, что работы Паузе, разнообразные по своей тематике – это исторические, филологические произведения, переводы – в виде рукописей постоянно интересовали окружение Паузе, но в печатном виде так и не выходили в свет. Неудачи, преследующие работы Паузе, были частично вызваны свойствами его характера, т.к. где бы он ни работал, везде не задерживался надолго, а пребывание его сопровождалось интригами, жалобами и недовольством, как с его стороны, так и со стороны противостоящих ему:

„[...] Nach dem Absterben des H. Propst Glück hat der H. Magister Pause die Inspektion, aber nicht den dritten Teil der Vollmacht, als der sel. H. Propst über die Schule gehabt, bekommen. Gleich wie aber H. Pause sich zu solchem Werke durch sein Laufen und Rennen und andere unerlaubte Mittel eingedrungen, so hat man auch spüren können, wie Gott der Herr merklich seine Hand von ihm abgezogen hat und ihn in verkehrten Sinn zu tun, was nicht recht ist, dahingegeben. Er hat sich einen großen Haß wegen seiner Hoffart, Ehrgeiz und schnödem Zank mit allen Leuten, sowohl bei den Russen als auch Deutschen gesetzt. Und doch ist er der Meinung, dass keiner verständiger, klüger und frömmer im Lande ist denn er.“ (M. Rüttich an A.G. Francke, Moskau am 04.04.1706, из письма одного из учителей гимназии Глюка, Рюттиха, Wotschke 1930a, 67-68).

После смерти Паузе в начале 1735 г., архив его был взломан и некоторые его работы исчезли (Михальчи 1964, 49-50). Работы В.Н. Перетца, Э. Винтера, П.Н. Беркова, И. Тетцнера, Д.Е. Михальчи подтверждают ценность рукописей Паузе и его незаслуженное забвение.¹⁴⁶

В отношении филологических работ Паузе не следует забывать, что по причине своей преподавательской деятельности Паузе приходилось пользоваться учебными пособиями. Например, грамматике Смотрицкого во времена Паузе было уже около ста лет, хотя ею и продолжали пользоваться. Вероятно, неудовлетворенность Паузе и потребность в обучающем пособии по немецкому и русскому языку¹⁴⁷ способствовала написанию новых работ. Как писал сам Паузе в «Отчете 1732 года»:

„Es konnte mir aber weder die sonst gute Grammatica slavonicae linguae, so anno 1648 M. Xbr [mense decembri] in Moscou unter der Regierung des Großfürsten Alexej Michaelis und unter dem Segen des Patriarchen Josephi durch öffentlichen Truck edieret worden, noch weniger Ludolphi Manuduction ad slavono-russicam linguam, viel weniger andere russische Bücher eine Gnüge tun. Jene kam mir vor wie ein großes Gespunst, von paradigmatis und intrikaten nach den graecismis riechenden und schmeckenden Syntaxi.“ (Winter 1958, 758).

В неприятии грамматики Смотрицкого 1648 г. установки Паузе совпадали, вероятно, с мнением Глюка, который в своей грамматике не опирался на структуру

¹⁴⁵ Д.Е. Михальчи: Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Ленинград 1969. Докторская диссертация, машинопись.

¹⁴⁶ Перечень рукописей Паузе, хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки РАН см.: Петров 1956, 206 и далее.

¹⁴⁷ Соответственно, учебники по немецкой грамматике нужны были русским, а по русской грамматике – немцам, т.е. в обоих случаях это были бы пособия по языку, составленные для иностранцев.

грамматики Смотрицкого, а старался исходить из состояния живого русского языка (Durovič 1997, 84).

Правда, филологические¹⁴⁸ работы Паузе, как и многие его другие работы, имеют черновой, незаконченный вид, это только наброски. Лишь его славяно-русская грамматика (219 листов) создавалась в течении длительного времени, не только в московский период (т.е. в самом начале XVIII в.), но и позже, в 1720-ые гг. автор возвращался к ней (Михальчи 1964, 50). Как указывал сам Паузе в своем «Отчете 1732 года», над этой грамматикой он работал с перерывами в 1705, 1707, в 1709-1717 и в 1724-1725 гг. (Winter 1958, 758 и далее). Сохранился только черновой вариант рукописи, два беловых варианта, поданные в различное время для печати (в 1720 г. и в 1729 г.) и не изданные, бесследно исчезли. Если исчезновение первой рукописи (1705-1717 гг.) можно принять за случайность, то пропажа второго варианта (1724-1729 гг.) подтверждает наличие недругов Паузе в его окружении, о чем он часто упоминал. Известно, что в Архиве РАН в 1960 гг. хранился отрывок рукописи в восемь листов (рукопись № 335 «грамматика неизвестного автора»), являющийся фрагментом беловой рукописи грамматики Паузе (по утверждению Михальчи), содержащим конец I главы, главу II целиком и начало главы III (Михальчи 1964, 52). Грамматика Паузе включает в себя этимологию с правописанием (примерно 2/3 объема рукописи) и синтаксис (1/3 рукописи). Несмотря на неприятие грамматик, используемых во времена Паузе в качестве учебных пособий, терминологию своей грамматики он заимствовал большей частью у Смотрицкого и в целом она соответствует принятой тогда норме, используемой в грамматиках. В первой части работы Паузе много внимания уделяет правописанию, графике, рассмотрению частей речи.

Для лучшего усвоения (немцами) русского языка Паузе часто проводит параллели с немецким языком, например, в произношении (Михальчи 1964, 55). Отличается раздел словообразования (глава X «О произведении»), которому автор отвел много места в своей работе. Выделяя слой первоначальных слов, Паузе предлагает деление производных существительных на пять классов:

«1) лица, слуги, министры, художники, ремесленники; 2) отглагольные, обозначающие действие или состояние, добродетели и пороки; 3) умалительные, умалительные от имен собственных, умалительные прилагательные; 4) отчеименные; 5) *Gentilia* – имена народов и жителей разных мест» (Михальчи 1964, 56).

Глава XI «О сложении» продолжает тему словообразования, где Паузе предлагает использовать для словосложения все части речи, за исключением междометий. Отличительным при этом является сложение при помощи предлогов, не имеющее пределов в русском языке (Михальчи 1964, 56). Две указанные главы представляют наибольший интерес в грамматике Паузе, т.к. по написанию это самостоятельный труд

¹⁴⁸ Из филологических работ Паузе представляет интерес его «Приведение къ Германскому (немецкому) языку в пользу начинающим» („*Manudictio ad linguam Germanicam sive Teutonicam in comodum juventutis Slavono-Rosiacæ studio Joh. Guern. Pausii delineata aо 1706*“), рукопись в 38 листов, половина которой посвящена синтаксису немецкого языка. В этой работе Паузе правильно замечает, что «яко же вси языцы, тако и немецкой языкъ учится: 1. прилежнымъ, собраниемъ множества словесъ или речений, 2. разумнымъ разделениемъ розно, 3. художнымъ сочинениемъ ихъ. Во всехъ сихъ всегдашнее обучения ищетъ чтаниемъ, писаниемъ и гланиемъ» (Михальчи 1964, 50). Подвигнутый, вероятно, грамматикой Лудольфа, Паузе также составлял разговорники по русскому языку: „*Colloquia ex Ludolfi Grammatica*“, а также 18 «Обыкновенных бесед» и «Всякия беседы». Одна из самых ранних рукописей Паузе „*Excerpta ad slav. linguam discendi facientia: excerpti anno 1703 ex Confes. Evl. Orientalis*“ интересна тем, что русский язык в ней дается в латинской транскрипции (Михальчи 1964, 51). Такой способ записи по-русски был обычным для иностранных жителей Немецкой слободы, кому и была адресована в первую очередь работа Паузе.

автора, не подражание уже написанным грамматикам. Выделяя в своем «Отчете 1732 года» именно главы X и XI, Паузе подчеркивал их новизну:

«Произведение есть руководство, каким образом и способом одно слово от другого происходит, подобно ручьям, берущим начало от источника или подобно растениям и веткам – от ствола или корня растущим и происходящим. Поскольку в природе нет ничего бесконечного, постольку слова также могут быть приведены к своей первичной материи» (перевод Михальчи, Михальчи 1964, 56).

Грамматики Глюка и Паузе объединяет то, что они отошли от традиционной тогда ориентации на грамматику Смотрицкого и в обоих трудах была сделана попытка создать грамматику современного (начало XVIII века) русского языка, необходимую в то время, особенно это стало заметным после «разделения» церковнославянского и русского языков Петром I, после выхода гражданского алфавита и указания печатать книги гражданского языка на русском, не церковнославянском языке. Причем, в грамматике Глюка была сделана попытка, провести кодификацию русского языка, тогда как Паузе в своей грамматике сделал акцент на словообразовании и лексике, что и отличало его труд от других, уже созданных тогда. Грамматика Паузе, так и не опубликованная, оказала влияние на другие труды по грамматике русского языка первой половины XVIII в., или даже была использована при их создании:

„Wegen der grundlegenden Bedeutung, die die „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache“ für die russische Grammatikographie des 18 Jh. gehabt hat, sollte dieses *fundamentum* der Russistik vor Lomonosov in einer Ausgabe besser zugänglich gemacht werden, obwohl dafür nicht mehr ein klarer Text letzter Hand, sondern nur noch das schwer zu lesende und z.T. unübersichtliche Handexemplar des Verfassers zur Verfügung steht. Die anonyme Anerkennung, die Paus in der stillschweigenden Nutzung von Belegen und Beschreibungskonzeptionen der „Anweisung“ bei seinen Zeitgenossen gefunden hat, zeigt uns, dass die Mühe lohnt, die für die Schaffung eines authentischen, aber eben auch möglichst lesbaren und in seiner Aussage verständlichen Editionstextes dieses wissenschaftsgeschichtlich Epoche machenden Werks anzuwenden ist.“ (Keipert 2003, 302).

Учебные пособия по грамматике русского языка были неотъемлемым условием при изучении русского языка. Грамматика Лудольфа использовалась впоследствии в Галле. Труды Глюка и Паузе нет, т.к. вообще не были напечатаны. На то могли быть причины, не касающиеся непосредственно грамматик, как трудов по языкознанию. Глюк не был пиегистом и потому не внушал доверия Франке и его окружению:

„Wir wissen nicht, was H. Glück im Sinne hat. Denn sollte er über den Ausgang des H. Geistes mit den Russen handeln wollen, so wäre das verkehrt, weil dergleichen theologische Handlungen wenig Frucht schaffen. Wir wünschen vielmehr, daß er mit Gebet und heiligem Wandel unter die Russen ginge, sie bei ihrer Lehre ließe, welchen durch die Vernunft nicht zu raten ist. Man sagt aber, daß er sich in weltliche Dinge einlasse, Anstalten zu allerhand Leiberübungen nebst den Disziplinen und Sprachen mache, auch seine Tochter frei tanzen lasse, und sich solcher Gestalt empfehle. Bei diesen Wegen, die nicht Christi sind, kann das Evangelium nichts gewinnen.“ (Prof. Breithaupt aus Halle an F.J. Spener, undatiert, Wotschke 1930a, 65).

Расхождения по поводу воспитания и обучения детей – дело, которому Франке придавал очень большое значение и считал первоосновой в формировании человека – были серьезными причинами для высказывания недоверия.

В отношении магистра Паузе, хоть он и был учеником Франке и учился прежде в Галле, можно предположить, что интриги, в которые он был вовлечен в России, помешали осуществлению его печатных планов.

Тем не менее, эти труды принадлежат к важным историческим документам XVIII века, немногочисленным пособиям по русскому языку для иностранцев, написанным в период формирования нового русского литературного языка.

Кроме описанных в этой главе (оставшихся рукописными) грамматик Глюка и Паузе, в XVIII в. по русскому языку были написаны: *Grammatica Russica Hamburgensis* (1722), также рукописная;¹⁴⁹ *Extranea-Einblattdruck* (напечатана, вероятно, в Галле);¹⁵⁰ *Compendium Grammaticae Russicae* (1731);¹⁵¹ *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (St. Petersburg 1731);¹⁵² A.L. Schlözer: *Russische Sprachlehre* (St. Petersburg 1764, фрагмент);¹⁵³ М. Ломоносов: *Russische Grammatik [...] aus dem Russischen übersetzt von J.L. Stavenhagen* (St. Petersburg 1764);¹⁵⁴ Fr. Hölterhof: *Der russische Cellarius [Anhang: „Kurzgefasste Russische Grammatica“]* (Moskau 1771); J. Rodde: *Russische Sprachlehre* (Riga 1773); J. Heym: *Russische Sprachlehre für Deutsche* (Moskau 1789, Riga 1794, 1804) (Keipert 2006, 86-88). Кроме того, к пособию по русскому языку можно отнести также и рукописную грамматику Й.К. Шталь – J.Ch. Stahl (1697-1772) „*Rudimenta Linguae Russicae*“,¹⁵⁵ присланную автором в 1745 г. в Галле и до сих пор сохранившуюся в архиве Франке (Winter 1953; Eichler 1956; Успенский 1992; Менгель 2010). В своей грамматике, вероятно, не являющейся самостоятельным произведением (Успенский 1992, Менгель 2010), Шталь различает церковнославянский и русский языки, считая первый из них языком ученых, недоступным для простых людей. Представленную систему кодификации русского языка Шталь подкрепляет переводами сакральных текстов, данных параллельно – как на русском, так и на церковнославянском языках (Менгель 2010, 48-49).

Характерно, что к первой половине XVIII века относятся в основном рукописные грамматики (за исключением стокгольмской парадигматики «*Extranea*»), созданные немцами, живущими в России, или при непосредственном участии выходцев из Германии. На вторую половину столетия приходится издание печатных пособий, авторы которых (начиная с грамматики Шлецера) ориентировались на Российскую грамматику М.В. Ломоносова (1755), или на ее перевод 1764 года (Keipert 2006, 89). Таким образом, грамматики русского языка первой половины XVIII в. не имели такого

¹⁴⁹ См. подробнее об этом: Schmücker-Breloer 2001. Необходимо заметить, что большая часть грамматики написана опять же Паузе и дополнена двумя частями, записанными другой рукой под заголовком „*Grammatica Russica*“ (Keipert 2003, 294).

¹⁵⁰ См. подробнее об этом след. работы: Đurovič/Sjöberg 1987; Keipert 1997; Fleckenstein 2000; Менгель 2010.

¹⁵¹ См. подробнее Keipert/Huterer 2002. На основании машинописного экземпляра грамматики Паузе, сделанным Михальчи, было установлено, что работа Паузе послужила одним из источников данного грамматического пособия (Keipert 2003, 296).

¹⁵² Было издано в: *Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexikon. Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache*, St. Petersburg 1731. См. также Unbegaun 1969. По мнению И.В. Паузе, в основу этой грамматики лег «потерявшийся» манускрипт его грамматики – „*Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache [...]*“ (Winter 1958).

¹⁵³ Эта грамматика, сохранившаяся в нескольких экземплярах и полноценное издание которой по инициативе М.В. Ломоносова было приостановлено, была издана в 1904 г. С.К. Буличем, а незадолго до этого, в 1875 г. также издана и в русском переводе В.Ф. Кеневича: *Русская грамматика*. В: Сборник отделения русского языка и словесности 13, 1875, 429-515 (Keipert 2006, 87). См. также: Ohnheiser 1985.

¹⁵⁴ В Российской грамматике Ломоносова можно также обнаружить параллели с грамматикой Паузе, например, при перечислении глагольных классов (Михальчи 1964; Keipert 2003).

¹⁵⁵ „*Rudimenta Lingvae Russicae bibliothecae orphanotrophei Halensis dicata ab auctore Joach : Christoph : Stahl Diac. Anno 1745*“. AFSt/H J 23, рукопись в 33 страницы.

четкого ориентира, как грамматика Ломоносова, поэтому вынуждены были больше отталкиваться от непосредственно самого русского языка. Грамматика Ломоносова помогала впоследствии авторам других грамматических пособий, но только в том случае, если авторы придерживались такого же направления при представлении русского языка. Более ранние грамматики, в том числе Глюка и Паузе, являются более самостоятельными произведениями и предлагают свои версии систематизации русского языка. Каждая из таких попыток помогала лучше понять строение языка и способствовала в выборе лучшей версии для описания русского языка.

Кроме грамматики Шталя, в университетской Библиотеке Галле сохранился перевод грамматики Ломоносова 1764 г.,¹⁵⁶ исправленное издание Хайма – J. Heum „Russische Sprachlehre für Deutsche“ (1816),¹⁵⁷ а также работа Я. Родде «Российской лексикон по алфавиту» (1784).¹⁵⁸ Это все более поздние работы, и ориентировались они в основном на грамматику Ломоносова. А в первой половине XVIII века в качестве помощи для переводов религиозных и душевспасительных текстов использовалась грамматика М. Смотрицкого 1648 г. (сохранившаяся в библиотеке Франке до наших дней), а также грамматика Лудольфа. Для переводов на другие языки приглашались, как правило, приезжие из других стран студенты, обучающиеся в Галле. Симеон Тодорский, приехавший в Галле в 1729 году, стал одним из таких переводчиков.

3.3 Переводчик Симеон Тодорский

Симеон Тодорский (1701-1754), как это известно из его биографии,¹⁵⁹ был родом из Украины, из небольшого города Золотоноша недалеко от Киева (Щукин 1899; Winter 1953; Winter 1956; Mengel 2000; Mengel 2003; Mengel 2008a; Mengel/Schorch 2011,

¹⁵⁶ Russische Grammatik. Verfaßet von Herrn Michael Lomonoßow. Aus dem Russischen Übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg 1764.

¹⁵⁷ Jo. v. Heym's Russische Sprachlehre für Deutsche. Neu bearb. Von Samuel Weltzien. Riga/Leipzig 1816.

¹⁵⁸ Российской лексикон по алфавиту. Изданный Яковом Родде, Секретарем и переводчиком при Магистрате Российско Императорскаго Города Риги. Рига 1784 (Dn 743, 2). Грамматику Я. Родде (1725-1789), изданную впервые в 1773, а также позже – в 1778, 1789 и 1789 гг.), можно охарактеризовать, как наиболее полноценное пособие по русскому языку – кроме непосредственно учебника («Russische Sprachlehre, zum Bestehen der deutschen Jugend eingerichtet von Jacob Rodde [...]»), она включает в себя разговорник («Домашние разговоры / Gespräche von Hauß-Sachen»), собрание пословиц („Sprüchwörter und Stellen aus russischen Autoren zum Exponiren“) и книгу для чтения («Разныя истории и нравоучения, выбранныя в пользу обучающагося юношества российскому языку»). Причем, пословицы, по признанию самого Родде, были взяты им из издания А.А. Барсова 1770 г. («Собрание 4291 древних российских пословиц») (Keipert 2006).

¹⁵⁹ Биография Тодорского сохранилась в экономическом архиве Франке (Wirtschaftsarchiv) и находится в папке с другими документами по изданию русского перевода Арндта (см. Avertisement 1734). Впервые была полностью напечатана Э. Винтером (Winter 1956). Эта биография ценна тем, что была записана еще при жизни Тодорского, вероятно, во время создания папки – в 1734 г. и людьми, лично знавшими Тодорского – по предположению Винтера, вероятнее всего это был инспектор Гришов (Johann Heinrich Grischow), записавший первую, значительно большую по объему часть биографии, и востоковед Й.Г. Калленберг (Johann Heinrich Callenberg), записавший вторую часть (Winter 1956, 73). По поводу даты рождения Тодорского существует несколько версий – 1700, 1701 или 1703 г. Указанная биография сообщает, что в Киевскую Академию он поступил восемнадцатилетним юношей, а было это в 1718 г., т.е. дата рождения Тодорского соответственно приходится на 1700 г.. Эту же дату принимал и Э. Винтер (Winter 1953, 227). Щукин по поводу даты рождения приводит год 1701:

«Симонъ Тодорскій или Теодорскій по происхождению был малорос. Родился онъ в мѣстѣчкѣ Золотоношѣ (теперь уѣздный городъ Полтавской губерніи въ 1701 году.» (Щукин 1899, 5-6). По факту года рождения Щукин в сноске указывает источник информации: «Дело архива Кіев. Дух. Консист. 1739 г. №7» (там же). В подтверждение данного года рождения (1701) см. также работы С. Менгель (Mengel 2000; 2004; Mengel/Schorch 2011). В данной работе также указан 1701 г., как год рождения Тодорского. Д.И. Чижевский имел иную версию: 1703-1754 (Čyževskýj 1939).

Reichelt 2011). В 1718 г. он поступил в Киевскую духовную академию (теология, латынь) и после десяти лет обучения уехал в Петербург. Там он провел два года, преподавая, в основном, в немецких семьях русский язык, а также изучая немецкий язык в Академической гимназии,¹⁶⁰ что помогло ему впоследствии при поступлении в немецкий университет.

Почему Тодорский попал именно в университет в Галле, в точности не известно. Человеком, давшим ему такой совет, называют и Феофана Прокоповича (Щукин 1899), и пастора Фирорта (A. Viehrorth), с которым Тодорский был знаком (Mengel/Schorch 2011, Reichelt 2011).

В 1729 г. он прибыл в Галле и записался в университет как «Simon Todorskijs russus».¹⁶¹ За 18 лет, с 1722 по 1740 гг., С. Тодорский стал единственным студентом из России в Галле. Это связано, вероятно, с тем, что инициатором отправки молодых людей для учебы за границу был сам Петр I и люди из его близкого окружения, и после его кончины (1725) некому стало этим заниматься, поэтому отъезд на учебу прекратился. После возвращения Тодорского в Киев (1738), в Галле появились еще 4 теолога-студента из Украины (1740-1741 гг.), что могло быть результатом агитационной работы самого Тодорского. Когда Тодорский в 1742 г. уехал из Киева, студенты с Украины тоже перестали приезжать в Галле (Winter 1953, 105).

Как известно из биографии и писем того времени, Тодорский занимался изучением немецкого, греческого и иврита, а позже арабского и сирийского языков. Кроме изучения языков Тодорский посещал лекции по теологии. Благодаря старанию и успехам в языках, он также был замечен профессором Михаелисом (Johann Heinrich Michaelis, был ординаторским профессором в Галле с 1709 г.) и был включен им в теологическую коллегию (Collegium orientale theologicum):

«Отсюда то вынесъ Симонъ тѣхъ богатяя познанія въ восточныхъ языкахъ, за которыя потомъ получилъ справедливое названіе «филолога ориенталиста» и которыми превосходилъ ориенталистовъ, бывшихъ уже в настоящемъ столѣтіи» (Щукин 1899, 18).

Примерно в 1731 г.¹⁶² Каспар Маттиас Родде¹⁶³ прислал Тодорскому свой перевод нескольких глав из первой книги Арндта «Четыре книги об истинном христианстве», чтобы он их проверил. Этот перевод не совсем удовлетворил Тодорского: он нашел в нем много германизмов, кроме того, язык текста был труден для понимания. Он сам решил перевести несколько глав, которые и отправил уже упомянутому пастору, а также некоторым знакомым соотечественникам. Перевод был принят положительно, и Тодорский перевел впоследствии всего Арндта.¹⁶⁴ Весной 1733 г. перевод был готов

¹⁶⁰ Записался в гимназию 16.08.1727, чтобы выучить немецкий язык (Winter 1953, 228).

¹⁶¹ Во время учебы в Галле Тодорский подписывался именно так. Сохранились его «автографы», прежде всего, в книгах Мильде, как, например: «Воспоминание геены недопускаетъ в геенну попасться. Chrisosto[mus] 2: an die uesl. [=Tessalonicher]. Симеонъ Todorskijs, russus Pereslawiensis.» (AFSt/H 71 Н 4) или: «Дла памѣти присердечномъ желаніи всѣхъ благъ временнихъ и вѣчнихъ ѿ всемогущаго Бога возлюбившаго на въ возлюбленомъ своемъ Сынѣ Исусѣ Хриѣ обладателя въ книги сеѣ написалъ Симеонъ Тодорскыи Simeon Todorski, Russus» (AFSt/H 178 А 2).

¹⁶² Как сообщает биография Тодорского:

„Nachdem er etwa zwey Jahr hier gewesen, schickte ein Prediger aus Liefland einige in die russische Sprache übersetzte Capitel aus dem ersten Buche vom Wahren Christentum des seligen Joh. Arnds, um selbige hier unter des Herrn Todorski Besorgung drucken zu lassen“ (Avertisment 1734).

¹⁶³ Caspar Matthias Rodde – сам бывший студент университета (1716-1719) и, вероятно, автор второго варианта перевода трактата А.Г. Франке («Начало христианскаго учения...» / „Anfang der christlichen Lehre“). См. подробнее о нем в гл. 3.2.1 «Разветвленная сеть деловых, религиозных и личных связей».

¹⁶⁴ Кто непосредственно руководил переводом и изданием книг Арндта, неизвестно. Имели отношение Мильде, Гришов и Г.А. Франке. Г. Мильде издавал славянские переводы не только в типографии

(Avertisement 1734). Кроме Арндта, который по объему составляет около 1500 страниц, Тодорский перевел и отредактировал еще несколько других произведений разных авторов, среди них Франке и Фрайлингхаузен. Объем «русскоязычных» переводов составляет в целом около 2000 печатных страниц (Mengel 2000).

При печатании переводов не всегда указывалась дата, и поэтому иногда ее трудно определить. Например, дату печати «Наставления к священному писанию или увещание о чтении священного писания» Арндта („Informatorium Biblicum“) можно установить благодаря приписке Мильде в одной из его личных книг:

„Halleluja! Sursu corda! Anietzo 1734 ließ ich im Maio Arndii Informatoricum Biblicum in Russischer Sprache drucken; und im Jun. Jul. Ist auf druck Kosten güter freunde der Russische Arnd unter der Presse. Gott sey hochgelobet.“¹⁶⁵

«Четыре книги об истинном христианстве» Арндта были напечатаны в 1735 г. – в этом случае дата указывается. Кроме того, сохранились второстепенные подтверждения издания «русскоязычного» Арндта, например, сохранившееся письмо Фридриха I к Г.А. Франке от 20.11.1735 из Потсдама, в котором Фридрих I благодарит за полученные книги («русскоязычный» перевод Арндта) и выражает удовлетворение, что выходцы из Германии, проживающие в России и владеющие русским языком, получают возможность ознакомиться с таким важным произведением.¹⁶⁶ Непосредственно печать, конечно, могла начаться и раньше – еще в 1734 году, на что указывает уже цитировавшееся выше письмо пастора Фирорта от 30.05.1734, адресованное инспектору Гришову (см. гл. 3.2.1).

Печать других переводов растянулась на продолжительное время, до 1736 или даже 1737 года.¹⁶⁷ К последнему тексту, напечатанному в Галле, можно отнести «Пять избранных псалмов царствующего пророка Давида»,¹⁶⁸ т.к. текст содержит довольно много ошибок и Чижевский предположил, что непосредственно печать состоялась после отъезда переводчика, т.е. Тодорского, из Галле, и он не мог наблюдать за качеством печати (Čuževskýj 1938, 79). Подтверждает это и отчет Франке-младшего,

Франке, например: „Des sel. Hn. D. Mart. Luthers Kleiner Catechismus, ohne und mit der Auslegung [...] In Teutsch- und Böhmischer Sprache überlasset Heinrich Milde, Schlagentino-Magdeburgicus. Halle, Gedruckt bey Joh. Justinus Gebauern, 1735“ или „Naucenj O Zaczatku Krestanského Ziwota, w ctyrech casikách obsazené [...] od Henrycha Milde, ze Sslagenthjna w Knjzestwj Magdeburskem. Wýtisštěno w Halli v Jana Justjna Gebauera, Roku 1736“. Типография Гебауера (два поколения, Иоганн Юстинус, позже Иоганн Якоб Гебауер) в Галле активно печатала издания университета, в основном теологического содержания, начиная с 1715 г. и до конца XVIII в. В библиотеке Франке сохранилось семь произведений, напечатанных у Гебауера, редактором которых был Мильде, из них три на чешском языке (в период с 1734 по 1737 гг.). На связь и сотрудничество типографии Франке с другими типографиями в Галле, а также непосредственно с типографией Гебауера, указывает и С. Шулдес (Schuldes 2003, 36).

¹⁶⁵ В книге: „Vindiciae Arndianae, Oder: Kurtze und Schriftmäßige Wiederlegung derer so gennanten Höchstnöthigen Anmerckungen über des seligen Herrn Johann Arndts Bücher Vom Wahren Christentum / aufgesetzt, Und ans Licht gestellt Von D. Joh. Caspar Haferungen [...]“ Frankfurth, Leipzig 1728 (AFSt/H 11 K 14 [6]).

¹⁶⁶ AFSt/W II/-/29:149.

¹⁶⁷ О поступлении книг Арндта, а также трактата Франке пастор Нацциус (H.G. Nazzius) сообщает Г.А. Франке 09.09.1735:

„Ich habe nicht nöthig [...] ehe zu beantworten, biß ich vom Empfang des russischen Arnds etwas melden konnte; da dann endlich am 2ten Augusti die 24 Exemplaria nebst einigen Exemplarien vom Anfang christlichen etc. empfieng.“ (Winter 1953, 408).

¹⁶⁸ Псалмы, подшитые в книгу «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича (С.-Петербург 1720, AFSt/H 178 A 2), содержат сделанную Мильде приписку „Von deren Russischen Psalmen komen 14 [...] nach Russland, 200 nach Berlin“. Чижевский же, на основании своих изысканий, сообщал о 125 экземплярах, напечатанных в Галле в 30-ые гг. XVIII в. (Čuževskýj 1939, 31).

который сомневается, что Тодорский задержится в Галле надолго, может даже уедет быстрее, чем напечатают все «русскоязычные» переводы:

„[...] wenn dieser Studiosus (der der erste und vielleicht der letzte gebohrne Russe ist, der hier Theologiam studiret) weggeht (welches gewiß in nächstkommenden Frühling geschehen wird, wenn ihn nicht dieses Werk aufhält), es an einem Correctore fehlen würde; so wäre es ja wol zu wünschen, daß alle vier übersetzte Bücher auch auf einmal könnten gedruckt werden.“ (Avertisment 1734).

В настоящее время известно о следующих произведениях, которые перевел или редактировал Тодорский, и которые были изданы в 1734-35 гг.:

«Наставленіе къ Свѣщенномѹ писанію или Ѹвѣщаніе в чтеніи свѣщеннагѹ писаніа», Halle 1734, 48 S.

(Johann Arndt „Informatorium biblicum“ – Einleitung zur Heiligen Schrift und Anweisung zum Lesen der Heiligen Schrift, 1605)

«Чѹри книги в истинномѹ христіанствѣ содержащи въ себе Ѹченіе в спасителномѹ покааніи сердечномѹ жалѣніи и болѣзнованіи ради грѣховъ истинной вѣрѣ в свѣтомѹ житіи и пребываніи истиннихъ неложныхъ христіанъ сложеннии чрезъ іоанна арнда за нѣмецкагѹ языка нарѹскыи переведеннии и напечатаннии въ галѣ годѹ», Halle 1735, 1400 S.

(Johann Arndt „Vier Bücher vom wahren Christentum, von heilsamer Buße, hertlicher Reu und Leid über die Sünde und wahren Glauben, auch heiligen Leben und Wandel der rechten, wahren Christen“, 1605-1608)

«Оученіе о Началѣ христіанскагѹ житіа содержащееся въ чѹтирехъ частехъ: Первая часть в основателномѹ приведеніи къ истинномѹ покаанію и къ вѣрѣ въ бога. Вторая часть в простомѹ наставленіи, какъ подобаетъ душеполезнѹ чести свѣщенное писаніе. Третья часть въ писанію свѣтомѹ согласѹющомѹ показаніи какъ подобаетъ богови приѣтнѹ молитиса. Четвертая часть в краткомѹ искѹшеніи и испитаніи, аще кто имѣетъ истиннѹю живѹю вѣрѹ христа или неимѣетъ. Въ Галѣ аѹле. годѹ.», Halle 1735, 104 S.

(August H. Francke „Die Lehre vom Anfang Christlichen Lebens“, 1698)

«Писанію свѣтомѹ согласѹющеея Наставленіе къ истинномѹ Пѹзнанію и душеспасителномѹ оупотребленію страданіа и смерти гопода и спасителя нашегѹ Иисѹса христіа Слѹженнѹе Анастасіемѹ проповѣдкомѹ Божиа слова», Halle, der Druck ist nicht datiert, 231 S.

(Johann A. Freylinghausen „Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkenntnis und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi“, 1715)

«Начало христіанскагѹ Ѹченіа во Ѹпотребленіе и въ позѹ всякомѹ правовѣрномѹ христіанинѹ наипаче невѣдающимѹ, и мноо изѹстнѹ Ѹчитиса не могѹщимѹ составленно ѿ августа Ермана Дранка», Halle, der Druck ist nicht datiert, 48 S.

(August H. Francke „Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen“, 1696)

«Пять избранных псалмов царствующаго пророка Давида съ преизъясненными пѣснями похвалными двоихъ церковныхъ учителей амвросіа и авгѹстина аже къ ползѣ разснанныхъ россіанъ издадошася», Halle, der Druck ist nicht datiert, 38 S. (Psalmen 9, 72, 102, 117, 146, „Te Deum Laudamus“ u.a.).

Все указанные переводы были найдены в Галле и описаны в 30-ые гг. XX в., когда на кафедре славистики преподавал Дмитрий Иванович Чижевский (1894-1977). Чижевский был лектором кафедры славистики в Галле с 1932 по 1945 гг.. В самом начале своего пребывания в Галле он заинтересовался архивом Франке, в особенности изданиями на славянских языках, еще сохранившихся в архиве университета к XX веку (Mengel 2000). По нашему предположению, интерес Чижевского и его поиски в библиотеках университета вызвали актуальные тогда работы Теодора Вочке – „Der Pietismus in Moskau“ (1930), „Der Pietismus in Petersburg“ (1930).¹⁶⁹ В указанных статьях Вочке приводит малоизвестные факты (подкрепленные такими первоисточниками, как личная переписка), касающиеся пребывания пиетистов в России в первой половине XVIII века. Особенно ценны письма того времени, приведенные в большинстве случаев автором полностью и велика вероятность, что не все из этих писем сохранились до наших дней или хотя бы «пережили» вторую мировую войну. Удивительно, но в последующих работах, даже у Э. Винтера, нет упоминания о статьях Вочке. А вот для Чижевского, если он ознакомился с ними, т.к. Вочке был современником Чижевского и издавался не только в Германии, но и в Польше, они могли послужить отправной точкой для дальнейших исследований.

Чижевский с сожалением обнаружил, что славянские издания, имеющиеся в библиотеке университета, совершенно не систематизированы и хранятся в различных библиотеках. Занявшись упорядочением славяноязычных книг в университетской библиотеке, он обнаружил, что имеется много изданий и рукописей, не каталогизированных и не учтенных в библиографиях, либо описанных неверно. В одной из своих работ Чижевский описал все «русскоязычные» издания, около 20 позиций, как печатные, так и рукописные, хранящиеся в библиотеках университета (Šuževskýj 1939). Список этих книг с сигнатурами приведен в приложении данной работы (см. *Приложение 1*). Кроме того, в этом списке указано наличие (или отсутствие) книг на момент описи.¹⁷⁰ Повторное издание этого списка представляется важным, т.к. статья Чижевского 1939 г. сохранилась в малом количестве экземпляров, к ней имеют доступ не многие. Кроме того, Чижевским, как это станет ясно из списка, была проделана объемная работа, найдены им были не только переводы С. Тодорского, но и другие издания, представляющие интерес. И еще – актуальное состояние указанных книг в настоящее время не соответствует списку Чижевского в полной мере. Многие печатные издания, а также и рукописи, были утеряны за время Второй мировой войны и позже (Günther 1960).

В то же время Чижевский нашел переводы Тодорского, которые были анонимными, без указания автора перевода. В отношении некоторых авторство Симеона Тодорского, как переводчика, уже было установлено раньше (см. работы Пекарского 1862; Щукина 1899). Благодаря работе с дневниками, письмами, счетами и другими документами того времени, а также благодаря изучению заметок на полях библиотечных книг, Чижевскому удалось установить автора «русскоязычных» печатных переводов, ранее не указанных в библиографиях по литературе XVIII века. Им был Симеон Тодорский.

¹⁶⁹ Обе работы указаны в списке литературы как Wotschke 1930a, Wotschke 1930b.

¹⁷⁰ Чижевский мог заключить это из картотеки – если какая-либо книга в ней значилась, а фактически отсутствовала.

Чижевский не занимался подробным лингвистическим анализом текстов, его целью была организация картотеки русскоязычных книг при библиотеке университета в Галле. После беглого просмотра некоторых «русских» переводов Чижевский пришел к выводу, что они были сделаны на церковнославянский язык украинской редакции (Čyževskýj 1938; Čyževskýj 1939/40).

О переводах С. Тодорского в Галле было известно и раньше. В.В. Щукин в своей работе так объяснял выбор Тодорского-переводчика:

«Внимание Тодорского остановилось на указанных сочинениях¹⁷¹ потому именно, что они пользовались преимущественным уважением пиетистов и лучше, чем какие-либо другие произведения, выражали дух и идеи пиетизма.» (Щукин 1899, 22).

Из приведенного списка переводов также видно, что произведения эти были различные – и по своему объему, и по тематике. Короткие, но содержательные трактаты А.Г. Франке, пять избранных псалмов, работа Фрайлингхаузена и Арндта – похоже на учебники для различных классов, где Франке – это «начальная школа», Фрайлингхаузен – средний уровень, а Арндт – кульминация, завершающий труд, который можно понять только после прочтения других переводов. Можно ли этим объяснить, что Тодорский, как переводчик, намеренно выбрал именно такой подбор литературы? Самостоятельный выбор Тодорского, вероятно, можно исключить из версий. На выбор мог повлиять либо Франке-младший, либо Фрайлингхаузен или Мильде. Важным является то, что проучившись шесть лет в университете Галле, Тодорский уяснил постулаты пиетизма и имел представление о том, какая литература нужна пиетистам. На это указывает тот факт, что даже после его кончины в оставшихся после него книгах были найдены произведения Августа Германа Франке на латинском языке, адресованные каждому, кто учился на теологическом факультете в Галле во времена и Тодорского тоже. Это „Idea Studiosi Theologiae oder Abbildung eines der Theologie Beflissenen, Wie derselbe sich zum Gebrauch und Dienst des Herrn und zu allem guten Werck gehöriger Maassen bereitet : Benebst einem Anhang, Bestehend in einer Ansprache an die Studiosos Theologiae zu Halle: Zur Handleitung für alle, so Theologiam studiren, zur wahren Nachricht von dererselben Anführung auf gedachter Universität, mithin zur allgemeinen Erbauung, so weit als darin zum Christlichen, geordneten, und vorsichtigen Wandel eine kurtze Anweisung gegeben wird / ertheilet von August Hermann Francken, S. Theol. Prof. & Past.“,¹⁷² первое издание которой вышло в свет в 1712 году и затем неоднократно переиздавалась, а также „Methodus Studii Theologici [...] Avgvsti Hermanni Franckii [...] Methodvs Stvdii Theologici, Pvblicis Praelectionibvs In Academia Halensi Iam Olim Tradita, Nvnc Demvm Avtem Revisa Et Edita Cvm Praefatione Atqve Indicibvs Necessariis : Accedit Methodvs Exercitationvm Biblicarvm Antea Seorsvm Excvsa“ 1723 года издания.¹⁷³ Именно „Idea...“, по утверждению Райхельта, стала тем произведением, ознакомившись с которым, Тодорский последовал в Галле, хотя до этого записался в университет Йены, где и пробыл недолго (Reichelt 2011, 28-29).

В 1735 г. Тодорский покинул Галле и через Виттенберг и Берлин отбыл в Польшу, где провел полтора года у иезуитов,¹⁷⁴ а затем еще полтора года у греков в Венгрии и

¹⁷¹ Изданных в Галле.

¹⁷² Дигитализированную версию можно посмотреть по адресу:
<https://opac.bibliothek.uni-halle.de/DB=1/SET=1/TTL=1/SHW?FRST=8>.

¹⁷³ Полную «Опись пожиткамъ, оставшимся послѣ смерти Синодального члена преосвященнаго Симона архіепископа Псковскаго и Нарвскаго» см.: Reichelt 2011, 515-535.

¹⁷⁴ Во время обучения в Киевской духовной академии в 1718-1727 гг. многие преподаватели Тодорского были польскими иезуитами (Avertisment 1734).

Сербии. Эти три года он не давал о себе знать в Галле, хотя его искали. Причиной этому, как объясняет Э. Винтер, была подготовка к составлению нового текста Библии, к чему Тодорский готовился основательно и что следует также из его письма инспектору Гришову в 1738 г., где Тодорский пишет о переводе Ветхого и Нового Завета у греческих братьев в Венгрии (о том, чем Тодорский занимался у иезуитов, он тактично упускает) (Winter 1953, 416). Из биографии Тодорского следует, что ему удалось прекрасно подготовиться к новому изданию Библии в России – после десяти лет учебы в Киевской духовной Академии и шести лет учебы в Галле, он ознакомился также и с учением «опасных»¹⁷⁵ иезуитов и греков, тем самым собрав и обобщив накопленный опыт с возможностью взять от каждого что-то положительное (при новом издании Библии), если в этом будет необходимость. Винтер считал, что новый перевод Библии был для Тодорского самой важной и конечной целью, итогом его длительного обучения и пребывания за границей, что явилось подготовкой для перевода Библии (Winter 1956).

В Киев Симеон Тодорский прибыл в 1738 г. К тому времени переводы Тодорского, в частности, книга Арндта, уже распространились по России. В годы правления Анны Иоанновны эту книгу в начале можно было свободно купить в книжных лавках. С собой Тодорский также привез книги,¹⁷⁶ среди них, вероятно, и свои переводы, значение которых в Украине и России было для него однозначным:

„Ich habe zwischen Furcht und Hoffnung Meine Bücher, welche Gott Lob! ohne den geringsten Schaden nach Kijov gebracht, sind alle mit einander nach der Hypothesi meiner Lands-Leute ketzerische Bücher.“ (С. Тодорский инспектору Гришову, Киев 1738. Winter 1953, 417).

Ситуация в отношении переводов Тодорского изменилась в связи с некоторыми событиями, в том числе из-за смены правления в стране. В конце 30-ых гг. XVIII в. не было в живых не только А.Г. Франке, который имел влиятельные связи и своих людей во многих странах, в том числе и в России. Уже не было и Феофана Прокоповича (1681-1736), являвшегося «защитником» и сторонником западноевропейских, в том числе и религиозных, направлений – это касалось и пиетистов. Без его поддержки пиетисты не могли получить разрешения на свободную продажу книг. В главе 3.2.1 уже было дано письмо пастора Фирорта, подтверждающее прямую связь между пиетистами и Ф. Прокоповичем. Еще одно подтверждение связи пиетистов с Ф. Прокоповичем можно найти в письме пастора Нацциуса, адресованном Г.А. Франке от 09.09.1735:

„(Ich) stehe nun noch in der Überlegung, obs rathsam ist, Eur Hochehrwürden Brieff (т.е. письмо Г.А. Франке) an den Ertzbischoff (Ф. Прокопович) zu übergeben, weil ein neuer Vorschlag von der Bibel drinnen stehet. Um der Ursache willen, daß er den H. Thodorski kennen lernte, möchte ichs zwar wohl thun, iedoch ich haesitire noch.“ (Winter 1953, 409).

Данная цитата подтверждает также, что именно Тодорского пиетисты прочили в переводчики нового варианта Библии, после того как С. Тодорский начал обучение в Галле в 1729 г. Это подтверждают и письма информаторов Франке из России. Как уже

¹⁷⁵ В письме от 14.08.1738 г. инспектору Гришову Тодорский, объясняя, почему его пребывание у иезуитов и греков он оставил в тайне и ничего не рассказал о своих планах в Галле при отъезде в 1735 г., писал следующее:

„[...] ich wußte es wohl, wie sie mich alle mit einander hertzlich geliebet haben, und folglich würden sie mir dieses nimmermehr zu verstaten bewilliget seyn, dass ich mich in solche Gefahr begeben sollte.“ (Winter 1953, 416).

¹⁷⁶ Книг с собой Тодорский привез немало, как свидетельствует об этом его биография:

„Mit allerhand nützlichen und zu seinem Zweck dienenden Büchern ist er von andern Freunden beschenkt worden, theils hat er sich dieselben von dem, was ihm göttliche Providenz bescheret, angeschafft, und zwar in einer solchen Anzahl, dass sie bey seinem Abzuge vier und einen halben Centner gewogen.“ (Avertisment 1734).

было сказано выше, с 1718 по 1740 гг. в Галле из русских учился только Симеон Тодорский. А это было как раз время, когда А.Г. Франке через своих людей искал в России образованного человека, который смог бы приехать на обучение в Галле и заняться здесь переводами на русский язык.¹⁷⁷ Некоторые из переводов уже были сделаны ранее (например, перевод «Малого катехизиса» пастора Родде, см. гл. 3.2.2) и нуждались в редакции, некоторые книги еще предстояло перевести. Но вершиной и целью этой работы был, вероятно, русскоязычный перевод Библии и получение права на его издание.

В случае с Прокоповичем не обошлось без недоразумений, т.к. он считал, что Арндта перевел пастор Родде (из Нарвы). Такая информация, а также и сообщение, что Ф. Прокопович сторонник лютеран и оказывал помощь при печатании «русскоязычных» переводов в Галле (финансовую), была опубликована в популярном тогда периодическом издании, выходящем в Лейпциге – „Neue Zeitungen von gelehrten Sachen“¹⁷⁸ (также известные как „Leipziger gelehrte Zeitungen“ или „Neue Leipziger gelehrte Zeitungen“, выходившие два раза в неделю), дошла в таком виде до России, о чем и сообщал пастор Нацциус в уже указанном письме (09.09.1735):

„Nach unserer Rückkunfft erfuhr H. Peter Müller von dem Medico, der bey dem Ertzbischoff ist, es habe den Ertzbischoff sehr verdrossen, dass man ihm am Hofe ex Novis literar. Lipsiensibus vorgelesen, wie er der H. Ertzbischoff ein guter Lutheraner sey, habe auch Arnds Christenthum zum Druck befördern helffen. Der Medicus bat H. Peter Müllern, er möchte ja nichts von Arnds Buch reden. Diß hat er auch so gethan, und ob er wohl manches mit ihm von Past. Rodden geredet, auch mit Fleiß den Discours unterhalten, um etwa ihm diese Sache ins Gedächtniß zu führen (weil der Ertzbischoff glaubet, Pastor Rodde habe Arnden übersetzt), so hat er sich doch nichts ausgelassen. Was mir ferner passieren wird, werde ich Eur Hochehrwürden eröffnen. Indeß bitte dem Autori der gelehrten Zeitungen zu melden, dass ein solcher unbehutsamer Ausdruck dem Reiche Gottes gewisslich schaden thut. Wem nutzets doch draußen, solche Specialia zu wissen? Zumal bey unser Nation, wenn die so was lesen? Schaden thuts genug, und ich bitte nochmals hertzlich, dass alles, was ich schreibe, ja wohl möge secretiret werden“ (Winter 1953, 409).

Как видно из приведенного отрывка, средства массовой информации и в то время иногда вводили в заблуждение читателей, как и сегодня. Реакция Г.А. Франке была соответствующей:

„[...] ich versichere, dass der Autor der Gelehrten Zeitungen in Leipzig von hier aus das nicht hat, dass der Herr Ertz-Bischoff ein guter Lutheraner sey und des Arnds Christenthum habe zum Druck befördern helfen. Dieses und dass der Joh. Arnd in die russische Sprache übersetzt worden, mag er wol erfahren haben, indem solches nicht gantz verborgen bleiben können, das übrige aber, was er hinzugethan, mag wol von andern herrühren, die etwa davon aus Peterburg Nachricht haben wollen. [...] Soviel mich erinnere, hatten sie H. Rodden zum Bischoff und Übersetzer des Arnds gemacht und beklaget, dass man nicht lieber Reinbecks Erklär. Der Augsb. Confession den Rußen in ihrer Sprache geliefert“ (Г.А. Франке Х.Г. Нацциусу, Галле 17.09.1735. Winter 1953, 411-412).

О «содействии и поощрении» со стороны Прокоповича при издании «русскоязычных» книг, как, например, «Арндта «Об истинном христианстве» и др.» писал также и Пекарский (Пекарский 1862, 489).

¹⁷⁷ Это упоминается в письмах, приведенных в статьях Вочке (Wotschke 1930a/b).

¹⁷⁸ В библиотеке Франке еще сохранились экземпляры этого издания за 1715-1741 гг. (AFSt/ 93 I 87-114).

И хотя перевод иноязычной религиозной литературы активно обсуждался в России еще во времена правления Петра I, к 1735 году власть в России неоднократно менялась, и прежние намерения и указы были забыты – во времена правления Анна Иоанновны (Романовой) (т.е. с 1730 по 1740 г.) цензура по изданию книг ужесточается, во многих случаях запрещающим органом является Св. Синод, а издание книг не систематично, скорее спонтанно. Всего за время правления Анны Иоанновны публикуется 140 наименований, при этом значительная часть из них – это сообщения о дворцовых торжествах и праздниках. Отношение правящей императрицы к развитию просвещения хорошо отражено в указе от 12 декабря 1735 г., где написано, что «подлый народъ не следует обучать грамоте, дабы его не отвлекать от черной работы» (Адарюков 1924, 145).

Уже в 1737 г. пастор Нацциус пишет из Петербурга, что перевод Арндта продают, но не открыто, а по требованию покупателя.¹⁷⁹ Известно, что это произведение продавалось в Астрахани, Сибири. А в Киеве его можно было купить в книжной лавке Киево-Печерской Лавры. Самый большой из переводов Тодорского долгое время был распространен в России. Перевод Арндта высоко ценил Тихон Задонский¹⁸⁰ (Хондзинский 2004, Reichelt 2011). Даже после революции книга эта была распространена в православных монастырях за пределами Советского Союза.¹⁸¹ Существует еще один, более поздний перевод Арндта 1784 года, сделанный И.С. Тургеневым. Считается, что Тургенев перевел Арндта на русский язык, не на церковнославянский.¹⁸² Сравнительное исследование обоих текстов в отношении языка перевода, содержания, а также культурно-исторической терминологии еще предстоит, и результаты этого исследования могут быть плодотворными, если учесть, что между этими двумя переводами лежит граница «образования» русского литературного языка нового типа (грамматика М.В. Ломоносова).

Симеон Тодорский по возвращении в Киев преподавал в должности профессора Киевской академии (1738-1740) – греческий, древнееврейский и немецкий языки (Mengel 2000). В это время написал также учебник по греческому языку, как облегчение студентам при сдаче экзамена по греческому: „*Rudimenta graecae linguae, in quibus paradigmata declinationum conjugationumque cum aliis pernecessariis ad solidiorem hujus Sacri idiomatis cognitionem observationibus ex variis auctoribus collecta summatimque publico exhibita in academia Kijovo-mohylo-zaborowsciana*“¹⁸³ (Щукин 1899, 34). Немного позже Тодорский принимал участие в очередном редактировании Библии (1743-1744

¹⁷⁹ „Mit dem russischen Arndt ist soweit kommen, dass er zwar nicht publice in den hiesigen Buchläden feil vor Augen liegt, doch heimlich an die, so danach fragen, verkauft wird [...]“ (Čyževskij 1938, 66).

¹⁸⁰ Один из его основных трудов также называется «Об истинном христианстве».

¹⁸¹ В последний раз книга Арндта была напечатана на русском языке в 1974 г. в США, в издательстве Зарубежной Русской Церкви (Иоганн Арндт и русское Православие 2006).

¹⁸² «Следующий перевод, уже не на церковнославянский язык, а на русский, был выполнен одним из руководителей новиковского масонского кружка И.П. Тургеневым. Его перевод под заглавием *Иоанна Арндта О истинном христианстве шесть книг* был издан в 1784 г. в вольной типографии видного масона И.В. Лопухина» (Иванов 1993, 14).

¹⁸³ «Основы греческаго языка, въ которыхъ из разныхъ авторовъ собраны и вкратцѣ публично преподаны въ Киево-Могило-Заборовской академіи примѣры склоненій и спряженій съ инымъ весьма нужными для болѣе твердаго пониманія этого священнаго нарѣчія примѣчаниями» (Перевод Щукина, Щукин 1899, 34). Ко времени написания Щукиным его книги (1899) сохранилось четыре экземпляра этой грамматики, все рукописные и с указанием автора. Основные части ее были изданы В. Ляшевским в 1749 г., и переизданы в 1779 г. (в Лейпциге) и в 1814 г. (в Москве).

гг. и в 1748 г.). Также два его ученика¹⁸⁴ впоследствии приняли участие в создании Елизаветинской Библии 1751 г. (Щукин 1899, 112).

При дворе Елизаветы Петровны (период правления с 1741 по 1761 гг.) Тодорский, постриженный в мае 1740 г. в монахи, стал членом Священного синода (с 1743 г.), пожалованным в епископы (Костромской с 1743 г.), позже архиепископом (Нарвский и Псковский с 1745 г.). Живя с 1741 г. в С.-Петербурге, Тодорский именным указом Елизаветы от 31 мая 1742 г. был призван ко двору и назначен законоучителем и воспитателем престолонаследника герцога Карла-Петера-Ульриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского, будущего Петра III и воспитателем и духовником его невесты (с 1744 г.) Софии-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской, впоследствии Екатерины II. В 1743 г., как член Священного синода, он подписал указ о запрете по распространению перевода Арндта, который был подписан Елизаветой Петровной и официально вступил в силу 09.12.1743 (Щукин 1899; Mengel 2000; Reichelt 2011):

«[...] книга, нарицаемая о истинномъ Христїанствѣ, автора Арнда, въ 1735 году въ Галлѣ, и прочія тамъ же на Россїискомъ діалектѣ напечатанныя, [...] произошли внутрь Россїи, и у многихъ православныхъ находятся, имѣя титулу подъ видомъ ревности къ Богу, акибы о истинномъ Христїанствѣ добродѣтели, а въ Нашемъ Святѣйшемъ Синодѣ оныя не свидѣтельствованы. Того ради Всемилостивѣише указали Мы, чтобъ всякаго чина люди, кто у себя вышеупомянутые именуемую о истинномъ Христїанствѣ и о началѣ Христїанскаго житїя, [...] оныя бы безъ всякаго у себя удержанїя, не умедля, объявляли въ Санктпетербургѣ въ нашемъ Святѣйшемъ Синодѣ, а в Москвѣ въ Синодальной Конторѣ, [...] а впредь изъ иностранныхъ Государствъ таковыхъ [...] въ нашу Имперїю, какъ подданнымъ Нашимъ, такъ и иноземцамъ, ни подъ какимъ видомъ отнюдь не вывозить, чего при границахъ и при портахъ, наблюдая накрѣпко, не пропускать; [...]» (полный текст указа см.: Reichelt 2011, 536-537).

Под предлогом того, что это произведение было напечатано за границей нелегально, без разрешения синода, все экземпляры книги необходимо было изъять из книжных магазинов и у частных владельцев. Это распоряжение было исполнено, но чисто формально. Несмотря на запрет, переводы Тодорского оставались в ходу, а по причине их частичного уничтожения в России, сделались еще и библиографической редкостью. После издания переводов Тодорский приобрел знатных покровителей в Германии – барон Ф. Энде, граф Х. Эрнст (Щукин 1899, 26). Но особое расположение он заслужил у профессоров университета в Галле:

«По словам митрополита Евгенїя, многія изъ книгъ Тодорскаго, перешедшія послѣ его смерти въ Псковскую семинарскую бібліотеку, собственноручно надписаны ему въ подарокъ отъ Михаелиса и другихъ галльскихъ профессоровъ, его сотрудниковъ и учителей. Нам удалось отыскать только одну книгу (Халдейскїй лексиконъ Буксторфа) съ слѣдующею надписью: "Peretimio et doctissimo DN. SIMONI TODORSKI, Russo, Tuoadhuc auditori pio industrioque, iudeque apprima caro, nunc amico cefumatissimo, hosse, sui erga ipsum amoris pignus cum volo felicitis iu patriam raditus iudeqne provenientium puloherrmorum fructuum D.D.D. Shristianus Benedictus Michaelis S. Theol. Et Phil. Prof. Publ. Orb. Hala Magdeburgicae d. XXVII Maii A. CDDCCXXXV"» (Щукин 1899, 26).

С. Тодорский скончался в 1754 г. в Пскове, где и похоронен в Троицком соборе. Свою богатую библиотеку с редкими книгами, в том числе и с привезенными из Галле,

¹⁸⁴ Варлаам (Ляшевский) и Иаков (Блоницкий), оба преподаватели Киевской духовной академии, вошли в 1747 г. в последнюю (шестую) комиссию по исправлению Елизаветинской Библии и подготовки ее к печати в 1751 г. (18.12.1751).

он подарил Псковской семинарии. В настоящее время сохранившиеся печатные издания (53 книги на различных языках), а также рукописи и письма из его архива хранятся в Древлехранилище Псковского государственного музея-заповедника («фонд Симеона Тодорского»).

Что сегодня можно узнать о Симеоне Тодорском? В наши дни его имя можно встретить, например, в электронных «сетях» интернета. Как правило, либо на общем библиографическом сайте, где собрана практически вся известная о Симеоне Тодорском информация, показательно разная по содержанию и не совсем актуальная.¹⁸⁵

«Симон Тодорский – архиепископ Псковский и Нарвский (1700-1754). Род. 1 сентября 1700 г. близ Киева; окончил курс в Киевской коллегии и потом с 1727 г. 10 лет провел за границей в разных университетах. [...] Известны в печати еще два его перевода, сделанные им за границей: сочинения Иоанна Арндта – "Об истинном христианстве" и "Наставления к истинному познанию и душеспасительному употреблению страдания и смерти Господа Нашего Иисуса Христа" («Списки архиереев российской иерархии». В: «Исторический Вестник» 1883)».

«Симон Тодорский – Архиепископ Псковский и Нарвский, родился близ Киева в Малороссии 1 Сентября 1700 года; сперва обучался он в доме родительском, а с 1717 года в Киевской Академии, где окончив круг своих наук, для большего усовершенствования в оных с 25 Февраля 1727 года отправился в заграничные училища, и в разных проведши 3 года, вступил потом в Галльский университет, где и продолжал обучаться до 1738 года на содержании Преосвященного Рафаила, Митрополита Киевского. Там сверх других наук, особенно занимался он под руководством профессоров изучением догматики, егзегетики, физики и других наук, также языков греческого, еврейского и прочих восточных, в коих и успел превосходно; а притом совершенно научился немецкому языку. Между тем с сего последнего языка перевел он на русский язык книгу Иоанна Арнда О Истинном христианстве, напечатанную славянскими буквами в Галле в 1735 г., на издание коей Императрица Анна Иоанновна прислала ему 600 рублей. Но книга сия в Царствование Императрицы Елизаветы Петровны была запрещена в России по определению Св. Синода. Там же еще напечатал он и другой свой русский перевод книжки Анастасия Проповедника Наставление к истинному познанию и душеспасительному употреблению страдания и смерти Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа: обе в 8 долю листа. В 1737 году, возвращаясь в Россию, он в Белграде упрошен был греческими купцами преподавать им там Закон Божий, а в следующем 1738 году 10 июля возвратился он в Киев.» (Е. Болховитинов: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви» 1818).

Либо на сервере «Русское православие»:¹⁸⁶

«Симон (Тодорский). Сан: архиепископ. Дата рождения: 01.09. 1700 г. Дата смерти: 22.02. 1754 г. Симон (Тодорский), архиепископ Псковский и Нарвский. Родился 1 сентября 1700 года близ Киева. Окончив Киевскую духовную академию, уехал за границу в 1727 году и в течение десяти лет слушал лекции в заграничных университетах, в частности, в Иенском. Вернувшись в Россию, определен наставником в Киевскую академию. В 1740 году пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. [...] Знал в совершенстве восточные языки (еврейский, сирский, халдейский, арабский, греческий), латинский и немецкий, был филолог ориенталист. Принимал участие в исправлении

¹⁸⁵ Электронная версия: <http://dic.academic.ru> (18.10.2010).

¹⁸⁶ www.ortho-rus.ru (18.10.2010).

[перевода?] Библии, очень много потрудился на этом поприще. Пользовался европейской известностью».

Это отрывок из биографии Тодорского с сайта «Русское Православие», основанного одноименным фондом и курируемого Русской Православной церковью.

А эти данные опубликованы в статье Вяч.Вс. Иванова:

«Его сочинение (Арндта) под заглавием Четыре книги о истинном христианстве было переведено на русско-украинский извод церковнославянского языка украинским богословом Симоном Тодорским, жившим короткое время в Германии (он уехал из Украины в 1725 г., когда ему было 25 лет). Переводом Арндта он занимался в Халле, где его книга, содержащая почти полторы тысячи страниц, была издана (обычным для церковных книг шрифтом, отличным от петровского гражданского) в 1735 году (три года спустя Симон Тодорский уже живет в Киеве). Книга получила распространение в России (есть сведения, что ее читали в Астрахани), но в 1743 году она была запрещена Св. Синодом. Судя по письмам из России, сохранявшимся в архиве в Халле, книга продолжала после этого распространяться 'из-под полы'» (Иванов 1993, 14).

Противоречивые сведения, встречающиеся в России и в печатных и в электронных изданиях, говорят о том, что С. Тодорский и его творчество еще мало изучены и отсутствие информации порождает многочисленные расхождения. О том, что за Симеона Тодорского во время учебы в Галле материально хлопотал Феофан Прокопович, писали П. Пекарский (Пекарский 1862), В.В. Щукин (Щукин 1899), Е. Болховитинов (Болховитинов 1995).¹⁸⁷ О поддержке Прокоповичем русскоязычных изданий из Галле говорил еще сам С. Тодорский в период своего членства в Св. Синоде и вообще, после переезда в С.-Петербург (с 1741 г.), что могло закрепиться впоследствии, как факт. Тодорский, как свидетельствует одно из писем 1752 год (Avertisement 1734), хотел получить подтверждение из Галле, что печать (и перевод, конечно) «русскоязычных» изданий 1733-35 гг. была инициирована Ф. Прокоповичем:¹⁸⁸

„Es hat mich unser Freund (der Erzbischof Todorskj), der jezo von allen Seiten her versucht wird, inständigst gebeten: ich möchte dahin Sorge tragen, dass entweder E.H. oder der H. Insp. Grischow mir folgende Anfragen deutlich und umständlich beantworten:

- 1.) Weil bekannt, dass Arnds Wahres Christentum zu Halle in der russischen Sprache gedruckt worden, durch was vor Veranlassung oder Befehl solches geschehen?
- 2.) ob vielleicht nicht der damalige und Anno 1736 bereits verstorbene Ertzbischof Theophanes solches befohlen, oder veranlasset habe?
- 3.) ob die damalige Majestät 500 Rubel dazu doniret und wer diese Donation bemittelt habe?

Er hat mir diese Fragen selbst dictiret und er glaubet, sich durch gründliche Beantwortung derselben aus vieler Gefahr zu reißen. Daher der Brief (1) nur an mich seyn, (2) seiner mit keinem Wort gedacht und (3) in lateinischer Sprache geschrieben werden müste; etwa in dieser Form: [...].¹⁸⁹ Es wird dieser Brief offenbar einer hohen Person¹⁹⁰ vorgezeiget, abcopiret und

¹⁸⁷ В. Щукин предполагал следующее:

«[...] вѣроятнѣе всего предположить, что Деофанъ лишь одобрилъ выборъ, сдѣланный самимъ Тодорскимъ. Ужъ если была рекомендація этихъ книгъ Тодорскому, то она могла скорѣе всего идти со стороны галльскихъ друзей и руководителей Симона. Несомнѣнно, однако, что и Деофанъ Прокоповичъ интересовался переводомъ упомянутыхъ книгъ и содѣйствовалъ ихъ напечатанію. По его ходатайству, императрица Анна Иоанновна прислала Симону для изданія переведенныхъ книгъ шесть сот рублей» (Щукин 1899, 22).

¹⁸⁸ Данное письмо приводится практически полностью.

¹⁸⁹ Латинский текст.

¹⁹⁰ „Eine hohe Person“ – так Пфлуг в своих письмах называл императрицу Елизавету (Winter 1953, 419).

auch andern Vornehmen gewiesen werden. Ich bitte daher, so bald als möglich ist und immer geschehen kann, solchen zu procuriren. Denn es ist Noth vorhanden; die Feinde sind mächtig und groß. Er hat viele Verfolgung und stehet in Gefahr etc. Daß am obigen Brief sehr vieles gelegen, erhellet auch daher, weil er wieder einen Expressen zu mir geschickt und fragen lassen, ob ich schon geschrieben.“ (J.G. Pflug¹⁹¹ an J.H. Callenberg, из Петербурга в Галле 11.07.1752. Winter 1953, 419).

Этот фрагмент письма Пфлуга Калленбергу включен в другое письмо – Калленберг обращается к одному из своих сотрудников (Fabricius, инициалы не указаны),¹⁹² цитируя письмо Пфлуга и рассуждая на эту тему:

„Aus diesen Worten und einigen Stellen des vorigen Briefes sehe, dass es des H. Todorsky Widerpart vom geistlichen Stand aufs höchste treibet und die Sache nunmehr mit in die Beurtheilung der vornehmsten Minister, worunter nicht wenige für ihn portiret seyn mögen, gelanget; zu geschweigen, dass der Großfürst und die Großfürstin ihn ungemein wehrt haben. Ich sehe aber aus der vorstehenden Stelle, dass er noch Hofnung hat, bey Ihro Majt. Der Kayserin mit einer bessern Information durchzudringen. Ob ich nun schon mit anderen Verrichtungen obruiert bin, will doch alles, was nur Aufschub leidet, liegen lassen und das verlangte Schreiben, zwar nach Anleitung seiner Fragen, iedoch zur beßern Erlangung des Entzwecks ausführlich abfassen. Es möchte befremderlich vorkommen, daß er seiner nicht will gedacht wissen: ich verstehe es aber so, daß man ihn nicht nenne: das auch wohl unterbleiben, und nur eines geschikten Menschen von rußischer Nation, so Studirens halber anwesend sich befunden und darum angesprochen worden, gedacht werden kann. Meines Wissens hat der Ertzbischof Theophanes weder die Verfertig- noch die Edirung der rußischen Version verlangt: allein da H. Todorskij der Frage noch inseriret: oder veranlasset habe? So kann davon etwas, so dienlich ist, mit einfließen, z.E. daß diejenige Gesinnung, welche Theophanes gegen die Hallische guten Anstalten geäußert, allerdings die Hofnung und Zuversicht erwecken müssen, daß ihm dieses Buch garnicht entgegen seyn werde; man auch hinterher seine Approbation mit gutem Grund darein schließen können, daß die Kaiserin, welche in solchen Dingen nichts ohne seinen Beyrath zu thun pflag, bey dem Empfang der ersten Bogen die 500 Rubel geschickt habe; welches denn umsovielmehr den Herausgeber encouragiren müssen, den Druk fortsetzen zu lassen und die Sache zustande zu bringen. Viele Proben der gedachten Gesinnung des Theophanis, der dorten durchgängig noch in hohem Ansehen ist, wie auch favorabler Passagen vom Petro I. und der Kayserin Catharina entsinne mich, wie wol nur confuse, aus des H. Past. Vierorts und sel. H. Past. Roddens zu Narva Briefen theils an vener. dn. d. Franckium, theils ad b. Ejus Patrem. Wäre es nun Denenselben gefällig, mir deren gütige Communication zu thun, so wäre ich imstande, dieses Hauptstück dem Brief mit einzuverleiben. Was besonders die Briefe gedachter beider Männer an b. Franckium betrifft, so werden sie leicht zu finden seyn, in dem ich sämtlichen Vorrath von Briefen nach dem Alphabet rangiret habe und also nur die Volumina sub R. Und V. Geöffnet werden dürfen. Ich weiß wohl, daß alles, was diesen Punct betrifft, nicht angeführet werden kan: ich werde nach Erfordernis des mir ziemlich bekanten Status von Rußland nur das Dienliche choisiren. Vale. d. 11. Jul. 1752. J.H. Callenberg“ (Winter 1953, 420).

¹⁹¹ Й.Г. Пфлуг (Johann Gottfried Pflug, 1703-1759), изучавший теологию в университете Галле, сначала был учителем в Литве (с 1732 г.), затем в Эстонии (Тарту, с 1733 г.) и с 1752 г. профессором Первого кадетского корпуса в С.-Петербурге. Известно, что Пфлуг поддерживал связь с Галле – заказывал и получал оттуда книги (Schuldes 2003, 31). Пфлуг вел также переписку с С. Тодорским. Известно его письмо, адресованное Тодорскому, на греческом языке. Пфлуг познакомился с Тодорским в 1734 г., в Галле. Поэтому, вероятно, он был осведомлен о подробностях биографии Тодорского (Щукин 1899).

¹⁹² Вероятно, Иоганн Филипп Фабрициус (Johann Philipp Fabricius, 1711-1791), изначально юрист, занявшийся после прочтения миссионерских сообщений из Галле миссионерской деятельностью в Индии. В рамках датско-галльской миссии отправился в 1740 г. в Транквебар, где и жил до конца своих дней (в основном в Мадрасе). Принимал участие в переводе Библии на тамильский язык (в 1750-ые гг.), а также издал лексикон и грамматику (1778) тамильского языка (Lehmann 1955).

Рассуждения Пфлуга в 1752 году можно рассматривать, как свидетельство (пусть и субъективное) того времени, которое подтверждает факт, что Тодорский лично был заинтересован в распространении слухов о том, что переводы в Галле были сделаны по протекции Ф. Прокоповича. Как полагал Э. Винтер, необходимость «затемнить» свое прошлое и по мере возможности изменить его в свою пользу, была продиктована участием Тодорского в переводе Библии – главной цели его жизни, для чего, собственно, были потрачены годы обучения, сперва в Киеве, позже в Западной Европе. (Winter 1956). Для репутации Тодорского было бы недопустимо создание еретических, с точки зрения Св. Синода и Православной церкви, произведений. Необходимость быть осторожным была продиктована также его высоким положением, которого он достиг после 1740 г. Об этом сообщалось и в его биографии:

„Da er nach Petersburg kam und Beichvater wurde, schrieb er an gewisse Freunde: dass er sich sehr geheim und stille betragen müsse, wegen seiner vielen Feinde.“ (Avertisment 1734, вторая часть биографии, написанная после кончины Тодорского в 1754 г.).

Подробно описанные в теоретической части события и лица, связанные со временем создания текста перевода Й.А. Фрайлингхаузена, представляют несомненный интерес и приведены здесь, чтобы понять и объяснить причины создания текста **«Писанию святому согласующееся ИСТИВЛЕНИЕ к истинному ПОВЗНАНЮ и душевспасительному употреблению страдания и смерти гопода и спасителя нашего ИГОУСА ХРИСТА СЛЮЖЕННОЕ Анастасиему проповѣднику божия слова».**

4. Анализ перевода Симеона Тодорского «Писанию свѣтлому согласующееся ПІСТАВЛЕНІЕ къ истинному ПІЗНАНІЮ и дѣшеспасителному употребленію страданія и смерти господѣ и спасителя нашего ІІСОУСА ХРИСТА ІІАЩЖЕННЦЕ Анастасіемъ проповѣдникомъ божіа слова»

Анализируемый текст, изданный в Галле без года издания,¹⁹³ объемом в 231 страницу является переводом книги Иоганна Анастасия Фрайлингхаузена: “Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkäntniß und heilsamen Gebrauch Des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesus Christi“.

Идентифицировал этот перевод Д.И. Чижевский, о чем и сообщал в одной из своих работ:

„Die zwei von den russischen Bibliographen angegebenen Titel sind in Wirklichkeit nur Teile von einem und demselben Titel; es handelt sich hier um die „Schriftmäßige Einleitung zu rechten Erkenntniß und heilsamen gebrauch des Leidens und Sterbens unsers Herrn und Heilands Jesu Christi“ (1714), das Buch wird in der russischen Übersetzung einem rätselhaften „Anastasij, Prediger des Wortes Gottes“ zugeschrieben; ich habe festgestellt, daß das eine Übersetzung des Buches von dem Hallenser Pietisten J.A. Freylinghausen ist“ (Čyževskýj 1939, 32).

В Галле до наших дней сохранилось шесть экземпляров издания оригинала Фрайлингхаузена: три экземпляра издания 1714 г., один экземпляр издания 1715 г. и еще один экземпляр издания 1729 г., которые хранятся в библиотеке Фонда Франке (AFSt: 57 H 1; 44 I 12; 31 H 17 – 1714 г., S/FS.2:267 – 1715 г.; 14 I 5 – 1729 г.); один экземпляр находится в Центре Европейского просвещения (IZEA FrSt: an II 4636 (2) – 1715 г.).¹⁹⁴ Для текстового анализа перевода Тодорского привлекался экземпляр оригинала Фрайлингхаузена издания 1715 года, хранящийся в Центре Европейского просвещения (Freylinghausen 1715).

Текст «русского» перевода сохранился в Галле в двух экземплярах: в библиотеке Фонда Франке (S/FS.2:255) и в Центре Европейского просвещения (IZEA FrSt: Ie 799 2).¹⁹⁵ Экземпляры перевода находятся в прекрасном состоянии, особенно хранящийся в библиотеке Франке – в книге было много неразрезанных страниц. Это было сделано только при просмотре книги в 2007 году. Кроме того, на внутренней стороне обложки этого экземпляра сохранился приклеенный листок с надписью: „Verlagsbibliothek der Buchhandlung des Waisenhauses in Halle (Saale). Gegründet 1698“. Эклибрис представляет собой двух птиц, держащих ленточку с надписью „Isaias 40, 31“. На титульном листе карандашом указано название оригинального произведения, а также год издания перевода – [1735]. При анализе текста использовался экземпляр перевода, хранящийся в библиотеке Фонда Франке (Тодорский 1735).

Кроме описанных экземпляров из Галле, на территории Германии экземпляры «русского» перевода Фрайлингхаузена хранятся в университетских библиотеках Гёттингена¹⁹⁶, Ростока¹⁹⁷ и в Веймаре, в библиотеке герцогини Анны Амалии.¹⁹⁸ В

¹⁹³ В исследуемом экземпляре год написан карандашом на титульной странице – 1735. В каталогах библиотек и в Галле, и в Москве год и место издания указаны.

¹⁹⁴ Очевидно, что в период с 1714 по 1729 гг. были напечатаны только эти три издания – 1714, 1715 и 1729 гг.. В варианте 1714 г. указано: „1. Ed.“, в варианте 1715 г.: „Andere Ed.“, в варианте 1729 г.: „3. Ed.“. Таким образом, в Галле сохранились все варианты издания оригинала Фрайлингхаузена.

¹⁹⁵ В Центре Европейского просвещения хранится «подарочный» экземпляр книги, имеющий кожаную обложку белого цвета. Формат, как и у всех других экземпляров – 8°.

¹⁹⁶ Правда, в каталоге указано, что выдается на руки только копия. Неизвестно, сохранился ли там оригинал.

университетских библиотеках уже указанных городов хранятся и другие «русскоязычные» издания из Галле, напечатанные в 1730-ые годы.

Наибольший интерес представляют экземпляры «русского» перевода Фрайлингхаузена, сохранившиеся в России.

В Российской Национальной Библиотеке Санкт-Петербурга (РНБ) сохранился не только исследуемый перевод Фрайлингхаузена, но и пять других «русскоязычных» изданий из Галле. Причем, «**Чтири книги...**» Арндта (7 экземпляров, из них в двух содержатся пометки, сделанные при чтении, и в одном из экземпляров имя владельца – «Дмитрий Федотов сын Богомолв Астрахань 1769 год»), «**Писанію сватомѹ согласѹюцоеса...**» Фрайлингхаузена (1 экземпляр), «**Пять избранныхъ псалмовъ...**» (1 экземпляр) и «**Оученіе о началѹ христіанскаго житія**» Франке (3 экземпляра¹⁹⁹) находятся в РНБ Санкт-Петербурга еще с середины XIX века, согласно записи библиотечного каталога, а «**Начало христіанскаго ученія...**» Франке (экземпляр поврежден, без титульной страницы) и «**Наставленіе къ священномѹ писанію**» Арндта (оригинал: *Informativum Biblicum*) были найдены в отделе редкой книги в 50-ые гг. XX века (Вукова 1966, 263-264).

В экземпляре перевода Фрайлингхаузена из РНБ также содержится указание на владельца книги: она в 1766 году принадлежала церковному служке «Псковской Никольской церкви Антону Архипову» (Вукова 1966, 266).

Кроме того, в РНБ Санкт-Петербурга, в отделе рукописей, хранится полностью переписанный экземпляр Арндта «**Чтири книги...**», датируемый серединой XVIII века. В нем отсутствуют несколько начальных страниц, включая титульный лист (Вукова 1966, там же).

Экземпляр перевода Фрайлингхаузена, хранящийся в Москве, в Российской Государственной библиотеке, в Музее книги (8° Анастасий. Унд 1827 Наставления к познанию страданий и смерти Иисуса Христа. Галле. 1735) также имеет пометы. В начале книги стоит экслибрис «Московского Публичного и Румянцевского Музеевъ» № 6251, вероятно, книга происходит из личной коллекции графа Н.П. Румянцева.²⁰⁰ Копии двух страниц из этого экземпляра даны в конце работы (см. *Приложение 3*).

На первом развороте книги, еще до титульного листа, имеются две записи, сделанные автором перевода – Тодорским, для человека, которому книга была подарена (см. *Приложение 3*):

„Einem Lieben herrlichen hochgelobten demüthigen sanftmüthigen Schäflein mit dem Blüte
JESU CHRISTI von allem Unflut von aller Welt dem abgekommenen Kinde JOHANNI
DAVID MOCHAELIS seinem in Jesu Christo vom Hertzengrund gelehrten teuersten liebenden

¹⁹⁷ Тоже указана только копия.

¹⁹⁸ В отношении Веймара можно установить, что книга там раньше была, но при указанной сигнатуре содержится пометка, что «книга утеряна, вероятно, при пожаре в библиотеке в 2004 году».

¹⁹⁹ Быкова тем самым опровергает утверждение Чижевского, что в Галле сохранился единственный экземпляр этого издания (Вукова 1966, 265).

²⁰⁰ Граф Н.П. Румянцев (1754-1826), известный дипломат, увлекавшийся российской историей, хотел создать музей, где были бы представлены материалы по истории, искусству и природе России. После его смерти осталась обширная библиотека – около 29.000 томов, собрание рукописей, медалей, монет и небольшая художественная коллекция. Все это и вошло в фонд музея, открытого в 1831 г. в Санкт-Петербурге его братом. 30 лет спустя, по причине полного упадка, музей Румянцева был взят на гособеспечение и переведен в Москву. Со временем коллекция графа Румянцева значительно расширилась, пополняясь за счет пожертвований. До революции 1917 г. музей Румянцева размещался в доме Пашкова на Моховой, а с 1924 г. началось его расформирование. Библиотека была переименована (им. В.И. Ленина), а остальные части музея – картины, скульптуры, монеты и многое другое – разошлись по различным музеям и фондам или были утеряны (Бажинова 1994).

et car et cer in Tehseram pia, benevola, christiane vor [...] ²⁰¹ memoria, Hasee pagellas cum voto, quod calamo clarare non potuit.

DDD

Hal:1735

Simeon Todorski Rußus

gleichfals gewesener Ertzbösewicht von Natur, ietzo aber in JESU CHRISTO dem theuersten und welt [...] heiland ein liebes Gottes Kind Halleluja amen“ ²⁰².

Кроме упоминания имени адресата книги – Иогана Давида Михаэлиса в посвящении, упоминание о нем сохранилось также и в приклеенной к титульному листу записке, написанной карандашом, с пометой «примечания и наставления»:

«Иоганн Давид Михаэлис (р. 27.II.1717 Halle, ум. 22.VIII.1791 Göttingen), впоследствии знаменитый ориенталист и богослов, первоначальное образование получил в доме отца, ²⁰³ 1729-1733 посещал школу Сиротского дома; 1733-1739 слушал лекции в университете. В 1745 отошел от pietизма и в связи с этим переехал в Геттинген, где оставался профессором до своей смерти. Его переписка, составляющая 11 больших томов, хранится в унив. библиотеке в Геттингене (ADB XXI 685-690); в ней могут оказаться письма Симеона Тодорского».

Экземпляр перевода Фрайлингхаузена, хранящийся в Москве, находится в более подержанном состоянии и ценен, в первую очередь, сохранившимися в нем автографами. Не совсем ясно, каким образом этот экземпляр книги, вероятно, из личной библиотеки Михаэлиса, ²⁰⁴ попал в Румянцевский музей.

Кроме перевода Фрайлингхаузена в Москве, в Музее книги, сохранился один экземпляр другого перевода Тодорского. Это «**ОУЧЕНИЕ О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСКАГО ЖИТІА**» (8° Унд. 1829), оригиналом которого является трактат А.Г. Франке „Die Lehre vom Anfang Christliches Lebens“, впервые изданный в 1698 г., позднее множество раз переиздававшийся. Книга переплетена в мягкий переплет и содержит печати различных библиотек («Москва», «Синодальная библиотека», «Библиотека Московской духовной академии» и др., трудночитаемые). На титульном листе записано карандашом «Галле 1735 Унд. 1829». Кроме того, в конце, на последнем развороте книги имеется запись поблекшими чернилами: «№ 4766, Прихпилия Придоношена от тобольскаго архiereя ноября 29 дня».

Тираж издания «русского» перевода Фрайлингхаузена нам не известен, но можно предположить, что он был объемом в 1000 экземпляров. Такой тираж издания «русскоязычных» переводов упоминается в письме Родде Калленбергу от 29.06.1725 по поводу печатания «**Начало христiанскаго учениа...**» А.Г. Франке (см. гл. 3.1.1), а также в письме Фирорта Гришову от 30.05.1734 по поводу издания книг Арндта (см. гл. 3.2.1). На относительно большой тираж указывает и тот факт, что в Галле, и вообще в Германии, сохранилось достаточное количество экземпляров. Хотя в России, даже в центральных библиотеках, «русскоязычные» печатные переводы из Галле отсутствуют, кроме «**Чтири книги...**» Арндта (Вукова 1966, 263). Поэтому описанные выше

²⁰¹ Удалось прочитать не весь текст, т.к. написано неразборчиво.

²⁰² См. Копию записи Тодорского из указанного экземпляра в *Приложении 3*.

²⁰³ Johann Heinrich Michaelis (1688-1738).

²⁰⁴ Можно допустить также, что Тодорский книгу для Михаэлиса надписал, но подарить не успел, поэтому она осталась в библиотеке Тодорского и приехала с ним в Россию, а после кончины последнего попала в библиотеку графа Румянцева. Это помогает объяснить, почему книга, адресованная немецкому профессору, оказалась в России.

экземпляры, хранящиеся в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, особенно ценны, т.к. расширяют возможности исследования.

В отношении перевода Арндта («**Чтири книги...**») большой тираж также подтверждается тем, что и в библиотеках Германии сохранилось достаточно много экземпляров, и в Россию было ввезено значительное количество этих книг. В Германии «**Чтири книги...**» Арндта сохранились, кроме Галле, в университетских библиотеках Берлина, Геттингена, Гамбурга, Йены, Грайфсвальда и Ауриха. В отношении России известно, что в середине XX века в Академии Наук СССР все еще хранилось 60 экземпляров издания Арндта из Галле, без переплета и без признаков, что их когда-либо читали. Вероятно, эти книги так и остались не переплетеными после запрета на их распространение в России в 1743 году указом Св. Синода. В их отношении интересен тот факт, что в некоторых из этих экземпляров имеются различия в наборе текста, без изменения непосредственно текста с начала книги до страницы 834 (Вукова 1966, 267). На основании этого можно предположить, что Арндта, самый большой перевод Тодорского, набирали в типографии в Галле не один раз, возможно и в разное время, потому что книга эта была популярна и пользовалась спросом.

Итак, «русские» переводы Тодорского были распространены в России: в центральных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга еще сохранились их экземпляры. Многочисленные печати и экслибрисы библиотек в этих экземплярах позволяют сделать вывод, что, во-первых, переводы Тодорского «путешествовали» по разным библиотекам, а во-вторых, распространились они по России еще при жизни Тодорского.

4.1 Критерии, задачи и методы анализа

При анализе выбранного для диссертационного исследования текста одного из «русских» переводов Тодорского (как и для анализа всех других его «русских» переводов, выполненных в Галле, а также для анализа переводных текстов вообще) необходимо учитывать следующие релевантные критерии:

- (1) литературный жанр произведения;
- (2) «взаимоотношения» текстов оригинала и перевода в культурно-историческом религиозно-конфессиональном и языковом контексте;
- (3) личность автора перевода;
- (4) время и цель создания оригинала и его перевода.

Указанные критерии касаются как лингвистического анализа текста, так и его текстологического и переводоведческого анализа, а также релевантных аспектов культурно-исторического анализа, т.е. атмосферы, в которой был создан этот текст, причин, послуживших толчком для создания перевода, условий создания, а также и следствий появления этого текста. Выше названные четыре критерия не являются единственными, но основными, направляющими в предлагаемом исследовании.

Рассмотрим каждый из критериев подробнее:

(1) Жанр текста – духовная душеспасительная литература (Erbauungsliteratur). Духовная или душеспасительная литература относится к популярной литературе религиозного, иногда философского содержания и составлена, как правило, на простом, «народном» языке. Такая литература проповедует основы определенной религии, повествует о жизни святых или причастных к церкви людей, снабжена советами и пояснениями для тех, кто ищет смысл жизни и жизнь после смерти и основным произведением в этом была и остается Библия. Особую роль духовная литература сыграла в средние века, когда религия была для человека важной и, часто, основной частью мироощущения, внутреннего восприятия. В Западной Европе духовная

литература была распространена с XIV в. и включала в себя различные по жанру произведения, поэтому ее можно определить как собирательное понятие. Целью такой литературы всегда было воспитание набожности, укрепление религиозного духа верующего и просвещение жизни по христиански (см. Schedl/Moser в Reallexikon 2007, 484). По настоящее время в Фонде А.Г. Франке проводятся выставки „Praxis pietatis. Erbauungsliteratur aus der Bibliothek der Franckeschen Stiftungen“, посвященные распространению и в XVIII веке литературному направлению.

Душеспасительная литература в России также не имела четкого определения как жанр, но развитие ее было иное. В период до XVIII века к ней можно отнести жития святых, легенды, поучения, сборники песнопений религиозного характера, духовные стихи (см. Соколов 1925; Краткая энциклопедия 2003). Позже, в XVII-XVIII вв. получают развитие катехизисы, проповеди и трактаты религиозного содержания (Петр Могила, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович). Этот вид литературы определялся как литература для народа, т.е. созданная для него (кем-то) и одновременно как литература народа, т.е. созданная народом (Соколов, там же). Как имеющие отношение к религии, а вместе с тем и к церкви, произведения душеспасительной литературы должны были составляться на языке церкви, т.е. на церковнославянском языке. Тем не менее допускалось более свободное отношение к языку, т.к. такие тексты не относились к каноническим текстам-образцам.²⁰⁵ Главной целью духовных текстов было укрепление набожности простых людей, что достигалось их доходчивостью и понятностью. Таким образом, цель и метод ее достижения совпадали как в душеспасительных текстах в России, так и в Западной Европе. Определение душеспасительной литературы представляется логичным не по жанру произведения, а по тематике: определенные тексты религиозного характера, направленные на укрепление набожности верующего и спасение его души, составленные на простом и понятном языке, незначительные по объему и доступные в ценовом отношении.

(2) Исследуемый текст не является оригинальным произведением. Это перевод с немецкого языка, созданный в 30-ые годы XVIII века. Примерно тогда же был написан и оригинал (Freylinghausen 1714). Время создания оригинального текста по отношению к его переводу является очень важным фактором. Тодорский, изучавший немецкий язык несколько лет в Германии, переводил современный для него текст, поэтому трудностей перевода, какие бывают при переложении древних текстов, у переводчика не было. Это касается не только лексики произведения. Фрайлингхаузен как убежденный пиетист вложил в текст свое мироощущение, понимание религиозных догм и попытался это доходчиво донести до читателя. Но кроме самого автора оригинала, свой вклад внес частично и переводчик текста на «русский» язык. Таким образом, русскоязычный читатель получил произведение, пропущенное через призму не только автора, но и переводчика.

Сложность для переводчика состояла в том, что это был текст относительно свободный, относящийся к душеспасительной литературе, содержащий в себе и слова автора (Фрайлингхаузена), и прямые библейские цитаты, и толкование цитат в свободной форме. Если Фрайлингхаузен писал все на современном ему немецком языке, который к XVIII веку (благодаря переводу Библии М. Лютера) сформировался

²⁰⁵ Библейские тексты-образцы, напротив, являлись священными канонами; их нельзя было изменять, трактовать свободно, но требовалось в течение веков оставлять неизменными. Искусственная изоляция помогала поддерживать «отстраненность» библейских текстов, их абстрактность и оторванность от повседневной жизни. Их особенность и избранность состояла именно в том, что они не соотносились ни с повседневной жизнью, ни с современным языком. Перевод же библейских текстов на современные языки был опасен тем, что текст-канон мог быть искажен, изменен и в таком виде получить распространение.

территориально, как средненемецкий язык (куда входил и саксонский диалект, ставший основой для переводов Лютера), то Тодорский не мог одинаково передать на русский язык текст Священного Писания, его свободное толкование и слова автора. К этому обязывала языковая ситуация, сложившаяся в России начала XVIII века, когда при написании канонических текстов и создании оригинальных восточнославянских произведений использовались различные техники: механизм ориентации на тексты-образцы, с применением готовых цитат (в основном из Священного Писания), заученных наизусть еще во время обучения грамоте и в период дальнейшего обучения, – в первом случае – , и механизм пересчета, который допускал при создании текстов элементы живого языка, – во втором случае (подробнее см. гл. 2.2.2.1). Исходя из этого, интерес представляет способ перевода: каким образом однородный в языковом плане немецкий текст был переведен в текст, предполагающий использование разных техник.

(3) Автор перевода – Симеон Тодорский. В документах он подписывался как «русский» (Russus) и хорошо знал как русский, так и церковнославянский языки. Он получил прекрасное образование в Киево-Могилянской Духовной академии, и в его филологической компетентности сомневаться не приходится. В течение нескольких лет, проведенных в Германии, особых успехов Тодорский достиг в изучении языков. Наряду с немецким, это были греческий, латынь, иврит, арабский, персидский. Поэтому именно как переводчик, знающий большое количество языков, Тодорский представляется компетентным автором в области религиозной душевспасительной литературы: он имел возможность сравнивать религиозные тексты различных жанров на различных языках. Представляется также не случайным, что Тодорский после пребывания в Галле три года добирался на родину, заехав по пути в Польшу, где на полтора года остановился в монастыре иезуитов, затем пробыв полтора года в Венгрии и Сербии у «греков» (подробнее см. гл. 3.3). Это указывает на его интересы как теолога и языковеда – вероятно, его интересовали тексты Священного Писания и то, каким образом они излагались на разных языках, в разных вероисповеданиях.

(4) Время создания текстов оригинала и перевода, как уже было сказано, – первая треть XVIII в. Автором текста-оригинала, а также инициаторами создания перевода выступают пиетисты из Галле. Благодаря их стараниям пиетизм как религиозное течение распространился не только в Германии, но и за ее пределами. Переводы пиетистской литературы на различные языки были одним из основных способов распространения этого течения в других странах. Заслуживает внимания и тот факт, что кроме религиозной миссии их деятельность оказала влияние на такие научные области, как медицина, языковедение, литература и музыка.

Анализ текста перевода Тодорского состоит из двух частей и предполагает решение следующих задач:

Первая – переводоведческая – часть анализа (см. гл. 4.2) важна потому, что исследуемый текст является именно переводом. При этом необходимо учитывать особенности переводческого процесса. Для этого проводится сравнение перевода Тодорского с текстом оригинала и латинским переводом Гришова с учетом соответствий или отклонений в форме и содержании. При сравнении важную роль играют такие факторы, как внешнее построение текста, его содержание, наличие терминов и цитат в тексте перевода по отношению к тексту оригинала. Переводоведческий анализ проводится выборочно, т.к. ограниченные рамки диссертации не позволяют исследовать все тонкости перевода и переводоведческой техники, а также подробно и полноценно сравнить текст оригинала и перевода.

Главной задачей второй – лингвистической (и центральной) – части исследования (см. гл. 4.3) является классификация языкового материала анализируемого текста в контексте формирования русского литературного языка нового типа в первой половине

XVIII века с перспективой исследования корпуса текстов всех «русских» переводов Тодорского, выполненных в Галле. При этом рассматриваются следующие языковые уровни: фонетико-графический, морфологический и синтаксический. Важные языковые признаки для определения норм и типа языка перевода, проверяемые лингвистическим анализом, описаны в главе 2.2.2.1.1. Исходным пунктом анализа является противопоставление признаков стандартного церковнославянского языка строгой нормы признакам гибридного «простого» языка со сниженной нормой.

Лингвистический анализ текста, с помощью которого выявляются фонетические, морфологические и синтаксические особенности, сопоставляется с данными переводоведческого анализа. При этом учитывается и тот факт, что некоторые особенности (например, фонетико-графические) могли возникнуть по причинам, не связанным с лингвистическими и другими установками переводчика или с уровнем его образования, но при наборе текста.²⁰⁶

В соответствии с выше названными критериями исследования текста перевода для решения поставленных задач в работе применяются следующие методы анализа: лингвистический (системно-лингвистический и лингвотекстологический) метод, статистический метод, методы компьютерной обработки и компьютерного анализа текста, сравнительный и сравнительно-исторический методы, а также метод дискурсивного анализа.

Системно-лингвистическому анализу текста (см. гл. 4.3.2), осуществляемому с привлечением метода компьютерного анализа (поисковой компьютерной обработки текста), предшествует его лингвотекстологический анализ (см. гл. 4.3.1). В результате лингвотекстологического анализа с опорой на данные сравнительного анализа текстов перевода и оригинала (см. гл. 4.2) в тексте перевода, относящегося к сорту текста «душеспасительная литература», выделяются три различных подсорта текста, допускающих различные виды языковой нормы.

Результаты системно-лингвистического анализа текста, в ходе которого в языке перевода выявляется наличие релевантных языковых признаков двух регистров – стандартного церковнославянского со строгой нормой и гибридного «простого» языка со сниженной нормой – в зависимости от подсорта текста, обрабатываются статистическим методом. Данные, полученные статистическим методом, представлены в таблицах и графиках.

С помощью сравнительно-исторического метода и метода дискурсивного анализа определяется место и роль анализируемого текста Тодорского в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа в первой половине XVIII века с перспективой исследования всего корпуса «русских» переводов Тодорского, выполненных в Галле.

Методы компьютерного анализа текста включают в себя дигитализацию текста, цветовую маркировку подсортов текста и поисковую компьютерную обработку текста (см. выше).

Перед анализом произведения было произведено распознавание текста и перевод его в доступный для статистического исследования формат. Для распознавания текста использовалась программа Fine Reader, позволяющая переводить растровый формат в текстовый и не требующая ручного перепечатывания текста. Подобная рационализация процесса позволила ускорить время обработки текста, а также исключить пропуски в тексте. При распознавании текста использовался разработанный шрифт, созданный с учетом особенностей оригинала на основе церковнославянских шрифтов EvangelieTT и

²⁰⁶ Пока что отсутствует достоверная информация о сотрудниках типографии Франке во время изданий переводов Тодорского, и о том, знали ли они славянские языки.

Mria. Благодаря составленному при распознавании шрифту, внешне соответствующему шрифту из типографии Сиротского дома Франке, появилась возможность отсканировать и распознать подобным образом и другие тексты, напечатанные в Галле кириллицей. Это, в свою очередь, позволит статистически исследовать вышеназванные тексты, а также издать их как репринтные. В электронной версии настоящей работы в *Приложении 5* дан полный текст перевода Тодорского, сканированный описанным образом, разбитый на три подсорта текста, выявленных в результате лингвотекстологического анализа и маркированный тремя цветами: зеленым – «слова автора», синим – «свободные библейские цитаты» и красным – «прямые цитаты из Библии».

В *Приложении 5* также дана нумерация абзацев, в соответствии с немецким оригиналом, и разбивка на страницы всего текста. Все примеры из текста перевода, данные в настоящей работе, указаны в соответствии с разбивкой на страницы в *Приложении 5*. Изначально, в печатном тексте Тодорского, страницы указаны не арабскими цифрами, а в буквенном обозначении и начинаются с первой главы книги (со страницы 14), тогда как во вступлении номера страниц отсутствуют. Поэтому была произведена разбивка на страницы, соответствующая полному объему текста.

4.2 Оригинал и его переводы в сравнении

Один из экземпляров перевода Тодорского, сохранившихся в Галле – под сигнатурой Ie 799 2, хранящийся в библиотеке Центра просвещения (IZEA), переплетен в одном сборнике вместе с другим переводом текста Фрайлингхаузена – на латинском языке: „IO. ANASTASII FREYLINGHVSII, PASTORIS VLRICIANI ET GYMNASII SCHOLARCHAE, COMMENTATIO PASSIONIS AC MORTIS DOMINI ET SERVATORIS NOSTRI IESV CHRISTI. E GERMANICO IN LATINVM CONVERTIT ET INDICES ADIECIT IO. HENRICVS GRISCHOVIVS. HALBERSTADIENSIS. HALIS MAGDEBVRGICIS, IMPENSIS ORPHANOTROPHEI“ (Grischow 1734). Как видно из названия, переводчик на латинский язык (инспектор Гришов²⁰⁷) указан в заголовке, в «русскоязычном» варианте переводчик не указан.

Текст, с которого был сделан перевод – т.е. оригинал Фрайлингхаузена, также хранящийся в библиотеке Центра просвещения (Freylinghausen 1715, an II 4636 2), был издан в 1715 году и включен в большой сборник, где кроме указанного произведения содержатся также: „August Hermann Franckens / S. Theol. Prof. & Past. Zu S. Ulrich / und des Gymnasii Scholarhae, Öffentliche Reden über die Passions-Historie [...]“ (1716), „Betrachtungen von der Gnade des Neuen Testaments [...] von Joh. Anast. Freylinghausen“ (1714), третьим произведением в сборник включен оригинал анализируемого текста – „Schriftmäßige Einleitung...“. Далее, в книгу включены: „DEFINITIONES THEOLOGICAE oder Theologische Beschreibungen der Christlichen Glaubensarticul / aus Hrn. Joh. Anastasii Freylinghausens / Pastoris Adjuncti zu St. Ulrich in Halle / Grundlegung der Theologie und deren Compendio [...]“ (1717), а также еще раз „Öffentliche Reden über die Passions-Historie“ (1715, 2-ая редакция).²⁰⁸ Описанное издание – так называемое подарочное, в белом переплете с золотым тиснением на корешке, не было предназначено для повседневного чтения, поэтому хорошо сохранилось. Другие экземпляры оригинала Фрайлингхаузена, хранящиеся в библиотеке Фонда Франке (подробное описание см. гл. 4), были изданы обычным тиражом, но и сохранились поэтому хуже, их читали.

²⁰⁷ Подробнее о нем см. гл. 3.2.2.

²⁰⁸ Точнее, указана не «вторая редакция», а «другая» – „Andere Edition“.

4.2.1 Иоганн Анастасий Фрайлингхаузен (1670-1739) как автор оригинала

Иоганн Анастасий Фрайлингхаузен (Johann Anastasius Freylinghausen) – видный теолог и пиетист из окружения А.Г. Франке, был учеником последнего, а также вторым директором Сиротского дома после Франке.

Фрайлингхаузен был родом из Саксонии (Гандерсхайм/Gandersheim) и изучал теологию в Йене (1689-1691) и Эрфурте (1691), где он познакомился с И.Ю. Брайтхауптом²⁰⁹ и А.Г. Франке. После изгнания Франке из Эрфурта, Фрайлингхаузен в 1692 г. последовал за ним в Галле. Окончив университет Галле в 1695 г., Фрайлингхаузен стал ближайшим помощником²¹⁰ Франке в церкви Святого Ульриха (St. Ulrichkirche). После бракосочетания с дочерью Франке (Johanne Sophie Anastasia Francke) в 1715 году, Фрайлингхаузена связали с Франке и родственные узы. Назначенный еще в 1723 г. вторым директором (Subdirektor) Сиротского дома, он занял это место после кончины Франке в 1727 г. После продолжительной болезни и ряда инсультов, начавшихся в 1728 году, Фрайлингхаузен закончил свои дни в 1739 г. в качестве директора Сиротского дома и Педагогического семинара (1727-1739), а также священника церкви Св. Ульриха (Miersemann 2004). В наше время именем Фрайлингхаузена в Галле назван Большой зал во Franckeschen Stiftungen, а также музыкальная школа (Freylinghausen Musikschule). В свое время, около 300 лет назад, Фрайлингхаузен организовывал молитвенные часы (=Erbauungsstunden / Singstunden), которые проходили регулярно и стали своего рода традицией.

Таким образом, Фрайлингхаузен, а также Франке-младший стали непосредственными продолжателями дела А.Г. Франке в Галле, чего, вероятно, и желал последний. В письме пастора Нацциуса, посланном Франке-младшему после смерти отца, есть этому подтверждение:

„Nun ich segne im Geiste der Liebe und Dankbarkeit unsere teuersten noch lebenden Väter und lieben Professoren, den lieben H. Pastor Freylinghausen im besonderen. Got sei gelobt, daß er so lange ein Mitarbeiter mit dem sel. H. Professor gewesen und nun fortsetzen soll, was ihm anbefohlen worden! Der Herr lasse seine Fußtapfen allerzeit von Fett fließen! [...]“ (Nazzius an G.A. Francke am 17.09.1728, Wotschke 1930b, 116-117).

Литературный вклад Фрайлингхаузена наиболее значителен в отношении написания гимнов и пиетистских песен. Им самим было написано 44 духовные песни и организовано издание многих песенных сборников, которые, начиная с начала XVIII в., неоднократно издавались. Книга „Geistreiches Gesangbuch: Den Kern Alter und Neuer Lieder, Wie auch die Noten der unbekanntenen Melodeyen; und dazu gehörige nützliche Register in sich haltend; In gegenwärtiger bequemer Ordnung und Form, samt einer Vorrede“, более известная как „Freylinghausensches Gesangbuch“, содержит около 1500 старых и новых церковных песен. Это сочинение является основным сборником пиетистских песен („die wichtigste Liedsammlung des Pietismus“), а также главным произведением Фрайлингхаузена, многократно переиздававшимся в типографии Сиротского Дома

²⁰⁹ Joachim Justus Breithaupt (1658-1732) – немецкий теолог (лютеранин), автор церковных песен, проповедник, поддерживал идеи Ф.Я. Шпенера и познакомился с А.Г. Франке в университете города Киль, где Брайтхаупт читал лекции по теологии. В 1687 году, будучи профессором теологии в Эрфурте, Брайтхаупт содействовал Франке в получении места в диаконии Эрфурта (в 1690 г.). После возникших разногласий из-за учения пиетизма Брайтхаупт последовал за Франке в Галле (1691 г.), где оставался до своей кончины в 1732 г. одной из центральных фигур пиетизма (Lindauer-Huber/Lindner 2011).

²¹⁰ В немецкоязычных текстах Фрайлингхаузена часто называют «адьюнктом» Франке („Adjunkt“, от лат. *adjunctus*), что означает устаревшее обозначение для помощника или заместителя (общее значение) или, что применялось в протестантской церкви, помощник пастора (=Pfarradjunkt).

(Miersemann 2004, 29). Автора этого сборника Фрайлингхаузена можно определить как одного из немногих (среди пиетистов) догматиков, утверждающих позитивное начало без ссылки на соответствующий опыт и вопреки возможным скептическим противоположным высказываниям. Свои теоретические религиозные соображения Фрайлингхаузен высказал в «Основах теологии» („Joh. Anastasii Freylinghausens Past. Adj. zu St. Ulrich, Grundlegung der Theologie : Darinn die Glaubens-Lehren Aus Göttlichem Wort deutlich fürgetragen, und zum Thätigen Christenthum, Wie auch Evangelischen Trost angewendet werden. Zum Gebrauch des Pædagogii Regii daselbst“), которые с 1704 по 1774 год издавались 14 раз. Являясь активно преподававшим теоретиком, Фрайлингхаузен в основу своих занятий положил как «Основы теологии», так и «Писанию святому согласующееся...». Его труд «Основы теологии», изначально и задуманный как школьный учебник для занятий старших классов у Франке, оказался удачным и стал своего рода «бестселлером». В 1734 г. «Основы теологии» были изданы в типографии Франке на латинском языке (Miersemann 2004, 30). В 1735 г. один из учеников Франке Т. Плашинг (Tobias Plasching²¹¹) писал Франке-младшему в Галле следующее:

„[...] Hier finde ich reiche Gelegenheit von der Mehrheit mit Predigen und Leiden zu zeugen. Denn ich habe nicht allein das [sams]: und sont:tags zu predigen, sondern auch noch mittags wird eine Catochetische Erbauung gehalten, worinnen bishero das Evengelium Luca abgehandelt worden. Nach der Vesper kommen 3 christliche Studiosi zu mir ins Haus, da wir dann von 4 bis 6 ein Colloquium über das Evangelium Johannis halten. Alle Morgen von 6 bis 7 werden die Cadets in 2 Classen aus der Theologie unterrichtet, da dem in der ersten des H.P. Freylinghausens Grundlegung von mir und in der anderen deßen Compendium von einem Informatore Theol. Der Gottlob in der Warheit wandelt, tractiret wird. [...]“ (Т. Plasching aus St. Petersburg an G.A. Franke am 17.02.1735, Schuldes 2003, 159-160).

Вообще, в трудах Фрайлингхаузена прослеживается попытка создания краткого и понятного руководства по изложению религиозных догм. Подтверждением этому, кроме «Основ теологии», является его „Compendium oder kurtzer Begriff der gantzen christlichen Lehre, in 34 Articeln: nebst einer summarischen Vorstellung der göttlichen Ordnung des Heyls in Frage und Antwort einfältig²¹² und schriftmäßig entworfen von Johann Anastasio Freylinghausen“ – этот труд издавался в период с 1707 по 1772 гг. 20 раз.²¹³

²¹¹ С 1732-1747 гг. Плашинг являлся представителем протестантской общины в Петербурге и все это время состоял в активной переписке с Галле, а также заказывал там книги (Schuldes 2003, 9). Интересно, что Плашинг в своих письмах неоднократно упоминает свой трактат (нам неизвестно, что это был за трактат и был ли он издан), который он отправил в Галле, чтобы его напечатали и прислали ему, т.к. Кадетский корпус не располагает типографией. Но похоже, что его просьбы так и оставались без ответа:

„[...]], daß Tractatlein ohne [fernen] Aufschub möge gedruckt werden, oder wo es vielleicht schon gedruckt ist, so bitte alle Exemplaria einbinden zu lassen [...]“ (Т. Plasching aus St. Petersburg an H. Zopf am 06.03.1736, Schuldes 2003, 165).

„[...] Mein Tractatlein hätte ich auch wohl gerne. [Wenn] auf dem Waysenhouse nicht Zeit zu drucken, sollte es denn nicht sonst in der Ardt geschehen können? Hätte ich vors erste nur 100 Exemplar obgleich ungebunden, so könnten vielleicht die übrigen an H Pastor Vierorth noch diesen Herbst geschickt werden. [...]“ (Т. Plasching aus St. Petersburg an H. Zopf am 17.07.1736, Schuldes 2003, 171).

„[...] Ich weiß nur nicht, wie ichs anfangen soll, daß ich erfahre ob mein tractatlein, so ich vom Jahre dem H Pastor Meyer zur revision zugesand, gedruckt sey oder nicht, ich habe mich nun schon [beide] geschrieben, und kann davon nirgends eine Zeile Antwort erhalten.“ (Т. Plasching aus St. Petersburg an J.H. Callenberg am 23.10.1736, Schuldes 2003, 173).

²¹² Такие прилагательные, как «простой» или его синонимы, часто использовались пиетистами, начиная с А.Г. Франке, а также его последователями. Тем самым подчеркивался адресат книги и цель ее – она должна быть доступной и понятной даже для малограмотных, простых людей. Например, у Франке это – его Малый Катехизис (А.Н. Francke „Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die *gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen*“). У Фрайлингхаузена в названии стоит рядом еще „kurtzer“ и „schriftmäßig“ – «краткий» и «письменный», подчеркивается, что это кратко изложенный письменный текст, т.е. соответствующий требованиям письменного текста. В другом произведении Фрайлингхаузена – „Joh.

Кроме уже названного «русскоязычного» перевода Тодорского, известно о переводах произведений Фрайлингхаузена на латинский язык (что для того времени закономерно), а также на арабский, венгерский и литовский. И.Г. Калленберг перевел на арабский язык „*Ordnung des Heyls*“ – книга была напечатана в типографии Франке в 1731 г., до сих пор в Галле сохранился один экземпляр этого издания.²¹⁴ „*Compendium oder kurzer Begriff der ganzen christlichen Lehre...*“ был переведен на венгерский Матеем Белом (*Mátyás Bél*, lat. Belius 1684-1749) и издан в 1713 г. Перевод на литовский стоит особо, потому что в нем был заинтересован также и младший-Франке.²¹⁵ На литовский язык произведения Фрайлингхаузена переводили студенты Литовского семинара в Галле – в 1729 г. был таким образом издан на литовском „*Ordnung des Heyls*“ (в Галле еще сохранился один экземпляр этого издания) – , а также Й. Берендт (Johann Behrendt, 1667-1739), которому принадлежит перевод „*Geistreiches Gesangbuch*“ Фрайлингхаузена (Bense 2001, 184 и далее).

4.2.2 Сравнение текста оригинала и латинского перевода Гришова как вспомогательный элемент для анализа «русского» перевода Тодорского

Как уже было указано выше, в сборнике (Ie 799), содержащим перевод Тодорского, есть еще один перевод текста Фрайлингхаузена – на латинский язык, сделанный в 1734 году Гришовым.²¹⁶ Внешне печатная форма латинского перевода полностью соответствует немецкому оригиналу: вопрос – ответ, нумерация абзацев и страниц арабскими цифрами, а также все сноски приведены в соответствии с оригиналом. Цитаты в тексте латинского перевода тоже выделены жирным шрифтом и более крупно, чем основной текст.

Но есть одно отличие в латинском тексте, которое делает его также ценным для исследования. В конце латинского текста даны три дополнения, сделанные, вероятно, переводчиком, для облегчения поиска определенных мест в тексте. Вероятно также, что переводчик поместил в конце текста результаты своей работы, проделанной во время перевода.

Первое приложение, самое объемное, в котором переводчик Гришов дал перечень всех библейских глав, использованных в тексте, дано в конце работы для ознакомления (см. Приложение 4).

Библейские главы в первом приложении Гришова расположены в том порядке, как они стоят в Библии, независимо от их расположения по ходу текста. Сначала перечислены главы Ветхого, затем Нового Завета. Таким образом, имеются в наличии все использованные в тексте Фрайлингхаузена главы.

Anastas. Freylinghausens, Past. Zu St. Ulrich und des Gymnasii Scholarchae Catechismus-Predigten: Darinnen Die fünf Hauptstücke des kleinen Catechismi Lutheri; nebst einem Anhang verschiedener zum Catechismo gehörigen Predigten *schriftmäßig* und *erbaulich abgehandelt* sind“ (Halle 1734) – происходит то же самое, автор подчеркивает, особенно в названии глав книги, что язык произведения – для простых людей:

„Die zehnte Predigt über den Ersten Articul des *schriftlichen* Glaubens. *Einfältiger* und *Schriftmäßiger* Unterricht vom Brauch und Mißbrauch dieser Welt oder der Creaturen Gottes“ (Freylinghausen „Die fünf Hauptstücke des kleinen Catechismi Lutheri...“ 1734, 302).

²¹³ В Галле, в библиотеке Центра Европейского просвещения (IZEA), хранится экземпляр 1768 г. с пометкой: „Der Bibliothek der vereinigten Friedrichs-Universität Halle-Wittenberg geschenkt von Frau Pastor Arndt 1930“.

²¹⁴ IZEA FrSt/Haus 54, Bd 2276.

²¹⁵ Это известно из письма Берендта к Франке от 20.03.1729, где первый посылает в Галле переведенные на литовский язык трактаты, в том числе и «Учение о начале христианского жития» А.Г. Франке, со своими замечаниями по переводу, а также осведомляется о печати в Галле „*Ordnung des Heyls*“.

²¹⁶ Сравнение латинского перевода Гришова проводится по изданию Grischow 1734.

Второе приложение Гришова дано ниже полностью в силу его значимости, т.к. в нем указаны фамилии авторов, цитированных и указанных в работе Фрайлингхаузена. Это представляется важным для анализа перевода Тодорского, т.к. проверка наличия этих имен в тексте необходима. В основном, это имена из сферы католической церкви и их наличие (или отсутствие) в тексте перевода Тодорского косвенно указывает на предполагаемого реципиента «русского» перевода. Если все фамилии включены в перевод, то адресатом текста является человек, знакомый с этими авторами, т.е. католик или протестант, говорящий и читающий на русском языке. Если же фамилии из текста оригинала в переводе Тодорского не встречаются, то значит текст был адаптирован для православного читателя. В этом приложении перечислены все личные имена, встречающиеся в тексте. Они расположены по алфавиту. Список, включенный в перевод Гришова, занимает одну страницу. Ниже он приводится полностью:

Таблица 4. INDEX II. AVCTORVM (Из латинского перевода Гришова).

<i>Abbadie</i> (Jacobus)	Pag.	80
<i>Antonius</i> (Paulus)		186
<i>Arndius</i> (Ioannes)		34. 154
<i>Bernardus</i>		157
<i>Byneus</i> (Antonius)		16
<i>Chemnitius</i> (Martinus)		18
<i>Frankius</i> (Aug. Hermannus)		116
<i>Goodwinus</i> (Thomas)		113
<i>Langius</i> (Ioachimus)		60. 69
<i>Lutherus</i> (Martinus)		92. 142. 157. 158. 160. 176. 187
<i>Maius</i> (Io. Henricus)		29
<i>Reinbeccius</i> (Io. Guftauus)		69
<i>Schmidius</i> (Sebaftianus)		48. 53. 104
<i>Spenerus</i> (Philippus Iacobus)		48
<i>Witsius</i> (Hermannus)		57

Как видно из списка, больше всего упоминается имя Мартина Лютера, а также Арнда, Шмида и Йохима. Имя А.Г. Франке упоминается один раз. Далее, в сравнительной таблице (см. *Таблицу 5*), наглядно демонстрируется наличие или отсутствие этих имен в тексте оригинала Фрайлингхаузена и перевода Тодорского.

Таблица 5. Использование личных имен в тексте оригинала Фрайлингхаузена и «русского» перевода Тодорского (с привлечением Таблицы 3).

Имя и стр. в лат. переводе	Текст оригинала Фрайлингхаузена	Текст перевода Тодорского
<i>Abbadie</i> (Jacobus) 80	Abbadie de la Diuinite D.N.S.I.C. Sect. p. 129 citante Spenero in der Vertheidigung des Zeugnisses der ewigen Gottheit unsers H. J. C. p. 654. fgg. (абз. 127, стр. 83, ²¹⁷ текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Antonius</i> (Paulus) 186	[...] Verba funt B. D. PAVLI ANTONII in libello germanico de <i>Redemptione</i> . (абз. 293, стр. 189, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Arndius</i> (Ioannes) 34	[...] was der sel. Johann Arnd im I. Buch des wahren Christentums im I. und II. Capitel davon mit mehrern geschrieben hat (абз. 47, стр. 35).	Отсутствует
154	[...] wie der sel. Joh. Arnd in seinem W. Christentum es ausdrucket (абз. 249, стр. 156)	Отсутствует
<i>Bernardus</i> 157	[...] nahm Bernhardus daraus / dass es sprach [...] (абз. 252, стр. 159).	Отсутствует
<i>Buynus</i> (Antonius) 16	[...] hat mit vielen Gründen erwiesen Antonius Bynaenus im gecreuzigten Christo pag. 538 fgg. (абз. 24, стр. 17, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует

²¹⁷ Страницы даны в соответствие с изданием Freylinghausen 1715 в списке литературы.

<i>Chemnitius</i> (Martinus) 18	Chemnitius LL. Theol. Part. II. p. 212 (абз. 26, стр. 19, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Frankius</i> (Aug. Hermannus) 116	Hievon kannst du Herrn Prof. Franckens gedrucktes Sendschreiben : Christus für uns / mit mehren nachlesen [...] (абз. 177, стр. 118).	Отсутствует
<i>Goodwinus</i> (Thomas) 113	Hievon kan der Leser zu seiner grossen Erbauung in Tomae Goodwins gestreichen aus der Englischen in die deutsche Sprache übersetzte Schriften [...] (абз. 174, стр. 115, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Langius</i> (Ioachimus) 60	[...] solches findet der Leser mit grosser Solodität erwiesen in unsers Herrn Prof. Langens Mittel=Straffe III Theil. p.204. fgg. (абз. 92, стр. 62, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
69	[...] davon kan oben angezogene Mittel=Straffe Herrn Prof. Langens III. Theil. p.7 fgg. [...] (абз. 109, стр. 71, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Lutherus</i> (Martinus) 92	[...] wie Lutherus von der Epistel an die Römer saget [...] (абз. 140, стр. 93).	Отсутствует
144	Стр. 144 – имя Лютера отсутствует.	Имя Лютера отсутствует, переведено как: $\overline{\text{W}}$ сюдѣ ужасѣ напалѣ на нѣкоегѣ <u>учителя</u> , лкѣ и глаголати емѣ: азѣ разѣмѣхѣ безопаснама быти, [...]
157	Ein solch erschrecken (spricht Lutherus) [...] (абз. 252, стр. 159).	

<i>Maius</i> (Io. Henricus) 29	Herr D. Majus in seiner paraphrasi über die Epistel an die Hebräer stellet den in dieser Beschreibung der Unschuld Christi liegenden sonderbaren Nachdruck also vor [...] (абз. 37, стр. 30, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Reinbeccius</i> (Io. Guftauus) 69	[...] wie auch Herrn Pastor Reinbecks Tractat [...] (абз. 109, стр. 71, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Schmidius</i> (Sebaftianus) 48 53 104	Siehe D. Speneri und D. Seb. Schmidii paraphrases über diesen Ort (абз. 74, стр. 50, текст сноски, как и в латинском переводе). [...] (wie es D. Seb. Schmidius paraphrasiret) [...] (абз. 81, стр. 54). Siehe D. Seb. Schmidii Commentarium über diesen Ort, und dessen teutsche psrsphrasio (абз. 160, стр. 106, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует Отсутствует Отсутствует
<i>Spenerus</i> (Philippus Iacobus) 48	Siehe D. Speneri und D. Seb. Schmidii paraphrases über diesen Ort (абз. 74, стр. 50, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует
<i>Witsius</i> (Hermannus) 57	Siehe unter andern hievon Hermanni Witsii Vorrede über William Caue Antiquitates Patrum Abtheil 1. und 2. (абз. 89, стр. 59, текст сноски, как и в латинском переводе).	Отсутствует

Использование личных имен, имеющих отношение либо к истории (религии, церкви, вообще к прошлому), либо к настоящему, но «иностранным» (например, имя А.Г. Франке в русской душеспасительной литературе было «чужим») при переводе, показывает наглядно, был ли сделан дословный перевод или же перевод был адаптирован для православного читателя. Ведь если душеспасительная пиетистская литература издавалась в Галле для немцев, живущих в России, как это официально объяснялось, то и не было смысла скрывать имена Лютера, Франке и других. Напротив, эти имена обязательно нужно было сохранить в тексте – как конкретные примеры, как опору для рассуждений, как уже немецкому читателю знакомые понятия. Но в нашем случае подтверждается тот факт, что все личные имена были изъяты из текста «русского» перевода намеренно, потому что они были незнакомы православному читателю или могли восприниматься как ересь. Таким образом, налицо личное творчество переводчика, адаптация текста для православного читателя, т.к. все имена личные, встречающиеся в тексте оригинала, имеют отношение к церковной сфере Западной Европы.

На адаптацию перевода для «простого» православного читателя также указывает наличие в тексте объяснений, данных в скобках, когда автор перевода полагает, что читатель не поймет какое-либо слово или цитату из Библии. В тексте такие объяснения встречаются четыре раза: на с. 94, 115 (два раза) и 116. Например:

Такожде требѣсть есть паче прочинѣх рече-
ни разсѣднати еже глаголетсѣ ꙗко пророка Заха-
рин глаголаше и д. се азъ пошлю раба моего це-
маха (такъ называется мессиа, которое слово
въ священномъ еврейскомъ языкѣ знамени-
етъ лѣторасль; понеже онъ съ коренѣ своего
имѣаше произрасти, якоже ꙗкоже проро-
ка въ главѣ 5. вѣ глаголетсѣ) се на еди-
номъ семъ каменѣ егоже положихъ предъ
исꙋсомъ, (именемъ симъ исꙋсъ, называлсѣ ар-
хидиаконъ бывшій тогда во иерусалимѣ) седмъ
очесъ имать быти. (115)²¹⁸

Эти объяснения функционально совпадают со сносками в тексте оригинала Фрайлингхаузена. Только они другие – сделаны там, где их нет в оригинале, именно с расчетом на человека непосвященного.

Кроме выше названных примеров, в тексте перевода в круглых скобках даны цитаты (с. 1, 17, 128, 173) и уточнения переводчика (с. 31, 45, 61, 80, 94, 115, 116, 117, 120, 121, 125, 132, 148, 164, 173, 189, 218, 224). Пример таких уточнений:

имѣше ꙗко дерзновение братіе
входити во свѣта (сестъ въ самаго бога. е-
мѣже собственнаѣ егѣ свѣтостъ свѣтилицемъ
естъ, въ немже онъ живетъ) кровлю исꙋсъ
христовою (безъ еѣже никакоже можахомъ
съ дерзновениемъ бѣры пристѣпити къ богꙋ,

²¹⁸ Здесь и далее в круглых скобках дан номер страницы текста Тодорского, соответствующий разбивке в Приложении 5.

НО ДОЛЖЕНСТВАХОМЪ ТРЕПЕТАТИ И УЖАСАТИ-
СА ПРЕДЪ СВАТОСТІЮ ЕГѠ, РАДИ ГРѢХОВНИХЪ НА-
ШИХЪ ДОЛГОВЪ, ИНАВѢКИ ВѢЧНИИ Ѡ ЕГѠ УДА-
ЛЕННИМИ БЫТИ) ПЪТЕМЪ НОВЫМЪ ИЖИВЫМЪ,
(СИЕСТЬ СИЦЕВЫМЪ ПЪТЕМЪ, Ѡ КОТОРОМЪ ЗА-
КОНЪ, ПОКОЛИКЪ ЗАКОНЪ, НЕВѢСТЬ НИЧЕСОЖЕ,
ИЖЕ ТОЧІЮ ГЛАГОЛЕТЪ: СОТВОРИ СІЕ И ЖИВЪ БЪ-
ДЕШИ, НО НЕПОДАЕТЪ НИКИМЪЖЕ СИЛИ КЪ СЕМЪ, И
ТАКѠ ХОДАЩИХЪ ПЪТЕМЪ СВОИМЪ ѠСТАВЛАЕТЪ
ВЪ СМЕРТИ ПРЕБЫВАТИ: ПРОТИВНИМЪЖЕ ОБРА-
ЗОМЪ, СЕИ ПЪТЬ, Ѡ НЕМЪЖЕ ГЛАГОЛЕТЪ ЗДѢ ПА-
ВЕЛЪ, СИЦЕ ВЪ ПИСАНИИ НАРИЦАЕТСА: ВѢРЪИ ВЪ
ГОСПОДА ИИСУСА, И СПАСЕШИСА, НАКОТОРОМЪ ПЪ-
ТИ И СИЛА ѠВРѢТАЕТСА ВѢРОВАТИ, И ВѢРОЮ
СЛЪЖИТИ БОГОВѢ) ЕГОЖЕ ѠНОВИМЪ ЕСТЬ НАМЪ
ЗАВѢСОЮ, СИЕСТЬ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, (125)

Вероятно, на переводчика повлияла структура оригинала Фрайлингхаузена, который часто давал в тексте сноски и пояснения. Поэтому и Тодорский использовал этот способ подачи информации для читателя.

Итак, наличие в тексте латинского перевода²¹⁹ второго приложения (см. *Таблицу 4*) позволило сравнить его с переводом Тодорского на предмет наличия в нем личных имен. Результаты анализа подтвердили наше предположение о том, что Тодорский адаптировал текст (пиетистской душеспасительной литературы) для православного читателя, исключив все личные имена, имеющие отношение к католической вере, и вообще, к какому-либо религиозному направлению в Западной Европе. Только упоминание Мартина Лютера Тодорский сохранил, но назвал его «неким учителем», а не по имени. Абзацы, где упоминаются другие имена, либо совсем отсутствуют в переводе, либо переведены без имен и без цитат названных авторов. Поэтому можно с уверенностью опровергнуть утверждение пиетистов из Галле и мнение тех исследователей, которые считают, что текст был адресован немецким поселенцам, проживающим в России и понимающим (!) тексты, написанные кириллицей. Благодаря тому, что в переводе Тодорского не указаны современные (для XVIII века) авторы, его текст воспринимается, как душевная беседа некоего мудреца с читателем – о Боге, о грехе, о наказании и прощении. Поэтому текст перевода в целом проще в понимании и чтении, чем немецкий оригинал Фрайлингхайзена, который близок по форме и содержанию к научным трудам того времени: автор очень часто ссылается на других авторитетов в религии и науке, подкрепляя тем самым свои рассуждения и утверждения не только текстом Священного Писания.

Общее сравнение текста перевода Тодорского с латинским переводом Гришова послужило также вспомогательным элементом для лингвистического и текстологического анализа, помогло определить лингвистические стратегии и переводческие решения Тодорского.

²¹⁹ Изначально мы исходим из того, что латинский вариант является неизменным и неадаптированным переводом текста Фрайлингхаузена. Такой вывод позволяет сделать тот факт, что у читателей латинского и немецкого переводов не должно было быть религиозных расхождений, в чем и состояла основная цель книги.

4.2.3 Сравнение формального построения текста оригинала и «русского» перевода Тодорского

Сравнение текста оригинала Фрайлингхаузена с текстом «русского» перевода Тодорского представлено в следующей таблице (см. *Таблицу 6*).

Основной текст, идущий после оглавления, требует более подробного описания. Необходимо подчеркнуть, что далее рассматривается только внешняя форма издания, расположение текста, размеры букв. При этом важным для издания душевспасительной литературы может оказаться следующее: (1) насколько внешний вид оригинала Фрайлингхаузена и перевода Тодорского соответствовали принятой тогда форме подобных изданий (в Германии и России); (2) помогал ли внешний вид печатного издания (форма) пониманию самого текста (содержание); (3) выполнялась ли цель – в данном случае pietистов (т.к. и оригинал Фрайлингхаузена, и перевод Тодорского были напечатаны в Галле, благодаря инициации перевода и печати в типографии Франке, см. гл. 3.2.2 и далее) – распространение понятной (язык) и доступной (цена) душевспасительной литературы.

Текст оригинала напечатан в типичной манере, в какой издавались многие произведения душевспасительной литературы того времени на немецком языке – на полях мелкими буквами (примерно в 1,5 раза меньше основного текста) стоит вопрос, в основном тексте дается на него ответ.²²⁰ Ответ, дающийся в основном тексте, подкрепляется в конце абзаца цитатой из Библии. Цитата из Библии выделена жирным шрифтом в разрядку так, чтобы ее всегда можно было распознать в тексте. После цитаты дается точное название главы и стиха Библии.²²¹ Цитаты даны следующим образом: название главы, номер главы римской цифрой и стих арабской цифрой: Joh. X. 12, Matth. XXVI. 39, Ps. XIX. 5. 6. и т.д. При равномерном и очень компактном распределении текста на странице, каждый абзац пронумерован арабскими цифрами – 1, 2, 3 и т.д., всего 312.²²² У Фрайлингхаузена также есть цитаты, когда в конце абзаца указывается не только основная глава, которая цитируется, но и главы Священного писания с похожей темой, повествующие о том же. Тогда при цитировании автор сначала указывает основной источник цитаты, затем добавляет „Siehe auch...“ и далее указывает различные главы с похожей темой. В среднем, против каждого второго абзаца стоит вопрос – на первые 50 абзацев приходится 27 вопросов. Вопрос отсутствует, когда ответ на предыдущий вопрос еще не закончен и продолжается в следующем абзаце. В этом случае автор (Фрайлингхаузен) пускается в дополнительные рассуждения на эту тему или приводит другие, похожие, примеры.

²²⁰ Эта форма очень хорошо соответствовала целям, которые преследовали pietисты – распространение душевспасительной литературы на простом, понятном народу языке. Не надо было в тексте искать главное, что хотел донести до читателя автор – все давалось при помощи построения «вопрос-ответ». Конкретный вопрос, четкий ответ на него и подкрепление ответа словами из Библии.

²²¹ В этом же сборнике (an II 4636) подобную форму имеют обе редакции „Öffentliche Reden über die Passions-Historie“ А.Г. Франке (в отношении формы они идентичны). Только на полях указаны не только вопросы, а также главная мысль абзаца, стоящего напротив, или номер главы библейской цитаты, которая поясняется в абзаце. Аналогично составлены и „Betrachtungen von der Gnade des Neuen Testaments“ И.А. Фрайлингхаузена.

²²² Кроме нумерации распространено было и буквенное перечисление – по алфавиту. Например, в этом же сборнике (an II 4636), где находится и оригинал Фрайлингхаузена, в других произведениях, в его же „Theologische Beschreibungen der Christlichen Glaubensarticul“ используется буквенное перечисление, не считая библейских цитат. Каждая глава начинается с буквы: «а» и т.д.

Таблица 6. Сравнение строения текста оригинала Фрайлингхаузена с переводом Тодорского.

„Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkänntniß und heilsamen Gebrauch Des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesus Christi“ Joh. Anastasii Freylinghausens ²²³		ПИСАНІЮ СВЯТΩМОУ СΩГЛЯГОУЮЩΩСЯ НАСТАВЛЕНІЕ КЪ ИСТИННОМОУ ПОЗНАНІЮ И ДОУШЕСПАСИТЕЛНОМОУ ОУПОТРЕБЛЕНІЮ СТРАДАНІА И СМЕРТИ ГΩСΠΩДА И СПАСИТЕЛА НАШЕГΩ ИСГОУСА ХРИСТА СЛОЖЕННОЕ ЯНАСТАСІЕМЪ ПРΩΠΩВЪДНИКΩМЪ БОЖІА САСΩВА.	
Стр.	Оригинал	Стр.	Перевод
3	<i>Посвящение:</i> Dem hochgebohrnen Grafen und Herrn Heinrich dem XXIV.		
4	<i>Предисловие:</i> Vorrede. Gnade und Friede von Jesu Christo dem Gekreuzigten / Der uns hat geliebet und gewaschen von den Sünden mit seinem Blüt / und uns zu Königen und Priestern gemacht vor Gott und seinem Vater! (8 страниц)	2	<i>Предисловие:</i> ПРЕДОСЛОВІЕ. благодатъ и миръ Ѡ ИСУСА ХРИСТА РАСПАТЯГΩ, иже возлюбилъ насъ и Ѡмилъ Ѡ грѣховъ кровію своею, и сотворилъ насъ царями и Іерееми богъ и Ѡцъ своемъ. Возлюбленный Ѡ Господѣ читателю. (10 страниц)
8	<i>Оглавление:</i> Verzeichnis der folgenden Betrachtungen (2 стр)	7	<i>Оглавление:</i> Ѡглавление слѣдующихъ разсуждени. (2 стр)
1-203 ²²⁴	<i>Основная часть книги</i> , состоящая из 312 пронумерованных абзацев (арабскими цифрами 1-312). Весь текст по смыслу разделен на 16 частей (=„Betrachtungen“) ²²⁵ , обозначенных римскими цифрами в	1-218	<i>Основная часть книги</i> состоит из абзацев, выделенных при помощи больших пробелов между ними. Нумерация абзацев отсутствует ²²⁶ . Также, как и в оригинале, текст разделен на 16 частей,

²²³ Формат книг одинаковый – 8°, но объем книг разный. 208 страниц в оригинале Фрайлингхаузена и 218 в переводе Тодорского. Это объясняется тем, что оригинальное произведение напечатано более компактно. При практически одинаковых по размеру буквах – 2 мм строчные и 5 мм (оригинал) и 3 мм заглавные, расстояние между строчками и поля отличаются. Поэтому объем книг не совпадает.

²²⁴ Номера страниц основной части произведения снова начинаются с единицы.

²²⁵ „Betrachtungen“ начинаются с четвертого абзаца. До этого стоит общее введение.

²²⁶ В *Приложении 5* в тексте перевода даны также номера абзацев - для сравнения с немецким оригиналом.

	<p>верхних колонтитулах. В самом тексте каждая из 16 глав отмечена также на полях, где напечатаны мелким шрифтом вопросы (нпр., так начинается первая часть: I. Wovon habe ich in dieser Betrachtung wol den Anfang zu machen?)</p> <p>Страницы книг также обозначены арабскими цифрами (203 стр.).</p> <p>В тексте используется кустода – первое слово следующей страницы повторяется в конце предыдущей страницы (полностью или частично).</p>		<p>обозначенных принятым в церковнославянском языке способом – буквенными обозначениями – от а до ѡ. Разделение на части совпадает с оригиналом, но сделано непосредственно в тексте, а не в колонтитулах, буквы заглавные.</p> <p>Страницы пронумерованы также при помощи букв (г-си / 16-218, 218 стр.). Начинается нумерация на странице 16, это после вступления, оглавления и также после трех страниц непосредственно текста перевода. Первая цифра нумерации «3» («г»).</p> <p>В тексте тоже используется кустода.</p>
204-208	<p><i>Дополнение:</i> Zugabe zweyer Lieder / Worinn der vornehmste Inhalt der vorhergehenden Betrachtung enthalten ist / und demnach dem Christl. Leser / der sie singen oder sonst behertzigen will / zur Wiederholung des Gelesenen dienlich seyn können. (5 стр.)²²⁷</p>		Отсутствует.

²²⁷ Это дополнение есть во всех изданиях оригинала.

В тексте оригинала имеются сноски (на стр. 19-20, 30, 62, 71, 116), отсутствующие в переводе. В сносках, отделенных от основного текста сплошной линией, обозначенных звездочками и напечатанных такими же по размеру буквами, как и вопросы, автор приводит латинские цитаты из Библии и названия работ других авторов на эту тему. Сноски довольно объемные, иногда на половину страницы основного текста. Например, фраза в основном тексте (оригинала) „so groß ist so wol Gottes Gerechtigkeit und Heiligkeit / als seine Liebe und Weisheit in diesem Werck“ подкрепляется следующей сноской:

„Daß indessen diese ganze Lehre beschaffen sey, dass, wenn die Vernunft in gehöriger Heilordnung aus göttl. Offenbarung sich davon will unterrichten lassen, sie solche gar nicht unvernünftig, contradictorisch²²⁸ und ungereimt, sondern viel mehr also beschaffen findet, daß sie Ursach hat, dieselbe heiliglich zu bewundern, und mit gehöriger Veneration anzunehmen; solches findet der Leser mit grosser Solidität erwiesen in unsers Herrn Prof. Langens Mittel.Strasse III. Theil. p. 204, fgg.“ (Freylinghausen 1715, 62).

В переводе Тодорского схема «вопрос – ответ» не представлена. Он написан в нравоучительной манере, как обычно писалась душеспасительная литература в России. Нравоучительный смысл произведения вытекает из его контекста, когда автор воздействует на читателя, поэтому в тексте много форм повелительного и условного наклонения (да познаеши, разсуди точно, дабы мы Ÿразъмели, разсуждан о сем и т.д.), знаков препинания (восклицательные знаки, что в беседе соответствовало бы интонации) и цитат (для большего убеждения). Цитаты в тексте перевода не выделяются графически, все написано одинаковым шрифтом, что можно объяснить техническими условиями – в типографии Франке был только один вид строчных букв, поэтому весь текст однородный. Главы и стихи из Библии также указываются после цитат, как правило, в конце абзаца. Последние не нумеруются, но при этом между абзацами оставлено значительное расстояние, поэтому каждый абзац смотрится «отдельно» и это помогает разбивать текст на смысловые части. Большее расстояние между строчками и абзацами помогало также легко читать текст, не сбиваясь. Для удобства чтения буквы стоят не столь компактно, как в издании оригинала, скорее в разрядку.²²⁹ Цитаты, где указывается сразу несколько глав из Св. Писания в тексте оригинала, соответствуют таким же цитатам перевода. При сравнении текста оригинала и перевода выясняется, что перевод сделан очень точно, соответствие настолько явное, что без труда можно найти тот или иной отрывок. Несоответствия в тексте перевода по отношению к оригиналу проявляются только в тех случаях, когда текст оригинала имеет явно выраженный католический оттенок или упоминаются фамилии или произведения, чуждые православному читателю. Выявить эти места помог латинский перевод текста Фрайлингхаузена (см. гл. 4.2.1).

Относительно внешней формы и текста оригинала, и текста перевода необходимо отметить, что оба текста изданы в принятых во время их издания (соответственно в Германии и России) формах, характерных для душеспасительной литературы. Оригинал Фрайлингхаузена, как и многие другие подобные книги, например,

²²⁸ Два выделенных другим шрифтом в этой сноске слова – латинские, это соответствует выделению в оригинале.

²²⁹ Дети дошкольного и младшего школьного возраста, когда берут в руки какую-либо книгу, в первую очередь обращают внимание на две вещи – есть ли там картинки и большими ли буквами напечатан текст. Для детей, еще не в полном совершенстве владеющих техникой чтения, это очень важно – они сразу теряют к книге интерес, если в ней написано мелко, много текста на одной странице и совсем нет картинок. Но ведь душеспасительная литература тоже предназначалась для людей, едва умеющих читать, поэтому большое расстояние между буквами и между абзацами – очень дальновидное решение, расчет заполучить как можно больше читателей.

произведения А.Г. Франке, напечатан в форме «вопрос-ответ». Эта форма очень хорошо соответствовала целям, которые преследовали пиетисты – распространение душевспасительной литературы, понятной большинству, т.е. на простом, понятном народу языке. Не надо было в тексте искать главное, что хотел донести до читателя автор – все давалось при помощи строения «вопрос-ответ» в уже понятном виде: конкретный вопрос, четкий ответ на него и подкрепление ответа словами из Библии.

По-другому построен перевод Тодорского.²³⁰ Большее (по сравнению с текстом оригинала) расстояние между строчками и абзацами позволяло легко читать текст, не теряя строчки и не сбиваясь с хода текста.

Общее строение текста перевода выглядит следующим образом.

В начале текста, первые 30-40 страниц, содержится очень много цитат, буквально в каждом абзаце. В начале текста некоторые цитаты даны в скобках, отсутствующих далее по тексту. По мере углубления количество цитат постепенно уменьшается, превалирует все более оригинальный текст автора с редким приведением в основном свободных цитат. Все произведение можно условно разделить на две практически равные части: в первой части цитируются примеры из Ветхого Завета, этот факт неоднократно подчеркивается:

«[...] едаже историю страдания Христова добрѣ познаеши, подлѣгъ всѣхъ обстоянн егво, и ѿсюдъ преизрядное согласие и равенство междѣ провозвѣщеніемъ Христа Господа въ страданн егво, и междѣ тогожде страданн исполненіемъ ѡразумѣеши, тогда сравнии еще исторію страданн Христова съ писаніемъ ветхаго завѣта, и внемли семѣ, какъ Богъ ѿначала многообразнѣ и многообразнѣ, къ евреѣ. а. а.» (18).

И далее, на странице 21 еще раз:

«Къ Симъ реченіемъ можеши и инаѣ за священнаго писанн приложити за ветхаго завѣта нѣже или самъ Христосъ Господь или евангелисти, или прочи апостоли въ новомъ завѣтѣ ѡпотребиша тоѣмъ же ради вины дабы ѿсюдъ таина страданн позналася».

На странице 24 приводится объяснение выбора цитат-примеров:

«[...] ниже воспоминаю зде премножества прочихъ мѣстъ за писанн ветхаго завѣта въ посланн ономъ приведенныхъ. Которіа еще и невоспоминаютъ авѣ въ страданн Христовомъ. Потоцию къ показанню вожества егво или истиннаго человечества, или прославленн егво приведенна сътъ обаче тѣмъ же въ сицевѣи главы и мѣста священнаго писанн ведѣтъ, идѣже еще точию послѣдованн и общенн ихъ разсѣдиши, авѣ или авнѣ пророчества о страданн Христовомъ, или поне безъ труда нѣкиѣ слѣды въ семъ верѣтеши. Сице на примѣръ слѣдѣющн [...]».

Вообще, переводчиком употребляется много вводных слов и выражений, таких как: **напримѣръ, разсѣди напримѣръ, сіестъ** (уточнение), **о томъ зри, и прочѣ** (перечисление). Эти вводные слова, предваряющие цитаты (как правило, свободные), являются маркерами, сигнализирующими, что далее последует цитата. Большинство цитат маркируется словами **напримѣръ, о томъ зри, и прочѣ**.

Обобщая, на странице 116 автор перевода пишет:

²³⁰ В этой главе обсуждается только внешнее строение текста, вероятно, имеющее свой «подтекст», который можно объяснить, если сравнить издания оригинала и перевода.

«Сіе малое число свидѣтельствъ за ветхаго завѣта приведенныхъ велика ради важности ихъ довабютъ».

Во второй части идут примеры, тоже с толкованиями, уже из Нового Завета. Таким образом, текст перевода как бы повторяет строение Библии и построен примерно в той же последовательности.

Интересно, что для более яркой эмоциональной окраски автор текста перевода очень часто использует восклицательные знаки. На протяжении текста 15 раз: стр. 23, 25, 61, 83, 102 (два раза), 119 (два раза), 142, 146, 149 (два раза), 185, 209 (два раза). Причем в четырех случаях на одной странице встречаются по два восклицательных знака, например:

«и понеже всакъ человекъ ничтоже болѣе есть, точно аки человекъ, ꙗко дѣтскимъ бы образомъ нѣкто возвеличилъ милосердіе божіе, ащебы сице возопилъ: Ѡ неизреченнѣи любви! Ѡ неизмѣрнаго милосердіа божіа!» (102).

«Ѡ а да искꙋплю ихъ, и Ѡ смерти избавлю ихъ, погꙋбамъ твоимъ имамъ быти Ѡ смерти! имамъ быти погꙋбленіемъ твоимъ Ѡ аде! ниже можаше асиѣе и силѣе своевождіе Ѡ смерти описатиса, паче, акꙋже здѣ описанное есть. » (119).

Кроме того, переводчик вводит восклицательные знаки там, где их нет в оригинале. На стр. 23, 59, 153 – 2 раза, 142, 146 (на странице 23 вместо восклицательного знака в оригинале стоит вопрос, в остальных случаях восклицательные знаки отсутствуют, либо стоит точка, либо запятая), а вопросительные знаки переводчик передает не обычным знаком («?»), а в соответствии с церковнославянским правописанием, либо как «;» (таких большинство, на стр. 34, 35, 75, 91, 95), либо как «,» (на стр. 73, 80).

Таким образом, при анализе внешнего строения текста было установлено, что переводчик ищет «подход» к читателю на нескольких уровнях: на уровне логики и объяснений, путем убеждения, приводя в подтверждение сказанных слов цитаты из Библии; на уровне эмоций при помощи интерпунктуации, подчеркивая сказанное восклицательными знаками, придавая этим текстам «неровное», ступенчатое строение. Причем вопросительные знаки отсутствуют вовсе, хотя оригинальный текст построен на вопросах. Налицо творчество переводчика, который задал тексту не вопросительную интонацию, а жизнеутверждающую, добавив в текст множество восклицаний, которые отсутствуют в оригинале. Иногда цитаты и восклицательные знаки используются вместе, т.е. автор перевода использует различные средства одновременно.

4.2.4 Сравнение немецкого оригинала и его «русского» перевода с точки зрения техники перевода: выборочный анализ

В данной главе приведены отрывки перевода Тодорского и параллельно идентичные места из текста оригинала, чтобы показать технику переводчика, соответствует ли текст перевода по содержанию или по форме оригиналу. Так как внешний вид обоих текстов разный, мы привели их, как в математике, к единой форме, расставив в «русскоязычном» тексте нумерацию абзацев. В *Таблице 7* даны следующие абзацы: 1-3, 46-48, 150-153, 205-207, 294-296 (в тексте перевода это соответственно следующие страницы: 14-15, 48-49, 117-118, 158-159, 217-218).

Таблица 7. Примеры сравнения текста оригинала Фрайлингхаузена и перевода Тодорского.²³¹

Текст перевода	Текст оригинала
<p>1 Познаніе іисуса христа распатагѡ, всакомѡ хотѡщомѡ дѡшѡ свою спасти и избавити естъ вещь весма и необходителнѡ потребнаа. Сицево глаголетъ христосъ спаситель. Се естъ животъ вѣчный, да знаютъ тебе единагѡ истиннагѡ бога, и егоже послалъ еси іисусъ христа. Іѡан. 31.</p> <p>2 Я акѡ къ познанію іисуса христа наипаче принадлежитъ познаніе креста егѡ, и акѡ сіе основаніе и первѣишаа часть естъ познаніа онагѡ, показѡетъ сѣбѡ ѡсерднѡ апостолаъ сице глагола. несѡдихъ видѣти что въ васъ, точно іисуса христа, и сегѡ распата. а. къ корин. в. в.</p> <p>3 Ящеже въ разсѡужденіи сегѡ нѣкое простое и желающее спасеніа своегѡ сердце вѣдати желаетъ, какѡбы зачати сіе, дабы благопотребное и дѡшеспасительное Познаніе сіе полчити возмогло. и кимъ наипаче вещамъ, и главнимъ частемъ подобаетъ емѡвнимати, подлѡгъ свѡщеннагѡ писаніа, кромѣ сегѡ, еже въ предословіи речеса, требѣ естъ слѣдѡщомѡ внимати ѡченію.</p>	<p>Ist die Erkänntniß Christi des Geceutzigten, einem jeden zur Seligkeit schlechterdings nöthig?²³²</p> <p>1. Die erkänntniß Jesu Christi / des Geceutzigten²³³ / ist einem jeglichen / der seine Seele erretten u. selig werden will / eine schlechterdings und unumgänglich nöthige Sache. Denn das ist das ewige Leben / daß sie dich / (Vater) daß du allein wahrer Gott bist / und den du gesandt hast / Jesum Christum / erkennen / spricht er (der Herr Jesus) selbst Joh. XVII. 3.</p> <p>2. Daß aber zur Erkänntniß Jesu Christi insonderheit die Erkänntniß seines Creutzes gehöre / ja daß dieses das rechte Haupt=und Grund=Stück derselben sey; zeigt der Apostel mit sonderbarem Nachdruck an / wenn er an die Corinthier schreibt: Ich hielte mich nicht dafür / daß ich etwas wüste unter euch / ohne allein Jesum Christum den Geceutzigten. I. Cor. II. 2.</p> <p>Wie komme ich zu dieser so nöthigen Erkänntniß?</p> <p>3. Wenn denn nun / in Erwägung dessen / ein einfältiges und seines Heils begieriges Hertz gern wissen wil / wie es anzugreifen sey / daß einer zu dieser so nöthigen und heilsamen Erkänntniß gelange / und auf was für sonderbare momenta und Haupt=Puncte / nach Anleitung der heiligen Schrift selbst er deßwegen seine Andacht zu richten habe; so mag einem solchen über das / was in der Vorrede davon allbereit überhaupt erinnert ist / nun folgendes zu einer unter göttlicher Gnade nützlichen und gesegneten Anleitung / da es derselben nachgeheth / dißfalls nicht undienlich seyn.</p>
<p>46. Чтоже сицевое наше растлѣніе и происходѡщын ѡ негѡ грѣхъ ѡбога заслѡжити можетъ, и коликъю казнь засобою влечетъ, всакомѡ авно естъ, сіестъ, нечто иное, точно гнѣвъ божин и немилость, временнѡю смерть и</p>	<p>46. Was aber solche unsere Verderbniß und die daraus herkommende Sünde bey Gott verdiene / und was sie für Strafe nach sich ziehe / ist / den Worten nach / schon aus dem Catechismo von Kindheit an niemanden leicht unbekannt geblieben / nemlich: Gottes Zorn und Ungnade / zeitlichen Tod und die</p>

²³¹ Сравнение дается в соответствии с нумерацией абзацев: у Фрайлингхаузена по экземпляру Freylinghausen 1714, у Тодорского – по Приложению 5 в данной работе.

²³² Более мелким шрифтом даны стоящие на полях вопросы.

²³³ Выделено в соответствии с текстом оригинала и относится к стоящему ниже абзацу.

<p>вѣчное осужденіе; якоже исамое писаніе доволно ѿ еемз свидѣтельствуетъ, кз рим. г. ді. е. вл. ил. с. кг. з. е. и. гл. кз ѳес. в. г. Ище человекы безопаства ради и легко мыслности своеа и невѣрѹютъ толкѹю быти державѹ гнѣва егѿ и страху мрости егѿ. Псал. пд.</p>	<p>ewige Verdamniß; gleichwie auch solches die Schrift selbst deutlich genug bezeuget Rom. III. 19. V.12.18 VI.23 VII.5 VIII.13 Eph. II.3. wiewol es leider! die Menschen nach ihrer Sicherheit und Leichtsinnigkeit / nicht glauben / dass Gott so sehr zörner / noch sich fürchten für solchen seinem Grimm. Ps. XC. 11.</p>
<p>47. <i>Абзац отсутствует.</i></p>	<p>47. Begehrest du von beyderley Zustande des Menschen vor und nach dem Fall etwas ausführlicher unterrichtet zu seyn / so rathe ich dir / in der Furcht Gottes nachzulesen / was der sel. Johann Arnd im I. Buch des wahren Christentums im I. und II. Capitel davon mit mehrern geschrieben hat.</p>
<p>48. Такожде подобаетъ тебѣ вѣдати, акѿ донелѣже прилѣжиѿ неразсѣдиши растлѣнїа ѿ паденїа произшедшаго, страданїа спасителя твоегѿ никакоже познаеши; якоже бошлаа часть заблѣдени, аже имѣютъ человекы въ разумѣ и дѣланїи ѿ страданїи христовомз, и прочинхъ членахъ христианскагѿ ѹченїа кз страданїю христовѹ принадлежащихъ наипаче ѿ сюдѹ происходятъ, понеже паденїа адамова и растлѣнїа естества человекескагѿ ѿ паденїа онагѿ происходящаго неразумѣютъ, и коль великѹю казнь и клатвѹ содержитъ въ себѣ невѣдаютъ, ниже разумѣти хотятъ, но ѿ безмѣрнїа гордостї своеа, предъ познаниемз симз, дабы въ плостскомз своемз безопаствиї неподвижнѿ пребыви, самоволнѿ смѣжаютъ очеса своа: акѿже сонцннз сотворилз и даже досегѿ днѹ творятъ послѣдѹющїи ѹченїю егѿ.</p>	<p>48. Du must auch wissen / daß / so lange es dir an rechter Einsicht in das aus dem Fall eingedrungene Verderben fehlet / du von dem Leiden deines Heilandes wenig verstehen wirst; wie denn die meisten Irrthümer / die die Menschen in theoria u. praxi vom Leiden Christi u. andern damit verbundenen Stücken der Christlichen Lehre hegen / daraus vornehmlich herkommen / daß sie den Fall Adams / und die tiefe corruption und Verdorbenheit der Menschlichen Natur / und was daran für ein grosser reatus und unerträglicher Fluch hängen / nicht verstehen / ja auch nicht verstehen wollen / sondern / aus einer recht unerträglichen Hoffart / gegen solche Erkäntniß / um in ihrer fleischlichen Sicherheit desto ungestörter zu bleiben / wol muthwillig ihre Augen zuschliessen: wie an Socino und dessen Nachfolgern vor andern klar zu sehen ist.</p>
<p>150. Ищеже въ реченїахъ онихъ кз показанїю правды сеа сз писанїа приведеннїхъ, и ѿ единомз точнїо грѣсѣ воспоминаетса, ничтоже воспоминаа ѿ казни загрѣхъ надлежащїи ѿ которїа христосз смертїю своею насз искѹпилз есть, однакоже самую вещь и сїе въ тѣхъже реченїахъ содержитса: нбо искѹплени</p>	<p>Folget aber aus diesen Sprüchen, daß wir durch Christi Leiden auch von der Strafe des Sünden erlöst sind.</p> <p>150. Ob nun gleich in diesen angezogenen Sprüchen nur der Sünde / nicht aber der Strafe derselben / davon wir durch den Tod Christi erlöst seyn / ausdrücklich gedacht wird / so steckt doch der Kraft nach dieses letztere auch mit darinnen: wie denn die Erlösung von Sünden uns schlechten Trost bringen würde /</p>

<p> ѿ грѣховъ сѣтноебы подало намъ ѡтѣшеніе аще бы оно неизбавило насъ ѿ казни, аще бы мы еще казни нашеѡ ожидать долженствовали. обаче особеннѡ къ разсѣжденію сегѡ восприми слѣдѹющее. </p> <p> 151. Павелъ изображаетъ казнь за грѣхи наипаче сими двома словами, аже сѣть: клятва и смерть. </p> <p> 152. Акѡ мы чрезъ Христа ѿ клятвы избавихомса, и какимъ образомъ, ѡ семъ пишетъ онъ въ посланіи своемъ къ галатамъ: христосъ искупилъ есть насъ ѿ клятвы законна: бывъ по насъ клятва г. г. сестъ: христосъ искупилъ есть насъ ѿ всѣхъ, престѹпителейъ закона прѣтительныхъ казней, егда онъ благословенный божи, или паче самое благословеніе, акнебы всяка клятвы достойны, или паче самаа клятва былъ, насъ ради на древѣ крестномъ повѣситиса благоизволивъ. писаново есть; проклатъ всякъ висаи на древѣ. въ тожде главѣ. </p>	<p> wenn sie so beschaffen wäüre / daß wir dabey doch noch zur Strafe verbunden wäüren. Jedoch magst du auch davon insonderheit folgendes in Betrachtung ziehen. </p> <p style="text-align: right;"> Worinn besteht die Strafe der Sünden? </p> <p> 151. Paulus spricht die Strafe der Sünden vornemlich mit zweyen Worten aus / die heissen Fluch und Tod. </p> <p style="text-align: right;"> Wo lesen wir von der Erlösung vom Fluch? Gal. 3, 13. </p> <p> 152. Daß und wie wir durch Christum vom Fluch erlöset sind / davon schreibt er Gal. III.13. also: Christus hat uns erlöset <i>(ἐξήγοράσεν, er hat uns / vermittelt eines theuren und von unendlichem Werth sehenden Löse=geldes / ausgekauft) vom Fluch des Gesetzes</i> / (das ist / von aller den Übertretern des Gesetzes gedräueten gerechten Strafe) da er ward ein Fluch für uns: (da sich dieser Gesegnete des Herrn / ja der gegen selbst / als eine alles Fluches würdigen / und / als ob er selbst ein Fluch wäüre / an unser statt ans Holtz des Creutzes aufhencken ließ) denn des stehet geschrieben: Verflucht sey iederman / der am Holtz hänget. </p>
<p> 205. Гегѡ ради всякомѹ въ страданіи христовомъ представляется ѹчилище истинныхъ добродѣтели, въ которомъ всякъ можетъ лѹчше и болѣе наѹчитиса добродѣтели и истиннагѡ благочестіа, нежели съ всѣхъ прочихъ книгъ въ свѣтѣ обрѣтающихся, нѣкое ѹченіе ѡ благочестномъ и добродѣтелномъ житіи въ себѣ содержащихъ. </p> <p> 206. Разѹднѡ любимиче, что сѣть добродѣтели всихъ чловѣковъ и всихъ сватихъ противѹ добродѣтели христовихъ, иже непростыи чловѣкъ, но истинный сынъ божи бѣ: акожево божество егѡ страданію и пролитію крови, такѡ и прочимъ егѡ дѣламъ и добродѣтелемъ, божественнѹю вонстиннѹ важность, силѹ и прензащество подаетъ, паче всихъ дѣлъ и добродѣтели всихъ сватихъ. </p>	<p> 205. Darum kann ein ieglicher im Leiden Christi die rechte Tugend=Schule finden / und darinn mehr Tugend und Frömmigkeit lernen / als aus allen Büchern in der Welt / die von einem frommen und tugendhaften Leben iemals mögen geschrieben seyn. </p> <p> 206. Den / Lieber / was sind doch auch aller Menschen / ja aller Heiligen / Tugenden gegen die Tugenden Christi / der kein blosser Mensch / sondern der Sohn Gottes selbst war? Denn gleich wie dieses seinem Leiden und Blutvergissen; also giebt's auch allen seinen übrigen Wercken und Tugenden einen recht göttlichen Preis und unendlichen Vorzug vor den Werck und Tugenden alles Heiligen / wenn man sie auch in ein Werck und in eine Tugend zusammen schmelzen könnte. </p>

<p>207. Подобаєтѣ ꙗко тебѣ сіе, еже ѿ несоравненноꙋ примѣрѣ христа господа въ страданіи егѿ речено єсть, не аки нѣкаа точно празднаа слова имѣти, аже обикаютѣ нѣци разразширеніа ради произносити съ прилѣжаніемъ, аще и безъ ѿснованіа, но признати паче, акѿ ѹченіе сіе ѿснованное єсть на предпоказаніи важности и изѣществѣ лица христова, иже пострадалъ и ѹмеръ насъ ради.</p>	<p>207. Du musst demnach das / was von dem unvergleichlichen Crempel des Herrn Jesu im Leiden gesaget ist / nicht als leere und eitle Worte ansehen / die nur nach Art dehrer / die mit Fleiß / aber ohne Grund / etwas zu vergrössern suchen / vorgebracht würden / sondern erkennen / wie solches allerdings in gedachter und oben bewiesener Würdigkeit der Person Christi / die für uns gelidten hat und gestorben ist / gegründet sey.</p>
<p>294. Блаженъ еси, аще поданное къ себѣ наставленіе въ сердце твое воспримеши, и божіею благодатию плодъ ѿсюдъ возимѣши; сице обрѣтеши сокровище вса сокровища въ мирѣ семъ превосходящее, тогда и азъ полѹчѣ сіе, еже чрезъ малии мои сеи трѹдъ полѹчити желашъ, и часоради за тебе и за всакагѿ читателя, многажди сердечнѣ бога молишъ.</p> <p>295. Къ заключенію двоекое єще ѹбѣщаніе предлагаю, въ остатнемъ слѣдѹющемъ шестнадесатомъ разсѹжденіи.</p>	<p>294. Wohl dir / wenn du auch die hiezu bisher gegebene Anweisung nun bey dir lässtest / durch göttliche Gnade / anschlagen und gesegnet seyn; so hast du einen Schatz gefunden / der mit allen Reichthümern und Schätzen dieser Welt nicht zu bezahlen ist / und ich habe so dann auch erlanget / was ich durch diese geringe Arbeit intendiret / und warum ich Gott für dich und einen ieglichen Leser mehr als einmal ernstlich und hertzlich angeflehet habe.</p> <p>295. Ich thue denn XVI. Zum Beschluß nur noch eine zweyfache Erinnerung hinzu.</p>
<p style="text-align: center;">SI.</p> <p>296. Первое акѿ, аще тѣаніе сердечное имѣеши, такѿ распатаго христа познати, акѿже зде наѹчилса еси, наслаждатиса єго, и ѿсюдъ сицєвое сердце исполненное надежди, мира, радости и любви воспріати, во всемъ семъ незабываа великіа твоеа слабости, невѣжества и несовершенства; дабы еси неѹжаснѹлса сегѿ, ниже малодѹшнимъ сотворилса, но паче бы вѣдалъ, акѿ никтоже междѹ всѣми ѹгодникамы божіими (акоже нѣкин ѹчитель глаголетъ) совершеннѿ въ свѣтѣ семъ сеи членъ вѣры помти и имѣти можетъ, ниже сегѿ ради проповѣдѹетса ѿ семъ и тоєжде описѹетса, дабы кто абіе совершеннѿ наѹчилса сегѿ, и абіе ниединаго же бы грѣха оцѹщалъ въ себѣ. акѿ тотже ѹчитель далѣе</p>	<p style="text-align: right;">XVI. Hast du etwa zum Beschluß noch ein und anders zu erinnern? Welches ist die erste Erinnerung?</p> <p>296. Die erste ist / dass wenn dirs ein aufrichtiger Ernst ist / Christum den Gecreutzigten dergestalt / als du unterwiesen bist / zu erkennen / seines zu genissen und dadurch ein solch Zuversicht = Frieden = Freud = und Liebes = volles Hertz zu überkommen / und in dem allen iedennoch deiner grossen Schwachheit / Unverstandes und Unvollkommenheit inne wirst; daß du / sage ich / dich solches nicht erschrecken / noch kleinmüthig machen lässtest / sondern vielmehr wissest / daß kein Mensch / wie der sel. Lutherus saget in seiner Auslegung des LIII. Capitels Jesaia (die im vorigen 1713. Jahr mit einer Vorrede Herrn Prof. A.H. Franckens allhier aufs neue in 12. gedruckt und sehr erbaulich zu lesen ist) unter allen beiligen Gottes / diesen Artickul vollkömmllich in dieser Welt fassen / und haben kann / und daß es auch nicht darum</p>

<p>Глаголетъ: въ евангелии вездѣ написано есть: рече исѹсѣ ко ѹченикомѣ своимѣ, и такѡ нарицаетъ христосѣ апостоловѣ вездѣ ѹчениками своими неѹчителами, ѡ ѹчениа, понеже всегда въ школѣ христовои обѹчались, ниже совершеннѡ сегѡ наѹчилиса.</p>	<p>geprediget und geschrieben werde / dass man es flugs auslernen könne / und daß du so bald gar keine Sünde empfinden mögest / wie er dann auch bald darauf hinzusetzt: Im Evangelio stehet allenthalben geschrieben: Jesus sprach zu seinen Jungern; dass er seine Apostel nie nicht Meister / sondern allerwegen Schüler / nennet / und die lieben Apostel den Namen haben vom lernen / darum / daß sie Christi Schüler sind / nicht darum / daß sie ihn schon erkant und ausgelernet haben.</p>
--	---

Абзацы 1-3 – начало текста, идущее сразу после вступления. В оригинале текста первый и второй абзацы – это ответ на вопрос, стоящий сбоку от первого абзаца, на полях: „Ist die Erkäntniß Christi des Gecreutzigten, einem jeden zur Seligkeit schlechterdings nöthig?“ Далее следует логично вытекающий из вопроса ответ, состоящий из двух абзацев и содержащий в себе частично те же слова, что и в вопросе. Но в переводе вопрос отсутствует и текст приобретает иной смысл. Это уже не ответ, а рассуждение автора, его обращение к читателю, спонтанно выбранное, как кажется.

Абзацы 1 и 2 переведены очень близко к тексту: предложение „Die erkäntniß **Jesu Christi / des Gecreutzigten**²³⁴ / ist einem jeglichen / der seine Seele erretten u. selig werden will / eine schlechterdings und unumgänglich nöthige Sache“ дано в переводе как «**Познаніе іисѹса христа распятаго, всакомѹ хотащомѹ шѹ свою спасти и избавити есть вещь весьма и неѹбходительнѣ потребнаа**». Вторая часть абзаца – цитата из Библии, Joh. XVII. 3, а в переводе строка не дана, только глава **Іѡан. 31**. Выделенный текст в оригинале – это текст библейских цитат, или имен собственных и понятий из Библии (**Jesu Christi / des Gecreutzigten, seines Creutzes** и т.д.). При этом только цитаты выделены более жирным шрифтом, тогда как номера цитат и главы даются обычным. В тексте перевода, как это видно из приведенных отрывков, выделенный текст отсутствует полностью, все напечатано одинаково.

Второй абзац имеет подобное же строение. В начале идет текст автора, затем цитата (выделенная в оригинале). Слова автора из оригинала совпадают с текстом перевода не полностью: „zeigt der Apostel mit sonderbarem Nachdruck an / wenn er an die Corinthier schreibet“ переводчик дает более неопределенно, как «**показѹетъ свѣлѡ ѹсерднѡ апостолѣ сице глагола**». Во втором абзаце глава и стих приведены полностью и в переводе: **I. Cor. II. 2 – а. кз корин. в. в.**

В третьем абзаце цитата отсутствует, есть только слова автора, изложенные переводчиком более кратко и понятно, чем в оригинале, т.к. в оригинале наличие синонимов и повторов иногда приводит к потере нити повествования. Как это особенно заметно в конце третьего абзаца: „[...] was in der Vorrede davon allbereit überhaupt erinnert ist / nun folgendes zu einer unter göttlicher Gnade nützlichen und gesegneten Anleitung / da es derselben nachgeheth / dißfalls nicht undienlich seyn.“ дано как «**еже въ предословіи речеся, требѣть есть слѣдѹющомѹ внимати ѹченію**».

Абзацы 46-48 демонстрируют нам другие решения в тексте перевода. В абзаце 46 переводчик снова дает текст более нейтрально, упуская фразу „[...] aus dem Catechismo von Kindheit an niemanden leicht unbekannt geblieben [...]“. Цитат в данном абзаце множество и практически все даны корректно: „Rom. III. 19. V.12.18 VI.23 VII.5 VIII.13

²³⁴ Выделено в соответствии с текстом оригинала и относится к стоящему ниже абзацу.

Eph. II.3.“ даны как «кз рим. г. д. е. в. и. с. к. з. е. и. г. кз Фес. в. г.», за исключением последней, у которой отсутствует стих в переводе „Ps. XC. 11“ как «**Ψал. Цд**».

Абзац 47 в тексте перевода отсутствует совсем. В оригинале в этом абзаце дан совет, обратиться к первой книге Арндта: „[...] so rathe ich dir / in der Furcht Gottes nachzulesen / was der **sel. Johann Arnd im I. Buch des wahren Christentums** im I. und II. Capitel davon mit mehrern geschrieben hat.“ Как уже было показано ранее (см. INDEX II. AVCTORVM, гл. 4.2.1), переводчик нейтрализовал содержание и практически все имена собственные, встречающиеся в оригинале, в тексте перевода отсутствуют. Оставлены только имена из Библии. Это еще раз подтверждает предположение, что перевод был предназначен для православного русскоязычного читателя. И поэтому абзац 47, небольшой по объему, с прямым указанием на произведение Арндта, Тодорский не включил в свой текст.

Абзац 48 не содержит цитат и состоит полностью из слов автора, как в оригинале, так и в переводе. Очень близкий по смыслу и, можно сказать, дословный перевод (см. *Таблицу 7*), где в конце даже переводчиком оставлено имя личное, незнакомое православному читателю: „[...] wie an Socino und dessen Nachfolgern vor andern klar zu sehen ist.“ переведено как «[...] **акѡже сонцинз сотворилз и даже досегѡ дна творатз послѣдѹщи ѹчению егѡ**». Фауст Социни (Fausto Sozzini или Socini, 1539-1604) являлся одной из ключевых фигур унитаризма, религиозного течения, отрицавшего такие символы Библейского писания, как Троицу, первородный грех или искупление, и считавшего Библию только историческим памятником. После Польши, это течение также получило распространение и на Украине, но до России так и не дошло. Под влиянием социниан в Польше образовывались хорошо организованные школы и один из первых переводов Нового Завета на Украине также приписывается им (Мень 2002). Тодорский, вероятно, знакомый с учением Социни, приводит дословно текст о нем (**сонцинз**) и его последователях. Так как для него это имя было знакомо, он не посчитал его необычным и включил в текст. Имя Социни можно считать исключением, оставленным в тексте переводчиком только потому, что оно было ему знакомо.

Каждый из абзацев от 150 до 152 в немецком оригинале сопровождается вопросом. Соответственно, каждый из абзацев является логическим ответом на него, чего нет в тексте перевода, т.к. там схема «вопрос-ответ» отсутствует. Абзацы 150 и 151 не содержат цитат, из них 151-ый абзац очень короткий. Выделенные в нем слова (**Fluch und Tod**) не выделены в переводе так же, но подчеркиваются при помощи интерпунктуации – двоеточием.

В абзаце 153 содержится цитата, одинаково правильно указанная в обоих текстах: Gal. III.13 – **кз галато.мз г. г.** Выделенная в оригинале при помощи другого шрифта, цитата в переводе выделяется при помощи двоеточия, что вообще характерно для всего текста. Переводчик, один раз избрав этот способ, выдерживает его на протяжении всего текста. В немецком оригинале есть также пояснение на греческом языке (*ἐξήγόρασεν*), отсутствующее в переводе.

Абзацы с 205 по 207 показывают перевод слов-разсуждений автора без вкраплений цитат. Причем, все три абзаца в переводе даны более пространно и красочно, чем в оригинале, особенно это касается абзаца 205. Выделения, сделанные в оригинале, в тексте перевода подчеркиваются при помощи двойного повторения, чтобы усилить впечатление от сказанного: **лѹчше и болѣе**, что отсутствует в оригинале.

Абзацы с 294 по 296 снова демонстрируют различия, возникшие при переводе. Интересно, что в переводе абзаца 294, где хоть и нет цитат, а только слова автора, используются глагольные формы, более характерные для цитат – сигматический аорист

1 лица ед. числа (**ЖЕЛАХЪ, МОЛИХЪ**), что в оригинале дано при помощи форм перфекта (ich habe erlanget, ich [...] ernstlich und hertzlich angeflehet habe).

Абзац 205 предваряет следующую, 16-ую главу, которая обозначена в оригинале римской цифрой, в переводе буквами: XVI. – **SI**.

Абзацу 296 в оригинале предшествуют два небольших вопроса, отсутствующие в переводе. Но все равно переводчик так излагает текст, что если к немецкому вопросу присоединить «русский» перевод 296-ого абзаца, то получится полное смысловое соответствие. После вопросов „Hast du etwa zum Beschluß noch ein und anders zu erinnern? Welches ist die erste Erinnerung?“ шел бы перевод «**Первое акѡ, аще тѣцание сердечное имѣеши, такѡ распятаго христа познати, акѡже zde наѡчилса еси, наслаждатиса его, и ѡсюдѡ сицевое сердце исполненно надежди, мира, радости и любви восприати, во всемъ семъ забывала великиа твоеа слабости, невѣжества и несовершенства;**». Таким образом, перевод также логично вытекает из поставленных по-немецки вопросов, как и текст оригинала. В оригинале к цитате этого же абзаца стоит пояснение, что она взята из Мартина Лютера: „wie der sel. **Lutherus** saget in seiner Auslegung des LIII. Capitels Jesaia (die im vorigen 1713. Jahr mit einer Vorrede **Herrn Prof. A.H. Franckens** allhier aufs neue in 12. gedruckt und sehr erbaulich zu lesen ist)“, а в переводе это пояснение дано, как: «**(акѡже нѣкин ѡчитель глаголетъ)**», и далее снова: „wie er dann auch bald darauf hinzusetzet:“ как «**акѡ тотже ѡчитель далѣе глаголетъ**». Имена М. Лютера и А.Г. Франке в перевод включены не были, а фраза «некий учитель» использовалась как нейтральная, в то время употреблявшаяся – «некий город», «некое царство» (Адрианова-Перетц 1948, 410). В данном случае переводчик изменил текст оригинала лишь частично, оставив общее выражение об учителе. О подобном приеме сообщает и Быкова, описывая другой перевод Тодорского – «**Оучение о началѣ христианскаго житія**» (оригинал: А.Н. Francke „Die Lehre vom Anfang Christlichen Lebens“, 1698):

„Die Vorsicht, mit der man in Halle an die Edition von Büchern in slawischer Sprache heranging, kann man auch danach beurteilen, daß in der Übersetzung des Buches von A.H. Francke «Учение о начале христианского жития» zu Beginn des fünften Kapitels des zweiten Teils der Name *Luthers* ausgelassen wurde: 'Gut spricht **ein gewisser Lehrer**, das Evangelium enthält soviel Schönes [...]“ (Bykova 1966, 265).

4.2.5 Выводы

Анализ сравнения перевода Тодорского с оригиналом показал следующее:

1) Название перевода, данное как «**Писанию сватомѡ согласѡющеся наставление кз истинномѡ познанию и душеспасительномѡ оупотреблению страдания и смерти господа и спасителя нашегѡ Иисуса Христа блаженногѡ Анастасиемъ проповѣдникомъ божия слова**» в целом соответствует форме названий, принятой в то время в религиозной душеспасительной литературе в России, когда указывалось имя автора (Анастасий) без его фамилии.²³⁵

2) В целом перевод выполнен очень близко к тексту оригинала по содержанию, иногда можно говорить даже о дословном переводе. Цитаты оригинала приводятся также и в тексте перевода, указания на главы цитат тоже сохраняются. Более важная информация, выделенная в тексте оригинала другим шрифтом (цитаты, фамилии, основная мысль в каком-либо абзаце), выделена также и в тексте перевода, но иначе:

²³⁵ Ср.: „Diese Form entsprach völlig den in Rußland üblichen Brauch, geistliche Autoren nur mit dem Vor- und nicht mit dem Familiennamen zu nennen, und konnte die Aufmerksamkeit des Synods abwenden.“ (Bykova 1966, 265).

при помощи интерпунктуации (двоеточие, восклицательный знак), при помощи повторов. В общем текст перевода имеет более упрощенную структуру для понимания смысла, что в оригинале представлено не всегда, иногда витиеватая структура приводит к потере нити повествования.

3) Внешняя форма перевода не соответствует форме оригинала, что продиктовано, вероятно, тем, на какого адресата был рассчитан текст. Текст как оригинала, так и перевода поделен на абзацы, но нумерация абзацев в переводе отсутствует, равно как и вопросы на полях, за которыми следуют ответы – само содержание текста.

4) В отношении имен собственных и каких-либо современных (для XVIII века) цитат или произведений необходимо отметить, что в текст перевода они включены не были. Решением при этом было либо полное отсутствие абзаца в переводе (абз. 47), либо умолчание фамилии, либо замена имен на общие фразы («некий учитель», абз. 296). Исключением стала фамилия Фауста Социни, оставленная переводчиком в тексте, правда, без дополнительных объяснений (абз. 48).

5) Таким образом, текст перевода был адаптирован для православного читателя: вся информация оригинала, касающаяся читателя-католика или протестанта, а также человека, вообще проживающего в Западной Европе и знакомого с такими именами, как Франке, Лютер или Арндт, была удалена при переводе.

6) В сделанном на языковом уровне с большой точностью переводе Тодорского не просматривается немецкая структура текста. Текст перевода читается, как оригинал, изначально написанный на «русском» языке.

4.3 Лингвистический анализ «русского» перевода Тодорского

Объектом лингвистического анализа является перевод на «русский» язык религиозного произведения пиетистской душеспасительной литературы, созданный в первой трети XVIII века, т.е. в период формирования языковых норм русского литературного языка нового типа.

Переводы Тодорского были выбраны для лингвистического исследования неслучайно. «Русские» книги из Галле уже описывали В.В. Щукин (Щукин 1899), Д.И. Чижевский (Čyževskýj 1938; 1939; 1939/40), творчеством Тодорского интересовался также Е. Винтер (Winter 1953; 1956; 1958). Публикации Чижевского, который не был лингвистом и лишь бегло ознакомился с некоторыми из переводов Тодорского, способствовали созданию на долгие годы устоявшегося мнения о том, что язык «русских» переводов Тодорского – церковнославянский украинской редакции:

„Alle Übersetzungen von Todoróskyj²³⁶ werden nicht ganz mit Recht als „russische“ bezeichnet. Sie sind vielmehr in der ukrainisch-kirchenslavischen Sprache geschrieben, die wir aus den Kiever Drucken der Zeit kennen; durch manche Neologismen individuell gefärbt, ist sie doch dem Inhalt der übersetzten Werke angepaßt und hat beträchtliche dichterische Qualitäten.“ (Čyževskýj 1939).

В последующих работах других авторов это утверждение воспринималось как изначально доказанное, дальнейшие исследования языка переводов Тодорского не предпринимались.

Работы С. Менгель (Mengel 2000; 2003; 2004 и др.) впервые со времен Чижевского актуализировали проблематику изучения языка переводов Тодорского и позволили разработать новый подход к анализу их языка. По мнению Менгель, при анализе созданных в Галле текстов Тодорского необходимо исследовать прежде всего не лексику и фонетические явления (на что и обратил внимание в свое время Чижевский),

²³⁶ Такой вариант фамилии Тодорского дает в своей работе Чижевский.

а грамматику текста в связи с его текстологическим строением и на фоне современных Тодорскому текстов религиозной душевспасительной литературы. Именно это позволит определить грамматическую норму языка переводов Тодорского в контексте процессов становления русского литературного языка нового типа в первой половине XVIII века и их возможный вклад в развитие этих процессов. Лексика переводов Тодорского была, конечно, церковнославянской, она и не могла быть иной в произведениях религиозной литературы. Помимо концепции С. Менгель при анализе языка «русских» переводов Тодорского в настоящем исследовании мы опираемся на концепцию В.М. Живова (1988, 1996, 2001), работы М.Л. Ремневой (1988, 2003) и на исследования Е.И. Кисловой (2007, 2008 а/б, 2011) по языку поздних проповедей Тодорского.

При лингвистическом анализе текста важно также учитывать, что в нашем случае анализу подвергается не оригинальное произведение, а перевод. В теории перевода до сих пор нет единой «формулы» для правильного перевода формы и содержания. Еще Мартин Лютер при переводе Священного Писания на немецкий язык задавался этим вопросом. Основным в оценке переводческого труда Лютера являлось не только то, что он сумел организовать новый перевод Библии, но и то, на какой язык был сделан перевод. Лютер при переводе взял за основу саксонский канцелярский (или деловой) язык – этот язык использовался в письме и был понятен для населения. В отношении выбора языка место, где жил Лютер – Саксония – стало очень удачным, являясь и в историческом и в культурном, а также в географическом плане центром пересечения немецких земель, что создавало предпосылки для создания «общенемецкого»²³⁷ перевода Библии. Важным является также и то, что Лютер переводил не столько дословно, сколько пытался донести смысл библейских высказываний (*sensus literalis*) до немецкого читателя. Призывая соблюдать каноническую полноту и точность передачи содержания подлинника²³⁸, он призывал также придерживаться такого языка перевода, который был бы понятен любому человеку, т.е. ориентироваться на общенародный язык. Эти мысли отразились и в труде М. Лютера „Sendbrief vom Dolmetschen“ (1530)²³⁹: принципы перевода заключаются в понимании переведенного текста, в уходе от пословного перевода, если это противоречит по «духу» переводному языку, а также в ориентации на то, как говорят (т.е. на разговорный язык). Основные проблемы перевода, сформулированные им в процессе работы, сводятся к трем положениям: 1) Что является инвариантом перевода? 2) Какими средствами обеспечивается эквивалентность перевода? 3) Каков критерий достоверности переводческого решения? (Цвиллинг 1989).

С письмом Лютера перекликается и уже указанная инструкция, из архива А.Г. Франке: „Gedanken über die deutsche Bibelübersetzung der Bibel des seeligen Lutheri“ (см. гл. 3.1).

Кроме непосредственно перевода как процесса, существовали еще и другие проблемы. Следуя традициям русского православия, Тодорский должен был бы перевести пиетистские религиозные тексты на церковнославянский язык, который был достаточно сложным в грамматическом и лексическом плане. В соответствии с представлениями пиетистов из Галле язык «русских» переводов должен был быть

²³⁷ То есть понятного для большинства немецкого населения. До Лютера уже существовали переводы на немецкий язык, но сделаны они были на местные диалекты, делающие эти переводы территориально ограниченными. (Библия в переводе Лютера 1991, см. интернет-ресурсы).

²³⁸ Для своего перевода Лютер использовал различные тексты Библии, известные тогда. Для перевода Нового Завета – греческий и латинский тексты Эразма Роттердамского, изданные незадолго до этого (1516 / 1519 гг.), для перевода Ветхого Завета – древнееврейский Масоретский текст, греческую Септуагинту и латинскую Вульгату, а также некоторые части Библии, написанные на древнем арамейском языке. (Библия в переводе Лютера 1991).

²³⁹ Мартин Лютер: «Послание о переводе и о заступничестве святых» (1530).

понятен «простым» верующим (ср. гл. 3.2.2.1). Необходимо было сохранить статус духовного произведения, с одной стороны, и, с другой стороны, найти понятную форму выражения, сделав произведение доступным для малограмотных людей.

Примером перевода текста, относящегося к «чужой» религии может служить перевод «Великого зеркала». Книга, состоящая в основном из текстов религиозно-дидактического содержания, была в первый раз переведена с польского²⁴⁰ в 1677 г. переводчиками посольского приказа. Она предназначалась, в первую очередь, для католических проповедников и содержала различные примеры из жизни для чтения проповедей, а также была направлена по своему содержанию против еретиков – лютеран, кальвинистов и др. (Адрианова-Перетц 1948, 409). Сборник распространялся в виде рукописи и считается одним из самых популярных переводных произведений XVII века (Державина 1962, 14). Перевод «Великого зеркала» так и не был напечатан, т.к. его заказчик – царь Алексей Михайлович – скончался ко времени, когда был готов перевод. Несмотря на то, что из текста по возможности убрали католический оттенок и собственные имена заменили на неопределенные указания, такие как «некий город», «некое царство» «некоего царя»; папу заменили на «вселенского патриарха», католиков называли «христианами», также добавили некоторые элементы русской жизни (например, русскую повесть «О некоем пресвитере Тимофее, впавшем в тяжкий грех»), но полностью устранить католический дух, а также большое количество полонизмов и латинизмов, оставшихся в переводном тексте, не удалось. Феофан Прокопович называл «Великое зеркало» «бездельными и смеху достойными повестями», что также помешало официальному признанию сборника и его изданию (Адрианова-Перетц 1948, 410). Но расхожие в народе рукописи получили распространение, многие сюжеты коротких рассказов, подкрепленных библейскими нравоучениями, были близки и православному читателю. В России «Великое зеркало» благодаря сделанной при переводе «нейтрализации» воспринималось как беллетристическое произведение (Нелюбин, Хухуни 2006, 197).

4.3.1 Лингвотекстологический анализ текста

Как было отмечено выше, анализируемый перевод Тодорского (как и оригинал Фрайлингхаузена) относится к жанру душевспасительной литературы, предполагающему синтез различных «фрагментов» текста (библейские прямые и свободные цитаты, слова автора в форме разъяснений и поучений и др.). С точки зрения лингвистики текста мы имеем дело с сортом текста «душевспасительная литература», включающим различные подсорты текста.

Метод лингвотекстологического анализа, впервые применяемый для изучения языка переводов Тодорского, позволяет с опорой на результаты переводоведческого анализа (см. гл. 4.2) выделить в рассматриваемом переводе следующие три подсорта текста:

- 1) «слова автора»,
- 2) «прямые цитаты из Библии» с указанием точных глав и стихов,
- 3) «свободные библейские цитаты», пересказанные автором с возможными добавлениями и разъяснениями, но также с указанием глав и стихов из Библии.

Таким образом, нам открывается возможность исследования различных (под)сортов текста, созданных одним автором. В этом и состоит особенность анализируемого

²⁴⁰ Оригинал (вернее, его окончательная редакция, т.к. сборник редактировался до этого неоднократно, разными авторами) на латинском языке был составлен в 1605 г. иезуитом Иоанном Майором (Johannes Major): „Speculum magnum exemplorum“ и издан в Бельгии, польский перевод: „Wielkie Zwierciadło przykładow“ был издан в Кракове в 1633 г. (Державина 1962, 14).

произведения, а также причина, по которой именно данный перевод Тодорского был выбран для анализа в первую очередь.

Исходя из строения текста оригинала Фрайлингхаузена – чередования прямых и свободных цитат из Библии, комментариев и слов автора – предполагается, что переводчик на «русский» язык вынужден был все время «переключаться» с одного языкового регистра на другой (ср. Живов 1996) в соответствии с языковой ситуацией в России в первой половине XVIII века и обусловленными ею требованиями к созданию определенных типов религиозных текстов. Переводчик на «русский» язык должен был руководствоваться различными механизмами создания текста,²⁴¹ т.к. иначе ему было бы невозможно перевести гетерогенный для русского читателя в языковом плане текст, состоящий из глав Священного Писания, основанных на них религиозных поучениях, и из слов автора; в то время как оригинал Фрайлингхаузена представлял собой для немецкого читателя с точки зрения языка текст однородный, написанный на одном языке – немецком.

Именно деление текста на различные подсорты (которые реализуются в конкретных «фрагментах») является основным, исходным пунктом для системно-лингвистического анализа языка перевода: при каждом шаге системно-лингвистического анализа учитываются данные лингвотекстологического анализа (см. гл. 4.3.2).

Различные подсорты текста переводчик, как удалось установить, маркирует с помощью специальных языковых индикаторов: «прямые цитаты из Библии» маркируются двоеточием, а «свободные библейские цитаты» – как правило, вводными словами **например, о том зри, сице** и другими (ср. также гл. 4.2.3). Таким образом, интерпунктуация и вводные слова являются важными маркерами при выделении в тексте цитат из Библии (как прямых, так и свободных). Наиболее сложным было определение свободных цитат, в которых автор хоть и указывал точные главы из Библии, но часто слова автора «вплетались» в свободные цитаты, что затрудняло определение свободных цитат. Приведем примеры в соответствии с текстом оригинала Фрайлингхаузена.

Свободная библейская цитата в тексте перевода:

«Еже разꙋмети сице подобаетъ: вси челоꙋѣцы со всею собственною, возмѣною премꙋдростию, правдою и добродѣтелию смердацими предъ богомъ сотворилисѧ. Неточно сіе, еже посамомꙋ челоꙋѣческому разсꙋждению злое и грѣховное есть, но и самое сіе, еже помнѣнию челоꙋѣческому благое и добрѣ сотворенное быти мнѧшесѧ, сѧи и мерзкии издаваше смрадъ изъ себе, и такъ неможаше боговѣ благоприятнымъ быти: ѡ семъ смотри, Ісаіа а. гл. ѡмосъ е. ка. Къ Титꙋ а. 51.» (82).

Соответствующий текст оригинала тоже содержит указание на несколько различных глав, приведенных в конце абзаца, но кроме того, отличается по содержанию, т.к. в конце немецкого оригинала содержится еще выделенная более жирным шрифтом прямая цитата из Библии, отсутствующая в тексте перевода:

„101. Siehe / du und ich und alle Menschen / mit aller ihrer eignen vermeynten Weisheit / Gerechtigkeit und Tugend / waren vor Gott gleichsam stinckend worden. Nicht nur das / was auch wol nach menschlichem Urtheil sündlich und böse war / sondern selbst das was darnach gut und wohlgethan hieß / gab vor Gott einen überln und heßlichen Stanck von sich / und mochte ihm also nicht gefallen. Siehe Jes. I. 13 LXIV. 6. Amos V. 21. Tit. I. 16.

²⁴¹ См. подробно гл. 2.2.2.1 и 2.2.2.1.1, ср. критерий (2).

Bedencke es recht / was du davon singest: Meine gute Werck die galten nicht / es war mit ihnen verdorben. it. Vom Fleisch wollt nicht heraus der reist / von [...] fordert allermeiste war mit uns verloren.“ (86).

Прямые цитаты из Библии вводятся как в тексте оригинала, так и в переводе (в подавляющем большинстве случаев) при помощи двоеточия, ср.:

«Къ евр. в. з. д. Такѡжде въ сихъ словахъ: жертвы и приношения не восхотѣла еси, тѣложе совершила еси. Всесожжени и ѡ грѣсѣ не благоволила еси. Тогда рѣхъ: се идѣ, въ главизнѣ книжнѣ написана ѡ мнѣ, еже сотворити волю твою Боже, ѱал. лд.» (24).

Только в оригинале цитата выделяется еще и более крупным и жирным шрифтом:

„Der im XL. Psalm also redend eingeführet wird: **Opfer und Gaben hast du nicht gewolt; den Leib aber hast du mir zubereitet; Brand-Opfer und Sünd-Opfer gefallen dir nicht: Da sprach ich: siehe / ich komme / im Buch stehet von mir geschrieben / dass ich thun soll / Gott / deinen Willen / u.s.f. X. 5. fgg.**“ (10).

Далее, в *таблицах 8 и 9*, следуют примеры прямых и свободных цитат из текста перевода и текста Библии. При прямом цитировании, как нам удалось установить, Тодорский использовал Острожскую Библию 1581 года (Библия 1581 / 1988).

Таблица 8. Прямые цитаты из текста перевода Тодорского и их соответствие в тексте Библии.

Острожская Библия 1581 г.	Перевод Тодорского
Никто́же придетъ къѡцѣ, то́кмо мно́ю. Іоан. дѣ.	никтоже во, глаголетъ христосъ, придетъ ко отцѣ, токмо мною. Іѡан. дѣ. (189)
тако́писаноестъ . и тако́подобаше постра́дати хъ . и възскрѣсти ѡмѣртвахъ трѣтинѣ . и проповѣдатисавзѣма ѣгопокаанію . и ѡпѣщению грѣхо.мз. Лѣк. кд.	такѡ писано есть, и такѡ подобаше пострадати хритѣ, и воскреснѣти ѡ мертвахъ въ третій день, и проповѣдатиса воимѣ егѡ покаанію, и ѡпѣщению грѣховъ. Лѣк. кд. (178)

Таблица 9. Свободные цитаты из текста перевода Тодорского и их соответствие в тексте Библии.

Острожская Библия 1581 г.	Перевод Тодорского
Гдѣѣѣ ѣгдаѡсновахъземлю повѣжѣ мн ащесзвѣсирѡзѣ.мз . ктоположи мѣры ѣа аще сзвѣси . и никто нанесѣи вѣрвь нанѣ . начѣмже стѡлпи ѣа оутвержѣни сѣть, ктоже ѣсть вложенъ камень оугѡльный нанѣ. Іовъ ли.	гдѣ былъ еси егда азъ осно- вахъ землю; рци мнѣаще позналъ еси размѣненіе, кто положилъ мѣрѣ еи, знаешли кто измѣрилъ ю мѣрою; въ чесомъ основаніа ѣа погрѣзишася; кто положилъ камень ѣгольный ѣа, Іов. ли. (74)
ѡзъ ѣсмь, азъ ѣсмь, потира́ми безакѡнѣа твоа мене ради, и грѣхъ твоинепоманѣ. Ісаіа мѣ.	азъ азъ самъ попрѣвляю грѣхи твои ради мене, и грѣховъ твоихъ къ томѣ не поманѣ. Ісаіа мѣ. (113)

В соответствии с результатами лингвотекстологического анализа весь текст перевода визуально был разбит на «фрагменты», окрашенные тремя различными цветами в зависимости от представленного в них подсорта текста: «слова автора» выделены зеленым цветом, «прямые цитаты из Библии» – красным цветом, «свободные библейские цитаты» – синим (231 страница, см. Приложение 5).

Эта цветовая маркировка используется далее при проведении системно-лингвистического анализа. Все графики, таблицы и диаграммы, отражающие результаты системно-лингвистического анализа в статистической обработке, также даны в соответствии с указанным цветовым распределением.

4.3.2 Системно-лингвистический анализ текста

Выделенные подсорты текста подвергаются системно-лингвистическому анализу на морфологическом, синтаксическом и частично фонетическом (графическом) уровне с использованием метода поисковой компьютерной обработки текста.

В основе системно-лингвистического анализа лежит проверка наличия маркированных признаков стандартного церковнославянского языка со строгой нормой и гибридного «простого» языка со сниженной нормой (Живов 1996; Ремнева 1988) в различных подсортах текста. Наличие маркированных признаков стандартного церковнославянского или гибридного «простого» языка в различных подсортах текста должно указывать на то, что переводчик использовал при их создании различные регистры письменного языка с применением различных стратегий и механизмов для создания текстов, принятых в языковой ситуации в России первой половины XVIII века и по-разному влиявших на формирование норм русского литературного языка нового типа. Преобладание тех или иных маркированных признаков в определенных подсортах текста и в тексте перевода в целом позволяет определить лингвистические установки переводчика и тем самым идентифицировать язык его «русских» переводов.

В ограниченных рамках диссертационного исследования проверяется наличие в тексте перевода следующих, наиболее маркантных для определения языковой нормы текста, лингвистических признаков:

1. Признаки текстов со строгой нормой церковнославянского языка (стандартного церковнославянского): использование сложной системы прошедших времен, форм двойственного числа, формы 2-го лица единственного числа (настоящего / простого будущего времени) на -ши, формы инфинитива на -ти, союзной конструкции «**да** + презентная форма глагола».
2. Признаки текстов «простого», гибридного языка со сниженной нормой: использование форм причастий на -л как единственной формы прошедшего времени, формы 2-го лица единственного числа (настоящего / простого будущего времени) на -шь, формы инфинитива на -ть, союзной конструкции «**дабы** + причастие на -л» и конструкций с союзами **когда, коли, аже, оже, даже, аче, али, олна, како**, наличие грамматических и фонетических вариантов.

4.3.2.1 Графика текста: фонетико-графический уровень

Анализ графики текста представляется сложным, т.к. в тексте есть много опечаток, происхождение которых неясно. В нашем распоряжении имеется только печатный вариант, рукописи текста Тодорского не сохранилось или она до сих пор не найдена. Поэтому графика и фонетика текста анализируется далее на основе печатного варианта. В нем, или же по вине самого переводчика, или же по вине наборщиков буквально на каждой странице находим графические ошибки. Более вероятным представляется

вторая версия: то, что графика пострадала при наборе текста и что Тодорский (как переводчик) не имел возможности проверить набранный текст, вероятно его уже и не было к тому времени в Галле.²⁴² За эту версию говорит тот факт, что буквы явно были перепутаны в силу своей схожести. Это еры, буквы В и Б, И и Н, И и Ы, а также и написание некоторых слов – то раздельное, то слитное (напримѣръз и на примѣръз, ѿлѹченз и ѿлѹченз, сегѡради и сегѡ ради и т.д.). За случайные опечатки в тексте говорит и незнание (скорее всего) печатниками языка набираемого текста. По поводу большого количества графических ошибок в печатных текстах того времени хорошо высказался Илья Копиевич, много работавший с кириллическими тестами в конце XVII – начале XVIII веков. В предисловии к своей Латино-русской грамматике, напечатанной в Амстердаме в 1700 году, на с. 7 он писал:

«Оумолчно же нынѣ о неразѹмивнѹх типографах, которнх ѹчитн нѹжда бысть мнѣ самою, и нѹх ради неѹмѣлости во мнозѣ прегорчнх дѹшѹ мою, и во мнозѣ отцетнх ста... Но понеже в напечатовани сега книги от неѹмѣющнх типографовз нешто погрѣшено есть в повторени совершенною... сега книги вса изобразиююж» (Ларин 1937, 26).

Но и в этих нескольких строчках наборщики смогли сделать две ошибки: «высть» вместо «бысть» и «изовразимъ» вместо «изобразимъ» (Ларин 1937, там же).

Но если говорить о XVIII веке вообще, то именно отсутствие общепринятых языковых норм допускало различные варианты употребления в тексте,²⁴³ такие же варианты получаются и при орфографических неточностях. Особенно это становится заметным, когда подобные разночтения встречаются на протяжении одного текста.

Для XVIII века строгое соблюдение графических и, шире, литературно-языковых норм не было обязательным. Графика не соблюдалась по причине, в первую очередь, человеческого фактора, а литературно-языковые нормы только формировались, и их определение было сложным:

«В XVIII в. не было устойчивых норм литературного языка, поэтому в литературных памятниках того времени встречаются разные орфографические, морфологические и словообразовательные варианты слов не только у разных авторов, но даже в пределах одного произведения.» (Петрова 1965, 271).

И далее по этой теме:

«Издатели старых текстов неизбежно сталкиваются с большими затруднениями в области слитных и раздельных написаний слов. Как правило, слитные и раздельные написания наречий, предлогов, наречных и предложных словосочетаний не только отражают орфографические нормы той или иной эпохи, но и показывают, закончился или нет процесс изменения лексического и грамматического значения данного словосочетания и переход его в разряд наречий или предлогов.» (Петрова 1965, 288).

Особенности графики исследуемого текста представлены в пяти таблицах (см. *Таблицы 10 - 14*), где цветовая маркировка указывает на подорт текста, в котором

²⁴² Об этом писал и Франке-младший (Avertisement 1734).

²⁴³ Речь идет не только о произведениях, написанных на церковнославянском, это касается и гражданской литературы, издаваемой в XVIII веке.

зафиксирована соответствующая графическая/фонетическая особенность или графическая ошибка²⁴⁴.

К типичным графическим ошибкам относятся мена графем, близких по написанию, например, в/в, а/а, и/и, а также многократное повторение ошибки на протяжении всего текста. Нетипичной графическая ошибка считается в том случае, когда перепутаны графемы, имеющие совершенно различные формы. Это может служить свидетельством изменений на фонетическом или морфологическом уровне.

Таблица 10. Написание слов лексики из сакральной сферы с большой или маленькой буквы.

Написание слов сакральной сферы с маленькой буквы		с большой буквы	
христа / христѣ	3, 8, 8, 9, 9, 9, 10, 12, 12, 13, 14, 14, 18, 21, 23, 23, 26, 29, 29, 30, 31, 31, 32, 33, 33, 34, 35, 35, 38, 59, 61, 76, 76, 84, 89, 97, 98, 100, 102, 102, 104, 107, 113, 118, 120, 121, 124, 127, 129, 130, 132, 133, 134, 136, 138, 140, 141, 144, 144, 145, 147, 148, 148, 149, 150, 151, 153, 159, 171, 171, 172, 173, 173, 176, 176, 178, 181, 188, 188, 188, 189, 190, 190, 190, 191, 191, 192, 192, 192, 192, 193, 194, 194, 195, 196, 197, 198, 198, 199, 202, 203, 204, 204, 204, 204, 205, 206, 206, 208, 209, 210, 210, 211, 212, 212, 214, 214, 216, 217, 218, 219, 219, 220, 220, 222, 222, 222, 227	ХРИСТА	1-2
исѣса / христа	8, 9, 10, 14, 14, 14, 89, 97, 101, 105, 106, 113, 139, 145, 170, 178, 206, 230, 231	ИИИИИ	1
христа господа	12, 12, 18, 31, 38, 39, 78, 112, 150, 150, 158, 166	Иисса	30, 31, 35, 35
господа / господѣ	1, 5, 7, 10, 12, 18, 34, 38, 75, 89, 112, 140, 150, 150, 158, 166, 166, 166, 170, 177, 222, 228, 231		
христосъ	2, 4, 4, 5, 14, 15, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 29, 34, 35, 40, 41, 43, 43, 44, 44, 45, 45, 50, 54, 56, 57, 57, 57, 58, 63, 64, 69, 79, 80, 80, 81, 82, 82, 84, 87, 87, 90, 91, 93, 94, 97, 99, 100, 101, 102, 102, 103, 104, 104, 105, 106, 109, 110, 112, 113, 117, 117, 117, 118, 122, 123, 124, 127, 132, 133, 134, 134, 134, 134, 135, 135, 135, 136, 143, 144, 148, 154, 155, 156, 157, 160, 163, 164, 164, 167, 168, 168, 171, 172, 172, 174, 174, 178, 179, 184, 188, 189, 192, 192, 193, 195, 195, 199, 206, 208, 209, 213, 217, 218, 221, 221, 229, 229, 229, 230		
христосъ господь	15, 17, 18, 21, 29, 30, 37, 38, 44, 45, 53, 55, 99, 124, 127, 132, 132		

²⁴⁴ В первых двух таблицах из-за возможного многократного повторения слов, в цвете даны не слова, а номера страниц, на которых они находятся: слова автора даны зеленым, свободные библейские цитаты – синим и прямые цитаты из Библии – красным цветом.

господь иисусъ	36		
господь	58, 65, 74, 116, 116, 120, 141, 142, 149, 157, 168, 210		
БОГЪ / БОГА / БОГЪ / БОГОМЪ	2, 2, 3, 3, 4, 4, 9, 9, 11, 14, 18, 29, 34, 39, 39, 40, 40, 42, 43, 44, 44, 45, 46, 46, 47, 47, 48, 50, 51, 55, 56, 56, 57, 58, 59, 59, 60, 60, 61, 63, 64, 65, 65, 66, 66, 67, 68, 68, 69, 69, 69, 70, 70, 71, 71, 72, 72, 73, 73, 73, 74, 74, 75, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 82, 82, 83, 83, 84, 84, 84, 86, 88, 88, 89, 90, 90, 91, 91, 92, 92, 94, 94, 96, 98, 98, 98, 98, 99, 99, 100, 101, 101, 101, 101, 102, 103, 103, 104, 107, 107, 108, 108, 108, 109, 110, 110, 111, 112, 112, 114, 114, 116, 119, 121, 121, 121, 122, 122, 124, 125, 125, 126, 128, 128, 129, 129, 130, 131, 131, 132, 132, 132, 133, 134, 134, 136, 136, 139, 139, 141, 141, 142, 142, 142, 142, 142, 143, 148, 152, 152, 152, 154, 157, 160, 160, 162, 162, 162, 162, 162, 162, 162, 163, 163, 164, 166, 167, 169, 171, 171, 172, 172, 173, 174, 175, 175, 175, 175, 176, 176, 176, 179, 180, 181, 183, 183, 185, 186, 186, 186, 187, 187, 187, 187, 187, 188, 188, 188, 189, 190, 190, 190, 190, 195, 195, 196, 196, 201, 201, 201, 203, 203, 203, 206, 206, 209, 211, 211, 212, 212, 213, 214, 214, 216, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 226, 227, 227, 227, 228		
господа иисуса	5, 125		
господа бога	7, 10,		
господемъ	88, 119, 216, 216, 227		

Как видно из *Таблицы 10*, слова, относящиеся к лексике сакральной сферы, напечатаны в тексте, в основном, с маленькой буквы. И только несколько случаев – обратные: **ХРИСТА** все буквы заглавные на стр. 1-2, т.к. это заголовок, и в тексте один раз **Христа** (стр. 30) в середине предложения; второй случай написания с большой буквы – **ИСУСА** также на стр. 1 в заголовке и в тексте **Иисуса** (стр. 30, 31, 35, 35), во всех случаях в середине предложения. Написание с маленькой буквы преобладает в словах автора и менее всего встречается в прямых цитатах из Библии, как это показывает *Таблица 10*.

Для XVIII века при издании религиозной и душевспасительной литературы еще было характерно, что кроме имен собственных с большой буквы также писались слова, относившиеся к сакральной сфере. Такая печатная традиция существовала до 1888 года в изданиях Санкт-Петербургской и Киево-Печерской типографий, тогда как в изданиях Московской Синодальной типографии эти слова писались со строчной буквы. Прописные буквы в московских изданиях использовались только в начале книги или в начале абзаца, а в середине текста все слова, включая и имена собственные, писались со строчной буквы. Это позволяло сохранить целостность и последовательность восприятия текста. Достаточно было точки, чтобы обозначить конец предложения, написание последующего слова с большой буквы, графически выделявшейся, тем самым отвлекая от содержания, было излишним. Подобные орфографические традиции

установились в Московской Синодальной типографии к середине XVII века.²⁴⁵ По постановлению Священного Синода, начиная с 1888 года, общепринятой стала московская традиция, хотя она и не всегда обязательно выполнялась (Плетнева 1992, 107-108). Важную роль также играет употребление знака титла для сакральных слов – в середине предложения наличие этого знака делает написание с прописной буквы излишним. Но в нашем тексте знаки титла отсутствуют по техническим причинам, поэтому написание с прописной буквы слов, относящихся к сакральной сфере, представляется необходимым, если только переводчик не следовал традиции Московской синодальной типографии. При наличии графических опечаток можно судить только о качестве печати, но не о содержании текста. Хотя, если учесть, что изменение внешней формы слова связано с изменением стоящей за ним реальности, то орфографическую ошибку можно приравнять к ереси (Плетнева 1992, 114).

В отношении написания слов из сакральной сферы можно предположить, что в силу большого объема текста, его наборщики не соблюдали написание слов с заглавной/строчной буквы, особенно в середине предложения, и не всегда сверялись с рукописью, поэтому практически все подобные слова написаны с маленькой буквы. Это указывает также и на незнание русского языка и правил орфографии, принятых в издании религиозной или душевспасительной литературы.

Для сравнения приведем другой изданный в Галле перевод, создателем которого также считается Тодорский (вероятнее всего, он правил и дополнял перевод К.М. Родде). Это – «**Начало христiанскагѡ ученiа во употребленiе и въ пазѣ всакомѣ правѡвѣрноѣ христiанинѣ наипаче невѣдающимъ и много извѣстнѡмъ учитиса не могущимъ**», изданное ориентировочно в 1729 году (Менгел/Челбаева 2003) (оригинал: А.Н. Francke „Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen“, 1696). Сохранился как печатный экземпляр (точнее, два: в Центральной библиотеке университета Галле под сигнатурой Im 211a и в библиотеке Фонда Франке под сигнатурой AFSt/ 181 M 12), так и рукописный перевод, находящийся в одном из сборников Г. Мильде (AFSt/ 155 M 96). Хотя в рукописи заглавные буквы достаточно ясно отличаются от строчных, в тексте печатного перевода это соблюдается не всегда, имеются также случаи написания слов **богъ**, **христосъ** и др. с маленькой буквы. Но «**Начало христiанскагѡ ученiа...**» по объему несравнимо меньше – 24 страницы печатного текста – анализируемого здесь перевода текста Фрайлингхаузена, и поэтому подобных «нарушений» там также меньше, набор был произведен более тщательно и, вероятно, под контролем самого Тодорского.

Таблица 11. Неразличение графем б и в.

Неразличение б и в	
животъ	14 (животъ 71, 98, 98, 102, 110, 116, 127, 127, 187, 203, 207)
христова	18 (христова 6, 8, 13, 16, 18 и т.д. на протяжении всего текста)
божества	24 (божества 96, 98)
въ главѣ	22, 69 (въ главѣ 4, 16, 16, 19, 34, 63, 96, 98, 115, 118, 118, главы 24, 25, 25, 54, 98, главѣ 131, 216, глава 134,)
божiа	45 (божiа 1, 2, 4, 5 и далее)
бѣдствiа	46 (бѣдствiе 47, бѣдствию 198)
добродѣтели	158, 158 (добродѣтелию 82, добродѣтелехъ 105, къ добродѣтетелемъ 146, 158, добродѣтели 154, добродѣтели 154, 155, 158, 160, добродѣтелюмъ 158,)

²⁴⁵ См. подробнее: Православный молитослов 2012 (интернет-ресурсы).

Неразличение **ѣ** и **ѥ** представлено в исследуемом тексте малочисленными примерами. Как показывает Таблица 11 их всего семь. Наряду с ошибочными есть и правильные варианты напечатания тех же слов: **ѤРИСТОѢА** (18) – **ѤРИСТОѤА** (6, 8, 13, 16, 18 и далее также); **ѢЖЕСТѢА** (24) – **ѢЖЕСТѤА** (96 – 2 раза); **ѢЖИѢ** (45) – **ѢЖИѤ** (1, 2, 4, 5 и далее); **ѢѢДСТѢѢ** (46) – **ѢѢДСТѤѢ** (47), **ѢѢДСТѤЮ** (198); **ѢѢРОДѢТЕЛЕИ** (158) – **ѢѢРОДѤТЕЛЕИ** (154, 155, 158, 160). Так как графически правильные варианты преобладают, это говорит либо о неразборчиво написанном тексте рукописи, либо об ошибке наборщиков в типографии – и то и другое произошло только потому, что эти две буквы графически очень похожи. Употребление обоих вариантов в том или ином подсорте текста не релевантно для анализа.

Таблица 12. Смешение и правильное употребление графем **ѣ** и **ѥ**.

Смешение ѣ и ѥ		Правильное употребление ѣ и ѥ	
Стр.		Стр.	
2	ѢМѢѢ	2	ИСТИНЫИ
3	ѢѢДРИМѢ ПРЕѢѢДРИМѢ	3	ПОСѢѢАННЫИ ПОРѢѢГАННЫИ ОПЛЕѢАННЫИ БІѢННЫИ ПОВѢШЕННЫИ
4	РѢГѢТЕЛНІМѢ ТАКОВИѤ ИСПИТАТИ НЕѤѢРНІМѢ	4	СОВЕРШЕННЫѤ РАСПѢТЫИ КОТОРЫИ РАСПѢТЫИ ЗѢВАННЫМѢ
		5	СѢѢТѢМѢ СѢѢТѢМѢ
6	НЕИѢѢЮЦЫИ	6	ЕСТЕСТѤЕННЫИ
7	СѢѢТИМѢ СѢѢТИМѢ ЕДИНІМѢ ТАКОВІМѢ	7	
8	НАСИЦѢТИСА ПОВѢѢРЕННЫѤ ИНЫИ	8	
9	ВОЗЛЮБЛЕННЫИ МАЛИѤ ПОСѢѢДНѢШЫИ НАШЫѤ	9	
10	СЕРДЕЧНЫѤ ПРЕЛЮБѢЗНЫѤ ГЛАВНЫѤ СѢѢТИѤ	10	ѤСЕРДНЫИ
11	НЕПРѢѢЗНЕННЫѤ	11	ИСТИННЫИ
		13	ПОЛЗЫ ТАИНЫ
		14	ѤѢЧНЫИ
15	ГЛАВНІМѢ	15	
16	ЧЕТЫРИ ЕѤАНГЕЛИСТИ ПОѢѢѢѢТИМѢ ОНИМѢ ѤРИСТОВНІМѢ		
		17	ѤѢДЫИ
19	ѤРИСТОВИѤ ИСПИТѢШИ	19	НАПИСАНЫМѢ
20	СЫМѢ НАДЕЖДИ ПРОСТОТИ СѢѢДѢЮЩЫѤ		
21	ПАСТИРѢ ЕѤАНГЕЛНІТИ ѢПОСТОЛИ	21	СѢѢТЫИ
22	ИЗРАИЛЕВНІМѢ	22	СЫНѢ СЫНѢ ѢЗЫЦЫ
23	ПРИѢДЕННЫѤ	23	ПОѢѢѢѢТЫИ
24	ГЛАГОЛЮЦЫИ	24	ПРИѢДЕННЫѤ
25	НЕБЕСНЫѤ	25	ПОѢѢѢѢТЫИ ГЛАВЫ ГЛАВЫ

		26	распатын новын
		27	пророцы нарекованнымз сынз
28	врагы	28	достойнопаматнын
29	моглывы оны	29	верховнын юденскын
30	времены	30	сынз верховнын азыческомꙋ церковнын
31	юденскын	31	единныи человекескын верховнын сынз человекескын
32	именованныхз		
33	естественнымз поданнымз котории блаженнымз полезнымз назаренскын		
34	онихз пророкы	34	предꙋстановленыи предвозвѣщенныи назнаменованныи сынз
35	нинѣ		
36	мертвиыхз времены слѣпоти	36	апостолы ꙋченицы
		37	дрꙋжбы
38	адовыхз	38	вышше вины
39	невидимыхз испитовати предꙋставленнымз возлюбленнымз	39	сына
40	нинѣ вразы	40	неповинныи сотворившыи самыи
41	дишꙋцомꙋ	41	оклеветаемыи
42	силнымз приведенныхз великыи дꙋховнымз пресоверженнымз коториимз сватиыхз	42	жены азыческыи сынз нѣкыи
43	неповиннымз которыхз преподобнымз незлобивымз безсквернымз ѿлученимз непорочнымз пречистымз которыхз сыни	43	сыновз свѣтовыи адамовы
44	единнымз невѣрныхз особеннымз сходнымз божественнымз сицевыхз безбожныхз	44	пораженныи ꙋмченныи
45	мертвиыхз сквернымз достоннымз чꙋждиыхз малѣшыи малѣшыи		
46	мꙋдриыхз сватиыхз праведныхз непокоривымз первии противнымже повинными любви человекескын	46	первыи славы наши
47	произшедшыи немѣюцыи	47	исполненныи нашихз
48	происходяцыи	48	человѣцыи человекыи
49	ꙋдобнѣшыи		
50	азицыи силнѣшыи холми малѣшыи	50	воды горы азицыи островы

120	БЕСИЛНИМИ ПРЕПОКАЗАННИХЪ	120	ПОВИНЫИ
121	ГОРЬЦЫИ Щ ЧУЖДЕНИХЪ ДОСТОИНИХЪ Л ДКАВИХЪ НИИЪЖЕ	121	И.МАМЫ И.МАМЫ НЕРАЗГНѢВАННЫИ МИЛОСТИВЫИ
122	СВАТИНЮ СВАТИХЪ ПРАВЕДНИМИ СТИДЪ	122	ПРАВЕДНЫИ ОНЫИ ЕДИНЫИ
123	ОНИ.МЪ	123	ИСТИННЫИ И.МАМЫ УСЫНОВЛЕНІА
124	ПРОЧИ.МЫ	124	А ЗЫЦѢХЪ ВОДЫ
125	ГРѢХОВНИХЪ УДАЛЕННИМИ СИЛИ ПРОТВИНИ.МЪЖЕ ВѢЧНИИ	125	НОВЫ.МЪ ИЖИВЫ.МЪ СИЦЕВЫ.МЪ ИСТИННЫИ ОНЫИ
126	О КРОПЛЕННИМИ О ЧИЩЕНИ	126	И.МАМЫ ИСТИННЫ.МЪ ВѢРЫ
127	БЛАГОПРИАТНИ.МЪ ЛЮБЕЗНИ.МЪ КОТОРИИ ИСТИННЫ.МЪ ЖИЗНЫ ИНИ.МЪ ГЛАГОЛЮЩИИ В З ПѢСТИИИ	127	ЖИВОТНЫИ ОТЦЫ ЖИВОТНЫИ СШЕДЫИ
128	ЖИЗНЫ КОТОРИХЪ	128	ПРАВДЫ ОСОБЕННЫМИ
129	ОКАЖНИИ ПРЕЛЩЕНИИ МѢДРИИ ХИТРИИ КОТОРИИ ПРЕВРАЩЕННИ.МЪ СИЦЕВИ.МЪ В З ПО.МАНѢТИХЪ ПОЛЗИ НЫКАКОГѢ	129	ЧЕЛОВѢЦЫ МЫ СОБСТВЕННЫИ ЛѢТЕРАЛНЫИ ДИВНЫИ ВЫСОКЫИ
130	СИЦЕВИ.МЪ	130	ТАИИСТВЕННЫИ ПРОСТЫИ АСНЫИ БЛАГОСЛОВЕННЫИ ОНЫИ ИСТИННЫИ
131	ПРЕСЛАВНИ.МЪ	131	НЕБЕСНЫХЪ СИЛЫ
132	ЛОЖНИХЪ КАКОВИ.МЪ	132	Н Е БЕСНЫХЪ З ЕМНЫХЪ А ЗЫКЪ ПРЕСЛАВНЫ.МЪ НЕПОВИННЫИ
133	ИЗВѢСТНИМИ ИЗМЕРТВИХЪ ОБНИЦАВШЫИ	133	ПЕЧАЛНЫ.МЪ
134	ХРИСТОВИ.МЪ ИЗМЕРТВИХЪ МЕРТВИХЪ МЕРТВИХЪ	134	МЫ МЫ
135	В З ДОЛЖНИХЪ И.МѢЮЩИИ ТЕМНИЦИ ВЫВЕСТИ ТЕМНИЦИ ПОВИННИ МЕРТВИХЪ МАЛѢИШЫИ	135	МЫ ЗА ПИСАННЫИ ЦѢНЫ ПРЕБЫЛЪ НЫИѢ
136	ВѢРЮЩИИ	136	Награжденныи Умерыи воскресыи воскресыи мертвыхъ
137	СВАТИХЪ МЕРТВИХЪ ЕДИНИ.МЪ ЕДИНИ.МЪ КАКОВИМИ ВОСТАВШЫИ МЕРТВИХЪ	137	АПОСТОЛЫ ПРОРОЦЫ
138	КОТОРИИ НЕДОВОЛНИ ЕДИНИ.МЪ ДОВОЛНИ ПРИВЕДЕНИХЪ КЛАТВИ МЕРТВИХЪ		
139	СЛАДКЫИ НАСИЩЕНЮ ОНИХЪ ДИВНИХЪ НА СИЩАЕТСА ПОЛЗИ	139	ИСТИНЫИ СЫНА
140	ПРОПОВѢДНИЧЕСКЫИ ХРИСТОВИ.МЪ ВЕЛИКЫИ В З ВЕТХЫИ КОТОРИИМИ	140	УСТАНОВЛЕННЫИ ЕДИНЫИ ПО.МАНѢТЫИ
210	СВОБОДНИ.МЪ КЛАТВИ МЕРТВИХЪ	210	ИСТИННЫИ ВОСТОЦЫ
211	СТРАШНИ.МЪ	211	ВОЗЛЮБЛЕННЫИ СЫНЪ СЫНОВНОЕ СЫНОВСТВА
212	МИЛОСТИВИ.МЪ ВОЗЛЮБЛЕННИ.МЪ	212	ВѢЧНЫИ

	ЛЮБВЫ ЛЮБВЫ		
213	поносимъ болѣзиеннимъ тисащѣ пагѣби ползи		
214	добрѣхъ слави		
215	христовимъ онимъ восприатимъ надѣемимъ сѣщымъ бѣди	215	оныи многоцѣнныи
216	благословеннихъ сватимъ	216	сына
		217	распатыи
218	малодѣшнимъ ѡгодникамы призвати	218	покрываломъ
219	мертвихъ		
220	восприатими добрѣхъ единими сицевими зъ совершеннимъ	220	ползы
221	глаголющымъ христовимъ	221	нынѣ сына
222	мертвихъ	222	непремѣнныи чистыи простыи неймыи совершенныи
223	голѣбѣици	223	Таковыи пребываемъ таковыи таковыи таковыи
224	несотвореннихъ	224	гордыи таковыи
225	должнимъ истиннымъ називатиса сицевимъ	225	человѣцы живыи человѣцы
226	важнимъ обдолженни намы		
227	помаиѣтихъ благодатними добрими		
228	милостивимъ грѣхы		
229	добрими ти		
230	апостоли христови богови святиню благодѣшнимъ		
231	христовимъ	231	жатвы возлюбленныи

Совсем иначе представляется смешение в тексте перевода графем и и ы. В *Таблице 12* представлена выборка из текста со смешением этих графем на следующих страницах: 2-50, 120-140, 210-231. Это составляет 89 страниц или 39% от исследуемого текста. Всего слов с неразличением и и ы 254 (см. левую часть *Таблицы 12*). Из них преобладают прилагательные – 163, в которых неразличение представлено в окончаниях (мѣдри~~мъ~~, премѣдри~~мъ~~, рѣгател~~нимъ~~, таков~~ихъ~~ и т.д.), что составляет 64%²⁴⁶ от общего количества неправильно написанных слов. Существительные и глаголы с причастиями представлены в меньшем количестве – 41 (16%) и 40 (16%) соответственно. Неразличение и здесь происходит, в основном, в окончаниях, например: надежд~~и~~, простот~~и~~, привед~~еннихъ~~, сил~~и~~. Но есть и другие варианты: вивест~~и~~, дишѣцо~~мъ~~, призват~~и~~, где неразличение встречается в корне или в суффиксе. Наречий с ошибочным употреблением и/ы в рассмотренных отрывках 7 (3%), местоимений – 3 (1%).

²⁴⁶ Проценты здесь и далее даны округленно, в соответствии с общепринятыми в математике правилами.

Подобное неразличение графем **и** и **ы** могло бы послужить доказательством того, что в тексте широко представлены украинизмы, т.к. окончания прилагательных в единственном числе мужского рода и во множественном числе, а также существительных во множественном числе соответствуют формам, представленным в украинском языке. Именно на это и опирался в своих работах Д.И. Чижевский (Čyževskýj 1938; 1939), утверждая, что переводы составлены на церковнославянском языке украинской редакции. Мнение о том, что Тодорский в свои тексты включал украинизмы, продержалось длительное время благодаря утверждениям Чижевского. Но подобные утверждения можно считать верными, только в том случае, если в тексте не представлено обратное – правильное использование графем **и** и **ы**.

Как показал наш анализ, такое правильное употребление обеих графем представлено в нашем тексте также в значительном объеме (см. правую часть *Таблицы 12*). На тех же 89 страницах – 177 слов с правильным употреблением **и/ы**, где прилагательных – 81 (46%), существительных – 50 (28%), глаголов – 39 (22%), местоимений 4 (2%) и наречий 3 (2%) от общего количества слов. Очень важно, что в правой части *Таблицы 12* представлено не вообще правильное употребление графем **и** и **ы**, а именно в тех же случаях и часто слова, что и в левой части *Таблицы 12*, т.е., в основном, в окончаниях, иногда в корнях и суффиксах. Поэтому имеем: **свѣтѣмъ** – **свѣтѣмъ**, **мертвѣхъ** – **мертвѣхъ**, **нынѣ** – **нынѣ**, **славѣ** – **славѣ**, **такѣхъ** – **такѣхъ**, **правѣднѣхъ** – **правѣднѣхъ** и др. Для наглядности правильное и неправильное употребление **и/ы** дано вместе, в одной таблице, из чего видно, что часто на одной и той же странице одинаковые слова пишутся по-разному.

Из этого следует, что автор текста, т.е. Тодорский, очевидно путал графическое употребление **и** и **ы** по причине того, что в украинском языке звук [y] фиксируется графически буквой «и». Ведь Тодорский был родом из Украины и эта особенность могла повлиять на него и закрепиться настолько сильно, что он графически не всегда правильно фиксировал звуки [y] и [i]. Именно наличие в тексте как правильных, так и неправильных многочисленных употреблений **и** и **ы** подтверждает это предположение.

Фонетическими украинизмами²⁴⁷ в переводе Тодорского следует, очевидно, признать последовательное употребление **-ѣ** на конце слова после твердых, непарных по твердости/мягкости в украинском языке согласных, которым в русском языке противопоставлены парные согласные по твердости/мягкости (см. *Таблицу 13*).

Таблица 13. Употребление -ѣ /-ѣ на конце слова после согласных.

Отверждение окончаний		Неотверждение окончаний	
любовѣ	65, 69, 69, 70, 70, 71, 71, 77, 78, 79, 103, 127, 155, 200, 216, 231		
кровѣ	40, 60, 88, 94, 94, 95, 96, 97, 98, 103, 106, 107, 107, 107, 107, 150, 163, 163, 163, 206		
благодѣтъ	2, 231	благодать	106, 124, 154, 216
вѣцѣ	3, 14 30, 53, 78, 96,		

²⁴⁷ Украинское произношение Тодорского проявлялось и в его поздних текстах, когда Тодорский был уже законоучителем и духовником невесты Петра III (будущей Екатерины II), например, в проповедях 1744 года (Кислова 2007, 310).

	120, 134, 144, 151, 171, 174, 215		
часть	4	часть	4, 14, 19, 48, 61, 71, 78, 88, 114, 152, 152, 172, 186, 186, 190, 211, 217
страшилици	10		
царь	72, 123		
дверь	88		
тисяци тисяци	89		
ноци	51, 106, 155, 155, 203		
помощь	107		
суть	147		
есть	153		
скорь	180, 199		
сирѣчь	190		
печаль	199	печаль	40, 180
быль тоци	227		

Как видим, вариативные написания с **з** и **ь** представлены только в тех случаях, где твердые и мягкие парные согласные различаются в украинском языке: **благодать** / **благодать**, **часть** / **часть**, **печаль** / **печаль**. При этом количество правильных написаний с **ь** преобладает. В случаях, когда в украинском языке – в отличие от русского – имеются только твердые согласные фонемы, особенно шипящие, /т/ и /в/, последовательно используется **з**, указывающий на твердость конечного согласного. Наиболее показательными в своей частотности являются в этом плане написания **любовь** и **кривь**.

Фонетический признак непарных твердых согласных украинского языка в середине слова отражается в тексте не столь явно. Так употребление гласных переднего и заднего ряда после твердых в украинском языке шипящих в соответствии с твердыми и мягкими шипящими в русском языке вариативно. Это показано на примере **ш** и **щ** в *Таблице 14*.

Таблица 14. Употребление гласных переднего и заднего ряда после ш и щ

о после ш / щ	е после ш / щ
Нашомъ (18)	Нашемъ (27, 66, 85, 89, 93, 98, 105, 160, 217)
Въ нашомъ (103, 112, 182)	Нашего (1, 10, 16, 34, 64, 67, 80, 81, 84, 86, 87, 89, 91, 98, 103, 109, 112, 121, 122, 123, 139, 142, 170, 182, 195, 196, 210, 216, 230, 231)
Пришолъ (87, 195), пришовъ (120)	
Оумершомъ (164, 168)	Воскрешемъ (164, 168)
	Совершенныхъ (4, 47, 54, 68)
Изсохшое (71)	Всею душею (85)
Щ провозсѣваюцѣи правдѣ (12)	
послѣдѣющѣи (13)	
хоташомъ (14)	
желающее спасения своего щ сердце (14)	
слѣдѣющомъ внимати учению (15)	

Ѡ предстоящомъ себѣ страданіи (15)	Ѡ предстоящемъ своемъ страданіи (5)
превосходящее въ исторіи страданіа господна (29)	
въ слѣдующомъ распатіи (30)	
Ѡснованіа немѣющее (33)	
дишѣщомъ (41)	
послѣдующее (45)	
приносящееся (55)	
Ѡмншающее и Ѡничтожающее (59)	
разсѣждающомъ Ѡ семъ (78)	
въ настоящомъ (78)	
	вопрошающемъ его Ѡ семъ пилатовѣ (41)
	Ѡсѣждающемъ смерть христовѣ (136)
	стригѣщемъ его (156)

Как показывают *Таблицы 12 - 14*, во всех описанных случаях употребления в тексте фонетических украинизмов, когда это делается непоследовательно (написания с **и / ы**, см. *Таблицу 12*, *Таблицу 14*) или последовательно (употребление твердых согласных на конце слова, см. *Таблицу 13*), налицо, как кажется, преимущественное использование данных генетических языковых признаков в подсортах текста, допускающих сниженную норму (Ремнева 2003) или «гибридный» регистр церковнославянского языка (Живов 1996), т.е. в словах автора и свободных библейских цитатах. Можно было бы предположить, что переводчик Тодорский использует эти известные ему из родного украинского языка языковые средства функционально для создания «простого», понятного любому верующему языка. Однако фиксация фонетических украинизмов и в прямых цитатах из Библии (принадлежащих к сорту текстов-образцов) – особенно маркантным примером является в этом плане употребление написаний **любовъ** и **кровъ** (см. *Таблицу 13*) – заставляет отказаться от этого предположения. Думается, что Тодорский допускает в текст перевода фонетические украинизмы, скорее всего, несознательно, в отличие от того, как он целенаправленно и сознательно использует средства «простого» русского (и частично украинского) языка на уровне грамматики (гл. 4.3.2.2, 4.3.2.3).

В любом случае утверждение Чижевского, что язык переводов Тодорского является церковнославянским украинской редакции, только на основании того, что в тексте отражается украинское произношение переводчика, следует считать необоснованным и устаревшим с точки зрения современных научных достижений в области изучения истории литературного языка.

К графическим особенностям текста относится также отсутствие характерных для текстов душевспасительной литературы надстрочных знаков (диакритических знаков, ударений), кроме предлога **ѡ**, который используется правильно. Это было связано с техническим оснащением типографии Сиротского дома. Надстрочных знаков не было. Но были все греческие буквы – они в тексте используются постоянно и правильно.

4.3.2.2 Грамматика текста: морфологический уровень

Как было указано выше (см. глава 4.3.2), из всего набора лингвистических признаков, по которым тексты со сниженной нормой церковнославянского языка или тексты на гибридном церковнославянском, т.е. «простом» языке, противопоставлены текстам со строгой церковнославянской нормой или с нормой стандартного церковнославянского языка (ср. Ремнева 1988, Живов 1996; см. *Таблицу 2* в гл. 2.1.2.1), для определения языка анализируемого перевода Тодорского в ограниченных рамках предлагаемого исследования проверяется наличие только избранных, наиболее маркантных, признаков.

Центральным различительным признаком на морфологическом уровне является употребление форм прошедшего времени с характерным использованием сложной системы прошедших времен в текстах со строгой церковнославянской нормой (стандартный церковнославянский) и использование причастий на -л как единственной формы для выражения всех значений прошедшего времени в текстах со сниженной нормой (гибридный церковнославянский или «простой» язык). Проверка именно этого основного признака занимает центральное место в системно-лингвистическом анализе диссертационного исследования.

Далее анализируется наличие в тексте перевода Тодорского форм двойственного числа, которое принято считать ярко выраженным признаком строгой церковнославянской нормы или стандартного церковнославянского языка. Отсутствие форм двойственного числа считается (негативным) признаком гибридных текстов «простого» языка со сниженной нормой.

Кроме того, к анализу привлекаются глагольные формы инфинитива и 2-го лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени. Хотя не все исследователи считают эти формы маркированными признаками двух выше названных типов языка и, соответственно, созданных на них текстов (ср. Mengel 2007, 2009), рассмотрение данных форм представляется необходимым, так как на протяжении первой половины XVIII века происходят значительные изменения в их употреблении в текстах душевспасительной литературы (Живов 2004, 184 и далее).

4.3.2.2.1 Анализ употребления форм прошедшего времени

В приведенной ниже *Таблице 15* представлены все глагольные формы прошедшего времени, использованные в анализируемом переводе Тодорского. Это – причастия прошедшего времени на -л, формы имперфекта, аориста, перфекта и плюсквамперфекта. Цветовая маркировка указывает на фиксацию каждой конкретной формы в определенном подсорте текста: зеленым цветом выделены глагольные формы прошедшего времени, встречающиеся в словах автора, синим цветом маркированы формы прошедшего времени из свободных библейских цитат и красным цветом даны формы прошедшего времени, зафиксированные в прямых цитатах из Библии. В первой колонке слева указаны страницы конкретных фиксаций в тексте анализируемого перевода Тодорского.

Таблица 15. Глагольные формы прошедшего времени.

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
2	возлюбилз				
2	ѿмилз				
2	сотворилз				
3	пожилз				
3	возвѣстилз				
3	сотворилз				
4	благоизволилз спасти				
4	дозналз				
5		предвозвѣщаше			
5			разсѣмѣша		
6		разсѣмѣвахѹ			
6	призналз (+дабы, усл.)				
7	призивалз (+дабы, усл.)				
7	очищалз (+дабы, усл.)				
7	ѿверзалз (+дабы, усл.)				
7	возмоглз ѹвидѣти (+дабы, усл.)				
7	глаголати возмоглз (+бы, усл.)				
7				ѡбидѣхѹ еси (+бы, усл.)	
7	разсѣждалз(+пачеже)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
7	размышлалз (+пачеже)				
8	возмоглз оцѣтити (+бы, усл.)				
8	имѣлз				
8	познавалз				
8	ѡцѣцалз				
8	сѣдилз				
9			разсѣдихз		
9			имѣхз		
9	возмоглз возрастати (+дабы, усл.)				
9	возмоглз ѡмножатисѧ (+дабы, усл.)				
9			имѣхомз		
10			немогохз ѡрецисѧ		
10	издалз (+дабы, усл.)				
10	слышали				
11	могло сотворитисѧ				
11	благоволилз (+дабы, усл.)				
11	возмоглз имѣти (+дабы, усл.)				
14				послалз еси	
14			несѣдихз видѣти		
15	полѣчити возмогло				
15	предвозвѣцалз				
15	предпоказовалз				
15			рече		
16			написаша		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
17	пред възвѣстилз				
17	вѣдалз				
17	исполнилосѣ				
17			назnamenоваша		
17	сотворилосѣ				
17	вѣдалз				
18	неубѣгалз				
18	благонзволназ				
18			приключишасѣ		
18	провозвѣстилз				
18		глаголаше			
18		глаголахз			
19		звѣщаваше			
19		поношаше			
19			глаголаша		
19		подобаше пострадати			
19	былз				
20	сѣшилз (+акибы, усл.)				
20				еси позналз	
20				еси внималз	
21				еси оставилз	
21			даша		
21			напониша		
21			написаша		
21			исполнишасѣ		
21			зпотребиша		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
22			вознесе		
22				еси возмогал (+дабы, усл.)	
22				помазал эси	
22			шаташаса		
22			собрашасяво		
23				еси возмогал (+дабы, усл.)	
24				восхотѣл эси	
24				совершил эси	
24				благоволил эси	
24			рѣхъ		
25			послужиша		
26		прообразовахъ			
27	приключилося				
27			сотворишася		
27		глаголаше			
28	ѿвѣцалъ				
28	намѣралъ				
28			немогша творити		
28			сотвориша		
28			преднаече быти		
28			сотворишася		
29					заклучилъ былъ
29		имѣаше			
29		глаголахъ			
29		почитахъ			
29		представлахъ			

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
29	предѣстановилъ				
30	предвозвѣстилъ				
30		мнѣхѹ			
30		не терпаше			
30		не можаше сотворитисѧ			
30			предаша		
31	преклонилсѧ				
32			предаша		
32			дѣствоваша		
33		спасяхѹсѧ			
33			восприѧша		
34			извѣстишасѧ		
34			послѣдоваша		
34		глаголахѹ			
34			вѣровахомъ		
34			познахомъ		
34		имѣлахѹ			
34			соблазнишасѧ		
34			видѣша		
35		признавахѹ			
35		имѣлахѹ			
35		(свободити) имѣаше			
35		(сотворисѧ) глаголахѹ			
35		не можахѹ (вѣрити)			
35		имѣлахѹ			
35			погрѣшиша		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
35	претерпѣлз				
36		трѣждахѣсѧ			
36		предлагахѣ			
36		противополагахѣ			
36		подобаше страдати			
36	пострадалз				
36			несотвориша		
37	имѣлз				
37	нестрадалз				
37	сотворилз				
38					было рещи
38				еси искалз	
38				еси испитовалз	
38				еси предвозвѣстилз	
39		имѣаше			
39				слышалз еси	
40	терпѣлз (+дабы, усл.)				
41	ѿвѣщалз				
41	порѣгалсѧ				
41		возсіѡваше			
41		хоташе соизволити			
42	ѿвѣщивалз				
42	провождалз				
42	моглз изрещи				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
43	претерпѣлъ				
44	пострадалъ				
44		имѣаше			
44			невидѣша		
44	сѣтовалъ				
44			привести возмогоша		
45		невосхицахъ			
45		воздахъ			
45	заплатилъ				
45	похитилъ				
45		неимѣаше			
45	сотворилъ				
45	пострадалъ				
45	пострадалъ				
45					создалъ былъ
45					вообразилъ былъ
46					наслаждался былъ
46					вшедалъ бы былъ
46	несохранилъ				
46	сотворилсѧ				
46	ѿпалъ				
46			лишишасѧ		
46			сотворишасѧ		
47			приведоша		
47			согрѣшиша		
47	пронзышло				
47	сотворилсѧ				
49	прѣбыли (+дабы, усл.)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
49	сoтвoрилз				
49	стpaдaлз				
50	пoстpaдaлз				
50					сoтвoрилoсa бьлo
50		мoжaшe сoпрoтивитисa			
51		мoжaшe ўб'яжaти			
51		мoжaшe скpитисa			
51		нeхoтaшe oстaвить			
51			блaгoвoли		
52	блaгoизвoлилз				
52	блaгoизвoлилз				
52				paз'ум'блз eси	
52	слышaлз				
52	нaўчилcя				
52	изўчилз				
52				пoмышлaлз eси	
52				читaлз eси	
52				зaчaлз eси	
52				eси пoгр'ўжaлз (+дaбы, усл.)	
53	вм'ўнити блaгoизвoлилз				
53	пpeтepп'блз				
53	сoтвoрилз				
53	пooстpилз				
54			пocтигoшa		
54			oўмнoжшacя		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
55	оцѣтилъ				
55	дозналъ				
55	сотвориъ				
55	согрѣшилъ				
55	пострадалъ				
55	претерпѣлъ				
55	Ѡцѣтилъ				
55		послѣдоваше			
55		подобаше			
55	благонзовиъ				
55	согрѣшилъ				
56				еси заслѣжилъ	
56	претерпѣлъ				
56	благонзовиъ (+дабы, усл.)				
57			посла		
57	сотвориъ				
57	пострадалъ				
57			пострада		
57				сотвориша еси	
57				ѡтрѣдилъ .ма еси	
57	приѡлъ				
57			понесе		
57			развѣхо.иъ		
58	смотрѣлъ				
58	возвергъ				
58	пострадалъ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
59	восприахъ (+иже бы, усл.)				
59			восприаша		
59	оставихъ (+иже быи, усл.)				
60	сотвориахъ				
60	восхитихъ				
60	воздахъ				
60	воздахъ				
60	положихъ				
60	возложихъ				
60	заклахъ				
60	убихъ				
61	спалиахъ				
62		подобаше имѣти			
62	показалъ (+дабы, усл.)				
63		неможаше оставити			
63	сталъ				
63	вмѣнихъ				
63		требѣ быше казнити			
63		заплатити долженствоваше			
64			пострада		
64	дозналъ				
64			непоцадѣ		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
64				предалз есть	
65	постановилз				
65	авилз				
66		недолженствоваше			
67					восхотѣлз былз (+аще бы)
67	глаголаалз (+бы, усл.)				
67			востахо.мз		
67			сотворихо.мса		
67			досадихо.мз		
67			повинни быхо.мз		
67		.можаше свободити			
67	заключилз				
68		не.можаше сотворитиса			
68	послалз				
68	повелѣлз				
68	восприалз (+дабы, усл.)				
68	претерпѣлз (+дабы, усл.)				
68		ѡтѣшашеса			
68		ѡвеселашеса			
68	предалз				
68	сотворилз				
69	истощилз				
69	помоглз (+дабы, усл.)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
69	нскѣпилѣз				
69			возлюбѣ		
69					долѣз естѣ
69			посла		
69			возлюбѣхомѣз		
69			возлюбѣ		
69			посла		
69			ѣмре		
69	глаголаѣз				
69	восхотѣѣз (+дабы, усл.)				
70			бѣхомѣз		
70			можахомѣз сотворити		
70			бѣхомѣз		
70	предалѣз				
70				еси неѣдоволаѣса	
70	разсѣждали (+дабы, усл.)				
72	предалѣз				
73			описашаѣса		
73		требоваше			
73	вопросилѣз (+аще бы, усл.)				
74					позналѣз былѣз
74		вопрошаше			
74					
74			основахѣз	былѣз еси	
74				позналѣз еси	

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
74			погрѣзишася		
74	положилъ				
74	измѣрилъ				
74	положилъ				
74	невѣдали				
74			ѡбрѣташася		
75			завлѣдиша		
75					былъ вопросилъ (+аще бы, усл.)
75					вопросилъ былъ (+аще бы, усл.)
78			показашася		
79			ѡмре		
79			ѡмоша		
79	восприѣли				
79	претерпѣли				
79	пострадали				
80			ѡмохомъ		
80			восприѣхомъ		
80			облекохомся		
80			вознесе		
81			истолковаша		
81	возложилъ				
81	ѡмерли (+аки бы, усл.)				
81				возлюбилъ есть	
81				предалъ есть	
82	сотворилъ				
82	сотворилъ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
82		издаваше			
82		неможаше (быти)			
82	предалз				
82	пронзышла				
82	взишла				
83	предалз				
83	возбудило				
83	обоналз				
83		глаголашево			
83	усладила				
83	удоволила				
83	упокоила				
84	предалз				
85			сотворихо.мсѧ		
85			бѣхо.мз		
85					несогрѣшили были (+аще бы, усл.)
85			пренебрегохо.мз		
85			сотворихо.мз		
85			наложихо.мз		
86		можаше примирити			
87	пришолз				
87	исполнилз				
87	пострадалз				
87			сотворихо.мз		
87			искѹпишасѧ		
87			избавишасѧ		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
87	раздралз				
87	ꞥничтожилз				
88				сотворилз естъ	
88				положилз еси	
88		можаше глаголати			
88	положилз				
88	записалз				
89				еси помыслилз (+дабы, усл.)	
89		имѣаше быти			
89	ꞥпѣстилз (+аки бы, усл.)				
90	незаслѣжилз				
91	сотворилз				
91	пострадалз				
91	сотворило				
91	пострадалз				
92	сотворило				
92	пострадало				
92	ꞥмерли (+аки бы, усл.)				
92	принесло				
93		подобаше			
95	рекалз (+аки бы, усл.)				
95					возмогалз былз
95		можаше сотворити			
96			создашася		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
96	глаголааџ				
96	претерпѣло				
96	полѹчилѹ				
98				далѹ естѹ	
98				еси познааѹ (+дабы, усл.)	
99			глаголаша		
99			рѣхоумѹ		
99	непоцадѹѹ				
99	предалѹ				
99	потерали				
100	далѹ				
100	предалѹ				
100			непоцадѹѹ		
100				предалѹ естѹ	
101	искѹпилѹ				
101	кѹпилѹ				
101	почитааѹ (+аще бы, усл.)				
102	предалѹ				
102			полѹчиша		
102	подало				
102	возвеличилѹ (+бы, усл.)				
102	возопилѹ (+аще бы, усл.)				
103			посла		
103	пострадалѹ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
103	җмерлз				
103			рѣхомз		
103	невозмнѣлз (+дабы, усл.)				
103	смотрѣлз				
103	смотрѣлз (+аки бы, усл.)				
103	җмерлз (+аще бы, усл.)				
104	приложилз				
104	пострадалз				
105	сотворилз				
105	пострадалз				
105	ѿцетилса				
105	вмѣнилз				
106				совершилз есть	
106	знаменовало				
106	невиходилз				
107	сохранилз				
107		прообразоваше			
107		вхощаше			
107		можаше стоати			
108			пострада (+еже, усл.)		
108			җмре (+еже, усл.)		
108	пострадалз				
108	җмерлз				
108	заплатилз				
108	вшедлз (+дабы, усл.)				
109			сотворишася		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
109			сoтвoришaсa		
109			рaспрoстрaнѣхъсѧ		
109	пoстрaдaлѣ				
109	ѡмeрлѣ				
109	нeдoвѣлѣ (+аки бы, усл.)				
110	вoзлoвѣлѣ				
110				дaлѣ eстѣ	
110	прeтeрпѣлo				
111	нeпoщaдѣлѣ				
111				прeдaлѣ eстѣ	
112	вoспрѣлѣ				
112	вoспрѣлѣ				
112				ecи бѣлѣ	
113	прoизшeлѣ				
113	зacлѣжилѣ				
113		вoпрoшaшe			
113			пoтрeбѣхъ		
114	пoтрeбѣлѣ				
114	ѡнѣчтoжилѣ				
115			пoлoжилѣ		
116		нeмoжaшe coвepшитѣcѧ			
116				дaлѣ eстѣ	
117	испoлнѣлѣ				
117	coтвopнѣлѣ				
117				нecкѣпилѣ eстѣ	
117	пoдaлo (+бы, усл.)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
117	НЕИЗБАВИЛО (+аще бы, усл.)				
118			ИЗБАВИХОМСА		
118				ИСКЪПИЛЪ ЕСТЬ	
118	(ПОВЪСИТИСѦ) БЛАГОИЗВОЛИЛЪ				
119		МОЖАШЕ ОПИСАТИСѦ			
119			ПРИВЪЦИШАСѦ		
119	ВКЪСИЛЪ				
120	(ПОСТРАДАТИ) БЛАГОИЗВОЛИЛЪ				
120	ПОБѢДИЛЪ				
120			ИЗВЕДЕ		
120	ПРИШОВЪ				
120	ПРИШЛА				
122		ИМѢАШЕ (СОВЕРШИТИСѦ)			
122			СОТВОРИШАСѦ		
122			ПРЕДРЕЧЕ		
123	СОТВОРИЛЪ				
123	СОТВОРИЛСѦ				
124		МОЖАШЕ (СОТВОРИТИСѦ)			
124		ГЛАГОЛАШЕ			БЫЛО НЕСОТВОРИЛОСѦ (+бы, усл.)
124		ДОЛЖЕНСТВОВАШЕ ОЦЪТИТИ			
125			МОЖАХОМЪ (ПРИСТЪПИТИ)		
125				ΩЕНОВИЛЪ ЕСТЬ	

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
125			долженствовахомъ (трепетати)		
126		прознаменоваше			
126			даровашася		
127	сотворила				
127			снѣдохомъ		
127			лдоша		
127			ѡроша		
127		имѣаше прославити			
128			ѡбрѣтохомъ		
128	обрѣталося.				
131	потвердилъ				
131	ѡкрѣпилъ				
131	запечатлѣлъ				
131	воскресилъ				
131	восприѣлъ				
131	посадилъ				
131			покори		
131			даде		
131			превознесе		
131			дарова		
132	оправдился				
132		можаше сотворитися			
132		глаголахѹ			
132	подалъ				
132	сотворилося				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
132	заплатилъ				
132	ѹволнилъ				
132	искѹпилъ				
133		долженствовахомъ (терпѣти)			
133	приобрѣлъ				
133	совершилъ				
133	сотворилася				
133	воздвигнулъ				
134	далъ				
134	искѹпилъ				
134	освободилъ				
134	невозсталъ (+аки бы, усл.)				
134			невозста		
134	невозсталъ (+аще бы, усл.)				
134	претерпѣлъ				
134	послѣдовало (+бы, усл.)				
135				еси порѹчилася	
135	невозмогалъ				
135	прѣбылъ (+бы, усл.)				
135			невозста		
135	возсталъ				
135	вшелъ				
135	возсталъ				
136	искѹпилъ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
136	ЏСВОБОДИЛЪЗ				
136	ЗАЩИЦАТИСЪ ВОЗМОГЛЪЗ				
136	ВОСТАЛЪЗ				
136	РЕКАЛЪЗ (+аки бы, усл.)				
137				ЏВРАТИЛЪЗ ЕСИ	
137		ВЗИРАХЪ			
138	ЎВИДЪЛИ				
138	ЎЗРЪЛИ				
138			ЎВИДЪША		
138			ВОСПРИЪША		
138			РАЗЪМЪША		
138		ЗАКЛЮЧАХЪ			
138			ЎМРЕ		
138			ЎМРОША		
138		ПОЧИТАХЪ			
138	ВОСТАЛИ				
139	ПРЕЛОЖИЛИСЪ				
139				ПОЗНАЛЪЗ ЕСИ	
139	ПОТВЕРДИЛЪЗ				
139	ЗАПЕЧАТАЛЪЗ				
141		ГЛАГОЛАСЕ			
141		ПОДОВАШЕ ПОСТРАДАТИ			

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
141		наченше			
142			вознесоша		
142	ѹтѣшилѹ				
142	искѹпилѹ				
142	ѡкриѹ				
142			видѣша		
143	незнаѹ				
143	сотвориѹ				
143	разѹмѣѹ				
143					непоказалѹ быѹ (+аки бы, усл.)
143	ненаѹчилѹ				
143	вѣровалѹ (+дабы, усл.)				
144	возмогалѹ (сотворитисѹ)				
144	ѹчилисѹ (разѹмѣти)				
144			ѹмре		
144			воста		
145	показати (возмогли)				
145			несѹдиѹ видѣти		
146	сотворилисѹ				
146	слѹжили				
146	ѡтвориѹ (+аки бы, усл.)				
147	несотвориѹ				
147	твориѹ				
147	предиспражнили				
147	созидали				
147	сотворилисѹ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
148			крестихомса		
148			полъчихомз		
148			погревохомса		
148			воста		
148				сотворилса еси	
149				восприалз еси	
149				еси возмоглз (+дабы, усл.)	
149				еси возмоглз (+дабы, усл.)	
149	крестилса				
149				погъбилзеси	
150	предалз				
150				повелѣлз естъ	
151	причащалса (+дабы, усл.)				
151	повелѣлз				
151	не предали (+дабы, усл.)				
151	содержали				
151	извѣщалиса				
151	сотворилоса				
152	подалз (+дабы, усл.)				
152	сохранилз (+дабы, усл.)				
152				неучилз еси (+дабы, усл.)	
152	оставилз				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
153	взиралз (+дабы, усл.)				
153	разсѣждалз (+дабы, усл.)				
154	сіалз				
154	невозсіала				
154		брашеса			
154		оцѣтити долженствоваше			
154		испитовашеса			
155	неиздалз				
155	издало				
155		гораше			
155		твораше			
155		имѣаше			
155		терпаше			
156		имѣахѣ			
157	несогрѣшилз				
157	сотворилз				
157	погрѣшилз				
157		глаголаше			
157		имѣаше (признати)			
157		глаголаше			
157		можаше подвигнути			
159	пострадалз				
159			изрече		
159	оставилз				
159				ходилз есть	
160	подалз				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
160	восприаѡ				
160	сотвориаѡ				
160	приѡверѡ				
160	написааѡ				
160	разѡумѡ				
161	надлежали (+аки бы, усл.)				
162	создааѡ				
162	подааѡ				
162	восприаѡ				
162	ѡвергаѡ				
162	сотвориаѡ				
162	непотерааѡ				
163	излааѡ				
164	прославааѡ (+дабы, усл.)				
164			ѡмре		
164			воскресе		
164			ѡживе		
164			ѡмре		
165	сохраниаѡ				
165				восприаѡ еси	
165	дѡлали (+аки бы, усл.)				
165	искали				
166	пострадаѡ				
166	ѡмерлаѡ				
166	жиаѡ				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
167	прѣбывалъ				
167	избралъ (+аки бы, усл.)				
168			ѡ.ирѣ		
168	искѹпилъ				
168	приобрѣлъ				
168	ѡсвободилъ				
168	искѹпилъ				
168	восталъ				
169		ѡжасахѹсѧ			
169		болюхѹсѧ			
169	предложилъ				
169				еси восприѧлъ	
170				еси восхотѣлъ жити	
170	происходило				
170				свобождалъ еси (+аки бы, усл.)	
171	приобрѣлъ				
171				еси исповѣдовалъ	
171	сотворилсѧ				
172	приобрѣлъ				
172	позналъ				
172	здѣлалъ				
172	пострадалъ				
172	жилъ				
172	полюбилосѧ (+как бы, усл.)				
172				еси позналъ	

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
172	непогнѣлз (+как бы, усл.)				
172	пострадалз				
172	сотворилосѧ				
173	прѣбывалз (+дабы, усл.)				
173	сотворилсѧ				
173	дѣлалз				
174	спасалз (+аще бы, усл.)				
174	пострадалз				
174	Ѹмерлз				
174	спасалз (+аки бы, усл.)				
174	погѸблалз (+аки бы, усл.)				
174	Ѹмерлз				
175	примирилз				
175	вмѣнилз				
175	сотворилз (+дабы, усл.)				
175	страдалз (+дабы, усл.)				
175				еси хотѣлз	
175	мнѣлз (+аки бы, усл.)				
176	примирилсѧ				
176					бѣ ѿвергалз
176			пострада		
177			рѣхоуыз		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
177			глаголахомз		
178	твори ^л з				
178	вѣров ^л з				
178		подо ^б аше постра ^д ати			
178		подо ^б аше постра ^д ати			
179		не.можахѹ (сотвори ^т исѧ)			
179		требо ^в ашесѧ			
179				еси разѹмѣ ^л з (+дабы, усл.)	
180	запла ^т илз				
180	награ ^д илз				
180	хо ^д илз (+дабы, усл.)				
180	исповѣ ^д овалисѧ (+дабы, усл.)				
180	возде ^р живалсѧ (+дабы, усл.)				
180	твори ^л з (+бы, усл.)				
180	дѣ ^л алз (+бы, усл.)				
180	да ^в алз				
180	пост ^т илз (+бы, усл.)				
180	ми ^н ѣ ^л з (+бы, усл.)				
182			согрѣ ^ш ихѹмз		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
182			лпшихо.мса		
183	претерпѣлз				
183	моглз полѹчити				
183			рѣхо.мз		
184	тѹжилз				
184	ѹжасалса				
184	пострадалз				
184	претерпѣлз				
184		брашеса			
184		подвизашеса			
184	пострадалз				
185	претерпѣлз				
185	пострадалз				
185	напалз				
185		разѹмѣхз			
185		вѣдахз			
185		ѹвидѣхз			
185	ѹмилосердилса				
185	застѹпилз				
185	восприлз				
185			возопихз		
186	позналз (+дабы, усл.)				
186	ѹжаснѹлса (+бы, усл.)				
186	сокрѹшилз (+бы, усл.)				
186	началз ѹтѣшати				
186	заслѹжилса				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
186				приходилз еси	
187	глаголала				
187				еси заслужилз	
187				еси ѡбѣгалз (+дабы, усл.)	
187	ѡкрѣпилз (+дабы, усл.)				
187	пострадалз				
187	заплатилз				
187	привлацалз (+дабы, усл.)				
187	воспринималз				
187	просилз (+бы, усл.)				
187	ѡпѣстилз (+дабы, усл.)				
187	даровалз (+дабы, усл.)				
188				возмогалз еси (ползоватисѧ)	
189	предалз				
189	погибѣлз				
189	имѣлз				
190	обновилз				
191	ѡразѡмѣли (+дабы, усл.)				
191	искѡшали (+бы, усл.)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
191	возмогал свободитиса (+дабы, усл.)				
192	пришорѣлз				
195	реклз				
195	непришолз (+аще бы, усл.)				
195	неприалз (+аще бы, усл.)				
195	неѡблекса (+аще бы, усл.)				
195	возмогал принти (+дабы, усл.)				
196	могал творити (+бы, усл.)				
196				сотворилз есть	
196	могал быти (+бы, усл.)				
196	показалз				
196	могал изобрѣсти (+бы, усл.)				
196	возмогал принти (+бы, усл.)				
196	ѡбезумилса (+бы, усл.)				
196	глаголаз (+бы, усл.)				
197	хотѣлз призивати (+бы, усл.)				
197	могал примиритиса (+акибы, усл.)				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
197				еси возмоглз спастица (+бы, усл.)	
197				еси имѣлз	
197				еси неперсталз (+аще бы, усл.)	
198				проводилз еси	
199	возмоглз принти (+бы, усл.)				
199	претерпѣлз				
199	обратилосѧ				
199	претерпѣлз				
199			прободоша		
200	Ѹпотреблѧли				
200		творѧхѸ			
200			Ѡвергоша		
201	Ѡкрилз (+дабы, усл.)				
201				еси принти возмоглз (+дабы, усл.)	
202				сотворилсѧ еси	
202	восприѧлз				
202	заплатилз				
202	искѸпилз				
202	приѠверѣлз				
203				еси нецѣлилсѧ (+дабы, усл.)	
203			ѠпѸстишасѧ		
203			прикрышасѧ		

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
204				неѡцѣѡалз еси	
204				имѣалз еси	
205	приходилз				
206			возлюбн		
206				далз есть	
207		радовахѡса			
207		ѡслышахѡ			
208				еси подвигнѡтиса возмогалз (+дабы, усл.)	
208	претерпѣалз				
209				еси сотвориалз (+дабы, усл.)	
209	возлюбилма				
209				предалз есть	
210				ѡтвердилз есть	
210				ѡдалилз есть	
210	дерзнѡлз погѡблати (+аще бы, усл.)				
210	восталз				
211				сотворилса еси	
212	сотвориалз				
212	подаровалз				
212	ѡставилз				
212	сотвориалз				
212				тѡцалса еси	
213	облагодатилз				
213	прнѡверѣалз				
214	показалз				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
214	восприати могаз				
214				еси ѿдалз (+аще бы, усл.)	
214				еси нмѣлз	
215				полѹчилз еси	
215				продалз еси	
216	заключилз				
216			воста		
216			ѿ врѣтохо.мз		
216			примирнхо.мсѧ		
217			приахо.мз		
217			молихз		
217				наѹчилсѧ еси	
218				еси неѹжаснѹлсѧ	
218	сотворилсѧ				
218	вѣдалз (+бы, усл.)				
218	оцѹцилз				
218			рече		
218	обѹчалнсѧ				
218	наѹчилнсѧ				
219	требовалз (+аки бы, усл.)				
220		можаше творити			
220	нетребовал (+аки бы, усл.)				
220	сотворилз				
220	пострадалз				
220	претерпѣлз				
220	творити возмогаз				

Стр.	Прич. на -л прош. вр.	Имперфект	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
220	творилз (+бы, усл.)				
220	сотворилз				
221			неѡ.мре		
222			бахѡ в.мѡвнихѡ		
222	познати моглз (+дабы, усл.)				
223			рѡх.мз		
224					быти показвалосѡ
225	ѡтѡшалсѡ (+дабы, усл.)				
226	восприлз				
226	приѡверѡлз				
226			показах.мз		
226	сотворилз				
226			показах.мз		
226			по.манѡх.мз		
227	глаголало				
228	сотворилсѡ (+бы, усл.)				
228	ѡпѡстилз				
228	даровалз				
228	нетребовалз (+акибы, усл.)				
230			по.манѡх.мз		
230			воспри.махѡ		
230			ѡпотребл.ахѡ		

Итак, в тексте перевода были выявлены все глагольные формы прошедшего времени (всего 867), которые составили: причастия на -л – 488, из них 384 употреблены в словах автора и 104 в свободных библейских цитатах; формы имперфекта – 108, из них 62 встретились в словах автора, 33 – в свободных библейских цитатах и 13 – в прямых цитатах из Библии; формы аориста – 164, из них 77 зафиксированы в словах автора, 35 – в свободных библейских цитатах и 52 – в прямых цитатах из Библии; формы перфекта – 89, из них 55 представлены в словах автора, 15 – в свободных библейских цитатах и 19 – в прямых цитатах из Библии; формы плюсквамперфекта – 18, из них 15 использованы в словах автора, 2 – в свободных библейских цитатах и одна – в прямой цитате из Библии.

В процентном отношении проанализированные формы прошедшего времени представлены следующим образом: 56% всех форм прошедшего времени составляют причастия на -л, 19% формы аориста, 12% формы имперфекта, 10% формы перфекта и 3% формы плюсквамперфекта.

Распределение форм прошедшего времени по трем подсортам текста выявляет в процентном отношении следующие данные. 79% всех причастий на -л зафиксированы в словах автора и 21% – в свободных библейских цитатах. 47% всех форм аориста содержатся в словах автора, 21% – в свободных библейских цитатах, 32% – в прямых цитатах из Библии. 57% всех форм имперфекта представлено в словах автора, 31% – в свободных библейских цитатах и 12% – в прямых цитатах из Библии. 62% форм перфекта содержатся в словах автора, 17% в свободных цитатах и 21% в прямых цитатах из Библии. Незначительное количество форм плюсквамперфекта распределено следующим образом: 83% в словах автора, 11% в свободных и 6% в прямых цитатах из Библии.

Представленные результаты общего статистического анализа выявляют, что в целом в тексте перевода Тодорского для выражения прошедшего времени преобладают формы причастий на -л, которые составляют немногим более половины (56%) всех зафиксированных форм прошедшего времени. Поскольку употребление причастий на -л в качестве единственной формы прошедшего времени является маркантным признаком гибридного, «простого» языка (языка текстов со сниженной нормой), можно сделать вывод, что переводчик на уровне морфологии глагола в целом тяготел к созданию текста не на стандартном церковнославянском, а на «простом» языке. При этом, следуя постулату пиетистов из Галле о распространении «истинного христианства» на «простом», понятном каждому верующему, «народном» языке, он использовал стратегии создания текстов, характерные для дискурса формирования русского литературного языка нового типа в России в первой трети XVIII-го века, о чем свидетельствует детальный анализ употребления форм прошедшего времени в каждом из трех подсортов текста, представленных в переводе.

Подавляющее большинство форм прошедшего времени на -л – почти 4/5 от общего количества (79%) – употреблено в словах автора и чуть более 1/5 (21%) в свободных библейских цитатах; в прямых цитатах из Библии формы на -л не используются. Распределение форм на -л наглядно демонстрирует *Диаграмма 1*.

Преобладание именно в словах автора для выражения значений прошедшего времени форм причастий на -л, которые являются основным признаком «простого» языка текстов со сниженной нормой, подтверждает предположение о том, что переводчик с помощью данного грамматического признака (маркированного элемента простого русского языка) стремился создать текст, отличный от «малопонятного» простому верующему стандартного церковнославянского, сознательно внося в него «свои, родные» языковые элементы. Кроме русских форм на -л, сюда следует причислить и единственную на весь текст соответствующую украинскую форму 3-го л. ед.ч. *пришовз* (*Акоже жево чрез перваго адама грѣхъ пришовзъ въ миръ*, см. гл.

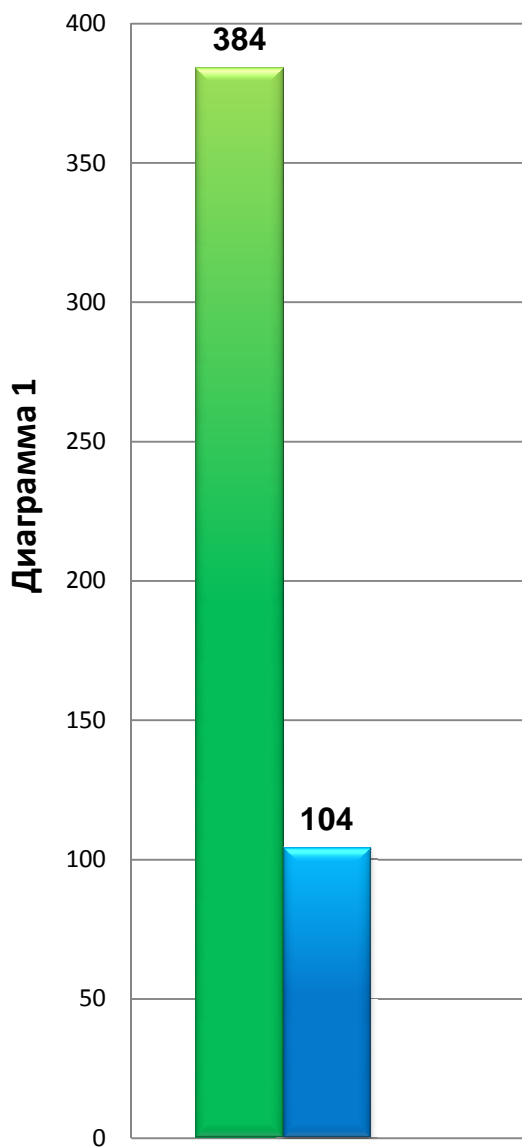
4.3.2). При переводе слов автора переводчик и создатель «русского» текста Тодорский не был «связан» текстами-образцами и мог свободно создавать свой текст, даже не пользуясь техникой пересчета. Т.е. в этом подсорте текста он не был зависим от обязательного текста библейских цитат, которые – в соответствии с практикой создания религиозных текстов в России – следовало приводить либо строго дословно (прямые цитаты из Библии), либо толковать (переводить) близко к тексту (свободные библейские цитаты).

Стремление переводчика к созданию в целом текста-перевода на «простом» языке с помощью использования грамматического признака форм на -л/-в ярко проявляется также в том, что он вводит эти формы и при переводе свободных библейских цитат, т.е. в подсорте текста, принципиально не запрещающем (но и не предпочитающем) употребление глагольных форм прошедшего времени из «простого» языка. При этом Тодорский использует «обратный» механизм пересчета, заменяя формы аориста и имперфекта формами на -л/-в (ср. пример выше [пришовз](#)). О широком распространении данной стратегии переводчика свидетельствует тот факт, что формы на -л/-в составляют более половины всех форм прошедшего времени, представленных в данном подсорте текста (ср. *Диаграмму 6*).

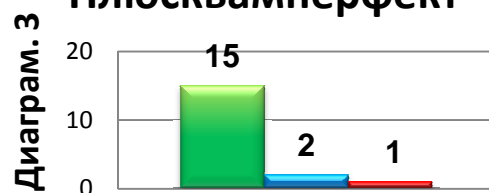
В подсорте текста «прямые цитаты из Библии» формы на -л из «простого» языка отсутствуют в соответствии с практикой создания текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой. Хотя и здесь предпочтение отдается наиболее «понятным и простым» церковнославянским формам прошедшего времени – формам аориста, которые составляют половину всех зафиксированных в этом подсорте текста претеритальных форм (ср. *Диаграмму 8*). Формы аориста представляют собой также вторую по частотности употребления группу прошедших времен в словах автора и в свободных библейских цитатах (ср. *Диаграммы 4, 6, 7*). В целом подсорт текста «прямые цитаты из Библии» корректно отражает сложную систему прошедших времен стандартного церковнославянского языка.

Как показывают *Диаграммы 6 и 7*, все четыре церковнославянские формы прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект) присутствуют также в свободных библейских цитатах и в словах автора, что, в принципе, не противоречит стратегии создания текстов (подсорт текста) данного типа. С учетом того, что количество этих форм, особенно сложных прошедших времен перфекта и плюсквамперфекта (ср. *Диаграммы 2 и 3*), а также имперфекта (ср. *Диаграмму 5*), по сравнению с зафиксированными формами на -л в тексте перевода в целом незначительно, наш вывод о том, что переводчик Тодорский стремился создать текст не на церковнославянском (ср. Šuževskýj 1939), а на «простом» языке, сознательно используя маркированный грамматический признак форм на -л/-в, не подвергается сомнению. Этот вывод релятивируется, кроме того, общими данными по фиксации форм прошедшего времени в тексте перевода в целом: они отмечены, в основном, в словах автора (ср. *Диаграмму 9*), где формы на -л многократно преобладают.

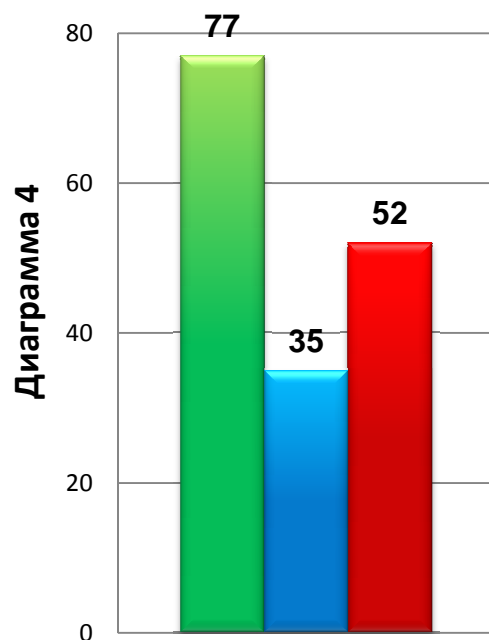
Причастия прошедшего времени на -л

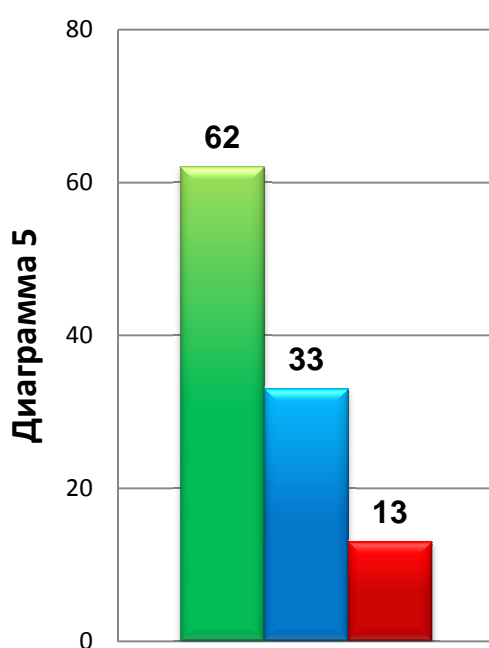
Плюсквамперфект

Аорист

Имперфект

Перфект

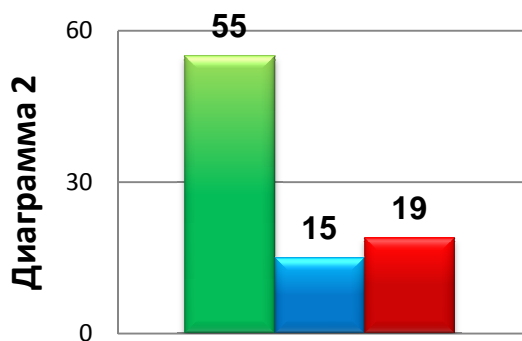

Диаграмма 6

Глагольные формы прошедшего времени в словах автора

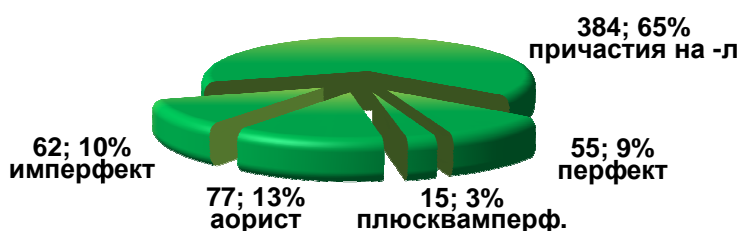

Диаграмма 7

Глагольные формы прошедшего времени в свободных цитатах

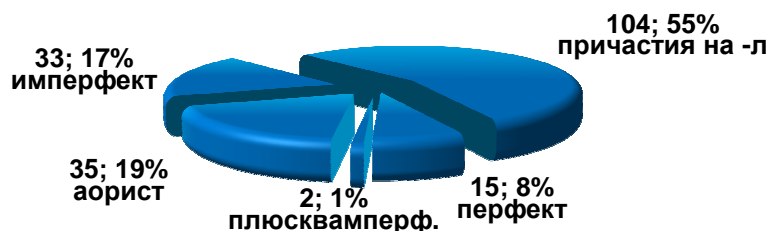

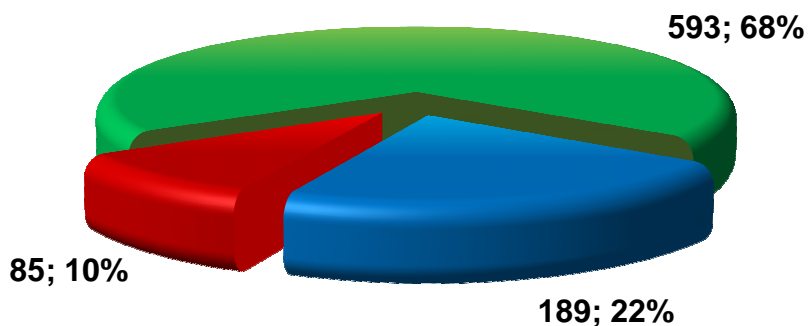
Диаграмма 8

Глагольные формы прошедшего времени в прямых цитатах

Диаграмма 9

Соотношение глагольных форм прошедшего времени во всех подсортах текста

Представленный в *Таблице 15* материал, а также весь текст перевода, разбитый при помощи цветовой маркировки на три различных подсорта текста, позволяют проследить, что определенные формы прошедшего времени расположены по всему тексту «блоками». Можно, например, наблюдать, как подряд идут несколько причастий на -л в словах автора (маркированных зеленым цветом), или формы аориста в свободных цитатах (маркированных синим цветом), или же формы имперфекта в прямых цитатах из Библии (маркированных красным цветом).

Ограничимся здесь несколькими примерами:

1)

р.м.з

εΓΩ добродѣтелиεи сiанiε превосходитз всиух
прочинух сватнух добродѣтели и благочестiε:
вса честнаа дѣла честивиху нѣкинух азычни-
ковз, толнкΩ ѿстоатз и различествуютз
ѿдѣлаз христовиху, коннкΩ различествуетз
тма ѿ солнца полуденнагΩ. и самиух херу-
вимовз и серафимовз свѣтлостъ и сватостъ
противъ свѣтлости и сватости христстовiа пом-
рачаютса.

Ποσημὸν описанно.мѸ преизрадно.мѸ при-
мѣрѸ, εгоже спаситель нашз въ страдани
свое.мз подалз намз, требѣ есть тебѣ три-
надесатаго разѸмѣнiа Ω семз Ѹчитса зз
слова истинны, каковѸю богз власть ѿ сюдѸ вос-
приалз надз родомз человекскимз, иже толи-
кое сотворилз иждивенiε, и самз христосз спаси-
тель иже толь драгΩ приѿверѣлз сiε; такожде ка-
ковое мы сегΩради имѣемΩ обдолженiε и пови-
ностъ кз богѸ и спасителю наше.мѸ исѸсѸ христѸ.
Ω семз поминан наслово апостоново, ε-
же онз написалз кз КоринѸано.мз а. з. .дi.
Которое Ω всакомз человекѸцѣ важное есть
и истинное. ащево бы кто и сице разѸмѣлз,
аки- (160)

На странице 160 встречаются только причастия прошедшего времени на -л, всего шесть раз (подалз, восприалз, сотворилз, приѿверѣлз, написалз, разѸмѣлз), которые находятся в одном большом абзаце, состоящем сначала из слов автора и завершающемся свободной библейской цитатой.

2)

Внемлиже еще десато.мѸ разсѸждению Ω
распато.мз христѣ, какΩ христосз пресла-
вни.мз совершение.мз страдания своегоΩ, наше
избавление и примрениε сз прочинми потвер-
дилз, Ѹкрѣпилз изапечатаѣлз,
Зри во, сего иже накрестѣ междѸ двома
слодѣлами повѣшенз былз и сице въ преве-

ЛИКОМЪ БЕЗЧЕСТИИ ѸМЕРЪ И ПОГРЕБЕНЪ, СЕГО ГЛА-
 ГОЛЮ ВЪ ТРЕТИИ ДЕНЬ БОГЪ ВОСКРЕСИЛЪ РАЗРѢ-
 ШИВЪ БОЛѢЗНИ СМЕРТНИА, АКОЖЕ НЕ БЫШЕ
 МОЦНО ДЕРЖАНЪ БЫТИ ЕМЪ ѿНЕА. ДѢАН. В.
 КД. НЕ ТОЧІЮ ЖЕ СІЕ, НО И ПОЧЕТИРЕДЕСАТИ ДНАХЪ
 ПОВОСКРЕСЕНИ ЕГѠ, ВЪ СОБСТВЕННОЮ ЕГѠ СЛАВЪ
 ВОСПРИАЛЪ, И ПОСАДИЛЪ ѠДЕСНЮ СЕБЕ НА НЕБЕС-
 НЫХЪ, ПРЕВЫШЕ ВСАКАГѠ НАЧАЛСТВА, И ВЛАСТИ,
 И СИЛЫ, И ГОСПОДСТВА, И ВСАКАГО ИМЕНИ ИМЕ-
 НЪЕМАГѠ: НЕТОЧІЮ ВЪ ВѢЩѢ СЕМЪ, НО И ВЪ
 ГРАДЪЦЮМЪ. И ВСА ПОКОРИ ПОДЪ НОЗѢ ЕГѠ:
 И ТОГО ДАДЕ ГЛАВЪ ВЫШЕ ВСѢХЪ ЦЕРКВИ. КЪ Е-
 ФЕС. А. КА. Ѡ ТОМЪЖЕ И НАИНОМЪ МѢСТѢ ГЛА-
 ГОЛЕТЪ ПАВЕЛЪ: ТѢМЪЖЕ И БОГЪ ЕГО ПЕРЕВОЗ-
 НЕСЕ, И ДАРОВА ЕМЪ ИМА, ЕЖЕ ПАЧЕ ВСАКАГѠ И-
 МЕНЕ. (131)

На странице 131 из десяти глагольных форм прошедшего времени шесть являются причастиями на -л (потвердилъ, Ѹкрѣпилъ, запечатлѣлъ, воскресилъ, восприалъ, посадилъ) и четыре – формами аориста (покори, даде, перевознесе, дарова). Страница не разделена зрительно на абзацы, но глагольные формы располагаются «блоками»: на первой половине страницы, где много слов автора, стоят все причастия на -л; в конце страницы, где представлены свободные и прямые цитаты из Библии, употребляются формы аориста.

3)

НЪ

НИЕМЪ, И СИЦЕ СОБСТВЕННАА СВОА БОГАТСТВА ИС-
 ТОЦИЛЪ, ДАБЫ НАМЪ ПОМОГЛЪ, И ѿ ДОЛ-
 ГОВЪ НАСЪ НСКЪПИЛЪ. КТО ѸДИВИВШИСЯ СЕ-
 МЪ, НЕ ВОЗОПІЕТЪ СЛОВАМИ СПАСИТЕЛЕВИМИ: ТА-
 КѠ ВОЗЛЮБИ БОГЪ МИРЪ, А КѠ И СЫНА СВОЕГО
 ЕДИНОРОДНАГО ДАЛЪ ЕСТЬ ІѠАН. Г. 31. КТО НЕВО-
 ЗОПІЕТЪ ѸСТАМИ И СЕРДЦЕМЪ СЪ ІѠАНОМЪ: Ѡ
 СЕМЪ ЛВЕНА ЛЮБЫ БОЖІА, ВЪ НАСЪ, А КѠ СЫНА
 СВОЕГО ЕДИНОРОДНАГО ПОСЛА БОГА ВЪ МИРЪ, ДА-
 ЖИВИ БЪДЕМЪ ИМЪ. ІѠАН. А. Д. Д. Ѡ СЕМЪ
 ЕСТЬ ЛЮБОВЪ, НЕА КѠ МЫ ВОЗЛЮБИХОМЪ БОГА,
 НО А КѠ ТОИ ВОЗЛЮБИ НАСЪ, И ПОСЛА СЫНА СВОЕ-
 ГО ѠЧИЩЕНИЕ Ѡ ГРѢСѢХЪ НАШИХЪ. ВЪ ТОИЖДЕ-
 ГЛАВѢ. А КѠЖЕ И ПАВЕЛЪ ГЛАГОЛЕТЪ: СОСТА-
 ВЛЕТЪ ЛЮБОВЪ СВОЮ ВЪ НАСЪ БОГЪ, А КѠ ЕЩЕ
 ГРѢШНИКОМЪ СЪЩИМЪ НАМЪ, ХРИСТОСЪ ЗАНЫ
 ѸМРЕ. КЪ РИМ. Е. И. ВЪ СЕДМОМЪ ВО СТИСѢ ГЛА-
 ГОЛАЛЪ: ЕДВАВО КТО ЗА ПРАВЕДНАГѠ ѸМРЕТЪ,
 ЗА БЛАГАГО ВО НЕГЛИ КТО ИДЕРЗНЕТЪ ѸМРѢТИ;
 ЕЖЕ СИЦЕ ТОЛКЪЕТСА: А КѠ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА ЛЮ-
 БОВЪ, ЕДВА ВЪ СИЦЕВИИ СТЕПЕНЬ ПОСТИГНЪТИ МО-

ЖЕЪЪ, ДАВЫ КТО, АЩЕ ВЪ СЕ ВЪ ВЛАСТИ ЕГѠ
БЫЛО, ВОСХОУТѢЛЪ ЗА ПРАВЕДНАГѠ ЧЕЛОВѢКА
Умре- (69)

На странице 69 двенадцать глагольных форм прошедшего времени. Из них пять форм причастий на -л (ИСТОУИЛЪ, ПОМОГАЛЪ, НСКѠПИЛЪ, ГЛАГОЛАЛЪ, ВОСХОУТѢЛЪ), шесть форм аориста (ВОЗЛЮБИ, ПОСЛА, ВОЗЛЮБИХОУМЪ, ВОЗЛЮБИ, ПОСЛА, УМРЕ) и одна форма перфекта (ДАЛЪ ЕСТЬ). Причастия на -л, относящиеся к признакам «простого» языка, использованы соответственно в словах автора (четыре формы) и одна форма (ВОСХОУТѢЛЪ) в свободном толковании библейской цитаты. Все шесть форм аориста, и форма перфекта использованы в прямой цитате из Библии.

4)

МВ

чрезъ все страданіе, а наипаче въ остатнемъ
своемъ страданіи толь ощѣтилъ, идозналъ,
акибы онъ вса грѣхи самою вещію сотворилъ,
и сице предъ богомъ согрѣшилъ.

Второе реченіе есть, акѠ христосъ господь
въ мѣсто насъ пострадалъ, или акѠ онъ
смертнимъ своимъ страданіемъ казнь за грѣ-
хи наши претерпѣлъ, и ощѣтилъ.

Еже послѣдоваше ради грѣховъ нашихъ
вмѣненіа емѣ сотворившагоса. Понеже бо
онъ грѣхи наши, въ книзѣ долговъ боговѣ
Ѡ дати имѣющихса себѣ приписать благоиз-
волилъ, Убо и платити за нихъ обдолженъ бѣ,
еже посѣдѣ божию и изреченію платити за
нихъ подобаше. подобнѣ акоже животное
на жертвѣ приносящееся требѣ вѣше уби-
ти, заклати и испалити, въ мѣсто сегѠ, иже
согрѣшилъ, акѠже видѣти есть въ книзѣ
левитъ.

Ѡе есть сицеваа правда, еаже ниѠкоего-
же разѣма можеша надчитиса, аще и мо-
жеша познати разѣмомъ иніа нѣкіа прав-
ды, на примѣръ, можеша разѣмомъ се

постиг- (55)

На странице 55 использовано девять форм причастия прошедшего времени на -л (ощѣтилъ, дозналъ, сотворилъ, согрѣшилъ, пострадалъ, претерпѣлъ, ощѣтилъ, благоизволилъ, согрѣшилъ), и все они употреблены в словах автора. В том же абзаце используются 2 формы имперфекта (послѣдоваше, подобаше).

5)

КГ

претиканіа, и камень соблазна: петр. а. в. з.
и такѠ поразвращенномѣ плотскомѣ своемѣ
мѣдрованію, нехотѣтъ воспріати сего заис-

тиннаго мессію, ѿ которомъ оны весма иное имѣютъ мнѣніе. сегѡ ради и апостолы господни проповѣдающе юдеѡмъ евангеліе во все оное время сѣлѡ трѣждахѣса, предлагахѣ; и противопологахѣ имъ священна писаніа первѣе ѿ семъ, акѡ христѣ подобаше страдати и востати ѿ мертвихъ, второеже, акѡ сѣи исхъсъ иже ѿ назарета оныи обѣщанныи христосъ есть. дѣян. гл. в. кв. гл. г. гл. л. і. гл. і. мг. лі. кз, гл. зл. г, которое первое требѣ было имъ многими прежде времени знати и разумѣти, дрѹгоеже съ первагѡ заключати. часоже ученицы господни слабости ради своеѡ первѣе несотвориша, юдеиже даже и досегѡ дна превелика ради слѣпоты своеѡ и ожесточеніа сердечнагѡ нехотятъ творити; семѣ потреба тебѣ съ толкѡ болшимъ прилѣжаніемъ внимати, и творити. Сѡ вина есть акѡ господь исхъсъ пострадалъ сицевимъ страданіемъ, каковое повѣстѣетсѡ

Вз (36)

На странице 36 шесть форм прошедшего времени: четыре формы имперфекта (трѣждахѣса, предлагахѣ, противополагахѣ, подобаше), одна форма аориста (несотвориша) и одна форма причастия на -л (пострадалъ). Все указанные формы имперфекта использованы в одном предложении, где упоминаются различные главы из Деяний Апостолов, переданные не дословно, а в свободном толковании библейских цитат. Форма аориста и причастие на -л использованы в словах автора, представленных в различных абзацах.

б)

кв

знавахѣ сѣ, акѡ сѣи есть хотѣ избавити израиля ѿ кѹдѣ ѹдобѣ познаетсѡ, акѡ оны даже досегѡ времени Исхъса назаранина не точію имѣлахѣ акѡ нѣкоегѡ особеннѡ ѿ бога воздвиженнаго пророка, но наки онаго мессію христа, иже Израиля по вожію ѡбѣщанію ѿ рѣкѣ враговъ егѡ свободити имѣлаше, но нинѣ инакѡ сотворисѡ глаголахѣ вз себѣ, и ѿсюдѣ неможахѣ инакѡ вѣрити, точію, акѡ болшое мнѣніе имѣлахѣ ѿ христѣ, нежели онъ вз самои вещи вѣ, Видимѡ ѹбо на вѣриѣшихъ ученикахъ господнихъ, акѡ оны вз семъ наипаче погрѣшиша, ѿ кѹдѣбы наипаче подобало имъ ѹкрѣплати вѣрѣ свою вз христа, акѡ истиннаго Мессію.

Икаа вина естъ сегѠ, акѠ юден даже до-
сего дня сего Исуса, егожемы исповѣдѣмѠ,
нехотятъ признавати и восприати за истинна-
гѠ онаго обѣщаннаго Мессию, непоносали
онаа крестнаа христова смерть, юже онз по
многихъ прочихъ рѣганиахъ претерпѣлз; не
сегѠ ли ради христосъ юдеамз **есть камень**
пре- (35)

На странице 35 представлено восемь форм прошедшего времени: шесть форм имперфекта (признавахѸ, имѣлахѸ, имѣаше, глаголахѸ, неможахѸ, имѣлахѸ), одна форма аориста (погрѣшиша) и одна форма причастия на -л (претерпѣлз). Все они употреблены в словах автора. Формы имперфекта и аориста использованы в одном абзаце, в следующем абзаце употреблена форма причастия на -л.

Первые три примера (1-3) демонстрируют приоритетное употребление переводчиком определенных форм прошедшего времени в определенных подсортах текста. Три последних (4-6) показывают допустимое употребление форм церковнославянской системы прошедших времен в текстах «простого» языка и использование этого приема Тодорским в подсоре текста «слова автора».

4.3.2.2 Анализ употребления форм двойственного числа

Зафиксированные в тексте перевода формы двойственного числа представлены в следующей таблице (см. *Таблицу 16*).

Таблица 16. Формы двойственного числа.

Стр.	Текст
8	Ѡ семз наипаче тѣатиса, дабы исуса распятагѠ всегда лѹше возмогал предз <u>очима</u> слышателей своихъ изображати
29	Творашесаже сие ихъ предложене <u>двома</u> днями предз полтиемз христа на страсть
30	вѣсте акѠ по двою дню пасха бѹдетз , и сынз человѣческии преданз бѹдетз на пропатіе
50	ктово естъ силнѣишии паче сегѠ, иже горстию воды содержитз, измѣретз падію небеса, <u>трома</u> перстами прахъ землѣ, и важитз вѣсами горы,
59	<u>два</u> <u>разбойники</u> <u>сз</u> <u>нимз</u> на крестѣ повѣшении <u>подѣломз</u> <u>своимз</u> <u>восприаша</u>
72	однакоже <u>вз</u> <u>семз</u> <u>равни</u> <u>себѣ</u> <u>сѹть</u> , понеже царз и нищин <u>оба</u> <u>грѣшники</u> <u>сѹть</u> , <u>немоцнии</u> и <u>смертнии</u> <u>человѣцы</u>
118	<u>Павелз</u> <u>изображаетз</u> <u>казнь</u> <u>за</u> <u>грѣхи</u> <u>наипаче</u> <u>сими</u> <u>двома</u> <u>словами</u> , <u>аже</u> <u>сѹть</u> : <u>клатва</u> и <u>смерть</u>
131	<u>Зри</u> <u>бо</u> , <u>сего</u> <u>иже</u> <u>накрестѣ</u> <u>междѸ</u> <u>двома</u> <u>злѹдѣами</u> <u>повѣшенз</u> <u>былз</u> и <u>сице</u> <u>вз</u> <u>превеликомз</u> <u>безчестии</u> <u>змерз</u> и <u>погребенз</u> ,

Как видно из *Таблицы 16*, двойственное число используется в тексте редко, всего восемь раз. Относительно его употребления в различных подсортах текста, большинство форм приходится на свободные библейские цитаты – 5 форм. Один раз

двойственное число используется в прямой цитате из Библии и два раза в словах автора.

Двойственное число, о котором Смотрицкий в своей грамматике церковнославянского языка (1619) писал, что оно «**естъ еже двѣю вещь повѣствуетъ**», принято считать маркантным признаком текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой. Уже Лудольф (1696) не включал формы двойственного числа в свою русскую грамматику, хотя и оговаривал, что русские иногда используют формы двойственного числа при количественных числительных от двух до пяти.

В анализируемом тексте перевода Тодорского (см. *Таблицу 16*) в форме двойственного числа используется, в основном, числительное «два» в различных падежах (стр. 29, 30, 59, 118, 131), по одному разу местоимение «оба» в именительном падеже (стр. 72) и существительное «очи» в творительном падеже (стр. 8), а также один раз числительное «три» в творительном падеже (стр. 50).

Таким образом, за исключением числительного «три», все остальные формы двойственного числа использованы, на первый взгляд, корректно, как это и было принято в церковнославянском языке, а именно, при обозначении парных предметов или предметов, взаимосвязанных друг с другом. К последнему случаю относится употребление двойственного числа на стр. 72: «царь» и «нищий» – вещи непарные, скорее наоборот, но в данном случае связаны друг с другом по контексту.

Более детальное рассмотрение показывает, однако, что при числительном «два» и местоимении «оба» в свободных библейских цитатах и словах автора нарушено согласование с существительными, которые употреблены во множественном числе (**днями, перстами, разбойники, словами, сладѣями, грѣшники**). Единственное правильное согласование существительного в двойственном числе представлено в прямой цитате из Библии (**по двою дню**, стр. 30).

Такое положение вещей позволяет сделать вывод, что формы двойственного числа числительного «два» и местоимения «оба» в подсортах текста, допускающих признаки «простого» языка, употребляются переводчиком не сознательно, а «по инерции». Более того, если принять к сведению утверждение Смаль-Стоцкого о том, что понятие двойственного числа в украинском языке не ограничивалось понятием «два лица или предмета», а также распространялось и на «три и четыре лица или предмета» (см. *Таблицу 17*, Smal-Stockyj 1913, 56), то такие формы в тексте Тодорского как **двома** (стр. 29, 118, 131), **трома** (стр. 50), использованные исключительно в словах автора и свободных библейских цитатах (и представляющие собой половину всех немногочисленных фиксаций форм двойственного числа), могли служить переводчику признаками «простого» языка – маркерами из «живого» языка, его родного украинского:

Таблица 17. Склонение числительных (Smal-Stockyj 1913, 85).

два ²⁴⁸	Gen. - Lok.	двох	трох	чотирох
три	Dat.	двом	тром	чотиром
чотири, чтири	Instr.	двома	трома	чотир(о)ма

В целом следует признать, что такой маркантный признак текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой, как использование форм двойственного числа не релевантен для анализируемого перевода Тодорского.

²⁴⁸ «Два» и «оба» имеют одинаковую парадигму склонения (*оба, обі, обидва, обидві*) по Смаль-Стоцкому (Smal-Stockyj 1913, 86).

4.3.2.2.3 Рассмотрение употребления форм инфинитива и форм глагола 2-го лица единственного числа настоящего времени

Довольно большое количество исследователей считает, что тексты, созданные в России на церковнославянском языке со строгой нормой и на «простом» языке, могут различаться по форме инфинитива, соответственно, на -ти в церковнославянском или на -ть в русском.

Если принять эту версию при анализе перевода Тодорского, то следовало бы констатировать, что все без исключения формы инфинитива, отмеченные в тексте, – церковнославянские. При этом инфинитив на -ти употребляется во всех подсортах текста:

Дѣволъ и орѣдѣ егѡ немогша всѧ творити
по воли своен, но точнѡ сотвориша сѧ, (28)

Ѡ несмысленнаѧ и коснаѧ сердцема,
еже вѣровати Ѡ всѣхъ , аже глаголаша про-
роцы. Несѧ ли подобаше пострадаѧи христѣ,
и вниѧи въ славѣ свою; Ѡк. кд. ке. (19)

Ѡще едино точнѡ посланіе павлово къ
евреѡма прилѣжнѡ прочтеши сегѡ ради, да-
бы еси возмогъ христа распѣтагѡ въ священ-
номъ писаніи ветхѡгѡ завѣта изобрѣсти, Ѡ
коль дѣшеспасително можеши къ семѣ Ѹпо-
требити поманѣтагѡ посланіа павлова къ
евреѡма! (23)

Однако мы придерживаемся мнения, что церковнославянская форма инфинитива на -ти не является маркированным элементом церковнославянских текстов. В текстах духовной литературы в России XVIII века допускалось использование как форм инфинитива на -ти, так и форм на -ть в качестве свободных вариантов (Живов 2004, 226 и далее). Использование форм инфинитива на -ть в текстах душевспасительной литературы особенно бурно развивается в первую половину XVIII века, тогда как в XVII веке для этих текстов было более характерно последовательное употребление форм инфинитива на -ти.

Кроме того, при анализе переводов Тодорского инфинитив на -ти нельзя рассматривать как маркированный признак церковнославянских текстов со строгой нормой еще и потому, что форма инфинитива на -ти характерна также для живого украинского языка.²⁴⁹ В своих поздних проповедях, созданных при императорском дворе в России – ср. «Слово на день рождения Петра Федоровича» (1743) и «Слово на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны» (1745) –, Тодорский (в отличие от анализируемого перевода) использует наряду с инфинитивом на -ти также формы инфинитива на -ть, которые составляют 30-33% всех употреблений инфинитива. При этом инфинитивы на -ти и на -ть используются как однородные члены предложения, а формы на -ть могут быть образованы также и от возвратных глаголов (Живов 2004, 231; Кислова 2007, 313).

²⁴⁹ Ср. (Mengel 2007; 2009; Менгель 2010) о языке переводов Э. Глюка, опиравшегося на северно-великорусские диалекты с инфинитивом на -ти.

Для духовных текстов в России XVIII века развитие вариативности было характерно не только в области форм инфинитива, но и в области форм 2-го лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени, т.е. использование как церковнославянских форм на -ши, так и русских на -шь (Живов 2004, 258 и далее). Таким образом, ни одна из обеих форм не могла считаться маркированным элементом церковнославянского или русского языкового регистра.

В тексте анализируемого перевода Тодорского наличие форм 2-го лица ед. числа особенно значительно, так как, как уже было отмечено выше, это – текст-обращение, когда автор говорит с читателем на «ты», убеждая его и напутствуя на поступки в соответствии с библейскими истинами. Поэтому важным представляется тот факт, что формы 2-го лица ед. числа представлены в тексте только вариантом на -ши, без исключений в таких подсортах текста, как свободные цитаты и слова автора:

Увидиши как^ѿ въ немъ описѹетъ себе христосъ,
Увидиши ег^ѿ аки совершенный примѣръ нѣ-
коег^ѿ совершеннаг^ѿ праведнаг^ѿ и послѣшлива-
г^ѿ раба божіа сотворити волю ег^ѿ хотѣща-
го, божьи законъ посредѣ чрева своег^ѿ имѣ-
ющаго, и все своедѣло къ прославленію и ме-
ни божіа творцаг^ѿ; ноуслышиши его въ
томъже псалмѣ (54)

Такожде подобаетъ тебѣ вѣдати, ак^ѿ
донелѣже прилѣжн^ѿ неразсѣдиши растлѣнн^ѿ
ѿ паденіа происшедшаго, страданіа спасителя
твоег^ѿ никакоже познаеши; (48)

Является ли это специальным приемом переводчика, стремящегося «усилить» свое воздействие на читателя «престижными» церковно-славянскими формами, или индивидуальной особенностью языка Тодорского, сказать трудно. Исследование его поздних проповедей при императорском дворе в России показывает, во всяком случае, что употребление русских форм на -шь, в общем, не было характерно и для этих текстов Тодорского (Кислова 2008б, 78-79).

Согласно Смаль-Стоцкому (Smal-Stockuj 1913, 88 и далее), формы 2-го лица ед. числа имели окончание -еш: пасу – пасеш, читаю – читаеш, жду – ждеш (в совр. украинском языке также -еш – пасеш, читаеш, ждеш), но не формы на -ши.

Таким образом, в анализируемом переводе Тодорский последовательно отказывается от вариативности определенных грамматических форм, допустимой в соответствующих текстах душевспасительной литературы в России и развивающейся там начиная с XVIII века, в пользу одной из форм, quasi церковнославянской. Выбранные Тодорским формы последовательно представлены в соответствующих текстах XVII века и не являются специальными маркерами текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой.

4.3.2.3 Грамматика текста: синтаксический уровень

На синтаксическом уровне анализируется наличие в тексте перевода определенных синтаксических конструкций, являющихся маркированными признаками текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой и текстов, написанных на «простом» языке. Ограниченные рамки диссертационной работы не позволяют

проанализировать все маркированные синтаксические конструкции (см. *Таблицу 2* в гл. 2.1.2.1). В этой связи анализу подвергаются только избранные, наиболее характерные для определенных типов текстов синтаксические признаки (см. гл. 4.3.1).

Итак, в предлагаемом исследовании проверяется наличие в тексте перевода конструкций с союзами **когда**, **коли**, **аже**, **оже**, **даже**, **аче**, **али**, **олна** и **како** и союзной конструкции «**дабы** + причастие на -л», которые являются маркантными признаками текстов «простого» языка; а также союзной конструкции «**да** + презентная форма глагола», которая представляет собой маркантный признак текстов со строгой нормой церковнославянского языка (т.е. стандартного церковнославянского).

При проверке наличия в тексте перевода выше названных маркированных синтаксических конструкций, характерных для текстов со сниженной нормой (т.е. текстов «простого» языка), было установлено, что союзы **коли**, **аже**, **оже**, **аче**, **али**, **олна** в тексте полностью отсутствуют. Конструкции с союзами **когда**, **даже**, **дабы** и **како** представлены следующим образом (см. *Таблицу 18*):

Таблица 18. Союзные конструкции, характерные для текстов со сниженной нормой.

Форма	Стр.	Текст
Конструкция с союзом когда	19	ПосемѸ не сѣтныи естъ трѸдѸ, егда въз писани сватомѸ ветхаго ѿ завѣта испитѸеши, когда и какѸ въз немѸ ѿ христѣ распатома прежде провозвѣщеннѸ бѣ.
Конструкции с союзом даже	10	ѿ юден, ово ѿ папѣжскихѸ дѣлз сватихѸ, овоже ѿ социанскаго коварства, такѸже и ѿ прочихѸ чѸдз и страшилищз даже донынѣшнаго дна Ѹвѣждается и растлѣвается,
	35	акѸ оны даже досегѸ времени ИсѸса назаранина неточию имѣахѸ акн нѣкоего особеннѸ ѿ бога воздвиженнаго пророка, но иаки онаго мессию христа,
	35	Икаж вина естъ сегѸ, акѸ юден даже до сего дна сего ИсѸса, егожемы исповѣдемѸ, нехотѣтъ признавати и восприѣти за истиннаго онаго обѣщаннаго Мессию,
	36	чесогоже Ѹченицы господни слабости ради своем первѣ не сотвориша, юдеиже даже и досегѸ дна превеликиа ради слѣпоты своем и ожесточения сердечнаго нехотѣтъ творити;
	49	АкѸже сонцннз сотворилз и даже досегѸ дна творѣтъ послѣдѸющии Ѹчению егѸ.
	62	ѿще сѣ добрѣ въз сердци твоемѸ разсѣдиши, еже даже доздѣ ѿ ѿсновани и винѣ страдания христова,
	63	и тѣхѸже ради чашѸ гнѣва божиа даже до послѣдня каплѣ випити.
	106	дабы никто зз жилища своего невиходилз чрезз всю ноцѸз даже досвѣта

	122	ниже ѿцѣ своемѣ послушливѣ бывѣ даже досмерти, смертиже крестниа.
	124	сиестъ клѣтвѣ закона, и поразишѣ нмѣ даже досмерти крестниа
	128	Здѣжъ разсѣди, прежде даже далѣе постѣпиши, какѡ писаніе особенными нѣкими словами глаголетъ
	152	которои примѣръ оставилъ намѣ спаситель нашъ въ страданіи своемѣ, даже до смерти крестниа.
	156	аще же кто и даже до конца претерпитъ, одинакѡже и сицевыи предъ всевидѣщими очесами божиими не можетъ ѡбрѣстисѣ безъ порока.
	184	Ѹвидиши какѡ душа егѡ скорбаше, даже до смерти, какѡ онъ тѣжилъ и Ѹжасалсѣ,
	215	Всеже сіе, еже даже доселѣ глаголахомъ ѡ получающомѣ блаженствѣ вѣрою въ христа, и ѡ благословенныхъ плодахъ ѡсюдѣ происходѣщихъ наилучше изображенное есть въ слѣдѣющомѣ реченіи павловоѣ
	219	акѡже соломонъ глаголетъ, сіахъ и множилсѣ даже до совершенства дна.
	220	чрезъ все теченіе христіанства твоегѡ даже досамагѡ конца, аки единѣю надеждѣ твою и дражанное сокровище имѣти и сохранати,
Конструкция «дабы + прич. на -л»	6	дабы никтоже въ вещи сѣи имѣлъ быти
-	6	дабы всакъ призналъ великое свое невѣжество и слѣпотѣ
-	7	дабы всѣмъ сердцемъ господа бога призывалъ
-	7	дабы дѡхомъ своимъ свѣтымъ очищалъ
-	7	дабы возмоглъ Ѹвидѣти чѡдеса
-	7	дабы всакъ, ... въ сердци своемъ разсѣждалъ и размышлалъ
-	7	дабы ... возмоглъ получить познаніе
-	8	дабы всакъ Ѹчитель, ... первѣншое свое Ѹчение имѣлъ ѡ исѡсѣ христѣ
-	8	дабы христа распѣтагѡ ... всегда лѣше ради самагѡ себе познавалъ и ѡцѣцалъ
-	8	дабы исѡса распѣтагѡ всегда лѣше возмоглъ
	9	дабы подобнѣ распѣтагѡ христа познали и въ егѡ вѣровали
-	9	дабы возмоглъ въ познаніи сѣмъ
-	10	дабы ѡ книжицѣ сѣю издалъ
-	10	дабы такѡ неточію сѣи, ... возмогли паки припомнити,
-	11	дабы богъ самъ правдѣ свою благоволилъ

-	11	<u>ДАБЫ</u> <u>ВСАКЪ</u> <u>ВОЗМОГЪ</u> <u>Ѡ</u> сюдѸ
-	15	<u>ДАБЫ</u> <u>Благопотребное</u> ... <u>сїе</u> <u>полѹчити</u> <u>возмогло</u>
-	20	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> ... <u>предвозвѣщенїе</u> <u>страданїа</u> <u>господнѧ</u> <u>позналъ</u>
-	22	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>возмогъ</u> <u>во</u> <u>всемъ</u> <u>ономъ</u> <u>слѹчан</u>
-	40	<u>ДАБЫ</u> <u>человѣкъ</u> <u>сегѠ</u> ради и <u>терпѣлъ</u>
-	41	<u>ДАБЫ</u> <u>оклеветаемыи</u> <u>христосъ</u> <u>Ѡ</u> <u>вѣщалъ</u> <u>нѣчто</u> <u>насе</u>
-	49	<u>ДАБЫ</u> <u>въ</u> <u>плотскомъ</u> <u>своемъ</u> <u>безопасствїи</u> <u>неподвижнѠ</u> <u>пребыли</u>
-	51	<u>ДАБЫ</u> <u>человѣкъ</u> , или <u>награжденїе</u> <u>сотворити</u> <u>за</u> <u>грѣхи</u> <u>возмогъ</u>
-	52	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>со</u> <u>всякимъ</u> <u>боговѣ</u> <u>должнимъ</u> <u>чествованїемъ</u> <u>помышленїа</u> <u>твоѧ</u> <u>погрѣжалъ</u>
-	56	<u>ДАБЫ</u> <u>онъ</u> <u>благоизволилъ</u>
-	65	<u>ДАБЫ</u> <u>такѠ</u> <u>порѹчителѧ</u> <u>нашего</u> ... <u>постановилъ</u>
-	68	<u>ДАБЫ</u> <u>возлюбленнаго</u> <u>сына</u> <u>своего</u> <u>единороднагѠ</u> <u>...</u> <u>послалъ</u> <u>въ</u> <u>плоть</u> <u>нашѸ</u>
-	68	<u>ДАБЫ</u> <u>богъ</u> <u>сына</u> <u>своего</u> ... <u>за</u> <u>грѣхи</u> <u>человѣческїа</u> <u>на</u> <u>смерть</u> <u>предалъ</u> ;
-	69	<u>ДАБЫ</u> <u>намъ</u> <u>помогъ</u>
-	69	<u>ДАБЫ</u> <u>кто</u> , ... <u>восхотѣлъ</u> <u>за</u> <u>праведнагѠ</u> <u>человѣка</u>
-	70	<u>ДАБЫ</u> <u>разсѹждали</u> <u>Ѡ</u> <u>нен</u>
-	70	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>неѹдоволяса</u> <u>симъ</u> <u>точно</u>
-	73	<u>ДАБЫ</u> <u>человѣкъ</u> <u>за</u> <u>неблагополѹчїа</u> <u>своегѠ</u> <u>возмогъ</u> <u>свободитисѧ</u>
-	74	<u>ДАБЫ</u> <u>правдѣ</u> <u>божен</u> <u>доволство</u> <u>сотворилосѧ</u>
-	77	<u>ДАБЫ</u> <u>богъ</u> <u>сицевѸю</u> <u>святость</u> <u>любовъ</u> и <u>премѹдрость</u> <u>имѣлъ</u>
-	89	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>помыслилъ</u> <u>Ѡ</u> <u>осмомъ</u> <u>Ѡснованїи</u>
-	95	<u>ДАБЫ</u> <u>возмогла</u> <u>толкѸю</u> <u>вещъ</u>
-	98	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>позналъ</u> <u>исѹса</u> <u>христа</u>
-	106	<u>ДАБЫ</u> <u>никто</u> <u>за</u> <u>жилица</u> <u>своегѠ</u> <u>невиѹходилъ</u>
-	132	<u>ДАБЫ</u> <u>богъ</u> <u>нѣкоемѸ</u> ... <u>толкѸю</u> <u>честь</u> и <u>славѸ</u> <u>подалъ</u>
-	144	<u>ДАБЫ</u> <u>вси</u> ... <u>возмогли</u> <u>къ</u> <u>вышше</u> <u>именованомѸ</u> <u>концѸ</u>
-	145	<u>ДАБЫ</u> <u>оны</u> ... <u>возмогли</u> <u>къ</u> <u>христѸ</u> <u>приведенными</u> <u>быти</u>
-	147	<u>ДАБЫ</u> <u>мы</u> ... <u>ѹчастниками</u> <u>сотворилсѧ</u>
-	149	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>возмогъ</u>
-	149	<u>ДАБЫ</u> <u>еси</u> <u>возмогъ</u>
-	151	<u>ДАБЫ</u> <u>вѣрѹющыи</u> ... <u>причащасѧ</u>
-	151	<u>ДАБЫ</u> <u>мы</u> <u>веле</u> <u>оное</u> <u>чѹдное</u> и <u>благодатное</u> <u>дѣло</u> <u>не</u> <u>предали</u>
-	152	<u>ДАБЫ</u> <u>богъ</u> <u>дѸхомъ</u> <u>своимъ</u> <u>свѧтымъ</u> , <u>подалъ</u>
-	152	<u>ДАБЫ</u> <u>такѠ</u> <u>сохранилъ</u>

-	152	<u>ДАБЫ ЕСИ НЕУЧИЛЪ БОГА</u>
-	153	<u>ДАБЫ ВСАКЪ НАНЬ ВЗИРАЛЪ, ИРАЗСЪЖДАЛЪ</u>
-	164	<u>ДАБЫ МЫ ПРОСЛАВЛАН</u>
-	166	<u>ДАБЫ КТО ХРИСТОВЪ ЖИЛЪ</u>
-	170	<u>ДАБЫ ЕСИ ПЕРВЪЕ ТАКЪВИМЪ ЖИТИЕМЪ ТВОИМЪ СВОБОЖДАЛЪ СЕБЕ</u>
-	172	<u>ДАБЫ ЕСИ ВЪ САМОИ ВЕЩИ ПОЗНАЛЪ</u>
-	172	<u>ДАБЫ ЧЕЛОВЪКЪ, ПОНЕЖЕ ХРИСТОСЪ ЗА ГРЪХИ ЕГЪ ПОСТРАДАЛЪ</u>
-	173	<u>ДАБЫ КТО ВЪ ГРЪСѢ ПРЕБЫВАЛЪ</u>
-	175	<u>ДАБЫ И АЗЪ НЪЧТО СОТВОРИЛЪ ИСТРАДАЛЪ</u>
-	178	<u>ДАБЫ ВСАКЪ ... ПОКАНИЕ ТВОРИЛЪ И ВЪРОВАЛЪ</u>
-	179	<u>ДАБЫ ЕСИ ДОБРЪ РАЗЪМЪЛЪ</u>
-	180	<u>ДАБЫ КТО КОНСПОВЪДИ ТОЧЮ ПРЕДЪ СВАЩЕНИКОМЪ БЫВАЕМА ХОДИЛЪ</u>
-	180	<u>ДАБЫ КТО ТОЧЮ ѿ ДЕВЕЛИХЪ ВНЪШНИХЪ ГРЪХОВЪ И ПОРОКОВЪ ВОЗДЕРЖИВАЛЪСЯ</u>
-	183	<u>ДАБЫ ХРИСТОВО СТРАДАНИЕ И СМЕРТЬ ... СЕИ МОГЛЪ ѿ БОГА ПОЛУЧИТИ СЕБѢ</u>
-	185	<u>ДАБЫ ЧЕЛОВЪКЪ САМЪ СЕБЕ ПОЗНАЛЪ</u>
-	187	<u>ДАБЫ ЕСИ ТОГДА УБѢГЛЪ КО ИСХЪСЪ ХРИСТЪ</u>
-	187	<u>ДАБЫ ЕСИ СИЦЕ ОНОЕ БЛАГОДѢАНІЕ ПРИВЛАЩАЛЪ ТЕБѢ</u>
-	187	<u>ДАБЫ БОГЪ ... ѾПЪСТИЛЪ ТЕБѢ ГРЪХИ, И ДАРОВАЛЪ</u>
-	188	<u>ДАБЫ ЗА ХРИСТОВА СТРАДАНИЕ И СМЕРТИ ВОЗМОГЛЪ ЕСИ</u>
-	189	<u>ДАБЫ ВСАКЪ ВЪРЮЩИИ ... НЕ ПОГИВНЪЛЪ</u>
-	191	<u>ДАБЫ МЫ ѿсюдъ ТОЛИКЪ СОБСТВЕННЪЕ СВОИСТВО ЕА УРАЗЪМЪЛИ</u>
-	191	<u>ДАБЫ ТАМЪ ВОЗМОГЛЪ</u>
-	195	<u>ДАБЫ СИМЪ ПЪТЕМЪ ВСАКЪ ВОЗМОГЛЪ</u>
-	199	<u>ДАБЫ ДАННОЕ ТЕБѢ КЪ ЖИЗНИ, ВЪ СМЕРТЬ, И ПОГИВЕЛЬ ТВОЮ ОБРАТИЛОСЯ</u>
-	201	<u>ДАБЫ ОНЪ ТЕБѢ ѾКРИЛЪ</u>
-	205	<u>ДАБЫ ТАКОВИМЪ ОБРАЗОМЪ ... ПРИХОДИЛЪ ЧЕЛОВЪКЪ КЪ БЛАГОДАТИ И БЛАЖЕНСТВЪ</u>
-	207	<u>ДАБЫ РАСПАТЫИ ХРИСТОСЪ ПОЛЗОЮ ТЕБѢ БЫЛЪ</u>
-	208	<u>ДАБЫ ЕСИ КЪ СЕМЪ ТОЛИКЪ СИЛНЪЕ И БЛАГОПРИАТНЪЕ ПОДВИГНЪТИСЯ ВОЗМОГЛЪ</u>
-	218	<u>ДАБЫ ЕСИ НЕУЖАСНЪЛЪСЯ СЕГЪ</u>
-	218	<u>ДАБЫ КТО АБИЕ СОВЕРШЕННЪ НАУЧИЛЪСЯ СЕГЪ</u>
-	222	<u>ДАБЫ ВСАКЪ ПОЗНАТИ МОГЛЪ</u>
-	223	<u>ДАБЫ СВАТОСТЬ И ѾПРАВДАНИЕ ПРЕДЪ БОГОМЪ ВАЖНОЕ БЫЛО</u>
-	225	<u>ДАБЫ ЧЕЛОВЪКЪ ТАКЪ УТЪШАЛЪСЯ ХРИСТОМЪ</u>
-	231	<u>ДАБЫ ОНЪ ТЕБѢ БЫЛЪ И ПРЕБЫВАЛЪ ВСЕ И ВО ВСЕМЪ</u>

Конструкции с союзом како	12	<u>как</u> Ω потреба разсѣждати Ω христѣ господѣ въ страданіи егΩ и поноснои крестнои смерти.
-	17	<u>как</u> Ω христосъ Спаситель вса страданіа своа имѣющаа емѹ приключитиса толь совершеннΩ и подробнѹ прежде вѣдалъ;
-	18	<u>как</u> Ω богъ Ωначала многΩобразиѣ и многΩразличнѣ
-	19	<u>как</u> Ω въ немъ Ω христѣ распатома прежде провозвѣщеннΩ вѣ.
-	21	<u>Как</u> Ω онаа реченіа чрезъ страданіе христово исполнишася
-	25	<u>как</u> Ω во всемъ Ω моисеа описанномъ Левитскомъ божиимъ служеніи и во іереихъ егΩ, въ жертвахъ и прочиихъ употребленіихъ таина страданіа христова и смерти егΩ
-	30	<u>как</u> Ω сице особеннымъ смотреніемъ божиа премѣдрости, прообразование оное юденскіа пасхи или агнца пасхалнагΩ
-	31	<u>как</u> Ω пилатъ, ... превелкое имѣаше тѣсаніе ѹволнити христа Ω смертнагΩ страданіа егΩ
-	31	авственнΩ свидѣтельствуетъ, <u>как</u> Ω сіе сотворилоса
-	54	ѹвидиши <u>как</u> Ω въ немъ описуетъ себе христосъ
-	58	<u>как</u> Ω и маши разсѣждати Ω иссѣѣ христѣ
-	59	<u>как</u> Ω ѹбо и мама разсѣждати Ω немъ
-	62	<u>как</u> Ω подобаетъ разсѣждати
-	65	<u>как</u> Ω любовію ѹбѣжденъ былъ ради насъ осѣжденныхъ и погибелныхъ грѣшниковъ
-	73	<u>как</u> Ω начати сіе творити, дабы человекъ зъ неблагополчїа своегΩ возмогалъ свободитиса
-	78	<u>как</u> Ω страсть и смерть христа господа предбогомъ возмнѣннаа почтенна и восприѣтаа есть
-	78	<u>как</u> Ω потреба разсѣждати Ω христѣ въ страданіи егΩ
-	84	<u>как</u> Ω сицевое дѣло предъ богомъ почтенное и приѣтое есть
-	89	<u>как</u> Ω сіе имать быти, дабы единагΩ христа послѣшаніе и страданіе доволное было къ награжденію толь великагΩ долга
-	92	<u>как</u> Ω самое писаніе къ основанію семѹ приводитъ насъ
-	92	<u>как</u> Ω оное членъ исповѣданіа вѣры Ω вѣчнома и истинномъ божествѣ христовомъ
-	111	<u>как</u> Ω глаголю немать инасихъ
-	128	<u>как</u> Ω писаніе особенными нѣкими словами глаголетъ

-	131	<u>как</u> христосъ преславнимъ совершениемъ страдания своего
-	132	<u>как</u> бо можаше се сотворитиса, дабы богъ нѣкоемъ сладѣлательвѣ и прелестниковѣ, каковимъ быти христа глаголахъ клеветницы егъ
-	134	<u>речешиже: как</u> се <u>ѿсюдъ</u> послѣдуетъ
-	139	и <u>как</u> богъ воскресениемъ едиnorodнагъ сына своего и восприятіемъ въ небеса, въ славу свою, сицевое спасение и сокровище подтвердилъ намъ и запечатлѣлъ.
-	140	<u>как</u> богъ се ... ищетъ всякимъ образомъ привлцати человекъ
-	143	нижебы разумѣлъ <u>как</u> се почитать и употреблати требѣ есть
-	148	<u>как</u> по божию благодатиюмъ спасеніа установленію, христова смерть, и послѣдующее ей воскресение, такожде крещение, законенное <u>ѿ</u> христа, великое имѣютъ сообщеніе
-	148	<u>как</u> тебѣ подобаетъ разумѣти <u>ѿ</u> крещеніи
-	159	<u>как</u> прензачно егъ добродѣтели снне превосходитъ всихъ прочихъ сватихъ добродѣтели и благочестіе
-	173	<u>как</u> се неудобное или паче невозможное есть, дабы кто въ грѣсѣ пребывалъ
-	181	<u>как</u> имамъ правое и истинное поканіе сотворити
-	184	увидиши <u>как</u> душа егъ скорбаше, даже до смерти, <u>как</u> онъ тѣжилъ и ужасалса
-	184	<u>как</u> онъ за божимъ гнѣвомъ и силами темниа области толь сѣлъ брашеса и подвижашеса
-	184	<u>как</u> авіе посемъ смертію пострадалъ
	185	<u>ѿ</u> <u>как</u> сѣлъ требѣ есть опасоватиса <u>ѿ</u> грѣховъ, аще толь прилѣжнѣ истазуютса!
	188	И <u>как</u> можетъ инакѣ сотворитиса се, дабы за христова страданіа и смерти возмоглъ еси ползовати
	194	<u>как</u> можетъ подвигнѣтиса принти къ христѣ и въ немъ пагубѣ своеи искати спас
	195	<u>как</u> ѿбо можетъ пребывати въ христѣ, и христосъ въ немъ
	209	<u>как</u> мнитса тебѣ, могѣтъ ли еще грѣхи твои вѣннитиса те
	213	<u>как</u> апостоли господни <u>ѿсюдъ</u> наипаче къ братерскон и общей любви возбуждаютъ и увѣщаваютъ
	217	<u>как</u> распатыи христосъ имать чрезъ вѣрѣ

		БЫТИ ТѢБѢ
	221	ВИДИШИ КАКѠ ГЛАГОЛЕТЪ АПОСТОЛЪ, ГЛАГОЛЕТЪ ЖЕ СНЦЕ НЕ ВНАЧАЛѢ ХРИСТИАНСТВА СВОЕГѠ

Как показывает *Таблица 18*, количественно переводчик Тодорский предпочитает конструкцию «**ДАБЫ** + причастие на -л», которая употреблена в тексте перевода 83 раза. Частотность ее употребления объясняется содержанием текста перевода в целом, призванным объяснять простому верующему Священное Писание и призывать читателя к соответствующим поступкам. Синтаксическая конструкция «**ДАБЫ** + причастие на -л» выражает, как известно, изъяснительное значение, относящееся к сфере волеизъявления (ср. Русская грамматика 1980, 477). Принадлежность данной конструкции к текстам со сниженной нормой и, более того, к текстам языка деловой письменности (ср. Ремнева 1988; 2003; см. гл. 2.2.2.1.1) маркирована уже на морфологическом уровне употреблением в ней причастия на -л, т.о. мы имеем дело с двойной маркировкой ее принадлежности к текстам «простого» языка. Анализ употребления данной конструкции в различных подсортах текста (ср. *Таблица 18*) показал, что Тодорский использует ее с явным преимуществом в словах автора (69 употреблений, маркированы зеленым цветом) и применяет в свободных библейских цитатах (14 употреблений, маркированы синим цветом); в прямых цитатах из Библии конструкция не употребляется.

Данный результат полностью подтверждает сделанный нами на основе морфологического анализа вывод (ср. гл. 4.3.3.1) о том, что переводчик Тодорский стремился достичь «простоты» языка на уровне грамматики с помощью стратегий, характерных для создания текстов духовной литературы в России конца XVII первой половины XVIII веков, – т.е. использованием грамматических средств живого, «простого» языка в тех подсортах текста своего перевода, которые соответствуют т. наз. гибридным текстам «простого» языка со сниженной нормой. В соответствии с установками пиетистов из Галле Тодорский ставит себе целью сделать перевод текста не на стандартный церковнославянский, но на «простой», понятный любому верующему язык.

Употребление синтаксических конструкций с восточнославянскими союзами **КАКО**, **ДАЖЕ** и **КОГДА** также в словах автора и свободных библейских цитатах подтверждает еще раз сделанный вывод. Как демонстрирует *Таблица 18*, сравнительная конструкция с союзом **КАКО** используется в тексте перевода 45 раз (40 в словах автора : 5 в свободных библейских цитатах), конструкция с союзом **ДАЖЕ** – 17 раз (12 : 5) и временная конструкция с союзом **КОГДА** – один раз в словах автора.

Отсутствие в тексте перевода Тодорского конструкций с союзами **КОЛИ**, **АЖЕ**, **ОЖЕ**, **АЧЕ**, **АЛИ**, **ОЛНА**, которые характеризуют тексты со сниженной нормой (ср. Ремнева 1988; 2003; см. гл. 2.2.2.1.1), можно объяснить их преимущественно региональным употреблением в текстах великорусского происхождения.

(2) Союзная конструкция «**ДА** + презентная форма глагола» в значении передачи повелительного наклонения, рассмотренная в тексте, является принадлежностью текстов со строгой церковнославянской нормой и, таким образом, маркером текстов со строгой нормой. Эта союзная конструкция была представлена еще в ранних грамматиках Зизания (1596) и Смотрицкого (1619) и давалась там как признак грамматической нормы церковнославянского языка. В наше время данная конструкция также определяется как признак строгой церковнославянской нормы:

«знаком строгости книжно-славянской нормы, вероятно, можно считать конструкцию «**ДА** + презентная форма глагола». [...] Таким образом, значимым при характеристике

строгости книжно-славянской нормы письменности являются наличие / отсутствие конструкции «да + презентная форма глагола», соотношение использования этой конструкции и других условных конструкций в пределах церковнославянской нормы». (Ремнева 2003, 222).

Таблица 19. Союзная конструкция «да + презентная форма глагола».

14	<u>да знаютъ тебе единагѡ истиннагѡ бога</u>
25	<u>или паче, да со ꙗпостоломъ рекѹ</u>
29	<u>глаголахѹ боно неспраздникъ, данемолва бѹдетъ въ людехъ</u>
31	<u>да слово, глаголетъ, исѹсово собѹдетсѧ, еже рече, назнаменѡа кою смертию хоташе ѹмрѣти</u>
37	<u>данникакоже Ѡложиши или презриши, и даневозмниши быти</u>
69	<u>даживи бѹдемъ нмъ</u>
76	<u>дапознаютъ многозличнѹ премѹдрость божию</u>
84	<u>да послѹжатъ емѹ</u>
90	<u>Ѣа въ едино да возможешн совокѹпити</u>
98	<u>нже далъ есть себе за насъ, да избавитъ насъ</u>
103	<u>акѡ сына своегѡ единороднагѡ посла богъ въ миръ да живи бѹдемъ нмъ</u>
109	<u>акѡ да благодатию божию завѣхъ вкѹситъ смерти</u>
117	<u>вѣсте акѡ онъ ависѧ, да грѣхи наши возмез</u>
124	<u>да искѹпитъ насъ Ѡ клѡтвы законныѧ</u>
124	<u>да въ азыцѣхъ благословеніе авраамле бѹдетъ, да Ѡбѣтованіе дѹха примемъ вѣрою</u>
126	<u>Но да неотѡгощѣта приведеніемъ въ примѣръ многихъ особеннѣишихъ плодовъ страданіѧ христовѧ</u>
127	<u>да аще кто Ѡнегѡ асть, не ѹмретъ</u>
132	<u>да Ѡ имени исѹсовѣ всако колѣно поклонитсѧ</u>
151	<u>да некакѡ презрѣніемъ и ѹничиженіемъ трапезы семъ противѹ христа согрѣшиши</u>
153	<u>всакъ ѹбо нехотѡщын Ѡ истинагѡ пѹти заблѹдити, писанию свѡтомѹ да послѣдѹетъ</u>
159	<u>нже въ жити своемъ и страданн тевѣ образъ оставилъ, да послѣдѹеши стопамъ егѡ</u>
159	<u>снѧ дамѹдрствѹетсѧ въ тевѣ, еже и во христѣ исѹсѣ</u>
159	<u>такѡ даходниши, акѡже онъ ходилъ есть</u>
164	<u>да и мертвыми и живыми Ѡбладаетъ</u>
164	<u>да живѹщи нектомѹ себѣ живѹтъ</u>
168	<u>да живѹщи нектомѹ себѣ живѹтъ</u>
207	<u>да всакъ вѣрѹаи вонь не погнѣнетъ</u>
218	<u>да нмѣеши прилѣжаніе призивати бога, да поможетъ слабости твоѧ и да сотворитъ всгда болѣе и аснѣе свѣтъ истиннагѡ и неложнагѡ познаніѧ распѡтагѡ христа</u>
222	<u>да христа приѠбращѣ</u>
222	<u>ѹбо совершенны снѧ дамѹдрствѹемъ</u>

На 231 страницы текста приходится 30 форм «да + презентная форма глагола». Из них преобладают прямые библейские цитаты, их 47%, свободных цитат и слов автора по 26,5%. Данная союзная конструкция используется в тексте, в основном, в значении повелительного наклонения в контексте будущего времени, например, **даникакоже ѿложиши или презриши, и даневозмниши быти** (37), **иже въз житиї своеѣмъ и страданїи твоѣмъ образъ оставилъ, да послѣдѣши стопамъ егѡ** (159); **да испѣтитъ насъ ѿ клятвы законныѣ** (124), **да христа приѡбрати** (222). Преобладание форм в прямых цитатах (47%) говорит также о корректном употреблении этой конструкции.

4.3.3 Выводы

Лингвистический анализ перевода Тодорского позволяет сделать следующие выводы:

1) В результате лингвотекстологического анализа (с опорой на переводоведческий анализ) удалось установить, что в «русском» переводе Тодорского как сорте текста «душеспасительная литература» представлено три различных подсорта текста: «слова автора», «свободные библейские цитаты» и «прямые цитаты из Библии».

2) Системно-лингвистический анализ показал, что в каждом из подсортов текста Тодорский использует соответствующие различные языковые механизмы создания религиозных текстов, характерные для текстовой продукции в России конца XVII – первой половины XVIII века. Таким образом, «русский» язык перевода Тодорского неоднороден: в «прямых цитатах из Библии» используется стандартный церковнославянский язык строгой нормы; в «словах автора» последовательно применяется так называемый гибридный, «простой» язык со сниженной нормой, допускающий и предпочитающий введение маркированных элементов «своего» живого русского (и украинского) языка; в «свободных библейских цитатах» введение маркированных элементов живого языка тоже присутствует, что допускается, но не предпочитается в соответствии с существующей в России традицией создания религиозной текстовой продукции.

3) Результаты лингвотекстологического и системно-лингвистического анализа перевода Тодорского позволяют, таким образом, в целом опровергнуть утверждение Чижевского о том, что язык «русских» переводов Тодорского «церковнославянский украинской редакции», и уточнить это утверждение в частности (в соответствии с современными научными знаниями в области изучения истории русского «литературного» языка): отмеченные Чижевским украинизмы в переводах Тодорского на фонетико-графическом уровне как признак «украинской редакции» церковнославянского языка перевода являются лишь отражением живого произношения переводчика и используются им неосознанно и бессистемно во всех подсортах текста.

4) Напротив, результаты лингвистического анализа позволяют утверждать, что переводчик Тодорский стремился выполнить свой перевод на «простой», понятный каждому верующему, «народный» язык, как того требовали установки пиетистов из Галле, используя при этом известные ему языковые механизмы и стратегии создания соответствующих религиозных текстов в России. Это проявляется на уровне грамматики текста в сознательном и последовательном введении маркированных элементов «простого» русского языка.

5) На уровне морфологии широко используется маркантный признак живого русского языка причастие на -л (и один раз украинская форма на -в) для выражения значения прошедшего времени, что последовательно отражается не только в подсорте текста «слова автора», но и в «свободных библейских цитатах». В тексте перевода в целом формы на -л составляют больше половины всех глагольных форм прошедшего

времени; сложная церковнославянская система прошедших времен представлена только в «прямых цитатах из Библии», занимающих незначительную по объёму часть текста. Маркированный признак стандартного церковнославянского языка двойственное число представлен, напротив, крайне редко и не может считаться релевантным для языка перевода.

б) На синтаксическом уровне преимущественно и последовательно в «словах автора» и «свободных библейских цитатах» используются синтаксические конструкции «простого» русского языка с восточнославянскими союзами **когда, даже, дабы и како**. Специфическая конструкция стандартного церковнославянского языка строгой нормы «**да** + презентная форма глагола» (для передачи повелительного наклонения) значительно уступает им по частотности употребления и специализирована на подсорт текста «прямые цитаты из Библии».

7) Особенностью языка перевода Тодорского можно считать употребление им только одной из двух возможных маркированных вариативных форм – на первый взгляд церковнославянской – в случае использования инфинитива на -ти (русские формы на -ть в тексте не зафиксированы) и формы 2 лица единственного числа настоящего времени глагола на -ши (русские/украинские формы на -шь/шь в тексте также не представлены). При этом, если форму инфинитива на -ти у Тодорского нельзя считать маркированным элементом церковнославянского языка: она присуща и его родному языку – украинскому, то объяснение предпочтительного употребления им церковнославянской формы на -ши представляется затруднительным. В соответствии с содержанием текста (автор обращается к своему читателю с разъяснениями и наставлениями) формы на -ши представлены в переводе довольно высокой частотностью. Предпочтительное использование формы на -ши известно и поздним (петербургским) проповедям Тодорского.

5. Заключение и перспективы дальнейшего исследования переводов Тодорского

В ходе диссертационного исследования был впервые проведен всесторонний анализ языка перевода Симеона Тодорского **«Писанню сватомѹ согласѹющеѹ наСТАВЛЕНІЄ кз истинномѹ ПѢЗНАННЮ и дѹшеспасителномѹ оупотребленю страдания и смерти господа и спасителя нашегѹ ИСѢУСА ХРИСТА СЛѢЖЕННОЄ Анастасіємз проповѣдникомз божия слова»**, Галле 1735, (231 лист, 8°, печать; оригинал: Johann Anastasius Freylinghausen «Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkäntniß und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi», Halle 1715) как образца так называемых «русских книг» из Галле. Под этим названием («russische Drucke») основной корпус переводов Тодорского ввел в научный обиход Д.И. Чижевский в конце 30-х годов XX века (Čuževskýj 1938; 1939/40). Позднее тот же корпус он называл «украинские книги» («українські друки», Чижевський 1943). Язык переводов Тодорского, выполненных и напечатанных в Галле в 1730-е годы, Чижевский определил как «церковнославянский украинской редакции», не проводя при этом, однако, последовательного лингвистического анализа. Тем не менее благодаря авторитету ученого данное мнение о языке переводов Тодорского бытует в научных трудах и по сей день (см. Введение).

В данной работе исследовался текст, до сих пор неизученный. Достаточный объем текста (231 с.) позволяет наблюдать определенные закономерности на всем его протяжении. Для анализа были привлечены сохранившиеся экземпляры перевода в Галле, а также перевод, находящийся в Москве. Выбор именно этого текста обусловлен также тем, что он неоднороден по своему составу, т.е. состоит из нескольких подсорт текста и, таким образом, написан с применением различных техник создания текстов (см. гл. 4.4.1).

Целью нашего исследования было, помимо всестороннего лингвистического анализа перевода (см. гл. 4.3), призванного легитимировать или опровергнуть мнение Чижевского, также рассмотрение языка перевода в свете двух неравнозначных, но пересекающихся и сопоставимых дискурсов: в дискурсе распространения «истинного» христианства на «простом», народном, понятном каждому верующему языке в соответствии с «лингвистическими» установками пиетистов из Галле (см. гл. 3), и в дискурсе формирования «русского литературного языка нового типа», т.е. современного языка-стандарта, в России в первой половине XVIII века (см. гл. 2).

«Русская миссия» пиетистов из Галле во главе с Августом Германом Франке и их основная цель – распространение «истинного христианства» на «простом», понятном любому верующему языке, послужила культурным и социально-политическим «фоном» для лингвистического и текстологического анализа текста перевода. Это помогло выявить документы – письма, инструкции, законы –, многие из которых до сих пор были практически неизвестны. Важной в данном случае явилась возможность сопоставления данных документов в рамках одной работы, позволившая установить ранее неизвестные факты. Например, то, что пиетисты из Галле на протяжении более длительного времени, чем до сих пор предполагалось, находились в поисках подходящего переводчика пиетистской душевспасительной литературы на русский язык и ее редактора. Все эти поиски, которые начались задолго до приезда Тодорского в Галле – вероятно, непосредственно после покупки кириллического шрифта Лудольфом – можно проследить по переписке немецких миссионеров из России с Франке. Большое значение имеют при этом письма, цитируемые в ныне незаслуженно забытых статьях историка Вочке (Wotschke 1930), упоминание о которых у других авторов не встречается. Вочке также много писал (подкрепляя свои утверждения письмами Франке и его сотрудников) о проекте галльских пиетистов перевода Библии на русский язык, в котором они были очень заинтересованы. Важным для нашего исследования оказался документ (автор которого неизвестен), обнаруженный нами в архиве А.Г. Франке в Галле и хранящийся там по сей день, „Gedanken über die Bibelübersetzung“, являющийся своего рода инструкцией для перевода религиозной литературы (см. гл. 3.1).

Положительным результатом «русской миссии» пиетистов из Галле стало распространение «русских» переводов, напечатанных в Галле, в России. Об этом свидетельствуют многочисленные экземпляры переводов, хранящиеся сегодня в библиотеках Москвы и Петербурга, сохранившие соответствующие пометы об их рецепции, несмотря на изданный при Елизавете Петровне указ от 9 декабря 1743 года об изъятии «русских» переводов из Галле из продажи и запрет на производство подобной литературы без разрешения Священного Синода.

Сравнение текста перевода Тодорского с оригиналом Фрайлингхаузена (см. гл. 4.2) показало, что русское название перевода **«Писанію святому согласующееся ПИСТАВЛЕНІЄ къ истинному ПОВЗНАНІЮ и душевспасительному употребленію страдания и смерти господи и спасителя нашего ИСХУСА ХРИСТА СЛЪЖЕННЦЕ Анастасіемъ проповѣдникомъ божиа слова»** в целом соответствует форме, принятой в России того времени (начало XVIII века) для называния произведений религиозной душевспасительной литературы, когда указывалось только имя автора (Анастасий) без его фамилии.

По содержанию перевод выполнен очень близко к тексту оригинала. Библейские цитаты из «русской» библии в тексте перевода соответствуют библейским цитатам из немецкой библии в тексте оригинала, указания на главы, из которых приводятся цитаты, тоже сохраняются. Более важная информация, выделенная в тексте оригинала другим шрифтом (цитаты, фамилии, основная мысль в каком-либо абзаце), выделена также и в тексте перевода, но иначе: при помощи интерпунктуации (двоеточие,

восклицательный знак), или при помощи повторов. В общем текст перевода имеет более упрощенную структуру для понимания смысла, что в оригинале представлено не всегда. В сделанном на языковом уровне с большой точностью переводе Тодорского не просматривается немецкая структура текста. Текст перевода читается, как оригинал, изначально написанный на «русском» языке.

Внешняя форма перевода не соответствует форме оригинала, что продиктовано, вероятно, тем, на какого адресата был рассчитан текст. Текст как оригинала, так и перевода поделен на абзацы, но нумерация абзацев в переводе отсутствует, равно как и вопросы на полях, за которыми следуют ответы – само содержание текста.

Имена собственные, цитаты и сноски на произведения, имеющие отношение к церковной или религиозно-культурной сфере Западной Европы в текст перевода включены не были. Решением при этом было либо полное отсутствие абзаца в переводе (абз. 47 оригинала), либо умолчание фамилий (таких, как Франке, Лютер, Арндт и др.), либо замена имен на общие фразы (М. Лютер «переводится» как «некий учитель», абз. 296). Исключением стала фамилия Фауста Социни, руководителя религиозного течения, известного в Польше и Западной Украине, оставленная переводчиком в тексте, правда, без дополнительных объяснений (абз. 48).

Таким образом, текст перевода был адаптирован для православного читателя: вся информация оригинала, касающаяся читателя-католика или протестанта, а также человека, вообще проживающего в Западной Европе и знакомого с такими именами, как Франке, Лютер или Арндт, была удалена при переводе.

Приведенные выводы подтверждают тот факт, что «русский» перевод Тодорского предназначался православным читателям, а не немецким поселенцам, живущим в России, как гласила официальная легенда пиетистов из Галле. На это указывал в своих работах еще Чижевский (Čiževský 1938; 1939).

Распространение в ходе «русской миссии» пиетистов из Галле переводов Тодорского в России, рассчитанных по форме и содержанию, как удалось установить, на рецепцию их русским православным читателем (и реципированных последним) позволяет сделать вывод о возможном влиянии и роли языка переводов Тодорского, выполненных в Галле, в дискурсе формирования «русского литературного языка нового типа» в первой половине XVIII века. Следует также отметить, что реципирован текст был в первую очередь среди тех людей, кто занимался подобной литературой – прежде всего, это были люди, имеющие отношение к церкви – монахи, священники и др. служители церкви.

Для описания феномена «русского литературного языка нового типа» в предлагаемом диссертационном исследовании была впервые применена трехступенчатая модель описания стандартного языка (*Standardsprache*), разработанная П. Редером (1995) на основе описания формирования новых современных стандартных языков в южно-славянском языковом пространстве (см. гл. 1). Применение данной модели для описания языковой ситуации в России в первой трети XVIII века охарактеризовало себя не только весьма продуктивным, но и высоко эффективным и позволило более детально подойти к анализу дискурса формирования «русского литературного языка нового типа»: реформы Петра I обеспечили государственно-политический уровень для создания языка-стандарта (третья ступень) и предоставили тем самым импульсы и основу для социокультурного уровня (вторая ступень) формирования нового русского стандартного языка. Здесь на базе имеющихся вариантов письменного языка – в частности, церковнославянского языка и русского языка делового общения –, ведутся поиски новой языковой формации и формируются ее нормы, окончательно закрепляемые позже на социолингвистическом уровне (первая ступень). При этом важную роль играют религиозные тексты «простого» гибридного языка и тексты переводов с западноевропейских языков. Именно в свете данных

составляющих дискурса возможно определение роли «русских» переводов Тодорского, выполненных в Галле, и предполагаемого влияния представленных в них языковых решений на формирование русского стандартного языка, т.е. «русского литературного языка нового типа».

Лингвистический анализ перевода Тодорского (см. гл. 4.3) показал, что «русский» язык, которым пользовался переводчик, в принципе, не отвечает прямолинейно «лингвистическим» установкам пиетистов из Галле – перевод не был сделан на «народный» русский язык первой трети XVIII века, современный конфигурантам дискурса. Однако, текст перевода в целом воспринимается как более «простой» для чтения и понимания по сравнению с немецким оригиналом Фрайлингхаузена. Тогда как оригинал близок по содержанию к современным ему научным трудам – автор часто ссылается на известных авторитетов в религии и науке, подкрепляя свои утверждения тем самым не только цитатами из Библии –, «русский» перевод Тодорского представляет собой вневременную задушевную беседу некоего мудреца с читателем – о Боге, о грехе, о наказании и прощении –, что достигается не только за счет устранения личных имен современных для XVIII века авторов. В результате исследования удалось установить, что однородному в языковом плане оригиналу Фрайлингхаузена, написанному на немецком языке того времени (верхне- и средненемецкий диалект XVIII века – *Ober- und Mitteldeutsche Mundart*²⁵⁰), противостоит гетерогенный в плане языка «русский» перевод Тодорского. Перевод текста, относящегося к душевспасительной литературе, на «народный» русский язык не соответствовал политической и культурно-языковой ситуации в России в первой трети XVIII века, где языком подобных текстов был церковнославянский. Переводчик Тодорский не стал радикальным новатором в области русского языка в смысле идеи Лютера, переведшего в 1522²⁵¹ году Библию с латинского на немецкий язык, и опирающихся на эту идею «лингвистических» установок пиетистов. «Простота» языка, необходимая для распространения «истинного» христианства в соответствии с концепцией пиетистов из Галле, «русского» перевода Тодорского достигается с помощью механизмов и стратегий, применяемых в языковой ситуации в России конца XVII – первой половины XVIII века. Наше исследование показало, что в тексте «русского» перевода Тодорского присутствуют три подсорта текста, где используются различные языковые стратегии в соответствии с необходимостью передать определенные части содержания оригинала: «слова автора» (выделены зеленым цветом в работе), «свободные библейские цитаты» (выделены синим цветом) и «прямые цитаты из Библии» (выделены красным цветом). Цветовая маркировка значительно облегчила работу с текстом при проведении системно-лингвистического анализа. В «прямых цитатах из Библии» используется стандартный церковнославянский язык строгой нормы; в «словах автора» последовательно применяется так называемый гибридный, «простой» язык со сниженной нормой, допускающий и предпочитающий введение маркированных элементов «своего» живого русского (и украинского) языка; в «свободных библейских цитатах» введение маркированных элементов живого языка тоже присутствует, что допускается, но не предпочитается в соответствии с существующей в России традицией создания религиозной текстовой продукции.

Именно использование стандартного церковнославянского языка строгой нормы в «прямых цитатах из Библии» и употребление церковнославянского в «свободных библейских цитатах», особенно на уровне лексики, повлекло за собой критику близких пиетизму современников Тодорского, определяющих язык его переводов как недостаточно русский, а более церковнославянский (см. высказывание Селиуса у: Winter 1953, 414), и позволило исследователю «русских книг» из Галле Д.И.

²⁵⁰ См. Besch 2014.

²⁵¹ Точнее, Мартин Лютер переводил Новый и Ветхий Заветы с 1521 по 1534 гг..

Чижевскому утверждать, что Тодорский сделал свои переводы на «церковнославянский украинской редакции».

Проведенный впервые всесторонний лингвистический анализ языка одного из переводов Тодорского (второго по объёму) позволяет опровергнуть данные поверхностные утверждения. Напротив, результаты лингвистического анализа приводят к выводу, что переводчик Тодорский сознательно стремился выполнить свой перевод именно на «простой», понятный каждому верующему язык (как того требовали представления пиетистов из Галле), используя при этом известные ему языковые механизмы и стратегии создания соответствующих религиозных текстов в России. Только данный «лингвистический» подход мог обеспечить широкую рецепцию переводов русским православным читателем, для которого они создавались. Радикальная смена языка (на народный русский) вызвала бы у читателя скорее отторжение и недоверие к тексту, чем поставила бы под угрозу восприятие самой идеи распространения «истинного» христианства, которую стремился донести переводчик. «Простота» языка достигается в соответствии с известной в российском языковом дискурсе первой трети XVIII века стратегией на уровне грамматики текста в сознательном и последовательном введении маркированных элементов «простого» русского языка.

В ограниченных рамках диссертационного исследования проверялось наличие в тексте только важнейших маркированных признаков «простого» русского versus стандартного церковнославянского языка.

Результаты лингвистического анализа показали, что на уровне морфологии переводчик Тодорский широко использует самый маркантный признак живого русского языка причастие на -л (и один раз украинскую форму на -в: **пришовз**) для выражения значения прошедшего времени. Это последовательно отражается не только в подсорте текста «слова автора», где введение элементов живого языка в соответствии с известными в России механизмами создания религиозных текстов не только допускалось, но и предпочиталось, но и в «свободных библейских цитатах», где оно лишь допускалось, но не предпочиталось. В тексте перевода преобладают в целом формы на -л и составляют более половины всех глагольных форм прошедшего времени; сложная церковнославянская система прошедших времен отражена преимущественно в «прямых цитатах из Библии», занимающих незначительную по объёму часть текста.

В процентном отношении проанализированные формы прошедшего времени представлены следующим образом: 56% всех форм прошедшего времени составляют причастия на -л, 19% формы аориста, 12% формы имперфекта, 10% формы перфекта и 3% формы плюсквамперфекта. Распределение глагольных форм прошедшего времени наглядно демонстрируют диаграммы 1-9, гл. 4.3.2.2.1.

Показательная доля использования причастий на -л (56%) в качестве формы прошедшего времени является маркантным признаком гибридного, «простого» языка (языка текстов со сниженной нормой). Из этого следует, что переводчик на уровне морфологии глагола в целом тяготел к созданию текста не на стандартном церковнославянском, а на «простом» языке. При этом, учитывая постулат пиетистов из Галле о распространении «истинного христианства» на «простом», понятном каждому верующему, «народном» языке, он использовал стратегии создания текстов, характерные для дискурса формирования русского литературного языка нового типа в России в первой трети XVIII-го века, о чем свидетельствует детальный анализ употребления форм прошедшего времени в каждом из трех подсортов текста, представленных в переводе.

Стремление переводчика к созданию в целом текста-перевода на «простом» языке с помощью использования грамматического признака форм на -л ярко проявляется также

в том, что он вводит эти формы и при переводе свободных библейских цитат, т.е. в подсорте текста, принципиально не запрещающем (но и не предпочитающем) употребление глагольных форм прошедшего времени из «простого» языка. При этом Тодорский использует «обратный» механизм пересчета, заменяя формы аориста и имперфекта формами на -л.

В подсорте текста «прямые цитаты из Библии» формы на -л из «простого» языка отсутствуют в соответствии с практикой создания текстов стандартного церковнославянского языка со строгой нормой. Хотя и здесь предпочтение отдается наиболее «понятным и простым» церковнославянским формам прошедшего времени – формам аориста, которые составляют 61% всех зафиксированных в этом подсорте текста претеритальных форм. В целом подсорт текста «прямые цитаты из Библии» корректно отражает сложную систему прошедших времен стандартного церковнославянского языка.

Как показывают диаграммы 1-9 (см. 4.3.2.2.1), все четыре церковнославянские формы прошедшего времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект) присутствуют также в свободных библейских цитатах и в словах автора, что, в принципе, не противоречит стратегии создания текстов данного типа. С учетом того, что количество этих форм, особенно сложных прошедших времен перфекта и плюсквамперфекта, а также имперфекта, по сравнению с зафиксированными формами на -л в тексте перевода в целом незначительно, наш вывод о том, что переводчик Тодорский стремился создать текст не на церковнославянском (ср. Šyževskýj 1939), а на «простом» языке, сознательно используя маркированный грамматический признак форм на -л/-в, не подвергается сомнению. Этот вывод релятивируется, кроме того, общими данными по фиксации форм прошедшего времени в тексте перевода в целом: они отмечены, в основном, в словах автора, где формы на -л преобладают. Приоритетное употребление переводчиком Тодорским определенных форм прошедшего времени в определенных подсортах текста подтверждают также приведенные примеры (см. гл. 4.3.2.2.1).

Маркированный признак стандартного церковнославянского языка двойственное число представлен, напротив, крайне редко и не может считаться релевантным для языка перевода. На синтаксическом уровне преимущественно и последовательно в «словах автора» и «свободных библейских цитатах» используются синтаксические конструкции «простого» русского языка с восточнославянскими союзами **когда**, **даже**, **дабы** и **как**. Специфическая конструкция стандартного церковнославянского языка строгой нормы «**да** + презентная форма глагола» значительно уступает им по частотности употребления и специализирована на подсорт текста «прямые цитаты из Библии» (47%). Преобладание форм в прямых цитатах говорит также о корректном употреблении этой конструкции.

Отмеченные Чижевским украинизмы присутствуют только на фонетико-графическом уровне, где являются отражением живого произношения переводчика; их неосознанное и бессистемное использование отмечается во всех подсортах текста.

Время и цель создания «русских» переводов Тодорского обусловлены не только религиозной и миссионерской деятельностью пиетистов из Галле, включавшей в себя «лингвистическую программу» распространения «истинного христианства» на «простом», понятном всем верующим языке, инициирующую создание соответствующих текстов как на немецком, так и на языках переводов, изготовлявшихся с миссионерскими целями. Это – время поисков «русского литературного языка нового типа» (языка-стандарта) и процесса его формирования в России. В этой связи «русские» переводы Тодорского, выполненные в Галле и консолидирующие синергетику обоих дискурсов, представляет несомненный

лингвистический интерес как возможный вклад переводов немецкой душевспасительной литературы в формирование «русского литературного языка нового типа».

Проведенное лингвистическое исследование пока только одного текста Тодорского показало, что переводчик использовал известные ему механизмы и стратегии создания религиозной текстовой продукции, принятые в языковой ситуации в России конца XVII – первой половины XVIII века, оказавшиеся продуктивными при создании русского стандартного языка. Тем не менее уже в данном тексте были обнаружены особенности нормы языка переводов Тодорского, в частности, предпочтительное использование только одной из двух возможных вариативных форм – инфинитива на -ти и формы второго лица единственного числа настоящего времени на -ши. Дискуссия о кодификации формы инфинитива на -ти или -ть (с победой последней) в русском языке-стандарте продолжалась, как известно, на протяжении почти всего XVIII века. Более детальное исследование всех маркированных релевантных признаков «простого» русского и стандартного церковнославянского языка, а также употребление других допустимых вариативных форм в «русских» переводах Тодорского, не получивших освещения в ограниченных рамках диссертации, с их последующим сравнением с употреблениями в оригинальных текстах и переводах, выполненных в России в первой половине XVIII века, открывает перспективы для дальнейших исследований переводов Тодорского и позволяет ожидать продуктивных результатов.

Применение специально созданной в ходе нашего исследования методики распознавания текста при помощи компьютерной программы позволит в перспективе подвергнуть текстологическому и лингвистическому анализу все «русские» переводы Тодорского, выполненные в Галле, с целью выявления их языковых особенностей и создания полной электронной базы данных по переводам Тодорского.

В случае подтверждения нашего предположения о том, что Тодорский использовал во всех своих «русских» переводах языковые стратегии «простого» языка, обнаруженные в проанализированном в настоящем исследовании переводе – имеющиеся труды дают основания утверждать, что и другие его переводы из Галле были рассчитаны на православного читателя (Менгел/Челбаева 2003; Reichelt 2011) –, можно будет говорить уже о создании серии переводов немецкой пиетистской душевспасительной литературы для русского читателя, в которых переводчик преследовал цель создания понятных для простых верующих текстов на «простом» языке. Для изучения степени их рецепции в России необходимо привлечь все хранящиеся там в библиотеках и еще мало изученные экземпляры. Особенно это касается библиотек Санкт-Петербурга, где имеются все «русские» переводы Тодорского, а перевод «Четырех книг об истинном Христианстве» Арндта сохранился даже в нескольких десятках экземпляров. Он имеется в нескольких экземплярах, содержащих ценные пометы, и в библиотеках Киева.

Для сравнительного анализа необходимо привлечь подобные оригинальные произведения, созданные в России в XVIII веке. Таким произведением может стать, например, «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича (1720) – букварь, написанный им для обучения и воспитания детей. Указанный текст также, как и наше произведение, связан с религией и со светской жизнью. Ценными представляются также поздние произведения самого Тодорского, написанные им при дворе Елизаветы I Петровны Романовой (Живов 1996; 2004; Кислова 2007; 2008а; 2008б; 2011).

Полная дигитализация «русских книг» из Галле с помощью распознавания шрифта, как это было сделано в ходе нашего исследования, поможет сохранить имеющиеся тексты в электронном виде, так как многие книги находятся в ветхом состоянии и продолжают разрушаться. Издание этих текстов сделает их доступными для ознакомления и исследования не только в Германии, но и в других странах, в том числе

и в России, где лингвистическая деятельность Тодорского как переводчика практически неизвестна и никогда не изучалась.

6. Список литературы

Allgemeine 1877: L. v. Ranke u.a. (Hrsg.): Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 7, Leipzig.

Amburger 1961: E. Amburger: Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart.

Baum 1987: R. Baum: Hochsprache, Literatursprache, Schriftsprache. Darmstadt.

Baumann 1958: H. Baumann: Hiob Ludolfs Anteil an den deutsch-russischen Beziehungen im 17. Jahrhundert und seine Bedeutung für die Entwicklung der slawischen Philologie und der Rußlandkunde in Deutschland. In: E. Winter u.a. (Hrsg.): Die deutsch-russische Begegnung und Leonard Euler. Berlin, 86-93.

Baumann 1964: H. Baumann: Die erste in deutscher Sprache gedruckte Russischgrammatik. In: H.H. Bielfeldt (Hrsg.): Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Berlin, 183-191.

Baumann 1973: H. Baumann: V.E. Adodurovs Bedeutung für die Entwicklung der russischen Literatursprache. In: Zeitschrift für Slawistik, 646-652.

Besch 2014: W. Besch: Luther und die deutsche Sprache: 500 Jahre deutsche Sprachgeschichte im Lichte der neueren Forschung. Berlin.

Bense 2001: G. Bense: „Giedojam taw – Wir singen dir“. Zur Textgeschichte der preußisch-litauischen Gesangbücher im 18. Jahrhundert. Frankfurt / Main.

Benz 1936: E. Benz: A.H. Francke und die deutschen evangelischen Gemeinden in Russland. Auslandsdeutschtum und evangelische Kirche. Jahrbuch 1936, 143-191.

Benz 1954: E. Benz: Die Beziehungen des August-Hermann-Francke-Kreises. In: M. Vasmer (Hrsg.): Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag am 23. März 1954. Berlin, 76-100.

Bielfeldt 1956: H.H. Bielfeldt (Hrsg.): Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Gesammelte Aufsätze. Berlin.

Bossong 2008: G. Bossong: Die romanischen Sprachen. Eine vergleichende Einführung. Hamburg.

Bräuer 1982: H. Bräuer u.a. (Hrsg.): Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland. Teil I. Berlin.

Brentjes 1983: B. Brentjes: Reformation und Pietismus in Wittenberg und Halle und die Nationalsprachen des Ostens. In: B. Brentjes, B. Thaler (Hrsg.): Reformation und Nationalsprachen. Halle (Saale), 3-30.

Brozović 1970: D. Brosović. Standardni Jezik. Zagreb.

Bykova 1966: T.A. Bykova: Über in Halle gedruckte slawische Bücher. In: W. Steinitz, P.N. Berkov u.a. (Hrsg.): Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 262-267.

- Bußmann 1990: H. Bußmann: Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart.
- Cocron 1966: Fr. Cocron: Morphologische Betrachtungen zu den russischen Grammatiken H.W. Ludolfs und E. Kopijewitz'. In: Wiener slavistisches Jahrbuch XIII, 114-122.
- Čyževskyj 1938: D. Čyževskýj: Die „Russischen Drucke“ der Hallenser Pietisten. In: Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas. 3. Band, 56-74.
- Čyževskyj 1939: D. Čyževskýj: Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien. In: Zeitschrift für slavische Philologie, Band XVI, 16-71, 153-157.
- Čyževskyj 1939/40: D. Čyževskýj: Zu den Beziehungen des A.H. Francke-Kreises zu den Ostslaven. In: Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas. 5. Band, 286-310.
- Čyževskyj 2004: Dmytro Čyževskyj. Osobnost a dílo. Sborník z mezinárodní konference k 25. výročí úmrtí. Praha.
- De Saussure 1967: F. de Saussure: Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin.
- Đurovič 1975: Ľ. Đurovič (Hrsg.): SLAVICA LUNDENSIA 3 (p). Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund.
- Đurovič/Sjöberg 1987: L. Đurovič, A. Sjöberg: Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка. В: Russian Linguistics 11, 255-287.
- Đurovič 1997: Ľ. Đurovič: Издание фрагмента грамматики Й.Э. Глюка 1704 г. В: Russian linguistics 1-3, № 21, 79-88.
- Eichler 1956: E. Eichler: Joachim Christoph Stahl und seine slawistischen Studien. In: Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Gesammelte Aufsätze. Berlin, 233-238.
- Ferguson 1959: C.A. Ferguson: Diglossia. In: Word, vol. 15, 232-251.
- Fishman 1972: J.A. Fishman: Language in Sociocultural Change. Stanford.
- Fishman 1975: J.A. Fishman: Soziologie der Sprache: eine interdisziplinäre sozialwissenschaftliche Betrachtung der Sprache in der Gesellschaft. München.
- Fleckenstein/Schmidt 1997: Ch. Fleckenstein, H. Schmidt: Beiträge zur Geschichte der Slawistik an der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Halle-Wittenberg.
- Fleckenstein 2000: Ch. Fleckenstein: Nochmals zu den slawischen Arbeiten des Franckekreises. Eine Hypothese. In: S. Mengel (Hrsg.): Zu Ehren von Dietrich Freydank. Münster, 41-55.
- Forstreuter 1938: K. Forstreuter: Preußen und Rußland im Mittelalter. Die Entwicklung ihrer Beziehungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Königsberg (Pr) / Berlin.
- Freydank 1984: D. Freydank: Reviews. In: Russian Linguistics 8, 313-325.

- Freydank 1993: D. Freydank: Beobachtungen zur Sprache von Todorskijs Übersetzung der „Vier Bücher vom wahren Christentum“ von Johann Arndt, Halle 1735. In: Tausend Jahre Taufe Rußlands. Rußland in Europa. Leipzig, 325-331.
- Fundaminski 2001: M. Fundaminski: Caspar Matthias Rodde als Übersetzer und Verbindungsmann zwischen Halle und Russland. In: R. Lächele (Hrsg.): Das Echo Halles. Kulturelle Wirkungen des Pietismus. Tübingen, 359-374.
- Glück 2002: H. Glück: Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin.
- Großer Aufsatz 1704/1962: O. Podczeck (Hrsg.): August Hermann Franckes Schrift über eine Reform des Erziehungs- und Bildungswesens als Ausgangspunkt einer geistlichen und sozialen Neuordnung der Evangelischen Kirche des 18. Jahrhunderts. Der Grosse Aufsatz. Mit einer quellenkundlichen Einführung. Berlin 1962.
- Glück/Polanska 2005: H. Glück / I. Polanska: Johann Ernst Glück (1654-1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden.
- Günther 1960: K. Günther: Slawische Handschriften in Deutschland. In: Zeitschrift für Slawistik, № 1-4, 317-355.
- Günther 1963: K. Günther: Литературный язык – Literatursprache, Hochsprache, Schriftsprache? In: Zeitschrift für Slawistik, 8, 77-79.
- Guski, Kosny 1997: A. Guski, W. Kosny (Hrsg.): Sprache – Text – Geschichte. München.
- Gutschmidt 1993: K. Gutschmidt: Die Ausgestaltung der slawischen Schriftsprachen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts und Beginn des 20. Jahrhunderts – die Rolle der Sprachwissenschaft. In: Zeitschrift für slavische Philologie LIII 1, 1-93.
- Haarmann 1976: H. Haarmann: Grundzüge der Sprachtypologie: Methodik, Empirie und Systematik der Sprachen Europas. Stuttgart.
- Handbuch 1984: H. Jachnow (Hrsg.): Handbuch des Russisten. Wiesbaden.
- Hill 1988: P. Hill: Remarks on the concepts of standard language and dialect. In: P. Hill, V. Lehmann (ed.): Standard language in the slavic world. München, 24-32.
- Hinrichs 1971: C. Hinrichs: Preußentum und Pietismus. Der Pietismus in Brandenburg-Preußen als religiös-soziale Reformbewegung. Göttingen.
- Hüttl-Folter 1980: G. Hüttl-Folter: Zur Sprache der Nestorchronik: Russischkirchenslawisch-alt russische lexikalische Wechselbeziehungen. In: Zeitschrift für slavische Philologie. Band XLI, 34-57.
- Issatschenko 1975: A.V. Issatschenko: Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache. Wien.
- Issatschenko 1980: A.V. Issatschenko: Geschichte der russischen Sprache. Band I-II. Heidelberg.

Janson 1975: B. Janson: К истории учебников и словарей русского языка в западной Европе. В: L. Ďurovič (Ed.): Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 87-110.

Keipert 1984: H. Keipert: Geschichte der russischen Literatursprache. In: H. Jachnov (Hrsg.): Handbuch des Russisten: Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen. Wiesbaden, 444-481.

Keipert, Uspenskij, Živov 1994: H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov (Hrsg.): Grammatik der russischen Sprache: (1704) / J.E. Glück. Köln.

Keipert 1997: H. Keipert: Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. als hallischer Druck. In: Zeitschrift für Slavische Philologie 56, 158-180.

Keipert/Huterer 2002: H. Keipert, A. Huterer (Hrsg.): Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München.

Keipert 2003: H. Keipert: J.W. Paus und die russische Grammatikographie vor Lomonosov. В: Zeitschrift für Slawistik № 3, 292-303.

Keipert 2006: H. Keipert: Das Russisch-Lehrwerk von Jacob Rodde. Zur Kenntnis der russischen Sprache im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. In: D. Dahlmann (Hrsg.): Die Kenntnis Russlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert: Wissenschaft und Publizistik über das russische Reich. Göttingen, 85-110.

Kirchner 1956: P. Kirchner: Drei Hallesche ukrainisch-kirchenslawische Drucke aus den Jahren 1734/1735. Eine sprachhistorische Untersuchung. In: J. Tetzner u.a. (Hrsg.): Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten: Gesammelte Aufsätze. Berlin, 210-232.

Kloss 1978: H. Kloss: Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. Düsseldorf.

Koch 2007: Ch. Koch: Der Einfluss des Griechischen auf die slavischen Sprachen. In: Zeitschrift für Slawistik № 2, 178-188.

Koester-Thoma 1996: S. Koester-Thoma: Die Lexik der russischen Umgangssprache. Berlin.

Korb 1968: G. Korb (Hrsg.): Tagebuch der Reise nach Russland von Johann Georg Korb.²⁵² Graz/Austria.

Kretschmer 1989: A. Kretschmer: Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums). München.

Kühne 1983: H. Kühne: Die erste Bibelübersetzung ins Lettische durch Ernst Glück. In: B. Brentjes, B. Thaler (Hrsg.): Reformation und Nationalsprachen. Halle (Saale), 83-106.

Lammel 1956: B. Lammel: Der russlandhandel der Franckeschen Stiftungen im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts. In: H.H. Bielfeldt (Hrsg.): Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 157-192.

²⁵² Латинский оригинал: „Diarium itineris in Moscoviam“ был издан в 1700 году в Вене.

Lehmann 1955: A. Lehmann: Es begann in Tranquebar. Die Geschichte der ersten evangelischen Kirche in Indien. Berlin.

Lehmann-Carli 1994: G. Lehmann-Carli: Aufklärungsrezeption, "prosvěšćenie" und "Europäisierung": Die Spezifik der Aufklärung in Rußland (II). In: Zeitschrift für Slawistik, № 3, 358-382.

Lindauer-Huber/Lindner 2011: R. Lindauer-Huber, A. Lindner (Hrsg.): Joachim Justus Breithaupt (1658-1732). Aspekte von Leben, Wirken und Werk im Kontext. Stuttgart.

Martini Lipenii 1682: M. Martini Lipenii: Bibliotheca Realis Philosophica. Omnium materiaram, rerum & titulorum. Francofurti ad Moenum, Anno M DC LXXXII.

Matrikel I / 1960: F. Juntkei (Hrsg.): Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Teil I (1690-1730), Halle (Saale).

Matrikel II / 1994: Ch.L. Preuß (Hrsg.): Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Teil II (1730-1741), Halle (Saale).

Mengel 1993: S. Mengel: Kontinuität und Entwicklung der altkirchenslawischen Wortbildungsnorm in der sprachlichen Situation des alten Russland (11.-17. Jh.). In: Zeitschrift für Slawistik № 3, 333-345.

Mengel 1995: S. Mengel: Normierungsprozesse auf der Wortbildungsebene in kyrillomethodianischen Übersetzungen. In: W. Gladrov (Hrsg.): Das Russische in seiner Geschichte, Gegenwart und Literatur. München, 10-23.

Mengel 1998a: S. Mengel: Besonderheiten der Schrift- und Standardsprache(n) im Ostslavischen (unter spezieller Berücksichtigung der Normierungstendenzen). In: H. Jelitte (Hrsg.): Slavische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998, Sonderdruck. Berlin, 131-144.

Mengel 1998b: S. Mengel: Literatursprache – Standardsprache – Schriftsprache. Zur Klärung der Terminologie (am Beispiel der Geschichte der russischen Sprache). In: S. Mengel, A. Richter (Hrsg.): Die russische Literatursprache des 18.-20. Jahrhunderts. Halle (Saale), 115-127.

Mengel 1998c: S. Mengel: Variabilität als Übersetzungsprinzip. In: Florilegium Slavicum, Sonderdruck. Frankfurt am Main, 165-175.

Mengel 2000: S. Mengel: „Russische“ Übersetzungen hallescher Pietisten: Simeon Todorskij, 1729-1735. In: S. Mengel (Hrsg.): **МЫСЛИЩО СВОБОДНО ИМЕНЬМЪ И ПРАВОМЪ**. Zu Ehren von Dietrich Freydank. Münster, 167-187.

Mengel 2003: S. Mengel: Übersetzungsprojekte hallischer Pietisten zu Beginn des 18. Jhs. auf dem Hintergrund der sprachpolitischen Diskussion um die neuere russische Literatursprache. Zeitschrift für Slawistik 48/3, 304-322.

Mengel 2004: S. Mengel: „Die einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“. In: V. Lehmann, L. Udolph (Hrsg.): Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. München, 233-241.

Mengel 2005: S. Mengel: Pietistische Lieder für Russland? (Über den "Anhang" zum russischen halleschen Druck des A.H. Franckes "Kleinen Katechismus" und eine Ergänzung im Titel des Letzteren). In: W. Gladrow (Hrsg.): Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia. Festschrift für Erika Günther. Frankfurt am Main, 61-69.

Mengel 2007: S. Mengel: „Von Gott [...] dem Rußlan zudedacht“ – ein neuer Archivfund und einige Bemerkungen über J.E. Glück. In: W. Gladrow, D. Stern (Hrsg.): Beiträge zur slawischen Philologie. Festschrift für Fred Otten. Frankfurt am Main, 109-119.

Mengel 2008a: S. Mengel: Die erste russische Übersetzung aus Halle: Ihr Autor und sein Sprachkonzept. In: A. Nagórko u.a. (Hrsg.): Sprache und Gesellschaft. Festschrift für W. Gladrow. Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 33. Frankfurt am Main.

Mengel 2008b: S. Mengel: Durch Reformation zur Sprachreform? Ein unbekanntes Idiom der neueren russischen Literatursprache. In: Die Welt der Slaven, Band 32, Sonderdruck. München, 245-261.

Mengel 2010: S. Mengel: „Anmerckungen über die russischen Frag=stücken“ – ein Dokument aus Halle und sein Autor. In: Chr. Schiller, M. Grudule (Hrsg.): Mach dich auf und werde Licht – Celies nu, topi gaišs. Internationale Tagung anlässlich des 300. Todestages von Johann Ernst Glück (1654-1705) vom 10. Bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale). Wiesbaden, 237-263.

Mengel / Schorch 2011: S. Mengel, S. Schorch: Die *Harmonia vocum hebræarum cum Slavonicis rutenicis et polonicis* von Simon Todorskij: Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert. In: A. Briskina-Müller u.a. (Hrsg.): Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Berlin-Münster-Wien, 85-102.

Miersemann 2004: W. Miersemann (Hrsg.): Johann Anastasius Freylinghausen: (1670 Gandersheim – 1739 Halle). Lebenslauf eines pietistischen Theologen und Gesangbuchherausgebers. Halle (Saale).

Mietzschke 1941: A. Mietzschke: Heinrich Milde. Ein Beitrag zur Geschichte slavistischen Studien in Halle. Leipzig.

Ohnheiser 1985: I. Ohnheiser: Schlözers „Russische Sprachlehre“. In: Zeitschrift für Slawistik 30, 544-554.

Panzer 1991: B. Panzer (Hrsg.): Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Frankfurt am Main.

Paul 2014: M. Paul: Johann Anastasius Freylinghausen als Theologe des hallischen Pietismus. Halle (Saale).

Reallexikon 2007: K. Weimar u.a. (Hrsg.): Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. 3. neubearb. Auflage, Bd. 1. Berlin.

- Rehder 1986: P. Rehder: Thesen zum Problem sprachlicher Norm. In: R. Rathmayr (Hrsg.): Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Innsbruck vom 10. bis 12. September 1985. München, 213-220.
- Rehder 1995: P. Rehder: Standardsprache. Versuch eines dreistufigen Modells. In: Die Welt der Slaven, 40, 352-366.
- Rehder 1998: P. Rehder (Hrsg.): Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt.
- Reichelt 2011: S.G. Reichelt: Johann Arndts „Vier Bücher von wahrem Christentum“ in Russland: Vorboten eines neuzeitlichen interkulturellen Dialogs. Leipzig.
- Rösel 1964: H. Rösel: Beiträge zur Geschichte der Slawistik an den Universitäten Halle und Leipzig im 18. und 19. Jahrhundert. Heidelberg.
- Šachmatov, Shevelov 1960: A. Šachmatov, G.Y. Shevelov: Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden.
- Salomies 1936: I. Salomies: Der Hallesche Pietismus in Russland zur Zeit Peters der Grossen. Helsinki.
- Saussure 1967: F. de Saussure: Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin.
- Schmücker-Breloer 2001: M. Schmücker-Breloer: Grammatica Russica Hamburgensis. Köln-Weimar-Wien.
- Schuldes 2003: S. Schuldes: Netzwerke des Buchhandels. Buchexport aus der Buchhandlung des Waisenhauses (Halle/Saale) in die protestantische Diaspora in Russland. Erlangen-Nürnberg.
- Simmons 1950: J. Simmons: H.W. Ludolf and the Printing of his Grammatica Russica at Oxford in 1696. In: Oxford slavonic papers, Band I, 104-129.
- Sjöberg 1975: A. Sjöberg: Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и „Alfabetum Rutenorum“). In: L. Đurovič (Ed.): Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 9-28.
- Smotryckyj 1619/1979: M. Smotryckyj: Hrammatyky slavenskija pravylnoe syntahma. Kiev.
- Smal-Stozkyj 1913: S. von Smal-Stozkyj: Ruthenische Grammatik. Berlin und Leipzig.
- Tetzner 1955: J. Tetzner: H.W. Ludolf und Russland. Berlin.
- Unbegaun 1959: B.O. Unbegaun (ed.): Henrici Wilhelmi Ludolfi. Grammatica Russica. Oxford.
- Unbegaun 1969: B.O. Unbegaun (Hrsg.): Drei russischen Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750. München.

Vasmer 1954: M. Vasmer (Hrsg.): Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Band 6. Festschrift für Dmytro Čyževskýj zum 60. Geburtstag am 23. März 1954. Berlin.

Winter 1953: E. Winter: Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin.

Winter 1956: E. Winter: Einige Nachricht von Herrn Simeon Todorski. In: Zeitschrift für Slawistik. B. I, Heft I. Berlin, 73-100.

Winter 1958: E. Winter: Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732“. In: Zeitschrift für Slawistik, 3, 744-770.

Winter 1961: E. Winter u.a. (Hrsg.): August Ludwig v. Schlözer und Rußland. Berlin.

Worth 1975: D. Worth: Was there a “literary language” in Kievan Rus"? In: Russian Review 34/1, 1-9.

Wotschke 1930a: T. Wotschke: Der Pietismus in Moskau. In: Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen. 18, 53-95.

Wotschke 1930b: T. Wotschke: Der Pietismus in Petersberg. In: Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen. 19, 107-123.

Аванесов 1978: Р.И. Аванесов: К вопросам происхождения и развития русского литературного языка. В: Р.И. Аванесов (ред.): Проблемы общего и германского языкознания. Москва, 88-96.

Адарюков 1924: В.Я. Адарюков: Книга гражданской печати в XVIII веке. В: В.Я. Адарюков, А.А. Сидоров (ред.): Книга в России. Т. 1. Москва, 127-288.

Адрианова-Перетц 1948: В.П. Адрианова-Перетц: Великое зеркало. В: История русской литературы в 10-ти томах, АН СССР. Т. 2, часть 2. Москва – Ленинград, 408-411.

Алексеев 1980: А.А. Алексеев: Песнь песней в древней славяно-русской письменности. Москва.

Алексеев 1986: А.А. Алексеев: Почему в Древней Руси не было диглоссии. В: В.В. Колесов (ред.): Литературный язык в Древней Руси. Ленинград, 3-11.

Алексеев 1987: А.А. Алексеев: Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв.. В: Вопросы языкознания, № 2, 34-46.

Алексеев 1992: А.А. Алексеев: Социолингвистические предпосылки нормативно-стилистической реформы Ломоносова. В: А. Sjöberg u.a. (ed.): Доломоносовский период русского литературного языка. Stockholm, 339-360.

Андреев 2005: А.Ю. Андреев: Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. Москва.

Аннушкин 1999: В.И. Аннушкин: Первая русская риторика XVII века. Москва.

Арутюнова 1990: Н.Д. Арутюнова и др. (ред.): Лингвистический энциклопедический словарь. Москва.

Арциховский, Горский 1969: А.В. Арциховский, А.Д. Горский и др. (ред.): Очерки русской культуры XIII-XV веков. Том I-II. Москва.

Бажинова 1994: Т. Бажинова: Из истории Румянцевского музея. В: Наука и жизнь, № 1, 141-146.

Баранов, Добровольский 1993: А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский: Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов. Т. 1-2. Москва.

Бернштейн 1979: С.Б. Бернштейн и др. (ред.): Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. Москва.

Библия (1581/1988): **Библия Сирѣчь книги Ветхого и Новаго Заветѣа по гызыкѹ словенскѹ.** Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года. Осуществлено под наблюдением И.В. Дергачевой. Москва – Ленинград.

Бирнбаум 1987: Х. Бирнбаум: Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. Москва.

Болховитинов 1995: Е. Болховитинов: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Москва.

Борковский, Кузнецов 2006: В.И. Борковский, П.С. Кузнецов: Историческая грамматика русского языка. Москва.

Брозович 1967: Д. Брозович: Славянские стандартные языки и сравнительный метод. В: Вопросы языкознания, № 1, 3-33.

Будагов 1956: Р.А. Будагов: Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI-XVII вв.. В: Вопросы языкознания, № 5, 10-21.

Будде 1908/2005: Е.Ф. Будде: Очерк истории современного литературного русского языка XVII-XIX век. С.-Петербург 1908 / Репринт издания 1908 года, Москва.

Бучина 1988: Л.И. Бучина и др. (ред.): Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Ленинград.

Бушуй 2003: А.М. Бушуй: Русский язык в современном Узбекистане. В: А.Д. Дуличенко (ред.): Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15-21.08.2003). Tartu, 119-132.

Быков 2006: В.Б. Быков: Субсистема и субнорма в русском субстандарте. В: В.Б. Крысько (ред.): Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуханова. Москва, 66-76.

Быкова 1955: Т.А. Быкова и др. (ред.): Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725. Ленинград.

Быкова, Гуревич 1958: Т.А. Быкова, М.М. Гуревич: Описание изданий напечатанных кириллицей 1689 – январь 1725. Москва – Ленинград.

Бычковъ 1872: А.Ф. Бычковъ (ред.): Письма Петра Великого хранящіяся въ императорской публичной библиотекѣ и описаніе находящихся въ ней рукописей. С.-Петербургъ.

БЭС Языкознание 1998: В.Н. Ярцева и др. (ред.): Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва.

Верещагин 1972: Е.М. Верещагин: Из истории возникновения первого литературного языка славян. Москва.

Верещагин 1997: Е.М. Верещагин: История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Москва.

Вингендер 2006: М. Вингендер: Теория стандартного языка. Казань.

Виноградов 1956: В.В. Виноградов: Вопросы образования русского национального литературного языка. В: Вопросы языкознания, № 1, 3-25.

Виноградов 1959/1960: В.В. Виноградов: Об образовании восточнославянских национальных литературных языков (анкета). В: Вопросы языкознания 1959, № 4, 5, 6. Вопросы языкознания 1960, № 1, 2, 3, 5, 6.

Виноградов 1969: В.В. Виноградов: О новых исследованиях по истории русского литературного языка. В: Вопросы языкознания, № 2, 3-18.

Виноградов 1978: В.В. Виноградов: Избранные труды. История русского литературного языка. Москва.

Винтер 1959: Э. Винтер: И.В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). В: П.Н. Берков (ред.): XVIII век. Сборник 4. Москва – Ленинград, 313-322.

Герье 1873: В. Герье (ред.): Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница относящихся къ России и Петру Великому. С.-Петербургъ.

Гладкова 2000: Г. Гладкова: Опыт интерпретации развития современной языковой ситуации. В: К. Gutschmidt (Hrsg.): Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart. Dresden, 56-86.

Гудков 1998: В.П. Гудков (ред.): Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф.Ф. Фортунатова. Москва.

Державина 1962: О.А. Державина: Фацеции. Москва.

Державина 1965: О.А. Державина: Великое зеркало и его судьба на русской почве. Москва.

Дурново 1969: Н.Н. Дурново: Введение в историю русского языка. Москва.

Ефремова 2000: Т.Ф. Ефремова: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. Москва.

Живов 1988: В.М. Живов: Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков. В: К.В. Горшкова (ред.): Актуальные проблемы славянского языкознания. Москва, 49-99.

Живов 1996: В.М. Живов: Язык и культура в России XVIII века. Москва.

Живов 2001: В.М. Живов: О церковнославянском языке. В: А.А. Плетнева, А.Г. Кравецкий (ред.): Церковнославянский язык. Москва, 11-27.

Живов 2003: В.М. Живов и др. (ред.): Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов, Любляна. Москва.

Живов 2004: В.М. Живов: Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. Москва.

Живов 2006: В.М. Живов: Восточно-славянское правописание XI-XIII века. Москва.

Жуковская 1987: Л.П. Жуковская (ред.): Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. Москва.

Забѣлинь 1872: И. Забѣлинь: Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Изслѣдованія, описанія и критическія статьи. Часть I. Москва.

Законодательные акты 1945: Н.А. Воскресенский (ред.): Законодательные акты Петра I. Том I. Акты о высших государственных установлениях. Москва – Ленинград.

Зализняк 1984: А.А. Зализняк: Наблюдения над берестяными грамотами. В: К.В. Горшкова (ред.): История русского языка в древнейший период. Москва, 36-153.

Зализняк 1987: А.А. Зализняк: О языковой ситуации в древнем Новгороде. В: *Russian Linguistics* № 11, 115-132.

Зализняк 1995: А.А. Зализняк: Древненовгородский диалект. Москва.

Зеньковский 1989: В.В. Зеньковский: История русской философии. Париж.

Зернова, Каменева 1968: А.С. Зернова, Т.Н. Каменева: Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. Москва.

Иванов 1957: В.В. Иванов: Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова. В: Вопросы языкознания, № 3, 55-76.

Иванов 1990: В.В. Иванов: Историческая грамматика русского языка. Москва.

Иванов 1993: В.В. Иванов: Россия и гнозис. В: 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Москва – Петербург. Каталог выставки во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, Москва и Всероссийском музее А.С. Пушкина. Петербург, 12-21.

Ивич 1963: П. Ивич: К проблеме лингвистической терминологии и условных обозначений в славянских языках. В: Вопросы языкознания, № 1, 18-28.

Ильенко 1988: Т.М. Ильенко (ред.): Актуальные проблемы славянского языкознания. Москва.

Исаченко 1976: А.В. Исаченко: *Opera selecta: Russische Gegenwartssprache, russische Sprachgeschichte, Probleme der slavischen Sprachwissenschaft.* München.

Каратаев 1861: И.П. Каратаевъ: Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491-1730. Санктъ-Петербургъ.

Караулов 1985: Ю.Н. Караулов (ред.): Восточные славяне. Языки. История. Культура. Москва.

Кислова 2007: Е.И. Кислова: «Слово на день рождения Петра Федоровича» Симона Тодорского. В: *Acta Philologica.* Филологические записки, № 1, 308-335.

Кислова 2008а: Е.И. Кислова: Редакторская работа над проповедью в Синодальной типографии в середине XVIII в. В: Материалы XV международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». Москва, 137-140.

Кислова 2008б: Е.И. Кислова: Проповеди Симона Тодорского 1741 – 1747: Развитие грамматической нормы. В: E. Graf, N. Thielemann, R. Zimny (Hrsg.): Beiträge der Europäischen slavistischen Linguistik (Polyslav) 11. München, 76-84.

Кислова 2011: Е.И. Кислова: «Божие особое благословение» Симона Тодорского 1745 г. – проповедь на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. В: Ломоносовский сборник. Москва, 133-182.

Ковригина 1998: В.А. Ковригина: Немецкая слобода и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв.. Москва.

Колесов 1986: В.В. Колесов и др. (ред.): Литературный язык Древней Руси. Ленинград.

Кортхаазе 2003: В. Кортхаазе: Дмитрий Чижевский и Родина его выбора – Германия. Берлин.

Коряков, Майсак 2001: Ю.Б. Коряков, Т.А. Майсак: Систематика языков мира и базы данных в интернете. В: Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. Москва, 215-229.

Коста 1986: П. Коста (ред.): С.К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Репринтное издание Санкт-Петербург, 1893. München.

Котков, Панкратова 1982: С.И. Котков, Н.П. Панкратова (ред.): История русского языка. Памятники XI-XVIII вв.. Москва.

Кравецкий, Плетнева 2001: А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева: История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX вв.). Москва.

Краткая энциклопедия 2003: В.М. Карев (сост.): Краткая российская энциклопедия в трех томах. Т. 1, Москва.

Кречмер 2004: А. Кречмер: О русском языке петровского времени (в свете данных анализа частной переписки). В: M. Okuka, U. Schweier (Hrsg.): Germano-slavistische Beiträge. Festschrift für P. Rehder zum 65. Geburtstag. München, 137-148.

Лаптева 1966: О.А. Лаптева: О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. В: Вопросы языкознания, № 2, 40-55.

Ларин 1937: Б.А. Ларин: Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Материалы и исследования по истории русского языка. Ленинград.

Ларин 2002: Б.А. Ларин: Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. Санкт-Петербург.

Лихачев 1975: Д.С. Лихачев: Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Москва.

Менгел/Челбаева 2003: С. Менгел, Т. Челбаева: Малый катехизис А.Г. Франке и его переводы на русский язык. В: *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в чест на проф. Дфн Румяна Павлова. София, 230-243.

Менгель 2010: С. Менгель: Неизвестный вариант русского литературного языка доломоносовского периода. В: S. Bertolissi, R. Salvatore (ed.): *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, Bd. II. Napoli, 43-68.

Мень 2002: А. Мень: Библиологический словарь в трех томах. СПб.

Мечковская 1984: Н.Б. Мечковская: Ранние восточнославянские грамматики. Минск.

Мечковская 1992: Н.Б. Мечковская: Граматики, буквари и риторики в великорусской языковой ситуации второй половины XVII века. В: A. Sjöberg u.a. (Ed.): *Доломоносовский период русского литературного языка*. Stockholm, 9-40.

Мечковская 2000а: Н.Б. Мечковская: Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации. В: K. Gutschmidt (Hrsg.): *Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*. Dresden, 123-141.

Мечковская 2000б: Н.Б. Мечковская: Социальная лингвистика. Москва.

Михайловская 1980: Н.Г. Михайловская: Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI-XIV вв.. Москва.

Михальчи 1963: Д.Е. Михальчи: Из рукописей И.В. Паузе. В: С.И. Котков (ред.): *Лингвистическое источниковедение*. Москва, 112-120.

Михальчи 1964: Д.Е. Михальчи: И.В. Паузе и его славяно-русская грамматика. В: *Известия Академии Наук СССР, серия литературы и языка, том XXIII, вып. 1*, 49-57.

Моисеева 1976: Г.Н. Моисеева: «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе – неизвестное сочинение начала XVIII в.. В: М.Б. Храпченко и др. (ред.): *Культурное наследие Древней Руси*. Москва, 205-210.

Нічик 2002: В. Нічик: Симон Тодорський і гербаїстика в Києво-Могилянській академії. Київ.

Нелюбин/Хухуни 2006: Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни: Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. Москва.

Немировский 1974: Е.Л. Немировский: Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. Москва.

Нещименко 2000: Г.П. Нещименко: Импульсы динамики литературной нормы в современных славянских языках. В: K. Gutschmidt (Hrsg.): *Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*. Dresden, 165-180.

- Никольский 1976: Л.Б. Никольский. Синхронная социоллингвистика. Москва 1976.
- Обнорский 1934: С.П. Обнорский: Русская правда как памятник русского литературного языка. Москва.
- Обнорский 1946: С.П. Обнорский: Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва.
- Памятники 1981: А.И. Сумкина (ред.): Памятники московской деловой письменности XVIII века. Москва.
- Пекарский 1862: П. Пекарский: Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Петров 1956: В.А. Петров: История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в.. В: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. XVIII век. Москва, вып. 1, 206-210.
- Петров 1958: С.О. Петров и др. (ред.): Славянские книги кирилловской печати XV-XVIII вв.. Описание книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР. Киев.
- Петрова 1965: З.М. Петрова: К вопросу об издании литературных памятников XVIII века. Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. Москва – Ленинград.
- Петрухин, Сичинава 2006: П.В. Петрухин, Д.В. Сичинава: «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе. В: А.М. Молдован (ред.): Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. Москва, 193-214.
- Письма и бумаги 1887: С.М. Соловьев и др. (сост.): Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688-1701). С.-Петербург.
- Плетнева 1992: А.А. Плетнева: Графико-орфографическая система церковнославянского языка. В: Славяноведение, № 4, 105-127.
- Поливанов 1968: Е.Д. Поливанов: Статьи по общему языкознанию. Москва.
- Ремнева 1988: М.Л. Ремнева: Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. Москва.
- Ремнева 2003: М.Л. Ремнева: Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.. Москва.
- Русановский 1970: В.М. Русановский: Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка. В: Вопросы языкознания, № 4, 54-68.
- Русская грамматика 1980: Н.Ю. Шведова (ред.): Русская грамматика. Т. 1-2. Москва.
- Русский язык 1997: Ю.Н. Караулов и др. (ред.): Русский язык. Энциклопедия. Москва.

Сабенина 1985: А.М. Сабенина: «Дательный самостоятельный» как высокий стилистический вариант предложения. В: Ю.Н. Караулов (ред.): Восточные славяне. Языки, история, культура. Москва, 73-80.

Самсонов 2003: Н.Г. Самсонов: О функционировании русского языка как государственного языка Российской Федерации в Республике Саха (Якутия). В: А.Д. Дуличенко (ред.): Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15-21.08.2003). Tartu, 112-118.

Селищев 1957: А.М. Селищев: О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. В: Вопросы языкознания, № 4, 57-63.

Сепир 1993: Э. Сепир: Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва.

Синюков 1905/1989: В.И. Синюков (ред.): Рѣдкія русскія книги и летучія изданія 18-го вѣка. Составиль Юрій Битовъ. Репринтное воспроизведение издания 1905 года. Москва.

Соболевский 1888: А.И. Соболевский: Лекции по истории русского языка. Киев.

Соколов 1925: Ю. Соколов: Народная литература. В: Н. Бродский и др. (ред.): Словарь литературных терминов, Т.1. Москва – Ленинград, 189-193.

Соколова 1971: М.А. Соколова: К вопросу о славянизмах. В: М.П. Алексеев и др. (ред.): Поэтика и стилистика русской литературы. Ленинград, 337-343.

Соловьев 1993: С.М. Соловьев: История России с древнейших времен. Москва.

Сорокина 2008: Э.А. Сорокина: Теория перевода (история отечественного перевода). Москва.

Срезневский 1959: И.И. Срезневский: Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. Москва.

Толстой 1998: Н.И. Толстой: Избранные труды. Том II. Славянская литературно-языковая ситуация. Москва.

Унбегаун 1971: Б. Унбегаун: Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения. В: М.П. Алексеев и др. (ред.): Поэтика и стилистика русской литературы. Ленинград, 329-333.

Успенский 1975: Б.А. Успенский: Первая русская грамматика на родном языке. Москва.

Успенский 1983: Б.А. Успенский: Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Москва.

Успенский 1987: Б.А. Успенский: История русского литературного языка (XI-XVII вв). München.

Успенский 1989: Б.А. Успенский: Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка. В: Т.Б. Князевская (ред.): Византия и Русь. Москва, 206-226.

Успенский 1992: Б.А. Успенский: Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы). В: А. Sjöberg u.a. (ed.): Доломоновский период русского литературного языка. Stockholm, 63-170.

Успенский 2002: Б.А. Успенский: История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Москва.

Филин 1981: Ф.П. Филин: Истоки и судьбы русского литературного языка. Москва.

Флекенштейн 2006: К. Флекенштейн: В поисках языковых средств. Наблюдения над языком перевода Симеона Тодорского «**Молитва похвална**». В: В.Б. Крысько (ред.): Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуханова. Москва, 472-487.

Франке 1785: А.Г. Франке: История Гальскаго сиротскаго дому. Москва, тип. Новикова.

Хабургаев 1969: Г.А. Хабургаев: Локальная письменность XVI-XVII вв. и историческая диалектология. В: В.Ф. Дубровина (ред.): Изучение русского языка и источниковедение. Москва, 104-126.

Хабургаев 1980: Г.А. Хабургаев: Становление русского языка. Москва.

Хабургаев 1987: Г.А. Хабургаев: Одна ли история у национального языка? В: Russian Linguistics, № 11, 103-113.

Хабургаев 1994: Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности. Москва.

Хинтцше 1998: В. Хинтцше и др. (ред.): Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы, 1740. Москва.

Хютль-Фольтер 1973: Г. Хютль-Фольтер: Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период. В: Wiener Slavistisches Jahrbuch, № 18, 29-47.

Хютль-Фольтер 1978: Г. Хютль-Фольтер: Диглоссия в Древней Руси. В: Wiener Slavistisches Jahrbuch, XXIV, 108-123.

Хютль-Фольтер 1987: Г. Хютль-Фольтер: Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа. В: Wiener slavistisches Jahrbuch, № 33, 7-21.

Цвиллинг 1989: М.Я. Цвиллинг (ред.): Разновидности и жанры научной прозы: лингвостилистические особенности. Сборник научных трудов. Москва.

Цейтлин 1999: Р.М. Цейтлин и др. (ред.): Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Москва.

Чернышева 1994: М.И. Чернышева: К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублиеты». В: Вопросы языкознания, № 2, 97-107.

Чижевский 1941: Д. Чижевский: Украинское литературное барокко. Т. I-III. Прага.

Чижевський 1943: Д. Чижевський: Українські друки в Галле. Краків.

Шахматов 1915/2002: А.А. Шахматовъ: Очеркъ древнѣйшаго періода історіи русскаго языка. Петроградъ 1915 / Репринт издания 1915 года, Москва.

Щукин 1899: В.В. Щукин: Симонъ (Тодорскій). Архієпископъ Псковскій и Нарвскій (біографическій очерк). Псковъ.

Якубинский 1953: Л.П. Якубинский: История древнерусского языка. Москва.

Интернет-ресурсы

Библия в переводе Лютера 1991: Д. Щедровицкий: Библия в переводе Лютера. В: Христианин. № 1, 7-9: <http://shchedrovitskiy.ru/TheBibleInLuthersTranslate.php> (10.02.2012)²⁵³.

Иоганн Арндт и русское Православие 2006: А. Никитин: Иоганн Арндт и русское Православие: <http://luteranstvo.info/misc/127-orthodox/185-2011-11-02-22-13-47.html> (18.10.2008).

Звонарева, Попытки...: Л. Звонарева: Попытки синтеза католицизма и православия в текстах Симеона Полоцкого: <http://krotov.info/history/17/1670/zvonareva.htm> (07.10.2006).

Маршева, Праславянский...: Л. Маршева: Праславянский, церковнославянский, русский...: <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/praslavian.htm> (12.11.2006).

Православный молитослов 2012: Православный молитвослов. ТСЛ, 2012. Издание 2-ое, исправленное и переработанное. Приложение. Основные принципы церковнославянской орфографии, восстановленные в данном издании: <http://www.bogoslav.ru/text/2636057.html> (15.04.2010).

Романова 1995: З.А. Романова: Отражение живой русской речи в московском издании "грамматики" Мелетия Смотрицкого (1648 г.): <http://cheloveknauka.com/otrazhenie-zhivoy-russkoy-rechi-v-moskovskom-izdanii-grammatiki-meletiya-smotritskogo-1648-g> (02.07.2011).

Точное известие о крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях...: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tocnoe_izvestie/frametext.htm (15.11.2011).

Фонд Александра Н. Яковлева: Немцы в истории России. 1652-1917: www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/62154 (02.05.2010).

²⁵³ Дата ознакомления с документом.

Хондзинский 2004: П. Хондзинский: Два труда об истинном христианстве – Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт. В: Журнал Московской патриархии, № 2, 2004: <http://luteranstvo.info/istorija-religii/186-dva-truda-ob-istinnom-hristianstve.html> (12.01.2007).

Deutsche Nationalbibliothek: <http://d-nb.info/gnd/117563536/about/html> (14.10.2012).

7. Источники и архивные материалы²⁵⁴

Тодорский 1735: Симеон Тодорский: «Писанію сватомѹ согласѹющеея **НАСТАВЛЕНІЕ** кз истинномѹ ПѢЗНАНІЮ и дѹшеспасителномѹ оупотребленію страданна и смерти господа и спасителя нашегѹ **ИСОУСА ХРИСТА БЛАЖЕННЦЕ** Анастасіемѹ проповѣдникомѹ божиа слова», Halle (Saale).

Freylinghausen 1715: Anastasius Freylinghausen: Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkänntniß und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi, Halle.

Grischow 1734: J.H. Grischow: Io. Anastasii Freylinghvsii, Pastoris Vlriciani et Gymnasii Scholarchae, Commentatio Passionis Ac Mortis Domini et Servatoris Nostri Iesv Christi. Halis Magdeburgicis.

Acta 1739: Aus H. Mildes Schenkung seiner Bibliothec an das Waysenhaus. Specification derer von dem Sel. Herrn Milde nachgelassenen Bücher, 1739. AFSt/W XI/-/42.

Avertisment 1734: Avertisment. Wegen Druck der Arndischen Bücher vom Wahren Christentum in Russischer Sprache, 1734. AFSt/W/IX/III/40.

Buchladen und Buchdruckerei Rechnungen 1695-1741: Buchladen und Buchdruckerei Rechnungen von 1695 bis 1741. AFSt/W/VII a/289/1-21.

Gedanken über die deutsche Bibelübersetzung der Bibel des seeligen Lutheri. AFSt/H A 183.

Verzeichnis der Bücher, Manuskripte und Dissertationen, die der NB überlassen worden sind, 1700-1802. AFSt/W XI/-/39.

Дела 1600-1719 (микрофильм): Дела о выездах в Россию иностранцев (1600-1719). РГАДА. Ф 150.

Письма / РГАДА (микрофильм): Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и высоким особам. РГАДА. Ф 161.

²⁵⁴ Информация по дополнительным архивным материалам содержится в ссылках по месту их цитирования в данной работе.

8. Список таблиц, диаграмм и рисунков

Стр.	Таблицы
19	Таблица 1. Социолингвистический уровень (гл. 1.1.2.1)
52	Таблица 2. Отличительные признаки различных норм церковнославянского языка (гл. 2.1.2.1)
55	Таблица 3. Признаки текстов деловой письменности к концу XVII века (гл. 2.1.2.2)
149	Таблица 4. INDEX II. AVCTORVM. Из латинского перевода Гришова (гл. 4.2.2)
150	Таблица 5. Использование личных имен в тексте оригинала Фрайлингхаузена и «русского» перевода Тодорского (гл. 4.2.2)
156	Таблица 6. Сравнение строения текста оригинала Фрайлингхаузена с переводом Тодорского (гл. 4.2.3)
161	Таблица 7. Примеры сравнения текста оригинала Фрайлингхаузена и перевода Тодорского (гл. 4.2.4)
172	Таблица 8. Прямые цитаты из текста перевода Тодорского и их соответствие в тексте Библии (гл. 4.3.1)
172	Таблица 9. Свободные цитаты из текста перевода Тодорского и их соответствие в тексте Библии (гл. 4.3.1)
175	Таблица 10. Написание слов лексики из сакральной сферы с большой или маленькой буквы (гл. 4.3.2.1)
177	Таблица 11. Неразличение графем б и в (гл. 4.3.2.1)
178	Таблица 12. Смещение и правильное употребление графем ы и и (гл. 4.3.2.1)
182	Таблица 13. Употребление -ъ /-ь на конце слова после согласных (гл. 4.3.2.1)
183	Таблица 14. Употребление гласных переднего и заднего ряда после ш и щ (гл. 4.3.2.1)
186	Таблица 15. Глагольные формы прошедшего времени (гл. 4.3.2.2.1)
230	Таблица 16. Формы двойственного числа (гл. 4.3.2.2.2)
231	Таблица 17. Склонение числительных (гл. 4.3.2.2.2)
234	Таблица 18. Союзные конструкции, характерные для текстов со сниженной нормой (гл. 4.3.2.3)
241	Таблица 19. Союзная конструкция « да + презентная форма глагола» (гл. 4.3.2.3)

Стр.	Диаграммы
224	Диаграмма 1. Причастия прошедшего времени на -л (гл. 4.3.2.2.1)
224	Диаграмма 2. Перфект (гл. 4.3.2.2.1)
224	Диаграмма 3. Плюсquamперфект (гл. 4.3.2.2.1)
224	Диаграмма 4. Аорист (гл. 4.3.2.2.1)
224	Диаграмма 5. Имперфект (гл. 4.3.2.2.1)
225	Диаграмма 6. Глагольные формы прошедшего времени в словах автора (гл. 4.3.2.2.1)
225	Диаграмма 7. Глагольные формы прошедшего времени в свободных цитатах (гл. 4.3.2.2.1)
225	Диаграмма 8. Глагольные формы прошедшего времени в прямых цитатах (гл. 4.3.2.2.1)
225	Диаграмма 9. Соотношение глагольных форм прошедшего времени во всех подсортах текста (гл. 4.3.2.2.1)

Стр.

Рисунки

- 22 Рис. 1. Социокультурный уровень (гл.1.1.2.2)
24 Рис 2. Трехступенчатая модель языка-стандарта Редера (гл. 1.1.2.3)
37 Рис. 3. Схема развития литературного языка (гл. 1.3).

9. Приложения

*Приложение 1. Список книг, найденных Д.И. Чижевским.*²⁵⁵

Печатные издания:

1. Elisabeth-Bibel (1663)	178. A. 1a und 1b
2. Neues Testament (1692)	66. B. 8
3. Neues Testament (1702)	131. G. 7
4. Psalter (1660)	178. A. 10
5. Psalter (ohne Jahr) aus dem
Besitz von Rodde	48. G. 26
6. Psalter m. d. Stundenbuch (1695)	178. A. 3
7. Pravoslavnoje ispovedanije (1696)	178. A. 2
8. Pravoslavnoje ispovedanije (1717)	179. B. 8
9. Mineja obščaja (1660)	178. A. 1
10. Služebnik (1630)	178. A. 13
11. Trebnik (1720)	178. A. 5
12. Sobornik (ohne Jahr)	131. G. 7
13. Sobornik (ohne Jahr) geschenkt
von Todorskij an Milde	179. B. 2
14. Psalter, S. Polockij	178. A. 6
15. Večerja duchovnaja	178. A. 4
16. Barlaam-Joasaph-Legende	102. B. 14
17. Pamva Berynda	178. A. 11
18. Meletij Smotryčkyj (1719)	178. A. 8
19. Meletij Smotryčkyj (1721)	179. B. 10
20. Pervoje učenije otrokom (1720)	178. A. 2
21. Christovy o blaženstvach
propovedi istolkovanije, F. Prokopovič (1722)	179. B. 7
22. Kalender ohne Jahr	179. B. 11
23. Das Wilnaer ABC-Buch
«Букварь языка словенска» (1698)	
24. Kl. ksl. Grammatik (1705)	78. G. 7
25. Правда воли монаршей ²⁵⁶	178. A. 7

²⁵⁵ Čyževskýj 1939, 27-29.

26. Квинтъ Курцій (1717) **178. А. 14**
27. Меморіаль, каковъ по указу его
царскаго Величества поданъ былъ
Аглінскому двору 1719 году... (1720) **179. В. 4**
28. Історія о раззореніи послѣднемъ града
Іерусалима вторая о взятіи славнаго
столичнаго града греческаго
Константинополя (1716) **179. В. 5**
29. Книга історіографія початія имени, славы
и разширенія народа славянскаго ... (1722) **179. В. 12**

Рукописи²⁵⁷

1. Ein russisch-lateinisches Wörterbuch (Anf. 18. Jh.) **J 21**
2. Eine russische Chronik aus dem Besitz
von J.Ch. Stahl, laut der Handschrift auf Bl. 1 **G 61**
3. Eine Rhetorik in Frage und Antwort,
ein deutsch-russisches Gesprächbuch (1629).
Die älteste Handschrift der Bibliothek d. Waisenhauses **179. В. 6** **утеряно**
4. Ein Sammelband (Katechismus von Nectarius,
ein Bruchstück (2 Blatt) einer Liturgie, eine Legende
des Johannes Chrysostomos) (17 Jh.) **Н. 16. с**
5. Ksl. Alphabet auf einem langen Papierstreifen **J. 83** **утеряно**
6. Mehrere kleinere Drucksachen (einige Nummer
der «Вѣдомости», chronologische Tafel, Anmerckungen
über die russischen Frag=Stücken) **J. 25^b**
7. Schriftproben, „Ukaz“ von Peter dem Großen
an P. Müller, Reiseerlaubnis von Moskau bis
zur lit. Grenze, russ. Schreiben von H. Skoropadskýj **J. 33**
8. Deutsche Übersetzung des Traktats
von F. Prokopovyč „Eine wahrhafte Rechtfertigung
der rechtgläubigen Christen, die da durch die Taufe,
die mit der Besprengung geschieht, auf Christum

²⁵⁶ Номера 25-29 были куплены для библиотеки во второй половине XVIII в. (Čuževskýj 1939).

²⁵⁷ Описание рукописей в Галле дано у К. Гюнтера (Günther 1960, 342-345).

getauft sind ²⁵⁸	B. 8	
9. „Poeseos Rutheno-Slavonica Monumento Et exempla“ (1720), старосл. четверостишия укр. ред., списанные Шталем из киевской ред. 1712 г. «Ифика иерополитика»	J. 16. F	
10. „Rudimenta linguae Russicae“ von J.Ch. Stahl (1745) ²⁵⁹	J. 23	
11. Katechismus, russ.-kirchensl. (17. Jh.)	H. 16. b	
12. Катехісісъ рекше оученіе: о Вѣрѣ, и о нужнѣйшихъ винахъ пристоящихъ кней) (17. Jh.)		утеряно
13. Abschrift des 1628 Stockh. Druckes der rus. Übersetzung von Luthers Kleinem Katechismus (Geschenk Rodde an Milde)	155. M. 96	
14. Russ. Übungsbuch ²⁶⁰	Q. 87	
15. Briefe in russ. Sprache	A. 105	
16. Prikazy (1682-1686)	40. Q	
17. Schriftproben kyr.	41. Q. 2	

²⁵⁸ Rodde als Übermittler (Čuževskýj 1939, 30).

²⁵⁹ №№ 9 и 10 Шталь прислал в библиотеку Франке в 1745 г. в качестве подарка.

²⁶⁰ Позиции 14-17 у Д. Чижевского не указаны, только у Гюнтера.

964

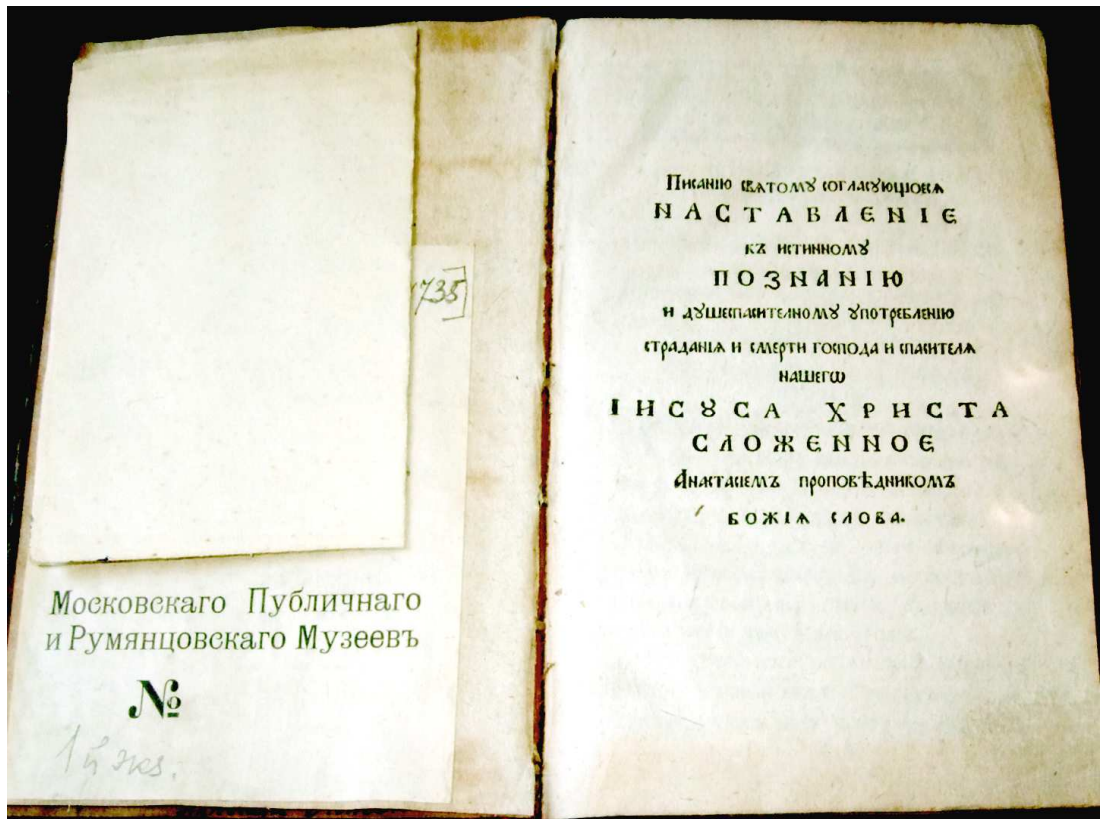
BIBLIOTHECA

M O S

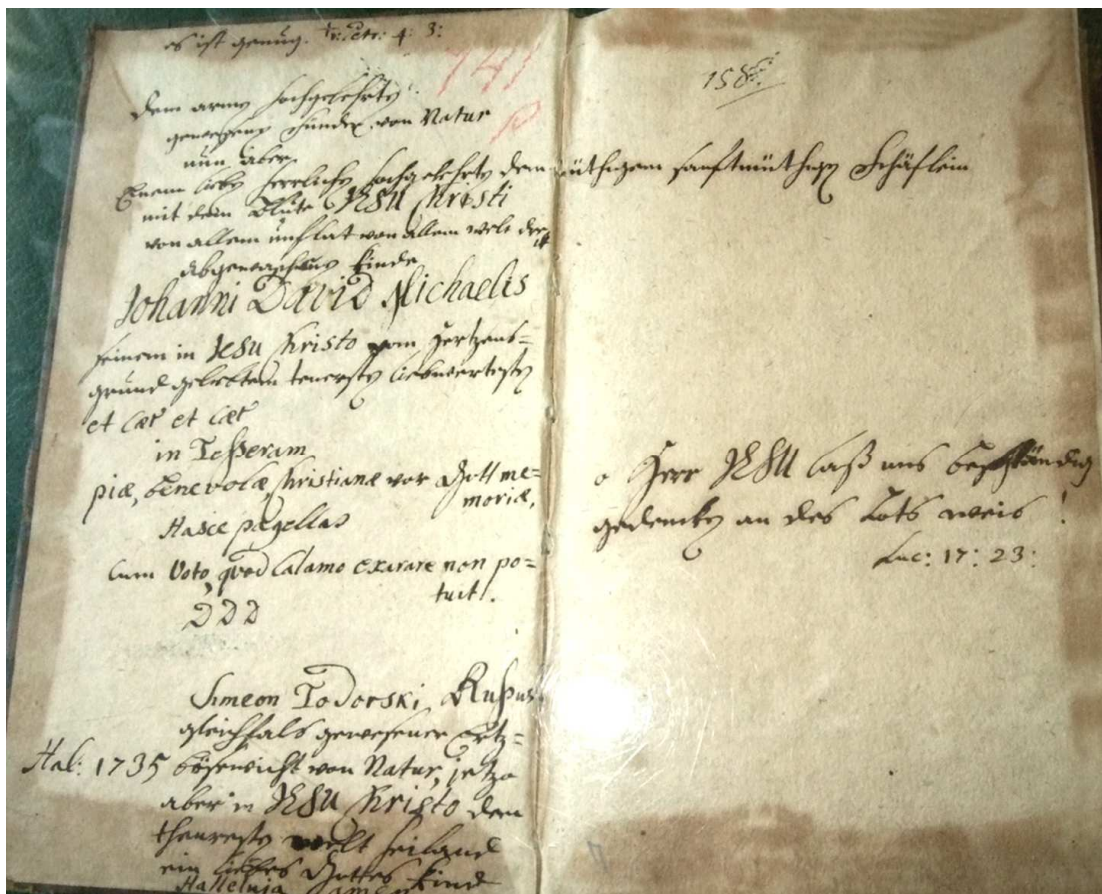
- ſic in Ep. ad Amicos Londinentes expreſſa, cum Figur. Angl. Lond. 8. 1670.
- Io. Ern.* *Gerhard*, Reſp. *Io. Schuvabe* de Religione Moſcovitarum. Iena 4. 1665.
- Sigiſm. Baronis ab Herberſtein* Comm. Rerum Moſcoviticarum. Amſt. 8. 1517. Baſil. 8. 1571.
- Ioa.* *Herbinii* Religioſæ Kijoviensæ Cryptæ, ſ. Kijovia ſubterranea, in quibus Labyrinthus ſub terrâ & in eo emortua Divorum atque Heroum Græcoruthenorum Corpora deteguntur. Iena 8. 1675.
- Anton.* *Ienkenſonii*, Angli, Deſcriptio Ruſſiæ, Moſcoviæ & Tartariæ. Lond. 1502. & in Theatro *Ortelii* 1595.
- Pauli* *Iovii* Moſkowiſche Chronica, verdeutschte durch *Pantaleon Candidum*. Franckf. f. 1576.
- - De Legatione Moſcovitarum. Baſil. f. 1532.
- Com. van Klenck* Holländ. Geſandſchafft in der Moſkau. Amſt. 4. 1677.
- Ioa.* *Laſtzki* de Ruſſorum Moſcovitarum & Tartarorum Religione, Sacrificiis, Nuptiis, &c. Spira 4. 1582.
- Mich.* *Lituani* de Tartarorum, Lichuanorum & Moſchorum Moribus. Baſil. 4. 1615.
- Adolphi* *Iyſeck* Relatio eorum quæ circa S. Caſ. Maj. ad Magnum Moſchorum Czarum Ablegatos geſta ſunt. Salisb. 8. 1676.
- Iſaaci* *Maſſæ* Ruſſiæ, vulgò Moſcoviæ Pars Auſtralis. Amſt. ap. *Ioa. & Corn. Blaen.*
- - It. ap. *Ioa. Ianſon.*
- - Pars Occidentalis. *ib. ap. Ioa. Ianſon.*
- - Moſcovia Partes Septentrionalis & Orientalis. *ib. ap. Ioa. & Corn. Blaen.*
- - It. ap. *Ioa. Ianſon.*
- Io.* *Mosquera*, Gallæci Hiſpani, Relatio de Adeptione Imperii paterni Principis Demetrii, Ducis Moſcoviæ, Ann 1505. Hiſp. ex Italico. Pinera 8. 1606. Madridi 8. 1609.
- Pauli* *Oderbornii* de Vitâ *Ioa. Baſilidis*, Magni Moſcoviæ Ducis. Viſteb. 8. 1585.
- Pet.* *Petereji de Erleſunda* Hiſtorien von dem

M O S

- Groß Fürſtenthum Ruſſen/ deſſen fruchtbaren Provinzen / Feſtunaen / Schlöſſern / & Städten. Hamb. 4. 1620. Leipz. 4. 1624.
- Ant.* *Poſſevini* Moſcovia & alia Opera, &c. Colon. f. 1563. Amſt. 8. 1587. Vilna 1586.
- Henr.* Räteln zu Sagan Erſchreckliche Teyranney *Iohan. Baſilidis*, Groß Fürſten in der Moſkau. Görlitz und Speyr s. 1552.
- En.* *Sylvius* de Polonia, Lithuaniâ, Ruthenis, &c. Baſil. 1582.
- Iac.* *Vſfeldi*, Equ. & Conſilarii Danici, Legatio Moſcovitica, ſ. Hodeporicon Ruthenicum. Francof. 4. 1608. & Opera *Melch. Goldaſti* 1627.
- Ant.* *Vried* Moſcovia in Mappâ Amſt. --
- M O S C O V I T I C A B E L L A.
conf. Bella Moſcov.
- Reinhold. Heidenſteinius*, *Secret. Regius*, de Bello Moſcovitico, quod Stephanus Rex Poloniae geſſit cum Moſcho, Libb. XII. Baſil. 8. 1588.
- Dan.* *Hermani* Stephaneis, ſ. de Bello Stephani Regis Poloniae contra Ducem Moſcoviæ. Gedani 4. 1582.
- Io.* *Vvidekindi* Hiſtoria Belli Sueco-Moſcovitici. Holmia 8. 1672.
- M O S C O V I T I C A L I N G U A.
Elementa Linguae Ruſſicæ. - - 8.
- M O S C O V I T I C A R E L I G I O.
Bericht von der Ruſſen Religion, Kirchen-Ordnung und ſeltſamen Gebräuchen z. Tübingen s. 1583.
- Mich.* *Siricius* de Moſcoviticâ Religione. Giſſa 4. 1661.
- M O S C U A (Urbs Moſcov.)
Urbis Moſcuae Quadripartita Sectio. Amſt. ap. *Ioa. Blaen.*
- Kremlenagard* Caſtellum urbis Moſcuae. *ib. ap. Eundem.*
- M O S E L L A.
Rhenus Fluviorum Europæ celeberrimus cum Moſk,

Приложение 3. Титульная страница и разворот в начале книги с записями Тодорского из экземпляра, хранящегося в Москве.

Приложение 4. Из латинского перевода Гришиова.

INDEX I. LOCORVM SCRIPTVRAE SACRAE, QVAE IN HOC LIBRO ADDVCTA VEL ILLVSTRANTVR VEL BREVITER EXPLICANTVR.²⁶¹

Cap.	com.	GENES	pag.
I,	27		32
II,	17		105
III,	1. feqq.		32
	7. 8		174
	22		105
VIII,	9		193
	21		65
IX,	1.		ibid.
		EXOD.	
XII,	22		87
	46		7
XVII,	6		103
XXV,	20		58
		LEVIT.	
XVI,	17		88
		NVMER.	
XX,	8. 9		173
XXI,	1. feqq.		8
		IVDIC.	
XV,	II. 12		17
		¹ SAMVEL.	
VIII,	11		143
		² SAMVEL.	
XII,	25		26
		¹ REGVM.	
XX,	32. 33		177
		IOB.	
I,	22		132
XIX,	25		179
XXVIII,	2		132
	4. 5. 6		56
XLII,	3.6		132
		PSALM.	
II,	1 feqq.		8
	12		162
VIII,	6		9. 71
XXII,	1		7
	21		10
	22		118
	28		ibid.

²⁶¹ В этом приложении указаны все главы и строки из Библии, встречающиеся в тексте, а также страницы текста.

	30		150
		PSALM.	
XXIII,	1		179
XXXII,	1. 2		ibid.
XL,	8		10
	9-17		39
XLV,	3		29
XLIX,	8		36
LVI,	9		70
LXIX	5		31. 44
	22		7
LXXIII,	26		179
XC,	11		34
CIII,	11. 12		179
CXVI,	15		70
CXXXIX,	7. 12		37
CXLIII,	2		194
		PROVERB.	
IV,	26		188
XVIII,	10		163
XXVII,	7		106
		CANTIC.	
II,	1		130
	16		179
		IESAI.	
VIII,	14		22
XXV,	8		98
XL,	12. 15. 16		36
	22. 25		56
XLIII,	24		42. 93
XLIV,	22		93
LII,	7-10		119
LIII,	4		32. 42
	5		42. 102. 173
	6		42. 173
	7-9		45. 131
LV,	1. 2. 3		150
	28		ibid.
LXIV,	6		134
		DAN.	
IX,	24		29. 94. 101
		HOS.	
XIII,	14		98
		MICH.	
VI,	6. 7		57
		ZACHAR.	
III,	8. 9		9557
VI,	12		ibid.
XI,	12. 13		7
XII,	10		ibid.
XIII,	7		ibid.

		MALACH.	
III,	14		196
		SAPIENT.	
VII,	6		55
		SIRAC.	
IV,	16. 22		172
VI,	19		ibid.
XXIV,	20. 21		65
		MATTH.	
V,	44		183
VII,	13. 14		146
IX,	12		165
XI,	28		163
	30		145
XII,	40		8
XIII,	45. 46		184
XX,	19		17
	28		66
XXVI,	3. 4. 5		15
	24		13
	26-28		126
XXVII,	4		27
	19		28
	54		ibid.
		MARC.	
I,	15		150
XV,	39		28
XVI,	16		161
		LVC.	
II,	34		22
	74		123
IX,	24		183
XII,	31		5
XVIII,	31. 33		3
XXII,	22		13
XXIII,	47		28
XXIV,	19. 21		21
	25		6
	44		5
	46. 47		119. 151
		IOAN.	
I,	12		163
III,	13		8
	16		52. 160. 167. 177
	17. 18. 19. 36		167
VI,	33		106
	35		44. 163
	53-56		167
	68. 69		21
X,	12. 15. 17. 18		44
XIV,	6		161

XVI,	7		103
XVII,	3		1
XVIII,	4		4
	32		17
XIX,	11		13
	30		118
XXI,	18. 19		107
		ACTOR.	
II,	23		13
	24		109
	28		151
III,	19		ibid.
IV,	20. 22		14
	25. 26		8
X,	43		12
XVII,	31		166
XX,	20. 21		150
	28		44. 78
XXVI,	18		150
		ROM.	
I,	16. 18		120
III,	6		33
	25		48
IV,	7		179
	21		111
	25		41. 180. 185
V,	1. feqq.		185
	7		53
	8		52
	11		102
	12		33
VI,	2		62
	3. feqq.		124. 180
	22		198
VII,	10		68
VIII,	1		180
	3		41
	15		123. 181
	32		48. 91
	33. 34		113
IX,	33		22
XIV,	9		139
	17		181
XV,	13		102. 188
		1 COR.	
I,	19. 20		59
	23. 24		58
	30		198
II,	2		122
IV,	4		191
V,	7		9

VI,	19		136
	20		71
XI,	26		126
XV,	1. 4		121
	9. 10		184
	17		112
	55		98
	58		196
		² COR.	
III,	4		161
V,	14		61. 100. 115
	15		139-142
	18. 19. 20		119
	20		148. 149
	21		29. 41. 164. 180
		GAL.	
II,	20		179. 190
	21		190
III,	13		97. 103
	14		103
	20		163
	27		ibid.
IV,	6		181
		EPHES.	
I,	6		26. 180
	7		164
	20-22		109
II,	18		161
III,	10		58
	12		161
	17		163
V,	2		63
		PHILIPP.	
II,	4		134
	9. 10. 11		110
III,	7. feqq.		191
	9		164
		COLOSS.	
I,	13		26. 68
	14		68. 69. 76. 164
	15-17		76
	19		77. 100
	20		100. 102
II,	9		77
	12		125
		¹ TIM.	
I,	15		177
II,	4		66
	5		44. 66
	6		89
		TIT.	

II,	14		78. 96
		HEBR.	
I,	1		5
	3		51. 75
II,	6. feqq.		10
	9		89
	12		10
	14		37. 99
III,	3. feqq.		76
V,	8		48. 149
	9		149
VII,	2		102
	25		161
	26		29. 74
	27		31
VIII,	5		11
	22		44
IX,	12		ibid.
	13. 14		75
	26		96
	28		ibid.
X,	5. feqq.		10
	19		161. 103. fqq.
	20		161
	22		180
XI,	4		11
	17-19		12
XII,	1		197
	24		11. 163
XIII,	20		44
		IAC.	
V,	10. 11		132
		₁ PETR.	
I,	11		6
	12		58
	19		30. 44
	21		111. 161
II,	4		130
	8		22
	21		42. 134
	22		29
	24		62. 63
III,	18		29
		₂ PETR	
I,	11-19		188
II,	1		144
		₁ IOAN.	
I,	5		174
	7		78. 176
II,	1		29
	2		89. 146. 176

	6		134
III,	5		96
	14. 15		173
IV,	9. 10		12
	19		182
V,	6		24
	19		164
	20		78
		IVD.	
	4		144
		APOC.	
I,	7		170
VI,	16. 17		171

Приложение 5. Текст перевода Тодорского

(I)

Писанію свѣтомꙋ согласꙋющеѣ
ПЯСТАВЛЕНІЄ
къ истинномꙋ
ПОЗНАНІЮ
и дꙋшеспасителномꙋ ѹпотребленію
страданія и смерти господа и спасителя
нашегѡ
ИСУСА ХРИСТА
СЛОЖЕННОЄ
Ѣнастасіємꙋ проповѣдникомꙋ
БОЖІА СЛОВА.

(II)

ПРЕДОСЛОВІЕ.

БЛАГОДАТЪ И МИРЪ

Ѡ

ИСУСА ХРИСТА РАСПАТЯГО,

ИЖЕ

Возлюбилъ насъ и Ѡмилъ Ѡ грѣховъ кро-
вию своею, и сотворилъ насъ царями и
Іерельми БОГЪ и ѠЦЪ СВОЕМЪ.
Возлюбленный Ѡ Господѣ
ЧИТАТЕЛЮ.

Ище и все евангеліе БОГА и спасителя на-
шего по всемъ своемъ состоянію нѣ-
кое таинство (кз Колос. гл. в. стих. в.) и и
сповѣдѣемъ велиа есть благочестіа таина. кз
Тимо. посл. а. гл. г. сл. обаче особеннѣи-
шимъ нѣкимъ образомъ можетъ такъ
нарицатиса евангеліе, поколикѣ содержитъ въ
себѣ ученіе Ѡ христѣ распатомъ.

Всеже ученіе сіе состоитса въ семъ, акѠ исусъ
христосъ истинныи БОЖИИ и человекескии сынъ,
егда тридесатъ и полъ чварта годъ въ мирѣ
семъ

(III)

СЕМЪ СЪ ВЕЛИКИМЪ НЕСЛОВІЕМЪ ПОЖИЛЪ, ВОЛЮ НЕБЕСНАГО СВОЕГО ОЦА СО ВСАКОЮ ВѢРНОСТІЮ ЧЕЛОВѢКОМЪ ВОЗВѢСТИЛЪ, И НЕИСЧИСЛЕННА ЧДА И ЗНАМЕНА СОТВОРИЛЪ, НА КОНЕЦЪ АКИ ПРЕВЕЛИКИИ НѢКИИ СЛОДѢИ О СОВСТВЕННАГО СВОЕГО ЛЮДѸ ПОУЩЕНЪ, ПОСМѢАННЫИ, ПОРѸГАННЫИ, ОПЛЕВАННЫИ, РОЗГАМИ БІЕННЫИ, И НАСАМОМЪ КРЕСТѢ ПОВѢШЕННЫИ, И УМЕРЩВЛЕНЪ БЫТЬ; ДАБЫ МЫ ЖИВОЮ ВѢРОЮ ВЪ РАСПАТАГО ХРИСТА ПРЕДЪ БОГОМЪ ОПРАВДИЛИСЯ И ВѢЧНОЕ СПАСЕНИЕ ПОЛУЧИЛИ.

И ВОИСТИННѸ ТОЛИКАА ТАИНА СІЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУРАЗУМОВѢ, ТОЛЬ СОКРОВЕННАА, ТОЛЬ СТѢЛО УДАЛЕННАА, СТРАННАА, И СОБЛАЗНЕМЪ ПОДЛЕЖАЩАА ВЕЩЪ; АКО ВЪЗГЛЯДОМЪ СЕГѸ, И КО САМИМЪ МДРИМЪ И ПРЕМДРИМЪ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТАКО БОГЪ ГЛАГОЛАТИ МОЖЕТЪ: **ПОМЫШЛЕНІА МОА НЕСУТЬ ПОМЫШЛЕНІА ВАША, И ПУТИ ВАША НЕ СУТЬ ПУТИ МОА, НО КОЛИКО ОСТОАТЪ НЕБЕСА О ЗЕМЛИ, ТОЛИКО ОСТОАТЪ ПУТИ МОА О ПУТИ ВАШИХЪ, И ПОМЫШЛЕНІА МОА О ПОМЫШЛЕНІИ ВАШИХЪ.** Ісаіа не. и. д.

ЧАСТЬ

(IV)

Часть сию евангелиа, аже въ себѣ содержитъ премѣдрость въ совершенныхъ. а. къ Корин. в. 5. аже есть премѣдрость божіа въ тайнѣ сокровеннаа, юже предѣстави богъ прежде вѣкъ въ славу нашѣ. въ тожде главѣ стихъ 3. нарицаетъ павелъ ругателнимъ словомъ, сіесть: проповѣдію юродства, но еюже богъ благоизволилъ спасти вѣрющихъ къ Корин. а. а. ии. ка. самоюо вещью дозналъ сего павелъ, акѣ христосъ распатыи іудеемъ есть соблазнь, еллинѣмъ же безѣміе. Авѣ же есть, акѣ апостолаъ сіе глаголетъ ѿ таковихъ людѣхъ, которыи погибаютъ. а. къ Корин. а. ии. вопрекиже глаголетъ ѿ спасающихъса, въ тожде главѣ, стихъ. къ. акѣ распатыи христосъ самѣмъ званымъ, іудеемъже и еллинѣмъ божіа сила и божіа премѣдрость есть. о баче и симъ крестѣ христовѣ сицеваа тайна, еаже глѣбины и бездны никогдаже могѣтъ доволнѣ испитати и постигнѣти, аще и разѣмъ свои въ послушаніе бѣры плѣнаютъ, ниже съ невѣрными соблажняютъса ѿ крестѣ, или презирютъ егѣ, но пачесо всакимъ благого вѣніемъ богатство любви

БО-

(V)

божіа, премѹдрость и Ѡправданіе кз спасенію своемѹ въз крестѣ Ѹсмотрѣваютьз, такѠжде христово страданіе и смерть, аки превеликое, предрагое, и преблагословенное дѣло, паче всѣхъ дѣлз сотворившихса на земли боголѣпнѠ почитаютз.

Но Ѡкѹдѹ имѣютз оны сіе; воистиннѹ не Ѡсамихъ себе. акѠжебо никтоже дѹхомз божиимз глаголаи. речетз анадема инсѣса: **такѠ никтоже можетз рещи господа инсѣса, точію дѹхомз сватымз. кз Корин. а. в. г. послѣдователнѣ ниже божественнѹ силѹ и премѹдрость сокровеннѹ въз крестной смерти егѠ** можетз кто инако познати, точію дѹхомз сватымз. дѹхомз сватымз подобаетз христѹ въз сердцахъ прославитиса. коликѠ мѣста кз семѹ въз сердци своемз человекз подаетз, толкѠ и разѹмѣетз онз истиннѣ Ѡ семз болѣеже разѹмѣти неможетз. кромѣже сегѠ, тоежде приключаетса и самимз вѣрнимз, еже Ѡ апостолахъ въз евангелии повѣствѣетса, егда имз христосъ Ѡ предстоящемз своемз страданіи предвозвѣщаше: и ти ниче-соже Ѡ сихъ разѹмѣша: **и бѣ глаголз сеи со-**

кро-

(VI)

кровенъ ѿ нихъ, и не разумѣвахъ глаголемыхъ. Аѿк. нн. дд. ниже сие доволно есть, но весьма безумиемо и соблазну мнитса быти человекѡвѣ, и въ самое сие время, егда онъ ничтоже таковое мнитъ быти, ниже помышлетъ ѿ семъ, пачеже ѹстами своими иное нѣчто показуетъ. поне естественныи человекъ благодати божіа немѣющын, немѣетъ ничесоже болѣе точию единое историчное и безплодное познаніе, или единіа точию слова въ ѹстахъ и празднаа подобіа въ мечтаніи своемъ, въ нихъ же царствіе божіе неможетъ состоятиса, еже состоитса не въ словеси но въ силѣ. къ Кор. а. д. к.

Въ разсѹжденіи особеннаго сегѡ и тайнства исполненнаго свойствіа еже имѣетъ ѹченіе ѡ христѣ распатома, въ началѣ прежде всако здѣ ѹвѣщаваетса дабы никтоже въ вещи сии мнѣлъ быти себе премѹдраго, благоразсѹднаго, и доволнаго побожнаго, но паче требѣ есть, дабы всако призналъ великое свое невѣжество и слѣпотѣ, такожде горкѹю и прегордѹю въ сердцѣ своемъ въ тайнѣ сокрывлющюса враждѣ противѣ креста христова, и

дабы

(VII)

ДАБЫ БСѢМЪ СЕРДЦЕМЪ ГОСПОДА БОГА ПРИЗИ-
ВАЛЪ, ДАБЫ ДУХОМЪ СВОИМЪ СВАТИМЪ ОЧИ-
ЩАЛЪ ЕГО ѿ СЕГѠ, И ѿВЕРЗАЛЪ ЕМУ ОЧИ, ДАБЫ
ВОЗМОГЛЪ УВИДѢТИ ЧУДЕСА ЗА СТРАХОМЪ СВА-
ТИМЪ, И ВНУТРИЕЮ РАДОСТІЮ И ВЕСЕЛІЕМЪ ЕВАН-
ГЕЛІА СЕГѠ, ИМЪ ЖЕ ЕДИНИМЪ ТОЧІЮ СПАСАЕМСА.

**ВОЕЖЕБЫ ЗА ДАВИДОМЪ ГЛАГОЛАТИ ВОЗМОГЛЪ.
БЕЗВѢСТНАА И ТАНАА ПРЕМУДРОСТИ ТВОЕА А-
ВИМИ ЕСИ. Псал. и. Мат. ден. 51. 31.**

ВЫСОКАГѠ РАДИ ПРЕИЗЪЩЕСТВА, И РАДИ НЕ-
ОЦѢНЕННАА ПОЛЗЫ ТАНАА СЕА, ДОСТОИННО, ПРА-
ВЕДНѠ И ПОТРЕБНѠ ЕСТЬ; ДАБЫ ВСАКЪ, ИЖЕ
ТОЧІЮ ХРИСТИАНСКИМЪ ИМЕНЕМЪ НАЗЫВАЕТСА,
НЕТОЧІЮ ВО ВРЕМЯ ПОСТНОЕ, ЕГДА СТРАСТЫ ХРИС-
ТОВЫ ПРАЗДНЮТСА, НО И КРОМѢ ВРЕМЕНИ
СЕГѠ, ПАЧЕЖЕ НА ВСАКЪ ДЕНЬ, СТРАСТЬ ХРИСТОВУ
АКѠЖЕ ПИСАНІЕ СВАТОЕ УЧИТЪ ВЪ СЕРДЦИ СВОЕМЪ
РАЗСУЖДАЛЪ И РАЗМЫШЛЯЛЪ: ДѢЛААЖЕБЫ
СІЕ НЕПРОСТО, НО СОВСАКИМЪ ТЩАНИЕМЪ И ПРИ-
ЛѢЖАНИЕМЪ, ДАБЫ ТАКѠ Ѡ СТРАДАНИИ ХРИСТО-
ВОМЪ ИСТИННОЕ, ЧИСТОЕ И СЛОВУ БОЖІЮ СОГЛА-
СЮЩОЕСА ВОЗМОГЛЪ ПОЛУЧИТИ ПОЗНАНИЕ, И
ДАБЫ НАУЧИЛСА КАКЪ ИМѢЕТЪ СЪ ТАКОВИМИ
ВЕЩАМИ ОБХОДИТИСА, И ТАКѠ БЫ ВОЗМОГЛЪ

ВЪ

(VIII)

ВЗ ВРЕМЕННОМЪ ЕЩЕ ЖИТИИ СВОЕМЪ СИЛЪ И ПЛОДЪ СТРАДАНИА ХРИСТОВА ВЪ ДУШИ СВОЕЙ ОЩУТИТИ, И ТОГОЖДЕ ВЪ НЕКОНЧАЕМОМЪ ВѢЧНОСТИ НАСИЩАТИСЯ.

Наипачеже, взглядомъ сего, еже вышше указася, требѣ есть, дабы всакъ учитель, егже намѣрение и конецъ не иныи есть точно собственное ег и душ повѣренныхъ емъ спасение и блаженство, первѣишее свое учение имѣлъ ѿ исуса христа распятаго, дабы христа распятаго и силъ воскресеня ег и общеніе страстей ег всегда лучше ради самаго себе познавалъ и общалъ. кз Филипп. г. 1. сюда подобаетъ намѣрати емъ наибольшое прилѣжаніе и попеченіе. ѿ семъ наипаче тшатися, дабы исуса распятаго всегда лучше возмоглъ предъ очима слышателен своихъ изображати, кз Галат. г. а. нижебы сднлз иное видѣти что, точно исуса христа, и сего распата. а. кз Корин. в. в. ѿ семъ подобаетъ емъ произнести свидѣтельство зъ добраго сокровища сердца своего, и такъ по примѣру апостола Филиппа,

дѣан.

(IX)

Дѣлан, и. и инихъ досегѡ привести, дабы подобнѣ распѣтагѡ христа познали и въ егѡ вѣрвали, аки въ премѣдрость аже ѿ бога и аки въ правдѣ освященіе и избавленіе. а. кз
Корин. а. л.

Ѣгдаже и азъ послѣднѣишыи, сіе прилѣжнѣе разсѣдихъ, неточію въ началѣ мнѣ недостойномѣ повѣреннагѡ званіа моегѡ евангелскагѡ стѣлѡ велие имѣхъ тѣцаніе кз познанію исѣса христа, аки единагѡ моегѡ вѣчнаа похвалы и любви достоннагѡ спасителя и избавителя, зъ сердечнимъ призываніемъ бога, и прилѣжнимъ разсѣженіемъ пророческагѡ и апостолскагѡ слова; дабы возмоглъ въ познаніи семъ всегда возрастати и ѡмножатиса, нотакожде по малои мѣрѣ даннаа мнѣ благодати, зъ возлюбленными моими и дражайшими ѡ христѣ дрѡгама сполтрѣждающимися мнѣ ѡсердное имѣхъ попеченіе, слышателей нашихъ кз познанію распѣтагѡ христа приводити, такожде и въ нѣкиихъ изданнихъ послѣчаю маихъ писаніахъ, подобнѣ тожде имѣхомъ намѣреніе.

Тако-

(X)

Таковѣ ради вины, немогоуѣ ѿрещи-
сѣ прошенѣи и совѣта нѣкинуѣ моиуѣ сердце-
чнѣи и прелюбезнѣи дръговѣ, дабы ѣ
книжицѣ сѣи издалѣ ради наставленѣи кз
истинномѣ познанию и дѣшеспасителномѣ ѣ-
потребленю страданѣи господа бога и спасите-
ла нашегѣ исѣса христа, дабы такѣ нето-
чию сѣи, которѣи слышали проповѣдь сѣи въ
книжицѣ сѣи содержащѣюсѣ возмогли паки
припомнѣти, но дабы и прочѣи чаемагѣ
ѿсюдѣ созыданѣи ѣчастникамы сотворилисѣ.
Сѣи ѣбо вина естѣ чесѣ ради книжица сѣи
издадесѣ. ѣсерднын читатель ѣверѣтетѣ въ
неи въ различнѣиуѣ разсѣжденѣиуѣ (нѣже о-
главленѣи абѣи попредословѣи слѣдѣетѣ) все ѣ-
ченѣи ѣ страданѣи христовомѣ, ѣ крестѣи и
смерти представленное и сочиненное, подлѣгѣ
всѣуѣ своиуѣ частѣи главнѣиуѣ изз самагѣ
писанѣи взатое, и тѣмѣже подтвержденное. и
понеже безз всѣкагѣ прекословѣи евангелѣи ѣ
христѣи распѣтомѣ всѣкимѣ образомѣ, ово
ѣ юден, ово ѣ папѣжскинуѣ дѣлѣи свѣтинуѣ,
овоже ѣ социнианскагѣ коварства, такѣже
и ѣ прочѣиуѣ чѣдѣи и страшилициз даже до-
ны-

(XI)

нынѣшнаго ѿ дна ѹбѣждается и растлѣвается, сего ради и вовсе книжицѣ сѣи кз семѹ намѣреніе есть, и противѹ всакаго страда- нію и смерти христовои противнаго ѹченіа, непорочнаа истинна христіанскаго ѹченіа въ части сѣи, какз точно намѣренномѹ просто- сердечномѹ созиданію безз всакаго вреда мо- гло сотворитиса, вопреки положеннаа и сво- божденнаа есть.

Заключаю ѹже предословіе мое сердеч- нымз желаніемз, дабы богз самз правдѹ свою благоволилз противѹ всѣхз неизмѣн- ныхз глаголаніи паче и паче защищати, и благопріятное благоуханіе познаніа правды сѣа навсакомз мѣстѣ колико болѣе, то- лико пространнѣе разширати, наипачеже дѹшеспасительное сѣе ѹченіе ѿ страданіи хрис- товомз въ книжицѣ сѣи положенное въ серд- цахз всѣхз читающихз книжицѹ сію нзобра- зити; дабы всакз возмогал ѿсюдѹ имѣ- ти истинныи плодз и ползѹ страданіа хрис- това, кз подтвержденію вѣры, и жи- тѣа благочестнаго.

Ѥминь Ѥминь.

Ѥгла-

(XII)

Ωглавленіе

слѣдующихъ разсужденіи.

А: Ω словесахъ христа господа, въ нихже ученикамъ своимъ предстоищю себѣ страсть и смерть предвозвѣщаетъ и предпоказуетъ.

страница в.

В: Ω Уподобленіи словесъ сихъ христа спасителя съ исторіею страданія егѡ.

страница г.

Г: Ω Уподобленіи исторіи страданія господня съ писаніемъ ветхаго завѣта.

страница е.

Д: Ω основаніи и винѣ страсти и смерти христовои.

Е: какѡ потреба разсуждати ѡ христѣ господѣ въ страданіи егѡ и поносной крестной смерти.

Ж: ѡ провозсѣлающои правдѣ, любви и мудрости божіеи, зъ страданія и смерти христовои.

З: ѡ божественной чести и почитаніи страсти и смерти христовои.

И: ѡ основаніи и винѣ божественнаго чести и почитанія страсти и смерти христовои.

.а. ѡ

(XIII)

Д: Ω преславнои и безцѣннои ползѣ и благословеннии страданіа христова.

І: Ω потвержденни и запечатлѣнни благословеніа сицевагΩ и ползы страданіа христова. чрезъ торжественное и преславное егΩ окончаніе.

ІІ: Ω божественномъ подаани и даровани ползы сеа и благословеніа чрезъ ѹстановленіа благодати посредствіа, аже сѹть слово божіе и тайны сватіа.

ІІІ: Ω преизаществѣ примѣра христова въ страданіи егΩ и смерти.

ІІІІ: Ω власти божіеи и христовои надъ чловѣками зъ сицевагΩ страданіа послѣдѹющои, такΩже Ω праведнои должности и повиновеніи чловѣкз.

ДІ: Ω ѹстроени, воежебы всеа ползы и благословеніа Ω страданіа христова происхождащегΩ ѹчастникомъ сотворитиса.

ЃІ: Ω благополѹчному состоани сердца, еже дѣлаетса вѣрою въ христа распатагΩ.

ЃІІ: Ω двоихъ ѹвѣщаніахъ.

Познаніе

(1)

1. Познаніе іисуса христа распатагѡ, всакомѡ хотащомѡ дѡшѡ свою спасти и изба-
вити есть вещь весьма и необходимѡ по-
требнаѡ. Вицево глаголетъ христосъ спасите-
ль. Се есть животъ вѣчный, да знаютъ те-
бе одинагѡ истиннагѡ бога, и егоже послалъ
еси іисусъ христа. Іѡан. 31.

2. Я акѡ къ познанію іисуса христа наи-
паче принадлежитъ познаніе креста егѡ, и акѡ
сіе основаніе и первѣишаѡ часть есть позна-
ніѡ онагѡ, показѡетъ Сѣлѡ ѡсерднѡ Япо-
столъ сице глагола. несѡдихъ видѣти что
въ васъ, точію іисуса христа, и сегѡ распата.

а. къ корін. в. в.

3. Ящеже въ разсѡжденіи сегѡ нѣкое простое и
желающее спасеніѡ своегѡ сердце вѣдати же-
лаетъ, какѡбы зачати сіе, дабы Благопо-
требное

(2)

требное и дѣшеспасителное Познаніе сіе полѣчи-
ти возмогло. и кимъ наипаче вещамъ, и
главнимъ частемъ подобаетъ емѣвнимати,
подлѣгъ свѣщеннагѣ писаніа, кромѣ сегѣ,
еже въ предословіи речеся, требѣсть есть слѣдѣю-
щомѣ внимати ѹченію.

4. Иаилѣчше есть въ вещи сѣи, начало ра-
зсѣжденіа дѣлати Ѡсегѣ, еже ѹдобенѣише
есть ко обатию и понатию, и первѣе разсѣдѣти
что христосъ господь ѹченикамъ своимъ стѣ-
лѣ частѣ и насамомъ остатнемъ пѣти во-
схода во іерѣсалимъ предвозвѣщавъ и пред-
показавъ ѣ предстоищомъ себѣ страданіи
и смерти.

5. Поитъ въ оное время овладесѣта ѹченика
своа, и рече къ нимъ. Се восходимъ во Іе-
рѣсалимъ, и скончуются вса писаннаа проро-
ки, ѣ бынѣ челоѣчестѣ, предадутъ во егѣ
языкомъ, и порѣгаются емѣ, и ѹкоратъ
его, и оплюютъ егѣ. и Бивше ѹвиютъ его.
и въ третии день воскреснетъ. Лѣк. нѣ. ла.

В

Г (3)

6. Въ сихъ бо словесахъ избѣрѣтается спасителя нашего страданіе, еже онъ самъ аще и не все подробно, о баче Болшіа и изацѣнѣиша части егѡ именнѡ изображаетъ, и представляетъ сице, акѡ всякомъ возможиѡ сѣлаѡ удобнѡ едва не все сіе въ память воспріати, еже четыры евангелисти пространѣе и съ приводомъ множаншихъ обстоятельствъ написаша.

7. Можеша же авіе подобленіе нѣкое сотворити междѡ Евангелистами, и междѡ помянѡтими оними словами христовыми Страданіи егѡ, и сегѡ ради исторію Страданія Христова прилѣжнѡ читати, какъ онаа написанна есть ѿ Матѡеа въ главѣ къ. и къ. ѿ Марка въ главѣ къ. и къ. ѿ лѡки въ главѣ къ. и къ. ѿ Іоанна въ главѣ иі. и ді. и онѡю глѡбоко въ ѡмъ водрѡзити.

8. Кромѣ бо сегѡ, акѡ исторіа сіа въ себѣ самой важнаа есть всякъю мѣрѡ превосходящаа и всѣхъ мѡчениковъ дѣствіа; та
ажде

Д (4)

ажде можетъ быти аки нѣкое доволное истолкованіе, или совершенное обясненіе тѣхъжде самихъ словесъ, и ниже христосъ господь страданіе свое предъ возвѣстилъ.

9. Такѡжде и къ семѸ сицевое приуподобленіе полезное есть, да познаеши какѡ христосъ Спаситель вса страданія своя имѣющаа емѸ приключитиса толь совершеннѡ и подробнѸ прежде вѣдалъ; понеже подлѡгъ повѣствованія евангелистовъ, все сице и таковимъ образомъ исполнилоса, акѡже словеса егѡ прежде назнаменоваша. Акѡже и Іѡанъ авѣ глаголетъ, **Иисусъже вѣдыи вса грядущаа нанъ. ии. д. еже крѣпкое свидѣтельство есть божественнагѡ егѡ всѣхъ вещей познаніа:** (ѡчесомъ въ исторіи страданія господна не всѣ толь частѡ повѣствуетса, напримѣръ Мат. къ. в. кг. ла лд, Марк. ді гі.) ѡ-къдѸ можеши познати коею неизмѣрною и весьма непостижимою силою любви и Ѹсердіа страданіе егѡ сотворилоса, ѡ чомъ ниже болѣе слѣдуетъ, понеже вѣдалъ прежде вса одна-

коже

Е (5)

коже неубѣгалъ, но паче съ радостію вса
страдати и претерпѣти благоизволиа.

10. едаже историю страданіа христова добрѣ
познаеши, подлѣга всѣхъ обстояніи егѡ, и
ѡсюдѣ прензрядное согласіе и равность междѣ
провозвѣщеніемъ христа господа ѡ страданіи
егѡ, и междѣ тогожде страданіа исполнені-
емъ ѡразумѣеши, тогда сравниа еше историю
страданіа христова съ писаніемъ ветхаго за-
вѣта, и вземли се мѣ, какѡ богъ ѡначала
многѡобразнѣ и многѡразличнѣ, къ евреѣ.
а. а. вса сіа, аже Спасителевѣ нашомѣ, по-
длѣга повѣствованіа Евангелистовъ и по-
длѣга Собственнаго егѡ свидѣтельства при-
ключишася, провозвѣстиа.

11. Небо показѣтъ Самъ христосъ госпо-
дь, егда въ предвозвѣщеніи своемъ снѣ гла-
голетъ. и скончуются вса писаннаа пророки ѡ
сынѣ чловѣчестѣ. Акѡже и посовершеніи
страданіа своего ко ѹченикомъ глаголаше.

сіа сѣть словеса аже глаголахъ къ вамъ, еше

сын

5 (6)

сынъ съ вами, ꙗкоже подобаетъ скончатисѧ всѣмъ
написаннымъ въ законѣ моисеѡвѣ, и
пророцѣхъ, и ꙗвлихъ ѡ мнѣ. Аѡк. къ
мд. такъже нѣкихъ ѿ учениковъ Свои-
хъ ѡвѣщаваше и поношаше имъ, сице гла-
голюци: ѡ несмысленная и косная сердцема,
еже вѣровати ѡ всѣхъ, ꙗже глаголаша про-
роцы. Не сѧ ли подобаше пострадати христѣ,
и внити въ славу свою; Аѡк. къ. ке. а ꙗкоже сѧ
главная часть есть разсѣждения, еже подобае-
тъ разсѣждати въ ветхомъ завѣтѣ, пока-
зѣетсѧ ѿ сюдѣ, еже петръ глаголетъ въ пер-
вомъ посланіи, въ главѣ а. взнихъ бѣ
дѣхъ христовъ, прежде свидѣтельствѧ ѡ хри-
стовихъ страстехъ, и ꙗже посихъ славахъ.

12. Посемѣ не сѣетныи есть трудъ, егда въ
писаніи свѣтомъ ветхаго завѣта испитѣши,
когда и какъ въ немъ ѡ христѣ распѣтомъ
прежде провозвѣщеннѣ бѣ.

13. Не мысли сегѣ, аки бы ты былъ простъ,
невѣжа и несмысленъ къ семѣ, аки бы раз-
сѣжде-

3 (7)

сѹжденіе сіе силы твои превосходило, акибы
безз всякіа надежди всѣе точію мозгъ сѣши-
лз. Немысли сего, ниже ѹжасанса, и нео-
слабѣван ради простоти твоеа и невѣжества.

14. Подобаєтз ботевз первѣе сіа мѣста вз
ветхѹмз писаніи и зобрѣсти, аже обрѣтаєши
вз самои исторіи страданіа господна Ѡ Еван-
гелістовз приведеннаа сегѠради, дабы еси Ѡсю-
дѹ предвозвѣщеніе страданіа господна по-
зналз, и внималз исполненію предвозвѣще-
ніа онагѠ. чрезз сіе и препростоу невѣжѣ
намногихз мѣстахз вз законѣ моисеовѣ,
вз пророкахз и псалмахз писаніе ѹразумѣет-
са, и аки нѣкимз ключемз сокровенное со-
кровище таинства Ѡ христѣ распатоу Ѡ
верзетса и Ѡкрыетса,

15. Ѡ сегѠ Ѡснованіа можеши безз всяка-
тѠ сѣмнѣніа извѣститиса, акѠ вз слѣдѹ-
ющихз мѣстахз священнагѠ писаніа на при-
мѣрз нсходз в. мз. идѣже Ѡ пасхалноу
агицѣ глаголетса **кости ѠнегѠ данесокрѹши-
тє. ТакѠжде ѱало.м. ка. боже мон, боже**

.мон,

и (8)

мон, почтома еси оставилъ. Подобнѣ ꙗ-
лом. ѝи. и даша въз снѣдь мою желчъ, и въз
жаждѣ мою напоиша ма оцта: такѡжде
ѡ тридесати Бребренникахъ, Захаріа, ал. вл. гл.
подобнѣ ѡ пораженномъ пастирѣ, иже ме-
чѣмъ имѣашс поразитиса, Захар. гл. з. въз
сихъ глаголю мѣстахъ свѣщеннагѡ писаніа
можеши распатагѡ христа искати и ѡбрѣсти,
Понеже дѣхъ свѣтлыи, чрезъ Егоже Еванге-
листи написаша исторію страданіа господна и
всѣхъ обстояннн тогда приключившихса, осо-
бениѡ помандтіа мѣста зсвѣщеннагѡ пи-
саніа въз свѣдѣтельство и потвержденіе приводи-
тъ, и показѣтъ, Какѡ онаѣ реченіа чрезъ
страданіе христово исполнишася.

16. Къ Симъ реченіамъ можеши и инаѣ
зсвѣщеннагѡ писаніа приложити зсвѣтѣ-
гѡ завѣта иже или самъ христосъ господь,
или евангелннн, или прочнн апостоли въз но-
вомъ завѣтѣ ѡпотребиша тоѣжде ради ви-
ны дабы ѡ сюдѣ тайна страданіа позналася.
Егдаво христосъ къ никодимѣ глаголетъ:

Акѡ-

д. (9)

Акоже монсеи вознесе **С**ию въ пѣстынѣ:
такѡ подобаетъ вознестиса сынъ человечес-
комъ, можеша ѿсюдѣ познати, акѡ
чрезъ онагѡ **С**ма, ѡ немже повѣстуетса въ
книзѣ числз ка: крестнаа христова смерть
сокровенна содержитса и проѡбразуетса. Та-
кѡжде егда христосъ глаголетъ: **М**ат. в. **А**-
кѡже бѣ **И**она вочревѣ китовѣ три дни, и
три ноци, такѡ бѣдетъ и сынъ человечески
въ сердца земли три дни, и три нѡци, неис-
повѣсили самъ сегѡ, акѡ аки свѣтилникъ
возженыи подаетса тебѣ ѿсюдѣ, дабы еси
возмога во всемъ онома слѣчан **И**оны про-
рока ѹвидѣти таинъ страданія христова; по-
добнѣ, сгда въ дѣланіахъ апостолскихъ чте-
ши въ главѣ д; приведенное началѡ **Ѳ**алма
вторагѡ воскѡю шаташася ѡзыцы, и еже въ
слѣдѡщихъ стихахъ авіе послѣдѣетъ: **С**о-
бращасяже вонстинъ во градѣ семъ, на свата-
гѡ отрока твоегѡ исѣса, егоже помазалъ
еси, иродъ же и понтинскии пилатъ съ ѡзыки и
людми израилевими, сотворити елика рѣка
твоа и совѣтъ твои предначече быти. **Неи-**
ма-

I (10)

маши ѸсѸмиѳватисѧ Ѡ семѧ, акѠ поманѸ-
тын ѳаломѧ пророчество Ѡ страданіи христо-
вомѧ содержитѧ въ себѣ. такѠжде егда па-
велѧ глаголетѧ, въ первомѧ посланіи къ ко-
рин: въ главѣ є: **пасха наша заны пожреиз
высть христосѧ.** Паки показѸется ѠсюдѸ, а-
кѠ въ ветхомѧ завѣтѣ юденская пасха, или
агнеца сѣлѠ израдное и благопріятное про-
образование было Христа и крестнаѧ смерти
егѠ, акѠже сіе и выше Ѹказасѧ въ приведе-
нихъ онихъ въ исторіи страданіѧ господнаѧ сло-
вахъ: **кости ѠнегѠ данесокрѸшите.**

17. Яце едино точно посланіе Павлово къ
евреѠмѧ прилѣжнѠ прочтеши сегѠ ради, да-
бы еси возмогахъ Христа распатагѠ въ священ-
номѧ писаніи ветхагѠ завѣта изобрѣсти, Ѡ
коль дѸшеспасително можеши къ семѸ Ѹпо-
требити поманѸтагѠ посланіѧ Павлова къ
евреемѧ! ѠкѸдѸ научишисѧ, акѠ Ѹмален-
ныи оныи малымѧ нѣчимѧ Ѡ ангелѧ, Ѡ
которомѧ поминается въ ѳалм. и. неинны
кто есть, точно исѸсѧ во времяѧ воплощеніѧ
своегѠ,

а. (11)

своего, и съ человекѣки пожитіа, иже за при-
ятіе смерти славою и честію вѣнчанъ есть. Къ
евр. в. 3. д. Такѡжде въ сихъ словахъ: жерт-
вы и приношеніа не восхотѣлъ еси, тѣложе
совершилми еси. Всесожженіи и ѡ грѣсѣхъ не
благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се идѡ, въ
главизнѣ книжнѣ написаса ѡ мнѣ, еже сот-
ворити волю твою Боже, ѱал. лд. неини
кто можетъ быти глаго люции словеса сіа,
точно христосъ, акоже павелъ свидѣтел-
ствуетъ, Къ евр. 1. иже воспоминаю зде пре-
множества прочиныхъ мѣстъ за писаніа вет-
хаго забѣта въ посланиіи оноу приведены-
хъ. Которіа аще и невоспоминаютъ авѣ
ѡ страданіи христовомъ, ноточію къ пока-
занію божества егѡ или истиннаго человѣче-
ства, или прославленіа егѡ приведена сѣть,
обаче тѣжде въ сицевіа главы и мѣста свѣ-
щеннаго писаніа ведѡтъ, идѣже аще точію
послѣдованіе и ѡбщеніе нѣхъ разсѣдиши, авіе
или авніа пророчества о страданіи христовомъ,
или поне безъ трѣда нѣкиа слѣды ѡ семъ
ѡверѣтеши. Вице на примѣръ слѣдѡ-
щи

вї (12)

щи слова! **повѣмъ имъ твоѣ брати моѣ**
ѡ алом. ка. не глаголютъ особенно нѣчто ѡ
страданіи христовѣ, но аще весь ѡ аломъ
по мнѣнью прочтѣши, обрѣтѣши внемъ Си-
цевое описаніе страданія христова, акѡ воз-
мниши паче ѡ Евангелиста нѣкоеѡ написан-
ное быти, нежели ѡ пророка.

18. **Наи пачеже не безъ удивленія съ по ма-**
нѣтагѡ посланія павлова познаѣши, какѡ во
всемъ ѡ моисеѣ описанномъ Левитскомъ
божиимъ служеніи и во іереехъ егѡ, въ жер-
твахъ и прочинхъ употребленіяхъ таина стра-
данія христова и смерти егѡ, аки дражайшее
перло въ безобразной черепашинѣ Бокровен-
наѣ лежитъ. или паче, да со Апостоломъ ре-
кѡ: вса онаѣ аже въ ветхѡмъ завѣтѣ бы-
ша, точно образѣ и стѣни не веснѣхъ послѣ-
жиша. къ евре. и. е. сегѡ ради онѣ главы въ
книзѣ левитъ: въ нихъже левитскіѣ обряды и
употребленія писанна сѣтъ, имаша зъ сер-
дечною радостію чести почитающа Божію пре-
мѣдрость въ нихъ криощѣюса; инако бо аще
кто чтетъ онѣ главы, и не ищетъ въ нихъ

хри-

гї (13)

христа распятаго, ниже познаетъ его, семъ сѣлѣ досадное и докѣчное иматъ быти чтение сицевоє.

19. Въ томъже послании обрѣтеши акѣ распатыи христосъ, неточію прообразовася въ обрадахъ монсеѣвихъ, но многими лѣти прежде Моисеа, авель жертвою своею, Мелхиседекъ священникомъ своимъ, такожде Исаакъ имѣющыи въ жертвѣ принестися. тогоже распятаго христа прообразовахъ. къ евреє. аї. вї. з.

20. Егдаже сицеваа свидѣтельства зъ ветхаго завѣта къ чтению воспріемлеши аже свидѣтельствуютъ и прознаменуютъ распятаго христа, и миже и новыи завѣты ѿтверждаются, немалое сокровище и предложеніе возимѣши. Ѽкъдѣ ѿверзѣтсѣ тебѣ очи, еже ѿвидѣти и напрочихъ многихъ мѣстахъ священнаго писанія ветхаго завѣта, таинъ страданія Христова, аще и не сѣтъ онаа вновомъ завѣтѣ подлѣгъ всѣхъ своихъ словесъ къ подтвержденію приведеннаа. Но точнонѣкин-

Дї (14)

нѣкимъ образомъ нѣкое слово зъ нихъ во-
спрятое есть. и сице самъ дознаеши исти-
но сїе быти еже петръ глаголетъ. Ѡ семъ вси
пророцы свидѣтельствуютъ. дѣян. 1 мѣ.

21. Зъ сицеваго Ѡ уравненїа и сообщенїа исто-
рии страданїа господня и прочихъ мѣстъ но-
ваго завѣта зъ писанїемъ ветхаго завѣта,
можеша превеликую сїю имѣти ползу, акѠ
неточїю Ѡ божественной силѣ священнаго пи-
санїа извѣстишиса понеже въ ветхомъ и но-
вомъ завѣтѣ превеликое согласїе и единство
есть, но и безъ всякаго сѣмїи Ѡсюдѣ Ѡра-
зумѣши, акѠ ниже малѣишее что Ѡ стра-
данїа случаемъ нѣкимъ спасителемъ нашемъ
приключилося, или единою точїю волею и со-
вѣтомъ человекъ враговъ егѠ, но вса сотво-
ришася нарекованнымъ совѣтомъ, и прора-
зумѣнїемъ божимъ, дѣян. в. кг. еже къ
разсѣжденїю Ѡ страданїи господнѣ зѣло по-
требное есть, аще кто хочетъ добрѣ рассѣж-
дати Ѡ семъ. СегѠ ради самъ христосъ гла-
голаше. Сынъ человеческїи идетъ поречен-

номъ.

еї (15)

номѸ. АѸк. кв. кв. АѸкоже естъ писанно Ѡ немѸ. Мат. кв. кв. Оуда и достоинопа-матныи оныи Ѡвѣтъ христовѸ кз ПилатѸ намѣренѸ бѣ. Егда бо ПилатѸ гордостнѣ хвалашесѸ, акѠ власть иматѸ распати, и власть имать пѣстити, ѠвѣщавѸ емѸ христосѸ: **неимаша власти ниединѸ на мнѣ, аще не бы ти дано свѸше.** ІѠан. дї. аї. И такѠ посемѸ правилѸ все творашесѸ, начало страданїа христовѸ, и торжественное окончанїе егѠ. ДїаволѸ и орѸдїа егѠ немогша всѸ творити по воли своен, но точїю сотвориша сїе, **Ѣже рѸка воїа и совѣтъ егѠ предна рече Быти.** дѣан; д. ки.

22. И сїаго естъ вина, акѠ многоа въз страданїи христовѸ инакѠ сотворишасѸ, неже врагы христовы намѣрали, весма противнѠ совѣтъ ихѸ.

23. Да Ѹснѣ сїе покажетсѸ, и да възбѸдїшсѸ кз прилѣжитѣншомѸ разсѸждению, коль предивное слѣдованїе и сочиненїе всѸ помы-

шлѸ-

шленіа и совѣты челоувѣческіа превосхода-
 щое въ исторіи страданіа господна обрѣтает-
 ся, нѣкіа представляю тебѣ примѣры: разсѣ-
 ди на примѣрз, акѡ аще и весь верховныию-
 деиский Совѣтъ заключилъ былъ въ празд-
 никъ оныи пасхи, Егда христосъ во Іерусалимѣ
 былъ, ничтоже Исусъ назаренскомъ сотво-
 рити, но ѡгоднѣишагѡ времени ко исполне-
 нію кровію и ѡбидствомъ исполненнагѡ совѣ-
 та своегѡ ожидаги: **Добрѣже основаннѡю**
винѡ имѣаше сію, глаголахѡ боно неврэд-
никъ, данемолва бѣдетъ въ людехъ. Мат.
кс. е. Ѡ ниже множанши аще не аки мес-
 сію, обаче аки особеннаго нѣкоего пророка
 почитахѡ, и Ѡсюдѡ ѡдобъ моглибы къ семѡ
 подвигнѡтиса христа Ѡрѡкъ ихъ свободити.
 Творашесаже сіе ихъ предложеніе двома
 днми предъ полтіемъ христа на страсть.
 Ктожебы имѣлз иное что зде помышлати
 кромѣ сегѡ, акѡ въ оное время христосъ го-
 сподь ничтоже постраждетъ, но несотвориса
 сице акже оны предѡставлахѡ, но сице сотво-
 риса, акже богъ предѡстановилъ, и акже
 хри-

31 (17)

христосъ господь самъ прежде страсти своею предвозвѣстилъ, глагола: **вѣсте акѡ по двою дню пасха бѣдетъ, и сынъ человѣческии преданъ бѣдетъ на пропатіе, Мат. кс. в. требѣ** во баше дабы зъ самихъ обстоятелствъ онагѡ времени показалося сіе, какѡ сице особеннымъ смотреніемъ божіимъ премѣдрости, прообразование оное юдеискіа пасхи или агнца пасхалнагѡ, въ слѣдующомъ распатіи Іисуса Христа исполнилося.

24. Такожде егда помыслиши акѡ верховный оныи во іерусалимѣ совѣтѣ, аще иможаше христа аки богохѣльника, акоже оны мнахѣ подобнѣ аки Стефана дѣан. з. по власти данной себѣ каменіемъ побити, и такѡ совѣтѣ свои къ ѹвинствѣ намѣренныи абіе исполнити на немъ безъ всякагѡ Ѹлаганіа; однакоже несотвориса сіе, но азыческомѣ игемонѣ (егоже лица и сѣда церковныи юдеискии причетъ инакѡ нетерпаше, и сего ради неможаше сіе ѹдобъ сотворитиса, дабы емѣ нѣкажъ вещицъ предложена была аки расколцика и всенароднагѡ смѣтитителя на казнь преда-

ша

нї (18)

ша его; подобнѣ, егда помыслиши, какѡ
пилатъ, частію чрезъ предложенное бїеніе, час-
тію же чрезъ ѿдавніе прееззаконнаѡ онаѡ
разбойника вараवвы насмерть вмѣсто Іисуса,
превелкое имѣаше тщаніе ѹволнити христа
ѿ смертнаѡ страданїа егѡ; обаче наконецъ
преклонилса къ семѸ, іисуса на смерть предати.
Егда вса сіа помыслиши и прочла обстоянїа,
весма богословнѸ винѸ возимѣеши, во
всемъ дѣланїи семъ большое и высочайшее
нѣчто признати, нежели єдиныи точїю совѣтъ
человѣческыи и творенїе. Еже и Іѡаннъ, сот-
воривши нзвѣщенїе ѡ нечаянноѸ оноѸ
преданїи христа господа азыческомѸ игемонѸ
и акѡ верховныи юденскыи совѣтъ самъ не-
хоташе егѡ ѹбивати, (аще понѣкоеѸ обра-
зѸ и позволяше имъ Пилатъ) аственнѡ
свидѣтельствуетъ, какѡ сіе сотворилоса: **да**
слово, глаголетъ, іисусово совѣдетса, еже
рече, назнаменѸа коею смертію хоташе Ѹмрѣ-
ти. гл. нї. ав. Словожє іисусово ѡ семъ сіє
бѣ: сынъ человѣческыи преданъ бѣдетъ ар-
хіереемъ, и книжникѡмъ, и ѡсѣдатъ, егѡ
на

дї (19)

на смерть: и предадутъ его ѡзыкомъ на поруганіе и бїеніе и пропатіе. Мат. к. нї. Акѡже иногда мужіе сѣци юдеи предаша самѡна филистиномъ. сѣди гл. еї.

25. ꙗко боговъ неможетъ вина приписатиса сотворившагоса согрѣшенїа ѿ мѹчителенъ въ страданїи христовѣ, сегѡ ради, понеже сіе по предѹставленїю божию предвозвѣщенномѹ ѿ пророкъ сотворилоса, особеннѡ нѣчто зде писати немамы намѣренїа. Безсѹмнѣнїа дїаволъ и орѣдіа егѡ во всемъ дѣланїи оному Словою своею дѣйствоваша, о баче божіе смотренїе и премѹдрость вса къ спасителномѹ своемѹ предложенїю предѹстанови, попусти, опредѣли, и воспати, безъ всакагѡ ѹчастїа Словствїа ихъ.

26. Тоежде приѹподобленїе страданїа господна съ исторїею ветхагѡ завѣта кромѣ вышше именованнихъ ползъ, сію еще ползѹ сотворитъ тебѣ, акѡ сохранитъ та ѿ сѣлагѡ вредителнагѡ пеллагева заблѹжденїа, иже мнѹше акивы во время новагѡ завѣта ѹченїе сіе началоса, вѣрою въ распятагѡ христа спасатиса въ ветхомъ

же

к (20)

же завѣтъ ꙗченіа сего глаголетъ небыло, но ꙗадама до моисеа, закономъ естественнымъ, ꙗмоисеаже до христа, закономъ на синайскон горѣ поданнымъ людіе спасахъса. Акожебо ꙗченіе сіе ложное есть ꙗснованіа немѣющое, и показѣтъ превеликѹ слѣпотѹ и невѣжество всѣхъ сихъ, котори сицевое имѣютъ мнѣніе: такъ ꙗз сорабненіа новаръ завѣта ꙗз ветхымъ, сѣлъ ꙗснъ показѣтса сіе, акъ ꙗ начала мѣра инаго ꙗти небыло кзживотѹ вѣчномѹ, и никоеже иное посредствіе по паденіи показаса челоуѣковѣ точію единаа вѣра въ христа распатагъ, и акъ древни ꙗвѣри восприаша свидѣтельство и извѣщеніе, акъ блаженными сѣтъ и божіе нанихъ почиваетъ благоволеніе. ꙗчесомъ пространнѣе что воспоминаати зде немамы. смотри ꙗсемъ кз Евр. гл. аі. гл. гі. дѣян. еі. аі. 27. Наконецъ можетъ тебѣ сіе полезнымъ быти кз сианомѹ извѣщенію ꙗ истиннои и ꙗснователнои правдѣ всегъ христіанскагъ благочестіа, аже всемъ состоитса, акъ инсѣз назаренскыи, егоже мы исповѣдемъ, сеп

есть

ка (21)

ЕСТЬ ИЖЕ ИМѢАШЕ ПРИИТИ И НЕТРЕБѢ ЕСТЬ ИНАГО
ЧААТИ. МАТ. АІ. Г. АКСѢ ОНЪ ЕСТЬ СЕН, ИЖЕ БО-
ЖИИМЪ СОВѢТОМЪ ПРЕДЪСТАВЛЕННИИ И ПРОРО-
КЫ ПРЕДВОЗВѢЩЕННИИ БѢ, И НАЗНАМЕНОВАН-
НЫИ, ЕГОЖЕ ПОДОВЛЕТЪ НАМЪ АКИ ИСТИННАГѢ
МЕССИЮ, ХРИСТА СІЕСТЬ ПОМАЗАННАГО БОЖІА ВОС-
ПРИАТИ ИПОЧИТАТИ,

28. ВОЗЛЮБЛЕННИИ УЧЕНИЦЫ СПАСИТЕЛА НАШЕГѢ
Ѣ САМАГѢ НАЧАЛА ЧРЕЗЪ БОЖЕСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ
ЕГѢ И ЧУДЕСА АБИЕ ИЗВѢСТИШАСА, И ЧРЕЗНЕМАЛОЕ
ВРЕМЯ ВѢРОЮ ПОСЛѢДОВАША ЕМУ АКИ ИСТИННО-
МУ ОНОМУ ОБѢЩАННОМУ МЕССИИ, ВСА СВОА
ОСТАВИШИ. СИЦЕВО ГЛАГОЛАХУ: ГОСПОДИ, КЪ
КОМУ ИДЕМЪ; ГЛАГОЛЫ ЖИВОТА ВѢЧНАГѢ И-
МАШИ: И МЫ ВѢРОВАХОМЪ И ПОЗНАХОМЪ, А-
КѢ ТЫ ЕСИ ХРИСТОСЪ СЫНЪ БОГА ЖИВАГѢ. ІѢАН.
5. 3И. МАТ. 21. 21. НОКОЛЬ СѢЛѢ СОВЛА-
ЗНИШАСА ТОЛИКУЮ ВѢРОУ ИМѢЮЩИИ, ЕГДА ВИДѢ-
ША БѢДНОЕ И НЕЧАМНОЕ ГОСПОДА СВОЕГѢ МЕССИИ
ОКОНЧАНИЕ ЧРЕЗЪ КРЕСТНЮЮ ПОНОСИЮ СМЕРТЬ, Ѣ
ДВОИХЪ ОНИХЪ УЧЕНИКОВЪ ИДУЩИХЪ ВЪ ЕММА-
УСУ ВИДѢТИ МОЩНО ЕСТЬ. АѢК. КД. ЧТО И ПРОЧИИ
ВСИ УЧЕНИЦЫ ИМѢАХУ ВЪ СЕРДЦИ СВОЕМЪ, ПРИ-

зна-

КВ (22)

знавахъ сіе, акѡ сѣи естъ хотѣ избавити израиля ѿ кѡдѣхъ ѹдобѣхъ познаваецѣя, акѡ оны даже досегѡ времени Исѹса назаранина не точно имѣлахъ акн нѣкоегѡ особеннѡ ѿ бога воздвиженнаго пророка, но наки онаго мессію христа, иже Израиля по божию ѡбѣщанію ѿ рѹкъ враговѣ егѡ свободити имѣаше, но нинѣ инакѡ сотворисѣ глаголахъ въ себѣ, и ѿсюдѣ неможахъ инакѡ вѣрити, точно, акѡ большое мнѣніе имѣлахъ ѡ христѣ, нежели онѣ въ самой вещибѣ, Видимѡ ѹбо на вѣрибишихъ ѹченикахъ господнихъ, акѡ оны въ семѣхъ наипаче погрѣшиша, ѿ кѡдѣбы наипаче подобало имѣ ѹкрѣплати вѣрѣ свою въ христа, акн истиннаго Мессію.

29. Икакъ вина естъ сегѡ, акѡ юдеи даже досего дня сего Исѹса, егѡжемы исповѣдемѡ, нехотѣти признавати и воспріати за истиннагѡ онаго обѣщаннаго Мессію, непоносали онакъ крестнаѣ христовѣ смерти, юже онѣ по многихъ прочинѣхъ рѹганіѣхъ претерпѣли; не сегѡ ли ради христосѣ юдеимѣ **есть камень пре-**

кГ (23)

ПРЕТИКАНІА, И КАМЕНЬ СОБЛАЗНА: ПЕТР. А. В. З.
и такѿ пора́звращенномѹ плотскомѹ своемѹ
мѹдрованію, нехотѣтъ воспріати сего занс-
тиннаго мессію, ѿ которомъ оны весьма иное
имѣютъ мнѣніе. сегѿ ради и апостолы господ-
ни проповѣдѹющи юдеѿмъ евангеліе во все
оное время сѣлѿ трѹждахѹсѹ, предлагахѹ;
и противопологахѹ имъ священнаѹ писаніа
первѣе ѿ семъ, акѿ хрнстѹ подобаше страда-
ти и востати ѿ мертвихъ, второеже, акѿ сен
исѹсъ иже ѿ назарета онын обѣщанныи хри-
стосъ есть. дѣан. гл. в. кв. гл. г. гл. гл. л. і. гл.
і. мГ. л. кс, гл. зі. г, которое первое требѣ
было имъ многими прежде времени знати и
разѹмѣти, дрѹгоеже съ первагѿ заключати.
чесогоже ѹченицы господни слабости ради своеѹ
первѣе несотвориша, юденже даже и досегѿ
днѹ превеликѹ ради слѣпоты своеѹ и ожесточе-
ніѹ сердечнагѿ нехотѣтъ творити; семѹ по-
треба тебѣ съ толкѿ болшимъ прилѣжа-
ніемъ внимати, и творити.
30. Сѹ вина есть акѿ господь исѹсъ пострадамъ
сицевимъ страданіемъ, каковое повѣстѹется

вз

кд (24)

вз евангелии. Ѡ кѣдѣ неточію никакого преплатіа вз вѣрѣ неподобаетъ имѣти тебѣ воеже бѣровати вз христа аки вз обѣщаннаго онаго мессію, но паче Ѡсюдѣ подобаетти беззвсакаго сѣмнѣніа Ѡ правдѣ сеи извѣститиса, акѠ, ащебы христосъ господь, ащебывозмогло сіе сотворитиса, и вса прочаа знаменіа на себѣ имѣлаз, нестрадалз жебы сице, акѠже сотворилз онъ, понстиннѣбы неподобало признавати, и примати его за обѣщаннаго онаго мессію.

31. Ползи сеа, юже зъ соравненіа историчнагѠ описаніа страданіа господна, или обще новагѠ завѣта зъ писаніаи монсеовими и пророческими имѣти можеши, данникакоже Ѡложиши или презриши, и даневозмниши быти сіе кобтвержденію вѣры, аки неключимое нѣчто и преизлишное, понеже и кромѣ сегѠ вещиа сіа междѣ христіанами, весьма извѣстнаа есть. не доволнобо есть воеже точію вѣрити съ прочими аки нѣкіа ради дрѣжвы, и сице прочихъ мнѣніаиъ и потверженіаиъ послѣдо-

ва-

КЕ (25)

БАТИ; НО ТРЕБѢ ЕСТЬ ЗЪ СВАЩЕННАГѠ ПИСАНІА ВѢРЫ
СВОЕА ИМѢТИ ОСНОВАНІЕ. АЖК. А. Д. ДАБЫ ВО ВСА-
КОМЪ ПОДВИЗѢ И ИСКЪШЕНІАХЪ ПРИКЛЮЧАЮ-
ЩИХСА, И ПРОТИВЪ САМИХЪ ВРАТЪ АДОВИХЪ ПОС-
ТОАТИ МОГЛА, ВОЕЖЕБЫ МОЩНО БЫЛО РЕЦИИ:
ДЪХЪ ЕСТЬ СВИДѢТЕЛЬСТВЪАИ, АЖѠ ДЪХЪ ЕСТЬ
ИСТИННА. А, ІѠАН. Е. С.

Д.

32. ВОСПРИАВШИ УБО СІЕ, ЕЖЕ ВЫШШЕ УКАЗАСА
КЪ ХРИСТІАНСКОМУ РАЗСЪЖДЕНІЮ, ПОДОБАЕТЪ ТИ
УЖЕ СЕМЪ ВНИМАТИ, ДА БЫ ЕСИ НЕЛѢНОСТНО, НО
СОВСАКИМЪ ТЦАНИЕМЪ ИСКАЛЪ, И ИСПИТОВАЛЪ
ВИНЫ СТРАДАНІА СЕГѠ, ЕЖЕ ХРИСТОСЪ ГОСПОДЬ
САМЪ ПЕРВѢ ПРЕДВОЗВѢСТИЛЪ, ТАЖЕ Ѡ ЕВАНГЕ-
ЛИСТОВЪ НАПИСАСА, И ВПИСАНІИ ВЕТХАГѠ ЗАВѢТА
ПРЕДЗНАМЕНОВАСА.

33. ЯЩЕ ОНАМЪ СЛОВЕСА ХРИСТА ГОСПОДА И Ѡ ЕВАН-
ГЕЛИСТОВЪ ОПИСАННЮ ИСТОРИЮ СТРАДАНІА ЕГѠ,
ТАКОЖДЕ ПРЕДВОЗВѢЩЕНІА Ѡ СЕМЪ ПРОРОЧЕСКАМЪ
ДОБРѢ РАЗСЪДИШИ, НЕ БЕЗЪ ВЕЛИКАГѠ УДИВЛЕ-
НІА СВОИСТВО СТРАДАНІА ХРИСТОВА РАЗЛИЧІЕ И ВЕ-
ЛИЧЕСТВО ПОЗНАЕШИ, ВЕСМА ПРИЗНАЕШИ СІЕ, АЖѠ
СИЦЕВАГѠ СТРАДАНІА ПРИМѢРЪ НИГДѢЖЕ ѠВРѢ-

ТАЕТ-

КС (26)

ТАЕТСЯ ВЪ СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНІИ, НАИПАЧЕЖЕ, ЕГДА ВОЗРНШИ НЕТОЧІЮ НА ВНѢШНАА ЕГО СТРАДАНИА ѿ МЪЧИТЕЛЕИ ЕМУ НА НЕСЕННАА, НО И НАСІЕ, ЕЖЕ ВНУТРОУ ДУША ЕГО ВЪ ОНОЕ ВРЕМА ИМѢАШЕ ѿ НЕВИДИМНУХЪ СИЛЪ ТЕМНИА ѾБЛАСТИ ЛЪК. КВ. НГ. ІѾН. ДІ. Л. ЕЖЕ ІСАІА НАРНЦАЕТЪ ТРЪДОМЪ ДУШИ ЕГО. ІСА. НГ. АІ. НЕВОЗИМѢШИЛИ ВИНИ, ИСПИТОВАТИ ВИНН И ѾСНОВАНИА СИЦЕ ИМѢЮЩАГОСЯ СТРАДАНИА; ПОНЕЖЕ СЛЫШАЛЪ ЕСИ, АКѾ СТРАДАНИЕ ХРИСТЪ ГОСПОДЪ НЕПРИКЛЮЧИЛОСЯ НѢКИМЪ СЛЪЧАЕМЪ, НИЖЕ ѿ ЕДИНИА ТОЧІЮ ВОЛИ ВРАГОВЪ ЕГО, НО ПРЕДЪСТАВЛЕННИМЪ СОВѢТОМЪ БОЖИМЪ И ВОЛЕЮ ЕГО СОТВОРИСА. ВѢМЫЖЕ СІЕ АКѾ БОГЪ СВЯТЪ ЕСТЬ И ПРАВЕДЕНЪ, ИЛИ ПАЧЕ САМАА СВЯТОСТЬ И ПРАВДА, И ТАКѾ НЕМОЖЕТЪ НИКОГОЖЕ ОБИДИТИ, И АКѾ КРОМѢ СЕГО, ПРЕСКРЕННОЮ И СЕРДЕЧНОЮ ЛЮБОВІЮ ЛЮБЛАШЕ БОГЪ ОТЕЦЪ ЕДИНОРОДНАГО СЫНА СВОЕГО. ІСАІА МВ. МАТ. Г. ЗІ. ЗІ. Е. ИЖЕ ОСОБЕННИМЪ НѢКИМЪ РАЗЪМОМЪ НАРНЦАЕТСЯ ВОЗЛЮБЛЕННИМЪ КЪ ЕФЕС. А. С.

да

кз (27)

34. Да познаешнже винѸ и Ѡснованіе страда-
ніа сегѠ, первѣе подобаетти двоа сіа разсѸ-
дити.

Первое, акѠ страданіе вз себѣ самома,
и Ѡ себѣ самома есть казнь за грѣхи. А-
кѠжево человѣкз твораци грѣхз, ищетз
противѸ бога ложнма изапрѣщеннма сладости
и Ѹдовленіа внѸтрнихз или внѣшнихз, или
обоихз вкѸпѣ чѸствез своихз: праведнѠ Ѹбо
есть предз богома, дабы человѣкз сегѠра-
ди и терпѣлз, ѠкѸдѸ бы емѸ вопреки внѸтрз
или внѣ, или совокѸпнѠ внѣ и внѸтрз, горесть
казнь и печаль сотворилася.

35. Второеже zde разсѸдити тебѣ подоба-
етз, акѠ христосз спаситель. Ѡ егоже страда-
ніи нинѣ намз предлежитз слово, вовсеи исто-
рии страданіа своегѠ, весьма неповинныи и ни-
же малѣишое иѣкое зло сотворившыи пред-
ставлетса. и самыи предатель егѠ правдѸ сію
признати понѸжденз бѣ глагола: **согрѣ-**
шихз предав кровз неповинѸю. Мат. кз. д.
все сіе, и мже обвинахѸ его вразы его, напри-
мѣрз

ки (28)

мѣръ ѿ разореніи храма божиа и ѿ воспита-
вленіи егѿ потрїехъ днахъ. Мат. кс. н.д. г.
такожде ѿ развращеніи народа и возбраненіи
кесаревѣ даати дань. лѹк. кг. в. все сіе глаго-
лю ложное было оклеветаніе ихъ, ниже ѿ
семъ можетъ кто ѹсѹмиѣватиса, самое ѿ
себѣ свидѣтелствовало, акѿ ложное бѣ, и
сего ради недостойное было, дабы оклеветае-
мыи христосъ ѿ вѣщаль нѣчто насіе, съ ве-
ликимъ ѹдивленіемъ вопрошающемъ его ѿ
семъ пилатовѣ, иже аки сѹдіа разсмотрѣ-
вши оклеветаніа предложеннаа емѹ на инсѹса,
побѹжденъ бѣ не единною сице ѿ немъ свѣ-
дѣтелствовати, акѿ и точію вини къ смерти,
но и простіа нѣкіа вини въ немъ иединіа
ѿверѣтаетъ; такожде и самоѹ кровію и ѹ-
виствомъ дишѹщомѹ безбожноѹ оноѹ
иродовѣ такѿ возсіаваше неповинностьъ хри-
стова въ очесахъ егѿ, акѿ не смотря на кле-
ветаніа архїереѿвъ и старцовъ, не хоташе
сонзволити смертноѹ егѿ ѿсѹжденію, но-
точію порѹгалса емѹ. такѿжде чрезъ женѹ
свою

(29)

свою пилатъ ѡвѣщавашеса, или паче самъ богъ ѡвѣщавалъ его ѡстами жены егѡ глаголющн: ничтоже тебѣ и праведникъ томъ.

Мат. кз. д1. подобнѣ азыческнмъ сотникъ понужденъ бысть силнмъ свидѣтельствомъ совѣсти своеѣ на крестѣ висѣщагѡ христа неповинность признати, и сице возопити. **Вонстинъ божн сынъ бѣ сен. Мат. кз. нд.**

36. Но данепомыслиши въ себѣ, акѡ ѡ вышше приведенннхъ мѣстъ зъ священнагѡ писаннѣ точно сн показъется акѡ онъ небылъ нѣкнмъ великнмъ грѣшникъ въ гражданскомъ разъумѣ, снестъ, честное житнє предъ людьми провождалъ сице, акѡ никтоже злое что могалъ изрещн на негѡ, обаче предъ богомъ баше онъ грѣшникъ; сравнн ѡбо съ оннмн вышше приведенннмн ещє снѣ реченнѣ, въ ннхъже неповинность егѡ описъется: и ѡ снудѡ ѡвднши, акѡ неповинность емъ приписъется не гражданскнмъ точно нѣкнмъ разъумомъ, но весьма дѡховннмъ и пресовершенннмъ, акѡ онъ неточно предъ сѡдомъ божнмъ неповиненъ ѡбрѣтеса, предъ которнмъ и ѡ самнхъ свѣтнхъ ѡгодннковъ божнхъ

л (30)

жинух никтоже можетъ неповиннымъ ѿверѣ-
стиса. исход. лз. з. юв, д. в. ѿал. рмв. в.
37. Сюда принадлежатъ оне мѣста зъ сва-
щеннагѡ писаніа въ которихъ христосъ весьма
праведникомъ нарицаетса. Іса. иг. аі. Іѡан. а.
в. в. Петр. а. в. кв. г. ин. такожде красѣн-
шмъ добротою паче сыновъ человѣческихъ.
ѿал. мд. подобнѣ нарицаетса пресватѣн-
шмъ, данил. д. преподобнымъ незлоби-
вымъ безсквернымъ ѿлученимъ ѿ грѣш-
никъ. кз. евр. з. кс. невѣдѣвшимъ грѣха,
кз. корин. в. е. ка. агице.мъ непороч-
нымъ и пречистимъ. Петр. а. а. ід.
въ которихъ реченіахъ неповинность хри-
стова толь силнѡ показуется, акѡ безъ
всакагѡ съмнѣніа заключити можешн,
акѡ неточію свѣтовын сѣдіа, но и самъ богъ,
иже есть сѣдіа всакіа плоти, инединагоже въ
немъ обрѣте порока, иже бы неточію срамна-
тѡ онагѡ страданіа еже христосъ претерпѣлъ,
но поне малѣншагѡ нѣкоегѡ мученіа досто-
инъ былъ. Акѡже онъ и сегѡ ради неаки
прочіи сыни адамовы въ грѣхахъ и ѿ грѣ-
шна-

ла (31)

шнаго ѿ сѣмени, но единымъ точію осѣи-
ніемъ сватаго дѣха воутробѣ мариннои за-
чалса. АѸк. а. ле.

38. За сицеваго разсѣжденіа безъ всакаго
прекословіа послѣдуетъ, акѿ христосъ по-
страдалъ неради своихъ грѣховъ, понеже ние-
динагоже грѣха имѣаше.

39. Въ очесахъ невѣрнихъ чловѣковъ, ко-
тори ослѣпленни невидѣша совѣта сегѿ бо-
жіа, мнашеса нѣчто акивы ради собствен-
наго своего злодѣаніа сице казненны ѿ
бога былъ, пораженный и Ѹмѣченны, Ісаіа
нг. понеже оны сицевое страданіе, въ немъ-
же самъ христосъ сѣтовалъ, акѿ неточію
ѿ чловѣка но и ѿ самаго бога оставленъ
былъ, ниже за неповинностію и сватостію
пребывати въ немъ имѣющею, ниже за
особеннымъ, сѣлѿ сходнымъ божествен-
нымъ смотреніемъ на принадлежащихъ емѸ
соединити и въ согласіе привести возмогша.

40. Но акѿже противѸ сицевихъ безбож-
нихъ помышленіи христосъ господь чрезъ
приведеннаа Ѹже свидѣтельства ѿ неповинно-

сти

сти егѡ, наипачеже въ самои вещи чрезъ торжественное свое ѿ мертвихъ востаніе, и послѣдѹющее емѹ на небеса вознесеніе доволнѡ ѡправданъ есть: сице несѹмѣннаа есть истинна сіе: акѡ христосъ (по предреченію въ псалмѣ 31. аже невосхищахъ, тогда возда-ахъ) страданіемъ своимъ сіа заплатилъ, аже никогдаже похитилъ, и акѡ онъ таковъ архіерей былъ, иже немѣаше нѹжды ѡ своихъ грѣсѣхъ жертвы приносить, къ Евр. 3. кз. инакѡ, ащебы малѣишыи порока грѣха на немъ былъ, весьма бы нѹждѹ имѣлъ и своихъ грѣхѡхъ жертвѹ приносить, понеже и малѣишыи бы порока сквернимъ въ очесахъ святости вожиа, и казны достоиннымъ сотворилъ его.

41. Ящеже христосъ господь пострадалъ не ради своихъ грѣховъ: Ѹбо ѿ сюдѹ послѣдѹетъ акѡ христосъ пострадалъ чѹждихъ ради грѣховъ, сіесть ради монахъ, твоихъ, и всего рода человѣческагѡ грѣховъ.

42. Примѣчан ѡ семъ слѣдѹющее: богъ создалъ и вообразилъ былъ первагѡ чело-
вѣка

ЛГ (33)

вѣка и вне мѣ всѣхъ насъ по образѣ своемѣ,
сіесть: благоухъ, мудрихъ, святихъ и пра-
веднихъ безъ злаго вождельна и налогу
бытіа а. кз Екклезіаст. 3. кд. кз Ефес. д. кд.
вз которомъ святомъ свонствн ащебы былъ
человѣкъ подолжности своеи постоаннѣ пре-
былъ, неточію бы вз семъ жити благодати
и любви исполненнагѣ единотроиственнагѣ
бога наслаждалса былъ сообщеніа, ѿ всака-
гѣ страданіа и вѣдствіа свободз, но ивз
вѣчнѣю жизнь вшедал бы былъ кромѣ
смерти.

43. Но акѣже самомѣ тебѣ авно есть, пер-
выи человекъ созданіа себѣ несохранил сла-
вы, но прелстившиса ѿ дѣвола создателевѣ
своемѣ непокоривимъ сотворилса и ѿпалъ ѿ
негѣ, акѣже показѣтса сіе зъ писаніа. бы-
тіа г. а. кз корн.д. в. аі. г.

44. ѿ сюдѣ первии наши родители неточію
сами божіа образа и съ нимъ всеа благодати
любвы и сообщеніа съ богомъ лишишася, про-
тивнимже образомъ смерти и осѣжденіа по-
винними сотворишася, но и весь человекъ-
кыи

44 (34)

кыи родъ ѿ нихъ произшедшыи въ подобное
бѣдствіе, и не благополучіе приведоша. по-
неже вси въ нихъ согрѣшиша. кз рим. е. вѣ.
такѡжде ѿ окаяннаго онагѡ грѣхознагѡ
падениа и сіе произышло, акѡ попервоу о-
ноу падениу всакъ челоуѣкъ раждается зъ
грѣхоу, сіестъ немѣющыи дѣхознагѡ
могѹщества всѣмъ сердцемъ бога любити, и
ближнагѡ своего акѡ самаго себе, новопреки
исполненныи слагѡ вожделѣніа и налогоу
противѹ бога, и ближнаго своего, ѿкѹдѹ
неисчисленнаа прочіа грѣхи, аки ѿслаго и а-
довитагѡ нѣкоего корена произрастаютъ не-
престаннѡ во всемъ челоуѣческомъ житиу, внѣ
и внѹтрѣ. бытіа с. е. Іѡан. г. с. кз рим.
г. кг.

45. ѿ сюдѹ происходитъ сіе, акѡ вса подъ
грѣхоу сѹть. кз рим. г. д. и сегѡ ради по-
виненъ естъ богоуѣ весь міръ. д. и такѡ
обдолженъ сотворилса, или совершенное на
гражденіе и ѹдоволеніе богоуѣ сотворите, или
достойнѹ казнь терпѣти.

что-

ЛЕ (35)

46. Чтоже сицевое наше растлѣніе и происхо-
дѣцыи ѿ негѡ грѣхъ збога заслужити мо-
жетъ, и коликую казнь засобою влечетъ, вса-
комѡ авно есть, сестъ, нечто иное, точію
гнѣвъ божи и немилость, временную смерть
и вѣчное осужденіе; ажеже исамое писаніе
доволно ѡ еемъ свидѣтельстветъ, кз рим. г.
д. е. в. и. з. к. з. е. и. г. кз Фес. в. г. аще
человѣцы безопаства ради и легко мыслности
своеа и невѣруютъ толикую быти державѡ
гнѣва егѡ и страхъ ярости егѡ. Уал. п.д.

47. Абзац в переводе отсутствует.

48. Такжеже подобаетъ тебѣ вѣдати, акѡ
донелѣже прилѣжиши неразсѣдиши растлѣніа
ѿ паденіа происшедшаго, страданіа спасителя
твоегѡ никакоже познаеши; ажеже бошаа
часть заблуждени, аже имѣютъ человѣцы
вз разумѣ и дѣлани ѡ страданіи христо-
вомъ, и прочинхъ членахъ христіанскагѡ зче-
ніа кз страданію христовѡ принадлежащихъ
наипаче ѿ сюдѡ происходятъ, понеже паденіа
адамова и растлѣніа естества человѣческагѡ
ѿ паденіа онагѡ происходѣщаго неразумѣ-
ютъ, и коль великую казнь и клятвѡ содер-
житъ

лс (36)

житѣ въз себѣ невѣдаютъ, ниже разѣмѣти хотѣтъ, но ѿ безмѣрнѣи гордости своеѣ, предъ познаніемъ симъ, дабы въз плостескомъ своемъ безопаствіи неподвижнѣи пребыли, самоволнѣи смѣжаютъ очеса своѣ: акѣже сонцинъ сотвори лъ и даже досегѣ днѣ тво- рѣтъ послѣдѣющіи ѹчению егѣ.

49. Тыже не погрѣшиши, аще въз падени оноу, акѣже ѹже поманѣса начала и вины страданіѣ христоу поищеши, и ѿ него страданіе христоу происходити ѹвѣрѣши.

50. Такожде вѣдати подобаетъ тебѣ, акѣ колникѣ глѣбочишоу ѿснованіе преѹжаснагѣи челоуѣческагѣи растлѣніѣ въз тебѣ самоу не- точію въз познаніи но и въз силѣ положиши, толикѣ ѹдобнѣишыи бѣдеші къ правомѣи и спасителномѣи восприѣтію въз сердце страданіѣ христоу, и къ возрѣнію вѣ глѣбины егѣ.

51. Ящеже речеши чесоради имѣютъ принадлежати грѣхи наши христѣи господѣи, и чесоради бы онъ страдалъ ради нашихъ грѣховъ; глаголетъ бо писаніе: **всакаа дѣша грѣшацаа ѹмретъ въз грѣсѣхъ своихъ:** истинное есть весьма сіе, акѣ грѣхи наша и казнь

43 (37)

казнь за нхъ, нетакѡ принадлежатъ христѣ го-
сподѣ, акоже намъ, ниже онъ обдолженъ
былъ къ семѣ, сицевое ѡнасъ, акѡже сотво-
риса имѣти попечение. Ѡ сюдѣ авѣ есть, акѡ
христосъ пострадалъ не здолжности, но еди-
на ради точию любви и милосердіа своегоѡ.

52. Ищеже бы сіе сотворилося было повыше
ѡказанномѣ правилѣ, ежебы инакѡ позакон-
нѣ совершеннѣ праведное было, коль велие
сло Ѡ сюдѣ бы послѣдовало всемѣ человек-
скомѣ родѣ, понеже требѣ было намъ безъ
всякагѡ сѣмнѣна чадами смерти и ѡсѣжде-
на пребывати; **никтожево самага себе искѣпити
можетъ, ниже братъ избавляетъ.** ѡал. ми.
ниже можаше кто боговѣ сопротивитиса, и сице
Ѡ мѣки свободитиса. ктово есть силнѣишии
паче сегѡ, иже горстию воды содержитъ, из-
мѣрлетъ падію небеса, трома перстами прахъ
землѣ, и важитъ вѣсами горы, и холми
вагою, мзицы предъ нимъ сѣть аки капла е-
дина изъ сосѣда, или прахъ малѣишии въ
вагахъ, острова аки малѣишое нѣчто опро-
вреци можетъ, егоже всесожженіамъ недо-
вѣлетъ

ли (38)

вѣѣтъ ливанъ, и жертвамъ егѡ недоволи
сѣть свѣры водворяющиса въ немъ. Ис. м.

53. Такожѣ никтоже можаше ѡбѣжати ѡ
негѡ, ниже можаше скритиса предъ нимъ: а-
кѡже давидъ къ богѡ глаголетъ: камѡ пои-
дѡ ѡ дѡха твоегѡ; и ѡ лица твоегѡ камѡ
бѣжѡ: аще възидѡ на небо ты тамѡ еси: а-
ще снидѡ въ адъ тамѡ еси. аще возмѡ кри-
лѣ мои ранѡ и вселюсѡ въ послѣднихъ морѡ:
и тамѡ рѡка твоѡ наставитъ мѡ и ѡдержитъ
мѡ десница твоѡ. ирѣхъ: еда тма поперетъ
мѡ и ноцѡ просвѣщеніе въ пици мои; акѡ
тма не помрачитсѡ ѡ тебе, и ноцѡ акѡ день
просвѣтитсѡ акѡ тма еѡ. такѡ и свѣтъ еѡ,
Псал. рли.

54. Понеже ѡбо невозможнѡ было, дабы
человѣкъ, или награжденіе сотворити за грѣ-
хи возмоглъ, или инимъ нѣкимъ образомъ
ѡ казни вѣчнаѡ смерти и ѡсѡжденіѡ воз-
моглъ свободитисѡ; богъ же побогатствѡ ми-
лосердіѡ своегѡ нехотѡше оставити человѣка
погибати навѣки, но благоволи пакѡ спасти
егѡ: сегѡ ради сынъ божьѡ посредственни-
комъ

л.д. (39)

комз сотворилса пренскреннѣ приѡвщилса
крови и смерти. кз Евр. в. ді. и благоизволил
дабы емѣ предз сѣдомз божимз всѣхъ че-
ловѣкз грѣхи вмѣненни были, самз благо-
изволил сегѡ ради казнь вз мѣсто человеѣ-
ка подати толь поносимз и болѣзненнымз
страданіемз.

55. Внемли семѣ, еже глаголю, и разсѣдан
ѡ семз вз тишинѣ сердца твоегѡ, непомышлани
вз себѣ акивы доволно разсѣмѣлз еси, по-
неже ѡ дитинства твоегѡ нѣчто ѡ семз слы-
шалз и надчилса, или аки бы вса кз семѣ при-
надлежащамъ уже изсѣчилз, понеже многѡ и
частѡ ѡ семз помышлалз еси и читалз, акивы
уже нетребѣли болѣе что ѡ семз рассѣдати
и внемз обѣчатиса. ащебѡ сіа помышлае-
ши, несѣмѣнное знаменіе есть, акѡ едва что,
или весма инчтоже вз семз творити зачалз
еси, разсѣмѣти и обѣчатиса; наимпотребнѣи-
шее ѡбо тебѣ есть сіе, дабы еси со всякимз
боговѣ должнимз чествованіемз помысле-
ніа твоа погрѣжалз вз страданіи христо-
вомз.

Пер-

м (40)

56. Первѣе Ѹбо глаголю, акѡ христосъ господь предъ сѡдомъ божимъ грѣхъ всѣхъ человекъ себѣ вмѣнити благоизволиъ. Которое вмѣненіе воистиннѡ не малаа нѣкаа вещь бѣ, акѡже ѡсамѡ казни послѣдѡющѡа вмѣненію ономѹ доволнѡ видѣти есть, котораа не мечтаніе нѣкое, но великое страшное и превеликое дѣло бѣ, юже дражайшѡи спаситель на дѡшѣ и тѣлѣ претерпѣлъ, донелиже дѡша ѡ тѣла разлѡчилася на проклатомъ крестномъ древѣ висѡцагѡ.

57. И вопреки вмѣненіе сіе грѣховъ нашихъ толь извѣстное и истинное есть, акѡ никтоже Ѹсмнѣватися можетъ ѡ семъ, понеже христосъ предъ божимъ сѡдомъ, неннакѡ вмѣнался и сѡдился точію акѡбы онъ всегѡ свѣта, всѣхъ человекъ грѣхъ насебѣ имѣлъ, и акѡбы онъ самъ сотворилъ ихъ, и такѡ божию правдѹ на себѣ поострилъ.

58. Яце сіе бѡдеши примѣчати, безъ сѡмнѣніа лѡчше научишися познавати, чесоради мессѡа наразличныхъ мѣстахъ писаніа,
наи-

ма (41)

наипачеже въ нѣкиихъ ѱалмахъ сице глаголющии описѹетсѧ. акѡ нѣкто помыслити можетъ, что онъ наиболшын и сквернѣишын паче всѣхъ грѣшниковъ грѣшникъ былъ, аще и натѣхъде мѣстахъ весьма неповинна и праведна себе представляетъ.

59. Разсѹди на примѣрѣ ѱал. лд. который безъ всякагѡ прекословіа посвѣдителейъ павловыхъ ѡ христѣ глаголетъ къ Евр. гл. 1. 8-видиши какѡ въ немъ описѹетъ себе христосъ, 8-видиши егѡ аки совершеннын примѣрѣ нѣкоегѡ совершеннагѡ праведнагѡ и послушливагѡ раба божіа сотворити волю егѡ хотѣщаго, божьи законъ посредѣ чрева своегѡ имѣющаго, и все своедѣло къ прославленію и мѣни божіа творѣщагѡ; ноуслышиши его въ томъже ѱалмѣ стѣнющаго сице: **Удержашама Слава, иже нѣсть числа: постигоша ма беззаконіа моя: 8-умножишасѧ паче власовъ главы моеѧ. 8-девидиши, акѡ мессіа такѡ ѡ грѣхахъ нашихъ глаголетъ, аки бы егѡ совѣстьеннын былы, сегѡ ради итѣжестъ ихъ въ пресвѣтомъ своемъ сердци и совѣсти**
черезъ

.мв (42)

чрезъ все страданіе, а наипаче въ остатнемъ своемъ страданіи толь оцѣтилъ, и дозналъ, акибы онъ вса грѣхи самую вещь сотворилъ, и сице предъ богомъ согрѣшилъ.

60. Второе реченіе есть, акѡ христосъ господь въ мѣсто насъ пострадалъ, или акѡ онъ смертнимъ своимъ страданіемъ казнь за грѣхи наши претерпѣлъ, и оцѣтилъ.

61. Еже послѣдоваше ради грѣховъ нашихъ вмѣненіа емѹ сотворившагося. Понеже бо онъ грѣхи наши, въ книгѣ долговъ боговъ ѿ дати имѣющихъса себѣ приписать благоизволилъ, ѹбо и платити за нихъ обдолженъ бѣ, еже посѹдѹ божию и изреченію платити за нихъ подобаше. подобнѣ акже животное на жертвѹ приносящоеся требѣ баше авіе ѹбити, заклати и испалити, въ мѣсто сего, иже согрѣшилъ, акѡже видѣти есть въ книгѣ левитѣ.

62. Сіе есть сицеваа правда, еже ниѡкоегоже разѹма можеши научитиса, аще и можеши познати разѹмомъ иніа нѣкіа правды, на примѣръ, можеши разѹмомъ сіе

постиг-

.мг (43)

постигнути, акѠ единъ точно богъ есть, и акѠ его одинаго чтити и боитиса подобаетъ, такожде акѠ неподобаетъ никоумже обиды и неправды творити. подобнѣ и законъ бѠ-жии неможетъ тѣ привести къ познанію правды сеѣ, аже Ѡ страданіи христовомъ, но точно можетъ тебѣ се показати, что долженствѣши творити боговѣ и ближнемѣ твоемѣ, и что еси заслужилъ ѹбога грѣхами твоимн. Евангеліе ѹбо единое есть ѹченіе се, иже правда сѣ проповѣдѣетсѣ, и всѣкъ научаетсѣ еѣ.

63. Ѡсюдъ подобаетъ тебѣ въ мысль и память посприати первѣе слѣдѹщая реченіѣ, въ которихъ Ѡ вѣнненіи оноумъ грѣховъ нашихъ христѣ господѣ сотворившимсѣ, такожде Ѡ казнехъ аже христосъ грѣховъ ради нашихъ претерпѣлъ глаголетсѣ, и присемъ бога просити, дабы онъ благоизволилъ, слы реченіи сицевихъ дѣхомъ своимъ свѣтимъ на сердцѣ твоемъ написать, колико сицевихъ словъ въ памяти твоен содержати возможеши.

Ѡ

.мд (44)

64. Ѡ семъ пишетъ павелъ, въ послании къ римляномъ. христосъ преданъ бысть за прегрѣшеніа наша, и воста за Ѡправданіе наше. гл. д. ке. немоцное бо закона, въ немже немоцествоваше плотию, богъ сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и Ѡ грѣсѣ Ѡсѣди грѣхъ воплоти. сіестъ сотвори наъ его жертвою за грѣхъ. къ рим. и. г. невидѣваго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, сіестъ, приношеніемъ Ѡ грѣсѣ, дамы бѣдемъ правда божіа Ѡ немъ. в. къ Кор. е. ка. подобнѣ и петръ Ѡ семъ глаголетъ. христосъ пострадалъ за насъ. посл. а. в, ка. зане и христосъ единою Ѡ грѣсѣхъ нашихъ пострада, праведникъ за неправедники. г. нѣ.

65. Также и за ветхаго завѣта можеша примѣчати реченіа свидѣтельствующаа Ѡ страданіи христовѣ ничтоже покровенно имѣющаа, на примѣръ. Ісаіа м. кд. работати сотвориша еси грѣхамъ твоимъ, ѡтвѣдилъ ма еси беззаконіа твоими. подобнѣ гл. нг. воистиннѣ онъ недѣги наша приаъ, и болѣзни понесе. мыже развѣхомъ по-
ра-

.МЕ (45)

раженна его побіенна и уничиженна быти $\overline{\omega}$ бо-
га. онъже $\overline{\omega}$ азвленъ бысть за беззаконіа
наша, и сокръшенъ грѣховъ ради нашихъ,
наег $\overline{\omega}$ казнь возложена бѣ примиреніа наше-
г $\overline{\omega}$, и $\overline{\omega}$ звою ег $\overline{\omega}$ мы исцѣлѣхомъ. заблѣ-
дихомъ вси аки овцы, всакъ за насъ на свои
пѣть смотрѣлъ, господь же грѣхи наша на
ег $\overline{\omega}$ возвергъ.

66. Но данеотъаготишиса реченіами, понеже
многаа еце и посемъ бѣдем $\overline{\omega}$ имѣти $\overline{\omega}$
томъже реченіа, можеши съ толик $\overline{\omega}$ бол-
шимъ $\overline{\omega}$ сердіемъ немногими оними приведен-
ними $\overline{\omega}$ же къ показанію правды $\overline{\omega}$ удовольти-
са; которіа аце безъ всякаг $\overline{\omega}$ сломиѣніа
разсѣдиши, доволн $\overline{\omega}$ $\overline{\omega}$ истиннѣ сѣи изовлчи-
шиса, первѣе ак $\overline{\omega}$ грѣхи наши христовѣ $\overline{\omega}$
бога вмѣнены сѣть; второеже, ак $\overline{\omega}$ христова
страданіа истиннимъ сѣдомъ божимъ нало-
женнаа емъ казнь бахъ за грѣхи вмѣненіа
емъ, и сице христосъ пострадаелъ ради нашихъ
грѣховъ, и вмѣсто насъ.

Є.

67. $\overline{\omega}$ тѣдѣжъ толик $\overline{\omega}$ лѣше можеши познати
патое, как $\overline{\omega}$ имаша разсѣждати $\overline{\omega}$ иссѣѣ
хрис-

.MS (46)

христѣ въ страданіи егѡ, и ѡ срамной крестной смерти егѡ,

68. Сіестъ, недовѣетъ ти точію ѡ немъ сице разсѣждати, акѡ онъ не вѣ слодѣлателъ, иже бы восприамъ по дѣломъ своимъ, акѡже два разбойники съ нимъ на крестѣ повѣшенни подѣломъ своимъ восприаша. Аѡк. кг. мг. но иже аки нѣкоего мѹченика исповѣданіе правды страданіемъ и кровію своею запечатлѣвшаго, и сице бога прославившаго подобаетъ тивмѣнати его, иже быи прочимъ образъ терпѣніа и постоаніа къ послѣдованію оставилъ. акѡжебо первое авѣ ложное есть, сице и второе мнѣніе неестъ лѹчшее, страсть распатагѡ христа сѣлѡ ѹменшающее и ѹничтожающее.

69. Речеши же, какѡ ѹбо имамъ разсѣждати ѡ немъ: ѡвѣтъ; сице, акѡже писаніе наставляетъ тѹ и ѹчитъ ѡ семъ, сіестъ, требѣ есть разсѣждати ѡ немъ, аки ѡ единомъ точію посредственникѣ междѹ богомъ и человѣкомъ давшимъ себе избавленіе за всѣхъ

мз (47)

всѣхъ ктимо.д. а. в. е: аки Ѡ ходатаи новаѠ
завѣта. кз Евр. д. еі. аки Ѡ семз, иже все сіе
вѣрнѠ сотворилз, еже въз вѣчномз совѣтѣ
міра, ко Ѹдоволенію раздраженія правды въз
мѣсто насз, егда исполнитса время творити
ѠцѸ своемѸ Ѡвѣщанса, ажево не восхитилз,
тогда воздалз. Ѱал. ѵи. воздалз же не сре-
бро истлѣнное или злато, но дражайшю
свою кровз. аки Ѡ истинномз оно.мз архіе-
реи иже некровію козлею, или телчею, но своею
кровію вниде единою восватал, вѣчное искѸ-
пление ѠврѣтѸи. кз Евр. д. аі. аки Ѡ еди-
номз оно.мз добро.мз пастирѣ и великомз
кровію завѣта вѣчнаѠ. кз Евр. гі. к, иже
дѸшѸ свою положилз за овцы. ІѠан. і. ві.
аки Ѡ истинномз богѸ достоин.мз, и Ѡ не-
гожз намз дарованнимз жертвенномз и па-
схалномз агци божи, вземлюци.мз грѣхи
міра. ІѠан. а. кд. иже за насз пожренз бысть.
кз Кор. е. з. аки Ѡ истинномз приноше-
ніи за грѣхи наши. Ісаіа нг. і. кз Евр. і. на
котораго агцица богз самз вси наши грѣхи
возложилз, и влѣсто насз заклалз его,
Ѹбилз

.мн (48)

Убил! и аки огнемъ на олтарѣ крестномъ спалил. Послѣдователнѣ подобаетъ ти разсѣждати Ѡ немъ, аки Ѡ исполненіи левитскагѠ божиа слѣженіа, еже сего ради посмерти христовои ничтоже ползѣетъ, и сем ради вины Ѡ бога Ѡложенное и Ѡ верженное есть. кз Евр. 1. Дан. .д. кд. кз Колос, в. 51. 31. к. ІѠан. .д1. л.

70. Яще кто несмотритъ и неразсѣждаетъ сице Ѡ христѣ господѣ въ страданіи егѠ (нокъ семѸ недоволено есть единое точію разсѣждение и Ѹстное токмо исповѣданіе словесъ безподобющаго и прѣмаго ихъ разѸмѣніа) сѣи воистиннѸ, въ главной вещи, или въ семъ еже наипаче разсѣждати подобаетъ въ страданіи христовомъ, слѣпъ есть. Пачеже, и всего священнагѠ писаніа самаа израднѣшаа и важнѣшаа часть сицевома чловѣковѣ превываетъ книгою запечатлѣнною. и егда непознаваетъ сице распатагѠ христа зъ священнагѠ писаніа, тогда понѣждается, дабы нѣкимъ образомъ праведна себе быти въ семъ

м.д. (49)

се мз показалз, совсаки мз прилѣжаніе мз, силѣ приведеннихъ свидѣтелствз безсианоу сотворити, и нѣкии неприличнии ѿ собственнаго ихъ разумѣніа различествующиимъ разумз и мз измыслити, каковыи трѣдз сице вагѿ человекѣа естѣ весьма неблагополѣчныи, вредителныи и погибелныи. ниже безз познаніа сегѿ возможе тѣшение имѣти зъ страданіа христовѣа, егже по божию изволенію подобаше бы имѣти емѣ; и сѣлѿ побожныи человекѣкз безз познаніа сице вагѿ повредитѣ дѣшѣ свою. аще же возмнитѣ нѣкое тѣшение и ползованіе ѿсюдѣ возимѣти, неинѣю ползѣ ѿсюдѣ возимѣетѣ точію сію, аже ѿчтениа и разсѣжденіа страданіи прочиихъ ѿгодниковѣа божиихъ въ писании свѣто мз или въ исторіи церковнои повѣствовѣмихъ ѿ биче бывати, акоже сіе съ слѣдѣющаго ѿснѣе покажетсѣ.

5.

71. Яще сіе добрѣ въ сердци твоѣ мз разсѣдиши, еже даже доздѣ ѿ ѿсновании и винѣ страданіа христовѣа, и какѿ подобаетѣ разсѣждати

(50)

дати ѿ христѣ распатомъ пространно ѹказа-
са. изобрѣтеши ѿчасти божіеи три вещи ѹ-
дивленія достойныи.

72. а. велию ревность божіа казнителнаа правды
противѹ грѣха, егда богъ прогнѣванъ бѣ
чрезъ грѣхъ, неможаше безъ обиди прав-
ды своеа пресватіа ѿоставити, но требѣваше
весма, или грѣшника или иного кого въ мѣ-
сто егѡ казнити. смотри ѹбо, нечеловѣкъ
нѣкыи праведныи и неповинныи, ниже ангелъ,
но пресватѣишыи единородныи сынъ божий
христосъ самъ восприавши челоуѣческое естест-
во на себе въ мѣсто насъ сталъ, и себѣ грѣхи
наши вмѣнилъ; подобаше бы мыслити, а-
кѡ емѹ толь пресватомѹ лицѹ прѣтителнаа
за грѣхъ казнь оставитса, но вопреки сотво-
риса, акѡ онъ и послѣдныи кодрантъз завос-
пріати грѣхи наши заплатити долженствова-
ше, и тѣхже ради чашѹ гнѣва божіа даже
до послѣдніа каплѣ выпити. Уал. 31. ес.
Мат. кс. лд.

73. Сіе то есть еже павелъ въ посланіи своемъ
къ евреѡмъ наипачеже въ главѣ е къ разсѹж-
денію

(51)

ДЕНЮ ПОДАЕТЪ, СИЦЕ ГЛАГОЛА; АЩЕВО И СЫНЪ
БАШЕ, О БАЧЕ НАВЫЧЕ, Ѡ ОНЪ ДЪЖЕ ПОСТРАДА,
ПОСАДЪШАНЮ, ОНЪ ВЪ САМОИ ВЕЩИ ДОЗНАЛЪ СЕ-
ГО, КОЛЬ ДРАГО ЕСТЬ СІЕ, ТОЛЬ ВЕЛИКАГО, СВЪ-
ТАГО И ПРАВЕДНАГО ОБДОЛЖАЮЩАГО ПРИМИРИТИ,
КАКОВЪ ОНЫИ БЫЛЪ, КОТОРОМУ ХРИСТОСЪ ЗА-
НАСЪ ПОРЪЧНАСА СИЦЕ ДѢАНІЕМЪ ИСТРАДАНІЕМЪ
СВОИМЪ ЗА ГРѢХИ ЗАПЛАТИТИ, ВОЕЖЕБЫ ДОЛ-
ЖНИКИ НА ВѢЧНЮЮ КАЗНЬ ОСЪЖДЕННЫИ ѠВЪСѢХЪ
СВОИХЪ ДОЛГОВЪ, И ЗАСЛЪЖЕННІА КАЗНИ ВОЗ-
МОГЛИ СВОБОДИТИСА НА ВѢКИ.

74. Сюда намѣраетъ павелъ, сице глагола
съ великимъ удивленіемъ велиа сеа ревности
божїа: **ИЖЕ СВОЕГО СЫНА НЕПОЩАДѢ, НО ЗА-**
НЫ ВСА ПРЕДАЛЪ ЕСТЬ ЕГО: КЪ РИМ. И. ЛВ. Ѡ че-
сомъ и слѣдѣющаа слова апостола глаго-
лати Ѡ **нѣкинхъ** учителей **разумѣются: Ѡ-**
правдаемы тѣ **неблагодатю егѠ,** **избавленіемъ**
еже Ѡ христѣ исхъсѣ. **егоже предположи**
богъ Ѡчищеніе вѣрою въ крови егѠ, **въ авле-**
ніе правды своеа. **къ рим. г. кд.** **сіестъ дабы**
такѠ порѣчителна нашего въ сицевыи примѣрѣ
ревнителна и казнителна своеа правды пос-
тано-

(52)

тановилз, ѿ кѣдѣ бы мы возмогли позна-
ти, коль велие зло есть грѣхъ; и вопреки,
коль сватыи и праведныи есть богъ, и акѡ
онъ безъ всякагѡ уже поврежденіа правды
своеа еиже удоволеніе пролитіемъ христо-
виа крови сотворилоса, можетъ грѣхъ прости-
ти, и казнь оставити.

75. Великагѡ удивленіа достойное есть
величество любви божиа, которая подобнѣ
зъ вышшереченныхъ свѣлѡ асиѡ показует-
са.

76. Каковимъ образомъ наипаче господь
нашъ исхъсъ христосъ твораше къ небесномѣ
своемѣ отцѣ и къ намъ грѣшнимъ любовь.
какѡ любовью обѣжденъ былъ ради насъ о-
сѣжденныхъ и погивелныхъ грѣшниковъ толь
горестное и тяжкое мѣчение на себе воспріати,
ѡ семъ обширнѣе нижше речетса.

77. Зде точно ѡ любви, юже богъ отецъ
всемъ авилъ намъ, речемъ. которая лю-
бовъ толь велиа есть преславнаа, и прензобла-
наа, акѡ аще точно мало что нѣкто по-
мыслитъ ѡней, авіе винѣ изобрѣтетъ воз-
пити:

нг (53)

ПИТИ: Ω ГЛУБИНА БОГАТСТВА, СІЕСТЬ ЛЮБВЫ И
МИЛОСЕРДІА БОЖІА. КА РИМ. АІ. АГ. И ВОИСТИН-
НУ ВЪ РАЗСЪЖДЕНІИ СЕМЪ ΩКРИВАЕТСА ТОЛЬ ГЛУ-
БОКАА БЕЗДНА. АКΩ НЕГЛАГОЛЮ ЧЕЛОВѢЧЕСКИИ,
НО НИЖЕ АНГЕЛСКИИ РАЗУМЪ ПОСТИГНУТИ И ИСЛѢ-
ДОВАТИ МОЖЕТЪ. АЩЕ БОГЪ И ВЪ ПРОЧИИХЪ
СВОИХЪ СВОИСТВАХЪ ИДѢЛАХЪ НЕПОСТИЖИМИИ
ЕСТЬ, ОБАЧЕ ВЪ СЕИ ЛЮБВИ СВОЕИ НАИПАЧЕ
ЕСТЬ НЕПОСТИЖИМИИ И ВОВСЕМЪ СЕМЪ, ЕЖЕ Ω
ЛЮБВИ ОНАА ПРОИСХОДАЩОЕ КОНСКУПЛЕНІЮ И СПА-
СЕНІЮ НАШЕМУ НАХРИСТѢ СОТВОРИЛОСА.

78. УТИШИ МАЛО ПОМЫШЛЕНІА ТВОА, И ДА
ДОБРѢ СІА ПОЗНАЕШИ, РАЗСЪДИ СЪ ПРИЛѢЖА-
НІЕМЪ СЛѢДУЮЩОЕ УЧЕНІЕ Ω СЕМЪ, ЕЖЕ ДО БО-
ГА НАДЛЕЖИТЪ, И Ω СЕМЪ, ЕЖЕ НАДЛЕЖИТЪ ДО-
ЧЕЛОВѢКА.

79. СМОТРИ, БОГЪ ЕСТЬ ВѢЧНОЕ, ПРЕСВАТΩЕ И
ПРЕСЛАВНОЕ СЪЩЕСТВО; СИЦЕВОЕ СЪЩЕСТВО, СЪ
НИМЪ НИЧТОЖЕ СРАВНИТИСА МОЖЕТЪ НИЖЕ НА
НЕБЕСИ НИЖЕ НА ЗЕМЛИ, КОТОРОЕ ПРЕВОСХОДИТЪ
БЕЗМѢРНΩ ВСАКОЕ СОЗДАНІЕ, АЩЕ БЫ ПѢКОЕ
СОЗДАНІЕ И СЪБЛΩ БЛАГОЕ И ИЗРАДНОЕ БЫЛО; БО-
ГЪ ЧЕЛОВѢКОВѢ НЕДОЛЖЕИСТВОВАШЕ НИЧЕСОЖЕ;

МО-

НД (54)

можаше всакѡ, ащебы точю восхотѣлъ
былъ по всемогѹществѹ своему, дрѹгихѹ че-
ловѣковѹ создати, согрѣшившихже, со-
вѣтъмѹ исчадіемѹ ихѹ вѣчнои предати погине-
ли. и ктобы моглѹ его засіе истѹзати, или
обвинити, аки бы онѹ былѹ неправеднымѹ
или жестокимѹ; но всакѹ бы паче глаго-
лаѹ: **праведенѹ еси господи, и вси сѹдбы
твои сѹть истинна.**

80. Всѹ мы ѿ адама рожденни, создание
егѡ вѣхомѹ, создании пообразѹ егѡ; но
посоздании нашемѹ авіе противѹ сегѡ соз-
дателя нашего востахомѹ, и непокоривими
сотворихомсѹ, безчисленными нашими грѣ-
хами аки рѹгающеѹ досадихомѹ емѹ, и се-
гѡ ради повинни быхомѹ праведномѹ егѡ
гнѣвѹ, на смерть и вѣчнѹю погивель быти
осѹжденными, ѿ неже никтоже можаше,
или достоинѹ баше самага себе свободити.

81. **Егдаже богѹ въ сицевоѹ состоании по-
моществовати намѹ, и избавити насѹ ѿвѣ-
чнѹ погивели въ совѣтѣ своемѹ заключилѹ;
еже потребованию непорочнѹ и поклоненѹ дос-
тои-**

НЕ (55)

ТОИНА ЕГѠ ПРАВДИ НЕМОЖАШЕ ИНАКѠ СОТВОРИТИСѦ, ТОЧЮ СИЦЕВИМЪ ОБРАЗОМЪ, ДАБЫ ВОЗЛЮБЛЕННАГО СЫНА СВОЕГО ЕДИНРОДНАГѠ, СИМНЕ СЛАВЫ, И ОБРАЗЪ И ПОСТАСИ СВОЕѦ КЪ СВР. А. ПОСЛАЛЪ ВЪ ПЛОТЬ НАШУ, И ПОВЕЛѢЛЪ ЕМУ ЧЕЛОВѢКОМЪ БЫТИ; ДАБЫ ГРѢХИ НАШИ НА СЕБЕ ВОСПРИМЪ, И СИЦЕ СТРАСТЬ И МУЧЕНИЕ ПРЕТЕРПѢЛЪ, АКОЖЕ ВЪ СВАИГЕЛИИ ОПИСУЕТСѦ НА ДУШѢ И ТѢЛѢ СВОЕМЪ, А ЧТО БОЛШЕ ЕСТЬ, ДАБЫ И НА САМОМЪ СРАМНОМЪ И ПОРЪГАТЕЛЬНОМЪ ДРЕВѢ КРЕСТНОМЪ БЕЗЧЕСТНОЮ СМЕРТЮ АКИ СЛОДЪИ И ПРОКЛАТЮ ПОДВЕРЖЕННЫИ УМЕРЩВЛЕНЪ БЫЛЪ; ИДѢЖЕ ПОМЫСЛИТИ ТРЕБѢ БЫЛО, АКО БОГЪ ПЕРВѢ ЧЕЛОВѢКОВЪ, АЩЕБЫ И ТИСЯЩАКРАТЪ ИЗРАДНѢШИМИ СОЗДАНЫ БЫЛИ, НЕЖЕЛИ СЪТЬ, ПОПУСТИТЪ НАВѢКИ ПОГИБАТИ, И ВСѦ СОЗДАНА ВЕСМА РАЗОРИТИСѦ, НЕЖЕЛИ БЫ СЕ СОГВОРИТИСѦ МОГЛО, ДАБЫ БОГЪ СЫНА СВОЕГО ПРЕВЕЛИЕ СОКРОВИЩЕ СВОЕГѠ СЕРДЦА, ИМЖЕ ѠВѢКА НЕПРЕСТАНИѠ УТѢШАШЕСѦ И УВЕСЕЛѦШЕСѦ, ЗА ГРѢХИ ЧЕЛОВѢЧЕСКИѦ НА СМЕРТЬ ПРЕДАЛЪ; ОДНАКОЖЕ СОТВОРИЛЪ СЕ БЕЗЪ ВСѦКАГѠ ПРИНУЖДЕНИЯ, СЪ СОВЕРШЕННЫМЪ СЫНА СВОЕГѠ СОИЗВОЛЕННЫМЪ,

NS (56)

НІЕМЪ, И СИЦЕ СОБСТВЕННАМЪ СВОМЪ БОГАТСТВА ИСТОЦНАМЪ, ДАБЫ НАМЪ ПОМОГЛЪ, И Ѡ ДОЛГОВЪ НАСЪ НСКЪПИЛЪ. КТО ѠДИВИВШИСЯ СЕМЪ, НЕ ВОЗОПІЕТЪ СЛОВАМИ СПАСИТЕЛЕВИМИ: ТАКЪ ВОЗЛЮБИ БОГЪ МІРЪ, АКЪ И СЫНА СВОЕГО ЕДИНОРОДНАГО ДАДЪ ЕСТЬ ІѠан. г. 31. КТО НЕВОЗОПІЕТЪ ѠСТАМИ И СЕРДЦЕМЪ СЪ ІѠаномъ: Ѡ СЕМЪ АВНСА ЛЮБЫ БОЖІА, ВЪ НАСЪ, АКЪ СЫНА СВОЕГО ЕДИНОРОДНАГО ПОСЛА БОГА ВЪ МІРЪ, ДАЖИВИ БЪДЕМЪ ИМЪ. ІѠан. а. д. д. Ѡ СЕМЪ ЕСТЬ ЛЮБОВЪ, НЕАКЪ МЫ ВОЗЛЮБИХОМЪ БОГА, НО АКЪ ТОИ ВОЗЛЮБИ НАСЪ, И ПОСЛА СЫНА СВОЕГО Ѡчищение Ѡ грѣсѣхъ нашихъ. ВЪ ТОИЖДЕ ГЛАВѢ. АКЪЖЕ И ПАВЕЛЪ ГЛАГОЛЕТЪ: СОСТАВЛЕТЪ ЛЮБОВЪ СВОЮ ВЪ НАСЪ БОГЪ, АКЪ ЕЩЕ ГРѢШНИКОМЪ СЪЩИМЪ НАМЪ, ХРИСТОСЪ ЗАНЫ Ѡмре. КЪ РИМ. е. н. ВЪ СЕДМОМЪ БО СТНІСѢ ГЛАГОЛАЛЪ: ЕДАВО КТО ЗА ПРАВЕДНАГО ѠМРЕТЪ, ЗА БЛАГАГО БО НЕГЛИ КТО ИДЕРЗНЕТЪ ѠМРЕТИ; ЕЖЕ СИЦЕ ТОЛКЪЕТСЯ: АКЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА ЛЮБОВЪ, ЕДА ВЪ СИЦЕВИИ СТЕПЕНЬ ПОСТИГНѢТИ МОЖЕТЪ, ДАБЫ КТО, АЩЕ БЫ СІЕ ВЪ ВЛАСТИ ЕГЪ БЫЛО, ВОСХОТѢЛЪ ЗА ПРАВЕДНАГО ЧЕЛОВѢКА Ѡмре-

нз (57)

Умрѣти, за благагово сієсть за благодѣ-
теля негли кто и дерзнетъ умрѣти. и дѣже
апостола хощетъ глаголати, мы ниже пра-
ведниками, ниже благочестивыми бѣхомъ,
ниже благодѣаніями нѣкинми можахомъ
бога благопріятнымъ сотворити, и обдожи-
ти его, но бѣхомъ паче немоцнии, кз рим.
ε. 5. грѣшнии. и нечестивыи. 5. врази божи,
і. и такѡ послѣдователнѣ праведнаго егѡ
гнѣва и смертнѣи казни достоннии; но богъ
сына своего вмѣсто насъ накрвавѡю на крест-
номъ древѣ смерть предалъ, составляетъ ѡбо
вз семъ любовъ свою, благость и челоувѣко-
любіе поперемногѡ, и аки представляетъ ю
ангеламъ, челоувѣкомъ и всемѡ созданию,
дабы разсѡждали ѡ неи: не совершеннами,
и непостижимаа дубовъ сіа естъ, не безко-
нечнѣли превышаетъ всакѡю любовъ, еюже
нѣкое созданіе ѡ другагѡ созданіа любитса.
82. Ради прензашества любвы семъ ѡвѣщаваю
та садѣ возлюбленныи ѡ христѣ читателю,
дабы еси неѡдоволамса симъ точію, сицеваа ре-
ченіа зъ писаніа ѡ любвѣ сєи свидѣтельствѡ-
цаа

ин (58)

цаа прочитовати, слышати, и въ памяти
содержати, и тѣжде глаголати токѡ, а-
кѡже бошаа часть людеи ѹченихъ и неѹче-
нихъ сице дѣлаетъ, ѿсюдѹбо малѹю ползѹ
дѹшѣ твоеи воспримеши; но разсѹждаи ихъ
сѹ великимъ прилѣжаніемъ; не почиваи
прежде, донелже пламенемъ любви сѹ мерт-
ваго поестествѹ, и паче леда прохладеннаго
сердца твоего несогрѣеши, невоспламениши,
или паче весь не возгоришиса. возбѹди въ се-
бѣ желаніе въ сицевомъ разсѹжденіи. источни-
комъ симъ жизни изсохшее и неплодное
сердце твое наводнити, прохладити, и плодо-
носнимъ сотворити. моли бога, дабы онъ
сицевѹю любовь свою дѹхомъ своимъ свѣ-
тимъ въ сердце твое вложилъ, и толь изобил-
но излилъ, воежебы онаа любовь сотворила-
са въ тебѣ источникомъ воды текѹщимъ въ
животъ вѣчный. Іѡан. д. знаи сѹ, акѡ все
твое христіанство неестъ достоинное нарециса
христіанствомъ, и акѡ не можеши, ниже
истиннаго ажелнѹа, ниже силы къ любле-
нію бога имѣти ислѹжити емѹ, акже сло-

во

н.д. (59)

во его повелѣваетъ, донелиже безъ истиннаго, живаго, ѿвѣри происходящаго познана любви божіа пребываеши, еже ради сына своего возлюбленнаго въ мѣсто тебе настрасть и смерть предалъ, но все твое христіанство и благочестіе имать быти непостоянное, принужденное, и законъ подлежащее. вопрекиже чрезъ познание любви сеа христіаниномъ сотворишися, и все твое христіанство неточію возможное, но и удобное, или паче сладкое и благопріятное сотворитса.

83. Третьеже сѣлѡ великаго удивленія достойное въ разсужденіи семъ есть, зъ всего сегѡ провозсѣвающаа велиа премѣдрость божіа.

84. Да оразумѣеши сіе, требѣ есть знати, акѡ богъ ѿ человѣка, и человѣкъ ѿ бога сѣлѡ различными есть. сѣлѡ различествуетъ сильныи нѣкии царь, ѿ ницаго хлѣба къ препитанію своему просѣщаго, однакоже въ семъ равни себѣ сѣть, понеже царь и нищій оба грѣшники сѣть, немощнии и смертнии челоуѣцы: понеже одинакое имѣютъ вшествіе въ міръ сеи, и изшествіе премѣдр. солом. 3. 5.

МЕЖ-

Ж (60)

междѹ ангеломъ и человекѹмъ большое еще
обрѣтается разнство, нежели междѹ царемъ
и нищимъ, однакоже и ангелъ подобенъ есть
Ѡ бога созданыи якоже и человекъ, и також-
де божиеи власти подверженыи есть, и въ сице-
вомъ разумѣ сѹть себѣ равни,

85. Но вѣчное разнство и различие превы-
шаетъ междѹ человекѹмъ и богомъ; иже
сидитъ надъ крѹгомъ вселеннѣ, и живѹщи
наземлѣ сѹть аки мѹхи предниимъ, прости-
раетъ небо аки покривало нѣкое, и разши-
раетъ е аки скиню къ обитанію: комѹ ѹподо-
битема, ижебы мнѣ равныи былъ, глаго-
летъ сватыи. Ісаіа м. кв. ке.

86. Сѣа двѣ части толь различниа, сѣсть бо-
га и человекѣ, акѹже разнаа нѹхъ своист-
вѣа ѹже описашася въ едино соединити, тре-
боваше воистиннѹ премѹдрости, не созданныи
нѣкиа, но весьма божественнѣа.

87. Сегоради ащебы богъ всѣхъ человекѹвъ
въ свѣтѣ семъ родившихся вопрошилъ, какѹ
начати сѣ творити, дабы человекъ за небла-
гополучіа своегѹ возмоглъ свободитися,
везъ всакагѹ поврежденіа праведнагѹ божіа
сѹда,

ѡа (61)

сѡда, дабы правдѣ божіен доволство сотворилося ащебы и могло сіе сотворитиса, дабы человекъ неблагополѡчіе свое, такожде потребѡ избавителя и примиреніа съ богомъ позналъ былъ, но человекъ самъ ѡ себе не можетъ и сего познати) и сами премѡдрѣиши и искѡснѣиши подобнѣ немогли бы ничесоже ѡвѣщати емѡ, акоже іѡвъ, егда господь вопрошаше его: **гдѣ былъ еси егда азъ основахъ землю; рци мнѣще позналъ еси разѡмѣніе, кто положилъ мѣрѡ еи, знаешили кто измѣриалъ ю мѣрою; въ чемъ основаніа ея погрѣзишася; кто положилъ камень ѡглонныи ея, Іов. ли. д. е. 5.**

88. Видитса сіе напремногихъ азыческихъ народахъ въ подсолнечной обертѡящихся, коль многоразличными безѡмными и непристойными пачеже богопротивными способами тѡцахѡса бога себѣ примирити ѡ грѣхахъ своихъ, ихъ же оцѡщали въ себѣ оскаржающихъ совѣсть, наипачеже егда въ дебелихъ нѣкиихъ злодѣаніяхъ ѡбрѡташася и сами невѣдали чтобы дѣлати треба было, донелиже неѡкриса имъ пѡть къ семѡ въ совѣтѣ божіи

ѡв (62)

БОЖИИ ИЗОВРѢТЕННЫИ ЗЪ ПИСАНИА СВЯ-
ТОГО.

89. И самии юден, имъ же бы подобало
лѣше вѣдати ѡ семъ и разѣмѣти, болшою
частью заблѣдиша ѡправаго сего пѣти, акѡ-
же сие аснѡ показѣется зъ вопросовъ въ гла-
вѣ 5. пророка михеа обрѣтающихся: сз
чимъ имамъ прѣти прѣдъ господа, покло-
нитиса боговѣ вышнемъ; сз жертвами ли
авлюса лицѣ божию; сз телцамии; дамъ
ли перворожденнаго моего загрѣхъ мои на-
жертвѣ; или плодъ чрева моего на всесожже-
нїе прегрѣшенїа ради.

90. Но что имамъ глаголати ѡ человѣчес-
кон немощи и немогѣществѣ въ семъ; воис-
тикиѣ ащебы былъ богъ вопросилъ и самихъ
ангеловъ, которїи аки пребывшии воистиннѣ
и потвержденни дѣхи, немалое въ премѣ-
дрости имѣютъ прензщество паче человѣ-
ковъ, ащебы глаголю вопросилъ былъ ихъ ѡ
совѣтѣ въ вещи сїи, ничтожебы возмогли
ѡвѣщати емѣ на сицевыи не постижимыи
вопросъ. И сего ради въ таинѣ сїю желаютъ
анге-

ѡГ (63)

ангели приникнѹти, аже возвѣстиса намъ
благовѣствованіемъ, дапознаютъ много-
значнѹю премѹдрость божию. Петр. а. а. ви.
кз Ефес. г. і. акоже сіе предизобразиса на зла-
тыхъ онихъ херѹвимахъ на предложеніе очи-
щеніа взирающихъ.

91. Не ѹдивлиса ѹбо семѹ, акѹ павелъ гла-
голетъ; мы же проповѣдѹемъ христа рас-
пата божию силѹ и божию премѹдрость. а. кз
Кор. а. кг. премѹдрость бо сіа, еже чрезъ ра-
спатаго, иже есть богъ и человекъ въ еди-
номъ лицѣ, человекѹ спастиса, не есть
ѡнѣкоего созданіа происходѹщаа, но есть
твореніе нѣкоегѹ вѣчнагѹ и совершеннагѹ
разѹма; сицеваа есть премѹдрость, аже еди-
наа божию приличествѹетъ величествѹ, паки
быти кз грѣшниковѣ милосерднимъ, аже
въ предѹставленіи христа кз крестной смерти,
ничесоже сотвори, еже бы небыло прилич-
ное святости и правдѣ божиен, и ежебы ока-
лномѹ человекѣскомѹ родовѣ преславнаа
несотворило помощи. вистиннѹ премѹдрость
сіа толь свѣтлаа и яснаа есть; свѣтъ еѹ
и сіа-

ѢД (64)

НІЕ ТОЛЬ ПРЕИЗВИЛНОЕ ЕСТЬ И ТОЛЬ ПРЕРАЖАЮЩЕЕ, АКѠ ОКО ЧЕЛОВѢЧЕСКАГѠ РАЗУМА, НИКИМЖЕ ОБРАЗОМЪ НАИУ ВОЗРѢТИ МОЖЕТЪ, ДОНЕЛИЖЕ НЕВОЗИМѢЕТЪ ПОСЛУШАНІА ВѢРЫ И ПРОСТОТИ, АЖЕ ВЪ ХРИСТѢ. Ѡ СЮДУ БО ПРОИХОДИТЪ СІЕ, АКѠ ЧЕЛОВѢЦЫ НАИПАЧЕЖЕ ПРЕМЪДРИИ И РАЗУМНИИ ПО ПЛОТИ СОБЛАЖНАЮТСА, ЕГДА СЛЫШАТЪ ПРОПОВѢДЬ Ѡ ХРИСТѢ РАСПАТОМЪ, И МНАТЪ НѢКОЕ БЕЗУМІЕ БЫТИ СИЦЕВЮ ПРОПОВѢДЬ; НО ЧТО БОЛШОЕ ЕСТЬ, АКѠ СИЦЕВИИ ЧЕЛОВѢЦЫ ВСЕМЪ ПОКАЗЮТЪ ПРЕМЪДРОСТЬ СВОЮ, ЕГДА ПИСАНІЕ ТОЛЬ РАСТАВѢВАЮТЪ, ОБЕЗСИЛЮЮТЪ И ПРЕВРАЩАЮТЪ, АКИБЫ ОНОЕ НИЧТОЖЕ Ѡ ТАИИСТВѢ СЕМЪ ГЛАГОЛАЛО: ЕЖЕ САМОЮ ВЕЩІЮ ГЛАГОЛЕТЪ. ѠЗ КОТОРОЮ СВОЕЮ ПЛОТСКОЮ ПРЕМЪДРОСТІЮ ПОСРАМАЛТСА И ѠННЧОЖАТСА, ИЛИ ПАЧЕ ПО БОЖІЮ СЪДУ БЕЗУМНИИ И НЕСМЫСЛЕННИИ СОТВОРАТСА. КЪ КОРИН. А. А. ДІ. К. В. И,

92. СЛОВОМЪ РЕЦИ: ЧЕЛОВѢЦЫ САМЫ СЕВѢ ОСТАВЛЕННИИ НЕМОГУТЪ СЕМЪ ВѢРИТИ, ДАБЫ БОГЪ СИЦЕВЮ СВАТІОСТЬ ЛЮБОВЪ И ПРЕМЪДРОСТЬ ИМѢЛЪ, АКОЖЕ ВЪ СТРАДАНИИ И СМЕРТИ ХРИСТОВОИ ПОКА-

§Е (65)

показашася: толь велиа есть божаа правда и сватость, акоже и любовь и премудрость егѡ въз дѣлѣ семз.

3.

93. Далѣеже послѣдуетъ по истиннѣ главнаа часть въз семз разсуждени, аже состоится въз семз: какѡ страсть и смерть христа господа предбогомз возмнѣннаа почтенна и восприѣтаа есть.

94. Авное сіе нѣчто есть въз себѣ самомз зъ прежде поманѡтагѡ уже ѡчениа ѡ ѡсновани и винѣ страданіа сегѡ, и какѡ потреба разсуждати ѡ христѣ въз страданіи егѡ; авное глаголю есть всакомѡ прилѣжно разсуждающомѡ ѡ семз съ благоговѣніемз. но достоинное есть сіе, аки нѣкаа особеннаа и превеликаа вещь особеннѡ въз настоѡщомз разсуждени представитися; понеже толь многіи души съ неліцемерніемз ѡсердіемз ѡ спасеніи своемз пекѡщися невѣдаютъ, ниже доволнѡ разсуждаютъ ѡ семз, ниже величества вещи сем сице разсѣмѣютъ, акоже разсѣмѣти требѣ есть и къ ползѣ своен ѡпотреблати; наипачеже неразсѣмѣютъ сего, коль благословен-

§5 (66)

ВЕННОЕ ДѢИСТВІЕ ВЪ ТВОРЕНИИ И ОБЪЧЕНИИ ХРИСТИАНСТВА ѿ СЮДѢ ПРОИСХОДИТЪ, И ВОПРЕКИ НЕПРАМОЕ ПОЗНАНІЕ ВЕЩЫ СЕѢ, КОЛЬ ВЕЛІЕ ТВОРИТЪ ПОВРЕЖДЕНІЕ.

95. ЯЩЕ ѸБО ХОЩЕШИ ЗДРАВНОЕ, ЧИСТОЕ И ДѢШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ ѿ СЕМЪ И МѢТИ РАЗСЪЖДЕНІЕ, ВОСПРИМИ СОУСЕРДІЕМЪ ПРОСТОЕ ИСТОЛКОВАНІЕ НѢКИХЪ РЕЧЕНИИ СЪ ПИСАНІА СВАТАГО.

96. ПАЧЕ НИИХЪ ПРИНАДЛЕЖИТЪ СЮДА РЕЧЕНІЕ ПАВЛОВО ВЪ КЪ КОРИН. Е. ДІ. ЛЮБОВЪ БОЖІА СОДЕРЖИТЪ НАСЪ СЪЖДШИХЪ СІЕ. АКО АЩЕ ЕДИНЪ ЗА ВСѢХЪ ѸМРЕ, ТО ѸБО ВСИ ѸМРОША. СЪ КОТОРАГО РЕЧЕНІА СѢЛО ПРОСТОЕ, И СѢЛО СИЛНОЕ ПОДАЕТСѢ РАЗУМѢНІЕ; АКО, ПОНЕЖЕ ХРИСТОСЪ, АКИ ЕДИНЪ ХОДОТАИ, ВЪ МѢСТО ВСѢХЪ ГРѢШНИКОВЪ ѸМЕРЪ, НЕИНАКО СІЕ ѿ БОГА ВОЗМУНѢНОЕ ПОЧТЕННОЕ И ВОСПРИЯТОЕ ЕСТЬ, ТОЧІЮ, АКИ БЫ ВСИ ГРѢШНИЦЫ ВЪПѢ, И ВСАКЪ ОСОБЕННО ЗАГРѢХИ СВОѢ ПОСЪДѢ ВОСПРИАЛИ, ПРЕТЕРПѢЛИ И ПОСТРАДАЛИ, И АКО ВСАКЪ СИЦЕ ИМАТЬ ѿ СЕБѢ РАЗСЪЖДАТИ, РАЗУМѢТИ И ПРИВЛАЧАТИ СЕБѢ СІЕ ДѢХОМЪ ВѢРЫ.

ТѢМ-

§3 (67)

97. Тѣмже образомъ разумѣти подобаетъ и сіе, еже апостолъ глаголетъ, кз рим. 5. в. иже ѿрохомъ грѣхъ, какѡ пакѡ живемъ ѡ немъ, сіестъ по божиимъ вѣнени въ христѣ и съ христомъ, иже кз ползѣ нашон и въ мѣсто насъ ѿмерз, и мы вѣрою смерть егѡ восприхомъ, и облекохомса въ ню: подобнѣ въ стихѣ 5. глаголетъ: сіе вѣдаще, акѡ ветхѡи нашъ чело-вѣкъ съ нимъ распатса: еже знаменѣтъ сіе: акѡ распатѡи христосъ предъ божиимъ сѣдомъ сице восприатѡи и почтенныи естѣ, аки бы мы вси въ немъ и съ нимъ ради растлѣннагѡ естества нашогѡ на крестѣ распатѡи были.

98. Бегѡрадѡи глаголетъ петръ, акѡ христосъ грѣхѡи наша самъ вознесе на тѣлѣ своемъ на древо: да ѡ грѣхъ избывше, правдою поживемъ. не такѡ бо требѣ естѣ разумѣти ѡ страданѡи христовомъ, аки бы адъ грѣха нашегѡ въ тѣлѣ егѡ обрѣталса и сице бы требѣ емъ было чрезъ толь тѣжкое страданѡе очиститиса ѡ нетѡ; (акѡже нѣци сіа и
прочаѡ

Ѷи (68)

прочая слова апостолская слава истолковаша) но сице разумеети подобаетъ, понеже на него, аки на истинную за грехи наши жертву долг греха нашего бог возложилъ, и ѿ сюда распатие его сице почтенно есть, акибы вси грехи наши съ нимъ ко кресту пригвожденни были, или акибы самы съ нимъ за грехъ умерли; сего ради абие апостола прилагаетъ: да ѿ грехъ изывше акъ умерши уже грехъ съ христомъ по божимъ судъ изречению правдою поживемъ. въ первыхъ словахъ речениа сего благодѣаніе сотворившееся намъ смертию христовою содержитсяъ въ послѣднихъ же словахъ сихъ: правдою поживемъ, званіе наше и должностъ изображается. еже не можетъ первѣе и иначе сотворитися точно тогда, егда человекъ истиннымъ покаяніемъ и вѣрою греховѣ умираетъ, и сице смотритъ на грехъ аки на мертвечинъ нѣкую, болѣе употреблѣтиса немогущю.

99. Также причествуетъ здѣ разсудити ѿ семъ, еже павелъ глаголетъ: **христосъ возлюбилъ есть насъ, и предалъ себе заны приношеніа,**

3.0. (69)

ШЕНІА, И ЖЕРТВѸ БОГѸ ВЪ ВОЮ БЛАГОУХАНІА.
КЪ ЕФЕС. Є. В. СЛЫШИШИВО ЧТО АПОСТОЛЪЗ ЗДѢ
ГЛАГОЛЕТЪ, НЕТОЧІЮ Ѡ СЕМЪ, ЕЖЕ ХРИСТОСЪ ЗА-
НАСЪ СОТВОРИЛЪ; НО И АКѠ СІЕ, ЕЖЕ ОНЪ СОТВО-
РИЛЪ, ПРЕДЪ БОГОМЪ ТАКѠ ПРИАТОЕ ЕСТЬ АКН
ВОНА БЛАГОУХАНІА.

100. / 101. ЕЖЕ РАЗУМѢТИ СИЦЕ ПОДОБАЕТЪ: ВСИ ЧЕ-
ЛОВѢЦЫ, СО ВСЕЮ СОВСТВЕННОЮ, ВОЗМНѢННОЮ
ПРЕМѢДРОСТІЮ, ПРАВДОЮ И ДОБРодѢТЕЛІЮ
СМЕРДАЦИМИ ПРЕДЪ БОГОМЪ СОТВОРИЛІСЯ. НЕ-
ТОЧІЮ СІЕ, ЕЖЕ ПОСАМОМЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ
РАЗСѢЖДЕНІЮ ЗЛОЕ И ГРѢХОВНОЕ ЕСТЬ, НО И СА-
МОЕ СІЕ, ЕЖЕ ПОМНѢННОЮ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ БЛА-
ГОЕ И ДОБРѢ СОТВОРЕННОЕ БЫТИ МНАШЕСЯ, ЗЛИ
И МЕРЗКИИ ИЗДАВАШЕ СМРАДЪ ИЗЪ СЕБЕ, И ТА-
КѠ НЕМОЖАШЕ БОГОВѢ БЛАГОПРИАТНИМЪ БЫ-
ТИ: Ѡ СЕМЪ СМОТРИ, ІСАІА А. ГІ. ЯМОСЪ Є. КА.
КЪ ТІТЪ А. 51.

102. Егдаже Исусъ христосъ въ неповинности
своеи за грѣхи нашн самаго себе предалъ Ѡце-
вѣ въ даръ и приношеніе, тогда произышла
Ѡ сюда сладкаѧ и благопріятнаѧ вонѧ, и
взышла превышше всихъ небесъ въ свѣтилище

БО-

о (70)

БОЖІЕ. СІЕ БЛАГОУХАНІЕ БѢ АКИ КИНАМОНЪ И
ПРОЧА ДРАГАЯ КОРЕНІА, АКИ ИЗРАДНИШОЕ
МИРО, И АКИ КАДЛО ВЪ ХРАМѢ БОЖІИ, ФІРАХ. КД.
103. Ѡ КОЛИКОЕ СОКРОВИЩЕ РАДОСТИ СОДЕРЖИТ-
СА ВЪ СЕМЪ ВѢМЪ ВѢРНИМЪ, АКѠ ХРИСТОСЪ
НЕТОЧІЮ ВЪ ДАРЪ И ПРИНОШЕНІЕ ѠЦѢ СВОЕМЪ ЗА-
НАСЪ ПРЕДАЛЪ СЕБЕ, НО АКѠ И ПРИНОШЕНІЕ ОНОЕ АКИ
ВОНА БЛАГОУХАНІА ПРИЯТНОЕ ЕМЪ БѢ! РАЗСЪДИ
ТОЧІЮ КОЛЬ БЛАГОДАТНОЕ ПОМЫШЛЕНІЕ ВЪ БО-
ЗѢ ВОЗБУДИЛО СІЕ, ЕГДА ОБОНАЛЪ ВОНЮ БЛА-
ГОУХАНІА Ѡ ЖЕРТВѢ НОВИИ, ГЛАГОЛАШЕ БО
ТОГДА БОГЪ ВЪ СЕРДЦІ СВОЕМЪ; НЕКОТОМЪ И-
МАМЪ ПРОКЛИНАТИ ЗЕМЛЮ РАДИ ЧЕЛОВѢКА: НИ-
ЖЕ ДОВОЛНО БЫЛО СІЕ, НО ТАМОЖДЕ ДАЛѢ СЛѢ-
ДѢТЪ; И БЛАГОСЛОВИ БОГЪ НОА И СЫНН ЕГѠ.
БЫТІА И. КА. Д. А. УБО ЗРИ КОЛЬ БЛАГОПРИЯТ-
НАА ВОНА ЖЕРТВЫ ХРИСТОВІА, Ѡ НЕМЪ ЖЕ ПО-
ИСТИНѢ МОЖЕМЪ РЕЦИ, ЗДѢ БОЛИ ЕСТЬ НЕ-
ЖЕЛИ НОИ, БОЖЕЕ СЕРДЦЕ СІЩЕ УСАДИЛА, УДО-
ВОЛИЛА И УПОКОИЛА, АКѠ ЗАСЛУЖЕННЮ Ѡ
НАСЪ КЛАТВОУ ВЪ ЕДИНОЕ ПРЕВРАЩАЕТЪ БЛАГОСЛО-
ВЕНІЕ, И ИМѢЕТЪ ПОМЫШЛЕНІА МИРА АНЕВРАЖ-
ДИ Ѡ НАСЪ. ЗДѢ МОЖЕШИ ВОСПОМАНѢТИ НА
про-

оа (71)

прочам реченіа писаніа, напримѣръ Ісаіа ид.
къ Галат. г. гі.

104. Но еще едино реченіе кзразсѣжденію семѣ
приложимѣ, еже есть къ Тімодею а. в. е.

ЕДИНЪ ЕСТЬ БОГЪ, И ЕДИНЪ ХОДАТАН БОГА И ЧЕ-
ЛОВѢКОВЪ, ЧЕЛОВѢКЪ ХРИСТОСЪ ИНОСЪ. ДА-

ВЫИ СЕБЕ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗАВѢХЪ. КОТОРИМЪ СЛО-

ВАМЪ, НЕ БЕЗЪ ПРИЛИЧНО МОЖЕМЪ ПРИЛОЖИ-

ТИ СЛОВА САМАГО ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО, И-

ЖЕ ГЛАГОЛЕТЪ: СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИИ НЕПРИДЕ ДА

ПОСЛАЖАТЪ ЕМУ, НО ПОСЛАЖИТИ, И ДАТИ ДѢ-

ШЕ СВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗАМНОГИХЪ. Мат. к. ки.

ВЪ КОТОРИХЪ СЛОВАХЪ ПОКАЗЪЕТСЯ НЕ ТОЧІЮ

СІЕ, НА КАКИИ КОНЕЦЪ, И СЪ КАКОВИМЪ НАМѢ-

РЕНІЕМЪ ХРИСТОСЪ САМАГО СЕБЕ ЗА НЫ ПРЕДАЛЪ,

НО И СІЕ ПОКАЗЪЕТСЯ, КАКЪ СИЦЕВОЕ ДѢЛО ПРЕДЪ

БОГОМЪ ПОЧТЕННОЕ И ПРИАТОЕ ЕСТЬ, АКИЦѢНА

ИСКЪПЛЕНІА ЗА ГРѢХИ НАШИ.

105. Да лѣчше и совершеннѣе сіе познаеши,

внеми слѣдѣющомаѣ ѣченію.

106. Всіи мы человекѣцы чрезъ паденіе адово,

и чрезъ собственныи наши грѣхъ боговѣ

должниками сотворихомса. но не ѣ семъ

мнѣ-

ОВ (72)

МИѢНІЕ МОЕ ЕСТЬ, АКИБЫ МЫ ЧРЕЗЪ ПАДЕНІЕ О-
НОЕ ПЕРВѢ ДОЛЖНИКАМИ СОТВОРИХОМСА, БО-
ГА АКИ НАЧАЛО ВСѢХЪ БЛАГНУХЪ ВСѢМЪ СЕРД-
ЦЕМЪ, ВСЕЮ ДУШЕЮ, И ВСѢМИ СИЛАМИ, И БЛИЖ-
НАГѠ АКИ САМАГО СЕБЕ ЛЮБИТИ; СИЦЕВИМИ БО
ДОЛЖНИКАМИ И ПРЕЖДЕ ПАДЕНІА БѢХОМЪ, И
ПРЕБЫЛИ БЫ, АЩЕБЫ И НЕСОГРѢШИЛИ БЫЛИ; И
ВСЕБО ЖИТІЕ НАШЕ НЕИНОЕ БЫ ЧТО БЫЛО, ТОЧІЮ
ЕДИНОЕ НЕПРЕРСТАНОЕ И ДОВОЛЬНОЕ СИЦЕВАГѠ
ВСЕНСТННАГѠ ОБДОЖЕНІА ДОВЛЕТВОРЕНІЕ СОЗДА-
ТЕЛЕВѢ НАШЕМЪ, И БЛИЖНЕМЪ НАШЕМЪ. А-
КѠЖЕ СІЕ ВЪ НОВЪ ПРИОБРѢТАЕТСА ВО ВСѢХЪ
СИХЪ, ИЖЕ ВЪ ХРИСТѢ ВѢРОЮ БОЖІИ ОВРАЗ
ПАКИ ВЪ СЕБѢ ОБНОВЛЯЮТЪ. СОВЕРШЕННѠЖЕ И-
МАТЬ СІЕ БЫТИ, ЕГДА ПРАВЕДНИЦЫ ВЪ ВѢЧНОМЪ
ЖИТІИ ВОСПРИМУТЪ СОВЕРШЕНСТВО СВОЕ.

107. Но сегоради вси мы челоувѣцы по паде-
ни божими должниками нарицаемса, поне-
же пренебрегохомъ сію нашѠ должность, и
противное семѠ сотворихомъ, и такѠ неиз-
реченнѠ великѠю винѠ, идолгъ грѣховнын са-
мы себѢ наложихомъ, и сегоради, понеже
мы самы никакимъ же Ѡбразомъ могли сво-

БО-

ог (73)

БОДИТИСѦ, НА ПРИЛИЧЕСТВЮЮЩЮЮ ЗА СІЕ КАЗНЬ
ѠСЪЖДЕННЫ БЫХОМЪ.

108. ВЪГЛАДОМЪ СЕГѠ НАШЕГѠ ЕСТЕСТВЕННАГѠ
СОСТОАНІА НАПИСАННЫ ЕСМЫ ВЪ БОЖІЕН КНИЗѢ
ДОЛГОВЪ, И ЗАКОНЪ КЪ ЖИЗНИ НАМЪ ПОДАН-
НЫИ, КНИГОЮ ЗАПИСНОЮ СОТВОРИСѦ, АЖЕ ПРО-
ТИВОПОЛАГАЕТСѦ НАМЪ, ПОНЕЖЕ СВИДѢТЕЛСТВУ-
ЕТЪ Ѡ ДОЛГАХЪ НАШИХЪ, ОСКАРЖАЕТЪ НАСЪ И
ОСЪЖДАЕТЪ. КЪ РИМ. З. І. КЪ КОЛОС. А. ДІ. СЕГѠ
БО РАДИ ДОЛГА, ИЖЕ НЕ БЕЗЪ РАЗДРАЖЕНІА ВЫ-
СОЧАНШАГѠ И ПРЕСВАТАГѠ БОЖІА ВЕЛИЧЕСТВА
СОТВОРИСѦ, АКИ ПЛѢНЕННИИ ПОСЪДУ ПРЕБЫВАЕ-
МѠ ПОДЪ ВЛАСТІЮ ТЕМНОЮ, И АКИ ВЪ ТЕМНИ-
ЦИ ЗАКЛЮЧЕННИИ, ИЛИ ПАЧЕ ВЪ ТМѢ И СѢНИ
СМЕРТНОИ, ѠКЪДУ БЕЗЪ СОВЕРШЕННАГО НАГРАЖ-
ДЕНІА ЗА ДОЛГЪ НАШЪ, И ѠМѢРИТЕЛНАГѠ ДО-
ВЛЕТВОРЕНІА, ИЗБАВЛЕНІЕ НЕМОЖЕТЪ СОТВОРИТИ-
СѦ КЪ КОЛОС. А. ГІ. АѠК. А. О.Д.

109. ЕГДАЖЕ НИКТОЖЕ МОЖАШЕ БОГА ВСЕНСТИН-
НѢИШАГО СЪДІЮ ПРИМИРИТИ И ѠДОВЛЕТВОРИТИ,
И ТАКѠ СВОБОДИТИ САМАГО СЕБЕ, ИЛИ ДРУГА СВОЕ-
ГО Ѡ ДУХОВНАГО СЕГО ПЛѢНЕНІА. И СОВСѢМИ
СВОИМИ ДѢЛАМИ АЖЕ ЧЕЛОВѢКЪ ТВОРАШЕ ОСТА-

ВШИ-

од (74)

взимиса попадении силами, подобенз бѣ
нѣкоемѹ тисащѹ рѹблиовз должномѹ, но
и единѹ полѹшки кз ѿ данію немѣющомѹ:
тогда пришлоз христосз и исполниз неточно
законз любви вз мѣсто насз, но и постра-
далз онѹю казнь, аже долга ради нашегѹ,
егоже сотворихомз небреженіемз званѹ на-
шегѹ и должности, и ради исполненѹ
протвнѹи семѹ части, кз намз принадлежа-
ше. которое страданіе христово аки цѣна и
скѹпленѹ совершеннаѹ предз сѹдомз божіимз
почтеннаѹ и воспріѹтаѹ есть, и сеєю то цѣною
вси должники искѹпишасѹ, и чада сѹщии смер-
ти избавишасѹ, сегоради глаголетз апостола:
христосз истребиавз еже на насз рѹкописаніе
ѹченми, еже бѣ сопротивно намз, и то
взѹтз ѿ среды, пригвоздивз є на крестѣ, и
такѹ раздралз и ѹничтожилз, акѹ нектомѹ
ѹже можетз изобличити насз ѹ нѣкоемз
долзѣ кз ѹсѹжденію, аще мы точно самы
себе невѣрствіемз нашимз великагѹ онагѹ
искѹпленѹ несотворимѹ недостойними.

Зри

0Е (75)

110. зри, такѿ спасителя твоегѿ страсть и смерть, или паче все егѿ послушаніе, еже онъ сотворилъ почтенное есть предъ богомъ. еже безъ всякагѿ сораваенія безконечнѣ болша цѣни есть, по оцѣненію божию, нежели вса дѣла всегѿ растлѣннагѿ естества, ежебы точно оставшимся еще силами своими къ награжденію долговъ своихъ всегда творити могло. сегѿ преподобнагѿ, честна предъ господемъ смерть бѣ, Ѳал. rei. и аще давидъ во ѹпованіи извѣстнагѿ ѹслышаніа можаше въ моленіи своемъ глаголати: **положилъ еси слезы моя предъ собою, акѿ и въ ѡбѣтованіи твоємъ; Ѳал. не. много** паче можемѿ мы вѣрити, акѿ богъ не точно слезы, но еже болѣе есть избивано пролившюся христовѣ кровъ предъ собою положилъ, и всякую часть страданія егѿ записалъ въ книзѣ своей къ вѣчномѣ блаженномѣ и дѹшеспасителномѣ намъ воспоминанію.

И.

111. **Здѣ ѿверзается дверь къ иномѣ разсужденію, еже въ семъ состоится; дабы еси по-**

ос (76)

помыслимъ ѿ осмомъ ѿсновани и винѣ, сицеваго божиа почтеніа и оцѣненіа, имже почтилося и оцѣнилося послушаніе и страданіе господа нашегѡ исуса христа.

112. Егда бо помыслиши акѡ должниковъ неисчисленни тисащи тисащиз ѡбрѣтаются, и акѡ награжденіе долговъ весьма безконечное и неизреченное есть, послѣдователнѣ Ѹбо и казнь имъ надлежаща, сицева имѣлаше быти; не безприличнѣ могаз бы еси вопросити: какѡ сіе имать быти, дабы одинагѡ христа послушаніе и страданіе доволное было къ награжденію толь великагѡ долга, и ко свобожденію толикагѡ числа должниковъ, еже превосходитъ множествомъ своимъ прахъ земный и звѣзды небесніа; которое страданіе особеннѡ сице нарицающося не долгѡ было: могабы еси реци, акѡ сицевое страданіе никоегоже имѣти можетъ соравненіа съ толкимъ множествомъ долговъ, и возмнѣти, аки бы богъ за сѣлѡ малое на гражденіе толь безчисленнимъ душамъ не исчисленна долги ѡпѣстилъ; пи-

са-

САНИЕЖЕ ГЛАЛОЕЪТЪ: КЪПЛЕНИ ЕСТЕ ЦѢНОЮ. А.
кз Кор. 5. к.

113. СѢМЪ ВЪ ЕДИНО ДА ВОЗМОЖЕШИ СОВОКЪПИТИ; ПОДОБАЕЪТЪ ТЕБѢ ПРИЛѢЖНО РАЗСЪДИТИ Ѡ СВОИСТВѢ ЛИЦА ОНАГО, ЕГѠЖЕ СТРАДАНИЕ, СИЦЕ АКОЖЕ ПРЕЖДЕ ПОКАЗАСА, Ѡ БОГА ПОЧТЕННОЕ И ВОСПРИАТОЕ ЕСТЬ.

114. ЗДѢ ПОДОБАЕЪТЪ ТЕБѢ ПЕРВѢЕ ВОСПОМАНЪТИ Ѡ СЕМЪ ЕЖЕ ПРЕЖДЕ РЕЧЕСА, Ѡ СОВЕРШЕННОИ НЕПОВИННОСТИ СПАСИТЕЛА ТВОЕГО, АКО ОНЪ НЕПОВИННОСТИЮ СВОЕЮ НЕТОЧИЮ ТОЛЬ ТАЖКАГО БОЛѢЗНЕННАГО И РЪГАТЕЛНАГО НЕЗАСЛЪЖИМЪ СТРАДАНИА, НО НИЖЕ МАЛѢИШАГО НѢКОЕГО ДОСАЖДЕНИЯ ДОСТОИНЪ БѢ. КОТОРАА НЕПОВИННОСТЬ ЕГѠ ТАКОЖДЕ КО ѠСНОВАНЮ ИКЪ ДОВОДЪ ПРИНАДЛЕЖИТЪ, ТОЛЬ СѢЛѠ И ВЫСОКО ПОЧТЕННАГО ПРѢДЪ БОГОМЪ СТРАДАНИА ЕГѠ. НО НЕПОДОБАЕЪТЪ СИМЪ ТОЧИЮ ѠДОВОЛЪТИСА ТЕБѢ, И ДАНЕВОЗМНИШИ АКИБЫ НЕ ПОВИННОСТЬ ЕГѠ СѢА СОВСТВЕННАА И ПЕРВѢИШАА ВИА БЫЛА ТОЛЬ ДРАГАГО ОЦѢНЕНАА. НО ПАЧЕ ПОДОБАЕЪТЪ ТЕБѢ ВѢДАТИ, АКО, АЩЕ БЫ ХРИСТОСЪ НИЧТОЖЕ БОЛѢЕ БЫЛЪ, ТОКМО Ѡ СОВЕРШЕННЫИ, НЕПОВИННЫИ

СВА-

он (78)

святын и праведнын человѣкъ, все еже онъ сотворилъ и пострадалъ, все сіе глаголю никакожебы могло доволнимъ и прѣтимъ быти предъ богомъ, къ награжденію и ѿ данію долговъ поне заединагѡ грѣшника, многѡ паче не доволное бы было конскѡплению толь многихъ или паче безчисленихъ грѣшниковъ ѿ долговъ ихъ. инакѡ подобалобы паче семъ удивлятиса, акѡ толь многи тисащи чело-вѣковъ толь дешевѡ кѡплени сѣть, а несемъ, акѡ толь драгѡ.

115. Речешиже: чтожъ есть болѣе и иза-цинѣишое, еже страданію спасителя нашегѡ толь велию и безъ конечнѡ цѣнѣ и драгость сотвори-ло, акѡ оное, аки доволное или паче преи-зобилное конскѡплению награжденіе сотворило-са ѿ самагѡ бога, аще и неаки ѡтецъ побла-гости своен, но аки сѣдѡ по правиламъ совер-шеннѡ святости и правды своеѡ въ дѣлѣ семъ твораше; на сіе ѿвѣтствѡю: болшое и иза-цинѣишое, было сіе: акѡ христосъ, иже за-насъ пострадалъ, и точію былъ неповиннын и праведнын человѣкъ, но онъ былъ и едино-роднын

о.д. (79)

родный сынъ божии естественный, и такъ ѿ
ѿцемъ и дѣхомъ сватымъ едино и тожде
существо и естество, тѣюжде честь и слава и-
мѣющыи.

116. Зри, высокое оное и безконечное досто-
инство лица сего, еже терпаше, страданію егѡ
толь драгѡ и преизлишнюю цѣну сотворило,
акѡ егда смертію пострададо сицевое лице,
смерть егѡ такъ почтенна бѣ предъ богомъ
аки бы вси съ нимъ за грѣхи Ѹмерли; егда
самаго себе въ жертвѣ принесло, толь благо-
приятное егѡ обонаніе бѣ, акѡ богъ въ мѣ-
сто заслуженна клятвы, единое точію бла-
гословеніе на насъ съ небесъ одождаетъ; егда
самонзволнѣ предадесѧ занасъ на страданіа и
смертна болѣзны, почтенно сіе есть аки до-
стойное и преизобилное, да бы мы вси въ си-
цевагѡ спасителя вѣрющыи возмогли паки
свободитисѧ, и жизнь полѹчити.

117. Внемли, какъ самое писаніе къ основа-
нію семъ приводитъ насъ, и какъ оное членъ
исповѣданія вѣры ѿ вѣчномъ и истинномъ
божествѣ христовомъ, зъ членомъ ѿ стра-
даніи

п (80)

данн и смерти егѠ и Ѡ чрезз сѧ сотворившем-
са Ѡдовлетворенн сѣлѠ едино съ дрѠгимъ
совокѠплаетъ, и обоѧ соединаетъ.

118. Подобаеѧ же нѣкѠторіе мѣста зѧ свѧ-
щеннаго писаніѧ привести въ свидѣѧтельство пра-
вды сеѧ. кѧ Евр. з. кѧ, таковоѧ намъ подо-
баше архіерен преподавенъ, незловнвъ, без-
скверненъ, ѠлѠченъ Ѡ грѣшникъ. и сеѧо еѧъ
первыи доводъ, чесоради приношеніе егѠ до-
волное было ко Ѡдовлетворенію зѧ грѣхи на-
ши, понеже совершеннѠю неповинностъ имѣѧ-
ше. таможде далѣи глаголетъ апостола Ѡ
немъ, и вышше небесъ бывъ, и сеѧо еѧъ дрѠгин
доводъ архіеренства егѠ конскѠпленію нашемоѠ
доволнагоѠ, сіеѧъ истинное божество егѠ. ни-
коежебо созданіе можетъ быти вышше не-
бесъ, но сіе знаменѠетъ божию, славоѠ , аже
точно божию лицѠ приличествовати можетъ.
Ѡ сюдѠ, ащебы и христосъ точно человекъ
былъ, немощнобы было сеѧо глаголати Ѡ
немъ: котораѧ слава и възглагола человекѠ-
ческагоѠ егѠ еѧества приписѣѧса емѠ, понеже
оное зѧ божественнымъ егѠ еѧествомъ

вѧ

па (81)

вз немз вз единомз лицѣ соединенное бѣ.

119. Подобиѣ глаголетъ Ѡ томжде апостолаз кз Евр. д. гл. аще кровз козла и телчаа, и пепелз юнчи кропаци, Ѡскверненыа Ѡсващаетъ кз плотнѣи чистотѣ: колми паче кровз христова, иже дѣхомз сватимз (или дѣхомз вѣчнимз акоже вз священномз греческомз азикѣ сие слово Ѡверѣтаетса, еже знаменуетъ божественное христово естество) себе принесе не порочна богѣ, Ѡчиститъ совѣсть нашѣ Ѡ-мертвицѣ дѣлз. вз которицѣ словацѣ, первыи доводѣ состоитса вз словѣ непорочна, Ѡ непорочности восприати, дрѣги же доводѣ состоитса вз божествѣ, по божественномз во естествѣ своемз христосѣ есть вѣчный не-созданныи и безконечный дѣхѣ.

120. Сюдажѣ принадлежитъ, еже глаголетса Ѡ немз кз Евр. а. акѠ онѣ собою Ѡчищение грѣховз нашихѣ сотвориавз. иже есть сынѣ егоже богѣ отецѣ положи наследника вѣемз, иже сынѣ сѣмие славы, и образѣ ипостаси егѠ: носажѣ всаческаа глаголомз сылы своеа,
сѣде

НВ (82)

сѣде на престолѣ величества на высокихъ.
толикѡ лучши бывъ ангелъ, еликѡ пресла-
внѣе паче ихъ наслѣдства има. иже мно-
жайша славы сподобиса паче моисеа, паче
исуса навина, паче аарона, паче мелхиседека и
паче всихъ прочихъ сватихъ. кз Евр. гл. г. г.
д. н. е. і. з. аі. ві. больши паче всегѡ, еже на
небеси и на земли, акибы реказ апостола, аще
бы онъ не былъ сицевимъ, небы возмогалъ
былъ собою самимъ сотворити Ѡчищеніа Ѡ
грѣсѣхъ нашихъ: а понеже онъ толкз бѣ,
сегѡ ради можаше сіе сотворити, еже никое-
муже созданию сотворити мощно бѣ.

121. Здѣже подобаетъ разсѣдити и еже въ
послани кз Колос. читаемъ, въ гл. а. ді. и-
дѣже подобнѣ истинна Ѡ искупленіи христо-
вомъ, и истинна Ѡ предвѣчномъ божествѣ
егѡ предивнѣ соединенни представляются. пер-
вѣево глаголетъ апостола: Ѡ немъ има-
мы избавленіе кровію егѡ, и Ѡставленіе грѣ-
ховъ, могажебы кто помыслити въ себѣ;
Ѡкѡдѣ кровъ Христова сицевѡю важность и-
мѣетъ и цѣнѣ, дабы возмогла толкѡю
вещъ

ВЕЩЬ СОТВОРИТИ: СЕГΩРАДИ ДАЛѢ ГЛАГОЛЕТЪ
 АПОСТОЛЪ: ИЖЕ ЕСТЬ ОБРАЗЪ БОГА НЕВИДИМА-
 ГΩ, ПЕРВОРОЖДЕНЪ ВСЕМЪ ТВАРИ. АЖΩ Ω НЕМЪ
 СОЗДАНА БЫША ВСАЧЕСКАА, АЖЕ НАНЕБЕСН, И А-
 ЖЕ НАЗЕМН, ВИДИМАА, И НЕВИДИМАА: АЦЕ
 ПРЕСТОЛИ, АЦЕ ГОСПОДСТВІА, АЦЕ НАЧАЛА, АЦЕ
 ВЛАСТИ, ВСАЧЕСКАА ТѢМЪ, И ΩНЕМЪ СОЗДАША-
 СА. И ТОИ ЕСТЬ ПРЕЖДЕ ВСѢХЪ, И ВСАЧЕСКАА Ω
 НЕМЪ СОСТОЯТСА. АЖΩ ВЪ НЕМЪ БЛАГОИЗ-
 ВОЛИ ВСЕМЪ ИСПОЛНЕНІЮ ВСЕЛИТИСА. И ТѢМЪ
 ПРИМИРИТИ ВСАЧЕСКАА КЪ СЕБѢ: АЦЕ ЗЕМНАА,
 АЦЕЛИ НЕБЕСНАА. А ВЪ ВТОРОИ ГЛАВѢ ЕЩЕ АСНѢ-
 ГЛАГОЛЕТЪ СИЦЕ: ВЪ ТОМЪ, СІЕСТЬ ВЪ ХРИСТѢ
 ЖИВЕТЪ ВСАКО ИСПОЛНЕНІЕ БОЖЕСТВА ТѢЛЕСНѢ:
 КОТОРИМИ СЛОВАМИ ВИНЪ ПОКАЗУЕТЪ АПОСТОЛЪ,
 ЧЕСОРАДИ КРОВЪ ХРИСТОВА ТОЛЬ ВАЖНАА БЫЛА.
 122. ТВОРИТЪ ЖЕ СІЕ АПОСТОЛЪ НЕ ПОСЛУЧАЮ
 НѢКОЕМЪ, АКИ БЫ БЕЗЪ ВСАКАГΩ РАЗСЪЖДЕ-
 НІА, ОВО Ω СЕН, ОВОЖЕ Ω ИНОИ НѢКОЕИ ГЛАГО-
 ЛАЛЪ ВЕЩИ, СІЕСТЬ, ОВО Ω ИСКЪПЛЕНИ ХРИСТО-
 ВОМЪ, ОВОЖЕ Ω НЕСОРАВНЕННОМЪ ДОСТОИНСТВѢ-
 ЛИЦА ЕГΩ. НО ВЕСМА СЪ ПРИЛѢЖАНІЕМЪ СИЦЕ
 ПИШЕТЪ, ПОНЕЖЕ ЕДИНОЕ СЪ ДРУГИМЪ ПОТРЕБНОЕ
 И НЕ-

пд (84)

и нерѣшимое имѣетъ соединеніе, и искѹпленіе немогло бы сотворитиса, ащебы искѹпитель небылъ таковъ, какъ его апостолъ описѹетъ, сего ради творитъ сіе, акѡ егда точію Ѡ избавленіи и искѹпленіи христовомъ поминаетъ, абіе толь преславнѣ описѹетъ лице христово.

123. Видишиже, акѡ несравненное оное величество и достоинство христово, непервѣе сотворилоса въ слѣдѹюцѡмъ егѡ возвышеніи пострадаваніи, но было оное ѹже и наипаче въ божественномъ егѡ естествѣ, въ егоже ипостаснѡмъ соединеніи чловѣческое естество страсть и смерть претерпѣло, понеже въ приведенныхъ реченіяхъ неточію повѣстѹетсѧ Ѡ семъ, еже христосъ полѹчилъ совершивши дѣло искѹпленіа, но и Ѡ семъ, кто онъ прежде Ѡвѣка бѣ.

124. И тожде Ѡбрѣтаетсѧ въ многихъ иныхъ реченіяхъ, аще точію прилѣжнѡ оніа разсѹдиши, на примѣрѣ а. Іоан. а. 3. и кровъ исѹса христа сына егѡ Ѡчищаеъ насъ Ѡ всакаѡ грѣха; аще бовопросиши кто есть таковъ

оныи

ОНЫИ СЫНЪ БОЖИИ, ЕГОЖЕ КРОВЪ СИЦЕВАА ТВОРИТИ МОЖЕТЪ; **Ѡ**ВѢЩАЕТЪ ТЕБѢ **І**ѠАННЪ САМЪ ВЪ ТОИЖДЕ ГЛАВѢ: **И**ЖЕ **Б**Ѣ **И**СПЕРВА, **Ж**ИВОТЪ **В**ѢЧНЫИ, **И**ЖЕ **Б**Ѣ **У** ОТЦА, **И** **А**ВИСА **Н**АМЪ, **И**ЖЕ **Е**СТЬ **И**СТИННЫИ **Б**ОГЪ **И** **Ж**ИВОТЪ **В**ѢЧНЫИ. **Е**. **К**. **К**Ъ КОТОРИА ПРАВДЫ ПОТВЕРЖДЕНІЮ МОЖЕШИ ЕЩЕ ПОЛЕЗНѠ **У**ПОТРЕБИТИ ГЛАВЫ ПЕРВА **І**ѠАННОВА БЛАГОВѢСТІА. ТАКОЖДЕ **И** ВЪ **Д**ѢАНИАХЪ НЕБЕЗЪ ОСОБЕННАГО **Н**ѢКОЕГО **Р**АЗУМѢНІА ГЛАГОЛЕТЬ ПАВЕЛЪ: **А**КѠ **Б**ОГЪ **Ц**ЕРКОВЪ СТАЖА КРОВІЮ СВОЕЮ. **К**. **К**И. **П**ОДОБИѢ ВЪ ПОСЛАНИИ **К**Ъ **Т**ИТѸ **В**. **Д**І. **Ж**ДѸЩЕ **Б**ЛАЖЕННАГѠ **У**ПОВАНІА, **И** **А**ВЛЕНІА **С**ЛАВЫ **В**ЕЛИКАГѠ **Б**ОГА **И** **С**ПАСА **Н**АШЕГО **И**ИСУСА **Х**РИСТА, **И**ЖЕ **Д**АЛЪ **Е**СТЬ **С**ЕБЕ **З**А **Н**АСЪ, **Д**А **И**ЗБАВИТЪ **Н**АСЪ.

125. **Н**АУЧИСА **У**БО **Ѡ**СЮДѸ, **К**ОЛЬ **В**ЕЛИА **В**ЕЩЪ СОСТОИТСА **В**Ъ **С**ЕМЪ, **Д**АБЫ **Е**СИ **П**ОЗНАЛЪ **И**ИСУСА **Х**РИСТА, **Н**ЕТОЧІЮ **А**КИ **И**СТИННАГѠ **Ч**ЕЛОВѢКА, **Н**О **И** **А**КИ **И**СТИННАГѠ **Б**ОГА, **И**СТИННАГО **С**ЫНА **Б**ОЖІА; **А**ЩЕ **И** **М**НОГИИ **С**ЛОМѸДРСТВЮЮТЪ **Ѡ** **С**ЕМЪ, **К**ОТОРИИ **С**ПАСИТЕЛЕВѢ **Н**АШЕМѸ **К**ОРОНѸ **С**ІЮ **И**СТИННАГѠ **Е**ГѠ **С**УЩАГѠ **Б**ОЖЕСТВА **Н**ЕПРІАМЪЗНЕННИМЪ **С**ВОИМЪ **П**РЕКОСЛОВІЕМЪ **Ѡ**АТИ **И** **Н**ИЗЛОЖИТИ **Т**ЦАТСА

пс (86)

тсѧ всѣми силами своими, и во истин-
нѣ Основаніе опровергають. и такѡ надме-
ніемъ сѣтнагѡ и растлѣннагѡ Ѹма своего
прелстившисѧ, самихъ себе и прочихъ превели-
кагѡ лишаютъ Ѹтѣшеніѧ.

126. Тыже аще точію словѣ истинны и всеи
вещи простосердечнѡ вѣрѣши, неточію обра-
щеши въ семъ, якоже рѣхоумъ, истинное и
собственное Основаніе вышшеописаннаго бо-
жественнаго чести и важности страданія христо-
ва и смерти егѡ, но и величество и преизобиліе
любвы отца небснагѡ Ѹ сюда познаеши,
еже ради единороднаго сына своего непоща-
дѣлъ, но предалъ его завсѣхъ насъ, и лѣше
научишисѧ познавати сіе разѸмѣти, чесо-
ради христосъ господь самъ, и апостолы егѡ,
толь многѡ съ великимъ Ѹдивленіемъ глаго-
лаша ѡ семъ, которіи ихъ слова вопреки всю-
бы силѣ свою потерли, и ничесожебы сицевое
слѣдовати съ нихъ могло, аще бы христосъ
небылъ самыи истинныи, сѸщественныи, и ес-
тественныи богъ, ѢмманѸилъ, еже есть, съ
намы богъ, но точію прости человѣкъ, посъ-

ло-

пз (87)

ломнѣню нѣкиихъ еретиковъ, единою точною благодатию изащнѣишимъ паче прочиихъ создании сотворившимъ, и къ превысокои чести ѿ Бога возвышенныи, и точнои сице названнии сыиз божии по благодати ане въ самои вещи, которое мнѣние еретическое есть.

127. Болшагоже ради подтвержденiа и обясненiа, еще прилагаю слова нѣкоегѡ Учителя, сице ѿ истиннѣ сии вѣсѣдѡщагѡ: **неможно** есть христа имѣти за простаго человека, или за простое точно нѣкое создание, **безъ поврежденiа вѣхъ сихъ предложении, аже мы имѣемѡ ѡ любви и милосерди божии. всакъ вѣдаетъ, акѡ велие благодѣанiе божиа милосердиа въ семъ состоитъ, акѡ вогъ возлюбленнаго сына своего намъ далъ, и предалъ егѡ занасъ на смерть. сiе дарованiе, вса прочаа дарованiа заключаетъ въ себѣ: посвѣдителейъ бо апостоловъ: аще сына своего непощадѣ, но за вѣхъ насъ предалъ есть его; какѡ Ѹбо неспнимъ вса намъ дарствѣтъ. къ рим. и. лв. ноащевы христосъ простое точно нѣкое создание былъ, то бы дарованiе сiе не было**

пи (88)

БЫЛО ТОЛКИМ ВАЖНОСТИ, КОЛИКИМ ВАЖНОСТИ
ЕСТЬ СПАСЕНИЕ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО, НИЖЕ СЕМЪ
ПОДОБАЛОВЫ УЛИВАТИСЯ, АКЪ БОГЪ СПАСЕНИЕ
НАШЕ ТОЛЬ ВЕЛИКОЮ ИСКУПИЛЪ ЦѢНОЮ, НО ПАЧЕ
ПОДОБАЛОВЫ СЕМЪ УДИВАТИСЯ, АКЪ БОГЪ
ТОЛЬ МАЛОЮ ЦѢНОЮ СПАСЕНИЕ НАШЕ КУПИЛЪ; ЕЖЕ
БЫ ХУЛА НАБОГА БЫЛА ПРОКЛЯТИЮ ПОДВЕРЖЕННАА.
128. Сіе показѹетъ далѣе тойже учитель си-
це: ащебы кто исѹса христа и сѣло почи-
талъ аки сватаго и праведнаго нѣкоего мѹ-
жа; однакоже требѣ есть воспоманѹти
емѹ: акъ множество сицевыхъ лицъ мо-
жетъ обрѣстиса котори всѣмъ сердцемъ и
всѣми силами своими боговѣ сѹжатъ, ко-
тори въ день торжества своего, сіестъ совер-
шеннаго ѿрожденіа, благопріятнѣишее еще
нѣчто имѣютъ быти многи, нежели хри-
стосъ единъ въ очесахъ божиыхъ по мнѣнію
еретическомѹ. и такъ бы спасение рода чело-
вѣческаго дражайшее было, нежели житіе
христово, сіеже сего ради понеже христосъ житіе
свое нѣчто погубилъ бы, но несвятость, аже
дражайшаа есть паче жизни. воистинѹ непо-

до-

п.д. (89)

добаетъ здѣ христа Ѹподоблати прочимъ
вѣрнимъ имѣющимъ наслѣдовати царство
егѡ, но паче подобаетъ житіе егѡ временное
еже онъ за всѣхъ человѣковъ предалъ Ѹпо-
доблати житію вѣчномъ и блаженномъ, еже
вѣрѹющии въ христа полѹчиша: и такѡ вса-
къ Ѹвидитъ, акѡ аще бы христосъ простое
точію нѣкое созданіе былъ, тобы страданіе
егѡ небыло доволное ко избавленію рода че-
ловѣческагѡ. Ѥсюдѹ паки всакъ зразѹмѣ-
ти можетъ, акѡ, понеже христосъ непростыи
человѣкъ, но въ кѡпѣ истинный человѣкъ,
и истинный богъ, сего ради соединеніе человѣ-
чества егѡ зъ божествомъ житію егѡ толь
великѹю важность подало. и понеже всакъ
человѣкъ ничтоже болѣе есть, точію аки че-
ловѣкъ, Ѹбѡ дѣтскимъ бы ѡбразомъ нѣ-
кто возвеличилъ милосердіе божіе, ащебы си-
це возопилъ: ѡ неизреченная любви! ѡ не-
измѣрнагѡ милосердіа божіа! еже предаетъ
животъ нѣкоего простагѡ человѣка, или
созданія за вѣчное спасеніе рода человѣческа-
гѡ. тревѣ Ѹбо есть весьма инагѡ таинства
искати

ч (90)

искати въ словесахъ оныхъ Иоанновыхъ: а посл. д. д. ѿ семъ ависа любовь божа въ насъ, акѡ сына своегѡ единороднагѡ посла богъ въ мръ да живи бѣдемъ имъ. дозѣ поманѣти оныи нѣкыи учитель.

129. Познание сіе несравненнагѡ величества и достоинства лица Христова, иже за насъ пострада и ѡмерзъ, кромѣ всегѡ сегѡ, еже рѣхомъ, можетъ еще и въ семъ възвѣстити та, чесоради все священное писаніе съ толь великою важностію въ дѣлѣ спасеніа нашегѡ къ единомѣ точію Христѣ распато мѣ приводитъ, и емѣ единомѣ точію все спасеніе наше приписуетъ, вса дѣла наша аки помоществующію и заслужителнѣю винѣ выключая, дабы кто невозмѣлъ, акѡ богъ въ спасеніи нашомъ не на единѣ точію кровъ возлюбленнагѡ сына своегѡ смотрѣлъ, но акибы и на нѣкіа дѣла нѣкоегѡ созданіа смотрѣлъ, акибы Христосъ самъ немоглъ испити насъ.

130. ащебы бы прости человекъ занасъ ѡмерзъ, моглобы сіе сотворитиса да бы кто

кз

ча (91)

кз дѣла ѿ еицеваго спасителя еще и ѿ своихъ дѣлаз для лучшаго совершенства спасенiа своего нѣчто приложилъ; нижебы христовъ честь обезчестити сiе могло, ащебы христосъ точною простынъ человекъ былъ.

131. Но понеже христосъ не точною есть истинный человекъ, но и истинный богъ, едиnorodный сынъ предвѣчнаго ѿца, и смерть его, еуже за насъ пострадалъ, небыла смерть нѣкоего простаго созданiа, но смерть его, смерть была создателя; се ради, таковыи человекъ грѣшигъ, и безчеститъ христа, которыйи страданiемъ и смертию сицеваго искъпителя недоволяется, и ищетъ спасенiа своего не внемъ единомъ, но и въ нѣкоемъ еще своемъ, или нѣкоего созданiа заслуженiи и дѣлахъ. колико же кто самою себѣ, со бственномъ своемъ достоинствъ, или добродѣтелѣ, или заслуженiю придаетъ чести, толикъ ѿнимаетъ чести и почитанiа страданiю христовъ, и смерти его, понеже страданiе христово не человѣческое, но божiе дѣло есть, се ради не требуетъ никоегоже прилаганiа къ себѣ

ЧВ (92)

себѣ ѿ дѣлъ человѣческихъ, но самое въ себѣ ко избавленію и исполненію нашемъ доброе, или паче презобилное есть.

132. **Ѽ**кѹдѹ далѣе заключати можеши, а-
кѹ колѣкѹ болѣе по примѣрѹ святихъ апо-
столз, чрезз просвѣщеніе дѹха сватагѹ славу
христовѹ, славу аки едиnorodнагѹ ѿ ѿтца
познаеши, и въ сицевомъ познаніи ѹтверди-
шися толѣкѹ паче ѿ кваса фарисейскаго, ѿ
мечтаніа нѣкоего ѹ собственнихъ своихъ дѣ-
лахъ и добродѣтелехъ предоврежешися и со-
хранишися: вопрекиже, все сіе, еже христосъ
сотворилъ, и пострадавъ въ мѣсто тебе, то-
лѣкѹ лѹчше познается тебѣ, аки нѣкое со-
кровище неоцѣненнѹю драгость и важность
имѣющее.

133. **И** такѹ немаша ѹдивлятися семѹ, а кѹ
павелъ вса вмѣняетъ тщетѹ быти, за пре-
восходящее разумѹ инсѹса христа, егѹ жеради
всѣхъ ѿщетилъ, и вмѣнилъ вса ѹметы
быти. кз Филип. г. к.

134. **Таже** кз семѹ разумѣнію придеши, че-
соряди павелъ глаголетъ, а кѹ единъ точію

хѹ-

чг (93)

ходатаи есть. кз Тимо.д. а. в. с. акѠ нѣ-
сть имене подз небесемз иного даннаго вз че-
ловѣцѣхз, Ѡ немже подобаетз спастиса
намз кромѣ имени христова: нѣсть ни Ѡ еди-
номз же inomз спасеніа. Дѣан. д. аі. ві. а-
кѠ множае паче благодать божаа и дарз
благодатию единагѠ человекѣа исѹса хрнстѣво
многихз преизлишествова. кз рим. е. еі. а-
кѠ дарз правды приѣмши вз жизни воцарѣт-
са единѣмз исѹсз хрнстомз. Таможде зі.
и акѠ хрнстосз еднимз приношеніемз со-
вершилз есть во вѣки Ѡсвацаемыхз. кз Евр.
і. ді. и прочаа.

135. Тоежде познаніе исѹса хрнста набѣтитз
тѣ, что сіе знаменовало, акѠ, егда ангелз
ѹбивающыи вз египтѣ вз ноцѣ обѹжда-
ше ради погѹбленіа первородныхз егнпетскихз.
Ісраилѣаномз запрѣченно бѣ подз казнию
смерти, дабы никто зз жилища своегѠ неви-
ходилз чрезз всю ноцз даже досвѣта: ис-
ход. ві. кв. ниначесожево иное хоташе вогз
зрѣти еже бы равное было кровѣ оной за-
кланнагѠ агнца, котораа кровз излманнаа
бы-

ЧД (94)

была на верхнии прагъ и на одверки, егоже вы ради нѣкоего сохранилѣ ѿ смерти, но едина точию онаѣ кровъ во оноє время сицевѣю важность имѣаше; котораѣ кровъ прообразоваше кровъ пречистагѣ и непорочнагѣ агица христа. Петр. а. а. д. едина сѣѣ кровъ, и ничтоже иное можетъ человекѣ избавити ѿ растлѣнѣя, и блаженнимъ его сотворити, сего ради ни коегоже созданиѣ въ помощѣ е-мѣ придавати годствѣетъ, ащебы и сѣѣло нѣчто благое драгое, и свѣтое было.

136. Здѣ подобаетъ тебѣ еще воспоманѣти и лѣчше ѣразѣмѣти, чесоради въ великий день приношенѣя во Израили, егда архiereи съ кровю въ свѣтаѣ свѣтихъ вхождаше, никтоже ѿ человекъ, ниже ѿ священниковъ можаше въ храмѣ свѣдѣнѣя стоати. Левит. зі. зі. чрезъ сѣѣ бо аки чрезъ авнѣишое нѣкое паче прочиихъ подобіе людемъ божимъ предизображенно было, акѣ богъ въ вѣдѣщомъ истинномъ приношеніи, очищеніи и приміреніи человекѣческомъ зъ богомъ нико мѣже попѣститъ предъ лице свое внити, точию единомѣ христѣ истинномѣ архие-

ЧЕ (95)

ХИЕРЕЕВѢ НОВАГѠ ЗАВѢТА, И ЕГОРАДИ ЕДИНАГѠ ТОЧИЮ МИЛОСТИВИМЪ ВЪДЕТЪ ЧЕЛОВѢКОВѢ. Н-НАКѠ НИЧТОЖЕ МОЖЕТЪ НѢКЮ ВАЖНОСТЬ И-МѢТИ ПРЕДЪ БОГОМЪ. ВСА СІА ГЛАГОЛЮ ЛУЧ-ШЕ ПОЗНАЕШИ, АЩЕ ПОЗНАЕШИ, КОЛИКУЮ ВАЖ-НОСТЬ ИМѢЕТЪ ЛИЦЕ ХРИСТОВО, ЕЖЕ ВЪ МѢСТО ТЕБЕ ПОСТРАДА И УМРЕ.

137. ЯЗЪ МНЮ, АКѠ, АЩЕ ДОВОДЪ СЕИ БО-ЖЕСТВА ХРИСТОВА ВЪ СЕРДЦѢ ПОЛОЖЕННИ ЕСТЬ КРѢПКѠ, НЕУСЪМНИШИСА Ѡ СЕ.МЪ, АКѠ ОНЪ ТОЛИКИМЪ СТРАДАНИЕМЪ И СМЕРТІЮ, ЗА ВСА ЧЕЛО-ВѢКИ НИКОГОЖЕ ВЫКЛЮЧАА ПОСТРАДАЛЪ И У-МЕРЛЪ, И ДОЛГИ ЧЕЛОВѢЧЕСКИА СОВЕРШЕННѠ ЗА ПЛАТИЛЪ ТАКѠ; АКО ВСАКОМУ ЧРЕЗЪ СТРАДАНИЕ И СМЕРТЬ ЕГѠ ПУТЬ КЪ БОГУ ПАКИ УГОТОВАННЫ ЕСТЬ, И НЕБО ЧРЕЗЪ ПЕРВАГѠ АДАМА ЗАКЛЮЧИВ-ШОЕСА ПАКИ Ѡ ТВОРИЛОСА, ДА БЫ ЧЕЛОВѢКЪ ПАКИ ВЪ НЕБО ВШЕДАЪ, И БОГА АКИ ИСТОЧНИКА ВСѢХЪ БЛАГЪ НАСЛАЖДАЛСА, АЩЕ ТОЧИЮ САМО-ВОЛНѢ НЕ ОБЕЗУМИТСА ЧЕЛОВѢКЪ, И НЕИЗБЕРЕТЪ СЕБѢ СМЕРТИ ВЪ МѢСТО ЖИВОТА, И КЛАТВЫ ВЪ МѢСТО БЛАГОСЛОВЕНІА. АКОЖЕВО САМОЕ ПИСА-НИЕ АСНѠ СІЕ ПОКАЗУЕТЪ, ГЛАГОЛА СІЦЕ: **ДАВЫИ СЕБЕ**

себе избавление за всѣхъ кз Тѣм. а. в. с. тои
 очищение есть ѿ грѣсѣхъ нашихъ: не ѿ на-
 шихъ же точно, но и ѿвсегѿ мира. Іѿан. а.
 в. в. акѿ да благодатию божіею завсѣхъ
 вкѣситъ смерти. кз Евр. в. д. такѿ невоз-
 можнѿ есть инакѿ быти семѿ, точно сице,
 акѿ страданіе и смерть сицевагѿ лица, еже не
 есть нѣкое простое созданіе, но истиннын са-
 мыи богъ есть, силѿ ли страданія, или намѣ-
 реніе страждущагѿ разсѣдиши, неточно за
 нѣкіа немногіа вз погивели лежащія чело-
 вѣки, но за всѣхъ сотворишася, и толикѿ
 распространяютсѧ, коликѿ растлѣніе и пагѣба
 распространяхѣсѧ. противное бо нѣчто вѣри-
 ти, есть весьма досадителное превысокомѿ и
 преизащномѿ достоинствѿ, высочаишагѿ
 божественнагѿ лица спасителя нашегѿ. ꙗ ѿ-
 кѿ многи погибаютъ аще и за всѣхъ хри-
 стосъ пострадавъ и ѿмерлъ; не ѿсюдѿ проис-
 ходитъ сіе, аки бы христосъ неимѣлъ намѣ-
 ренія и за нихъ ѿмрѣти, ниже ѿсюдѿ проис-
 ходитъ, аки бы страданіе егѿ и смерть недо-
 влѣли ко очищенію и истребленію грѣховъ
 ихъ.

чз (97)

ихъ, но происходитъ сіе Ѡсюдъ, акѠже Ѹже рѣхо.мъ, и впрѣдъ бѣдемѠ еще Ѡ семъ глаголати, понеже нехотятъ творити поканіа божію Ѹстановленію приличнаго и вѣровати; вса бо сіа крѣпкимъ инерѣшимимъ союзомъ свазанна сѣтъ. а. ако богъ миръ сен возлюбилъ. в. акѠ сына своегѠ единороднагѠ далъ естъ. г. акѠ вси вѣрѣющіи въ негѠ непогибѣтъ, но имѣтимѣтъ животъ вѣчныи.

д.

138. На остатокъ, Ѡ довода сегѠ, акѠ христосъ не естъ простыи человекъ, но и сынъ божий и истинный богъ, научишиса съ толкѠ болшимъ извѣщеніемъ и радостію вѣровати семъ, еже писаніе глаголетъ, Ѡ неощенномъ и дражаншомъ плодѣ, и Ѡ неизреченнѣ великои ползѣ слѣдѣющои зъ страданіа егѠ и смерти, Ѡ чесомъ деватое Ѹже разсѣженіе тебѣ представляетса.

139. КакѠбо немать страданіе сіе, еже сицевое лице славы своеа конца немѣющее претерпѣло, и еже по преждереченномъ, на сѣдѣ

бо-

чи (98)

БОЖИМЪ ТОЛЬ ВЫСОКΩ И ДРАГΩ ПОЧТЕННОЕ
ЕСТЬ, КАКΩ ГЛАГОЛЮ НЕИМАТЬ ИНАСИХЪ, НУЖЕ
РАДИ СОТВОРИСѦ СІЕ, ИЗЛИТИСѦ ПРЕСЛАВНИМЪ ПРЕ-
ИЗЪЦНИМЪ И НИЧЕСО ЖЕ РАВНАГО СЕБѢ НЕИМѢЮ-
ЩИМЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕМЪ И ПОЛЗОЮ; ЗАКЛЮ-
ЧЕНІЕ ПАВЛОВО ВЕСМА ПРАВИЛЬНОЕ ЕСТЬ, НИЖЕ МО-
ЖЕТЪ КТО ПРЕКОСЛОВИТИ ЕМЪ, ИЖЕ СИЦЕ ЗАКЛЮ-
ЧАЕТЪ: СЫНА СВОЕГО БОГЪ НЕПОЩАДѢЛЪ, НО
ЗАНЫ ВСѦ ПРЕДАЛЪ ЕСТЬ ЕГО: **КАКΩ УБО НЕ И СИМЪ
ВСѦ НАМЪ ДАРСТВУЕТЪ. КЪ РИМ. И. ЛВ.**

140. Но вчомъ состоитсѦ сицеваѦ полза и
БЛАГОСЛОВЕНІЕ, Ω ЕСТЕСТВЕННАГΩ РАЗУМА НЕМО-
ЩНО ЕСТЬ НАУЧИТИСѦ НО НАУЧАЮТЪ НАСЪ СЕГО
ЕДИНАѦ ТОЧІЮ СВИДѢТЕЛЬСТВА ЗА ЕВАНГЕЛІѦ ВОС-
ПРИѦТАѦ, АЖЕ СЕГОРАДИ ПОДОБАЛОВА ВЕСМА ВСѦ-
КОМЪ ХРИСТИАНИИМЪ НА ИЗУСТЪ УЧИТИ, НОНИЖЕ
ТОЧІЮ Ω СЛОВА ДОСЛОВА УЧИТИ, НО И ПОВСАКЪ
ДЕНЬ ДОБРѢ ОНАЖЪ РАЗСЪЖДАТИ, И АКИ ПОВ-
СЕДНЕВНОЮ ДУШЕВНОЮ ПИЩЕЮ ПИТАТИСѦ. НИ-
КОГДАЖЕ БО МОЩНО ЕСТЬ ДОВОЛНѢ СПЦЕВАѦ РЕ-
ЧЕНІѦ ЧИТАТИ ИЛИ РАЗСЪЖДАТИ; И КОЛИКΩ БО-
ЛѢ КТО РАЗСЪЖДАЕТЪ ИХЪ, ТОЛИКΩ ДРАЖАН-
ШИМЪ И БЛАГОПРИѦМѢШИМЪ ЕМЪ БЫВАЮТЪ.

ОБЩЕ-

ч.д. (99)

141. ОБЩЕЖЕ ПОЛЗА И ПЛОДЪ СТРАДАНИА ХРИ-
СТОВА СОСТОИТСА ВЪ СВОБОЖДЕНИИ $\overline{\Omega}$ СЛА, ЕЖЕ
НАСЪ ОКАНИИА ЧАДА АДАМОВА НЕБЛАГОПОЛЪ-
ЧНИМЫ ТВОРИТЪ ПО ПАДЕНИИ НАШОМЪ; И ВЪ
ПО ДАЖНИ ОНАГО БЛАГА, ЕГ $\overline{\Omega}$ ЖЕ МЫ ПО ЕСТЕСТВЪ
ЛИШАЕМСА. ЗДѢЖЕ РАЗСЪДИМЪ И $\overline{\Omega}$ СЕМЪ, ВЪ
ЧОМЪ СОСТОИТСА ИСТИННОЕ И ДЪХОВНОЕ БЛАГО-
ПОЛЪЧНОЕ ЖИЗНЫ НАШЕА СОСТОЯНИЕ.

142. ОНОЕ СЛО, ЕЖЕ $\overline{\Omega}$ ЕСТЕСТВА НАШЕГ $\overline{\Omega}$ АКИ
ТАЖАРЪ ВОЗЛАГАЕТСА НАВЮ НАШ $\overline{\Omega}$, СОСТОИТСА
ВЪ ДВОИХЪ СИХЪ ВЕЩАХЪ, СИЕСТЬ: ВЪ ДОЛЗѢ,
И ВЪ КАЗНИ ЗАГРѢХЪ. ИТАК $\overline{\Omega}$ ИСКЪПЛЕНИЕ $\overline{\Omega}$ О-
БОНУХЪ АКИ ГЛАВНЫИ ПЛОДЪ ЕСТЬ СТРАДАНИА И
СМЕРТИ ХРИСТА ГОСПОДА.

143. $\overline{\Omega}$ ЧЕСОМЪ СИЦЕ МНѢТИ ПОДОБАЕТЪ: ПОНЕЖЕ
ХРИСТОСЪ ИСТИННЫИ БОГЪ И ЧЕЛОВѢКЪ, ГРѢХЪ ТВОИ
И КАЗНЬ НА СЕБЕ ВОСПРИАМЪ, И БОГЪ СІЕ АКИ ДОВОЛНЮ
И СОВЕРШЕННЮ ЦѢНЮ ЗА ИСКЪПЛЕНИЕ ВОСПРИАМЪ;
СЕГ $\overline{\Omega}$ РАДИ ТАК $\overline{\Omega}$ СТАНЕШИ ПРЕДЪ СЪДОМЪ БО-
ЖИИМЪ, АКИ НИДИНАГОЖЕ ГРѢХА ИМѢЮЩИИ
ИЛИ ИМѢВШИИ, АКИ БЫ ЕСИ ТАК $\overline{\Omega}$ НЕПОВИНЕНЪ,
ТАК $\overline{\Omega}$ СВАТЪ И ПРАВЕДНЫИ БЫЛЪ, АК $\overline{\Omega}$ ЖЕ АДАМЪ
БѢ ВЪ ОНЫИ ДЕНЬ, ЕГДА ИЗР $\overline{\Omega}$ КЪ СОЗДАТЕЛА СВОЕ-
Г $\overline{\Omega}$ И ХЪДОЖНИКА, АКИ ПРЕСЛАВНОЕ ПОДОБИЕ О-
БРАЗА

р (100)

бразѣ егѡ первѣе произишелз. сегѡ ради ѿ
всѣхъ казни юже грѣхами твоими заслѣжилз,
на вѣки божиимъ указомъ ѹволненныхъ и ос-
вобожденныхъ еси, такѡ, акѡ ниже божи
гнѣвъ имать постигнѣти тѣ, ниже дѣволз,
ниже смерть или адъ можетъ ѹстрашити тѣ.
смотри, сокровище сѣе есть тебѣ и всѣмъ чело-
вѣкомъ ѿ исѹса христа приѡбрѣтенное, и со-
вершившоеся чрезъ страданіе егѡ и смерть, че-
согоѡ и ты, аще точію чрезъ невѣрствіе самъ
себе несотвориши недостойнимъ, ѹпотребля-
ти и ѹчастникомъ егѡ сотворитися можеші:
и такѡ ѿ всегѡ неблагопослѣчіѣ ѹбѣгнѣти въ
сѣмъ и въ бѹдѹщомъ вѣцѣ. приличествѣетъ
издѣе вопросити, акоже христосъ вопрошаше
марк.и. емлешли вѣрѹ сѣмъ; Іѡан. аі. кс.
144. ѡ сѣмъ чрезъ распѣтаго христа сотво-
рившемся искѹплени, внемли слѣдѹющимъ
речениѣмъ.

145. На примѣрѣзъ сице глаголетъ мессіѣ ѡ се-
бѣ ѹпророка ісаи мг. ке. азъ азъ самъ по-
превляю грѣхи твои ради мене, и грѣховъ
твоихъ къ томѹ не помянѹ. и паки въ гла-
вѣ, мд. кв. потребнихъ аки облакъ беззаконіѣ

ра (101)

нѣа твоа, и аки мгла грѣхи твои. сѣсть, грѣхъ и все въ немъ содержащееся баше аки нѣкин темныи облакъ, и аки нѣкаа дебелаа мгла междѣ богомъ и человекомъ лежащаа. но акоже въ естество и самыи темнѣишыи облакъ, или сѣло дебелаа мгла, такѣ ѡбикаетъ потреватиса, акѣ ниже малѣишыи слѣдъ, ниже сѣнь или поне малѣищаа нѣкаа ихъ часть можетъ обрѣстиса, и тогда псакъ можетъ беза всакаѣ препатѣ видѣти солнце въ совершенномъ егѣ сѣани, такожде и всю свѣтащюся твердь небеснѣю. такѣ исхъ христосъ страданемъ и смертию своею облакъ и мгла грѣховъ нашихъ (поколикѣ грѣхъ, долъ и казнь содержитъ въ себѣ) толь совершеннѣ потребилъ, и уничтожилъ, акѣ ниединаго хъже препатѣа можетъ намъ сотворити грѣхъ въ познани полнаѣ сѣанѣ, и полнаѣ свѣта солнца благодати божѣ, и во употребленѣ его къ нашемѣ хъвеселенѣ и наслажденѣ, аще точно бѣдемѣ дѣлати по опредѣленномъ намъ самаѣ бога хъстановленѣ, ѣ чемъ болѣе еще речетса нижше.

Искѣ-

рв (102)

146. Искѹплєніє сіє обѣщанное єсть вз пророцестви данила пророка гл. д. кд. акѠ по окончанію седмидесатъ седмицъ и мѣаше сватое сватицѹ помазатиса, беззаконіє закључитиса и грѣцѹ запечатлѣтиса (дабы некто мѹ ѹже болѣе могли видѣтиса и читатиса предъ сѹдомъ божимъ) и нечестіє Ѡчиститиса.

147. Такожде тревѣ єсть паче прочицѹ речєни разсѹдити єже глаголетсѹ ѹпророка Захаріи гл. г. и. д. се азъ пошлю раба моегѠ цємацѹ (такѠ называєтсѹ мессіа, которое слово вз священномъ євренскомъ азыкѣ знаменѹєтъ лѣторасль; понеже онъ сѹ корєнѹ своегѠ и мѣаше произрасти, акѠже ѹтогожде пророка вз главѣ 5. в. глаголетсѹ) се на единомъ семъ каменѣ єгоже положицѹ предъ ісѹсомъ, (имєнемъ симъ ісѹсѹ, називалсѹ архієрен бывшии тогда во ієрѹсалимѣ) седмъ очєсѹ и мѹть быти. (єже єсть описаніє хрїстово, и сватицѹ оницѹ даровани, которми онъ почеловѣческомѹ своемѹ естєствѹ исполненни былъ) и се азъ изображѹ начертаніа єгѠ,

рг (103)

егѠ, глаголетъ господь саваодъ (сїе сотворилося егда христосъ на крестѣ повѣшенъ былъ) кинже плодъ и полза имѣлавы Ѡсюдъ быти далѣе глаголетъ господь, и Ѡимъ беззаконіе земли сеѧ (сїестъ, землѣ юденскїа, чрезкторю и прочїи вси земли знаменуются) въ день единъ. внемли семъ, акѠ богъ глаголетъ въ единъ день сїе имать совершитисѧ, еже неможаше совершитисѧ чрезъ безчисленное множество дражайшихъ приношенїи въ многосотныхъ и многотисщныхъ лѣтахъ сотворившихся. сїестъ. въ день они вонъже христосъ животъ свои въ жертвѣ прїнесетъ. Ісаїа нг. 1. кз Ѡвр.1.

148. Сїе малое число свидѣтельствъ зъ ветхѡгѠ завѣта приведенныхъ великїа ради важности ихъ довлѣютъ.

149. Въ новомъ завѣтѣ обрѣтаемѠ мы вездѣ, доволнѣшаа ещѣ, и аснѣшаа, свидѣтельства Ѡ семъ, съ которыхъ превеликаго множества, точно нѣкїа приведѣ къ показанїю преславнагѠ сегѠ плода: на примѣръ,
глаголетъ павелъ: **ИЖЕ ДАЛЬ ЕСТЬ СЕБЕ ЗА НАСЪ,**
да

рД (104)

да избавитъ насъ ѿ всакаго беззаконіа. кз
Тит. в. д. (еже онъ сотворити чрезъ преда-
ніе свое на смерть неточію имѣлъ намѣреніе,
но и самую вещь исполнилъ) такожде кз Евр.
д. христосъ нинѣ единою въ кончинѣ вѣковъ
ависа жертвою своею во отметаніе грѣха,
христосъ единою принесеса, воеже вознести мно-
гихъ грѣхи: сюда принадлежатъ слова Іо-
аннова: вѣсте ли онъ ависа, да грѣхи
наши возмез. а. г. е. ажеже онъ и сотво-
рилъ предпоказанимъ разумѣніемъ.

150. Ищеже въ реченіихъ онихъ кз показанію
правды сеѣ съ писаніа приведеннихъ, и ѿ еди-
номъ точію грѣсѣ воспоминаетса, ничтоже
вспоминаѣ ѿ казни загрѣхъ надлежащон
ѿ которіа христосъ смертію своею насъ искъ-
пилъ есть, однакоже самую вещь и сіе въ
тѣхъже реченіихъ содержитса: ибо искъпленіе
ѿ грѣховъ съетноебы подало намъ ѡтѣше-
ніе аще бы оно неизбавило насъ ѿ казни, аще
бы мы еще казни нашеѣ ожидать долженст-
вовали. обаче особеннѣ кз разсѣжденію сегѣ
восприми слѣдѣющее.

Павелъ

ре (105)

151. Павелъ изображаетъ казнь за грѣхи наипаче сими двома словами, аже сѣть: клят-ва и смерть.

152. АкѠ мы чрезъ христа Ѡ клятвы избавихомся, и какимъ образомъ, Ѡ семъ пишеть онъ въ послании своемъ къ галатамъ: **христосъ исполнилъ есть насъ Ѡ клятвы закона: бывъ по насъ клятва г. г. сестъ: христосъ исполнилъ есть насъ Ѡ вѣхъ, престѣпителейъ закона прѣтительныхъ казни, егда онъ благословенный божь, или паче самое благословение, акыбы всякѡ клятвы достойны, или паче самаѡ клятва былъ, насъ ради на древѣ крестномъ повѣситисѡ благоизволивъ. писаново есть; проклятъ всякъ висѡ на дрѣвѣ. въ тойже главѣ.**

153. **Исполнение Ѡ смерти сѣлаѠ мснѠ и силнѠ Ѡписуетсѡ въ главѣ ке: Исѡи и. пожретъ смерть повѣдою.** акѠже иногда жезлъ аароновъ змиемъ сотворившисѡ такѠ пожерлъ жезли волфовъ египетскихъ, акѠ и слѣдѡ ихъ немоцно было болѣе обрѣсти, исход. 3. вѡ. подобнѣ тожде описуетсѡ Ѡ пророка осѡи

ρς (106)

оси. ѿ ада искѹплю ихъ, и ѿ смерти избавлю ихъ, пагѹбами твоими имамъ быти ѿ смерти! и-мамъ быти погѹбленіемъ твоимъ ѿ аде! ниже можаше аснѣе и силнѣе освобождение ѿ смерти описатисѧ, паче, акѿже здѣ описанное есть. Которіа слова обоихъ пророковъ Ісаи и осии павелъ приводитъ въ а своемъ послании къ Корин. еі. пожертѣ бысть смерть побѣдою. гдѣ ти смерти жало; гдѣ ти аде побѣда; и ради обясненіа онихъ словъ глаголетъ таможде: жаложе смерти, грѣхъ: силаже грѣха законъ, а акѿ побѣда она надъ а-домъ сотворившамсѧ, подобнѣ пожертіе смерти, сѣть благословеніе происходящее за страданіа и смерти христовои, сіе аснѿ пока-зѹетсѧ за слѣдѹющагѿ благодарителнагѿ сти-ха: богѹже благодареніе, давшемѹ намъ побѣдѹ господемъ нашимъ исѹсз христомъ. какѿже сіе сотворилосѧ, ѿ семъ разсѹдимѿ еще наостатокъ, еже апостолъ глаголетъ къ евр. в. ді: **Понеже ѹбо дѣти приобщашасѧ плоти и крови, и тои прискреннѣ приѿбщисѧ тѣхъже, да смертію** (еже онъ благодатию бо-жіею за всѣхъ вѣсилъ въ тоиже глав. д.)

Ѹпраз-

рз (107)

Упразднитъ нмѣщаго державѣ (неточію временна но и вѣчна) смерти, сіестъ діавола: и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинны бѣша работѣ. здѣ слышиши, коль всемогущаа и силнаа нѣкаа вещь бѣ въ очесахъ вожихъ смерть христова, еюже пострадати благоизволилъ предъ очесами человекѣскими въ послѣднему степени уничтоженіа своегѡ, и ѿ сюдѣ можеша познати, чесоради павелъ христа распятаго нарицаетъ божію силою къ Корин. а. а. къ. понеже онъ распатіемъ своимъ наисилнѣишихъ враговъ области темна побѣдилъ, и всакіа ихъ надъ нами имѣющеася совлекъ власти, и изведе въ позоръ. къ Кол. в. еі. АѢк. аі. къ.

154. Акоже ѡво чрезъ первагѡ адала грѣхъ пришовъ въ миръ, и чрезъ грѣхъ пришла смерть: такѡ чрезъ вторагѡ адала, иже есть господь съ небеси, грѣхъ и смерть безсилними сотворилася и потребилася; акоже сіе съ предпоказаннихъ ѡже доволнѡ ко ѡвѣренію показѣетсѧ. ѡ томже зри еще Іѡан. е. къ. и. нв. аі. къ. къ. къ рим. е. ві. къ Кор. а. еі. ка. мз.

Не

рн (108)

155. Не точноже и мамы приписовати страданію христову Ѹволненіе ѿ превеликаго зла. но и поданіе намъ превеликихъ и дражайшихъ благъ и сокровищъ томѸже единомѸ страданію христову и мамы приписовати.

156. Кажебо есть вина; акѸ бога примиреннаго намъ имѸемѸ, и акѸ онъ неразгнѸванный нѸкии сѸдѸа, но Ѹже вопреки милости-выи, презѸбною и сердечною любовью къ намъ горащыи отецъ есть; не смерть ли христа спасителя нашегѸ виною сегѸ есть; богъ бо бѸ въ христѸ, глаголетъ павелъ, миръ примирѸа себѸ: невѸвиѸа имъ согрѸшеніи ихъ. къ Кор. в. е. д. въ немъ благоизволи всемѸ исполненію вселитисѸ: и тѸмъ примирити всѸческѸа къ себѸ, аще ли земнаѸ, аще ли небеснаѸ, Ѹмиротворивъ кровію креста егѸ. и вѸсѸ иногда сѸщихъ ѿчѸжденихъ (ѿ бога) и враговъ (праведнагѸ гнѸва божіа и ненавидѸніа совершеннѸ достоиннихъ) помышленми въ дѸлѸхъ лѸкавихъ. нинѸже примирѸи въ тѸлѸ плоти егѸ, смертію егѸ. къ Колос. а.

да-

р.д. (109)

157. Далѣеже, что есть единое наше важное предз богомз Ѡправданіе; не послѣшаніе ли христово; имже Ѡцѣ своемѣ послѣшавз бывз даже досмерти, смертиже крестна. кз Филиппис. в. вонстиннѣ сіе есть во вѣки пребывающее, и всегда важное Ѡправданіе, еже поданиловѣ пророчествѣ чрезз сватиню сватихз имѣаше совершитиса Данил. д. кд. сіе есть правда божіа, кз Корин. в. е, ка. егѠ единагѠ Ѡправданіемз: во вса человеки вниде Ѡправданіе жизни, и такѠ послѣшаніемз единагѠ праведни мнози сотворишася кз рим. е. н. аже и Ісаіа семз предрече, сице глагола: **познаніемз своимз праведныи оныи слѣга мои, многихз праведными сотворитз, и грѣхз ихз онз на себѣ понесетз. нг. аі.**

158. Паки: что есть Ѡснованіемз примиреніа нашегѠ съ богомз; не христосз ли; не страданіели егѠ и смерть; вонстиннѣ всаки мирз или примиреніе, еже мниши имѣти та съ богомз ненное что есть точно единын стидз и мечтаніе сонное, аще не Ѡснованное есть на камени семз; во время искѣшеніа немо-

жетз

жетѣ постолѣти, аки плєви и изгрєбіє предѣ ли-
 цємѣ огнѣ, или аки иѣкаѣ тонкаѣ и легкаѣ
 стѣна, предѣ вѣрею сѣбною и дождємѣ,
 христосѣ же мирѣ сотворилѣ кровію страданіѣ
 своегѣ; кѣ Колос. а. к. онѣ есть царѣ мира.
 кѣ Евр. з. в. и истинный князь мира, ако-
 же Ісаіѣ етѣ нарицаетѣ. д. с. казнь примн-
 реніѣ нашегѣ лежитѣ на немѣ, Ісаіѣ нг. аще
 сіє вѣрею помєши, тогда исполнишєсѣ всѣ-
 кіѣ радости и мира вѣ вѣрѣ, и бѣдєши из-
 выточєствовати во ѣпованіи силою дѣха свѣ-
 тагѣ. кѣ рим. еі. гі.

159. Такождє, комѣ и мамы иномѣ припи-
 совати сіє, акѣ дѣхѣ новагѣ завѣта, дѣхѣ
 новагѣ рождєніѣ и ѣновленіѣ, дѣхѣ люб-
 ви и чадовства или ѣсыновленіѣ, имже во-
 піємѣ авва ѣчє, паки намѣ подадєсѣ и да-
 ровасѣ: воистиннѣ иенномѣ комѣ, точно
 єдинои смєрти христовои. примѣчаніє точно,
 какѣ крѣпкѣ сицевѣ егѣ смєртѣ сѣ онимѣ
 благодати дарованіємѣ связаннаѣ естѣ. ѣ-
 щево павла вопросиши: чєсоради христосѣ
 клѣтвою накрєстѣ сотворнєсѣ насѣ ради; ѣ
 вѣ-

раі (111)

вѣщааетъ тебѣ: да искѹпитъ насъ ѿ клят-
вы законныя: но къ семѹ прилагаетъ еще
апостолъ и слѣдѹющее: да въ азыцѣхъ
благословеніе авраамле бѹдетъ, да ѿвѣто-
ваніе дѹха примемъ вѣрою, къ Галат. г. г.
ниже послѣднее можаше сотворитиса, аще
бы было первое несотворилоса. Акоже и
христосъ господь глаголаше: аще не идѹ
азъ, ѹтѣшитель не приидетъ къ вамъ. аще-
лиже идѹ, пошлю его къ вамъ. ІѴан. 51. 3.
и такѹ долженствоваше сен камень нашъ пер-
вѣе оцѣтити жезлъ монсеѹвъ, сіестъ клят-
вѹ закона, и поразитиса имъ даже досмер-
ти крестныя: и посемъ ѹже источити рѣкѹ во-
ды живыя, наизсохшаа и жаждѹщаа сердца,
человѣческаа и сѹд. 31. 5.

160. Крестнаа сіа смерть христова съ прочи-
ныи страданіи егѹ есть виною сегѹ, а-
кѹ входъ къ богѹ, паки ѿверзеса намъ, и-
мы безстраха аки чада съ дерзновеніемъ при-
стѹпаемъ къ немѹ, и благодать возблагодать
можемѹ ѹнегѹ чрезъ христа испросити,
и воспріати. преизраденѹ глаголетъ ѿ
семъ

рви (112)

СЕМЪ ПАВЕЛЪ: ИМЪЩЕ УБО ДЕРЗНОВЕНІЕ БРАТІЕ
ВХОДИТИ ВО СВАТАА (СІЕСТЬ ВЪ САМАГО БОГА. Е-
МЪЖЕ СОБСТВЕННАА ЕГѠ СВАТОСТЬ СВАТИЛИЩЕМЪ
ЕСТЬ, ВЪ НЕМЪЖЕ ОНЪ ЖИВЕТЪ) КРОВАЮ ИСЪСЪ
ХРИСТОВОЮ (БЕЗЪ ЕАЖЕ НИКАКОЖЕ МОЖАХОМЪ
СЪ ДЕРЗНОВЕНІЕМЪ БѢРЫ ПРИСТУПИТИ КЪ БОГЪ,
НО ДОЛЖЕНСТВОВАХОМЪ ТРЕПЕТАТИ И УЖАСАТИ-
СА ПРЕДЪ СВАТОСТІЮ ЕГѠ, РАДИ ГРѢХОВНИХЪ НА-
ШИХЪ ДОЛГОВЪ, ИНАВѢКИ ВѢЧНИИ Ѡ ЕГѠ УДА-
ЛЕННИМИ БЫТИ) ПЪТЕМЪ НОВЫМЪ ИЖИВЫМЪ,
(СІЕСТЬ СИЦЕВЫМЪ ПЪТЕМЪ, Ѡ КОТОРОМЪ ЗА-
КОНЪ, ПОКОЛИКЪ ЗАКОНЪ, НЕВѢСТЬ НИЧЕСОЖЕ,
ИЖЕ ТОЧІЮ ГЛАГОЛЕТЪ: СОТВОРИ СІЕ И ЖИВЪ БѢ-
ДЕШИ, НО НЕПОДАЕТЪ НИКАЖЕ СИЛИ КЪ СЕМЪ, И
ТАКѠ ХОДАЩИХЪ ПЪТЕМЪ СВОИМЪ ѠСТАВЛЯЕТЪ
ВЪ СМЕРТИ ПРЕБЫВАТИ: ПРОТИВНИМЪЖЕ ОБРА-
ЗОМЪ, СЕИ ПЪТЬ, Ѡ НЕМЪЖЕ ГЛАГОЛЕТЪ ЗДѢ ПА-
ВЕЛЪ, СИЦЕ ВЪ ПИСАНИИ НАРИЦАЕТСА: ВѢРЪИ ВЪ
ГОСПОДА ИСЪСА, И СПАСЕШИСА, НАКОТОРОМЪ ПЪ-
ТИ И СИЛА ѠВРѢТАЕТСА ВѢРОВАТИ, И ВѢРОЮ
СЛЪЖИТИ БОГОВѢ) ЕГОЖЕ ѠБНОВИЛЪ ЕСТЬ НАМЪ
ЗАВѢСОЮ, СІЕСТЬ ПЛОТІЮ СВОЕЮ, (ПОНЕЖЕ ОНЪ А-
КИ ИСТИННЫИ ОНЫИ АРХІЕРЕН ПЛОТЬ СВОЮ ВЪ ЖЕРТ-
ВЪ

ргі (113)

вѸ принеслз загрѣхи наши. еже прознаменоваше и церковная завѣса раздравшася во время смерти христовой. (Мат. кз. на.) и мамы пера велика надз домоу Божию. да пристѸпаемз со истиннымз сердцемз во извѣщеніи вѣры, съ окропленными сердцами, очищеніи ѿ совѣсти лѣкави. кз Евр. 1. ѿ том же зри ІѠан. дї. 5. кз рим. е. в. еі. кз Ефес. в. иі.

161. Но да неотгаоциѣта приведеніемз въ примѣръ многихъ особеннѣишихъ плодовъ страданія Христова; сегѠ ради краткѠ вса, и аки нѣкимз сокращеніемз представляю и глаголю: акѠ всакое благо, всакое спасеніе, и блаженство, всакое исполненіе благодати и дарованія аже намз здѣ въ временномз и тамо въ вѣчномз житіи ѿ Бога дарѸются и подаются, не иное что сѸть, точію благословеніе зз страданія и смерти христовой происхожденіе. безз него не имѣли вы мы ниче со же. съ нимз же вса намз даровашася кз рим. и. лв.

Вз

рди (114)

162. Въ семъ разсѣжденіи постои малѡ, и восприми въ ѡмъ, коль благопріятнимъ и любезнымъ древомъ, любовь и премѣдрость божаа древо крестное, или паче самагѡ распятаго христа сотворила намъ: намъ глаголю, котори мы ѡ древа познаніа добрагѡ и злагѡ смерть снѣдохомъ. быт. в. 31. и воистиннѣ спаситель нашъ истиннымъ древомъ жизни сотворилъ намъ; и аще кто къ семѣ дрѣвѣ рѣкѣ простретъ, восприметъ, и снѣсть ѡ негѡ, сеи живетъ вовѣки. быт. г. кв.

163. Не иное что и самъ христосъ господь прознаменѣтъ, подъ нимъ нѣкимъ ѡбразомъ сице ѡ себѣ глаголющии: азъ есмь хлѣбъ животный: хлѣбъ божіи сходяи съ небесе, и даи животъ мрѣ. Іѡан. 5. ле. лг. и паки, отцы ваши адоша маннѣ въ пѣстини и ѡроша. сеи есть хлѣбъ сходяи съ небесе. да аще кто ѡнегѡ асть, не ѡмретъ. азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедыи съ небесе: аще кто снѣсть ѡ хлѣба сегѡ, живъ бѣдетъ во вѣки: и хлѣбъ егоже азъ дамъ, плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ мира.

реі (115)

міра. ми. мѡ. и. на. аще Ѹбо имѣши алчущее сердце правды и благодати жизни, (понеже насыщенная дѡша медѡ презираетѡ. притч. бол. кз. з.) бѡдетѡ тебѡ пища сѡ сладчайшаа паче меда и сота.

164. Здѣжжъ разсѡди, прежде даже далѣе постѡпиши, какѡ писаніе особенными нѣкими словами глаголетѡ, егда глаголетѡ ѡ страданіи и смерти христовои, которихъ словесъ никогдаже Ѹпотребляетѡ, егда страданіемъ смерть нѣкоегѡ свѡтагѡ мѡченика ѡписѡетѡ. рци бо ми любимиче, гдѣ чтеши сѡ, дабы смерти нѣкоегѡ мѡченика, толикое твореніе и дѣиствіе приписанное было, каковое приписѡетсѡ страсти и смерти христовои. ѡ крестѣ петровомѡ ѡ вѡрѡтаеши въ писаніи, акѡ сицевою смертію имѡаше прославити бога Іѡан. ка. иі. ді. но нигдѣже въ писаніи свѡтомѡ сѡ вѡрѡтаетсѡ, дабы петръ страданіемѡ своимѡ прочинихъ моглъ спасти, или сѡ богомѡ примирити, или прочее иное нѣчто симѡ подобное сотворити.

165. ѿ кѡдѡ авїе заключати можешї, коль
окааннїи и прелщении челоувѣцы сѡтъ, аще и
сѣлѡ мѡдрїи и хїтрїи быти ѿ прочїихъ
мнѡтса, которїи сицеваѡ важнѡя реченїѡ
вз писанїи, на примѣрѡ: акѡ мы чрезъ хрїста
искѡпленнїи избавленнїи и сѡ богомѡ прими-
реннїи есмы, и акѡ мы имѡ ѡбрѣтохомѡ
мїрѡ, жїзнь, и приведенїе кѡ богѡ, толь
превращеннїимѡ ѡбразомѡ толкѡютѡ и зна-
менѡютѡ, акѡ аще бы сице поїхѡ сѡемѡдрїю
было, вонстиннѡ бы ныкакогѡ не было разнс-
твїѡ, междѡ смерїю хрїстовою, и междѡ
смертїю и ногѡ нѣкоегѡ мѡченика.

166. Неподаѡетѡ ѡбѡ никакоже сицевїимѡ
крївотолкамѡ писанїѡ свѡтагѡ сонзвола-
ти, которїи вз помѡнѡтихѡ и вз прочїихъ
ѡ страсти и смерти хрїстової, такожде ѡ
плодахъ ѿсюдѡ послѣдѡющихъ собственнїи
и лѣтералнїи разѡмѡ опѡцаютѡ, или сѡ ве-
лїкїимѡ небреженїемѡ и нерадѣнїемѡ толкѡ-
ютѡ его; акї бы вз немѡ малѡ премѡдро-
сти и ползи кѡ истинної свѡтости оберѣтало-
са. вз мѣсто же сегѡ дивнїи нѣкїи, высо-
кїи,

кыи, и таниственныи разѸмъ ѠсюдѸ произ-
 водатъ: въ самоиже веци неиное что тво-
 ратъ, точию сицевимъ своимъ толкованиемъ
 сердца Ѡводатъ Ѡ христа, и приводятъ къ
 себѣ самимъ, понеже въ себѣ самихъ ицѸтъ
 сего, ежебы имъ искати подобало, и обрѣсти
 мощно было въ единомъ точию христѣ. Ѡ
 кѸдѸ послѣдѸетъ великое потемненіе простаго
 и свѣтлагѸ пѸти ведѸцагѸ къ вѣрѣ, Ѡсю-
 дѸ восприемлютъ иѣци высокоѸ мное дерзно-
 веніе; иѣциже непрестанное печалное мало-
 дѸшіе.

167. Тыже простосердечнѸ восприми божіе
 слово, такожде простыи и ясныи разѸмъ е-
 гѸ: и вѣрѸи семѸ, еже глаголетъ тебѣ божіе
 слово Ѡ ползѣ и плодахъ страданія спасите-
 лева, и неѸсѸмнѣванса Ѡ семъ, ако въ сице-
 вои простотѣ вѣры твоеѧ избрѣтеши ис-
 тиннѸю божію премѸдрость, истинное еван-
 гелское совершеніе, и благословенныи оныи и-
 сточникъ всакіа истиннаѧ и богѸ приатнѧ
 свѣтости.

ри (118)

I.

168. Внемлиже еще десатомѸ разсѸждению Ѡ распатомѸ христѣ, какѠ христосѸ преславнымѸ совершениемѸ страданіа своегѠ, наше избавленіе и приміреніе съ прочими потвердилѸ, ѸкрѣпилѸ изапечатаѣлѸ,

169. Зри бо, сего иже накрестѣ междѸ двома слодѣлами повѣшенѸ былѸ и сице въ превеликомѸ безчестіи ѸмерѸ и погребенѸ, сего глаголю въ третій день богѸ воскресилѸ разрѣшивѸ болѣзни смертніа, акоже не баше мощно держанѸ быти емѸ Ѡнеа. дѣан. в. кд. не точію же сіе, но и почетиридесати днаѸ повоскресеніи егѠ, въ собственнѸю егѠ славу восприѸлѸ, и посадилѸ ѠдеснѸю себе на небесныхѸ, превыше всакагѠ началства, и власти, и силы, и господства, и всакаго имени именѸемагѠ: неточію въ вѣцѣ семѸ, но и въ градѸцѸмѸ. и вса покори подѸ нозѣ егѠ: и того даде главѸ выше всѣхѸ церкви. кѸ ефес. а. ка. Ѡ томжде и наинномѸ мѣстѣ глаголетѸ павелѸ: тѣмже и богѸ его превознесе, и дарова емѸ имя, еже паче всакагѠ имени.

р.д. (119)

МЕНЕ. да ѿ имени исѹсовѣ всако колѣно поклонитса не бесныхъ и земныхъ и пренсподнихъ. и всакъ азъ языкъ исповѣсть, акѿ господь исѹсъ христосъ, въ славѣ бога отца. кз Филип. в. д. сицевое окончаніе толь болѣзненнагѿ и поноснагѿ страданія можетъ поистиннѣ нарециса преславнымъ и достохвалнимъ окончаніемъ.

170. Чрезъ сіеже неточію христосъ господь въ собственномъ своемъ лицѣ противѣ всѣхъ оклеветаніи и ложныхъ оглаголаніи враговъ своихъ аки совершеннѣ неповинныи оправдася (какѿ бо можаше сіе сотворитса, дабы богъ нѣкоемѣ слодѣлательвѣ и прелестниковѣ, каковимъ быти христа глаголахѣ клеветницы егѿ, дабы сицево.мѣ глаголю богъ толикѹю честь и славѣ подалъ) но инамъ ѿ сюдѣ стѣлѿ силное ѹтвержденіе сотворилоса, акѿ христосъ господь аки посредственникъ и порѹчникъ нашъ, за вса наша долги страданіемъ своимъ и смертію заплатилъ совершеннѿ, и такѿ послѣдователнѣ ѿ всакиа казни ѹволнилъ и искѹпил насъ, юже терпѣти за грѣхъ

рк (120)

грѣхъ долженствовахомъ; бо прекиже, благодать, правдѣ и вѣчное житіе приобрѣлъ и совершилъ такѡ, акѡ ни единыи же обнищавшии грѣшникъ имать сегѡ ради печальнымъ быти, какѡ бы могъ боговѣ дозволѣти собственными своими дѣлами за долги свои, и ѡволнитисѧ ѡ заслуженнѡмъ казни и погубленное блаженство паки приѡбрѣсти, но требѣ есть емѸ точію добрѣ ѡ употреблѣти, и къ ползѣ своей обращати, и исповѣсти вѣрою на граждєніє ѡ христа ѡцеви сотворившоесѧ, и акѡ ѡ сюдѸ имѣетъ онъ примирєніє съ богомъ, и вѣчное блаженство.

171. Сіє єсть, еже павелъ глаголетъ: **христосъ преданъ бысть за прегрѣшеніѧ наша, и воста за оправданіє наше. къ рим. д. ке. дабы мы въ истиннѣ сєи нзвѣстными были, и ѡправданіѧ онаго, аки благодатнагѡ ѡ христа, егожъ смертію приѡбрѣтеннагѡ дарованіѧ, творѧщи сєє еже вѣра повелѣваетъ, причастниками сотворилсѧ.**

172. Сюдѧжъ и сєє принадлежитъ, еже **Петръ глаголетъ: богъ воздвигнулъ его из мертвыхъ.**

рка (121)

твихъ, и славѹ емѹ далъ, акѡ давѣра ваша и ѹпованіе бѹдетъ набога а. а. ка. сіестъ: дабы мы сицевымъ востаемъ христовимъ и послѣдѹющимъ приведеніемъ къ славѣ егѡ, сѣлѡ крѣпкѡ ѹтвердились, акѡ мы дражаишою егѡ кровію аки агица непорочна и пречиста христа за насъ проливною вонстиниѹ искѹплени есмы, и неточію сіе, но акѡ и кромѣ всакагѡ сѣмнѣніа богъ воскреситъ насъ изъ мертвихъ, и приведетъ къ славѣ своен, сегобо ради христосъ глава наша, толь драгѡ искѹпилъ насъ, и освободилъ.

173. **Ѹз** противоположеніа, аще вопреки вещей сію представимъ намъ, акибы христосъ не восталъ ѿ мертвихъ, лѹчше еще вещей сію ѹразѹмѣемъ. глаголетъ бо ѡ семъ апостола:
аще христосъ не воста, сѣтна вѣра ваша, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ. речешиже: какѡ сіе ѿсюдѹ послѣдѹетъ; ѿвѣтъ: понеже ащебы христосъ не восталъ ѿ мертвихъ, неизносноевы и печалное знаменіе сіе было намъ, акѡ смерть христова, юже онъ аки порѹчникъ нашъ претерпѣлъ къ награжденію за грѣхи наши,

ркв (122)

наши, небылабы силамъ и доволнамъ предъ бо-
жинамъ сѣдомъ, ѿкъдѣ бы далѣе послѣдо-
вало, акѡ мы и досегѡ часѣ въ должникъ
божинѣхъ книгахъ за писанны аки должники-
понеже еси иже занасѣ порѣчилсѣ, невозмоглъ,
доволниѣ цѣны къ искѣпленію занасѣ запла-
тити, ниже бы исполнилосѣ писаніе нанемъ.
еже глаголетъ: акѡ Мессіа имать въ третій
день ѿ мертвихъ воскресѣти и внити въ славу
божию. Вал. еі. і. аі. Ісаіа нг. и. но вопреки
бы сотворилосѣ, имѣющын насѣ изъ темни-
ци насвободѣ вывести, самъ бы въ темниці
пребылъ, и сіе то есть еже глаголетъ павелъ:
еще есте во грѣсѣхъ вашихъ, и послѣдовател-
нѣ повинни смерти и вѣчномѣ ѡсѣжденію, а-
ще христосъ не воста; но все сіе инакѡ нынѣ
имѣеса егда христосъ воистиннѣ ѿ мерт-
вихъ восталъ и шелъ въ славу ѿца своего, и
вопреки ѹже можемѡ реци: понеже христосъ
ѿ мертвихъ восталъ, ѹбо болѣе не пребываетъ
въ грѣсѣхъ нашихъ, но ѿ всѣхъ на-
шихъ долговъ и казней такѡ ѹволнены ес-
мы, акѡ ниже малѣишыи остается

пѣ-

ркг (123)

пѣназз, ижебы небылз награжденныи.

174. ѠсюдѸ можетъ всакъ, всѣмз сердцемз
вз христа вѣрѹющын сз апостоломз павломз
вопрошати: кто осѹждаан; христосз ин-
сѹсз Ѹмерыи, пачеже и воскресын, иже и есть
Ѡ деснѹю бога, и ходотанствѣтз, Ѡ насз
кз рим. и. лг. лг. ащево речеши: ѠкѹдѸ и-
мамз извѣститиса Ѡ семз акѠ, смертію своею
христосз Ѡвѣчнѹа погивели грѣхамз заслѸ-
женнѹа такѠ искупилз и Ѡсвободилз мене, да-
бы азз всакомѸ навѣчнѹю погивель ма Ѡ-
сѹждающеѸ смерть христовѸ противопла-
гати и єюжз защищатиса возмоглз. се-
горади глаголетъ апостолз: пачеже и вос-
кресын, или из мертвыхз восталз, иже и есть
Ѡ деснѹю бога, иже и ходотанствѣтз Ѡ насз.
акибы реклз: Ѡ величества славы сѹа може-
ши твердѠ извѣститиса, акѠ смерть христо-
ва воистиннѸ есть искупленіемз твоимз Ѡ за-
слѸженнаѸ вѣчнаѸ Ѡсѹжденіа, и вопреки
виною есть вѣчнаѸ твоеѸ блаженства.

175. Во всемз семз подобаетъ тебѣ примѣ-
чати, акѠ, акѠже смерть Христова и страда-

ніе

рѣд (124)

нїе егѡ весма иное нѣчто сѣтъ безз всакагѡ
соравненїа изащнѣишее, паче смерти и стра-
данїа прочїихъ сватиухъ ѡгодниковъ божиухъ,
такѡ и востанїе егѡ ѡ мертвиухъ, и возшес-
твіе на небеса, безз всакагѡ соравненїа болшое
нѣчто въ себѣ заключаютъ, нежели воскресє-
нїе лазарево, или возшествіе на небеса Енохо-
во и илино.

176. Бегѡради неѡ еще къ истинной ползѣ ѡ-
братилъ еси тебѣ воскресєнїе христово, и возне-
сенїе егѡ, аще ѡдоволаешиса єдинимъ точїю
познанїемъ и разѡмѣнїемъ внѣшнїа исто-
риѡ томъ написаннїа, или єдинимъ точїю
разсѡжденїемъ внѣшнихъ нѣкїихъ приключи-
вшихъса въ оноє время вещей; или егда то-
чїю нѣкое нравѡченїе ѡ сюдѡ воспрїемяши,
дабы такѡ житїе твое и обхожденїе исправлен-
но было; но аще хоцєши ползѣ дѡшеспа-
сїтелнѡю ѡ сюдѡ воспрїати, подобаетъ тебѣ
лѡчше, исцєвїми очєсами на сїє взирати,
каковїми апостолы и пророцы взирахѡ, а-
коже вышше показася, и тѣмже самимъ дѡ-
хомъ, имъ же воставшимъ ѡ мертвиухъ хрис-
тосъ

рке (125)

тосѣ въ дѣшахъ ѹчениковѣ своихъ прославила-
са: которіи недовольни были единымъ точію
внѣшнимъ нѣкимъ познаніемъ исторіи; ни-
же довольни были симъ, точію нѣкое нраво-
ѹчение ѿсюдѣ воспринимати, и нѣкакъ правила
ради себе и ради прочіихъ; но ѹвидѣли они,
акоже за нѣкихъ приведеніихъ реченіи пока-
зѹетса, въ воскресеніи и вознесеніи христовомъ,
вѣрою оправданіе, совершенное разрѣшеніе, и
свобожденіе ѿ грѣховъ, ѹзрѣли е аки сильнѹю
печать избавленіа своегѡ ѿ гнѣва, клятви,
смерти и вѣчнагѡ ѡсѹжденіа, и ако-
же стефанъ небо ѿверстое себѣ и всемѹ родѹ че-
ловѣческомѹ ѹвидѣша, и ѿсюдѣ радостное,
дерзновенное и благонадежное ѹпованіе къ бо-
гѹ, аки къ ѿцѹ, чрезъ христа примиренномѹ
восприѣша. и акоже смерть христовѹ не аки
чѹждѹю, но аки собственнѹю свою смерть ра-
зѹмѣша, и сице заключахѹ: **аще единъ за
всѣхъ ѹмре, ѹбо вси ѹмоша, ка Кор. в.
е. ді.** такѡ и воскресеніе и вознесеніе христово,
аки собственное свое почитахѹ, акибы вкѹпѣ
сѣ христомъ и они за мертвѣихъ востали, и

въ

ркѢ (126)

вз крѣпѣ зъ нимъ на небеснѣю жизнь прело-
жилисѧ.

177. И всемъ состоитсѧ весьма истинныи и слад-
кыи вкѣсѧ и зерно къ насыщенію доволное ве-
ликихъ онихъ и дивныхъ дѣлъ ходатаѧ на-
шегѡ исѣса христа, имже дѡша наша пита-
етсѧ, и вз обилии сладости на сицаетсѧ: во-
прекиже, аще сіе непознанное и невоспріатое
пребываетъ, аще небѣдетъ сіе въ сердци поло-
женое аки твердое всегда пребывающее и недви-
жимое Ѡснованіе, никтоже никѡже ползи
можетъ Ѡсюдѡ воспріати.

178. Доволно ѡже мнитсѧ; позналъ еси,
коль неизѣченное спасеніе и весьма драгое и нео-
цѣненное сокровище въ страданіи и смерти спа-
сителя нашегѡ содержитсѧ; и какѡ богъ вос-
кресеніемъ единороднагѡ сына своегѡ и вос-
пріатиемъ въ небеса, въ славу свою, сицевое
спасеніе и сокровище подтвердилъ намъ и запече-
чатаѣлъ.

¶

Можешн ѡбо и единонадесятое ѡ-
же разсѣжденіе воспріати, какѡ богъ сіе, чрезъ
страсть

ркз (127)

страсть и смерть христовѣ приобрѣтенное чрезъ воскресеніе же егѡ, и на небеса возшествіе по-твержденное спасеніе, ищетъ всакимъ образомъ привлцати челоуѣковѣ, или ѹчастникомъ егѡ сотворити.

179. Ѡсюдѣ познаемъ, акѡ чинъ проповѣдническын, наипаче къ семѣ концѣ Ѡ самагѡ христа спасителя ѹстановленыи естъ: еже Ѡсюдѣ показѹетса, акѡ частію междѣ страданіемъ, смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ христовимъ, частію же междѣ чиномъ проповѣдникѡвъ новагѡ завѣта, частѡ въ писании новагѡ и ветхугѡ завѣта, стѣлѡ великын союзъ обрѣтаетса.

180. Яще въ ветхын завѣтѣхъ приникнемъ, и краткости ради въ единын точію ѡлоомъ ка: познаемѡ безъ всакагѡ смнѣніа, акѡ поманѣтын ѡлоомъ глаголетъ ѡ страданіи христовомъ и воскресеніи, въ которомъ и сіа словеса ѡбрѣтаютса: поманѣтса, и ѡрататса къ господѣ вси конци землѣ, и поклѡнатса предъ нимъ вса Ѡчествіа азыхъ, которими словами, имѣющіе проповѣдова-

тиса

(128)

тиса евангеліе, ѿ покааніи и вѣрѣ, сѣла ѿ
лси ѿ описѣтса, сицево глаголетъ тоиже
ѡломи: возвѣстатъ правдѣ егѡ людемъ
родимимъ, ихъ же сотвори господь.

181. Новъ новомъ завѣтѣ лсиѣ еце опи-
сѣтса союзъ искѣпленіа христомъ сотворив-
шагоса, съ чиномъ проповѣдническимъ, а-
кѡже зъ словъ самагѡ христа спасителя пока-
зѣтса, аже глаголаше ѹченикомъ своимъ по-
встаніи своемъ: такѡ писано естъ, и такѡ по-
добаше пострадаѣти христѣ, и воскресѣти ѿ
мертвихъ въ третій день: проповѣдатиса
во имя егѡ покаанію, и ѡпѣщенію грѣховъ,
во всѣхъ мзыцѣхъ наченше ѿ Іерусалима.
Лѹк. кд.

182. Тожеде ѡвѣрѣтаетса и въ в. посланиі па-
вловомъ къ Коринд. гл. е. всаческаа ѿ бога
примирившагѡ насъ себѣ исѣсѣ христомъ, и-
давшагѡ намъ слѣженіе примиреніа: зане
богъ бѣ во христѣ миръ примирла себѣ: не-
вмѣнла имъ согрѣшеніи ихъ: и положивъ
въ насъ слово примиреніа. По христѣ ѹбо
молимъ,

ркд, (129)

молимъ, акѠ богѸ молащѸ нами: мо-
лимса Ѹбо по христѣ, примиритеса съ богомъ.

183. Посланниковъ снхъ, и проповѣдникѠвъ
мира, дѸхомъ предзрѣвъ Ісаіа Ѡ ІерѸсалима
присходящихъ, такѠбо глаголетъ въ книзѣ
пророчества своего: коль красны сѸть на
горахъ нозѣ благовѣстника проповѣдѸ-
ющагѠ миръ, благовѣствѸющагѠ блага, про-
возвѣщающагѠ спасеніе. глаголющагѠ сѠнѸ
богъ твои царствѸетъ. вознесоша гласъ стра-
жіе твои, єдинимъ гласомъ вопіютъ. поне-
же очима въ очеса видатъ возвращеніе сѠ-
ново, еже сотвори господь. возопиѣте, вос-
кликнѣте пѸстини со ІерѸсалимомъ! понеже
Ѹтѣшилъ богъ люди своа, искѸпилъ ІерѸса-
лима. Ѡкрилъ мищѸ святини своа, предъ
очима встѸхъ азыкъ: и видѣша вси конци
земли спасеніе бога нашегѠ нв.

184. Въ семъ Ѹбо провозвѣщеніи состоитса
чинъ проповѣдниковъ новагѠ завѣта, еже
павелъ вездѣ, нанпаче въ посланіи своемъ къ
Корин. в. гл. в. гл. г. д. е. къ єфес. г. къ Колос. а.
сѣлѠ пространнѠ описѸетъ, ислѸженнѠ писме-

рл (130)

НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТЪ. КТ Корин. в. г. 5. и дѣже павелъ толикое прензашество причитѣтъ слѣженію дѣха, паче слѣженіа писмене. коликое прензашество имѣетъ жизнь паче смерти. которыи чинъ въ мѣсто Ѡсѣжденіа Ѡправданіе оное проповѣдѣтъ, егоже ради мы жизнь получаемъ.

185. Проповѣданіе сіе неиное что есть, точію Евангеліе, еже толкѣтсѧ радостнаа вѣсть, Ѡ немъ же павелъ глаголетъ: нестижѣса благовѣствованіемъ христовимъ: сила бо божіа есть воспасеніе всакоу вѣрѣющемоу. правда бо божіа являетсѧ Ѡ вѣры въ вѣрѣ. къ рим. а. 5. 31. понеже человекъ ничесожебы незналъ Ѡ всемъ семъ, еже христосъ въ мѣсто егѡ, и къ ползѣ егѡ сотворилъ, нижебы разумѣлъ какѡ сіе почитати и употреблати требѣ есть, аще бы богъ чрезъ проковѣдъ сію непоказалъ былъ емѣ, и ненаучилъ его.

186. Проповѣдь же сіа къ семѣ концѣ намѣреннаа есть, дабы такѡ человекъ къ христу приведенъ былъ, и вѣровалъ въ его, и дабы

рла (131)

бы самаго ѿ христа, всѣхъ благодати и благъ
ѿ христа приѿбрѣтенныхъ возмогахъ сотво-
ритиса причастникомъ; къ чему ѿ евангелие,
понеже оное есть слово дѣла и жизни во вса-
комъ человѣцѣ, аще точию дѣловъ свато-
мъ непротивитса, всѣми силами намѣра-
етса.

187. Подобало бы весьма желати сего, дабы
вси въ станѣ ѹчителскомъ пребывающыи, и
хотации нарицатиса слѣгами христовыми, и
строителями таинъ божиныхъ ѹчилиса раз-
мѣти сѣ, кое есть первѣишее дѣло ѹчениа
ихъ и проповѣды, дабы такъ возмогли къ
вышшенменованому концѣ дѣлаи человѣчес-
ка приводити. Еже въ семъ состоитса: **а-**
кѣ христосъ ѹмре грѣхъ ради нашихъ по пи-
саніемъ. и **акѣ** погребенъ бысть и **акѣ** воста
въ третій день, по писаніемъ. къ Корин, еі. а. д.

188. Моциѣже есть весьма реци, **акѣ** ѹчите-
лен добрыхъ изобрѣсти неестъ такъ ѹдобнаа
вещь, **акѣ**же обще мнитса быти, котори-
бы христа, въ сихъ егѣ дѣлахъ, аще и сѣ-
лѣ познаваемы быти являютса, добръ, по
при-

рлв (132)

примѣръ апостоломъ, и акѡже все писаніе новаго и ветхаго завѣта, или паче все христіанское благочестіе, вѣра и истинное свѣщеніе и православіе аки на ѡснованіи нѣкоемъ, и главномъ столпѣ нанихъ ѡтверждается, съ толикимъ показаніемъ дѡха и силы людемъ показати возмogli, дабы оны ѡсюдѡ аки книжники наѡчившиса къ царствію небесномъ могли познатиса, и прочинбы возмogli къ христѡ приведенными быти, и ѡ великои важности и дѡховнои ползѣ сихъ вещей сердцемъ и мыслію своею извѣститиса. многи обикаютъ съ апостоломъ глаголати: **несѡдихъ видѣти что въ васъ, точно исѡса христа. и сего распата. ка Кор. а. в. в.** но аще кто добрѣ разсѡдитъ силѡ проповѣды ихъ, или самое ѡченіе, часто ѡверѣтетъ обоа сіа такѡ имѣющася, ако противное ѡ нихъ, всакъ, слышащын ихъ, возимѣетъ разсѡмѣніе, и паче бѡдетъ помышлати ѡ нихъ, акѡ сицевин проповѣдники сами ничесоже неразсѡмѣютъ ѡ христѣ распатомъ, немѣютъ егѡ въ сердци своемъ, ниже силними и живими въ

HE.MZ

рлг (133)

немъ сотворилса; толь гнуснѡ и лѣнстнѡ
частѡ ѡ семъ проповѣдѣетса.

189. Ищеже таковыи проповѣдникъ и наилуч-
чше иногда мнитса ѡ семъ проповѣдовати,
ѡднакоже и въ сицевои проповѣди егѡ евангеліе
христово превращаетса на нѣкое изащное то-
чию нравѡченіе, и наставленіе къ добродѣте-
телемъ, или понеже истиннаго ѡснованіа самъ
невѣдаетъ, обикаетъ таковыи проповѣдникъ
проповѣдовати ѡ семъ за великимъ преце-
ніемъ и угроженіемъ закона. и сегѡ ради не-
требѣ есть ѡдивлятиса, егда таковаа пропо-
вѣдь людемъ точию честными гражданами со-
дѣловаетъ и лицемѣрами, или точию совѣсть
ѡсюдѣ ѡтѣсняетса и къ ѡчаанію приводит-
са, но несодѣловаютса чадами новагѡ за-
вѣта, иже бы безъ страха изъ рѡки врагъ
своихъ избавилиса. слѣжили боговѣ препо-
добіемъ и правдою вса дни живота своегѡ.
вопоиши авва отче! Лѡк. а. од. къ рим. и. еі.

190. Пѣщамъ же паче всѣхъ сіа проповѣдь есть,
егда кто ѡ страданіи и смерти христовои та-
къ проповѣдѣетъ, акнбы врата ѡтворалъ

ко

рлд (134)

ко всакоу плотскоу безопасію и безбожноу житію. и еже авнаа и велиа тайна благочестіа есть, акѡже и подобаетъ семѡ такѡ быти, чрезъ неразумное прилаганіе и привланіе, егда всакоу человекѡу сіе привлекается аще и поканіа не сотворилъ, и вѣры истиннаа въ сердци своемъ не имѣетъ, тайна сіа благочестіа, содѣловается тайною беззаконіа: вопреки бо творили апостолы христовы, неточію злое толкованіе ученіа сегѡ къ плотскоу безопасію предиспражняли, но и побченіа и наказаніа своа къ благочестноу житію на семъ созидали, на примѣрѣ къ рим. г. и. з. а. в. и прочаа. но довлѣетъ уже здѣ ѡ семъ.

191. Кромеже сегѡ, акѡ чинъ проповѣдническыи сегѡ ради ѡ христа постановленъ есть, дабы мы проповѣдію евангеліа. съ вѣрою и поканіемъ плода и ползы смертію и страданіемъ христовимъ приобрѣтенныхъ участниками сотворилисѡ: подобнѣ и она двѣ тайны новагѡ завѣта крещеніе и евхаристіа, тоежде ради единіа вины установленны сѣтъ,

ѡ

рле (135)

192. Ω крещении свѣто.мз глаголетз павелз:
или неразѹмѣете, акΩ елицы во христа
крестихомса въз смерть егΩ крестихом-
са, (сіесть чрезз крещеніе тѹжде смерть
аки собственнѹю нашѹ совсѣми плода-
ми еѹ полѹчихомз) сз погребохомса ѹбо е-
мѹ крещеніемз въз смерть, (крещеніемз
воз смерть егΩ сотворившимса) да акоже во-
ста христосз Ω мертвихз славою отчею: такΩ
и мы во Ωбновленіи жизни ходити начнемз:
кз рим. 5. г. и паки: спогрѣвшеса емѹ креще-
ніемз, Ω немже и совостасте вѣрою, дѣис-
твомз бога, воскресившагΩ егΩ изз мертвихз.

193. Ω сюдѹ познати можеши, какΩ по бо-
жію благодатиюмѹ спасеніа ѹстановленію,
христова смерть, и послѣдѹющее еи воскресе-
ніе, такожде крещеніе, ѹзаконенное Ω христа,
великое имѣютз сообщеніе, и какΩ тебѣ по-
добаетз разѹмѣти Ω крещении, не аки Ω нѣ-
коемз внѣшномз точію начертании, акΩ кре-
щеніемз ѹдз христовіа церкви сотворилса е-
си; ниже аки Ω единомз точію нѣкоемз внѣ-
шномз изображеніи, нѣкоегΩ дѹховнагΩ

блага,

рлз (136)

блага, наипачеже неподобаеѣ тебѣ, разꙋмѣти акибы крещеніе было нѣкое точію челоуѣческое къ спасенію не надлежащее ꙗстановленіе, но такѡ разꙋмѣи ѡ крещеніи, акѡ оноє єсть дѣїствіє свѣтѡє ѡ христа ꙗстановленное, чрезъ которое, крестнꙋю смѣртъ христовꙋ со-всѣмъ принадлежащимъ єи благословеніємъ, божимъ милосердіємъ, аки собственнꙋю твою воспріамъ єси.

194. ѡ дабы єси возмогалъ истиннѣ ꙗвеселитисѧ крещеніємъ твоимъ! ѡ дабы єси возмогалъ и полꙋченное крещеніємъ сокровище сохраниѣти! ащеже самозвольно невѣрностию твоєю къ христовѣ, въ єгоже смѣртъ крестилсѧ, сокровище оноє погꙋбилъ єси, ници пакѣ безъ всѧкагѡ продолженіѧ съ подобающимъ поканіємъ и вѣрою, ниже почиваи донелиже оноє обращеши; къ чесомꙋ двери благодати єще ѡверзены имѣеши. разꙋди сегѡ ради въ такомъ состояніи твоємъ оноє слово, єже господь глаголетъ, къ ѡпадшемꙋ ѡсебе израню: **возвратисѧ ко мнѣ. Іерем. г. а.**

ѡ

рлз (137)

195. Ѡ Евхаристин свѣтлои ѡснѣе еше показу-
етса сіе. понеже Ѹзаконеннаѡ естѣ Ѡ самагѡ
христа господа, во время ноцы тажкагѡ и
горкагѡ егѡ страданіѡ. подаетже намъ хри-
стосъ въ евхаристин свѣтлои, не единѣ точию
стихию хлѣба, или вина ѡсти и пити, но тѣ-
ло свое еже онъ предалъ за грѣхи наши, и
кровъ свою, аже естѣ новагѡ завѣта, изли-
ннаѡ за насъ, во Ѡставленіе грѣховъ. Мат.
кс. кс. еаже аще кто съ покааніемъ истин-
нимъ, и жаждѣщимъ благодати сердцеѡ
причаститса, непремѣннѡ чрезъ сіе приѡбрѣ-
теннихъ благословеннихъ плодовъ, сіесть Ѡс-
тавленіѡ грѣховъ, жизни и вѣчнагѡ блаженст-
тва сотворитса причастникомъ: такожде все
дѣиствіе сіе совершаетса воспоминаніѡ ради
смерти Христа господа за грѣхи наши, акѡ-
же онъ самъ повелѣлъ естѣ. на чесомъ и а-
постолъ слово свое Ѹтверждаетъ глагола: е-
лижди аще ѡсте хлѣвъ сен, и чашѣ сию пиете,
смерть господню возвѣщаете, дондеже Ѹбо
приндетъ. кз Корин. а. аі. кс.

196. Все сіе Ѹченіе толь ѡсное и толь ѡвное естѣ,
акѡ

рли (138)

акѡ всакъ безъ пространнѣшагѡ толкова-
нiа и ѡбясненiа ѿ сюдѣ видѣти можетъ, а-
кѡ тайны сватiа весьма ради страданiа христо-
ва и смерти ѿ егожъ самагѡ постановленны
сѣть. дабы вѣрѹющыи воима егѡ частѣе
евхаристiи сватiа причацалса, самъ пове-
лѣлъ; дабы мы велие оное чѣдное и благода-
тное дѣло не предали забвенiю, но всегда со-
держали е въ памяти сватои исполненной вѣ-
ры и любви, и такѡбы благословеннымъ ѿ сюдѣ
происходящымъ плодъ страданiа и смерти
христовои всегда обилнѣе воспринимати воз-
могли, и ѡ томъ же зъ болшимъ ѹтвержде-
нiемъ вѣры всегда извѣщалиса.

197. Блюди ѹбо, да некакѡ презрѣнiемъ и ѹ-
ничженiемъ трапезы сѣа противѣ христа со-
грѣшиши, еже аки общаа нѣкаа вещь меж-
дѣ христианами сотворилоса. но паче, аще
обрѣтаеши, акѡ сердце твое ѿ сюдѣ соблаж-
наетса, понеже натошь многотисщенихъ при-
частникахъ ни какогже плода исправленiа не-
видиши, или аще растлѣнною разѹмовѣ
твоемою вышше мѣры послѣдѣеши, или ѿ
про-

рлд, (139)

прочинхъ различными разсѣженіями проти-
вѣ сего ѿ прелценъ еси; аще глаголю, въ та-
ковомъ состоани ѿверѣтаешисѧ, молисѧ Ѹ-
бо богъ совсѧкимъ прилѣжаніемъ повседне-
внѡ, дабы богъ дѣломъ своимъ свѧтимъ,
подадъ тебѣ истинное разумѣніе ѿ великои
чести и важности тѧны сѧ, и дабы такѡ со-
хранилъ тѧ, дабы еси неѣчилъ бога въ премѣ-
дрости егѡ, но вопреки самъ бы ѣчилсѧ еси ѿ
негѡ, аки дитѧ нѣкое безъ всѧкѧ злобы.

198. Слѣдуетъ ѣже новаѧ часть, ѣже раз-
сѣженію совсѧкимъ внѧман прилѣжаніемъ.
дванадесѧтаѣже сѧ часть или разсѣженіе и-
мѧть быти ѿ содержаніи христовомъ во вре-
мѧ страданіѧ егѡ, или ѿ преизѧциномъ и все-
совершенномъ примѣрѣ, которои примѣръ
оставилъ намъ спаситель нашъ въ страданіи
своемъ, даже до смерти крестнѧ.

199. Акоже бо сѧ хѣдо дѣлаютъ, и сами се-
бе неизреченнагѡ блага и сокровища лишаютъ,
которои все предидѣщее аки перескакѣютъ, или
поне нетакѡ къ сердцѣ своемъ приѧмлютъ,
какъ важность самѧ вещи требѣтъ, но паче
ѡча-

р.м (140)

Ѡчасти прекословлѣтъ семѸ, и еже писаніе Ѡ семѸ глаголетѸ, сіе бѣднѣ разврацаютѸ и преврацаютѸ; наединѸи точію примѣръ христа сына божіа смотрѣтъ, и Ѡпослѣдованіи егѠ наипаче тѣатсѧ: такѠ нсе не праведнѠ дѣлаетсѧ, егда кто примѣръ христовѸ и должное емѸ послѣдованіе ѠставлѣетѸ, егда кто точію сіе хоцетѸ приѣти, и симѸ Ѹвселѣтисѧ, еже довлѣтворацію и примираюцію силою страданіа христова намѸ приѠбрѣтенное естѸ, и акѠ Ѡ сюда пронсходитѸ Ѡставленіе грѣховѸ. Понеже свѣщенное писаніе свѣзѣетѸ обоѧ сіѧ сѣлѠ премѣдрѠ, и каждое зѸ нихѸ полагаетѸ на подобаюцію емѸ мѣстѣ, всакѸ Ѹбо нехотащѸи Ѡ истинѧгѠ пѸти заблѣдѣти, писанію свѣто.мѸ да послѣдѣетѸ.

200. И воистиннѸ примѣръ христовѸ въ страданіи егѠ великагѠ Ѹдивленіа достоинѸи естѸ, и сегѠ ради достоинѸи естѸ, дабы всакѸ нанѸ взиралѸ, иразсѣждалѸ Ѡ немѸ. все житіе христово, Ѡдѣтинства егѠ, ажѸ досаміѧ крестніѧ смерти

р.ма (141)

смерти было нечто весьма сияющии свѣтъ различными божественными и преизацинными дѣлами и добродѣтелями; однакоже свѣтъ сей, никогда такъ не сіалъ, акъ въ страданіи егъ, егда онъ вращеса зъ силами преѣжаснѣи тми, и преизлишнагъ словствіа, пачеже зъ самимъ гнѣвомъ божиимъ, которагъ гнѣва неизноснѣю всемоу созданию силъ оцѣтити долженствоваше. аже алмазъ или діаментъ, аще истинный есть, наипаче тогда издаетъ красное свое сіаніе, егда для испытанія, на оловѣ протирается: сице внѣтрнаа несравненнаа благодѣть въ христѣ, иже есть камень ѿ бога избранныи и честныи, Петр. а. в. д. никогдаже краснѣишимъ преславниухъ добродѣтели не возсіала сіаніемъ, акъже во время оное, егда онъ тажчанимъ паче олова страданіемъ испитовашеса. и аже нечто врачевное зеліе или цвѣтъ во время ночное, пресилное и преблагопріятное издаетъ благовоніе: такъ христосъ, иже есть цвѣтъ полнын и кринъ ѣдолнын. пѣси:

со-

р.мв (142)

СОЛОМ. В. А. ВЗГЛЯДОМЪ РАЗЛИЧНИХЪ И ПРЕИЗЪЦІИНИХЪ СВОИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕМЪ, НИКОГДАЖЕ ТОЛЬ СИЛНАГО И БЛАГОПРИАТНАГО НЕИЗДАЛЪ БЛАГОУХАНІА, АКЪЖЕ ВОВРЕМА НОЦИ СТРАДАНІА И СМЕРТИ СВОЕА.

201. ВЪ СІЮ НОЦІЗ ИЗДАЛО БЛАГОУХАНІЕ УПОВАНІЕ ЕГЪ, ЕЖЕ ОНЪ ТОГДА КЪ НЕБЕСНОМЪ СВОЕМЪ ЦЦС-ИМЪБАШЕ. ІСАІА И. И. Д. ПСАЛ. ЕІ. МАТ. КС. ЛД. МВ. КЗ. МС. АСК. КГ. МС. ТАКЪЖДЕ ЛЮБОВЪЗ КЪ ПРЕДВѢЧНОМЪ ЕГЪ ЦЦС, ІВАН. ДІ. ЛА. И КЪ НАМЪ ГРѢШНИКОМЪ, ЕЮЖЕ ВЪ ОНОЕ ВРЕМЯ СЕРДЦЕ ЕГЪ ГОРАШЕ КЪ ГАЛ. В. К. КЪ РИМ. Е. И. ІВАН. Г. СІ. КЪ ЕФЕС. Е. А. В. ПОДОВНѢ ПОСЛУШАНІЕ, ЦЦ ВЕРЖЕНІЕ САМАГЪ СЕБЕ, ПРИНОШЕНІЕ САМАГЪ СЕБЕ ВЪ ЖЕРТВУ, АЖЕ ВСА ВЪ ОНЮ НОЦІЗ НАИПАЧЕ ХРИСТОСЪЗ ТВОРАШЕ, КЪ ФИЛП. В. Е. ПСАЛ. ЛД. И. Д. УСЕРДІЕ И ПОСТОЯНСТВО ВЪ МОЛЕНІИ. ІВАН. ЗІ. КЪ ЕВР. Е. З. АСК. КГ. МС. ПОПЕЧЕНІЕ, ЕЖЕ ИМЪБАШЕ ТОГДА ЦЦ БЛЖАНШИХЪ СВОИХЪ УЧЕНИКАХЪ И ДРУГАХЪ, ІВАН. НІ. И. Д. ДОЛГОТЕРПѢНІЕ, КОТОРИМЪЗ ПОРОКИ И ВЕЛІА ПОГРѢШЕНІА УЧЕНИКОВЪЗ СВОИХЪ ТЕРПАШЕ, МАТ. КС. І. М. МЗ. МГ. МЕ. ПРЕМУДРОСТЬ ВЪ ГЛАГОЛАНІИ И МОЛЧА-

р.мг (143)

чанин. Мат. кз, жв. жг. жд. кз. ал. вл. гл. дл.
Лук. кг. О. наипачеже превеликое терпѣніе и
кротость кз самимз врагамз и распинателемз.
Петр. а. в. кг. кз Евр. вл. в. г. сѣлѡ добръ ѡподо-
бляетсѧ христосз агнцѸ ведѸцомѸсѧ на зако-
леніе, иже не издаетз гласа, и не ѡверзаетз Ѹстз
своихз прѧмѡ стригѸщемѸ его. Ісаіа. нг. все-
же сие несѸмнителное есть, весьма непостижи-
мое и неизреченное.

202. Многи человекѸцы сѸть благочестни и-
ли поне сицевими мнѧтсѧ быти, донелиже не-
имѣютз каковагѡ злостраданіа, егдаже бѣд-
ствіе какое постигаетз, тогда все благочестіе
ихз авіе окончеваетсѧ, и вездѣ показѸетсѧ
негодование ихз и жестокосердіе.

203. Многи добръ показѸются вз страданіи,
и самимз дѣломз показѸютз, акѡ божіи
страхз и прежде страданіа поистиннѣ безз всѧ-
кагѡ лицемѣріа имѣахѸ вз сердци своемз,
но егда страданіе ихз тѧжкое бываетз, или
продолжаетсѧ; тогда слабость показѸетсѧ.
аще же кто и даже доконца претерпитз, од-
накѡже и сицевыи предз всевидѧщими очеса-

ми

р.мд (144)

ми божины неможесть ѿверѣстиса безъ порока. и самыи іѿвз, егоже писаніе сватое представляетъ намъ въ образъ злостраданиа и долготерпѣниа, Іаков. е. 1. аі. въ началѣ страданіа своегѿ имѣетъ похвалу свою, акѿ несогрѣшилъ и ничтоже безъмнѣ противъ бога сотворилъ. іѿвз а. кв. ноегда продолжиса страданіе егѿ, тогда такѿ погрѣшилъ, акѿ и господь глаголаше емѿ: кто есть сии, иже потемнаетъ совѣтъ словами неразъумными; іѿв. ли. в. и іовъ добрую имѣлаше видѣти признати свое безразсудіе, акѿ безразсуднѣ глаголаше, и творити сего ради поканіе, въ прасть и пепелѣ. іов. мв. г. з.

204. Во всемъ семъ имѣетъ христосъ спаситель паче іѿва, и паче всихъ прочихъ ѿгодниковъ божихъ, иже страданіемъ искѣшенны сѣтъ, несравненное преизщество, акоже бо прежде страданіа своегѿ грѣха не сотвори; ниже обрѣтеса лестъ во ѿстѣхъ егѿ, таковъ безъ всакагѿ премѣненіа и во время страданіа своегѿ пребысть. Петр. а. в. кв. ниже различіе, ниже тяжесть мѣченіа, можа-

ше

р.ме (145)

ше къ нѣкоемѹ погрѣшенію его подви-
гнѹти.

205. Бегѹ ради всакомѹ въ страданіи христо-
вомѹ представляется ѹчилице истиннихъ до-
бродѣтели, въ которомѹ всакѹ можетѹ
лѹше и болѣе научитиса добродѣтели и ис-
тиннагѹ благочестіа, нежели съ всѣхъ прочі-
ихъ книгъ въ свѣтѣ обрѣтающихся, нѣкое
ѹченіе ѹ благочестномѹ и добродѣтелномѹ
житіи въ себѣ содержащихъ.

206. Разѹдиво любимиче, что сѹть добро-
дѣтели всихъ челоувѣковъ и всихъ святихъ
противѹ добродѣтели христовихъ, иже не-
простыи челоувѣкѹ, но истинныи сынѹ божіи
бѣ: акожево божество егѹ страданію и про-
литію кровы, такѹ и прочимѹ егѹ дѣламѹ
и добродѣтелемѹ, божественнѹю воистиннѹ
важность, силѹ и прензашество подаетѹ, паче
всихъ дѣлъ и добродѣтели всихъ святихъ.

207. Подобаеѹтѹ ѹбо тебѣ сіе, еже ѹ несора-
вненномѹ примѣрѣ христа господа въ стра-
даніи егѹ речено еѹть, не аки нѣкаѹ точно пра-
знаѹ слова имѣти, аже обикаютѹ нѣци

раз-

р.мs (146)

разширення ради произносити съ прилѣжаніемъ, аще и безъ Ѡснованіа, но признати паче, акѠ Ѹченіе сіе Ѡснованное естъ на предпоказанои важности и изаществѣ лица христова, иже пострадалъ и Ѹмеръ насъ ради.

208. Да постидаѣтса Ѹбо сии, котории христианами називаѣтса, и насовершенныи сии примѣръ едва когда во всемъ житиіи своемъ поминаютъ, ниже прочинимъ съ похваленіемъ должнимъ глаголютъ Ѡ семъ; но въ мѣстѠ сегѠ, добродѣтелемъ азычниковъ, нѣкии Ѡбразъ благочестіа и добрагѠ житіа имѣющихъ подражаютъ, Ѡ которихъ наипаче реци приличествуетъ, они слова, аже Ісаіа Ѡ святости юдеѠвъ изрече: **вса правда ихъ бѣ, аки окверненаа риза: ѿд. е. каковѡ ризѡ обикаемъ сокривати предъ лицемъ честнихъ человекъ.**

209. Тижѣ нетвори такѠ но взираи на христа спасителя, иже въ житиіи своемъ и страданіи тебѣ образъ оставилъ, да послѣдѣши стопамъ егѠ. Петр. а. в. ка, сие дамѡдрствѣетса въ тебѣ, еже и во христѣ исѡсѣ. кз Филип. к. е. такѠ даходиши, акѠже онъ ходилъ естъ. ІѠан. а. в. с. смотри, какѠ прензачно егѠ

р.мз (147)

егѠ добродѣтели е сѧніе превосходитъ всихъ
прочихъ свѧтихъ добродѣтели и благочестіе:
вса честнаѧ дѣла честивихъ нѣкиихъ ѡзычни-
ковъ, толкѠ Ѡстоѧтъ и различествуютъ
Ѡдѣлъ христовихъ, коиикѠ различествуетъ
т.ма Ѡ солнца полѣденнагѠ. и самихъ херѠ-
вимовъ и серафимовъ свѣтлость и свѧтость
противѣ свѣтлости и свѧтости христостоваѧ пом-
рачаютса.

210. Посемѣ описанномѣ преизрадномѣ при-
мѣрѣ, егоже спаситель нашъ въ страданіи
своемъ подалъ намъ, требѣ есть тебѣ три-
надесѧтаго размѣніѧ Ѡ семъ ѡчитса зъ
слова истинны, каковѣю богъ власть Ѡ сюдѣ вос-
примѣ надъ родомъ чловѣческимъ, иже толи-
кое сотвориѧ иждивеніе, и самъ христосъ спаси-
тель иже толь драгѠ приѠверѣлъ сѧ; такожде ка-
ковое мы сѧгѠ ради имѣемѠ обдолженіе и пови-
ность къ богѣ и спасителю нашемѣ исѣсѣ христѣ.

211. Ѡ семъ поминѧи наслово апостолово, е-
же онъ написалъ къ Коринѣаномъ а. с. дѧ.
Которое Ѡ всѧкомъ чловѣцѣ важное есть
и истинное. ащево бы кто и сице размѣлъ,

аки-

р.ми (148)

акибы до его слова си не надлежали, однакоже прѣнїемъ егѡ и противностию, сила и важность реченїа сегѡ непотребитса, и таковыи человекъ самъ себе лишаетъ превеликагѡ и дражаншагѡ божїа благодѣанїа, накомомъ реченїе сіе павлово ѡтверждается, ащебо помнѣнїю егѡ онаѡ словеса къ немѸ не надлежатъ, Ѹбо и благодѣанїе оное божїе не надлежитъ къ немѸ.

212. ПоманѸтоеже реченїе павлово сице гласитъ: **нѣсте свон.** чтоже есть сіе; ѡвѣтъ: человекъ, акоже всакомѸ авнѡ есть, состоитса зъ дѸши и тѣла: ащеже мы нѣсмы свон, Ѹбо ниже дѸша, ниже тѣло наша сѸть собственнѣ, аще и сѣлѡ нашими быти кажѸтса и нашей власти подлежати, понеже зъ нихъ состоитса естество наше, и такѡ наипаче принадлежатъ къ намъ паче всегѡ еже нашимъ нарицаетса. однакоже апостолъ нарицаетъ ихъ не нашими. чи Ѹбо сѸть; ѡвѣщааетъ апостолъ натоумжде поманѸтомъ мѣстѣ: сѸть божїа.

ѡщеже

р.мд (149)

213. Ищеже вопросиши: чesω ради сѣть бо-
жiа; сегω ли ради, понеже богъ создалъ ихъ
и подалъ намъ, и понеже ѿнегω содержатсѧ
и сохрѧются;

214. Ниже ѡсѡмнѣватисѧ ω семъ требѣ есть,
акω и сегω ради богъ надъ чelовѣкомъ со-
вершеннѡю и высочайшѡю властью имѣетъ. та-
кожде исие безъ всякагω сѡмнѣнiа истинное
есть, акω ѿсюдѣ чelовѣкъ повинность и об-
долженiе къ богѣ аки къ создателевѣ своемѣ
на себѣ имѣетъ; еже толкω большое есть,
коликω болѣе даровани, благъ, и прензачествъ
паче прочиныхъ создани ѿ бога чelовѣкъ вос-
приимъ. быт. а. кс. кз. сирах. зл. ашево и ѿверглъ
чelовѣкъ безстѣднѣ чрезъ падение свое ѿ бога
сю власть божию ѿ себе, и сице сотворилъ, аки бы
онъ небылъ божимъ, но самъ своимъ, о-
днакоже богъ сегω ради, власти своея, юже
надъ чelовѣкомъ имѣетъ непотералъ. акω-
же злихъ подданихъ невѣрность и востанiе
противѣ правилнагω своегω господина, ниже
господиновѣ ѿати власть правилнѡю, ниже под-
данихъ ѿ должности ихъ ѡболнити можетъ.

И

рн (150)

215. И самин естественный разумъ ѿчасти всакаго научаетъ сего, и законъ оныи, которимъ богъ обдолжаетъ насъ себѣ, ради благодѣянии въ первомъ членѣ исповѣданіа вѣры изображенниихъ, въ сердцѣ всакагѡ челоувѣка и въ совѣсти ѿ самагѡ естества написанъ есть.

216. Но павелъ показѡа сіе, акѡ мы ненаши есмы, но божи, ѡтверждаетъ сіе доводомъ, ѿ вторагѡ члена исповѣданіа вѣры воспріятимъ, которыйи изъ евангеліа познаетсѡ. таково глаголетъ: **кѡплени во есте цѣною.** и дѣже кѡпѡющии есть христосъ, иже истинный есть богъ, съ ѿцемъ и дѡхомъ свѡтимъ едино естество и слава имѡющии. Заплата, не-злато или серебро, но кровъ, кровъ же не безразѡмниихъ нѣкинѡхъ свѣрен, но собственнаа, егѡ кровъ божественнаа, юже онъ призовилно изліалъ, за спасеніе всегѡ рода челоувѣческагѡ. Еже по самои истиннѣ драгою кѡплею можетъ нареци-сѡ. и насемъ ѡтверждаетъ павелъ истиннѡ сію, акѡ мы не наши есмы, но божи.

217. Но что имѣаше иное привести къ пот-

вержде-

рна (151)

верженію силѣишомѹ власти божіа, сѹда
и царствованіа христова наднами паче сегѹ: **а-
кѹ цѣною кѹплени есмы. ѿ сюдѹ облича-
етъ и ѹкораетъ апостолъ напредъ показа-
номъ мѣстѣ, всихъ, на зло ѹпотребляю-
щихъ тѣла своегѹ и ѹдовъ егѹ кз блѹдодѣ-
лнію, и всакон нечистотѣ; (понеже сице
царствіе божіе и христово надъ человекомъ
самою вещь отвергается. нашеже званіе и
должность сѣбѹ срамнѹ насилствѹетса и ѹ-
азываетса) противнимъ образомъ тоєжде
ради вины ѹвѣщаваеъ насъ апостолъ, дабы
мы прославлли бога въ тѣлесѣхъ нашихъ,
и въ дѹшахъ нашихъ.**

218. **Такожде смотри ѿ семъ, что апостолъ
глаголетъ кз рим. ді. ѹ. насіе христосъ и ѹм-
ре и воскресе, и ѿживе, да и мертвыми и жи-
выми ѿбладаетъ. подобнѣ и кз Корин. е.
еі. христосъ же за вса ѹмре, да живѹщи не-
ктомѹ себѣ живѹтъ: но ѹмершомѹ за нихъ
и воскресшемѹ.**

219. **Внемли добрѣ реченію семѹ (многи бо-
творятъ, акивы сіе въ писани сватомъ неѿ-**

брѣ-

рнв (152)

брѣталосѧ) и показѹи сѧ всемѹ житіемѹ твоимѹ, акѡ реченіе оное неточію въ памяти сохранилѹ, но и въ сердце твое восприимѹ еси.

220. ꙗщеже вопросиши, кто живеть самомѹ себѣ; Ѡвѣщаю: си вси, котори высочайшю власть надѹ всѣмѹ житіемѹ своимѹ, самимѹ себѣ приписѹютѹ, котори поразсѹжденію растлѣннагѡ нѹхъ разѹма, и понадѣнію злѧ своеѧ воли дѣлаютѹ, и такѡ по правилѹ грѣховнагѡ своегѡ самолюбіѧ и свѣтолюбіѧ, всѧ своѧ дѣла и произволеніѧ творятѹ; послѣдователнѣ, самославіе, самоползованіе, и самоѹгодіе конечнѹ винѹ и мѣютѹ всегѡ житіѧ своегѡ; аще и подсицевимѹ образомѹ, акибѹ сѧ дѣлали оны къ славѣ божиен, и прославленію имени хрестова, акибѹ оны первѣе искали слави божиѧ, второеже собственнѧ своеѧ ползы: и такѡ мнѧтѹ, акѡ нѹхъ самославіе и самоползованіе съ прославленіемѹ имени божиѧ въ кѹпѣ пребывати могѹтѹ, еже никакимѹже Ѡбразомѹ сотворитисѧ можетѹ. Мат. 5. ка. кд.

ꙗщеже

рнг (153)

221. Ящеже вопросиши далѣе, кто живеть семѣ, иже пострадалъ и ѹмерлъ за негѡ; ѡ-вѣщаю; сен, иже великомѣ и неизреченномѣ благодѣланно смерты и воскресеніа христова такѡ вѣрѣеть, и такѡ въ сердце свое воспріемлетъ, акѡ и признати егѡ за единого точно спасителя своегѡ побѣждаетъ, имѣеть его аки господа своего и бога, и самую вещь показѣть, акѡ онъ некто мѣ живеть плоти своей и крови, мрѣ семѣ и диаволѣ, но во всемъ своемъ жити на единого точно христа господа взираеть аки на единого господа своего и царя, и съблѡ тѣшитъ словесъ егѡ и повелѣнію внѣтр ѹдѣ и внѣдѣ всякое дѣло творити, и такѡ къ разширенію славы егѡ и царствіа и совершенію егожъ воли, все житіе свое проводитъ, все внѣшное свое пребываніе, и вса дѣла званію своемѣ подобающа, по правиламъ къ семѣ принадлежащимъ ѹправляетъ и исправляетъ.

222. Ниже такѡ подобаетъ разѹмѣти, акибы сіа вещь невозможна была, дабы кто христовѣ жилъ, и въ званіи своемъ добрѣ

пре-

рнд (154)

пребывалъ, ничтоже оставлѧ кз чинѸ свое-
мѸ принадлежащее, посщевомѸ бо мнѣнїю
треба бы Ѹже такомѸ человекѸ болѣе зз
людми необхѸдитисѧ, но единомѸ точно
дѸховномѸ зрѣнїю прилѣжати, и без пос-
редственнѣ всѧ силы дѸши своеѧ аки затоплен-
нѧ в зозѣ имѣти. понеже христосъ и Ѹченицы
егѸ сицевѧ свѧтости ненадчаютъ но паче Ѹ
сицевѧ свѧтости Ѹводатъ. а. кз Корин. з. зѧ.
к. ка. кв. кг. кд. кз Ефес. с. е. с. з. и. д. а. кз
Тїм. с, а. в. г. в. кз солѸном. г. и. вѧ. Е-
же и главноѧ заповѣдѧ Ѹ любвѣ, в зото-
рон богъ повелѣваетъ всакомѸ имѣти по-
печенїе Ѹ ближнимъ своимъ, Левит. дѧ. иѧ.
Мат. д. кв. ли. лд. м. сирах. зѧ. несогласѸетъ.
таковаѧбо свѧтость происходитъ Ѹ вымыш-
ленѧ и гордагѸ свѧтодѣлѧ, аще бы кто
первѣе и зз добраго мнѣнѧ сицевое житїе
в з хрїстїанствѣ избралъ. сегѸ ради всакъ
можетъ извѣститисѧ Ѹ семъ, акѸ внѣшнее
егѸ чинное, правилное и хрїстїаномъ прили-
чное званїе, не есть емѸ препатїемъ в з семъ.
еже жити хрїстовѣ, но паче можетъ Ѹ вса-
кагѸ

рне (155)

кагѠ употребитса, аки нѣкое Ѡрѣдіе, и показати христіанское свое разѣмѣніе, намѣреніе и предложеніе, кз прославленію и мени христова, и ко исправленію ближнагѠ своегѠ, и такѠ сотворитса благопотребнимз Ѡрѣдіемз кз разширенію царствіа божіа, и прензацинимз Ѡкрашеніемз.

223. Ѡсюдѣ можеша познати, что содержитз въ себѣ оное реченіе: **христосъ за вса ѣмре, да живѣщии не ктомѣ себѣ живѣтъ: но ѣмершомѣ за нихъ, и воскресшемѣ. кз Кор. в. е. еі. и несѣмѣннѠ вѣровати: акѠ иссѣз христосъ есть господь твои, иже погнѣшаго тѣа и Ѡсѣжденнаго искѣпилз, приобрѣлз и Ѡсвободилз Ѡ всѣхъ грѣховз, Ѡ смерти, и Ѡ насиліа и власти діаволскіа, искѣпилз жетѣа не златомз или сребромз, но пречистою своею кровію, горкимз и неповиннимз своимз страданіемз и смертію, да такѠ христовимз рабомз сотворишиса, въ царствіи егѠ поживеши, и послѣжиши емѣ вѣчною правдою. неповинностію и блаженствомз; акоже и христосъ восталз Ѡ мертвихъ живѣтъ и царствѣтъ**

рнѢ (156)

стѣуетъ во вѣки. еже безъ всякаго смѣнѣ-
нiа истинное есть.

224. Зри, сiа есть власть божiа и христова на
насъ, и сiа есть должность наша и повинность,
аже ѿ смерти христовiа, и воскресенiа егѡ про-
исходитъ.

225. Ниже требѣ есть боитиса и ѹжасатиса
тебѣ сегѡ ради; аже и тогда ѹжасахъсa, и
боухъсa сыны израилевы, егда имъ самуилъ
предложилъ божимъ повелѣнiемъ, сѣдъ и
власть, которю имѣтиметъ надъ ними бѣ-
дѹщыи ихъ царъ. царств. а. и. аi. или помы-
шлати акѡ сице радость твоа, юже еси вос-
приахъ съ предъ положеннаго разсѹжденiа ѹ-
меншитсa, или весма потребитсa.

226. Нижево самъ восхоцещи дрѹжбѹ имѣти
съ сими, котори ѡ страсти и смерти христови
такѡвое имѣютъ разѹмѣнiе, акнбы имъ ѿ
сюдѹ свободное нѣкое подалоса писанiе, да-
бы безопасно могли въ мѣсто сегѡ, еже жи-
ти боговѣ и христовѣ, жити самимъ себѣ;
еже ничтоже иное есть, точию прелоганiе бла-
годати въ сквернѹ, и ѿ метанiе владыки бога,
и гос-

рнз (157)

и господа нашего иисуса Христа. Акоже ѿ семъ писаніе глаголетъ, юдино посланіе ст. д. Петр. в. в. а. зъ которихъ мѣстъ священнаго писанія авіе показѣтса, акѿ несмѣннѿ послѣдѣтъ семъ страшное и вѣчное осужденіе.

227. Подобаеъ же тебѣ и сіе разѣмѣти, акѿ не имать сіе произыти тебѣ въ добро, аще бы еси самъ себѣ восхотѣлъ жити, ѿ сюдѣ бо аки ѿ источника, всякое не благополучіе и растлѣніе всегда происходило, и всегда происходитъ, и въ такѿвомъ житіи преѿкаминаа работа и плѣненіе содержитса; противниже образомъ тогда благо тебѣ бѣдетъ, егда христовѣ бѣдеши жити, и слѣжити, емѣже и саміи ангели, власти и силы покорены сѣтъ. Петр. а. г. кв. и тогда возимѣши истиннѣю божественнѣю и небеснѣю свободѣ къ неже въ началѣ созданъ еси. Іѿан. и. д. лѣ. къ рим. 5. 51. кв. къ галат. д. Петр. а. в. 51. Петр. в. в. дѣ.

228. Ниже чрезъ сіе. еже христовѣ жити требѣтса ѿ тебе, дабы еси первѣе такѿвимъ житіемъ твоимъ свобождалъ себе ѿ грѣховна казни

рни (158)

КАЗНИ И ДОЛГОВЪ И ПРИМИРАЛСА СЪ БОГОМЪ, ЕЖЕ, АКОЖЕ ВСЕМЪ СОЗДАНИЮ ВЕЩЪ НЕВОЗМОЖНАА ЕСТЬ, ТАКЪ И ТЕБЕ БЫЛОБЫ СІЕ, ВЕСМА ТЪЖЕСТНОЕ, СТРАШНОЕ ИЛИ ПАЧЕ НЕВОЗМОЖНОЕ ДѢЛО; НО СЕИ РАЗЪМЪ ЕСТЬ ВЫШШЕПОЛОЖЕННИХЪ СЛОВЕСЪ ПАВЛОВИХЪ, ДАБЫ ЕСИ ЧРЕЗЪ ХРИСТА ПРИМИРИВШИСА СЪ БОГОМЪ, ИЖЕ ВСА ТЕБѢ ПРИОБРѢЛЪ, НАИПАЧЕЖЕ СИЛЫ, ВОЕЖЕ ВОЗМОЦИ ЖИТИ ЕМЪ, ТОЕЮЖДЕ СИЛОЮ ѿ ХРИСТА ТЕБѢ ДАРОВАННОЮ ПРИМИРЕНІЕ ОНОЕ, И БЛАПОЛУЧІЕ ПРИОБРѢТЕННОЕ ИСПОВѢДОВАЛЪ, И ТАКОВОЕ ЖИТІЕ ПРОВОЖДАЮЩИ, ПЛОВОДЪ ѿСЮДЪ ПРОИСХОДАЩИХЪ ПРИЧАСТНИКОМЪ СОТВОРИЛСА.

229. Къ семѹже и сіе вѣдан, акѿ христосъ власти своеѹ искѹплениа ради имѣющіася на тебѣ не такѿ хоцетъ употреблати, акоже самое сѹда сѹщество требѹетъ, но паче акоже требѹетъ благодатное егѿ примиреніе, и ѹдоволлетса симъ, аще точію безъ лжи и лицемеріа самую сѹщественною истинною ѿ дасиса емъ, и аки въ жертвѹ принесешиса, емъ единомъ точію жити и слѹжити; аще и недостигнеши высочайшаго степена совершенства. ниже сіе возлагаетъ

рн.д, (159)

гаеѣѣ на тѣ акн еднннн тчннн законѣ, но вѣ кѣ-
пѣ подаетѣ тебѣ н силѣ потрѣбнѣю кѣ семѣ, юже
онѣ самѣ приѡврѣлѣ, дабы есн вѣ самон ве-
щн позналѣ, акѡ нго егѡ благо, н брѣмѣ
егѡ легкое естѣ. Мат. аі. л. дѣѣн. еі. і.

дІ.

230. Во всемѣ семѣ, еже д.а.же доселѣ речѣно
быстѣ, можешн ещѣ болѣе потверднтсѣ. ег-
да четвѣртѣю надесѣтѣ часть разсѣдншн, ка-
ковын богѣ здѣлалѣ порядокѣ, вѣ кото-
рнмѣ бы челѡвѣцѣ всегѡ спасеннѣ н нзбавле-
ннѣ прѡнсѡдѡщагѡ ѡ хрнста распѣтагѡ ѡча-
стннкѣмѣ могли сотворнтсѣ.

231. Неѡщѣтѣ во богѣ такѡ спасатн челѡвѣ-
ка страданнѣмѣ хрнстовнмѣ, дабы челѡвѣкѣ,
пѡнеже хрнстѡсѣ за грѣхн егѡ пострадалѣ н
ѡдѡлетворнвѣ, жнлѣ самонзволнѡ какѣ бы
емѣ полѡбенлѡсѣ.

232. Ящѣ во бы не божнѣ нзволѣннѣ было, то-
бы нн едннѣ челѡвѣкѣ непогнвлѣ, но всн бы
спаслсѣ; пѡнеже хрнстѡсѣ за всѣхѣ пострада-
далѣ, н такѡ ѡ грѣсѣхѣхѣ всегѡ мнра очнще-
ннѣ сотворнлѡсѣ. Іѡан. а. в. в. но пѡнеже по

сѡбствѣн-

сoбственнѣмъ словесаѣмъ хрѣста спасителя на-
шегѣо многѣи погѣбаютъ, и мало естѣ спаса-
ющѣихсѣ, Мат. 3. л. дѣ. Ѡсюдъ ѣбо послѣ-
дѣетъ, акѣо избавленѣе, и благополѣчѣе чрезъ
хрѣста приѣверѣтенное, неможетъ и накѣо че-
ловѣковѣ податисѣ, точѣю понеѣмѣиноѣмъ
ѣстановленѣи божѣи совѣта въ извѣстнѣмъ
нѣкоеѣмъ порядкѣ, егѣоже ѣверженѣе и през-
рѣнѣе единаѣ подлиннаѣ вина сегѣо естѣ, акѣо
толь многѣи погѣбаютъ, и жизни вѣчнаѣ
лишаютсѣ.

233. Нижѣ воспоминаю ѣ семъ, какѣо сѣе неѣ-
добное или пачѣ невозможное естѣ, дабы кто
въ грѣсѣ пребывалъ (иже единаѣ точѣю смѣ-
тенѣе и нестроенѣе естѣ) и ѣчастникѣмъ сотво-
рилсѣ плодовъ зъ страданѣи хрѣстова проис-
ходѣщихъ; и акѣо единаѣ чрезъ дрѣгое по-
треблетсѣ, (понеже и свѣщенѣе наше и ѣбно-
вленѣе божѣи ѣ брѣза, и прочѣе все къ семъ на-
длежащее, равнѣ естѣ благословенѣе крѣста
хрѣстова и конечное егѣожъ намѣренѣе, акѣо-
же и примѣренѣе, наше, къ Галат. г. дѣ. къ тѣ-
тѣ в. дѣ.) авнѣо бо естѣ, акѣо аще бы богъ
дѣлалъ

рѣа (161)

дѣлалъ сѣ, по единомъ точію властителномъ предѣстановленіи своемъ, и безъ всакагѡ възглядѣ на житіе человѣческое, страданіемъ христовимъ человѣки спасалъ, то бы нетреба было ниже единагѡ слова рещи имъ ѡ семъ, акѡ христосъ пострадалъ и ѹмерлъ за нихъ: и такѡбы слѣженіе новагѡ завѣта, такожде крещеніе и причащеніе было бы весма вещь не-полезнаа и сѣетнаа. еже и помыслити великыи грѣхъ есть.

234. Бегоряди требѣ есть совсакимъ прилѣжаніемъ обяснати ѹченіе сѣ, и правое егѡ разѹмѣніе всакомѣ представлати, понеже многи сѣть междѣ самими православными христианами ѹченіемъ симъ поврежденни, и вѣрѹютъ, акибы богъ человѣка спасалъ или погѹблалъ единимъ точію своимъ всемогѹщимъ ѡпредѣленіемъ, ничтоже смотря на житіе егѡ, и такѡ снитсѣ имъ, акибы оны непремѣннѡ имѣли спастнсѣ, понеже христосъ за нихъ ѹмерлъ, аще бы и злое житіе имѣли; которое за блѣжденіе сѣло великое есть, и осѹжденіа достоинѣишее паче прочинѹхъ за блѣж-

рѣв (162)

блѣженіи междѣ чловѣками ѡбрътаю-
щихса.

235. Къ поманѣтому порядку ѡвѣщаніе сіе
надлежитъ, ѡ которомъ апостола глаго-
летъ: похристѣ молимъ, акѡ богѣ мо-
лащѣ нами: молимса ѡбо похристѣ, при-
миритеса съ богомъ. къ Корин. в. е. к.

236. Слышиши акѡ нѣсть сіе доволнѡ, акѡ
богѣ въ христѣ примирилъ себѣ миръ, ег-
да нечловѣковѣ но христовѣ вмѣнилъ
грѣхъ и невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ
сотвори; но и сіе требѣтса, да бы еси хо-
тѣлъ съ богомъ примиритеса.

237. Ящеже речеши. что знаменѣтъ сіе, тре-
бѣтса ли сіе ѡ мене, дабы и азъ нѣчто со-
творилъ истрадалъ, дабы такѡ приношеніе
христово совершеннѣишее было, и такѡбы
возмогло доволнимъ быти къ награжденію
за грѣхи мои; ѡвѣщаю, никакоже, да не
бѣдетъ; христово приношеніе самое въ се-
бѣ доволнѣ сильное есть, или паче пресильное, и
преважное. аще бы кто сице мнѣлъ, аки бы
страданіе и смерть христова, чрезъ егѡ страда-
ніе

рѣг (163)

ніе и твореніе силнѣишими сотворилса, сен бы сѣлаѿ былз слѣпз, невидящын толь великіа ихз важности.

238. Но сен есть разумз сиухз словесз апостоловиухз: примиритеса сз богомз: всакз долженствѣетз примиреніе сз богомз чрезз христа сотворившоеса признавати и восприати, и такѿ провадити житіе свое, акоже подобаетз семѿ, иже боговѣ смертію сына егѿ примирилса, иже всакю ѿже враждѿ дѣствителнѿю и страдателнѿю, аже междѿ имз и богомз бѣ ѿвергла, и мирз имѣетз сз богомз, безз которагѿ мира, примиреніе чрезз христа сз богомз сотворившоеса ничтоже ползѣетз.

239. Кз семѿ порядкѿ такожде намѣренное есть слѣдѿющее реченіе: **аще и сынз баше, обаче навиче, ѿ онѿ дѿже пострада послѿшанію: и совершивса, бысть всѣмз послѿшаюцимз егѿ виновенз спасеніа вѣчнагѿ.** кз Евр. е, и. д. сіестъ дарованіемз и привлцаціемз егѿ. понеже оноє спасеніе, ради всакагѿ человекѿ чрезз христа приѿбрѣтенное есть.

Кз

рѣд (164)

240. Къ послѣшанію семѹ, въ немже, якоже рѣхомъ, божіа благодати порадокъ, възглаголю на насъ состоится, принадлежатъ двѣ части, аже сѣть покаяніе и вѣра, Марк. а. еі. дѣян. к. к. ка. къ. ні. ащебо на нѣкомъ мѣстѣ писаніа сватогѡ, идѣже ѡ порядкѣ божимъ глаголется, въ немже челоуѣкъ плодовъ страданія и смерти христовіа можетъ сотворитися причастникомъ единое точію ѡнихъ воспоминается; о баче и дрѹгое таможде содержится и зразѹмѣвается. вѣра не можетъ быти безъ покаяніа, ниже покаяніе можетъ быти безъ вѣры.

241. ѡ порядкѣ семъ паки воспоминаю тебѣ сіе, еже ѹже вышше глаголахомъ зъдвѣдесатъ вторагѡ Псалма. въ немже пописанію страданія христова, смерти и воскресенія, такѡжде пописаніи предрагіа и преизлишніа вечера, зъ различныхъ дѹховныхъ и небесныхъ благъ и дарованіи. юже имѣютъ асти нищии и насититися безъ всякіа заплати Ісаіа не. а. в. г. далѣе глаголетъ чрезъ давида дѹхъ свѣтын: поманѹтся и ѡбратѹтся къ господѹ

ВСИ

рѣе (165)

вси кѡнци землѧ, поклонѡтсѧ предъ нимъ
вса отечества ѡзыкъ, еже неможеѡтъ иное
что быти, точію сіе, дабы всѧкъ, понеже все
спасеніе еже точію потребное есть, христовою
смертію и страданіемъ приѡбрѣтенное есть, и
поданное, аще хоцетъ ѡчастникомъ егѡ со-
творитисѧ, покаеніе творилъ и вѣровалъ.

242. Подобенѣ семѸ и христосъ глаголетъ: не-
сиѧли подобаше пострадати христѸ, такѡ пи-
сано есть, и такѡ подобаше пострадати хри-
тѸ, и воскреснѸти ѿ мертвихъ въ третій день,
и проповѣдатисѧ воимѧ егѡ поканію, и ѿ-
пущенію грѣховъ. ЛѸк. кд. мс. которое ѿпущеніе
грѣховъ и прочѧѧ благѧѧ, аже съ нимъ сое-
диненна, сѸть благословеніе страданіѧ, смерти,
и воскресеніѧ христова. сіе благословеніе пропо-
вѣдію евангеліѧ въ имени егѡ подастсѧ тебѣ,
аще точію покаешисѧ и вѣрѸешн.

243. Сегѡ ради петръ по проповѣди ѡ христо-
вомъ страданіи, смерти и воскресеніи, вопро-
шающимъ егѡ что сотворимъ; ѿвѣщава-
ше: покантесѧ, и дакреститсѧ киждо васъ
во имѧ исѸса христа, воѡставленіе грѣховъ.
Дѣян.

ДѢАН, В. ЛН. и паки, покантеса Ѹбѡ, и ѡ-
 братитеса, да ѡчиститеса ѿ грѣховъ ва-
 шихъ. но что глаголетъ апостола; не оми-
 тыи ли Ѹже грѣхъ былъ кровію христовою
 на крестѣ пролианною; вонстиннѸ такѡ есть,
 но сегѡ неможахѸ оны причастникамы сотво-
 ритеса, первѣе требовашеса ѿнихъ покаяніе и
 вѣра.

244. всеже состоитса въ семъ, дабы еси добрѣ
 разѸмѣла, что сіе въ самомъ вещи есть, еже
 требѸетса ѿ тебе, да некакѡ прелстишиса или
 толь драгѡ приѡбрѣтеннагѡ спасеніа ѿцети-
 шиса.

245. Внемли Ѹбо наипаче первой части поряд-
 кѸ благодати божіа, да некакѡ возмниши
 аки бы покаяніе не иное что было точію нѣ-
 кое за грѣхи награжденіе, и дѣланіе подобное
 дѣланію сѹда гражданскагѡ, идѣже сѹдїа за
 прегрѣшеніе согрѣшившомѸ налагаетъ нѣкое
 число денегъ еже прегрѣшившымъ потомъ пла-
 тити долженствѸетъ, въ сицевомъ разѸмѣ
 воспрїамагѡ нигдѣже богъ требѸетъ покая-
 ніа, ниже бо потребное есть, понеже христосъ
 стра-

страданіемъ и смертію своею призовилъ за-
платилъ и наградилъ.

246. Ниже поканіе въ себѣ самомъ сіе зна-
менуетъ, дабы кто консповѣди точію предъ
священникомъ бываемъ ходилъ, еже весьма
творити подобаетъ, ащебы точію исповѣдъ-
ющисѧ сокрѣшеннымъ сердцемъ исповѣдова-
лисѧ; но всакомѣ авно сіе есть, коль велие Ѡ-
кажнство дѣлаетсѧ въ семъ.

247. Ниже въ семъ состоитсѧ поканіе, дабы
кто точію Ѡ дебелыхъ внѣшнихъ грѣховъ и
пороковъ воздерживалсѧ, и нѣкаѧ внѣшная
дѣла къ божию служенію точію бы творилъ,
или самъ себѣ дѣлалъ скорбь и печаль въ ско-
рѣ ищезающю, и понеже совѣсть егѠ Ѡбли-
чаетъ и Ѡгнѣтаетъ, сегѠбы ради давалъ то-
чю Ѡбогимъ милостиню, вишѣтворѧ благо-
честіѧ, или въ нѣкии бы день точію постилъ
и такѠ бы мнѣлъ, акибы сегѠ ради паки богъ
благодатныи и примиренныи емѣ былъ, ни-
чтоже болѣе Ѡсѣмнѣвалсѧ Ѡ семъ.

248. Видиши Ѡбо, якѠ такѠвнымъ Ѡбра-
зомъ, или инимъ нѣкимъ семѣ подобнымъ

по-

рѣи (168)

покааніе творити, ненное что естъ, точно лицемѣрствовати, и неудобнымъ пребывати къ воспріятію вѣры въ христа распатагѡ и Ѹ-потребленію благословеніа страданіемъ и смертію христовою приѡбрътѣннагѡ.

249. Ящеже речеши: какѡ имамъ правое и истинное покааніе сотворити; ѡвѣщаю: тогда истинное сотвориши покааніе, егда растлѣніе твое, еже ѡ адама природное тебѣ имѣеши, добръ познаеши, и такѡ ѡ немъ, а-кѡ и ѡпрочимъ слѣ, внѣ и внѣтръ ѡ сю-дѸ происходащомъ соѸсердіемъ покаешиса, возненавидиши и Ѹжаснешиса: тогда истинное сотвориши покааніе, егда болѣе небѸдеши Ѹтѣшатиса грѣхомъ, или хвалитиса имъ, егда небѸдеши Ѹменшати его, или извинатиса, но паче аки превеликагѡ ради нѣкоегѡ зла всѣмъ сердцемъ Ѹжаснешиса, и за великое сло почтеши: тогда сотвориши покааніе истинное, егда самъ себѣ ради грѣховнагѡ твоегѡ обичаа врагомъ сотворишиса и возненавидиши самаго себе, и сегѡ ради истинногѡ, беззвсакагѡ лицемѣрія предъ богомъ аки
ока-

рѣ. (169)

окаанныи грѣшникъ бѹдеши почитатисѧ, иже благодати божіѧ недостоннъ, самаго себе обвинати и ѡсѹждати, аки достоиннаѡ временна и вѣчнаѧ казни; егда самъ въ себѣ и въ собственномъ твоимъ достоинствѣ ѡчаешисѧ, сокрѹшенное и смиренное сердце, и плачѹщю дѹшю возимѣеши, и истрасеши ѡ сердца твоегѡ всякое злое предложене къ пребыванію въ грѣхахъ. Зри, аще сіѧ поне среднею мѣрою истиннѣ и нелицемѣрнѣ въ тебѣ ѡбращѹтсѧ, тогда возможеши реци, а кѡ покааніе твориши.

250. И таковое покааніе взглядомъ глѹбокашагѡ нашегѡ растлѣніѧ неѡмѣннѡ потребное естъ, ниже мощиѡ такѡ минути егѡ, а кѡже беззаконни, и гражданскимъ разѹмомъ людіе честивии мнѧтъ, понежебо мы попаденіи вси согрѣшихѡмъ, и лпшихомсѧ славы божіѧ къ рим. г. кѧ. и сегѡ ради ѡ естества подъ гнѣвомъ вожимъ и неблагодацію пребываемъ; неподобаетъ ѹбо намъ въ сицевомъ нашомъ окаанствѣ слѣпими пребывати, или съ небреженіемъ насіе памѧтати,

НО

ро (170)

но паче зъ сердечнымъ жалѣніемъ такѡ сіе ѡ-
цѣцати, акѡже въ самой вещи есть: ина-
кобо ниже малѣишаѡ искра истиннаѡ жела-
ніа и вождѣніа конзбавленію чрезъ христо-
вѡ смерть ѡ сицевіа нашеѡ пагѣбы въ дѡши
нашон вознѣтитисѡ можетъ. акоже абіе
пространнѣе ѡ семъ речемъ.

251. И какѡбы могло сіе сотворитисѡ, дабы
христово страданіе и смерть, аже онъ ради на-
гражденіа за грѣхи наша претерпѣлъ, сеи мо-
глъ ѡ бога полѣчити себѣ ко ѡпѣщенію грѣ-
ховъ, къ вѣчной жизни и блаженствѣ, безъ
овиди свѣтости божіа и правди, котори грѣ-
ховныхъ своихъ долговъ не исповѣдѣтъ, но
паче ѡтаеваетъ, ѡмншаетъ и извиняетъ, или
еще всегда ѡмножаетъ ихъ, и такѡ нехота-
щое каитисѡ и ожесточенное сердце имѣтъ;
воистиннѡ не можетъ сіе быти никогдаже. ис-
тинное ѡбо ѡченіе сіе есть: аще кто хочетъ
страданіа христова и смерти егѡ къ спасенію
своемѡ дѡшеполезнѡ ѡпотребити, семѡ по-
добаетъ такѡ поканіе творити, и такѡ къ
богѡ ѡбратитисѡ акоже вышше рѣхомъ.

И

роа (171)

252. И самое страдание христово аще точно
добрѣ разсѣдиши е, и дѣховѣ сватомѣ кз
семѣ подаси мѣсто, можетъ, акоже и подо-
баетъ емѣ, сицевое покаяние сотворити въ те-
бѣ. аще бо разсѣдиши величество, тяжесть
и различіе страданія пресватаго ѿ и пречестнѣи-
шаго ѿ лица христова; ѹвидиши како дѣша
его скорбаше, даже до смерти, како онъ
тѣжилъ и ѹжасался, како онъ зѣ божиимъ
гнѣвомъ и силами темнаго области толь сѣ-
лѣ брашесѣ и подвижашесѣ, аки потъ его
бѣ, аки кровави каплѣ каплющи на землю;
ѹвидиши его поиманна и связанна, биенна-
го, порѣганнаго, обезчещеннаго, оплеван-
наго и зашченнаго, терніемъ вѣнчанаго и а-
ки шодѣѣ на крестѣ междѣ разбойниками
повѣшеннаго, и како онъ вопіаше жажды
ради, и остановленія ради ѿ отца своего ѿ не-
беснаго, и како абиѣ посемъ смертію постра-
далъ; аще глаголю сѣ добрѣ разсѣдиши, и
ѹразѣмѣши, аки христосъ божи сынъ, сѣ
превелию не повинностію всѣмъ сицевамъ тебе ради
и въ мѣсто тебе претерпѣлъ и пострадалъ, не-
сѣ-

ров (172)

сѸмѣннѸ приндетъ на сердце твое сіе, и собственнаа твоя совѣсть возопиетъ къ тебѣ: ты неправедникъ и грѣшникъ еси, ты еси сынъ смерти, и всемѸ семѸ повиненъ былъ, еже праведный сынъ божии началникъ жизни претерпѣлъ и пострадалъ. Неможешили симъ доволнѣ изобличитиса Ѡ прѣжасной мерзости грѣховъ твоихъ, такожде Ѡ семъ, акѸ зъ богомъ шѸтити неподобаетъ; неможешили сегѸради къ истинномѸ жалѣнію и поканію Ѡ грѣхахъ твоихъ подвигнуѣтиса; ѠсюдѸ Ѹжасъ напалъ на нѣкоегѸ Ѹчителя, акѸ и глаголати емѸ: азъ разсѸмѣхъ безопаснама быти, ниже вѣдахъ что Ѡ вѣчномъ изреченіи, еже на небеси Ѡ мнѣ изреченное бѣ, донелиже Ѹвидѣхъ, акѸ едиnorodный сынъ божии Ѹмилосердилса надомною, застѸпилъ ма, и присѸжденное мнѣ изреченіе на себе восприма. тогда возопихъ: Ѡ какѸ сѣлѸ требѣ есть опасоватиса Ѡ грѣховъ, аще толь прилѣжнѸ истазѸютса! и воистиннѸ такѸ есть, полза бо страданіа христова въ семъ состоитса, дабы человекъ

самъ

рог (173)

самъ себе позналъ, и такѡбы самъ себе ужас-
нѣлся и сокрушилъ сердце свое, и аще кто сего
несотворитъ, сеи никаже ползи зъ страданіа
христова немѣтиметъ. и сіа есть первая
часть къ божию порядкѣ надлежащая, сіесть
покаяніе.

253. Вторая часть есть вѣра, которая въ единомъ
точно каюцѡмъ, и чрезъ покаяніе сокруша-
юцѡмъ сердцѣ, мѣсто себѣ ѡбрѣтаетъ.

254. ѡ семъ подобаетъ тебѣ въ началѣ вни-
мати, акѡ вѣра не въ семъ собственнѡ состои-
тса, ащебы еси познавши грѣхъ твой, и из-
реченіе ѡ тебѣ къ смерти и вѣчной погибели
въ совѣсти твоєи оцѣтивши началъ уже стѣ-
шати себе, глагола: воистинѣ грѣшникъ азъ
есмъ и заслужилса на вѣчную погибель: но
богъ есть свѣлѡ милосердный, и понеже ка-
юса азъ ѡ грѣхахъ моихъ, и хоцѣ уже пре-
стати грѣшити, ѡпѣститъ ибо богъ мнѣ
грѣхи мои, и милостивъ мнѣ бѣдетъ. си-
це бо бы къ богѣ безъ ходатаа или посред-
ственника приходилъ еси для примиреніа съ
нимъ; нижебы ѡчальніе совѣсти таковимъ
ѡбра-

род (174)

Образомъ могло потребитисѧ, ажебы не-
престаннѡ глаголаа къ тебѣ, акѡ богъ нето-
чю есть милосердный, но въспѣ и свѣтъ и
праведный. и акѡ чрезъ единое точю преста-
нїе ѿ грѣховъ долгъ сотворенныхъ грѣховъ
неѡставитсѧ, имже обдолженъ еси.

255. Но въ самой вещи сїе есть, чего въра
требуетъ. егда уже ради грѣховъ твоихъ
престрашенное сердце и совѣсть имѣеши, и о-
цѣщаеши что еси грѣхами твоими заслѣ-
жилъ ѡбога, и акѡ въ сицевомъ твоёмъ
зломъ состоянїи ниже совѣтовати ниже по-
мощи самъ себѣ можеши; дабы еси тогда
ѡбѣгалъ ко исцѣсѣ христѣ, и глѡбокѡ въ сердци
твоёмъ сїе ѡкрѣпилъ, акѡ онъ за тебе, тебе
ради глаголю, всѧ сѧ пострадалъ, и такѡ кро-
вию и смертию своею за долги грѣховъ твоихъ
заплатилъ, и дабы еси сице оное благодѣанїе
привлацалъ тебѣ, и воспринималъ, и такѡбы
ѡбога просилъ совсѧкимъ ѡсердїемъ, дабы
богъ дражаншагѡ ради ѡбѣщанїа своегѡ,
въгладомъ за слѣзъ христовыхъ ѡпѣстилъ
тебѣ грѣхи, и даровалъ животъ вѣчный.

Сеиже

рое (175)

256. Сеиже есть разѹмъ словесъ монахъ; по-
доваеѹ тебѣ вѣрою твоею наипервѣ христа
распатагѹ воспрѣти, и тогда имаши привла-
цати себѣ страданіе христово тебе ради сотво-
рившоеся; и окропившиса кровію егѹ въ сва-
таѹ святихъ внити. инакѹ неѹдовлетвори-
ши боговѣ, и всеѣ имаши ѹтѣшатиса ми-
лосердіемъ егѹ.

257. И какѹ можетъ инакѹ сотворитиса сіе,
дабы зъ христово страданіа и смерти воз-
могъ еси ползоватиса, аще нехощеши вос-
прѣти ихъ, и въ самои вещи сообщитиса вѣ-
рою страданію и смерти егѹ, и такѹ къ богѹ
приходити; ибо богъ не всеѣ представляеѹ
тебѣ христа; ниже безъ вини можетъ быти
толь частое въ писаниіи воспоминаніе сегѹ, а-
кѹ христосъ грѣховъ ради нашихъ предадеса
на смерть; но вонстиннѹ словеса сіа требѹютъ
сердца вѣрою въ христа исполненнагѹ.

258. Сегѹради и въ писаниіи не глаголетса то-
чю просто: дабы всакъ вѣрѹющыи, ниже
точно, дабы всакъ вѣрѹющыи въ бога, но
пи-

ρσ (176)

ПИСАНІЕ ГЛАГОЛЕТЪ, ДАБЫ ВСАКЪ ВЪРЮЩИИ ВОНЬ,
(СИЕСТЬ, ВЪ ЕДИНОРОДНАГѠ СЫНА, ЕГОЖЕ ОТЕЦЪ
ВЕЛИКИА РАДИ ЛЮБВИ СВОЕА КЪ НАМЪ НАКРЕСТНЮЮ
СМЕРТЬ ПРЕДАЛЪ,) НЕ ПОГИВНУЛЪ, НОИМѢЛЪ ЖИ-
ВОТЪ ВѢЧНЫИ.

259. ЯЩЕЖЕ НА НѢКОТОРИХЪ МѢСТАХЪ ПИСАНІА,
ЕДИНАА ТОЧІЮ ВѢРА ПОМИНАЕТСА БЕЗЪ ВОСПО-
МИНАНІА ИМЕНИ ХРИСТОВА: МАРК. СІ. СІ. ОД-
НАКОЖЕ ЗЪ ПРОЧИИХЪ ОКОЛИЧНОСТЕИ АБИЕ ПОЗНА-
ВАЕТСА, АКѠ ВѢРА ОНАА СОВСТВЕННѢ КЪ ХРИСТУ,
АКИ ИСТИННОМУ И БЕЗПОСРЕДСТВЕННОМУ СВОЕМУ
ПРЕДЛОЖЕНІЮ НАМѢРАЕТСА.

260. ТАКОЖДЕ ИДѢЖЕ ВѢРА ВЪ БОГА ТРЕБУЕТ-
СА, ТАМѠ И ВѢРА ВЪ ХРИСТА ЗАКЛЮЧАЕТСА, ИЛИ
ЗЪ ВЕЛИКОЮ ВАЖНОСТІЮ АБѢ ВЪ МѢСТО ѠСНО-
ВАНІА ПОЛАГАЕТСА. НИКТОЖЕ БО, ГЛАГОЛЕТЪ
ХРИСТОСЪ, ПРИДЕТЪ КО ОЦУ, ТОКМО МНОЮ.
ІѠАН. ДІ. 5. НАКОТОРОМУ РЕЧЕНИИ, И ПРО-
ЧАА СИМУ ПОДОБНАА ВЪ ПИСАНІИ ОБРѢТАЮ-
ЩАА РЕЧЕНІА ѠТВЕРЖДАЮТСА. НА ПРИМѢРЪ,
ТѢМУ ПРИВЕДЕНІЕ ИМАМУ ОБОИ ВО ЕДИНОМУ
ДУСѢ КО ОЦУ. КЪ ЕФЕС. В. ИІ. ѠНЕМУ ИМА-
МУ, ДЕРЗНОВЕНІЕ И ПРИВЕДЕНІЕ ВЪ НАДѢАНИИ ВѢ-
РОЮ

рор (177)

рою егѡ. кз Ефес. г. вѣ. имѡще ѡбо дерзно-
веніе братіе, вхѡдити во сватаа кровію инсѡсз
христовою, пѡтемз новимз и живымз, е-
гоже обновилз намз завѣсою, сирѣчз плѡ-
тію своею: кз Евр. 1. 10. тѣмже и спасти до
конца можетз приходящихз чрезз негѡ кз
богѡ. кз Евр. 3. ке. надѣаніе таково н. мамы
христома кз богѡ. кз Кор. в. г. д. ѡкѡдѡ
показѡетса, аще кто по паденіи кз богѡ при-
ити хоцетз, сеи долженствѡетз сз посредствен-
никомз христома приходити, и вхрестѣ
авитиса предз лицемз божимз; аще безз
негѡ восхоцетз принти, заключитса небо
предз нимз, чесого требѣ есть ѡжасатиса и
боатиса, ниже таковыи возможетз ѡтѣ-
шатиса богома и ѡчастіемз сообщеніа егѡ.
Акоже во преки, вхрестѣ и чрезз христа все
исполненіе благодати и спасеніа обрѣтаетса.
261. Но далѡчше познаеши особенный видз,
естество и своіство вѣры вхриста распатаго,
понеже много принадлежитз кз неи, и тааж-
де вѣра, главнаа есть часть порядкѡ благо-
дати божиа, внемаи различнымз и важнымз
опи-

рои (178)

описаніамъ вѣры, которихъ писаніе сегѡра-
ди ѡпотребляетъ, дабы мы ѡсюдѡ толкѡ
собственнѣе своиство еѡ ѡразумѣли, и такѡ
бы себе искѡшали, аще сицевѡю вѣрѡ имѣ-
емѡ.

262. Въ христа вѣровати, въ писаніи тожде
значитъ: еже и надѣлатисѡ на него. Ѳал. в.
вѡ. или паче ѡбѣгати къ немѡ, акоѡже сіе о-
собеннѡ въ свѡщеніомъ еврейскомъ ѡзикѣ
обрѣтаетсѡ. подобнѣже глаголетсѡ и въ
притчахъ соломоновихъ: къ имени госпо-
дню праведникъ ѡбѣгаетъ. нѡ. і. аки къ истин-
номѡ свободеніѡ градъ, дабы тамѡ воз-
моглѡ ѡ отмстителѡ крови свободитисѡ.
числ. лѡ. с. такожде и чрезъ слѣдѡущѡя ре-
ченіѡ неизнѡе что значитсѡ, точію еже вѣро-
вати въ христа. напримѣръ, чрезъ пришес-
твіе къ христѡ, аки къ ходотѡю новагѡ за-
вѣта. Мат. аѡ. кн. Іѡан. а. вѡ. и чрезъ ѡвле-
ченіе въ него, къ Галат. г. къ. Подобнѣ чрезъ
дѡхвное ѡденіе тѣла егѡ и питіе крови егѡ.
Іѡан. с. нѡ. еже разумѣти подобаетъ и въ
прочихъ, смѡ подобнихъ реченіѡхъ.

Гз

рр.д. (179)

263. Съ которнхъ всѣхъ речени познати можешн, акѠ вѣра требующаася въ христа распатагѠ, неможе тѣ быти вѣра мертвая, празднаа, или мечтателное нѣкое мнѣнїе, но вѣра сердечнаа, смиреннаа, живаа силнаа внѣпѣже любезное и благопрїатное дѣиствїе и дѣланїе дѣшы, истинныи и благословенныи оныи союзъ, и мже человекъ съ христомъ свазѣтсѧ, и христосъ съ человекомъ соединѧтсѧ толь крѣпкѠ, акѠ человекъ въ христѣ, и христосъ въ человекѣ чрезъ вѣрѣ живѣтѣ и Ѡбытаѣтѣ. къ Галат. в. к. къ Фес. г. 31. Тоежде бо естѣ быти въ христѣ, Ѡверѣстисѧ въ немъ, еже и вѣровати въ христа.

264. Сїа естѣ божїа вѣчнаа, непремѣннаа и неѠтмѣннаа вола; акѠ никтоже безъ христа и внѣ христа можетѣ причастникомъ сотворитисѧ всегѠ сегѠ, еже христосъ кровїю своею приѠверѣлѧ, ночною съ христомъ и въ христѣ, сегоради глаголетѣ писанїе: дамы бѣдемъ правда божїа Ѡ немъ. къ Корин. в. е. ка. Ѡ немъ и мамы избавленїе кровїю егѠ, и Ѡставленїе грѣховъ къ Колос.

рп (180)

Колос. а. д. Ѡблагодати насъ Ѡ возлюблен-
нѣмъ. къ Ѡфес. а. с. и Ѡбращѣса въ немъ не-
имыи моеѣ правды, аже Ѡ закона, и про-
чаѣ. къ Филиппис. г. д.

265. Авноже сѣ есть, акѠ никтоже въ непо-
каани и невѣри пребывающыи можетъ въ
христѣ быти, или христосъ въ немъ, аще и
сѣлѠ обикновенное сѣ есть, акѠ и безбож-
нии чловѣцы мнѣть соединенихъ себе быти
съ христомъ вѣрою еаже неимѣютъ. ника-
кимже образомъ можетъ сѣ сотворитисѣ но
всегда единое потреблетсѣ чрезъ дрѣгое, доне-
лиже чловѣкъ безъ покаанія и вѣри пребы-
ваетъ, дотолѣ пребываетъ кро.мѣ христа и ле-
житъ въ слѣ ІѠан. а. е. д. ащеже кто въ
христѣ есть, въ сѣмъ слова и невѣрїе потреб-
летсѣ.

266. Неиноебочто есть пребывати безъ пока-
анїѣ, точїю еже непознавати грѣховнагѠ
своего окаанства и глѣбочаншаго растлѣнїѣ,
неудобства своего и мертвости ко всакомѣ
благомѣ дѣлѣ, и вопреки благопрїѣтїѣ и
склонности своеѣ ко всакомѣ слѣ, и акѠ

въ

рпа (181)

вз сицево мз состоанин всакз есть чадо мз гнѣ-
ва и смерти; ниже ѹстрашатиса сего, ноаки
бы сѣ ничтоже было, вз томжде пребывати,
и болѣе грѣшити. Какѡже можетз тако-
выи ѹдобнимз быти вѣровати вз христа; ка-
кѡ можетз сицевыи алкати и жаждати прав-
ди; какѡ можетз подвигнѹтиса принти кз
христѹ и вз немз пагѹбѣ свои искати спасениа,
которыи не оцѹщае тз ранз своих; истин-
ное бо есть весьма сѣ: **нѣтребѹютз здравн врача,
но болаши. Мат. д. в. повѣствованіе ѡ**
страданн и смерти христовои можетз и не-
каючысѣ человекз знати, и аки истинное че-
ловѣчески мз соизволеніе мз вѣровати, та-
кожде слѹю свою совѣсть пострикаемыи ѡ
нѣм ѹсмирати, и чрезз нѣкое время плотское
нѣкое ѡсюдѹ ѹтѣшеніе имѣти и по мнѣнію
своемѹ ѹпованіе свое вз страданн и смерти хри-
стовои полагати: но сицевое ѹпованіе тако-
выхз человеквз вз грѣхахз пребывающихз
и мнѣщихз имѣти е, не есть вѣра вз христа
распатаго, но есть паче безбожное, и казни
достойное дерзновение, которое зз невѣріе мз
осѹжде-

рпв (182)

осужденію подлежащимъ пребываетъ. ащеже кто сицевымъ некаящымъ и немѣющымъ вѣры человекъ есть, какѡ ѡбо можетъ пребывати въ христѣ, и христосъ въ немъ; развѣ аще бы кто безумнѣ рекъ акиѡ можетъ человекъ въ христѣ быти.

аще бы и непришолъ къ христѣ, аще бы и непришолъ егѡ и неѡблекся въ него; и акѡ христосъ не точію вѣры ради, но и ради невѣріа хощетъ жити въ сердцахъ нашихъ.

267. Зри ѡбо, сіа есть вина, чесоради богъ по совершеніи дѣла искупленіа нашегѡ чрезъ христа, всимъ человекомъ живущимъ полицѣ всеа земли покааніе творити повелѣваетъ, вѣрѣ подадъ всѣмъ. дѣан. зі. ла. дабы симъ пѣтемъ всакъ возмогалъ къ христѣ прити, и въ немъ жизнь воспріати, и всакое доволствіе зъ сокровища страданіа егѡ смерти и воскресеніа: понеже кромѣ сообщеніа зъ возлюбленнимъ симъ, не можетъ богъ никомѣже милостивимъ быти, никогоже не наречетъ своимъ, никогоже не освободитъ, но паче всакагѡ некаящегоса, кромѣ христа пре-

рпг (183)

превывающаго, на вѣчнѹю смерть и погибель Ѡсѹждаетъ, ІѠан. г. зі. зі. нї. ді. гъ. 268. И каковы и накѠ приличнѣе и пристойнѣе могаз богъ зъ нами творити, акѠже свѣтлость и милосердіе егѠ требѹетъ; неинакѠ воистиннѹ токмо сице, акоже во всемъ семъ сотворилъ есть. котори бы порадокъ могаз лѹчимъ быти для состоянїа нашего, кромѣ сегоѠ, егоже намъ богъ въ словѣ евангелїа своегѠ показалъ; кто бы могаз, всѣ силы человѣческагѠ разѹма и премѹдрости совокупивши, иныи изобрѣсти пѹть, иже бы возмогаз человѣкъ принти коѹпотребленїю спасенїа чрезъ христа намъ приѠверѣтеннагѠ, котори бы пѹть пристойнѣишыи былъ и для насъ полѹчити е, хотѣшихъ неточнѹ ѹдобнѣишыи но и дѹшеполезнѣишыи; не добрѣли творитъ, немощныи человѣкъ егда оцѹщаѣ болѣзнь свою, приѹготованное емѹ Ѡ врача врачеванїе воспрїемлетъ и ѹпотребляетъ; несѹмѣннѹ речеши весьма истинное сїе быти; развѣ бы кто сице обезѹмилсѣ и глаголаз: акѠ сїи немощныи лѹчше творитъ,
ко-

рпд (184)

которыи на смертелномъ одрѣ лежацѣ, нехотѣлъ бы ниже врача призивати ниже врачеваніа примати, мнѣ, акибы онъ здравъ былъ.

269. ꙗще Ѹбо самъ признаеши праведное сіе быти, неотвергаи Ѹбо порадкѣ истиннагѡ нелицемѣрнагѡ показниа, и нелицемѣрниа вѣры, но воспринми, и пребываи въ немъ: ѿвержи твердое, непокаряющееся, безопасное и несокрѣщенное сердце: неразумѣи себѣ, аки бы еси все имѣлъ, акибы и безъ христа могъ боговѣ примиритисѣ; ниже помышляи, аки бы еси возмогъ боговѣ благопріятнымъ быти и такѡ спастисѣ, аще бы и непремѣнилася мысль твоѣ, аще бы еси и непересталъ ѿ обикновеннагѡ грѣховнагѡ житіа твоегѡ. не помышляи сего ѡ человекѣ, но да вѣси, акѡ сицеваѣ помышленіа неиное что сѣтъ, точию Ѹзы вѣчнѣи тми, и ниже дѣволъ свѣзѣтъ человекѡвъ, и недопѣцаетъ ихъ къ воспріятію вѣчнагѡ ихъ спасеніа, еже въ христѣ расплатомъ.

ꙗщеже

рпе (185)

270. ащеже и ты связанъ еси таковыми ѹзами, ѹбо разрѣши ихъ, и ѹдоволянса симъ, прошедшее время житія твоегѡ, проводилъ еси въ грѣхѡхъ кромѣ христа единимъ точно ѹстнимъ исповѣданіемъ. блюдиша да некакъ ложнимъ ѹтѣшеніемъ прелстишиша; ниже имаши зъ ранъ христовихъ врачеваніа къ ранами твоимъ прилагати, егда никакіа еще болѣзни не ѡщущаеши, но паче въ добромъ состояніи пребывати мнишиша, егда ниже помышляеши еще на сіе, но паче въ непрестанномъ продолженіи грѣховномъ болѣе и болѣе озлобляеши и ѹзвляеши себе, и такѡ всегда состояніе твое болшемъ еще бѣдствію подвергаеши; и помышляеши, аки бы челоувѣческиа ради слабости инакъ немоцно было жити. нетвори сице, никтоже бо въ такомъ безопасномъ и лицемѣрномъ состояніи, можетъ быти достоинимъ расплатгѡ христа, и сообщеніа егѡ исполненнагѡ благодати, благословеніа, крѣпости и спасеніа, или нѣкое ѡсюдѡ имѣти ѹтѣшеніе.

271. чесоже ради самъ себе хоцещи лишити
дра-

рпс (186)

драгагѠ сегѠ плода страданіа и смерти спаси-
теля твоегѠ, и недостоннимъ сотворитиса,
егоже божаа лювова какъ точно мощно по-
даетъ тебѣ, и толь ѡдобныи легкии и прамыи
пѣть показѹетъ, иже бы всакъ возмогал
принти ко ѡпотребленію егѠ. почто самъ се-
гѠ желаеши, дабы неизмѣрнаа онаа скорбъ,
и неизреченнаа печалъ и ѡтѣсненіе дѹши, юже
создатель твои на горѣ елеонскои ѡжасающы-
иса, скорбацин, кровію потащиса, и съ
смертію подвижающыиса претерпѣлаз непользо-
вали тебѣ; часоради самъ хоцеши лишитиса
ползи происходащиа Ѡ порѡганіа ѡкореніа,
біеніа, ранъ, и неизноснихъ болѣзни, Ѡ ли-
шеніа всеа радости на крестѣ висѡцагѠ, или па-
че Ѡ саміа крестнаа смерти христа спасителя;
чесо ради твориши, дабы данное тебѣ къ жиз-
ни, въ смерть, и погивель твою обратилоса.

272. Смотри, тожде христосъ, которыи вса
сѡ за тебе претерпѣлаз въ смиреніи своемъ, и-
мать пакы принти сѹдити живныхъ и мертвнхъ,
и ѡзритъ его всакое, око и иже прободоша, и
плачъ сотворатъ на сѡ, Ѡ немъ вса колѣна
земнаа.

рпз (187)

ЗЕМЛѦ. ЕИ, АМИНЬ АПОКАЛИ҃П. А. РАНЫ ЕГ҃Ѧ И
АЗВЫ ГВОЗДИННІА ЗАКЛАННАГ҃Ѧ АГНЦА СЕГ҃Ѧ,
ВѢЧНАГ҃Ѧ РАДИ ПРОЛАВЛЕНІА ЛЮБВИ, ЮЖЕ ОНЪ И-
МѢАШЕ КО ОТЦ҃У СВОЕМ҃У, И КЪ НАМЪ ОКААН-
НИМЪ И ПОГИВШИМЪ ГРѢШНИКОМЪ, ВѢЧИ҃Ѧ И
НЕПРЕСТАНИ҃Ѧ ВОЗСІАЮТЪ. ПОМЫСЛИ САМЪ, СЪ
КАКОВОЮ СОВѢСТИЮ ИМѢТЪ СИ АВИТИСА ЛИЦ҃У Е-
Г҃Ѧ, КОТОРИМЪ ОНЪ ПРОПОВѢДИЮ ЕВАНГЕЛСКОЮ
ПРЕДЪ ОЧИМА НАПИСАНЪ БѢ, ОДНАКОЖЕ НЕЗАСЛ҃-
ЖЕННОЮ И ВЕСМА НЕИЗРЕЧЕННОЮ ЕГ҃Ѧ ЛЮБОВІЮ НЕ
ПОДВИГОШАСА КО ОСТАВЛЕНІЮ П҃ТИ ГРѢХОВНА-
Г҃Ѧ, И КЪ ПОКОРНОМ҃У ВЪ ВѢРѢ ПОСЛУШАНІЮ
ХРИСТОВ҃У, НО ПАЧЕ СТРАДАНІА И СМЕРТИ ЕГ҃Ѧ НА
ЗЛО УПОТРЕБЛАЛИ, И ПОКРИВАЛО ЗЛОБСТВІА
СВОЕГ҃Ѧ ѼСЮДУ ТВОРАХ҃У; ПОМЫСЛИ САМЪ КОЛЬ
СТРАШНЫИ СЪДЪ И ОГНЕННАА АРОСТЬ СИЦЕВИХ҃У О-
ЖИДАЕТЪ; ПОНЕЖЕ ЛЮБОВЪ АГНЧЮ ѼВЕРГОША,
СЕГ҃Ѧ РАДИ ГИѢВЪ АГНИИ ТЕРПѢТИ ИМѢТЪ НАВѢ-
КИ. АПОКАЛИ҃П. 5.

273. **Помышляй же сие любимы читателю,
донели же еще время есть; познан грѣхи твои,
взираи прилѣжиѡ на страданіе и смерть христо-
вѡ, идѣ же аки въ жсиѣишомъ нѣкоемъ**

сер-

рпи (188)

серца лѣ увидиши прѣужаснѣю мерзость, величество и тяжесть грѣховъ твоихъ, и ради тѣхъ же неизмѣрныи гнѣвъ божи: ужаснися зра сіе, восприими въ сердце твое, еже чтеши или слышиши Ѡ страданіи спасителя твоего Ѡ, и Ѡсюду познанъ акѠ зъ грѣхами шстити не подобаетъ.

274. Ящеже обрѣтаеши сердце твое твердое къ семъ, не срамлися ѣво прекланати колѣнъ твоихъ предъ богомъ, и налице земли падати, всѣмъ сердцемъ къ богъ вопиючи и молящися, дабы онъ тебѣ Ѡкрилъ, коль мерзостенъ есть грѣхъ, и что грѣхъ послѣдуетъ; прилежи сицевои молитвѣ непрестаннѣю, набоженство въ скорѣ преходящее здѣ ничтоже ѣспѣетъ; подобаетъ ти весьма имѣти въ семъ истинное, сѣланое, и постоянное прилѣжаніе съ простосердечнимъ тцаніемъ, дабы еси благочиннѣю къ христъ принти возмоглъ и непрелиценъ былъ возмнѣнною вѣрою твоею, и такѠ бы тцетное и сѣетное точно Ѡсюду имѣлъ ѣтѣшеніе.

Ящеже

рп.д. (189)

275. ащеже сице молащисѧ познаеши грѣх-
вное растлѣніе твое, егоже ради чадомъ смер-
ти и вѣчнѧ погибели сотвориша еси, аще се-
горади сердце твое ѡтѣсняется; сѣтѣетъ, пре-
кланяетсѧ, смираетсѧ и сокрѣщаетсѧ: да зна-
еши сіе, акѡ такое состояние твое хорошее
ѹже дѣйствіе есть зѧ страданіѧ и смерти хрис-
товой происходящее, еже провозвѣщаетъ
тебѣ, акѡ аще истиннѣ и постоѧннѡ пѹтемъ
симъ будеши ходити, несѡмѣннѡ, и благос-
ловеніѧ ѡ сюда происходящагѡ сподоби-
шиша.

276. Бегѡ ради тебѣ есть ѹчитисѧ вѣровати
въ христа распятагѡ, который грѣхи твои на-
себе воспріѧ, и занихъ страданіемъ и смер-
тію своею заплатилъ, и такѡ ѡ кѧтви и ѡ-
сѹжденіѧ искупилъ тебе, и пріѡверѧлъ тебѣ
правдѹ, неповинность, и вѣчнѹю жизнь.

277. Ащеже ѡщѹщаеши болѣзни смертел-
ныхъ твоихъ ранъ: иди къ христѹ, и возри
сѧ великимъ вожделѣніемъ спасеніѧ, окомъ
вѣры насегѡ спасителя твоего, иже ѹзвिति-
сѧ и накрестѣ распятисѧ благоизволилъ, да-

бы

рч (190)

бы еси ѡзвою егѡ исцѣлился: и такѡ животъ
твой сохраниши. Ісаіа иг, е. Іѡан. г. ді. аще
же грѣхъ клятѡ, гнѣвъ, и ѡсѡждение смѣ-
щуютъ тѡ, день иноцѡ мѣчатъ совѣсть твою;
ѡбѣганъ къ симъ ранама распятагѡ исцѣ-
са, въ которихъ безопаснѣишимъ будеши,
нежели древле ѡбѣгающынъ ѡ ѡмстителѡ кро-
ви въ грады ѡ бога къ семѡ опредѣленни, со-
творивши послѣчаю нѣкоемѡ ѡбниство. аще
ѡщѣщаеши срамъ наготы твоеѡ, и акѡ по-
кривало правды твоеѡ недовлѣетъ, ниже ѡкри-
ти можетъ тѡ предъ очима и сокровеннаѡ ви-
дѡщагѡ; облещисѡ ѡбо въ христа въ послѣ-
шаніе егѡ, въ страданіе и смерть. симъ одѣ-
ланіемъ облеченныи и ѡкрашенныи неимаши ѡ-
же ѡтаеватисѡ и сокриватисѡ предъ богома
ѡкоже адамъ: бытіѡ г. 3. и. не имаши ѡже
болѣе ѡжасатисѡ и срамлатисѡ но дерзновен-
нѡ и благодѣшнѡ совсѡкимъ ѡпованіемъ и-
маши къ богѡ пристѣпати, съ нимъ бесѣдо-
вати и пребывати, ѡкоже любнмое чадо съ
ѡцемъ своимъ.

Поз-

рча (191)

278. Познаешниже сіе, акѠ таковое взирание на христа, таковое моление кз хрѣстѣ, таковое Ѡблечение вз христа, словомз рещи, таковаѡ вѣра вз христа, небезз трѣда имать кз тебѣ принти; и акоже вз первомз безопасномз и лицемѣрномз житии твоёмз мнѡшеса тебѣ ничтоже легчайшое быти паче сегѠ (понеже что есть грѣхз и что есть гнѣвз божии грѣха ради бываемыи неѠщѣцалз еси вз тебѣ, ниже живое и сильное познание имѣлаз еси вз совѣсти твоеи Ѡ святости егѠ) такѠ вопреки ѡразѡмѣши, акѠ ничтоже тяжшое имать быти паче сегѠ, и акѠ собственною твоею силою сицевѡ вѣры никогдаже возможеши полѣчити.

279. частію сегѠ ради, понеже величество и множество грѣховз твоихз, вз нихже пребывающыи единаѡ мерзость еси предз очима божиими, ниже свѣтз есть, и тмы вз немз нѣсть ни единыѡ. ІѠан. а. а. е. аки мгла дебелаѡ предз очима твоима стонтз, и препатіе дѣлаетз тебѣ, акѠ на распѡтагѠ христа, аще и много чтеши или слышиши Ѡ немз, ко ѡтѣ-

рчв (192)

тѣшенію и упокоенію востающа совѣсти
твоеа, неможеши вѣрою взирати на его и ви-
дѣти его: ниже сатана празденъ тогда быва-
етъ, но егда хоцетъ человекъ вѣрѣ имѣти,
тогда онъ наипаче тѣнитса невѣріе въ сердци
человѣческомъ возбѣждати, и ѿ полчае-
тса противѣ таковаго сердца неисчисленными сѣ-
мнѣніями и различными адовитими иску-
шеніи стрѣлами. частіюже сего ради, понеже
гордость твоя не соизволаетъ се мѣ, ниже съ
растлѣнными разумомъ твоимъ согласѣетъ,
дабы таковымъ образомъ, сіестъ вѣрою въ
христа и акѿже вѣра требѣетъ, приходилъ
человекъ къ благодати и блаженствѣ, еже
собственными силами человеческими никакѿ-
же можетъ полѣчитса, и акѿ всакъ хотѣ-
щын полѣчити се, честь и могѣщество свое
уничтожити долженствѣетъ, и признати, а-
кѿ безъ заслѣженіа единою точію благода-
тію божіею чрезъ избавленіе христомъ сотво-
рившоеся великое оное благо человекъ пока-
ніе сотворившын приобрѣтаетъ.

Са-

рчи (193)

Самоеже сіе двоихъ вещей научитъ тѣ.

280. **Первое научиши сѧ съ толикѡ болши-
мъ ѹсердіемъ ѹ бога просити вѣры, ниже
ѹстами точно но и сердцемъ возопіеши вели-
каго ради ошѡщеніа множества грѣховъ тво-
ихъ, и ради непрестаннагѡ совѣсти твоеа о-
бличеніа, и лѣчше познаеши акѡ собствен-
ною силою твоею и разѹмомъ твоимъ не мо-
жеши въ христа вѣровати, или принти къ не-
мѹ и чрезъ него къ отцѹ, понеже и самаа
вѣра божіа есть даръ къ ефес. в. и. и изобил-
ное дѣйствіе благодатию свѣтагѡ дѹха.**

281. **Другоеже: Ѽсюдѹ научиши сѧ сло-
вѹ божію, сіесть словѹ евангелско.мѹ лѣ-
чше внимати; и тогда прензѡцнаа онаа ре-
ченіа добрѣ ѹразѹмѣеши, на примѣръ, кровъ
исѹса христа сына егѡ ѡчищае тѣ насъ Ѽ всѧ-
кагѡ грѣха. а. Іѡан. а. з. христосъ есть ѡчи-
щеніе ѡ грѣсѣхъ нашихъ: не ѡ нашихъ же
точно, но и ѡ всегѡ мира. а. Іѡан. в. в. вѣр-
но слово, и всѧкагѡ прѡтѣа достоинно: акѡ
христосъ исѹсъ приде въ мѡръ грѣшники спа-
сти. а. къ. Тимо. д. а. еі. такѡ возлюби богъ
мѡръ, акѡ и сына своего единороднаго далъ
есть,**

рчд (194)

ЕСТЬ, ДА ВСАКЪ ВѢРЪАИ ВОНЬ НЕ ПОГИБЕТЕЪ: НО
ИМАЕЪ ЖИВОТЪ ВѢЧНЫИ. ІѠан. г. ѡ. СИЦЕВАА
речениѡ, и прочаѡ симъ подобнаѡ, егда зъ ве-
ликимъ желаниѡмъ поищеши въ нихъ ѡтѣ-
шеніѡ истиннаго Ѡ вѣри происходѡщаго озло-
бленнои и ѡзвленнои совѣсти твоѡи, по вре-
мени сладкими имѡтъ быти сердцѡ твоѡмѡ,
и аки словеса вѣчнаѡ жизни обрацѡтса въ
немъ. бѡдеши присемъ самъ себѣ глаголати,
полезное есть мнѣ реченіе сіе, еже азъ слышѡ;
и зъ великою радостію ѡтѣшеніе евангелское въ
немъ крѡцѡеся воспримеши въ сердце твоѡе,
зъ болшею паче онѡи радости, еюже радова-
хѡса слѡги царѡ сирскаго Ѡ, егда ѡслышахѡ,
а-кѡ агавъ царъ израилскии царъ ихъ братѡмъ
нарицаетъ. г. царств. к. лв. лг.

282. Зри ѡбо, сеи есть порадокъ, которѡи
потреба есть весьма воспрѡити тебѣ, аще хоще-
ши, дабы распѡтын христосъ ползою тебѣ
былъ, и помоглъ тебѣ въ спасеніи твоѡмъ.
не Ѡтрицанса но даждъ мѣсто дѣйствию
благодати божіѡи и дѡха егѡ чрезъ слово бла-
годати творѡщѡмѡса.

Ѡі.

283. И дабы еси кз семѸ толкѸ силнѣе и благопріятнѣе подвигнѸтисѧ возмоглѧ, сегоради внемли еше патнадесятон части разсѸжденіѧ, сегѸ, аже представитсѧ тебѣ посогласію апостолскихѸ писани, коль благополѸчнѧмъ можеши быти человѣкомъ въ порядкѣ семъ зѧ страданіѧ и смертн христовои въ смертномъ еше семъ тѣлесѧ твоемъ, и коль прѧизѧцннѧ образъ и благопріятннѧ вообразитсѧ въ сердцѣ твоемъ, вѣрою въ христа распѧтагѸ.

284. таковою бо вѣрою приходиши въ сообщеніе христово, въ сообщеніе неповинности, страданіѧ и смертн егѸ, такожде воскресеніѧ егѸ и вознесеніѧ. самже исѸсѸ христосѸ, иже естѸ свѧтын и непорочннѧ, безскверннѧ и ѠлѸченннѧ Ѡ грѣшникѸ архіерѧн, вышшнѧ Ѡ небесѸ, самъ глаголю во всемъ семъ имѧть быти чрезъ вѣрѸ Ѡправданіемъ твоимъ. а кѸже бо воистиннѸ семѸ спасителевѣ твоемѸ грѣхн твои вѧѧненннѧ сѸть и акѧбы совственннѧ егѸ были, казнъ заннхѸ претерпѣлѧ, такѸ и сіе истинное естѸ, акѸ неповинность егѸ, страданіе,

рчс (196)

даніе, смертъ и воскресеніе вмѣнатса тебѣ, и вонстиннѣ снхъ ради, акибы еси вса сіа самз сотворилз, и маши быти благословеннимз.

самз Ѹбо помысли: коль незаслѣженное, коль велие, коль драгое и всакѣю цѣнѣ превосходящее имѣеши вз семз сокровище! сіе то есть, еже апостолз глаголетз: кз рим. а. зі. зі. ві. ді. в. кз Корин. е. ка. кз Филип. г. д. і. и Ѡчесомз вси пророцы свидѣтельствуютз.

285. Ищеже самз христосз съ неповинностию своєю, страданіемз и смертію вѣрою вмѣна-етса тебѣ Ѡ бога во оправданіе такѠ, акѠ вса Ѡ христа приѠверѣтеннаа благодатию данна сѣтъ тебѣ, ако Ѹже и реци возможеши о немз: онз есть искѣпитель мой ІѠв. ді. онз есть пастирз мой, Ѡал. кв. мой дрѣгз есть мой, и азъ есмь егѠ. пѣсн. соломон. в. зі. онз возлюбилла, и предалз есть себе помнѣ. кз Галат. в. к. какѠ мнитса тебѣ, могѣтъ ли еще грѣхи твои вмѣнитиса тебѣ; дане-бѣдетз! паче належиши Ѹже кз онимз чело-вѣкомз, нѣже Ѡпѣстишаса беззаконіа, и нѣже прикрывшаса грѣси, кз рим. д. з. кото-рин съ радостию могѣтъ хвалитиса: акѠ по-

вы-

рчз (197)

высотѣ небеснѣи ѿ земля, ѿтвердилъ есть
господь милость свою набожнѣхъ егѿ. ели-
кѿ ѿстоятъ востоцы ѿ западъ, ѿдалилъ
есть ѿ насъ беззаконіа наша. Мал. рв. кто
ѿже можетъ ѿсѣдѣти или поне дерзнетъ, ег-
да богъ самъ. иже есть истинный сѣдѣа въ
христѣ оправдѣтъ тѣ, и ѿ всѣхъ долговъ и
казней за грѣхъ надлежащихъ свободнымъ
содѣловѣтъ тѣ. некто мѣ ѿже имаше бо-
лтисѣ клеветаниа диаволскихъ, клевети закон-
ниа, и самагѿ гнѣва божіа, ради дарованна-
гѿ тебѣ ѿправданіа христовѣ; еже далекѿ
превосходитъ неточію ѿправданіе чловѣчес-
кое, но и самое ангелское; ничтоже ѿже и-
мать повредить тебѣ, ни едино бо ѿсѣдѣніе
есть сѣщимъ ѿ христѣ исѣсѣ. кз рим. и. а.
кз Корин. в. е. ка. ащеже бы кто еще дерзнулъ
погѣблати и ѿсѣдѣти тѣ въ христа вѣрбю-
щаго, сен ѿклеветѣтъ и осѣдѣтъ самаго
христа, иже славою отца своегѿ, нашегѿ ра-
ди ѿправданіа, паки ѿ мертвѣхъ восталъ,
кз рим. д. ке. чесого требѣ есть добръ опасно-
ватисѣ е. мѣ.

Егда-

рчи (198)

286. Егдаже ради Ѡправданіа сегѠ Ѡпущенны Ѹже сѹть тебѣ грѣхи твои, долги, и казни, и богъ паки къ тебѣ милостивъ есть, и ти въ христѣ, иже есть возлюбленный, или сынъ любви къ Ефес. а. 5, паки благопріятнымъ емѹ сотворилса еси, несокрытсали Ѹже слава совѣсть твоа прежде сего мѹчалася тѹ; къ Евр. 1. кв. и машили еще аки сладѣи предъ богомъ, аки предъ страшнымъ сѹдію Ѹжасатиса, невозимѣшили паче въ мѣстѠ слава совѣсти миръ съ богомъ, и вмѣсто казнителнагѠ страха сыновное и благонадежное къ богѹ сердце, аки къ возлюбленномѹ твоемѹ и чрезъ Христа Ѹдоволенномѹ и примиренномѹ Ѡцевѣ; не въ христѣли имать быти часть твоа и наслѣдіе, Лѹк. а. од. а. ІѠан. д. иі. зри, къ семѹ подастса тебѣ Ѡ исполненіа Христова вкупѣ съ Ѡправданіемъ и дѹхъ благодати и сыновства, иже и маши вопити: авва отче, къ Рим. иі. еі. къ Галат. д. 5.

287. Чтоже иное можетъ сіе родити въ сердци твоемъ, воистиннѹ неиное что, точію единое чистое, сладкое, внѹтрное Ѹпокоеніе, радость и Ѡрадное наслажденіе: и дѣжебо Ѡправданіе и миръ

рч.д. (199)

и миръ, тамъ и радость въ дѣлѣ свѣтомъ. къ Рим. д. 31. къ Филип. д. д. и чимъ можеша инимъ во всемъ свѣтѣ увеселитиса, паче сегъ, егда чрезъ свидѣтельство дѣла божіа въ сердци твоёмъ извѣствовашиса, акъ богъ сотворилъ тебѣ христа Ѡправданіемъ, и подаровалъ тебѣ; акъ богъ тогожде ради Ѡправданіа Ѡставилъ тебѣ грѣхи твои, и казнь надлежащю, и сотворилъ та чадомъ своимъ, и пребываетъ уже милостивимъ и возлюбленнымъ, Ѡце, съ нимже вѣчныи миръ чрезъ христа имѣши. и воистинно егда радостію сею исполнишиса, смердѣти начнетъ тебѣ радость она, юже прежде сегъ тцалса еси избрѣсти въ сѣетномъ гордомъ безумномъ и грѣшномъ мирѣ семъ, ниже можетъ уже радость сицева въ сердце твое внити.

288. Аже вса, акъже единая точно свидѣтельства незаслуженна, велиа, и избиванна благадати и любви божіа сѣть: такъ, требѣ есть весма, дабы сердце твое Ѡсюду къ любви божіеи и христовои крѣпкѣ возбуждалоса и возводилоса. собственная бо совѣсть твоя речетъ тебѣ, акъ неизреченна ради любви, еюже

с (200)

еюже богъ въ христѣ толь съблѡ облагодатиа тебе, и христосъ вса сіа толь поносимъ и болѣзненнимъ страданіемъ прѡверѣа тебѣ, весьма обдолженъ еси, ащебы и тысящъ сердецъ имѣа, ниединагоже ѿнихъ къ служенію грѣха употреблати, но вса онаа зъ вѣрною постоанною и нелицемѣрною любовію боговѣ, и спасителевѣ твоемѡ аки на жертвѣ коуслуженію принести. а. Іѡан. д. дѡ. 289. Сіа вѣрою познаннаа и оцѣщеннаа любовъ божаа и христова, толикою сладостію сотворитса въ тебѣ, акѡ сердце твое противѣ всѣхъ человекъ, и противѣ озлобителен и гонителен твоихъ имать ею ѡслаждатиса. внемли точію семѡ, како апостоли господни ѿсюдѡ наипаче къ братерскон и общей любви возбуждаютъ и ѡвѣщаваютъ, къ Ефес. е. в. къ Титѡ г. в. г. д. е. в. Петр. а. г. д. е. з. а. Іѡан. в. дѡ. зі. нѡ. дѡ. неѡдеши никогдаже гнѣватиса или искати ѡмщеніа, или желати пагуби чуждіа и неблагополучіа, но паче зъ радостію прѡщати, и кленѡщихъ тѡ благословити, ненавидящимъ тѡ благодворити, и всѣхъ человекъ какъ точію моцно ползи искати.

са (201)

кати. Мат. д. е. мд. кз Рим. в. к. а. Петр. г. д. добръ вѣдаючи сѣ, акѡ противѸ великагѡ онагѡ изобилѧ и богатства щедротѸ аже богѸ вз христѸ показалѸ натевѸ, и нуже ради христа наслаждаешисѧ, и аже еще надѣвѣшисѧ восприати, весма ничтоже естѸ все сѣ, ежебы что ѿ тебе нѣкии человекѸ полѸчити или восприати моглѸ, аще бы еси и самое твое житіе емѸ ѿдалѸ.

290. ѿсюдѸ пронзидетѸ вз тебѸ истинное евангелское ѿверженіе самагѡ себе, и настоѧщаго вѣка сегѡ. волѣе и волѣе тоежде вз сердци твоємѸ Ѹкоренитсѧ ѿк. д. кг.

Сѣ наѸчитѸ тѧ истиннаго смиренѧ предѸ богомѸ и предѸ человекѧми, акѡ ащебы еси и сѣло многѡ добрихѸ дѣлѸ имѣлѸ, одинакоже небѸдеши ѿсюдѸ никаже слави или заслѸженѧ иски, или предпочитатисѧ ближнемѸ своемѸ. кз Корин. а. еі. д. і.

291. ЗѸ сицевагѡ разѸма, и сѸ плодовѸ ѿсюдѸ происходѧщихѸ, нуже бы волѣе еще мощно было зде предложити, иматѸ сѣ весма потвердитисѧ, акѡ вѣра твоя вз распѧтаго христа не тщетнаѧ естѸ, и блаженство оное

св (202)

ное, еже вѣрою полѹчилъ еси, не змышлен-
наа нѣкаа вещь, ни точію мечтаніе мысли
нѣкое, новещественѣ и истиннѣ такѡ обрѣ-
тающеся, сѹщыи оныи многоцѣнныи ви-
серъ, егоже ради продалъ еси вса имѣніа твоя
собственнагѡ оправданіа и премѹдрости; ми-
ровѣ и любителямъ его оставивши похоть
плотскѹю, похоть очесъ и гордость жителес-
кѹю безъ всяка пагѹбы твоеа и ѹбиткѹ, Мат.
гі. ме. мѡ.

292. Имаши еще, донелже въ смертномъ
семъ тѣлеси пребываеши, различіа внѹтръ и
внѣ скорби и бѣди претерпѣти, но противѹ
ихъ имаши доволнѡ ѹтѣшатиса христовимъ
страданіемъ, и великимъ онымъ частію ѹже вос-
пріятимъ, частію же еще надѣлимъ блаженст-
вомъ. можешиже еще и нѣкаа реченіа зъ вели-
кагѡ онагѡ сокровища священнагѡ писаніа то-
еже подтверждающаа въ сердце твое воспріати.
къ Рим. е. г. и. иі. ді. б. къ Тим. в. аі. къ Евр. ві. а.
в. г. д. е. в. къ Корин. д. з. даже до иі. е. а. да-
же до ѡ.

293. Всеже сіе, еже даже доселѣ глаголахомъ
ѡ полѹчающомся блаженствѣ вѣрою въ
хрис-

сг (203)

христа, и Ѡ благословеннихъ плодахъ Ѡсю-
дѣ происходящихъ наилучше изображенное
есть въ слѣдующомъ реченіи павловома: Ѡ-
правдившесѧ Ѡбо вѣрою, миръ и мамы къ бо-
гѣ и прочаѧ, къ Рим. е. егда бо апостола си-
ми словами тогожде посланія своего Ѡ къ ри-
мляномъ четвертѣю главѣ заключилъ: хрис-
тосъ преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и
воста за Ѡправданіе наше, Ѡ Ѡснованія сего Ѡ
примиренія смертію христовою и востанія Ѡ
мертвухъ нашего Ѡ ради Ѡправданія, далѣе
глаголетъ: Ѡправдившесѧ Ѡбо вѣрою, миръ
и мамы къ богѣ господемъ нашимъ исъсѣхъ
христомъ. Иже и приведеніе Ѡ брѣтохомъ
вѣрою во благодать сію, въ немъ стоимъ, и
хвалимъ въ скорбѣхъ, вѣдающе, акѠ скорбь
терпѣніе содѣловаетъ. терпѣніе же искѣство, ис-
кѣство же Ѡпованіе, Ѡпованіе же не посрамитъ:
акѠ любовь божа изліся въ сердца наша
дѣхомъ свѣтилъ даннымъ намъ. аще бо
врази бывше примирихомъ бога смертію сы-
на егѠ: множае паче примирившесѧ спасемъ
въ животѣ егѠ. неточію же, но нхвалимъ Ѡ
возѣ господемъ нашимъ исъсѣхъ христомъ,
и.м-

сд (204)

имже нннѣ примиреніе приѡхомз. кз Рим. є.
имаши Ѹбо апостола вз примѣръ, какѡ рас-
патыи христосъ имать чрезъ вѣръ быти те-
бѣ, такѡ источникомъ спасеніа, акѡ и ис-
тиннагѡ свашеніа, еже аки естественнаа часть
кз спасенію нашему принадлежитъ.

294. Блаженъ еси, аще поданное кз семѡ нас-
тавление вз сердце твое воспримеши, и божію
благодатию плодъ Ѡсюдѡ возимѣеши; сице
обрѣтеши сокровище вса сокровища вз мѡрѣ
семъ превосходящее, тогда и азъ полѡчу сіе,
еже чрезъ мали мои сеи трѡдъ полѡчити же-
лахъ, и чесоради за тебе и за всакагѡ чита-
теля, многажди сердечнѣ бога молихъ.

295. Кз заключенію двѡкое еше Ѹвѣщаніе
предлагаю, вз остатнемъ слѣдѡщомъ ше-
стнадцатомъ разсѡжденіи.

SI.

296. Первое акѡ, аще тѡчаніе сердечное имѣ-
ши, такѡ распатаго христа познати, акѡже
зде наѡчилса еси, наслаждатиса его, и Ѡсюдѡ
сицевое сердце исполненное надежди, мѡра, ра-
дости и любви воспріати, во всемъ семъ неза-
бываа великіа твоеа слабости, невѣжества и
несо-

се (205)

несовершенства; дабы еси неужаснѣлся сегѡ, ниже малодѣшнимъ сотворишася, но паче бы вѣдалъ, акѡ никтоже междѣ всѣми ѡгодникамы божиими (акоже нѣкии ѡчитель глаголетъ) совершеннѡ въз свѣтъ семъ сии членъ вѣры поати и имѣти можетъ, ниже сегѡ ради проповѣдѣетсѧ ѡ семъ и тожде описѣетсѧ, дабы кто абіе совершеннѡ научилсѧ сегѡ, и абіе ннединаго же бы грѣха оцѣщалъ въз себѣ. акѡ тотже ѡчитель далѣе глаголетъ: въз евангелии вездѣ написано естъ: рече исѣсъ ко ѡченикомъ своимъ, и такѡ нарицаетъ христосъ апостоловъ вездѣ ѡчениками своими неѡчителами, ѡ ѡчениа, понеже всегда въз школѣ христовои обѣчались, ниже совершеннѡ сегѡ научилисѧ.

297. Блюдишасяже, данекакѡ ѡтѣшеніе сіе покрываломъ лѣниивства сотвориши, но паче, коликѡ болѣе слабости твоеа, скѣдоуміа и несовершенства въз части сии ѡцѣщаеши, толикѡ болшое да имѣеши прилѣжаніе призивати бога, да поможетъ слабости твоеи, и да сотворитъ вссгда болѣе и аснѣе свѣтъ истиннагѡ и неложнагѡ познаніа распатагѡ христа возсѧва-

CS (206)

ЛВАТН ВЪ ТЕМНОМЪ МѢСТѢ СЕРДЦА ТВОЕГѠ, ДА-
БЫ, АКѠЖЕ СОЛОМОНЪ ГЛАГОЛЕТЪ, СІАМЪ И МНО-
ЖИСА ДАЖЕ ДО СОВЕРШЕНСТВА ДНА. ПРИТЧ. Д. III. В.
Петр. а. д.і.

298. СЕГѠ РАДИ ПРИЛЕЖИ ВСѢМЪ СЕРДЦЕМЪ ТВО-
ИМЪ ЧТЕНІЮ СВАЩЕННГѠ ПИСАНІА, ВЪ НЕМЪЖЕ СТРА-
ДАНИЕ ХРИСТОВО И СЛАВА ЕГѠ СТРАДАНИЮ ПОСЛѢДЪ-
ЮЩАА ПРЕИЗРАДНѠ И ПРЕБЛАГОПРИАТНѠ ОЧЕСАМЪ
ТВОИМЪ ПРЕСТАВЛЯЕТСА, И НЕУСЪМНѢВАНСА ВЪ
СЕМЪ, АКѠ ВЪ ВѢРѢ ВЪ РАСПАТАГѠ ХРИСТА, НИ-
ЧТОЖЕ МОЖЕТЪ ТА УТВЕРДИТИ ИСКРѢПИТИ БО-
ЛѢЕ, И ВЪ СИЦЕВОИ ВѢРѢ ВСАКИМЪ МИРОМЪ И
РАДОСТІЮ ИСПОЛНИТИ ТА, АКОЖЕ ЧТЕНИЕ И РАЗ-
СЪЖДЕНИЕ СВАЩЕННАГѠ ПИСАНІА ЗЪ УСЕРДНОЮ МО-
ЛИТВОЮ БЫВАЕМОЕ, ТАКѠ ИСПОЛНИШИСА ВСАКИА
РАДОСТИ И МИРА ВЪ ВѢРѢ; **ИЗЫТОЧЕСТВѠА ВО
УПОВАНІИ, СИЛОЮ ДѠХА СВАТОГѠ. КЪ РИМ. ЕІ. ГІ.**

299. ВТОРОЕЖЕ УВѢЩАНІЕ КЪ ЗАКЛЮЧЕНІЮ ВСЕГѠ
РАЗСЪЖДЕНІА СЕГѠ ВОСПРИМИ СІЕ: ДАНЕКАКѠ ВОЗ-
МНИШИ, АКИБЫ ЧЕЛОВѢКЪ ТРЕБОВАЛЪ ОПРАВДА-
НІА РАСПАТАГѠ ХРИСТА ЕЖЕ ПРЕДЪ БОГОМЪ ВАЖ-
НОЕ ЕСТЬ КО ѠПРАВДАНИЮ СВОЕМЪ, ТОЧІЮ ВЪ НА-
ЧАЛѢ ХРИСТИАНСТВА СВОЕГѠ, ЕГДА ОНЪ ЕЩЕ ПОКА-
АНІЕ ТВОРИТЪ Ѡ МЕРТВИХЪ СВОИХЪ ДѢЛЪ, И ДА-
Ж

сз (207)

же досели ничтоже доброе и боговѣ благо-
приятное можаше творити; посемже въз про-
исхожденіи христіанства, акивы ѹже чело-
вѣкъ нетребоваѣ христа, и всегѡ сего еже въз мѣ-
сто насъ сотвориѣ, пострадаѣ и претерпѣѣ къ
ѡправданію своемѹ; акивы ѹже самъ чело-
вѣкъ силами зъ новагѡ рожденіа и свѣщеніа
восприятими многѡ добрихъ дѣѣлъ творити
возмогаѣ, и самимъ бы дѣломъ творилъ;
и аки бы единими ѹже точію сицевими дѣла-
ми возмогаѣ ѡправдитисѧ.

300. Вопреки подобаетъ тебѣ вѣдати сіе, а-
кѡ христа долженствѣши распятаго зъ совер-
шеннимъ егѡ послѣшаніемъ, еже онъ страда-
ніемъ своимъ въз мѣсто тебе и ради твоеа пол-
зы ѡцѹ своемѹ сотвориѣ, чрезъ все теченіе
христіанства твоегѡ даже досамагѡ конца,
аки единѹю надеждѹ твою и дражайшее со-
кровище имѣти и сохранѣти, и всегда крѣ-
пчае совершеннѣе и дерзновеннѣе постигати,
инакѡбо никакимъже ѡбразомъ ниже нама-
лѣишее время можеши милостивагѡ тебѣ-
имѣти бога, или истинни миръ имѣти въз сер-
дци твоемъ.

Да

СИ (208)

301. Да вѣдаешниже и сіе, акѠ Ѡправданіа се-
гѠ чрезъ спасителя твоегѠ неточію не подоба-
етъ тебѣ Ѡ вергати, но ниже подобаетъ тебѣ
что прилагати къ немѸ, и акѠ всемъ просто-
та истиннаа и чистота вѣры состоитса, егда
человѣкъ всю свою надеждѸ возлагаетъ на е-
диноє точію во вѣки пребывающее христово
оправданіе.

302. Въ семъ представляетъ тебѣ павелъ сама-
гѠ себе въ примѣрѣ, сице глаголющии: жи-
вѸ нектомѸ азъ, но живетъ во мнѣ
христосъ: а еже нынѣ живѸ во пло-
ти, вѣрою живѸ сына божіа, воз-
любившагѠ мене, и предавашагѠ себе по мнѣ.
не Ѡметаю благодати божіа. ащево зако-
номъ правда, Ѹбо христосъ тѸ неѸмре. къ Га-
лат. в. к. видиши какѠ глаголетъ апостолъ,
глаголетъ же сице не вначалѣ христіанства свое-
гѠ, но егда Ѹже многое время въ христіанст-
вѣ пожилъ, егда Ѹже апостоломъ христо-
вимъ сотворилса, и болшѸю мѣрѸ святости
имѣла. Которое разѸмѣніе свое и надрѸ-
гомъ мѣстѣ изображаетъ павелъ глагола:

НИЧЕ-

с.д. (209)

ничесоже себе свѣмз: но ни ѿ се мз ѿправда-
юса. кз Корин. а. д. д.

303. Наипачеже непремѣнными вз се мз, чи-
стыи и простыи разѹмз свои изображаетъ а-
постолз вз послании своемз, кз Филиппис. гл.
г. и. д. сице глагола: аже ми бахѹ приѿверѣ-
тениа, сѧ вѣнихз христа ради тцетѹ, но
ѹбо вѣнаю вса тцетѹ быти, за превосхо-
дѹщее разѹма христа исѹса господа моегѹ.
егоже ради всѹхз ѿщетихса, и вѣнаю вса
ѹмети быти, да христа приѿбращѹ, и ѿбращѹ
щсѧ вз немз немын моеѧ правды аже ѿ-
законѹ, но аже вѣрою исѹсз христовою, сѹ-
щею ѿ бога правдѹ вз вѣрѣ, акѹ разѹмѣ-
ти его и силѹ воскресениа егѹ, и соѿбщение стра-
стен егѹ, соѿбразѹасѧ смерти егѹ. аще ка-
кѹ достигнѹ вз воскресение мертвухз. елицы
ѹбо совершенны сѧ дамѹдрствѹемз. такѹ гла-
голетъ апостолз вз прешедшомз ѹже време-
ни, смотря на премѣнение мысли своеѧ вѣрою
вз первомз егѹ ѿбращении, и дабы всакз поз-
нати моглз, акѹ онз и вз настоящее время
тонжде разѹмз имѣетъ.

ѿце

си (210)

304. Яще Ѹбо кто инакъ мѡдрствуетъ, сеи нѣсть на истинномъ пѣти, и поне възглаголюмъ сегѡ иное имать евангеліе, нежели имѣаше петръ и павелъ съ прочими апостолами, еже и благовѣствовано естъ ѿ нихъ. Таковыи человекъ не помышляетъ, коль несовершенна вса наша свѣтость естъ, донелиже възсмертному сему тѣлеси пребываемъ, ащебы и совершенною быти показовалася възглаголюмъ житіа прочинихъ человекъ; и коль многѡ требуетса къ сему, дабы свѣтость и ѡправданіе предъ богомъ важное было. Таковыи человекъ ѡсюдъ, акѡже Ѹже прежде рѣхоу ѡ сему, неможетъ никоегоже истиннаго и вовемя искѣшеніа постолти могущаго имѣти покоеніа; но такѡ и емъ имать быти, акѡже иногда ноеви голубици, аже внѣ ковчега, неѡверѣте покоя стопѣ ноги своеѡ. быт. и. д. подобнѣ всакъ таковыи человекъ всегда имать аки междѸ небому и землею, или паче междѸ небому и пеклому носитиса, междѸ страхомъ и надеждою. таковыи

саі (211)

выи челоуѣкѣз, иже не имѣетѣз сицевагѡ евангелскаго разѹма, иже неразѹмѣа писаніа свѣтагѡ ѡ правдѣ и ѡ правданіи глаголющаго, гордын и кичащисѣа разѹмѣз свои въ мѣсто ѡснованіа полагаетѣз мнѣнію своемѹ, зѣдинагѡ сегѡ погрѣшеніа въ многаа инаа впадаетѣз погрѣшеніа и заблѹжденіа. и егда таковыи челоуѣкѣз воздвигнѹвши собственнѹю свою правдѹ помышляетѣз, акѡ къ назначенномѹ себѣ предѣлѹ всегда ближеа приходитѣз, или паче постигнѹти ѹже мнитсѣа, потреба есть емѹ весма, наконецѣз сѣз поканіемѣз и сердечнимѣз жалѣніемѣз къ богѹ ѡбратитисѣа, ащебы и сѣло доброе егѡ житіе быти показовалосѣа емѹ; и познати сіе, акѡ онѣз одѣ назначеннагѡ себѣ конца сѣла ѹдаленѣз есть, и привсен своен свѣтости, взглядомѣз грѣховѣз, аще несотвореннихѣз, аже дѣлаютсѣа дѣломѣз, словомѣз, помышленіемѣз и вожделѣніемѣз, поне ѹбо взглядомѣз грѣховѣз опѹщеніа, егда челоуѣкѣз внѣ или внѹтрѣз многаа добраа дѣла творити опѹщаетѣз, аже творити долженствѹетѣз, (которіа грѣ-

хи

сви (212)

хи некающисѧ человекѣцы обикаютъ предавати забвенію) и мѣетъ винѸ повсѧкъ день глаголати: господи не види възсѧдъ съ рабомъ твоимъ, акѡ не ѡправдится предъ тобою всѧкъ живыи **Уал. рмв.**

305. Не подобаетъ же разѸмѣти сице, дабы человекѣкъ такѡ Ѹтѣшалсѧ христомъ и ѡправданіемъ егѡ, воежебы оставити емѸ свѧщеніе и ѡбновленіе къ божию образѸ съ должнимъ послѣдованіемъ христовѣ, или поне не съ подобающимъ тѣцаніемъ сіе творити; акѡ же безчисленнии человекѣцы творятъ, аще и истиннимы хотѧтъ називатисѧ христианами; и сіѧ наипаче вина есть, акѡ множаншии Ѹченіе сіе ѡ единой точію предъ богомъ важной правдѣ исѸсъ христовой, и ѡ единомъ ѡправданіи егѡ, мнѧтъ быти неправое и весьма противное: но подобало бы сицевымъ человекѣкомъ и сіе вѣдати, акѡ такое словоупотребленіе Ѹченіѧ, не есть самое Ѹченіе, ниже приличествѸетъ опѸцати, или премѣнѧти Ѹченіе, ради словоупотребленіѧ Ѹченіѧ.

Про-

сгІ (213)

306. ПротнвѸ слоупотревленіа сегѠ и неправагѠ мнѣніа пространнѣе Ѹже вышше показоумз, какоуѸю власть ѠсюдѸ богз зновѸ надз челоуѣкомз восприамз, емѸже толь сѣлѠ принадлежитз спасеніе наше, и какоуѸю власть имѣетз надз нами исѸсз христосз иже толь драгѠ приѠверѣлз є; и вопреки, сѣло велиимз и важнимз обдолженіемз сегѠ ради богоуѣ обдолженни єсмы: такожде доволнѣ показахоумз, акѠ никтоже можетз Ѹтѣшатиса христомз и Ѡправданіемз егѠ, точно сен, иже нелицемѣриое сотворилз покааніе, и истиннѸю вѣрѸ Ѡ бога даннѸю имѣетз въ сердци своемз. такожде и сіе показахоумз, акѠ такоуаа вѣра сватое, блаженіое и благословенное своинство и состоаніе сердца содѣловаетз, и зз собою приноситз, въ чоумз наипаче состоитса свациеніе наше и Ѡбновленіе божіа Ѡбраза: всеже чрезз сіе, еже при прочинѸз воспоминаніахз остатнагѠ сегѠ разсѸжденіа поманѸхомз; никакоже потреблаетса, нопаچه потверждаетса.

Ниже

сдѣ (214)

307. Ниже такъ ѿ подобаетъ разумѣти сіе учене-
ніе, акыбы глаголахо. акъ всѣхъ есть слѣжи-
ти богу Малахіа г. дѣ. или акыбы трѣдъ
нашъ былъ тощъ предъ господемъ. къ Корин.
а. еі. ни. натѣхъжебо самихъ поманѣтихъ
мѣстахъ священнаго писанія противное по-
казуется: но весьма иное нѣчто есть сіе, а-
къ богу по богатствѣ благодати своея и
любви онаа добраа дѣла, аже чада егъ тво-
ратъ аще и съ великимъ несовершенствома,
христа ради милостивно приимаетъ, и тамъ-
де всакима благодатными награжденіями въ
временномъ и вѣчномъ житіи награждаетъ, ѿ
чесома никомаже молчати подобаетъ, много
паче не подобаетъ прекословити семъ, въ немъ-
же сщцомъ христіанинъ великое возбужденіе
и благодѣшіе состоитъ къ прилѣжномъ взи-
сканію священіа, и еже обогатитиса добримъ
дѣлами. Аѿк. с. ли. в. къ Корин. а. сі. зі.
ні. з. и. д. с. къ Галат. с, з. и. къ Евр. ас.
къ. и ноеже есть сіе, аще бы кто хотѣлъ
добраа дѣла акы ѿправданіе почитати, ихъ
же бы ради богу челоѣковѣ грѣшномъ

ми-

сеі (215)

милостивимъ сотворилсѧ, грѣхы емѸ ѿпѸ-
стилъ, и жизнь вѣчнагѸ блаженства даро-
валъ; чесого ниже въ Ѹмъ прѣти кто мо-
жетъ безъ Ѹничтоженїа чести и славы хри-
стовѣ аки единомѸ ходотаю подобаю-
щїа.

308. Вопрекиже такѸ подобаетъ разѸмѣти
Ѹчение сіе, акѸ треба есть весма христіанно-
вѣ имѣти свѣщенїе, безъ негоже никтоже Ѹ-
зритъ господа, кѸ Евр. вї. ді. и всегда болѣе
исполнатисѧ и плодотворнѣишимъ бывати;
но неподобаетъ никогдаже имѣти мнѣнїа
сегѸ, акибы Ѹже толь совершеннѣ свѣтъ
былъ, воежебы предъ божимъ сѸдомъ совсѧ-
кимъ дерзновенїемъ стати возмогалъ до-
брихъ ради своихъ дѣлъ, и акибы Ѹже не-
требовалъ неповннности христовїа, страда-
нїа, смерти, и воскресенїа егѸ, аки единаягѸ
Ѹправданїа своегѸ, еже предъ богомъ важ-
ное есть.

309. На конецъ неѸсѸмнѣвансѧ Ѹ семъ, а-
кѸ коликѸ простосердечнѣе Ѹпованїе сердца
твое-

CSI (216)

твоегѡ въ христѣ полагаеши, толикѡ бо-
лѣе имаши почитати Ѡправданіе егѡ, и толи-
кѡ крѣпчѣе имаши придержатисѧ егѡ: толикѡ
паче неточію мѣръ и радость чрезъ дѡха свѣта-
гѡ Ѡцѣдѣши въ сердци твоемъ, но и благо-
пріятіе и силѡ полѣчиши, воеже Ѡрецисѧ са-
магѡ себе, и всѧкагѡ везбожнаго житіѧ и
сладоу свѣтвѡвѧ во всѧкомъ искѡшеніи, и
имаши вопреки мѡжественнѣ подвижатисѧ, во
еже обогатитисѧ дѣлами добримѧ, и про-
водити житіе въ мѣрѣ семъ чистое, правед-
ное и благочестное.

310. Ящебо христосъ правда твоя есть и пребы-
ваетъ, ѡбо и свѣщеніе твое, тожде христосъ пре-
бываетъ. а. къ Кор. а. л. вѣроубо живеть
христосъ въ сердци твоемъ. къ Ефес. г. зѧ. и си-
це, аже лоза зъ рождемъ Іѡан. еѧ. е. и
акѡже ѡдъ зъ главою, такѡ ти съ христомъ
соединенъ еси, и можеши ѡже Ѡ исполненіѧ е-
гѡ почерпати дѡхъ и жизнь, силѡ и крѣпо-
сть къ повѣжденію дѡвола, и грѣха, и къ
показанію сицевагѡ житіѧ твоегѡ предъ бо-
гомъ

сзѣ (217)

гоумз и людми, каковое житіе подобаетъ и-
мѣти семѣ, въ немже христосъ и дѣхъ егѡ
ѡвитаетъ, и вса ѡправляетъ. Бегѡради
вышше ѡже поманѣхомъ, акѡ апостоли
христови наипаче зъ ѡченіа ѡ преизобилно-
благодатномъ ѡправданіи, воспримахѣ ѡче-
ніе ѡ свѣщеніи, неразлѣчаа никогдаже о-
боихъ сихъ частен; и ѡправданіа вѣ-
рою, всегда ѡпотреблахѣ, аки изрѣ-
днѣшагѡ обѣченіа къ свѣщенію, акѡ-
же вса писаніа ихъ свидѣтельствуютъ ѡ семъ.
на примѣръ: глаголетъ павелъ: нынѣже сво-
бождшеса ѡ грѣха поравоцшесаже богови,
имате плодъ вашъ во свѣтиню, кончинѣже
жизнь вѣчнѣю. къ Рим. 5. кв. ѡ семъже
смотри къ Колос. в. и. г. такожде а. Іѡан.
а. в. г.

311. аще и ты такѡ творити бѣдеши, несѣмѣн-
нѡ зъ болшимъ всегда благодѣшнимъ ѡпо-
ваніемъ имаше ожидать раздрѣшеніа твое-
гѡ ѡ тѣла, и ѡкровеніа славы великагѡ бо-
га и спаса нашегѡ исѣса христа, и тогда ѡже
непрестаннѡ понеложномъ божимъ ѡбѣща-
ніи,

снѣ (218)

нѣ, дражаншагѣ и преславнагѣ плода, или паче совершенна уже жатвы божіа благословенна, страданіемъ и крестомъ христовимъ приобрѣтеннагѣ имаши наслаждатиса.

312. На остатокъ сердечнѣ желаю тебѣ, возлюбленныи въ распатоу христѣ читателю, да бѣдетъ съ тобою временнѣ и вѣчнѣ совсѣмъ похваленіемъ честію и благодареніемъ во вѣки прославляемаа, совершеннаа, и неизобилнаа благодатъ, любовъ и милость господа нашегѣ исуса христа, спасеніа ради твоегѣ и всегѣ міа распатагѣ спасителя. потщисаже всѣмъ сердцемъ дабы онъ тебѣ былъ и пребывалъ все и во всемъ.

Ѳ. мнѣ.